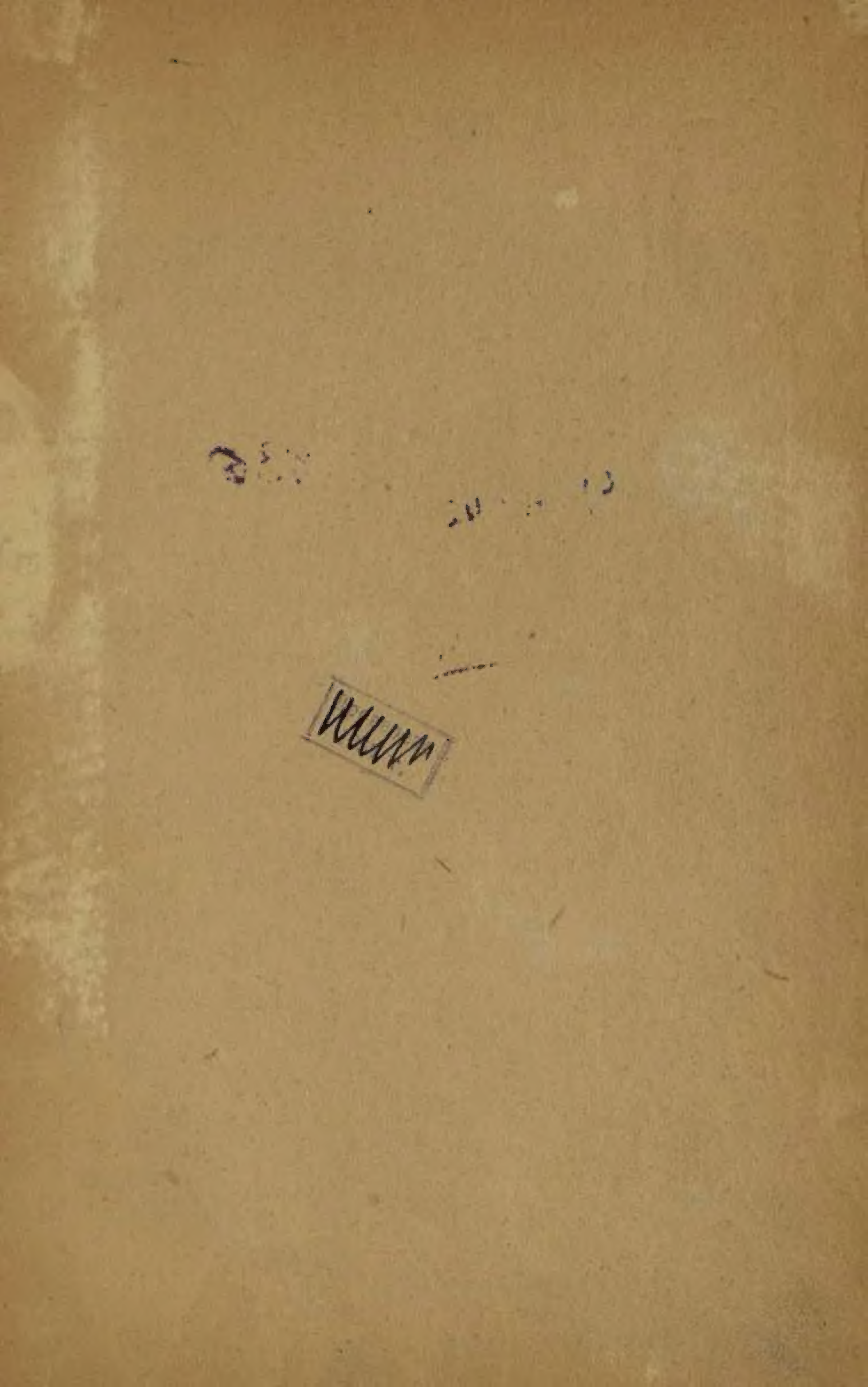

ИСТОРІЯ

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

сочиненіе

МИНЬЕ

переводъ съ 9-го (1865 г.) французскаго изданія

подъ редакціею и съ предисловіемъ

К. К. АРСЕНЬЕВА

и приложеніемъ нѣсколькихъ главъ изъ „РЕВОЛЮЦІИ", соч. Эдгара Кине

Изданіе 6-е

печатано безъ перемѣнъ съ 1-го русскаго изданія, допущеннаго въ библиотеки средне-учебныхъ заведеній

Издательство
О. Н. Поповой

1906

С.-Петербургъ
Невскій, 54

Типографія Спб. акц. общ. «Слово». Ул. Жуковскаго, 21.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сочиненіе Минье о французской революціи вышло въ свѣтъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ, во время реставраціи. Оно было чуть ли не первою исторіей революціи, заслуживающей этого названія. Попытки изобразить ходъ революціи, объяснить причины, оцѣнить значеніе ея были дѣлаемы и раньше, но дѣлаемы такими лицами, которыя сами принимали участіе въ ней или, по крайней мѣрѣ, стояли къ ней слишкомъ близко, чтобы взглянуть на нее спокойно и безпристрастно (Мунье, Малле-дю-Панъ, Неккеръ, Бертранъ-де-Моллевилль, Феррьеръ, госпожа Сталь). Для всѣхъ этихъ лицъ революція, даже подавленная, побѣжденная, не переставала быть настоящимъ, страшнымъ и грознымъ; для Минье, родившагося во время директоріи, вступившаго въ жизнь уже послѣ паденія Наполеона, она была прошедшимъ,—а прошедшее только одно можетъ быть предметомъ исторіи. Холодный и разсудительный, свободный отъ страстей, отъ предубѣжденій революціонной эпохи, Минье могъ разсѣять туманъ, ее окружавшій, возстановить событія въ ихъ настоящемъ видѣ, указать внутреннюю связь, существующую между ними, раскрыть логическую послѣдовательность тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ видѣли только случайность или злодѣйство. Обстановка, среди которой писалъ Минье, соотвѣтствовала какъ нельзя лучше характеру его таланта. Реакція противъ всего революціоннаго, сопровождавшая возвращеніе Бурбоновъ, миновала; броженіе умовъ, вызванное ею, усиленное испанскимъ государственнымъ переворотомъ, прекратилось въ свою очередь и уступило мѣсто кратковременному затишью. Франція 1824 или 1825 г. тяготилась существующимъ порядкомъ вещей, но не теряла еще надежды измѣнить его путемъ легальной, мирной оппозиціи. Министерство Виллеля не доходило еще до прямыхъ покушеній на гражданское равенство, на свободу совѣсти, на свободу печати; Карлъ X еще не отдался вполнѣ въ руки конгрегаціи и іезуитовъ. Между Бурбонами и Франціей было заключено какъ бы перемиріе;

наслѣдникамъ Людовика XVI данъ былъ послѣднiй шансъ, послѣднiй случай доказать, что они кое-что забыли и кое-чему научились. Въ этотъ переходный моментъ революцiя XVIII вѣка должна была представляться французамъ какъ нѣчто пережитое, законченное; они должны были обращать вниманiе больше на ея цѣли, еще не вполнѣ достигнутыя, нежели на ея средства, къ которымъ они не думали возвращаться; изъ числа самыхъ цѣлей они должны были останавливаться преимущественно на ближайшихъ, менѣе спорныхъ. Отсюда возможность хладнокровнаго отношенiя къ революцiи, немыслимаго въ такое время, когда ожидается со дня на день возобновленiе борьбы. Отсюда объективность, не исключающая, впрочемъ, сочувствiя къ перевороту,—объективность, составляющая отличительную черту сочиненiя Минье и отводящая ему особое мѣсто посреди всѣхъ и другихъ исторiй революцiи. Благодаря этой особенности, благодаря также сжатому, ясному, точному изложенiю, книга Минье не потеряла значенiя и до сихъ поръ, несмотря на всю массу историческихъ трудовъ, послѣдовавшихъ за нею. Она служитъ какъ бы введенiемъ къ этимъ трудамъ; она облегчаетъ изученiе ихъ, сводя въ одно цѣлое главнѣйшiе факты, рельефно выставляя на видъ общiй ходъ событiй. Она занимаетъ середину между учебникомъ и ученымъ трудомъ, соединяя наглядность перваго съ самобытностью послѣдняго, приближаясь къ учебнику по своему объему, къ ученому труду по серьезности и иногда по глубинѣ мысли. Взглядъ на революцiю, на ея дѣятелей, на ея стремленiя и результаты во многомъ измѣнился съ тѣхъ поръ, когда писалъ Минье; множество фактовъ открыто вновь, множество другихъ освѣщено совершенно иначе; но сочиненiе Минье, нейтральное по внутреннему характеру своему и не входящее въ подробный разборъ отдѣльныхъ фактовъ, пострадало отъ времени не слишкомъ сильно. Въ тѣхъ размѣрахъ и по той программѣ, какихъ держался Минье, исторiя революцiи не была изложена послѣ него, кажется, никѣмъ. Мы надѣемся, поэтому, что переводъ его книги, еще недавно выдержавшей новое изданiе во Францiи, не будетъ излишнимъ для русской публики.

Если не считать учебниковъ, съ исторiей французской революцiи можно познакомиться на русскомъ языкѣ только по двумъ книгамъ: „Исторiя XVIII вѣка", Шлоссера, и „Исторiя французской революцiи и ея времени" *). О „Старомъ порядкѣ и революцiи" Токвиля мы не говоримъ, какъ потому, что русскiй переводъ этой книги крайне дуренъ и едва удобочитаемъ, такъ и потому, что она касается не

*) Писано въ 1865 г.

самой революціи, а времени, непосредственно предшествовавшаго ей. Исторія Шлоссера имѣетъ много несомнѣнныхъ достоинствъ, но не отличается ни ясностью, ни стройностью изложенія, предлагаетъ иногда матеріалы въ сыромъ, почти неразработанномъ видѣ, высказываетъ мнѣнія, не развивая и не мотивируя ихъ, часто останавливается на мелочахъ, упуская изъ виду обстоятельства болѣе существенныя. На большинство читателей книга Шлоссера производитъ смутное впечатлѣніе, которое можетъ быть осмыслено, упрочено только внимательнымъ и подробнымъ изученіемъ ея. Притомъ въ разсказѣ Шлоссера революція составляетъ только эпизодъ, сливающійся въ одно цѣлое съ другими современными событіями; она занимаетъ собою не болѣе одного изъ восьми томовъ „Исторіи XVIII вѣка". Сочиненіе Зибеля о революціонной эпохѣ принадлежитъ, безспорно, къ числу самыхъ замѣчательныхъ трудовъ по этому предмету; но взятое отдѣльно отъ другихъ, оно не можетъ дать ни полнаго знакомства съ фактическою стороною, ни безпристрастнаго взгляда на характеръ и смыслъ революціи. Зибель поставилъ себѣ задачей не столько повторить, сколько дополнить и исправить дѣло своихъ предшественниковъ. Въ сочиненіи его нѣтъ, поэтому, строгой соразмѣрности между частями: объ одномъ онъ говоритъ очень подробно, на другое только намекаетъ, о третьемъ умалчиваетъ совершенно. Онъ постоянно предполагаетъ, что главныя событія революціи уже извѣстны его читателямъ, и дорожитъ больше оригинальностью, чѣмъ полнотою изложенія. Онъ обращаетъ вниманіе преимущественно на тѣ факты, которые до тѣхъ поръ не были раскрыты вовсе или были представлены не въ истинномъ ихъ свѣтѣ. Приступая, напримѣръ, къ описанію суда надъ королемъ, онъ предупреждаетъ, что нѣкоторыя стороны этого дѣла, знакомыя всѣмъ и каждому, будутъ упомянуты имъ только въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для общей связи разсказа. Взятіе Бастиліи занимаетъ у него менѣе страницы; событія 5-го и 6-го октября изложены, наоборотъ, очень подробно, потому что онъ объясняетъ ихъ иначе, чѣмъ большинство историковъ. Дипломатическія сношенія, военныя дѣйствія, финансовыя дѣла, экономическіе вопросы стоятъ у Зибеля на первомъ мѣстѣ; пренія законодательныхъ собраній, столкновенія партій, народныя движенія отодвинуты на задній планъ. Въ книгѣ Минье, несмотря на сравнительно небольшой объемъ ея, можно найти больше отрывковъ изъ парламентскихъ рѣчей того времени, чѣмъ въ сочиненіи Зибеля. О безпристрастномъ отношеніи къ революціи у Зибеля нѣтъ и рѣчи: онъ пишетъ съ предвзятою мыслью, съ явно полемическими намѣреніями. Въ сочиненіи Зибеля отразилось цѣлое политическое ученіе,

господствующее до сихъ поръ въ нѣмецкой исторической наукѣ. Зибель не принадлежитъ къ числу защитниковъ стараго порядка вещей; онъ считаетъ и до извѣстной степени имѣетъ право считать себя либераломъ; но середина, которой онъ хочетъ держаться, на самомъ дѣлѣ гораздо ближе къ правой сторонѣ, нежели къ лѣвой. Глубоко убѣжденный въ томъ, что слѣпое увлеченіе революціей—результатъ неправильнаго пониманія ея—послужило для Германіи, особенно въ 1848 г., источникомъ самыхъ серьезныхъ политическихъ ошибокъ, Зибель старается низвести революцію съ ея пьедестала, сорвать съ нея покровъ величія и поэзіи, надѣтый на нее услужливыми историками. Онъ доказываетъ вездѣ и всегда ошибочность ея ученій, порочность, эгоизмъ или бездарность ея героевъ, громадность и безплодность жертвъ, которыхъ она стоила народу. Въ своихъ варіаціяхъ на эту тему онъ ссылается иногда на матеріалы, извѣстные ему одному, на документы, хранящіеся въ архивахъ и недоступные для публики, не приводя ихъ подлиннаго текста и заставляя читателей принимать его мнѣніе безъ всякой повѣрки. Тому, кто изучаетъ подробно исторію революціи, невозможно обойтись безъ сочиненія Зибеля, во многихъ отношеніяхъ ничѣмъ не замѣнимаго; но для первоначальнаго знакомства съ нею оно рекомендовано быть не можетъ.

Въ сравненіи съ другими сочиненіями о революціи, не переведенными до сихъ поръ на русскій языкъ, книга Минье имѣетъ, какъ мы уже сказали, преимущество краткости,—преимущество, конечно, не безусловное, но дѣлающее ее наиболѣе удобной для перевода. Для громадныхъ сочиненій Тьера, Мишле, Л. Блана едва ли нашлось бы много читателей въ нашей публикѣ. Человѣка, мало знакомаго съ исторіей революціи, они подавили бы массою фактовъ, обиліемъ подробностей, ими сообщаемыхъ. Сочиненіе Тьера, написанное почти въ одно время съ сочиненіемъ Минье, устарѣло гораздо больше, именно потому, что разработка деталей, которой почти вовсе нѣтъ у Минье, подвинулась съ тѣхъ поръ довольно сильно. Фаталистическій взглядъ, свойственный Минье, доведенъ у Тьера до самыхъ крайнихъ предѣловъ и принимаетъ во многихъ мѣстахъ характеръ преклоненія передъ силой, передъ успѣхомъ, передъ совершившимся фактомъ. Тьеръ и не думаетъ, напримѣръ, сомнѣваться въ законности насильственныхъ мѣръ, принятыхъ противъ народа на Марсовомъ полѣ 17-го іюля 1791 г., потому что на этотъ разъ насиліе удалось партіи порядка. Онъ называетъ жирондистовъ самыми просвѣщенными и самыми великодушными людьми тогдашней Франціи; онъ завидуетъ ихъ участи, онъ удивляется мужеству, съ которымъ они возставали противъ учрежденія революціон-

наго трибунала; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждаетъ, что оппозиція ихъ была опасна, негодованіе безразсудно, что они повредили дѣлу революціи и свободы, что ожесточеніе, съ которымъ они защищали умѣренный образъ дѣйствій, сдѣлало его невозможнымъ на будущее время. Жирондисты пали—и этого довольно для Тьера, чтобы признать паденіе ихъ вполнѣ заслуженнымъ. Онъ сочувствуетъ Дантону, но оправдываетъ его казнь, потому что комитетъ общественнаго спасенія, „послѣ удара, нанесеннаго ультра-революціонерамъ (Геберу и др.), долженъ былъ нанести ударъ и умѣренной партіи". Припомнимъ, наконецъ, что Тьеръ открыто провозглашаетъ необходимость 18-го брюмера и не находитъ для него ни одного слова осужденія, между тѣмъ какъ Минье называетъ его нарушеніемъ права, посягательствомъ на свободу. „Я писалъ,—говоритъ Тьеръ на послѣдней страницѣ своей книги,—безъ ненависти, сожалѣя объ ошибкахъ, уважая добродѣтель, удивляясь величію, стараясь угадать глубокіе виды провидѣнія и преклоняясь передъ ними, какъ скоро мнѣ казалось, что я угадалъ ихъ". Если принять въ соображеніе, что для Тьера ошибка однозначительна съ неудачей, величіе—съ побѣдой, то нельзя не признать, что въ выше приведенныхъ словахъ заключается довольно точная характеристика его „Исторіи французской революціи".

Послѣ выхода въ свѣтъ сочиненій Минье и Тьера прошло около двадцати лѣтъ, въ продолженіе которыхъ не появилось во Франціи ни одного капитальнаго труда по исторіи революціи. Разработка ея, конечно, не прекращалась, число историческихъ матеріаловъ постоянно возрастало; особенная заслуга въ собраніи и группировкѣ ихъ принадлежитъ Бюше и Ру, издателямъ „Парламентарной исторіи" (Histoire parlamentaire), состоящей изъ нѣсколькихъ десятковъ томовъ и посвященной исключительно концу XVIII вѣка. Незадолго до 1848 г. исторія революціи обогатилась почти одновременно сочиненіями Ламартина, Мишле и Луи Блана *). „Исторія жирондистовъ". Ламартина, не можетъ быть названа историческимъ произведеніемъ въ полномъ смыслѣ этого слова: фантазія преобладаетъ въ ней надъ мыслью, краснорѣчіе, часто обращающееся во фразерство,—надъ серьезнымъ изслѣдованіемъ предмета; но въ свое время она имѣла огромное вліяніе на умы и усилила интересъ къ изученію революціи. Нѣкоторые портреты—напримѣръ, Верньо, Дюмурье, Марата—начертаны въ ней мастерски; нѣкоторыя сцены—напримѣръ, процессъ и казнь жи-

*) Изъ числа этихъ трехъ сочиненій послѣднее приведено къ концу не раньше 1860 г., но первые тома его, чуть ли не самые замѣчательные, вышли въ свѣтъ въ 1847 г.

рондистовъ—не могутъ быть прочитаны и теперь безъ сильнаго, глубокаго чувства. „Исторія Учредительнаго Собранія" (Histoire des Constituantes), изданная Ламартиномъ нѣсколько позже, соединяетъ въ себѣ всѣ недостатки „Исторіи жирондистовъ" и только немногія изъ ея достоинствъ.

„Исторія французской революціи" Мишле принадлежитъ, подобно всѣмъ сочиненіямъ этого автора, къ числу книгъ неудобопереводимыхъ, по крайней мѣрѣ, въ полномъ ихъ объемѣ. Содержаніе у Мишле трудно отдѣлить отъ формы,—такъ она своеобразна и оригинальна. Его слогъ, цвѣтистый и изысканный, полный образовъ и метафоръ, то страстный, то тривіальный, утомителенъ даже въ подлинникѣ, несмотря на безспорныя красоты его, и былъ бы совершенно невыносимъ въ переводѣ—развѣ, еслибы переводчикъ былъ такимъ же художникомъ, какъ и авторъ. Обладая искусствомъ схватывать иногда отличительное свойство эпохи, господствующую черту характера, Мишле не знаетъ мѣры въ своемъ психологическомъ анализѣ, впадаетъ то въ мелочность, то въ парадоксальность, увлекается жаждою эффектовъ и часто жертвуетъ ей всѣмъ, даже авторскою добросовѣстностью. По справедливому замѣчанію Тена, пристрастнаго вообще скорѣе въ пользу, чѣмъ противъ Мишле, сочиненія послѣдняго оставляютъ въ читателѣ не убѣжденіе, а сомнѣніе—сомнѣніе не только въ правильности взглядовъ историка, но и въ достовѣрности фактовъ, имъ сообщенныхъ. Въ исторіи революціи Мишле хотѣлъ, между прочимъ, прославить Дантона и унизить Робеспьера; эта предвзятая мысль не могла не повредить его книгѣ. Кине хвалитъ Мишле за его гуманность, за его состраданіе къ жертвамъ революціи, за то, что система нигдѣ не подавляетъ въ немъ естественнаго чувства, но эта похвала имѣетъ значеніе больше отрицательное, нежели положительное,—она направлена противъ Луи Блана, въ которомъ, по мнѣнію Кине, естественное чувство слишкомъ часто заглушается системой.

Справедливо ли мнѣніе Кине о Луи Бланѣ? Подробное разсмотрѣніе этого вопроса повело бы насъ слишкомъ далеко; скажемъ только, что если въ сочиненіи Мишле замѣтно желаніе превознести Дантона, то „Исторія французской революціи" Л. Блана можетъ быть названа преднамѣренною апоѳеозой Робеспьера. Отсюда снисходительность къ террору, попытки доказать его необходимость, несправедливое отношеніе ко всѣмъ тѣмъ, кто пытался остановить его. Л. Бланъ далеко не свободенъ отъ фразерства, свойственнаго большинству французскихъ писателей: онъ часто смѣшиваетъ декламацію съ краснорѣчіемъ, ритирическую шумиху—съ энергіей. Подробность его разсказа мѣстами доходитъ до мелочности: изъ историка онъ обращается иногда въ слѣдователя

или въ хроникера. Нѣкоторыя главы—напримѣръ, глава о Людовикѣ XVI или о королевиномъ ожерельѣ — могутъ быть названы скорѣе разборомъ уликъ, нежели критикой историческихъ данныхъ. Несмотря на всѣ эти недостатки, книга Л. Блана занимаетъ высокое, покамѣстъ, можетъ быть, даже самое высокое мѣсто въ ряду сочиненій, посвященныхъ французской революціи. Задача историческаго труда, въ высшемъ смыслѣ этого слова, исполнена Л. Бланомъ далеко не вполнѣ, но всетаки онъ ближе къ исполненію ея, чѣмъ другіе историки революціонной эпохи. Никто изъ нихъ не прослѣдилъ такъ глубоко развитія идей и учрежденій, въ которыхъ таятся первыя сѣмена революціи; никто изъ нихъ не представилъ такой блестящей и широкой картины состоянія Франціи передъ 1789 г. Въ этой картинѣ есть нѣкоторая искусственность, колоритъ ея не вездѣ вѣренъ оригиналу; но взятая въ цѣломъ, она вводитъ насъ во всѣ области матеріальнаго быта, во всѣ изгибы умственной жизни французовъ XVIII вѣка. Исторія первыхъ двухъ лѣтъ революціи также принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ отдѣловъ книги Л. Блана. Съ громадною, величавою дѣятельностью Учредительнаго Собранія никто не знакомитъ насъ лучше Л. Блана; но она не отвлекаетъ его вниманія отъ другихъ явленій, идущихъ параллельно съ нею. Заговоры придворныхъ и аристократовъ, народныя движенія въ Парижѣ и волненія въ провинціяхъ, переворотъ, совершающійся въ журналистикѣ и литературѣ, въ понятіяхъ и нравахъ,—однимъ словомъ, всѣ различныя стороны политической и общественной жизни очерчены Л. Бланомъ съ такою полнотою, какой напрасно было бы искать у другихъ историковъ революціи. Онъ располагалъ матеріалами, которыми никто не пользовался до него: онъ нашелъ въ British Museum огромную коллекцію газетъ, брошюръ, прокламацій, относящихся ко временамъ революціи и раскрывающихъ, если можно такъ выразиться, оборотную, неоффиціальную сторону ея. Не всегда безпристрастный, Л. Бланъ всегда добросовѣстенъ; многочисленныя цитаты и ссылки, тѣмъ болѣе важныя, чѣмъ менѣе извѣстны и доступны источники, въ нихъ приводимые, даютъ возможность провѣрить каждое показаніе историка. Другая особенность Л. Блана, также драгоцѣнная, заключается въ томъ, что онъ не игнорируетъ своихъ предшественниковъ, не избѣгаетъ критическаго отношенія къ нимъ, а, напротивъ того, вступаетъ въ полемику каждый разъ, когда расходится съ ними по какому-нибудь серьезному вопросу. Вторая половина книги уступаетъ первой; въ послѣднихъ главахъ, обнимающихъ собою исторію Конвента послѣ 9-го термидора, замѣтны усталость и торопливость, — но это еще не значитъ, чтобы онѣ были лишены достоинства и интереса. Со

временемъ, при большемъ распространеніи историческихъ знаній, переводъ Л. Блана на русскій языкъ или, по крайней мѣрѣ, подробное извлеченіе изъ него будетъ отличнымъ пріобрѣтеніемъ для русской публики. Мы надѣемся, что переводъ Минье ускоритъ наступленіе этого времени, во всякомъ случаѣ еще довольно отдаленнаго.

Сочиненія Ламартина, Мишле и Л. Блана носятъ на себѣ явные слѣды революціоннаго энтузіазма, овладѣвшаго Франціей передъ 1848 годомъ; „Исторія Національнаго Конвента", Баранта, служитъ выраженіемъ реакціи, наступившей въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Барантъ старается быть спокойнымъ и объективнымъ; но спокойствіе его переходитъ въ безжизненность и сухость, сквозь объективность проглядываетъ какая-то старческая, брюзгливая антипатія къ революціонной эпохѣ. Пренія Національнаго Конвента изложены у Баранта довольно обстоятельно и полно; но этимъ и ограничивается значеніе его книги. Застой, водворившійся послѣ декабрьскаго переворота въ умственной жизни Франціи, былъ нарушенъ въ 1856 г. „Старымъ порядкомъ и революціей", Токвиля, этимъ глубокимъ и страстнымъ протестомъ противъ абсолютизма и нравственной летаргіи, во имя жизни, движенія и свободы. Токвиль успѣлъ написать только введеніе къ исторіи революціи; но свѣтъ, брошенный имъ на ея причины, не могъ не отразиться и на общемъ пониманіи ея. Отчасти подъ вліяніемъ Токвиля, отчасти вслѣдствіе общаго пробужденія умовъ, изученіе революціи возобновилось послѣ 1860 г. съ новою силой; но дѣятельность историковъ сосредоточилась преимущественно на собраніи матеріаловъ и на составленіи монографій, спеціальныхъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ лицахъ или отдѣльныхъ событіяхъ революціонной эпохи. Недоставало сочиненія, которое, возвысившись надъ частностями, воспользовалось бы всѣмъ сдѣланнымъ до сихъ поръ, всѣми опытами послѣдняго времени, чтобы установить новую точку зрѣнія на революцію. Этотъ недостатокъ восполненъ вышедшимъ недавно въ свѣтъ сочиненіемъ Эдгара Кине: „La Révolution". По глубинѣ мысли, по оригинальности взглядовъ, по искренности чувства, по мастерству изложенія книга Кине можетъ быть поставлена на ряду съ лучшими произведеніями французской исторической литературы. Для Кине не существуетъ другого кумира, кромѣ свободы и человѣческаго достоинства. Онъ не поклоняется безусловно ни одному изъ дѣятелей революціи, не осуждаетъ безусловно ни одного изъ нихъ; сочиненіе его не имѣетъ ничего общаго ни съ обвинительнымъ актомъ, ни съ защитительною рѣчью. Онъ соединяетъ въ себѣ проницательность историка, раскрывающаго неизбѣжную связь событій, со строгостью моралиста, для котораго зло не перестаетъ быть зломъ, чѣмъ бы

ни было вызвано оно. Никто, даже Токвиль, не содѣйствовалъ такъ сильно опроверженію парадокса, видящаго въ гражданскомъ равенствѣ послѣднее слово революціи, въ плебейской диктатурѣ—полное осуществленіе ея; никто не оцѣнилъ такъ правильно и такъ мѣтко всю важность роли, которую играла свобода въ переворотѣ 1789 г. Никто не отрѣшился такъ полно отъ революціонныхъ предразсудковъ, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ до такой степени вѣрнымъ духу революціи. Главный недостатокъ Кине — узкій, нѣсколько рутинный взглядъ на соціальные вопросы. При всѣхъ достоинствахъ своихъ, книга Кине не можетъ, однако, замѣнить собою ни одного изъ прежде названныхъ нами сочиненій: она заключаетъ въ себѣ, собственно говоря, не исторію революціи, а философскій взглядъ на эту исторію. О фактической полнотѣ Кине заботится гораздо меньше, чѣмъ Зибель: онъ говоритъ только о тѣхъ событіяхъ, которыя необходимы для развитія его мысли. Вполнѣ понятнымъ, поэтому, Кине можетъ быть только для тѣхъ, кто уже знакомъ, и знакомъ довольно хорошо, съ исторіей революціонной эпохи. Извлеченіями изъ Кине, помѣщаемыми въ концѣ книги, мы желали дать понятіе о манерѣ этого писателя, о характеристическихъ его свойствахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дополнить разсказъ Минье по нѣкоторымъ пунктамъ, особенно важнымъ и интереснымъ.

Изъ нефранцузскихъ сочиненій о революціи 1789 г. заслуживаетъ вниманія, кромѣ Зибеля, только „The french revolution", Карлейля. Книга Карлейля написана съ его обыкновеннымъ талантомъ, но объ изученіи на основаніи ея французской революціи не можетъ быть и рѣчи. Ея характеръ болѣе лирическій, чѣмъ историческій: это пѣснь о революціи, то торжественная, то печальная, то ироническая; это поэма, сюжетъ которой заимствованъ изъ исторіи. Въ картинѣ, которую представляетъ намъ Карлейль, всюду разлито движеніе, всюду кипитъ жизнь, но это жизнь, созданная воображеніемъ автора, расцвѣченная цвѣтами его фантазіи, вѣрная, можетъ быть, психологически, но едва ли сходная съ дѣйствительностью. Карлейль ненавидитъ или любитъ своихъ героевъ чисто личнымъ чувствомъ, бранитъ и поучаетъ ихъ, даетъ имъ прозвища (Лафайетъ — Сципіонъ Американскій), угадываетъ ихъ мысли, вступаетъ съ ними въ споръ, требуетъ отъ нихъ отчета, преслѣдуетъ ихъ язвительными насмѣшками. „Скажи, о побѣдоносный Ламбескъ, — восклицаетъ онъ, напримѣръ, — зачѣмъ ты не гонишься за толпою по аллеямъ Тюильрійскаго сада?" — „Моцу, хмурь твои мрачныя брови и смотри хорошенько твоими крысьими глазами!"—„На что ты разсчитываешь, Флессель? Кошка можетъ играть съ плѣнною мышью; но развѣ ты не знаешь, что опасно играть съ бѣшенымъ національнымъ тиг-

ромъ!" Даже названія главъ — „Мыльные пузыри", „Брезе — Меркурій", „Броли — богъ войны" — носятъ на себѣ слѣды капризнаго остроумія Карлейля. Вся его книга — постоянный фейерверкъ, иногда освѣщающій событія поразительно-яркимъ свѣтомъ, но утомляющій, почти ослѣпляющій читателя именно непрерывностью своею. Карлейля не безъ основанія сравниваютъ съ Мишле: у обоихъ та же искусственность, та же парадоксальность, не исключающая, время отъ времени, проблесковъ геніальной мысли. Къ книгѣ Минье сочиненіе Карлейля относится — позволяемъ себѣ это сравненіе, потому что оно служитъ вполнѣ вѣрнымъ выраженіемъ нашей мысли — какъ роскошный дессертъ къ насущному хлѣбу.

Въ сочиненіи Минье есть неполноты и пробѣлы, зависящіе отчасти отъ плана, которому слѣдовалъ писатель, отчасти отъ недостаточности матеріаловъ, которыми располагала въ то время историческая наука. Восполнить всѣ эти пробѣлы — значило бы предложить читателямъ не переводъ, а передѣлку книги Минье. Они не нарушаютъ общей гармоніи разсказа и, оставляя неразъясненной ту или другую сторону событій, почти нигдѣ не даютъ ложнаго понятія о нихъ. Мы ограничимся, поэтому, немногими замѣчаніями, главная цѣль которыхъ — указать читателямъ, гдѣ именно они могутъ найти недостающее у Минье или провѣрить неточно изложенное имъ. Въ настоящей статьѣ мы не выйдемъ за предѣлы той эпохи, которую обнимаетъ собою первый томъ Минье: замѣчанія, относящіяся къ позднѣйшимъ годамъ революціи, будутъ включены нами въ составъ второго тома.

Введеніе въ исторію революціи составляетъ, можетъ быть, задачу болѣе трудную, нежели самая исторія революціи. „Исторія, — говоритъ Л. Бланъ въ предисловіи къ своей книгѣ, — не начинается и не оканчивается нигдѣ". Къ революціи 1789 г. эти слова примѣняются какъ нельзя лучше. Переворотъ, до такой степени громадный, приготовлялся не годами, а цѣлыми вѣками. Какъ провести черту между событіями, соединенными и не соединенными съ нимъ живою, внутреннею связью? На чемъ остановиться, переходя отъ ближайшихъ причинъ его къ причинамъ болѣе отдаленнымъ? Несправедливо было бы, поэтому, упрекать историка, начинающаго свой разсказъ прямо съ первыхъ вспышекъ или съ первыхъ признаковъ движенія. Объяснить причины революціи — это трудъ совершенно самостоятельный, огромный, никѣмъ еще не исполненный до сихъ поръ въ полномъ его объемѣ. Токвиль посвятилъ ему нѣсколько лѣтъ своей жизни — и успѣлъ окончить только одну небольшую часть его. Онъ возстановляетъ предъ нами съ неподражаемымъ искусствомъ административное и сословное устройство старой монархіи, характеризуетъ въ глав-

ныхъ чертахъ вліяніе этого устройства на умственную жизнь французовъ, разъясняетъ значеніе реформъ, предпринятыхъ и совершенныхъ Людовикомъ XVI, но оставляетъ въ сторонѣ развитіе идей, достигшихъ господства въ XVIII вѣкѣ, постепенное образованіе учрежденій, съ которыми должны были вступить въ борьбу эти идеи. Л. Бланъ разработалъ всего больше именно тѣ вопросы, которыхъ не коснулся Токвиль: онъ прослѣдилъ идею политической свободы до общинъ среднихъ вѣковъ, идею протеста—до Гуса, но не исчерпалъ, и не могъ исчерпать, безконечнаго богатства матеріаловъ, едва затронутыхъ до него. Зибель игнорируетъ почти совершенно умственное движеніе, предшествовавшее революціи, но изучаетъ довольно внимательно ея ближайшія экономическія причины и даетъ драгоцѣнныя статистическія свѣдѣнія о поземельной собственности во Франціи до 1789 г., о распредѣленіи ея между крупными и мелкими землевладѣльцами, о положеніи крестьянъ и рабочихъ и, наконецъ, о бюджетѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ застала его революція. У этихъ трехъ писателей (Токвиля, Зибеля и Л. Блана), вмѣстѣ взятыхъ, можно найти все то, о чемъ умалчиваетъ Минье, спѣша къ открытію генеральныхъ штатовъ. Довольно подробно Минье излагаетъ только попытки реформъ, сдѣланныя при Людовикѣ XVI, предпославъ имъ самый краткій обзоръ положенія Франціи въ моментъ воцаренія этого государя. Нельзя не замѣтить однако, что этотъ обзоръ начертанъ мастерскою рукой. Минье обладаетъ искусствомъ выражать множество мыслей въ немногихъ словахъ,—и это искусство нигдѣ не проявляется такъ ярко, какъ на первыхъ страницахъ его исторіи. Говоря, напримѣръ, о контрастѣ между политическимъ безправіемъ дворянъ и феодальными преимуществами ихъ, Минье пролагаетъ дорогу извѣстной теоріи Токвиля о причинахъ упадка французскаго дворянства, въ противоположность могуществу англійской аристократіи *).

Знаменитыя слова Мирабо, произнесенныя въ засѣданіи 23-го іюня, считались достовѣрнымъ историческимъ фактомъ, пока Л. Бланъ не заявилъ сомнѣнія въ подлинности ихъ. Онъ указалъ на то, что въ современныхъ источникахъ—въ Монитерѣ, въ мемуарахъ Бальи, въ газетѣ Баррера, бывшаго

*) Изъ числа сочиненій, не относящихся спеціально къ исторіи французской революціи, но могущихъ дать понятіе объ умственномъ движеніи, предшествовавшемъ ей, назовемъ „Исторію XVIII вѣка“ Шлоссера, „Исторію всеобщей литературы XVIII вѣка“, Геттнера (т. II), переведенную недавно на русскій языкъ, и въ особенности „Исторію цивилизаціи въ Англіи“, Бокля (т. II). Глава, посвященная Боклемъ изложенію причинъ французской революціи, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ отдѣловъ его книги.

членомъ собранія, въ отчетѣ, данномъ самимъ Мирабо избирателямъ своимъ,—слова Мирабо приведены въ другой формѣ, гораздо менѣе рѣзкой и сильной. „Если вамъ поручено вывести насъ отсюда, — сказалъ онъ оберъ-церемоніймейстеру Брезе, — вамъ придется употребить вооруженную силу, потому что мы не разойдемся до тѣхъ поръ, пока насъ не разгонятъ штыками". Восклицанія: „Гдѣ же враги наши?"—„Ужъ не Катилина ли подъ стѣнами нашего города?"—„Подите и скажите вашему господину, что мы здѣсь по волѣ народа",—принадлежатъ, по мнѣнію Л. Блана, къ числу вымысловъ, переходящихъ отъ одного историка къ другому именно вслѣдствіе эффектности ихъ. Между тѣмъ они могутъ дать ложное понятіе о духѣ, господствовавшемъ въ то время въ рядахъ Учредительнаго Собранія. Среднее сословіе, вступивъ въ борьбу съ дворянствомъ и духовенствомъ, не хотѣло усложнять своего положенія открытымъ разрывомъ съ короной. Преданное королю по убѣжденію и по привычкѣ, оно желало ограниченія монархической власти, а не ниспроверженія ея: оно сознавало, что скоро будетъ нуждаться въ ней, какъ въ орудіи противъ народа. Мирабо раздѣлялъ въ этомъ отношеніи чувства буржуазіи, и слова, обращенныя имъ къ Брезе, не могли имѣть анти-монархическаго характера, напрасно приписываемаго имъ. Это мнѣніе Л. Блана кажется намъ весьма близкимъ къ истинѣ.

Событія, происходившія между 14 іюля и 5 октября 1789 г., изложены у Минье не совсѣмъ полно. Онъ говоритъ почти исключительно о томъ, что дѣлалось въ это время въ средѣ Учредительнаго Собранія. Волненіямъ въ провинціяхъ, вызвавшимъ ночь 4-го августа, онъ посвящаетъ только одну страницу, о безпорядкахъ въ Парижѣ упоминаетъ также лишь мимоходомъ. Всего подробнѣе какъ тѣ, такъ и другіе описаны у Л. Блана; короткій, но рельефный обзоръ ихъ можно найти у Зибеля, впадающаго при этомъ только въ одну привычную ему ошибку. Онъ слишкомъ расположенъ вѣрить всѣмъ извѣстіямъ, ищущимъ мотивы революціонныхъ увлеченій въ побужденіяхъ чисто личныхъ, въ страстяхъ мелкихъ или грязныхъ. Онъ утверждаетъ, напримѣръ, что въ убійствѣ Фулона и Бертье участвовали подкупленныя къ тому лица, но забываетъ объяснить, кѣмъ именно они были подкуплены и съ какою цѣлью. Луи Бланъ ошибается, со своей стороны, когда видитъ въ первыхъ мѣрахъ Учредительнаго Собранія по поводу парижскихъ безпорядковъ признакъ начинающейся борьбы между эгоизмомъ средняго сословія и болѣе широкими стремленіями друзей народа. Контрастъ между индивидуализмомъ и братствомъ—если и допустить, вмѣстѣ съ Л. Бланомъ, что вокругъ него вертится вся революція—возникъ, во всякомъ слу-

чаѣ, гораздо позже. До половины 1791 г. среднее сословіе не переставало идти рука объ руку съ народомъ.

Декларація правъ человѣка, принятая Учредительнымъ Собраніемъ по предложенію Лафайета, напечатана вполнѣ у Л. Блана, въ четвертой главѣ второй книги. Почти всѣ историки революціи видятъ въ ней необходимое начало великаго дѣла, предстоявшаго Учредительному Собранію, необходимую основу дальнѣйшихъ работъ его; Минье называетъ ее скрижалью новаго закона, водворившаго право во имя человѣчества. Противъ этого общепринятаго мнѣнія возсталъ Зибель. Онъ не признаетъ политическихъ правъ, прирожденныхъ человѣку и общихъ для всѣхъ народовъ. Политическія права пріобрѣтаются, по его мнѣнію, не иначе, какъ въ обществѣ, и должны принадлежать только тѣмъ, кто способенъ пользоваться ими. Провозглашеніе правъ человѣка ведетъ къ анархіи или къ деспотизму массы надъ личностью; оно не совмѣстно ни съ истиннымъ либерализмомъ, ни съ правильно устроенною демократіей. Демократія предполагаетъ подчиненіе народа избраннымъ представителямъ его; декларація правъ не хочетъ знать никакого подчиненія и отвергаетъ власть Законодательнаго Собранія наравнѣ съ властью отдѣльнаго лица. Этотъ взглядъ на декларацію правъ очевидно основанъ на софизмѣ, но заслуживаетъ вниманія, какъ выраженіе доктрины, одинаково замѣчательной и по таланту представителей ея, и по вліянію, которое она имѣетъ на политическую жизнь Германіи.

По мнѣнію Минье, возмущеніе 5-го и 6-го октября было истиннымъ народнымъ движеніемъ; напрасно было бы искать для него какихъ-нибудь тайныхъ причинъ или приписывать его скрытымъ интригамъ. Этого же мнѣнія держатся, между прочимъ, и Тьеръ, и Л. Бланъ. Историки враждебные революціи, утверждаютъ, наоборотъ, что походъ на Версаль былъ результатомъ заранѣе обдуманнаго плана, составителемъ котораго считаютъ обыкновенно герцога Орлеанскаго. Зибель смотритъ на этотъ вопросъ совершенно иначе, чѣмъ предшественники его. Онъ допускаетъ, что нѣкоторые изъ предводителей толпы были на жалованьи у герцога Орлеанскаго (хотя и не приводитъ тому рѣшительно никакихъ доказательствъ); но главную иниціативу движенія и верховное руководство имъ онъ приписываетъ Лафайету. Переѣздъ короля изъ Версаля въ Парижъ не былъ въ интересахъ герцога Орлеанскаго; открыть ему дорогу къ власти могло только удаленіе короля, насильственное или добровольное. Лафайетъ, располагая всѣми силами національной гвардіи, былъ въ это время господиномъ столицы; поселясь въ Парижѣ, король долженъ былъ подпасть подъ вліяніе Лафайета и этимъ довершить могущество его.

Отсюда народная демонстрація, устроенная или, по крайней мѣрѣ, допущенная Лафайетомъ, чтобы запугать короля и побудить его къ возвращенію въ столицу. Фактическія данныя, приводимыя Зибелемъ въ подтвержденіе этого взгляда, не лишены нѣкоторой силы; но въ заключеніяхъ, которые онъ изъ нихъ выводитъ, замѣтно всегдашнее недовѣріе его къ народу, желаніе видѣть въ немъ не что иное, какъ орудіе въ рукахъ честолюбцевъ и интригановъ.

Переписка между Мирабо и де-ла-Маркомъ, обнаруживающая всѣ сношенія Мирабо съ Людовикомъ XVI, не была еще извѣстна въ то время, когда писалъ Минье. Несмотря на то, Минье оцѣнилъ довольно вѣрно двойную роль, которую игралъ Мирабо. „Цѣль Мирабо, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — заключалась въ томъ, чтобы склонить дворъ на сторону революціи, а не въ томъ, чтобы предать революцію двору". „Въ головѣ Мирабо, — сказано нѣсколько дальше, — таились обширные планы: онъ хотѣлъ укрѣпить тронъ и упрочить революцію — двѣ вещи, весьма трудныя въ тогдашнее время". Къ такому же точно выводу о цѣляхъ Мирабо приходитъ и Кинэ въ блестящей, краснорѣчивой характеристикѣ великаго трибуна, приводимой нами въ концѣ книги. Подробности переговоровъ между дворомъ и Мирабо всего полнѣе изложены Луи Бланомъ; вліяніе ихъ на рѣшенія Учредительнаго Собранія всего лучше выставлено на видъ у Зибеля. Онъ показываетъ намъ, какимъ образомъ Мирабо, надѣясь достигнуть власти, два раза (въ ноябрѣ 1789 и октябрѣ 1790) проводитъ мѣры, необходимыя для укрѣпленія ея, — и, обманутый въ своихъ надеждахъ, оба раза видитъ направленіе этихъ мѣръ въ рукахъ неспособныхъ министровъ. Смерть Мирабо представляется Зибелю послѣднимъ, рѣшительнымъ ударомъ для монархіи и для законнаго порядка во Франціи.

Минье, какъ и Тьеръ, оправдываетъ образъ дѣйствій Балли и національной гвардіи 17 іюля 1791 г., во время кровопролитія на Марсовомъ полѣ. Онъ говоритъ, что толпа была приглашена разойтись, но отказалась послѣдовать этому приглашенію, и что употребленіе силы было печальною необходимостью, вызванною самимъ народомъ *). Противъ этого взгляда возстаютъ Мишле и въ особенности Л. Бланъ. Послѣдній старается доказать, что собраніе на Марсовомъ полѣ имѣло совершенно миролюбивый и законный характеръ; что національная гвардія — или, по крайней мѣрѣ, значительная часть

*) Зибель идетъ еще гораздо дальше и обвиняетъ руководителей Учредительнаго Собранія въ [illegible] за то, что они не [illegible] для закрытія клубовъ и запрещенія оппозиціонныхъ журналовъ.

ея—двинулась на Марсово поле съ предвзятымъ намѣреніемъ разсѣять народъ вооруженной силой; что приглашенія разойтись, требуемыя закономъ, сдѣланы не были, и достаточнаго повода къ открытію огня не представлялось. Кровавая стычка 17-го іюля была сигналомъ открытаго разрыва между конституціоналистами и радикалами; вопросъ о настоящемъ характерѣ ея не лишенъ, поэтому, историческаго интереса, и мы сочли нужнымъ упомянуть, по крайней мѣрѣ мимоходомъ, о различныхъ способахъ разрѣшенія его.

Говоря объ отношеніяхъ Европы къ французской революціи, Минье предполагаетъ, что война съ революціонной Франціей была съ самаго начала дѣломъ рѣшеннымъ для европейскихъ государей. Читая его, можно подумать, что коалиція образовалась безъ затрудненій, безъ колебаній, что она тотчасъ же обняла собою всѣ государства Европы и преднамѣренно, систематически вызвала Францію на открытіе военныхъ дѣйствій. Перечисляя державы, вошедшія въ составъ коалиціи, Минье называетъ Англію и Россію рядомъ со Швеціей и Пруссіей, какъ будто бы онѣ дѣйствовали противъ Франціи общими силами и въ одно время. На самомъ дѣлѣ Англія присоединилась къ коалиціи только тогда, когда Швеція, за смертью Густава III, уже не участвовала въ ней; Россія примкнула къ ней еще позже, когда Пруссія уже заключила съ Франціей мирный договоръ въ Базелѣ. По словамъ Минье, ненависть къ Франціи сблизила Пруссію съ Австріей и заставила ихъ забыть о враждѣ, еще недавно ихъ раздѣлявшей. На самомъ дѣлѣ эта вражда не прекращалась ни на одну минуту, и еще лѣтомъ 1792 г., послѣ объявленія войны со стороны Франціи, Фридрихъ-Вильгельмъ II былъ на краю новаго разрыва съ Австріей. Союзъ великихъ германскихъ державъ продолжался, de facto, не болѣе года и никогда не былъ чистосердеченъ; онѣ постоянно расходились между собою не только насчетъ цѣлей, но и насчетъ средствъ, и это разногласіе имѣло огромное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій. Въ глазахъ Минье вражда государей противъ народа положила конецъ враждѣ государей между собою. Съ этимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться: новая опасность не прекратила ни старыхъ стремленій, ни старыхъ раздоровъ и несогласій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить исторію европейской дипломатіи во время двухъ послѣднихъ раздѣловъ Польши. Съ точки зрѣнія Минье, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что наступательная роль въ революціонной войнѣ принадлежала Европѣ, а не Франціи: но изслѣдованія позднѣйшихъ историковъ, въ особенности Зибеля, представляютъ этотъ вопросъ въ совершенно другомъ свѣтѣ. Они показываютъ, что императоръ Леопольдъ хотѣлъ

сохраненія мира; что преемникъ его Францъ, хотя и болѣе расположенный къ войнѣ, не рѣшился бы начать ее самъ въ первые мѣсяцы своего царствованія; что Фридрихъ-Вильгельмъ II, побуждаемый монархическимъ чувствомъ и какой-то неясной, неопредѣленной жаждой подвиговъ и славы, желалъ войны, но никогда не предпринялъ бы ея одинъ безъ Австріи; что поспѣшное объявленіе войны было дѣломъ партій, господствовавшихъ тогда во Франціи, т. е. той группы конституціоналистовъ, которою руководили Нарбоннъ и Лафайетъ, а потомъ Жиронда и Дюмурье. Отмѣтимъ еще одну ошибку, въ которую впалъ Минье (она исправлена Л. Бланомъ): австрійская нота, послужившая непосредственнымъ поводомъ къ войнѣ, требовала не возстановленія порядка вещей, существовавшаго до 23 іюня 1789 г. (т. е. посословнаго голосованія и привилегій дворянства и духовенства), а принятія такихъ мѣръ къ укрѣпленію правительственной власти, которыя могли бы обезпечить безопасность Европы. Различіе между этими требованіями огромное, такъ какъ послѣднее могло быть удовлетворено уступкой чисто формальнаго свойства. Правда, и оно содержало въ себѣ косвенную попытку вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи; но оно не предписывало ей законовъ и не вынуждало ее безусловно къ разрыву сношеній, еще менѣе —къ войнѣ съ Австріей. Минье, какъ и слѣдовало ожидать, оправдываетъ объявленіе войны и даже не жалѣетъ о немъ, забывая, въ какой тѣсной связи оно состоитъ съ послѣдующими бѣдствіями Франціи. Упоенный, подобно большинству французовъ, славою побѣдъ и завоеваній, длинный рядъ которыхъ былъ открытъ въ 1792 г., Минье упускаетъ изъ виду, что они извратили ходъ революціи и привели къ 18-му брюмера, къ имперіи, къ катастрофамъ 1812—15 гг. Утверждать, какъ это дѣлаетъ Минье, что война укрѣпила революцію, значитъ впадать въ колоссальное заблужденіе тѣхъ, кто видитъ въ Наполеонѣ I воплощеніе началъ 1789 г.

Минье не высказываетъ прямо и опредѣленно своего мнѣнія о декретахъ, направленныхъ противъ эмиграціи; также уклончиво отзываются о нихъ многіе другіе историки революціи,—напримѣръ, Тьеръ и Л. Бланъ. Причины этой уклончивости весьма понятны. Декреты объ эмигрантахъ нарушаютъ свободу переселенія— одно изъ самыхъ существенныхъ правъ гражданина въ свободномъ государствѣ, и этого не могутъ не сознавать историки, преданные свободѣ; съ другой стороны, необходимость строгихъ мѣръ противъ эмиграціи принадлежитъ къ числу революціонныхъ традицій, всего сильнѣе укоренившихся во Франціи,—и Минье, Тьеръ и Л. Бланъ не рѣшаются отрицать ее прямо и открыто. Кинэ первый по-

тись къ вопросу безъ всякихъ предубѣжденій, съ полною независимостью мысли, и доказать, что насильственныя мѣры противъ эмиграціи были не только несправедливы, но и безполезны, даже вредны для революціи (т. I, кн. VIII, гл. 6). Эмигранты, оставляя Францію, теряли возможность бороться противъ движенія на той почвѣ, на которой они дѣйствительно могли быть для него опасны, и нисходили на степень безсильныхъ и презрѣнныхъ сателлитовъ коалиціи. Что значитъ принцъ Конде въ сравненіи съ Люскюромъ и Ларошжакленомъ, что значилъ весь кобленцскій корпусъ, пропадавшій почти безслѣдно среди прусскаго войска, въ сравненіи съ толпами возставшихъ вандейцевъ? Истинный интересъ революціонеровъ требовалъ скорѣе поощренія, чѣмъ стѣсненія эмиграціи.

Сентябрьскія убійства очерчены Минье коротко, но вѣрно, съ указаніемъ главныхъ причинъ и общаго характера ихъ: единственная ошибка его заключается въ томъ, что онъ умолчалъ о роли, которую игралъ Маратъ въ этомъ вопіющемъ дѣлѣ. По важности предмета, мы сочли не лишнимъ дополнить разсказъ Минье двумя главами изъ Кине, одинаково замѣчательными и по изложенію, и по мысли. Мы прибавили къ нимъ характеристику двухъ главныхъ дѣятелей въ сентябрьскіе дни — Дантона и Марата, также заимствованную изъ Кине. Всего подробнѣе и обстоятельнѣе событія сентябрьскихъ дней изложены у Л. Блана, очистившаго исторію ихъ отъ вымысловъ, съ которыми она была смѣшана, и выставившаго на видъ всѣ факты, которые могутъ смягчить хоть сколько-нибудь общее впечатлѣніе ужасной картины.

Говоря о дѣятельности Національнаго Конвента со времени провозглашенія республики до казни Людовика XVI, Минье, какъ и въ другихъ мѣстахъ своей книги, обращаетъ слишкомъ мало вниманія на то, что дѣлалось внѣ собранія,— въ думѣ, въ клубахъ, въ округахъ, на улицахъ Парижа. Хорошимъ дополненіемъ къ Минье можетъ служить въ этомъ отношеніи Зибель (кн. пятая, гл. 2, 3 и 4), не забывающій изъ-за политики объ экономическихъ и финансовыхъ вопросахъ. Но, читая Зибеля, не слѣдуетъ упускать изъ виду особенность, уже указанную нами, — его привычку объяснять событія не столько общими причинами, сколько разсчетами и чувствами отдѣльныхъ лицъ. Мы находимъ у него, напримѣръ, тотъ интересный и мало извѣстный фактъ, что марсельцы, вызванные въ Парижъ Жирондой и долго служившіе ея опорой противъ парижанъ, перешли около половины января на сторону якобинцевъ. По мнѣнію Зибеля, это рѣшило участь Людовика XVI. Жирондисты, лишенные всякой матеріальной поддержки и объятые страхомъ, перестали противиться Горѣ и подали голосъ за казнь короля. Цѣною его жизни они ку-

пили свою собственную безопасность. Подобными соображеніями руководились, можетъ быть, нѣкоторые изъ умѣренныхъ членовъ Конвента; но выводить изъ нихъ образъ дѣйствій всей Жиронды значитъ забывать и предыдущую, и послѣдующую дѣятельность этой партіи. Какъ совмѣстить трусливость, выказанную жирондистами,—по словамъ Зибеля,—въ январѣ 1793 г., съ героизмомъ, обнаруженнымъ ими въ маѣ или іюнѣ того же года?

Исторія, въ глазахъ Минье, представляетъ собою какъ бы рядъ силлогизмовъ, съ заключеніями, неизбѣжно вытекающими изъ посылокъ или, лучше сказать, заранѣе содержащимися въ нихъ. Еслибы Минье разумѣлъ подъ этимъ только логическую послѣдовательность событій, только необходимую внутреннюю связь между ними,—онъ высказалъ бы мысль, которая все больше и больше пріобрѣтаетъ права гражданства въ современной исторической наукѣ; но онъ идетъ дальше и предполагаетъ, что въ фактахъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, есть какой-то предустановленный порядокъ, что первое звено цѣпи уже опредѣляетъ собою всѣ остальныя. Онъ упускаетъ изъ виду, что на образованіе дальнѣйшихъ звеньевъ вліяютъ, кромѣ первоначальнаго звена, и другія причины, возникающія не вдругъ, а постепенно, и что, не зная этихъ причинъ, нельзя знать ни направленія, ни свойства цѣлой цѣпи. Односторонность взгляда, котораго держится Минье, выражается всего яснѣе въ заключеніи пятой главы, содержащемъ въ себѣ ретроспективный обзоръ дѣятельности Законодательнаго Собранія. „Представимъ себѣ,—говоритъ Минье,—государство, только что выдержавшее серьезный кризисъ: абсолютная власть, существовавшая въ немъ, подверглась ограниченіямъ; привилегированные классы потеряли свое господствующее положеніе; народъ, давно уже свободный умственно, но лишенный политическихъ правъ, былъ поставленъ въ необходимость завоевать ихъ собственной иниціативой. Правительство, сначала противившееся революціи, подчинилось ей, но привилегированные классы не перестаютъ бороться съ нею. Какое заключеніе можно извлечь изъ этихъ посылокъ?“ Указавъ такимъ образомъ существенныя черты положенія Франціи въ 1791 г., Минье выводитъ изъ нихъ a priori, путемъ дедуктивнымъ, всѣ мѣры Законодательнаго Собранія, всѣ столкновенія его съ дворянствомъ, духовенствомъ и короной, всѣ рѣшенія эмиграціи и иностранныхъ державъ и, наконецъ, послѣднюю борьбу между законнымъ порядкомъ вещей и революціей (10-го августа). Не значитъ ли это возводить на степень закона не только общій ходъ событій, но и подробное развитіе ихъ, зависящее отъ столькихъ разнообразныхъ обстоятельствъ? Если забыть на минуту объ историческихъ фактахъ и разсматривать посылки,

выставленныя Минье, совершенно отвлеченно, онѣ могутъ привести только къ одному заключенію, и то не вполнѣ положительному, — что между правительствомъ и народомъ, поставленными въ такія условія, непремѣнно должна была вспыхнуть новая борьба, болѣе ожесточенная, чѣмъ первая. Опредѣлять, на основаніи этихъ посылокъ, что дворянство должно было эмигрировать, а духовенство — остаться въ предѣлахъ государства, что иностранныя державы должны были вступить въ союзъ противъ революціи, а революція—объявить войну имъ, и т. д., значитъ тѣшить себя пророчествами post factum, лишенными всякаго серьезнаго значенія. Въ этомъ заключается одна изъ слабыхъ сторонъ историческаго фатализма. У Минье фатализмъ сдерживается, впрочемъ, историческимъ тактомъ и чувствомъ справедливости и не доходитъ его до индифферентизма и поклоненія успѣху—главнаго камня преткновенія этой системы. Въ свое время историческій взглядъ Минье принесъ большую пользу, какъ реакція противъ мнѣній, видѣвшихъ въ исторіи только произволъ или случайность, какъ переходъ къ раціонализму, стремящемуся теперь къ господству въ исторической наукѣ.

Глава сочиненія Минье, обнимающая собою періодъ времени съ 1793 до 1814 г., отличается всѣми достоинствами и недостатками, которые были указаны нами выше. Она заключаетъ въ себѣ сжатый, ясный очеркъ и спокойную оцѣнку событій, ознаменовавшихъ переходъ отъ крайней демократіи къ умѣренной республикѣ, отъ республики къ военному деспотизму. Междоусобныя распри и государственные перевороты, военныя дѣйствія и мирные переговоры излагаются подробнѣе, чѣмъ законодательныя работы, чѣмъ движеніе внутренней народной жизни; въ характеристику фактовъ и лицъ входитъ почти всегда извѣстная доля фатализма. Односторонность, неполнота изложенія замѣтны во второй части больше, чѣмъ въ первой. Говоря объ Учредительномъ Собраніи, Минье напиралъ въ особенности на борьбу партій, изъ которыхъ оно состояло, но не оставлялъ безъ вниманія и реформъ, имъ произведенныхъ; говоря о Конвентѣ, онъ почти вовсе упускаетъ изъ виду преобразовательную дѣятельность его. Прочитавъ Минье, можно подумать, что Конвентъ, въ продолженіе трехлѣтней своей жизни, занимался только мѣрами общественной безопасности, самоистребленіемъ и составленіемъ двухъ конституцій (1793 и 1795 гг.), изъ которыхъ одна никогда не была введена въ дѣйствіе, а другая положила конецъ существованію Конвента. Такое заключеніе было бы весьма ошибочно: изъ числа работъ, предпринятыхъ Конвентомъ, немногія были приведены къ окончанію, облечены въ форму положительныхъ законовъ и вдвинуты въ рамку государственнаго устройства, какъ

прочная составная часть его; но зато онѣ послужили основаніемъ, исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ трудовъ, сохраняющихъ свое значеніе и до настоящаго времени. Законодательныя попытки Конвента состоятъ въ тѣснѣйшей связи съ законодательными памятниками наполеоновской эпохи. Главныя начала гражданскаго кодекса, до сихъ поръ дѣйствующаго во Франціи подъ именемъ наполеоновскаго, были установлены Конвентомъ, и въ окончательной редакціи его принимали участіе тѣ же самыя лица, которыя трудились надъ нимъ въ 1793—95 гг. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ читатели найдутъ въ отрывкахъ изъ сочиненія Кине, помѣщенныхъ нами въ концѣ книги. Съ другой стороны, въ сужденіяхъ Минье о террорѣ, о Робеспьерѣ, о 18-мъ брюмера наклонность къ фатализму проявляется далеко не такъ сильно, какъ въ сужденіяхъ его о первыхъ потрясеніяхъ революціи. Минье не впадаетъ въ ошибку нѣкоторыхъ позднѣйшихъ историковъ революціи (въ особенности Луи Блана): онъ не старается оправдать террористовъ подъ предлогомъ услугъ, оказанныхъ ими Франціи. Онъ не утверждаетъ, подобно Тьеру, что казнь Дантона была какъ бы необходимымъ дополненіемъ казни Гебера, и не видитъ общественнаго бѣдствія въ паденіи Робеспьера. Превосходныя страницы, въ которыхъ Кине доказываетъ безплодность террора, безвыходность его, невозможность перехода отъ казней къ свободѣ, составляютъ какъ бы подробное развитіе мыслей, мимоходомъ высказанныхъ Минье (въ гл. IX). Иногда, впрочемъ, Минье противорѣчитъ самъ себѣ: такъ, напримѣръ, онъ предполагаетъ, что торжество Робеспьера, какъ и паденіе его, положило бы конецъ господству гильотины. Нѣтъ, съ того пути, по которому шелъ Робеспьеръ, возвращеніе немыслимо; кровь, пролитая имъ или съ его согласія, не могла быть забыта ни имъ самимъ, ни другими. Законный порядокъ вещей не могъ быть основанъ тѣми руками, которыя создали революціонный трибуналъ и законъ 22-го преріаля. „Дайте Робеспьеру еще нѣсколько мѣсяцевъ неограниченной власти, — говоритъ Кине, — онъ воспользовался бы ими только для того, чтобы послать на эшафотъ Колло-д'Эрбуа, Бильо-Вареина, Карно, Бурдона: онъ остался бы еще болѣе одинокимъ, въ еще большей зависимости отъ тѣхъ, кто ненавидѣлъ не только его личность, но и его систему". Эти слова содержатъ въ себѣ самый тяжкій приговоръ надъ всею дѣятельностью Робеспьера. Неотразимая логика Кине не оставила камня на камнѣ въ томъ пьедесталѣ, на которомъ стоитъ Робеспьеръ въ сочиненіи Л. Блана.

Катастрофа 31-го мая, имѣвшая такое громадное и такое пагубное вліяніе на ходъ революціи, возбуждаетъ въ Минье чувство сожалѣнія, тѣмъ болѣе сильное, что онъ отдаетъ спра-

ведливость всѣмъ свѣтлымъ сторонамъ Жиронды; но онъ не вѣритъ, чтобы жирондисты могли спасти революцію, и считаетъ паденіе ихъ необходимымъ для торжества республики надъ внѣшними и внутренними ея врагами. „Справедливыми законами,—спрашиваетъ Минье,—могли ли бы жирондисты достигнуть того, что сдѣлала Гора насильственными мѣрами? Могли ли бы они побѣдить иностранныхъ враговъ безъ фанатизма, подавить партіи, не наводя страха, прокормить армію безъ обязательной таксы на хлѣбъ? Еслибы 31-ое мая приняло оборотъ противоположный, то уже тогда наступило бы все совершившееся позже—замедленіе революціонной дѣятельности, усиленныя нападенія Европы, вторичное вооруженіе всѣхъ партій, нашествіе союзниковъ и раздробленіе Франціи". Фатализмъ Минье вводитъ его здѣсь въ важную ошибку: событія, слѣдующія другъ за другомъ, представляются ему проистекающими одно изъ другого, какъ будто бы отношеніе между причиной и послѣдствіемъ могло быть опредѣлено одною преемственностью фактовъ. Энтузіазмъ, съ которымъ Франція сопротивлялась союзникамъ, не былъ порожденіемъ насильственныхъ мѣръ Конвента: онъ былъ естественнымъ чувствомъ народа, отстаивающимъ свою независимость, свою неприкосновенность. Онъ проявляется въ 1792 г. съ такою же силой, какъ и въ 1793 и 1794 гг.; солдаты Дюмурье дерутся при Жемаппѣ съ такою же отвагой, какъ и солдаты Дюгомье подъ стѣнами Тулона или солдаты Журдана при Флерюсѣ. Если въ первой половинѣ 1793 г. французскія арміи терпятъ постоянныя неудачи, то причину этого слѣдуетъ искать не въ слабости Конвента, руководимаго жирондистами, а во внутреннихъ междоусобіяхъ, главными виновниками которыхъ были монтаньяры. Интриги думы и вражда ея къ Дюмурье, какъ къ другу жирондистовъ, привели къ измѣнѣ этого генерала и ко всѣмъ бѣдствіямъ, съ нею сопряженнымъ. Геніальныя распоряженія Карно и удачный выборъ генераловъ способствовали побѣдамъ гораздо больше, чѣмъ всѣ приговоры революціоннаго трибунала. Подавить партіи, по мнѣнію Минье, можно было только, устранивъ ихъ. Но развѣ подавленіе партій было необходимо? Развѣ возможно свободное государство безъ партій, развѣ однообразіе убѣжденій —высшее благо для народа? Развѣ для жирондистовъ не было мѣста рядомъ съ монтаньярами, для дантонистовъ—рядомъ съ приверженцами комитетовъ? Исходя изъ фальшиваго принципа, нельзя не придти къ ошибочнымъ результатамъ; но Минье не всегда послѣдователенъ въ своей ошибкѣ, и во многихъ другихъ мѣстахъ его книги нетрудно найти взглядъ совершенно противоположный. Онъ сочувствуетъ, напримѣръ, „старому Кордельеру" Камилла Демулена; а что такое весь „старый Кордельеръ", какъ не восторженный, краснорѣчивый

протестъ противъ нетерпимости комитетовъ въ пользу свободы мысли и слова? Безъ 31-го мая,—утверждаетъ Минье,—наступило бы замедленіе революціонной дѣятельности, вторичное вооруженіе всѣхъ партій; но факты свидѣтельствуютъ, наоборотъ, что именно 31-ое мая привело къ вооруженію партій, вызвало междоусобную войну, что терроръ, которому напрасно старались противостать жирондисты, утомилъ народъ, заставилъ его желать больше всего спокойствія и порядка, и что замедленіе преобразовательной дѣятельности, замѣтное съ 1795 г., произошло именно по винѣ побѣдителей 31-го мая. Торжество Горы было первымъ шагомъ къ повышенію Бонапарта, и въ этомъ смыслѣ — первымъ шагомъ къ нашествію 1814 г. Безъ 31-го мая, безъ событій, послѣдовавшихъ за нимъ, Франція могла бы водворить у себя законный порядокъ, не прибѣгая къ помощи военнаго деспотизма, примириться съ Европой, не возстановляя противъ себя всѣхъ правительствъ и всѣхъ народовъ. Мы далеки отъ мысли, чтобы всѣ ужасы террора, всѣ насильственныя мѣры Горы и комитетовъ были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ 31-го мая; относить цѣлый рядъ сложныхъ историческихъ явленій къ одной причинѣ, къ одному источнику—значило бы держаться именно той фаталистической системы, которая составляетъ слабую сторону Минье. Но, съ другой стороны, нельзя отрицать, что паденіе жирондистовъ, положивъ конецъ равновѣсію партій въ средѣ Конвента, открыло дорогу къ революціонной диктатурѣ, сдѣлало возможнымъ владычество думы и Робеспьера. Согласно съ Кине, мы видимъ въ 31-мъ мая одинъ изъ самыхъ печальныхъ дней въ исторіи Франціи.

Результаты 31-го мая обнаружились не вдругъ, потому что въ средѣ побѣдителей не было сначала полнаго единодушія. Эта сторона дѣла, едва указанная у Минье, всего лучше выставлена на видъ въ сочиненіи Зибеля. Въ борьбѣ противъ жирондистовъ участвовали всѣ оттѣнки крайней демократической партіи, начиная съ Дантона и Камилла Демулена до презрѣнныхъ агитаторовъ кордельерскаго клуба. Союзъ, составленный изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, не могъ быть продолжителенъ. Дантонъ и его друзья, составлявшіе большинство въ тогдашнемъ комитетѣ общественнаго спасенія, желали умѣреннаго пользованія побѣдой, полюбовнаго соглашенія съ недовольными внутри государства, примиренія хотя съ нѣкоторыми изъ внѣшнихъ враговъ республики. Предводители кордельерскаго клуба—Ру, Леклеръ, Варле—требовали принятія рѣшительныхъ мѣръ въ пользу бѣднаго класса, включенія въ конституцію обязательныхъ цѣнъ на всѣ предметы первой необходимости. 25-го іюня эти требованія были предъявлены Конвенту, а 26-го подкрѣплены грабежомъ купеческихъ судовъ

на Сенѣ и лавокъ въ сосѣднихъ улицахъ Парижа. Партія Марата и Робеспьера, игравшая главную роль въ событіяхъ 31-го мая и еще не распавшаяся на свои составныя части, относилась одинаково враждебно и къ политикѣ комитета, и къ притязаніямъ кордельеровъ. Она опиралась на думу и на клубъ якобинцевъ, соединеннымъ силамъ которыхъ не могла въ то время противостать ни одна власть въ Парижѣ. Требованія агитаторовъ были отвергнуты Конвентомъ; безпорядки 26-го іюня остались безъ наказанія, но уже болѣе не повторялись, и кордельерскій клубъ, уступая убѣжденіямъ якобинцевъ, исключилъ изъ своей среды Ру и Леклера. Для того, чтобы упрочить свое господство, Робеспьеру и друзьямъ его оставалось только измѣнить составъ комитета общественнаго спасенія, удалить изъ него всѣхъ людей, сколько-нибудь умѣренныхъ и миролюбивыхъ. Обвиненія противъ комитета основывались въ особенности на томъ, что онъ оставляетъ командованіе войсками въ рукахъ аристократовъ (Кюстина, Богарне, Бирона) и вступаетъ въ переговоры съ возставшими департаментами, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать противъ нихъ открытой силой. 10-го іюля оканчивался срокъ, на который были избраны члены комитета; новые выборы доставили большинство партіи Робеспьера. Дантонъ не былъ избранъ вновь и удалился на время съ политической сцены; изъ числа приверженцевъ его въ комитетѣ остались только двое: Геро-де-Сешель и Тюріо; Барреръ, поклонникъ успѣха и силы, перешелъ на сторону побѣдителей. Самъ Робеспьеръ былъ избранъ въ члены комитета только двѣ недѣли спустя, но торжество его надъ дантонистами было рѣшено уже 10-го іюля. Послѣдствіемъ этого торжества было открытіе военныхъ дѣйствій противъ Ліона и преслѣдованіе такъ называемыхъ подозрительныхъ людей во всѣхъ частяхъ государства.

Разногласіе въ средѣ демократической партіи, существовавшее, какъ мы видѣли, уже на другой день послѣ 31-го мая, усилилось весьма замѣтно къ концу 1793 г. Въ іюлѣ мѣсяцѣ дантонисты уступили Робеспьеру почти безъ боя, потому что видѣли въ немъ прежде всего недавняго союзника своего въ борьбѣ съ Жирондой, а также и потому, что примирительныя наклонности ихъ были въ то время скорѣе смутнымъ чувствомъ, нежели опредѣленной системой; теперь это чувство получило характеръ убѣжденія — убѣжденія въ необходимости другого образа дѣйствій, болѣе гуманнаго и мягкаго. Отвращеніе къ казнямъ вызвало проповѣдь милосердія, прославившую имя Камилла Демулена и поколебавшую на нѣсколько минутъ даже самого Робеспьера. Съ другой стороны, агитаторы низшаго разряда пріобрѣли поддержку въ думѣ, сначала дѣйствовавшей противъ нихъ вмѣстѣ съ Конвентомъ, и обра-

ловали новую силу, опасную даже для комитета общественнаго спасенія. Робеспьеръ, какъ и лѣтомъ 1793 г., боролся съ обѣими крайними партіями: съ дантонистами—во имя террора, съ анархистами—во имя приличія и порядка. Эта борьба окончилась весною 1794 г. паденіемъ всѣхъ враговъ Робеспьера, но въ продолженіе ея была одна критическая минута, когда онъ былъ готовъ, повидимому, соединиться съ дантонистами и положить конецъ, вмѣстѣ съ ними, эрѣ преслѣдованій и казней. Мишле подмѣтилъ эту минуту, но самую полную и точную характеристику ея представилъ Зибель. Не входя въ подробности, которыя увлекли бы насъ слишкомъ далеко, мы укажемъ только на то, что съ согласія Робеспьера или даже по предложенію его были приняты мѣры противъ самовластія военнаго министерства, главнаго притона анархистовъ, противъ произвола комиссаровъ, свирѣпствовавшихъ въ Ліонѣ, и, наконецъ, проведенъ декретъ объ освобожденіи арестантовъ, заключенныхъ подъ стражу безъ достаточной къ тому причины. Во всѣхъ этихъ мѣрахъ проявилось довольно ярко намѣреніе остановиться на томъ пути, по которому шло до тѣхъ поръ революціонное правительство, и установить нѣчто похожее на справедливость и законный порядокъ. И что же? Колло-д'Эрбуа возвращается изъ Ліона, соединяетъ вокругъ себя всѣхъ террористовъ Конвента и якобинскаго клуба, возстаетъ съ трибуны противъ умѣренности и снисходительности къ врагамъ республики,—и Робеспьеръ покидаетъ дантонистовъ, отрекается отъ Камилла Демулена, содѣйствуетъ отмѣнѣ постановленій, имъ самимъ внушенныхъ, предлагаетъ усиленіе террора, черезъ нѣсколько дней послѣ попытокъ въ противоположномъ смыслѣ. Образъ дѣйствій Робеспьера въ декабрѣ 1793 г. служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что Робеспьеръ не былъ ни великимъ государственнымъ человѣкомъ, ни даже великимъ гражданиномъ. Великій государственный человѣкъ не отказывается такъ скоро отъ однажды составленнаго плана; великій гражданинъ не соглашается быть орудіемъ системы, которую онъ признаетъ несправедливой или вредной для государства.

Почти во всѣхъ сочиненіяхъ, относящихся къ исторіи французской революціи, встрѣчаются указанія на то, что Робеспьеръ, въ промежутокъ времени между паденіемъ Дантона и 9-мъ термидора (апрѣль—іюль 1794 г.), стремился къ верховной власти надъ Франціей; но болѣе опредѣленныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ сообщены въ первый разъ, если мы не ошибаемся, только Кинэ, на основаніи неизданныхъ еще записокъ одного изъ членовъ Конвента, Бодо. По словамъ Бодо, Сенъ-Жюстъ въ началѣ мессидора (около 20-го іюня 1794 г.) возбудилъ въ засѣданіи соединенныхъ комитетовъ

(общественнаго спасенія и всеобщей безопасности) вопросъ о необходимости диктатуры для подавленія внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ республики. Онъ надѣялся, что намекъ его будетъ понятъ членами комитетовъ и диктатура предложена Робеспьеру, но рѣчь его была встрѣчена молчаніемъ. Тогда Робеспьеръ счелъ нужнымъ выразиться яснѣе и изъявилъ готовность принять на себя верховную власть, если этого требуетъ спасеніе отечества. Эта попытка также не имѣла успѣха: большинство членовъ комитета возстало съ величайшимъ жаромъ противъ всякой мысли о диктатурѣ; Робеспьеръ былъ поддержанъ только Сенъ-Жюстомъ, Кутономъ и Давидомъ, и предложеніе его осталось безъ послѣдствій. Весьма можетъ быть, что именно съ этихъ поръ Робеспьеръ пересталъ являться въ засѣданія комитета. Его образъ дѣйствій вечеромъ 9-го термидора, во время открытаго возстанія его приверженцевъ противъ Конвента, показываетъ съ полною ясностью, что для захвата верховной власти ему недоставало не честолюбія, а рѣшимости и энергіи.

Замѣтимъ въ заключеніе, что хотя Минье и не чуждъ нѣкоторой слабости къ Наполеону, но слабыя стороны послѣдняго выставлены на видъ съ безпристрастіемъ, особенно замѣчательнымъ въ либеральномъ писателѣ двадцатыхъ годовъ, когда поклоненіе императору было отличительною чертою оппозиціонной литературы—именно потому, что это поклоненіе имѣло характеръ оппозиціи противъ Бурбоновъ. Минье удивляется императору до самаго конца его карьеры, но сочувствуетъ ему только до тѣхъ поръ, пока внутренняя его система не обратилась въ военный абсолютизмъ, и благосостояніе Франціи не было принесено въ жертву его личнымъ видамъ, его династическимъ интересамъ.

К. Арсеньевъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Характеръ французской революціи; ея результаты, ея ходъ.—Послѣдовательныя формы монархіи.—Людовикъ XIV и Людовикъ XV.—Состояніе умовъ, финансовъ и общественныя нужды; положеніе правительства при восшествіи на престолъ Людовика XVI.—Морепа, первый министръ; его тактика.—Онъ выбираетъ министровъ популярныхъ и склонныхъ къ реформамъ; цѣль его при этомъ; Тюрго, Мальзербъ, Неккеръ; ихъ планы; они встрѣчаютъ оппозицію со стороны двора и привилегированныхъ сословій, они терпятъ неудачу.—Смерть Морепа.—Вліяніе королевы Маріи-Антуанетты.—Популярные министры замѣняются министрами-царедворцами.—Калоннъ и его система; Бріеннъ; его характеръ, его попытки.—Бѣдственное положеніе финансовъ, оппозиція аристократіи; оппозиція парламентовъ; оппозиція провинцій.—Отставка Бріенна, второе министерство Неккера.—Созваніе генеральныхъ штатовъ.—Что привело къ революціи.

Я хочу разсказать въ главныхъ чертахъ исторію французской революціи, которою начинается періодъ новаго общественнаго строя въ Европѣ, точно также, какъ революція въ Англіи положила начало новымъ правительственнымъ системамъ. Французская революція измѣнила не только политическую власть, но и весь внутренній бытъ народа. Формы средневѣковаго общества еще существовали. Почва была раздѣлена на непріязненныя между собою провинціи; люди раздѣлялись на сословія, соперничествовавшія другъ съ другомъ. Аристократія утратила всю свою власть, хотя и сохранила свои преимущества; народъ не имѣлъ никакихъ правъ; границы королевской власти не были опредѣлены; самовластіе министровъ, разнообразіе мѣстныхъ постановленій, корпоративныя привилегіи—все это служило источникомъ замѣшательства во внутренней жизни Франціи.

Вмѣсто порядка вещей, столь богатаго злоупотребленіями, революція установила другой, болѣе справедливый и болѣе сообразный съ требованіями нашего времени. Она замѣнила самовластіе закономъ, привилегіи—равенствомъ; она освободила людей отъ сословныхъ различій, территорію—отъ областныхъ заставъ, промышленность—отъ корпорацій и цеховъ, земледѣліе—отъ феодальныхъ повинностей и отъ десятинныхъ взносовъ, собственность—

отъ оковъ субституцій, и все слила въ одно государство, въ одно право, въ одинъ народъ. Для того, чтобы произвести столь великія реформы, революція должна была одолѣть множество препятствій. Она не обошлась, поэтому, безъ временныхъ излишествъ рядомъ съ прочными ея благодѣяніями. Привилегированныя сословія хотѣли остановить. Европа пыталась подчинить ее. Вызванная на борьбу, она не могла ни положить предѣлъ своимъ усиліямъ, ни умѣрить свою побѣду. Внутреннее противодѣйствіе привело къ владычеству массы, нападеніе извнѣ — къ военному деспотизму. Цѣль, однако, была достигнута, несмотря на анархію и на деспотизмъ; старое общество было разрушено во время революціи, новое утвердилось во время имперіи.

Когда реформа является необходимостью и наступаетъ минута ея осуществленія, тогда ничто не можетъ воспрепятствовать ей, и все обращается въ ея пользу. Счастливы были бы люди, еслибы умѣли въ это время согласиться между собою, еслибы одни уступали свой избытокъ, другіе довольствовались восполненіемъ своихъ недостатковъ: революціи происходили бы тогда миролюбиво, историку не приходилось бы напоминать о крайностяхъ и бѣдствіяхъ; ему оставалось бы только изображать человѣчество, преуспѣвающее по пути мудрости, свободы и счастія. Но до сихъ поръ исторія народовъ не представляетъ ни одного примѣра подобнаго благоразумія: одна сторона вѣчно отказывается отъ принесенія жертвъ, другая принуждаетъ къ жертвамъ, — и добро, подобно злу, совершается посредствомъ насилія и беззаконія. До сихъ поръ иного властелина, кромѣ силы, еще не было.

Излагая исторію этого важнаго періода, со дня открытія генеральныхъ штатовъ до 1814 г., я предполагаю объяснить различные кризисы революціи. Мы увидимъ, по чьей винѣ [illegible] послѣдовательно она измѣняла свой ходъ, между тѣмъ какъ [illegible] она столь спокойными предначертаніями; мы увидимъ, какимъ образомъ она обратила Францію въ республику и какъ построила имперію на ея развалинахъ. Эти различные фазисы были почти неизбѣжны, до того непреодолимо было могущество событій, повлекшихъ за собою всѣ эти измѣненія. Однако же, было бы слишкомъ смѣло утверждать, что событія не могли принять другаго оборота; но вѣрно то, что революція съ причинами, ее вызвавшими, и съ возбужденными ею страстями должна была идти именно по такому пути и найти именно такой исходъ. Но прежде, чѣмъ начнемъ ея исторію, посмотримъ, что привело къ созванію генеральныхъ штатовъ, которые, въ свою очередь, привели ко всему остальному. Прослѣдивъ событія, предшествующія революціи, всякій увидитъ, что избѣгнуть ее было такъ же трудно, какъ трудно было вести ее.

Французская монархія не имѣла, со времени своего основанія, ни постоянной формы, ни прочнаго государственнаго права. Въ

первыя времена французской монархіи короли избирались: властелиномъ былъ народъ, а король только простымъ военачальникомъ, зависѣвшимъ отъ общей воли народа, постановлявшей всѣ рѣшенія, опредѣлявшаго всѣ предпріятія. Народъ выбиралъ своего начальника, отправлялъ законодательную власть на мартовскихъ поляхъ подъ предсѣдательствомъ короля, а судебную—въ шумныхъ народныхъ собраніяхъ (plaids) подъ управленіемъ одного изъ королевскихъ чиновниковъ. Во время феодальнаго порядка эта королевская демократія смѣнилась королевской аристократіей. Верховная власть усилилась, вельможи отняли ее у народа точно также, какъ впослѣдствіи король отнялъ ее у вельможъ. Въ это время монархъ сталъ наслѣдственнымъ не какъ король, а какъ владѣльцемъ; законодательная власть принадлежала аристократіи въ ея обширныхъ владѣніяхъ или въ парламентахъ бароновъ, а судебная—вассаламъ въ вотчинныхъ судахъ (justices seigneuriales): наконецъ, власть еще болѣе сосредоточилась тѣмъ же путемъ, какимъ перешла она отъ большинства къ меньшинству, перешла потомъ отъ меньшинства къ одному лицу. Общими усиліями французскихъ королей, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, феодальное устройство было разрушено, и на его развалинахъ утвердили они свою власть. Они завладѣли ленами, подчинили себѣ вассаловъ, уничтожили парламенты бароновъ, уничтожили или подчинили себѣ вотчинные суды, забрали въ свои руки законодательную власть, а судебная власть отправлялась въ ихъ интересѣ въ парламентахъ юристовъ. Генеральные штаты, созываемые въ случаѣ насущной нужды государства въ пособіяхъ и состоявшіе изъ трехъ сословій—духовенства, дворянства и средняго сословія,—постояннаго правильнаго значенія никогда не имѣли. Призванные къ жизни во время возстанія королевской власти, они сначала были подчинены, а впослѣдствіи и совершенно уничтожены ею. Но короли встрѣчали самую сильную и настойчивую оппозицію планамъ расширенія своей власти не столько въ этихъ собраніяхъ, сила и судьба которыхъ находилась въ ихъ рукахъ, сколько въ аристократіи, защищавшей отъ королей сперва свое господство, а потомъ свое политическое значеніе. Съ Филиппа-Августа до Людовика XI она боролась за свою власть, со времени Людовика XI до Людовика XIV—за то, чтобы сдѣлаться орудіемъ королевской власти. Фронда была послѣднимъ походомъ аристократіи. Во время Людовика XIV абсолютная монархія утвердилась окончательно и безпрепятственно стала господствовать.

Правленіе Франціи, со времени Людовика XIV до революціи, отличалось болѣе произволомъ, чѣмъ систематическимъ гнетомъ; власть монарховъ была гораздо обширнѣе, нежели употребленіе ея. На пути своемъ эта громадная власть встрѣчала только слабыя преграды. Корона распоряжалась людьми посредствомъ бланковыхъ приказовъ объ арестѣ (lettres de cachet), имѣніями—посредствомъ конфискацій, доходами—посредствомъ налоговъ. Правда, у нѣко-

правъ корпорацій были средствомъ для защиты, такъ называемыя привилегіи; но эти привилегіи рѣдко уважались. Парламентъ имѣлъ привилегію принять или не принять налоги; но король заставлялъ его внести налоги въ парламентскіе регистры во время такъ называемыхъ королевскихъ засѣданій (lit de justice) и непокорныхъ членовъ парламента наказывалъ ссылкой. Дворянство имѣло привилегію не платить податей, духовенство—само себя облагать добровольными приношеніями; нѣкоторыя провинціи откупались отъ налога опредѣленною суммою, другія сами распредѣляли его. Таковы были скромныя гарантіи Франціи, да и эти гарантіи обращались въ пользу привилегированныхъ сословій и въ ущербъ народу. Кромѣ того, эта порабощенная Франція была очень дурно организована; общественныя злоупотребленія были тѣмъ невыносимѣе, что гражданскія права французовъ распредѣлялись совершенно несправедливо. Раздѣленная на три сословія, подраздѣлявшіяся въ свою очередь еще на нѣсколько классовъ, нація подвергалась всѣмъ ударамъ деспотизма и всѣмъ бѣдствіямъ неравенства. Дворянство состояло, во-первыхъ, изъ придворныхъ, жившихъ милостью короля, т. е. на счетъ народа, и получавшихъ или управленіе провинціями, или высшія должности въ арміи; во-вторыхъ, изъ дворянъ новаго пожалованія, руководившихъ администраціею, занимавшихъ должности интендантовъ и другія гражданскія мѣста; въ-третьихъ, изъ судейскаго дворянства, завѣдывавшаго судебною властью и имѣвшаго привилегію исключительно занимать судебныя должности; и, наконецъ, изъ дворянъ-землевладѣльцевъ, притѣснявшихъ деревни своими ненавистными феодальными правами, но потерявшихъ политическія права. Духовенство раздѣлялось на два класса, изъ которыхъ одинъ обладалъ епископствами, аббатствами и ихъ богатыми доходами; на долю другого доставались апостольскіе труды и бѣдность. Среднее сословіе, изнуренное налогами двора, униженное дворянствомъ, само раздроблялось на корпораціи, имѣвшія въ виду исключительныя выгоды и питавшія другъ къ другу враждебныя чувства. Оно владѣло едва третьею частью территоріи, а должно было платить и феодальный оброкъ помѣщикамъ, десятинный сборъ духовенству и подати королю. И за такія пожертвованія оно не пользовалось никакими политическими правами, не имѣло никакого участія въ администраціи и не допускалось къ государственной службѣ.

Людовикъ XIV слишкомъ долго и сильно натягивалъ пружины неограниченной монархіи. Раздраженный смутами во время своей молодости, строгій, высокомѣрный, онъ уничтожалъ всякое противодѣйствіе, всякую оппозицію и аристократіи, съ ея возмущеніями, и парламентовъ, съ ихъ представленіями (remontrances), и протестантовъ, съ ихъ свободою совѣсти, которую церковь обвиняла ересью, а король—мятежомъ. Людовикъ XIV подчинилъ себѣ аристократовъ, призвавъ ихъ ко двору, гдѣ цѣною своей независи-

мости они купили себѣ удовольствія и милости. Когда парламентъ, бывшій до тѣхъ поръ орудіемъ престола, захотѣлъ сдѣлаться равносильнымъ ему, король высокомѣрно предписалъ ему смиреніе и молчаніе, длившіяся шестьдесятъ лѣтъ. Отмѣна нантскаго эдикта увѣнчала этотъ деспотизмъ короля. Правительство, основанное на произволѣ, стремится обыкновенно не только къ тому, чтобы ему не сопротивлялись, но и къ тому, чтобы одобряли его дѣйствія и подражали имъ. Подчинивъ себѣ всякое проявленіе общественной дѣятельности, оно преслѣдуетъ свободу совѣсти, и когда не станетъ у него болѣе политическихъ противниковъ, оно ищетъ себѣ жертвъ между религіозными диссидентами. Безграничная власть Людовика XIV была направлена внутри королевства противъ еретиковъ, а внѣ его—противъ всей Европы. Система притѣсненій нашла себѣ совѣтниковъ въ честолюбивыхъ служителей — въ драгунахъ, а успѣхъ ободрялъ ее на новыя дѣйствія; раны Франціи прикрывались лаврами, и вопли ея заглушались побѣдными пѣснями. Но пришло, наконецъ, время, когда перемерли даровитые люди, когда побѣдъ не стало, промышленность перешла въ другія страны, деньги исчезли, и стало ясно, что самый успѣхъ деспотизма истощаетъ его средства и пожираетъ будущность. Смерть Людовика XIV была сигналомъ для реакціи: произошелъ внезапный переходъ отъ религіозной нетерпимости къ невѣрію, отъ духа покорности—къ духу анализа. Во время регентства среднее сословіе пріобрѣло значеніе, увеличивъ свое матеріальное состояніе и возвысившись нравственно, между тѣмъ какъ аристократія теряла свое нравственное достоинство, духовенство—вліяніе свое. Въ царствованіе Людовика XV предпринимались войны не блестящія, но очень разорительныя. правительство вступило въ тайную борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ, въ явную—съ парламентомъ. Анархія поселилась среди двора, управленіе низошло въ руки любовницъ, власть стремилась къ своей гибели, а оппозиція дѣлала ежедневно новые успѣхи.

Парламенты измѣнили свое положеніе и систему. Королевская власть предоставила имъ силу, которую они направили теперь противъ нея же. Въ то время, когда гибель аристократіи окончательно приготовлена была ихъ общими усиліями, они разъединились, какъ разъединяются всѣ союзники послѣ побѣды. Королевская власть старалась уничтожить орудіе, превратившееся изъ полезнаго для нея въ опасное; парламентъ же, въ свою очередь, старался ограничить королевскую власть. Борьба эта, благопріятная коронѣ во время царствованія Людовика XIV, то удачная, то неудачная для нея при Людовикѣ XV, окончилась только революціею. Парламентъ по самому существу своему могъ служить только орудіемъ. Такъ какъ привилегіи и корпоративное честолюбіе заставляютъ его постоянно противодѣйствовать сильному и помогать слабому, то онъ служилъ поочередно то королю противъ аристократіи.

то народъ противъ короны. Это-то и дало ему такую популярность въ царствованіе Людовика XV и Людовика XVI, хотя онъ нападалъ на корону только изъ соперничества съ нею. Общественное мнѣніе не требовало отчета въ побужденіяхъ, которыя руководили имъ: оно рукоплескало не честолюбію его, а сопротивленію; оно поддерживало его сторону, потому что нашло въ немъ защиту. Ободренный этими одобреніями, парламентъ сталъ грозенъ для королевской власти. Отвергнувъ завѣщаніе самаго деспотическаго короля, внушавшаго наибольшее повиновеніе, возставъ противъ семилѣтней войны, получивъ право контроля надъ финансовыми операціями и настоявъ на уничтоженіи іезуитовъ, парламентъ сталъ выказывать такое энергическое и такое частое противодѣйствіе, что дворъ понялъ необходимость или повиноваться парламенту, или подчинить его себѣ. Поэтому дворъ рѣшился привести въ исполненіе планъ преобразованія парламента, предложенный министромъ Мопу (Maupeou). Этотъ смѣлый человѣкъ, предложившій, по собственному его выраженію, освободить корону изъ-подъ ига приказныхъ, замѣнилъ этотъ непреклонный парламентъ парламентомъ послушнымъ, и вслѣдъ за тѣмъ вся судебная власть Франціи, по примѣру парижской, потерпѣла ту же участь.

Но уже прошло время государственныхъ переворотовъ, идущихъ сверху. Произволъ до того возбуждалъ противъ себя общественное мнѣніе, что король съ опасеніемъ прибѣгалъ къ нему и встрѣчалъ даже неодобреніе своего двора. Образовалась новая власть, власть общественнаго мнѣнія, хотя и не признанная, но тѣмъ не менѣе получившая такое вліяніе, что рѣшенія ея становились законами. Нація, не имѣвшая до того времени никакого вліянія, вступала понемногу въ свои права: она еще не имѣла власти въ своихъ рукахъ, но уже вліяла на все. Такъ образуется всякая новая сила: еще не признанная правительствомъ, она уже наблюдаетъ за нимъ; потомъ переходитъ отъ права контроля къ праву содѣйствія. Настало время, когда среднее сословіе должно было получить свое право участія въ правленіи. Оно уже прежде дѣлало подобныя попытки, но онѣ были тщетны, такъ какъ преждевременны: оно не обладало еще перевѣсомъ и силою, а всякое право пріобрѣтается только силою. Потому-то и занимало оно только третье мѣсто и въ возстаніяхъ, и въ генеральныхъ штатахъ, и считалось третьимъ сословіемъ; все дѣлалось съ помощью его, но ничего не дѣлалось для него. Во время феодальной тираніи оно служило королю противъ сеньоровъ; во время министерскаго и фискальнаго деспотизма оно служило аристократамъ противъ королей; но въ первомъ случаѣ оно было только орудіемъ короны, а во второмъ—орудіемъ аристократіи. Борьба происходила въ чуждой ему сферѣ и за чуждые ему интересы. Когда аристократія была окончательно побѣждена во время Фронды, среднее сословіе тотчасъ же положило оружіе, а это показываетъ, насколько роль его была второстепенна.

Наконецъ, послѣ столѣтняго совершеннаго подчиненія, третье сословіе вновь является на сценѣ, но уже является для самого себя. Прошлое невозвратимо, и аристократія не могла уже возвыситься послѣ своего пораженія, точно также, какъ абсолютная монархія не можетъ теперь подняться послѣ своего паденія. Корона вступала въ борьбу съ инымъ противникомъ. Сила, богатство, просвѣщеніе, самостоятельность средняго сословія увеличивались со дня на день, и оно должно было побороть королевскую власть и ограничить ее. Парламентъ составлялъ не сословіе, но корпорацію, и потому въ этой новой борьбѣ могъ только способствовать переходу власти изъ однѣхъ рукъ въ другія, но не могъ присвоить ее себѣ.

Самъ дворъ покровительствовалъ преуспѣянію средняго сословія и содѣйствовалъ развитію одного изъ его сильнѣйшихъ средствъ, именно развитію просвѣщенія. Одинъ изъ самыхъ неограниченныхъ монарховъ помогалъ движенію умовъ и создалъ, совершенно противъ желанія своего, общественное мнѣніе. Покровительствуя восхваленіямъ, онъ подготовилъ хулу: вѣдь нельзя же вызывать анализъ въ свою пользу, безъ того, чтобы впослѣдствіи онъ не обратился въ ущербъ намъ. Когда хвалебныя пѣсни всѣ уже были спѣты, начались разсужденія, и философы XVIII вѣка заступили мѣсто литераторовъ XVII. Религія, законы, злоупотребленія—все это сдѣлалось предметомъ ихъ изысканій и размышленій. Они раскрывали народу права его, выражали его потребности, указывали на несправедливости. Образовалось сильное, просвѣщенное общественное мнѣніе, удары котораго правительство чувствовало на себѣ, но не смѣло заглушить его голосъ. Общественное мнѣніе повліяло даже на тѣхъ, на которыхъ оно нападало: придворные подчинялись его требованію по модѣ, власть—по необходимости,—и вѣкъ философіи подготовилъ вѣкъ реформъ, точно также, какъ вѣкъ изящнаго искусства вызвалъ вѣкъ философіи.

Таково было положеніе Франціи, когда Людовикъ XVI вступилъ на престолъ 11-го мая 1774 г. Новое правительство получило въ наслѣдство отъ предшествующихъ только затрудненія: разстроенные финансы,—которые не могли привести въ порядокъ ни миролюбивое и экономное министерство кардинала Флери, ни банкротствующее министерство аббата Терре,—неуваженіе къ власти, несговорчивые парламенты, повелительное общественное мнѣніе. Изъ всѣхъ королей Людовикъ XVI лучше всего подходилъ къ своему времени по своимъ намѣреніямъ и качествамъ. Произволъ надоѣлъ, и новый король попробовалъ вывести его изъ употребленія; развратъ двора Людовика XV возмущалъ всѣхъ,—и вотъ новый король отличается чистотою нравовъ, умѣренностью своихъ потребностей; всѣ ждали существенныхъ улучшеній,—и новый король сознавалъ общественныя нужды и гордился тѣмъ, что могъ ихъ удовлетворить. Но дѣлать добро было такъ же трудно, какъ и продолжать зло: для того, чтобы подчинить приви-

легированныя сословія реформамъ, или для того, чтобы заставить народъ переносить злоупотребленія, нужно было имѣть значительную силу—а Людовикъ XVI не былъ ни преобразователемъ, ни деспотомъ. Ему недоставало той великой силы воли, которая одна въ состояніи производить государственные перевороты и которая такъ же необходима монархамъ, желающимъ ограничить свою власть, какъ и монархамъ, желающимъ увеличить ее. Людовикъ XVI обладалъ здравымъ разсудкомъ, прямодушіемъ и добрымъ сердцемъ, но не былъ энергиченъ и не могъ настойчиво вести никакое дѣло. Его проекты реформъ встрѣчали непредвидѣнныя имъ препятствія, которыя онъ не могъ побороть. Такимъ образомъ онъ палъ вслѣдствіе попытокъ своихъ къ реформамъ, какъ другой палъ бы, еслибы вздумалъ отказывать въ нихъ. Царствованіе его до созванія генеральныхъ штатовъ было не что иное, какъ длинный рядъ предпріятій на поприщѣ реформъ, оставшихся безъ всякихъ результатовъ.

Выборъ перваго министра Морепа, сдѣланный Людовикомъ XVI при восшествіи своемъ на престолъ, особенно способствовалъ тому характеру нерѣшительности, которымъ отличалось его царствованіе. Молодой король, сознавая свои слабости и недостатки, прибѣгнулъ къ опытности 73-лѣтняго старика, впавшаго въ немилость при Людовикѣ XV за свою оппозицію королевскимъ любовницамъ. Но не мудреца нашелъ въ немъ король, а только царедворца, гибельное вліяніе котораго отозвалось на всю его жизнь. Морепа мало заботился о благѣ Франціи и о славѣ своего государя: онъ заботился только о томъ, чтобы не потерять милости короля. Морепа жилъ въ Версалѣ, въ комнатахъ, смежныхъ съ покоями короля, и былъ президентомъ совѣта. Вліяніе его успѣло только сдѣлать умъ и характеръ Людовика XVI нерѣшительными. Морепа пріучилъ его къ полумѣрамъ, къ перемѣнамъ системъ, къ непослѣдовательности и въ особенности къ необходимости дѣйствовать чужимъ, а не своимъ умомъ. Выборъ министровъ зависѣлъ отъ Морепа. Министры держались въ отношеніи къ нему точно такъ же, какъ самъ онъ держался относительно короля. Опасаясь потерять свой кредитъ, онъ отдалялъ отъ министерства людей, сильныхъ своими связями, и назначалъ людей новыхъ, которые нуждались въ немъ, чтобы удержаться на мѣстѣ и привести въ исполненіе свои реформы. Онъ поручалъ завѣдываніе дѣлами то Тюрго, то Малербу, то Неккеру, которые пытались вводить улучшенія въ той части управленія, которая въ особенности была знакома каждому изъ нихъ.

Малербъ, принадлежавшій къ судейскому дворянству, наслѣдовалъ добродѣтели, а не предразсудки парламентаризма. Свободный умъ соединялся въ немъ съ прекраснѣйшею душой. Онъ желалъ возвратить каждому его права: осужденнымъ — возможность защиты, протестантамъ — свободу совѣсти, писателямъ — свободу печати, всѣмъ французамъ — гарантію личности; потому онъ и пред-

ложилъ возобновленіе нантскаго эдикта, отмѣну пытки, отмѣну lettres de cachet и уничтоженіе цензуры. Тюрго, человѣкъ съ большимъ умомъ, съ твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ, съ рѣдкою силой воли, пытался осуществить еще болѣе широкіе замыслы. Онъ соединился съ Малербомъ, чтобы при его помощи довершить учрежденіе такой административной системы, которая возстановила бы единство въ правительствѣ и равенство въ государствѣ. Этотъ добродѣтельный гражданинъ постоянно занимался улучшеніемъ судьбы народа; онъ хотѣлъ совершить все то, что сдѣлала позднѣе революція,—уничтоженіе сервитутовъ и привилегій. Онъ предложилъ освободить крестьянъ отъ барщины, провинціи—отъ ихъ заставъ, торговлю—отъ внутреннихъ таможенъ, промышленность—отъ всякихъ стѣсненій и, наконецъ, заставить дворянство и духовенство платить одинаковыя подати со среднимъ сословіемъ. Этотъ великій министръ, о которомъ Малербъ говорилъ, что онъ имѣлъ *умъ Бэкона и сердце Лопиталя*, хотѣлъ посредствомъ провинціальныхъ собраній пробудить націю къ общественной жизни и приготовить ее къ возстановленію генеральныхъ штатовъ. Если бы онъ могъ удержаться на своемъ мѣстѣ, то совершилъ бы революцію мѣрами правительственными. Но при существованіи частныхъ привилегій, при всеобщемъ порабощеніи, всѣ планы, клонившіеся къ общественному благу, были неприменимы. Своими попытками къ улучшенію общественнаго строя Тюрго возбудилъ противъ себя неудовольствіе привилегированныхъ и парламента,—отмѣною натуральныхъ повинностей и внутреннихъ таможенъ; наконецъ, встревожилъ стараго министра тѣмъ вліяніемъ, которое сталъ было пріобрѣтать надъ Людовикомъ XVI. Людовикъ XVI покинулъ его, хотя и говорилъ, что Тюрго и онъ были единственные люди, желавшіе добра народу.

Тюрго былъ замѣненъ въ 1776 г., въ генеральномъ контролѣ финансовъ, Клюньи, бывшимъ интендантомъ Сенъ-Доминго; по прошествіи шести мѣсяцевъ Клюньи былъ, въ свою очередь, замѣненъ Неккеромъ. Неккеръ былъ иностранецъ, протестантъ, банкиръ, скорѣе замѣчательный администраторъ, нежели государственный человѣкъ; поэтому онъ задумалъ реформы Франціи въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ, чѣмъ Тюрго; но Неккеръ приводилъ ее въ исполненіе съ большимъ тактомъ и разсчитывалъ на помощь времени. Назначенный министромъ для того, чтобы найти денегъ для двора, онъ воспользовался этою нуждою въ деньгахъ для того, чтобы дать нѣкоторую свободу народу. Онъ поправилъ финансы, внеся въ нихъ порядокъ, и далъ провинціямъ нѣкоторую возможность участвовать въ администраціи. Его замыслы были благоразумны и вѣрны: они заключались въ томъ, чтобы уравнять расходы съ доходами сокращеніемъ первыхъ; довольствоваться налогами въ обыкновенное время и прибѣгать къ займамъ только въ важныхъ случаяхъ, когда нужды настоящаго были важны и для будущаго опредѣлялось на-

ими провинціальными собраніями и установить гласную отчетность для облегченія займовъ. Эта система основывалась на сущности займа, который, нуждаясь въ кредитѣ, требуетъ отъ администраціи гласности, а также на сущности налога, который, имѣя надобность въ согласіи плательщиковъ, требуетъ, чтобы администрація поступилась частью своей власти въ пользу послѣднихъ. Всякій разъ, когда правительство нуждается въ средствахъ и занимаетъ ихъ, обращаясь къ заимодавцамъ, оно обязано дать имъ отчетъ въ своемъ финансовомъ положеніи; обращаясь къ плательщикамъ налоговъ, оно обязано предоставить имъ долю участія во власти. Итакъ, займы привели къ отчетности, а налоги — къ генеральнымъ штатамъ, т. е. первые подчинили власть общественному суду, а вторые — народу. Но хотя Неккеръ проводилъ реформы съ меньшимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ Тюрго, хотя онъ имѣлъ въ виду вознагражденіемъ привилегированныхъ сословій устранить злоупотребленія, а не совершенно искоренить ихъ, какъ желалъ его предшественникъ, тѣмъ не менѣе онъ не былъ счастливѣе его. Своею бережливостью онъ возбудилъ неудовольствіе въ придворныхъ, дѣйствіями провинціальныхъ собраній возбудилъ негодованіе парламентовъ, которые только единственно за собою хотѣли удержать право на оппозицію; и первый министръ не могъ простить ему того небольшого вліянія, которымъ онъ пользовался. Неккеръ былъ вынужденъ удалиться изъ министерства въ 1781 г., спустя нѣкоторое время послѣ обнародованія знаменитаго отчета (Comptes rendus), внезапно открывшаго Франціи ея государственныя дѣла и сдѣлавшаго невозможнымъ возвращеніе къ неограниченной власти. Вскорѣ послѣ удаленія Неккера умеръ Морепа. Королева замѣнила его собою у Людовика XVI и наслѣдовала все его вліяніе на послѣдняго. Этому доброму, но слабому королю необходимо было, чтобы кто-нибудь управлялъ имъ. Жена его, молодая, красивая, дѣятельная, прелестная, пріобрѣла надъ нимъ сильное вліяніе. Правда, можно сказать, что дочь Маріи-Терезіи сохранила или оживила сильное, или смутное слабое воспоминаніе о своей матери; властолюбіе соединялось въ ней съ легкомысліемъ, и она располагала властью только для того, чтобы облекать ею людей, приятныхъ ей и государству, а ей самой. Морепа не довѣрялъ придворнымъ министрамъ и выбиралъ всегда людей популярныхъ, правда, онъ ихъ не поддерживалъ, но если это не сдѣлало добра, то и не увеличило зла. Послѣ его смерти царедворцы-министры вмѣсто популярныхъ и своими ошибками сдѣлали неизбѣжнымъ кризисъ, который другіе хотѣли предупредить реформами. Это различіе въ выборѣ весьма замѣтно: перемѣна людей произвела перемѣну въ системѣ администраціи. Революція началась именно съ этого времени; когда старыя реформы были брошены, возобновились безпорядки; все это ускорило приближеніе революціи, и она проявилась съ большимъ ожесточеніемъ.

Калоннъ, занимавшій должность интенданта, былъ назначенъ

генеральнымъ контролеромъ финансовъ. Управлять этимъ важнѣйшимъ министерствомъ было весьма трудно. Неккеръ имѣлъ двухъ преемниковъ, и ни одинъ не могъ замѣнить его; тогда, въ 1783 г., обратились къ Калонну. Калоннъ былъ смѣлъ, блестящъ, рѣчистъ, работалъ скоро, умъ имѣлъ легкій, изобрѣтательный. По убѣжденію или по расчету, онъ принялъ въ администраціи систему, совершенно противоположную системѣ своего предшественника. Неккеръ совѣтовалъ бережливость,—Калоннъ восхвалялъ расточительность: въ придворныхъ, виновникахъ паденія Неккера, Калоннъ хотѣлъ найти себѣ поддержку. Щедростью онъ поддерживалъ свои софизмы: королеву убѣждалъ онъ празднествами, вельможъ—пенсіями; придалъ сильное движеніе финансовымъ оборотамъ, чтобы легкостью и количествомъ операцій доказать вѣрность своихъ воззрѣній; онъ увлекъ даже капиталистовъ, расплачиваясь съ ними сперва очень аккуратно. Займы онъ продолжалъ дѣлать и послѣ заключенія мира и потерялъ кредитъ, который Неккеръ своимъ благоразуміемъ пріобрѣлъ правительству. Лишенный этого средства вслѣдствіе неумѣреннаго пользованія имъ, Калоннъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ налогамъ, чтобы продлить время своего владычества. Но съ кого же брать эти налоги? Платить больше прежняго народъ не былъ въ состояніи; привилегированныя сословія ничего добровольно не предлагали. Однакожъ, нужно было рѣшиться, и Калоннъ, надѣясь получить больше отъ того, что было ново, созвалъ нотаблей, засѣданія которыхъ открылись въ Версалѣ 22-го февраля 1787 г. Но обращеніе за помощью къ другимъ должно было положить конецъ системѣ, основанной на расточительности. Министръ, подкупавшій щедрой раздачей денегъ, не могъ удержаться, когда ему пришлось просить ихъ.

Нотабли, избранные правительствомъ изъ высшихъ сословій, образовали какъ бы совѣтъ министерства, не имѣвшій ни собственнаго существованія, ни полномочія. Не желая прибѣгать ни къ парламентамъ, ни къ генеральнымъ штатамъ, Калоннъ съ намѣреніемъ обратился къ собранію, болѣе зависимому и потому—такъ надѣялся онъ—болѣе покорному. Но нотабли, принадлежавшіе къ привилегированнымъ сословіямъ, мало расположены были къ пожертвованіямъ. Нерасположеніе еще усилилось, когда нотабли увидѣли бездну, вырытую всепоглощающею администраціей. Они съ ужасомъ узнали, что займы увеличились въ нѣсколько лѣтъ до миллиарда шестисотъ сорока шести милліоновъ, и что въ доходахъ былъ ежегодный дефицитъ въ сто сорокъ милліоновъ. Это открытіе было предвѣстникомъ паденія Калонна. Онъ палъ, и его мѣсто занялъ санскій архіепископъ Ломени де-Бріеннъ, противникъ его въ собраніи. Бріеннъ разсчитывалъ на преданность большинства нотаблей, потому что оно было на его сторонѣ, когда дѣло шло о низверженіи Калонна. Но члены привилегированныхъ сословій были точно также нерасположены жертвовать Бріенну, какъ и его

предшественнику. Они помогали ему въ его нападеніяхъ на Калонна, что согласовалось съ ихъ интересами, но не хотѣли помогать его честолюбію, до котораго имъ не было ровно никакого дѣла.

Сансъ-архіепископа упрекали въ томъ, что у него нѣтъ плана,—но онъ и не могъ имѣть плана. Нельзя было продолжать расточительность Калонна; возвращаться къ неккеровскимъ сокращеніямъ расходовъ было поздно. Въ прежнее время бережливость была средствомъ къ спасенію,—въ настоящее же время она спасти не могла. Нужно было прибѣгнуть или къ налогамъ,—но имъ противился парламентъ; или къ займамъ,—но кредитъ былъ истощенъ; или къ пожертвованіямъ со стороны привилегированныхъ сословій,—но они не соглашались жертвовать. Бріеннъ всю жизнь свою мечталъ о министерствѣ, но способности его не соотвѣтствовали затруднительному положенію, въ которомъ онъ находился; онъ испробовалъ все и не успѣлъ ни въ чемъ. Это былъ человѣкъ дѣятельнаго, но безсильнаго ума, характера дерзкаго, но непостояннаго. До приведенія въ исполненіе какой-нибудь мѣры онъ былъ смѣлъ, но затѣмъ имъ овладѣвала слабость, и онъ погубилъ себя нерѣшительностью, медленностью и частымъ измѣненіемъ средствъ. Правда, ему предстоялъ выборъ только между отчаянными средствами; но ни на одно изъ нихъ онъ не могъ рѣшиться съ тѣмъ, чтобы провести его послѣдовательно до конца. Собраніе нотаблей оказалось непокорнымъ и весьма скучнымъ. Одобривъ учрежденіе провинціальныхъ собраній, постановленіе о хлѣбной торговлѣ, уничтоженіе натуральныхъ повинностей и новый штемпельный налогъ, оно разошлось 25-го мая 1787 г., распространивъ по всей Франціи все узнанное имъ насчетъ нуждъ престола, объ ошибкахъ министровъ, о расточительности двора и о непоправимомъ бѣдствіи народа. Бріеннъ, лишенный помощи со стороны нотаблей, прибѣгнулъ къ налогамъ, какъ къ такому средству, которое не употреблялось уже съ нѣкоторыхъ поръ. Онъ потребовалъ внесенія въ парламентскій регистръ двухъ указовъ—о гербовыхъ пошлинахъ и о поземельномъ налогѣ; но парламентъ, находившійся тогда въ полной силѣ своего могущества и тщеславія, видѣвшій въ финансовыхъ затрудненіяхъ правительства вѣрное средство усилить свою власть, отказался исполнить требованіе министра. Министръ выслалъ парламентъ въ Труа, куда онъ былъ удаленъ и гдѣ наскучило ему жить, но подъ условіемъ внесенія указовъ въ регистръ. Мѣра эта только отсрочила вражду; нужды короны вскорѣ оживили и ожесточили борьбу. Министру снова нужны были деньги; самое существованіе его обусловливалось успѣхомъ нѣкоторыхъ займовъ, до суммы четырехсотъ сорока милліоновъ. Нужно было добиться внесенія ихъ въ парламентскіе регистры.

Бріеннъ приготовился къ оппозиціи парламента. Для внесенія указа о займахъ въ парламентскіе регистры было назначено королевское засѣданіе; чтобы задобрить магистратуру и общественное

мнѣнія, въ то же время протестантамъ были возвращены ихъ права, и Людовикъ XVI обѣщалъ ежегодное обнародованіе отчета министерства финансовъ и созваніе генеральныхъ штатовъ не позже, какъ черезъ пять лѣтъ. Но эти уступки уже не удовлетворяли никого: парламентъ отказался отъ внесенія займовъ въ регистры и возсталъ противъ министерской тираніи. Нѣкоторые изъ членовъ его, и между прочимъ герцогъ Орлеанскій, подверглись ссылкѣ. Парламентъ протестовалъ рѣшеніемъ, противъ lettres de cachet и требовалъ возвращенія изъ ссылки своихъ членовъ. Король объявилъ рѣшеніе это недѣйствительнымъ,—парламентъ подтвердилъ его. Борьба разгоралась все сильнѣе и сильнѣе. Парижская магистратура встрѣтила поддержку въ магистратурѣ всей Франціи: общественное мнѣніе сочувственно относилось къ ней. Она провозгласила права націи и собственную некомпетентность свою въ дѣлѣ налоговъ; либеральная ради собственныхъ выгодъ, великодушная вслѣдствіе гнева, она возстала противъ произвольныхъ арестовъ и потребовала правильнаго созванія генеральныхъ штатовъ. Вслѣдъ за этимъ геройскимъ поступкомъ она постановила несмѣняемость своихъ членовъ и объявила недѣйствительными чьи бы то ни были притязанія на эти должности. Эта смѣлая манифестація повлекла за собою арестъ двухъ членовъ парламента, д'Эпремениля и Гуалара, реформу парламента и учрежденіе новаго верховнаго судилища (cour plenière).

Бріеннъ понялъ, что оппозиція парламента становится систематической, что она возобновляется при каждомъ требованіи субсидій, при каждомъ заключеніи займа. Ссылка помогала только на время: оппозиція умолкала, но не уничтожалась. Убѣдившись въ этомъ, онъ задумалъ ограничить парламентъ одной судебной властью и избралъ себѣ въ помощники, для приведенія въ исполненіе этого плана, хранителя государственной печати Ламуаньона. Ламуаньонъ былъ словно созданъ для государственныхъ переворотовъ, идущихъ сверху. Онъ отличался смѣлостью и соединялъ съ энергическимъ постоянствомъ Мопу бо́льшую долю благоразумія и честности; но онъ ошибся въ силахъ правительства и не разсчиталъ, что было возможно въ его время. Мопу передѣлалъ парламентъ, измѣнивъ составъ его членовъ; Ламуаньонъ хотѣлъ его уничтожить. Въ случаѣ удачи, первая изъ этихъ мѣръ вызвала бы только временное успокоеніе; вторая должна была привести къ рѣшительнымъ результатамъ, такъ какъ она уничтожала власть, которую первая хотѣла перенести изъ однѣхъ рукъ въ другія; но реформа Мопу оказалась непрочною, реформа Ламуаньона — неосуществимою. А между тѣмъ она производилась довольно разумно. Вся французская магистратура была удалена въ одинъ и тотъ же день, чтобы дать мѣсто новой судебной организаціи. Хранитель государственной печати отнялъ у парижскаго парламента его политическія права и передалъ ихъ верховному судилищу, составленному министерствомъ, ограничивъ

ему судебный авторитетъ въ пользу окружныхъ судовъ, расширивъ кругъ ихъ дѣятельности. Но общественное мнѣніе пришло въ негодованіе: уголовный судъ (le Châtelet) протестовалъ, провинціи возстали, и верховное судилище не могло ни составиться, ни дѣйствовать. Въ Дофинэ, Бретани, Провансѣ, во Фландріи, въ Лангедокѣ, въ Беарнѣ вспыхнули бунты; вмѣсто правильной оппозиціи парламента, министерству пришлось вынесть оппозицію болѣе горячую, болѣе необузданную. Къ ней примкнули и дворянство, и третье сословіе, и провинціальные штаты, и даже духовенство. Вынужденный финансовымъ кризисомъ, Бріеннъ созвалъ чрезвычайное собраніе духовенства: оно тотчасъ же обратилось къ королю съ адресомъ, въ которомъ требовало уничтоженія верховнаго судилища и скорѣйшаго созванія генеральныхъ штатовъ: они одни только могли теперь поправить разстроенные финансы, обезпечить государственный долгъ и положить конецъ этимъ столкновеніямъ властей.

Архіепископъ санскій, отстранивъ на время финансовый кризисъ, вызвалъ своею распрею съ парламентомъ кризисъ правительственный. Едва онъ отвратилъ его, какъ денежный вопросъ снова выступилъ на сцену и рѣшилъ паденіе министерства. Не получая ни податей, ни займа, лишенный возможности воспользоваться верховнымъ судилищемъ, не желая снова обращаться къ парламентамъ, Бріеннъ испробовалъ послѣднее средство и обѣщалъ созваніе генеральныхъ штатовъ. Но эта мѣра только ускорила его паденіе. Онъ былъ призванъ къ управленію финансами, чтобы достать денегъ,—а онъ не могъ получить ихъ. Кромѣ того, онъ довелъ до отчаянія націю, возстановилъ противъ правительства государственныя сословія, скомпрометировалъ власть правительства и сдѣлалъ неизбѣжнымъ крайнее, но сильное даже средство къ добыванію денегъ—созваніе генеральныхъ штатовъ; онъ палъ 25-го августа 1788 г. Послѣ его паденія его пріостановили было уплату государственныхъ рентъ: это значило уже банкротство. На Бріенна, какъ на послѣдняго по времени, пало всего больше нареканій. Наслѣдникъ ошибокъ и затрудненій прошлаго, онъ увидѣлъ себя въ необходимости бороться съ сильнымъ раздраженіемъ общества, употребляя въ дѣло слабыя средства. Онъ пускалъ въ ходъ интригу и притѣсненія, ссылалъ членовъ парламента, закрывалъ его на время, пытался его раздробить: все противодѣйствовало ему, и ничто не шло на помощь. Наконецъ, послѣ безплодныхъ усилій, онъ палъ отъ изнеможенія и неудачи; не рѣшаюсь сказать, чтобы онъ палъ вслѣдствіе собственной несостоятельности своей, потому что, будь онъ гораздо сильнѣе, гораздо искуснѣе, будь онъ даже Ришелье или Сюлли, онъ все-таки палъ бы. Возвращеніе денегъ, участіе народа не были уже не въ его силахъ. Нужно еще прибавить въ его оправданіе, что онъ не самъ создалъ то положеніе, изъ котораго не въ состояніи былъ выпутаться: онъ виноватъ только въ самонадѣянности, съ которою рѣшился принять его. Онъ палъ жертвою ошибокъ Ка-

лонна, какъ Калоннъ воспользовался для своей расточительности кредитомъ, созданнымъ Неккеромъ. Одинъ погубилъ кредитъ; другой, захотѣвъ возстановить его силою, подорвалъ основанія власти.

Правительству осталось только одно средство, престолу—одно спасеніе: созвать генеральные штаты. Ихъ требовали съ одинаковою настойчивостью парламентъ и перы королевства, 13-го іюля 1787 г., —сословія Дофинэ въ визильскомъ собраніи, духовенство въ своемъ парижскомъ собраніи. Провинціальные штаты приготовили къ нимъ умы; нотабли были ихъ предтечами. Король, обѣщавшій 18-го декабря 1787 г. созвать ихъ до истеченія пяти лѣтъ, 8-го августа 1788 г. назначилъ днемъ открытія ихъ 1-е мая 1789 г. Неккеръ былъ снова призванъ, парламентъ возстановленъ, верховное судилище уничтожено, окружные суды (bailliages) закрыты, провинціи удовлетворены; новый министръ принялъ всѣ необходимыя мѣры для избранія депутатовъ и созванія штатовъ.

Въ это время въ оппозиціи, отличавшейся до сихъ поръ своимъ единодушіемъ, произошла большая перемѣна. Министерство Бріенна встрѣтило сопротивленіе отъ всѣхъ государственныхъ сословій, потому что оно стремилось къ угнетенію ихъ. При Неккерѣ министерство встрѣтило оппозицію привилегированныхъ сословій, домогавшихся власти для себя лично и рабства для народа. Правительство обратилось изъ деспотическаго въ національное, а они всеми были противъ него. Оппозиція парламента была скорѣе борьбою за власть, чѣмъ за общественное благо; дворянство соединилось съ третьимъ сословіемъ болѣе изъ вражды къ правительству, чѣмъ изъ любви къ народу. Каждое изъ привилегированныхъ сословій требовало созванія генеральныхъ штатовъ изъ личныхъ выгодъ: парламентъ надѣялся управлять ими, какъ въ 1614 г.; дворянство питало надежду возвратить свое утраченное вліяніе. Потому-то магистратура и предложила за образецъ генеральнымъ штатамъ 1789 г. генеральные штаты 1614 г., а общественное мнѣніе отреклось отъ этого образца; потому-то дворянство не соглашалось на двойное представительство третьяго сословія, и раздоръ вспыхнулъ между дворянствомъ и среднимъ сословіемъ. Духъ времени, настоятельная необходимость реформъ, значеніе, пріобрѣтенное третьимъ сословіемъ,—все требовало этого двойного представительства. Оно было уже допущено въ провинціальныхъ собраніяхъ. Когда Бріеннъ передъ выходомъ изъ министерства обратился ко всѣмъ писателямъ, спрашивая ихъ мнѣнія о лучшемъ составѣ и устройствѣ генеральныхъ штатовъ, въ числѣ сочиненій, сочувственныхъ народу, явилась и знаменитая брошюра Сійеса о третьемъ сословіи (tiers état) и брошюра д'Антрега о генеральныхъ штатахъ. Общественное мнѣніе высказывалось все опредѣлительнѣе и опредѣлительнѣе; Неккеръ, желая и вмѣстѣ съ тѣмъ не смѣя удовлетворить его, желая примирить всѣ сословія, пріобрѣсти всеобщую популярность, созвалъ второе собраніе нотаблей въ ноябрѣ

1788 г. для обсужденія состава генеральныхъ штатовъ и способа избранія депутатовъ. Онъ думалъ побудить это собраніе согласиться на двойное число представителей третьяго сословія; но нотабли не дали своего согласія, и онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ рѣшить противъ желанія нотаблей то, что онъ долженъ былъ бы рѣшить безъ нихъ. Неккеръ не сумѣлъ избѣгнуть распрей, потому что предварительно не рѣшилъ всѣхъ затрудненій. Онъ не взялъ на себя иниціативы въ дѣлѣ двойнаго представительства третьяго сословія, такъ не взялъ ее и впослѣдствіи по вопросу о голосованіи посословномъ или поголовномъ. Когда генеральные штаты собрались, рѣшеніе этого втораго вопроса, отъ котораго зависѣла судьба власти и народа, было предоставлено силѣ.

Какъ бы то ни было, хотя Неккеръ не успѣлъ склонить нотаблей къ согласію на двойное представительство третьяго сословія, онъ настоялъ было въ совѣтѣ на принятіи этой мѣры. Королевскимъ объявленіемъ отъ 28-го ноября было постановлено, что число депутатовъ въ генеральныхъ штатахъ будетъ доходить по крайней мѣрѣ до тысячи, и депутаты третьяго сословія будутъ равняться числомъ соединеннымъ депутатамъ духовенства и дворянства. Сверхъ того, Неккеръ добился включенія сельскихъ священниковъ въ духовное сословіе и протестантовъ въ третье сословіе. Окружныя собранія были созваны для выборовъ; волненіе было всеобщее: каждый хотѣлъ выбрать членовъ своей партіи и составить въ своемъ духѣ избирательные списки. Парламентъ имѣлъ мало вліянія на выборы, а дворъ—рѣшительно никакого. Дворянство выбрало нѣсколькихъ популярныхъ депутатовъ, но большею частью лицъ, преданныхъ интересамъ своего сословія и равно враждебныхъ, какъ третьему сословію, такъ и олигархіи знатныхъ придворныхъ фамилій. Духовенство выбрало епископовъ и аббатовъ, горячо стоявшихъ за привилегіи, и священниковъ, сочувствовавшихъ народному дѣлу, которое было и собственнымъ ихъ дѣломъ; наконецъ, третье сословіе выбрало людей просвѣщенныхъ, твердыхъ и единодушныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Депутатами отъ дворянства были 242 дворянина и 28 членовъ парламентовъ; депутація отъ духовенства состояла изъ 48 архіепископовъ или епископовъ, 35 аббатовъ или декановъ и 208 священниковъ; наконецъ, представительство общинъ состояло изъ 2 духовныхъ лицъ, 12 дворянъ, 18 городскихъ сановниковъ, 102 членовъ окружныхъ судовъ, 212 адвокатовъ, 16 докторовъ, 216 купцовъ и землевладѣльцевъ. 5-е мая 1789 г. было назначено для открытія генеральныхъ штатовъ.

Такимъ образомъ была вызвана революція: дворъ частью старался предупредить ее, частью пытался впослѣдствіи ее уничтожить. Подъ руководствомъ Морепа король назначалъ популярныхъ министровъ и дѣлалъ попытки реформъ; подъ вліяніемъ королевы онъ назначалъ министровъ-царедворцевъ и проявлялъ властолюбивыя тенденціи. Деспотизмъ оказался такъ же неудаченъ,

лась бы существенная реформа. Тщетно обращался онъ къ царедворцамъ за экономіей, къ парламентамъ за налогами, къ капиталистамъ за займами: нужно было найти новый классъ плательщиковъ, и онъ пытался найти его въ привилегированныхъ сословіяхъ. Онъ обратился къ нотаблямъ, состоявшимъ изъ представителей дворянства и духовенства, съ требованіемъ помочь ему нести бремя государства,—они отказались. Тогда только обратился онъ ко всей Франціи и созвалъ генеральные штаты. Онъ пробовалъ войти въ сдѣлку съ сословіями, прежде чѣмъ войти въ сдѣлку съ націею, и только отказъ первыхъ принудилъ его обратиться къ странѣ, вмѣшательство и поддержка которой внушали ему опасенія. Онъ предпочиталъ частныя собранія, изолированныя и потому слабыя, общему собранію, которое, представляя всѣ интересы, должно было сосредоточить въ себѣ всю власть. До этой великой эпохи затрудненія правительства увеличивались, а сопротивленіе возрастало съ каждымъ годомъ. Оппозиція перешла отъ парламентовъ къ дворянству, отъ дворянства къ духовенству, а отъ него къ народу. По мѣрѣ того, какъ каждое изъ сословій стремилось захватить власть, и оно начинало выказывать сопротивленіе; наконецъ, всѣ эти частныя оппозиціи слились въ одну національную оппозицію, или сложили передъ нею. Генеральные штаты только узаконили уже совершившуюся революцію.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Съ 5-го мая 1789 г. по ночь 4-го августа.

Открытіе генеральныхъ штатовъ.—Мнѣніе о нихъ двора, министерства и разныхъ государственныхъ сословій.—Повѣрка полномочій. Вопросъ о подачѣ голосовъ по сословіямъ или поголовно.—Сословіе общинъ образуетъ изъ себя національное собраніе.—Дворъ приказываетъ запереть залу, гдѣ засѣдали штаты.—Клятва въ Jeu de Paume.—Большинство духовнаго сословія присоединяется къ общинамъ.—Королевское засѣданіе 23-го іюня; его безполезность. Проектъ двора; событія 12-го, 13-го и 14-го іюля; отставка Неккера; возстаніе Парижа; образованіе національной гвардіи; осада и взятіе Бастиліи.—Послѣдствія событій 14-го іюля.—Декреты 4-го августа.—Характеръ начавшейся революціи.

День 5-го мая 1789 г. былъ назначенъ для открытія генеральныхъ штатовъ. Этому открытію предшествовала наканунѣ религіозная церемонія. Король, его семейство, министры и депутаты трехъ сословій отправились въ процессіи изъ церкви Божіей Матери (Notre Dame) въ церковь Св. Людовика, чтобы отслушать тамъ вступительную обѣдню. Не безъ восторга смотрѣли всѣ на возобновленіе этого народнаго торжества, котораго Франція лишена была такъ долго. Оно имѣло характеръ настоящаго праздника. Громадная толпа прибыла въ Версаль со всѣхъ сторонъ; погода была превосходная; на великолѣпную обстановку не жалѣли средствъ. Звуки музыки, добрая и довольная наружность короля, чудная и благородная красота королевы и болѣе всего—общія надежды воодушевляли всѣхъ. Но съ прискорбіемъ замѣтили всѣ этикетъ, костюмы, тѣ же сословныя различія, какъ и въ собраніи 1614 г. Духовенство, въ рясахъ, въ бѣлыхъ мантіяхъ, четыреугольныхъ шапкахъ или въ фіолетовой одеждѣ и стихаряхъ, занимало первое мѣсто. За нимъ слѣдовало дворянство въ черныхъ кафтанахъ, въ камзолахъ съ суконными обшлагами, шитыми золотомъ, въ кружевныхъ жабо и въ шляпахъ съ бѣлыми перьями à la Henri IV. Наконецъ, послѣднее мѣсто занимало скромное третье сословіе, все въ черномъ, въ короткихъ плащахъ, въ кисейныхъ жабо и въ шляпахъ безъ перьевъ. Въ церкви сословія стояли въ томъ же порядкѣ.

На другой день королевское засѣданіе было въ залѣ des Menus. Амфитеатромъ расположенные хоры были полны зрителями. Депутатовъ призвали и ввели въ порядкѣ, установленномъ въ 1614 г. Духовенство было поставлено направо отъ трона, дворянство—слѣва, а общины—противъ трона, помѣщавшагося въ глубинѣ залы. Оглушительныя рукоплесканія встрѣтили депутацію Дофинэ, депутацію Крепи въ Валуа, въ которой находился герцогъ Орлеанскій, и депутацію Прованса. Неккера встрѣтили также общимъ восторгомъ. Общественный голосъ привѣтствовалъ всѣхъ тѣхъ, которые способствовали созванію генеральныхъ штатовъ. Когда депутаты и министры заняли свои мѣста, появился король съ королевою, принцами и блестящею свитой. При его появленіи зала потряслась отъ рукоплесканій. Людовикъ XVI сѣлъ на тронъ, и какъ только надѣлъ шляпу—тотчасъ же накрылись и всѣ три сословія. Общины, вопреки обычаю прежнихъ штатовъ, не колеблясь, послѣдовали примѣру духовенства и дворянства: прошло уже то время, когда третье сословіе должно было стоять съ открытой головой и говорить колѣнопреклоненно. Въ величайшемъ молчаніи всѣ ожидали рѣчи короля. Всѣ жаждали узнать, каковы были дѣйствительныя намѣренія правительства по отношенію къ штатамъ; приравняетъ ли оно настоящее собраніе прежнимъ, или же предоставитъ ему ту роль, которую указывали ему государственныя нужды и величіе обстоятельствъ.

„Господа,—сказалъ король съ волненіемъ,—день, столь желанный моимъ сердцемъ, наконецъ наступилъ, и я вижу себя въ кругу представителей націи, управлять которой считаю себѣ за славу. Долгій промежутокъ времени прошелъ съ послѣдняго собранія генеральныхъ штатовъ,—и хотя созваніе этихъ штатовъ, казалось, уже вышло изъ употребленія, я не колебался возстановить обычай, изъ котораго государство можетъ извлечь новую силу и который можетъ открыть націи новый источникъ благоденствія". За этими первыми, многообѣщавшими, словами послѣдовали только объясненія о долгѣ и объявленіе о предстоящемъ сокращеніи расходовъ. Вмѣсто того, чтобы умно начертать штатамъ программу, которой они должны держаться, король приглашалъ ихъ къ взаимному согласію, говорилъ о нуждѣ въ деньгахъ, выражалъ боязнь нововведеній и жаловался на тревожное состояніе умовъ, не предлагая никакихъ мѣръ къ успокоенію ихъ. Впрочемъ, сильныя рукоплесканія раздались, когда онъ произнесъ въ концѣ рѣчи слѣдующія слова, хорошо рисовавшія его намѣренія: „Ожидайте отъ меня всего того, къ чему можетъ побудить самое живое участіе къ общественному благу, всего того, что можно требовать отъ государя, перваго друга своего народа. Пусть царствуетъ, господа, счастливое согласіе въ этомъ собраніи; пусть сдѣлается эта эпоха навсегда памятною для счастія и благоденствія государства. Это—желаніе сердца моего; это—самое горячее мое желаніе; это—на-

традъ, которыя я ожидаю за прямоту моихъ намѣреній и за любовь мою къ народу".

Послѣ короля говорилъ хранитель государственной печати, Барантенъ; рѣчь его была подробною диссертаціею о генеральныхъ штатахъ и о благодѣяніяхъ короля. Послѣ длиннаго вступленія онъ приступилъ, наконецъ, къ вопросамъ животрепещущимъ: „Его величество,—сказалъ онъ,—даруя двойное представительство самому многочисленному изъ трехъ сословій, тому, на которомъ главнымъ образомъ лежитъ тяжесть налоговъ, не измѣнилъ формы прежнихъ совѣщаній. Хотя поголовная подача голосовъ, приводящая къ одному общему результату, имѣетъ, повидимому, то преимущество, что лучше выражаетъ общія желанія, однако, король желаетъ, чтобы этотъ новый порядокъ былъ принятъ не иначе, какъ со свободнаго согласія государственныхъ сословій и съ одобренія его величества. Но каковы бы ни были мнѣнія объ этомъ вопросѣ, какое бы ни было установлено различіе между предметами, долженствующими подвергнуться обсужденію собранія, не слѣдуетъ сомнѣваться, что совершеннѣйшее согласіе соединитъ всѣ три сословія въ вопросѣ о налогѣ". Правительство было непрочь отъ поголовнаго голосованія въ вопросахъ денежныхъ, потому что такой способъ быстро рѣшаетъ дѣло; но въ вопросахъ политическихъ оно заявило себя въ пользу посословнаго голосованія, потому что такой способъ скорѣе всего могъ помѣшать нововведеніямъ. Такимъ образомъ оно хотѣло достигнуть настоящей своей цѣли—субсидій и не позволить націи достигнуть ея цѣли—реформъ. Намѣренія двора выразились еще яснѣе, когда хранитель печати опредѣлилъ кругъ занятій генеральныхъ штатовъ. Онъ ограничилъ ихъ, собственно говоря, разсмотрѣніемъ налога для того только, чтобы утвердить его, преніями о законѣ о печати, чтобы ее ограничить, и реформою гражданскаго и уголовнаго законодательства. Высказавшись противъ всѣхъ другихъ преобразованій, онъ заключилъ рѣчь свою такъ: „Справедливыя желанія удовлетворены; нескромный ропотъ не остановилъ короля, снисходительно забывшаго о немъ, прощающаго даже выраженіе тѣхъ ложныхъ и преувеличенныхъ мнѣній, въ силу которыхъ многіе думаютъ замѣнить неизмѣнныя начала монархіи пагубными химерами. Вы отвергнете, господа, съ негодованіемъ эти опасныя нововведенія; только враги общественнаго блага стараются смѣшать ихъ съ благотворными и необходимыми реформами, долженствующими повлечь за собою то обновленіе, котораго такъ желаетъ его величество".

Говорить такимъ образомъ—значило не знать желаній націи или открыто идти вразрѣзъ съ ними. Малоудовлетворенное собраніе обратилось къ Неккеру, отъ котораго ожидало рѣчи совсѣмъ другого рода. Онъ былъ министромъ популярнымъ, онъ настоялъ на двойномъ представительствѣ средняго сословія, и потому можно было надѣяться, что онъ отдастъ предпочтеніе поголовной подачѣ

голосовъ, которая одна только давала возможность третьему сословію воспользоваться своею численностью. Но онъ говорилъ, какъ генеральный контролеръ и человѣкъ осторожный: рѣчь его, длившаяся цѣлыхъ три часа, заключала въ себѣ пространный финансовый отчетъ; и когда, утомивъ собраніе, онъ подошелъ къ вопросу, занимавшему всѣ умы, то отнесся къ нему нерѣшительно, не желая ссориться ни съ дворомъ, ни съ народомъ.

Правительству слѣдовало бы вѣрнѣе понять важность генеральныхъ штатовъ: одно возобновленіе ихъ уже предвѣщало великій переворотъ. Съ надеждой ожидаемые всѣми, они явились въ такое время, когда старая монархія одряхлѣла и когда они одни способны были преобразовать государство, удовлетворивъ правительственнымъ нуждамъ. Трудное время, самая сущность назначенія штатовъ, выборъ ихъ членовъ — все свидѣтельствовало о томъ, что собраны они теперь не за тѣмъ, чтобы быть послушными орудіями въ рукахъ правительства, а за тѣмъ, чтобы быть законодателями. Общественное мнѣніе даровало имъ право на возрожденіе Франціи, инструкціи, имъ данныя, уполномочивали ихъ къ тому; въ самой громадности злоупотребленій и въ поддержкѣ общества они должны были найти силу для того, чтобы предпринять и совершить этотъ великій трудъ.

Королю слѣдовало принять участіе въ ихъ занятіяхъ. Этимъ средствомъ онъ могъ бы возстановить свою власть и обезопасить себя отъ крайностей революціи, совершивъ ее самъ. Еслибы, принявъ на себя иниціативу въ реформахъ, онъ опредѣлилъ бы твердо, но справедливо новый порядокъ вещей; еслибы, удовлетворяя желаніямъ Франціи, онъ опредѣлилъ права гражданъ, права генеральныхъ штатовъ и границы королевской власти; еслибы онъ отказался отъ собственнаго произвола, отъ привилегій дворянства и другихъ сословій; еслибы, наконецъ, онъ совершилъ всѣ реформы, которыхъ требовало общественное мнѣніе, и которыя были впослѣдствіи введены Учредительнымъ Собраніемъ, — онъ предупредилъ бы пагубныя распри, возникшія позже. Трудно найти государя, который бы согласился раздѣлить свою власть между собою и другими, который бы настолько былъ просвѣщенъ, чтобы добровольно уступить то, что долженъ потерять неизбѣжно. Людовикъ XVI, однако-жъ, сдѣлалъ бы это, еслибы менѣе довѣрялъ окружавшимъ его и болѣе слушался своихъ собственныхъ влеченій. Но величайшая анархія царствовала въ королевскомъ совѣтѣ. Ни одной мѣры не было принято, когда собрались генеральные штаты; ничего не было сдѣлано для того, чтобы предупредить разногласіе. Нерѣшительный Людовикъ XVI колебался между своимъ министерствомъ, которымъ руководилъ Неккеръ, и своимъ дворомъ, которымъ руководили королева и нѣкоторые принцы королевской фамиліи.

Неккеръ, довольный тѣмъ, что выхлопоталъ двойное представи-

тельство третьяго сословія, боялся нерѣшительности короля и неудовольствія придворныхъ. Не понимая всей важности кризиса и считая его скорѣе финансовымъ, чѣмъ общественнымъ, онъ выжидалъ событій, чтобы дѣйствовать, и надѣялся управлять ими, хоть и не сдѣлалъ ничего для ихъ подготовки. Онъ чувствовалъ, что старинную организацію генеральныхъ штатовъ невозможно поддержать, что существованіе трехъ сословій, изъ которыхъ каждое имѣло право отказать въ утвержденіи закона, препятствовало осуществленію реформъ и дѣйствіямъ администраціи. Онъ надѣялся, что, испытавъ эту тройную оппозицію, можно будетъ уменьшить число сословій и установить англійскую форму правленія, соединивъ духовенство и дворянство въ одной палатѣ, а среднее сословіе въ другой. Но онъ не предвидѣлъ, что когда начнется борьба, то вмѣшательство его ни къ чему не приведетъ, что полумѣры никого не удовлетворятъ, что отъ его системы умѣренности откажутся всѣ — слабѣйшіе изъ упрямства, а сильнѣйшіе по увлеченію. Уступки удовлетворяютъ только до побѣды.

Дворъ желалъ не облеченія генеральныхъ штатовъ въ правильную форму, а совершенной ихъ отмѣны. Онъ предпочиталъ случайное сопротивленіе великихъ государственныхъ сословій раздѣленію власти съ постояннымъ государственнымъ собраніемъ. Разъединеніе сословій благопріятствовало его цѣлямъ; онъ разсчитывалъ поселить несогласіе между ними и помѣшать имъ дѣйствовать. Будучи дурно организованы, генеральные штаты никогда не приводили ни къ какому результату; можно было ожидать и на этотъ разъ повторенія того же, тѣмъ болѣе, что два первыя сословія мало были расположены въ пользу реформъ, требуемыхъ третьимъ. Духовенство желало сохранить свои привилегіи и богатства: оно предвидѣло, что ему придется принести гораздо болѣе жертвъ, чѣмъ пріобрѣсти выгодъ. Со своей стороны и дворянство, хотя и получившее давно утраченную имъ политическую независимость, знало хорошо, что тѣ уступки, которыя придется ему сдѣлать въ пользу народа, не вознаградятся тѣми правами, которыя пріобрѣтетъ оно отъ монархіи. Новая революція совершалась почти исключительно въ пользу третьяго сословія, и потому два первыя сословія были расположены соединиться съ дворомъ противъ третьяго, какъ прежде соединялись они съ третьимъ сословіемъ противъ двора. Эта перемѣна въ образѣ дѣйствія партій зависѣла единственно отъ разсчета; высшія сословія соединились съ государемъ безъ малѣйшей привязанности къ нему, точно также, какъ прежде они стояли за народъ, не имѣя вовсе въ виду общественнаго блага.

Дворъ не щадилъ средствъ на то, чтобы поддержать такое расположеніе духовенства и дворянства. Депутаты этихъ сословій были предметомъ всевозможныхъ любезностей и угожденій. Главные изъ нихъ были допущены въ комитетъ изъ знатнѣйшихъ лицъ, собиравшійся у графини Полиньякъ. Тамъ успѣли переманить на

сторону двора д'Эпремениля и д'Антрэга, двухъ самыхъ жаркихъ защитниковъ свободы въ парламентѣ до созванія штатовъ, теперь сдѣлавшихся злѣйшими ихъ противниками. Въ этомъ комитетѣ придумали различный костюмъ для депутатовъ разныхъ сословій, стараясь разъединить ихъ сначала этикетомъ, а потомъ и силою. Воспоминаніе о прежнихъ генеральныхъ штатахъ увлекло дворъ: онъ все еще думалъ, что можно дѣйствовать по преданіямъ прошлаго, сдерживать Парижъ войсками, депутатовъ третьяго сословія — депутатами дворянства; что, разъединяя сословія, можно господствовать въ собраніи, а для разъединенія ихъ стоитъ только возстановить старые обычаи, возвышавшіе дворянство и унижавшіе общины. Такимъ образомъ послѣ перваго засѣданія дворъ остался при убѣжденіи, что онъ предотвратилъ опасность безъ всякихъ уступокъ.

6-го мая, на другой день послѣ открытія собранія штатовъ, дворянство и духовенство собрались въ своихъ отдѣльныхъ залахъ и приступили къ внутренней организаціи своей. Третье сословіе, самое многочисленное, получило въ свое распоряженіе залъ собранія штатовъ, какъ самый обширный, и ожидало тамъ двухъ остальныхъ сословій: оно смотрѣло на свое положеніе, какъ на временное, на своихъ членовъ, какъ на депутатовъ, еще не утвержденныхъ въ этомъ званіи, и приняло систему выжиданія, пока не присоединятся къ нему духовенство и дворянство. Тогда-то началась достопамятная борьба, исходъ которой долженъ былъ рѣшить, быть или не быть революціи. Все будущее Франціи зависѣло отъ согласія или разъединенія сословій. Этотъ важный вопросъ былъ поднятъ при повѣркѣ полномочій. Народные депутаты утверждали основательно, что повѣрка должна происходить сообща, такъ какъ даже противники соединенія сословій не могли отрицать, что для каждаго сословія порознь важно, чтобы полномочія всѣхъ остальныхъ были вполнѣ законны; напротивъ, депутаты привилегированныхъ сословій утверждали, что такъ какъ всѣ три сословія существуютъ порознь, то и повѣрка полномочій должна быть совершена каждымъ изъ нихъ отдѣльно отъ прочихъ. Они понимали, что стоитъ только сословіямъ соединиться хоть для одного дѣла — и всякое дальнѣйшее разъединеніе будетъ невозможно.

Общины дѣйствовали въ этомъ случаѣ весьма осторожно, твердо и обдуманно. Онѣ достигли своей цѣли рядомъ усилій далеко не безопасныхъ, рядомъ медленныхъ, нерѣшительныхъ успѣховъ и постоянно возрождавшейся борьбою. Принятая ими съ самаго начала система бездѣйствія была самою разумною и вѣрною мѣрою. Бываютъ случаи, когда для побѣды надо только умѣть выжидать. Общины были единодушны и составляли половину всего числа депутатовъ; въ средѣ дворянства было популярное меньшинство; большинство духовенства, состоявшее изъ нѣсколькихъ миролюбивыхъ епископовъ и множества священниковъ, — этого третьяго сословія въ духовенствѣ, — было расположено въ пользу общинъ. Утомленіе

отъ бездѣйствія должно было привести къ соединенію. На это-то и надѣялось третье сословіе, и этого-то опасались епископы, которые потому и рѣшились 13-го мая предложить себя въ посредники. Но это посредничество не могло имѣть никакихъ результатовъ, такъ какъ дворянство не желало поголовнаго голосованія, а община—посословнаго. Примирительныя совѣщанія, тщетно длившіяся до 27-го мая, были прерваны дворянствомъ, которое высказалось за отдѣльную повѣрку полномочій.

На слѣдующій день послѣ этого враждебнаго заявленія общины, рѣшившись провозгласить себя національнымъ собраніемъ, пригласили духовенство, *во имя Бога, мира и общественнаго блага*, присоединиться къ нимъ. Дворъ, встревоженный этимъ рѣшеніемъ, старался продлить примирительныя совѣщанія. На первоначальныхъ комиссаровъ-примирителей была возложена обязанность разобрать несогласія сословій, а министерство взялось разобрать споры комиссаровъ. Такимъ образомъ штаты ставились въ зависимость отъ комиссаровъ, а комиссары—отъ королевскаго совѣта. Но и эти новые переговоры не были удачнѣе первыхъ: долго тянулись они, но ни одно изъ сословій не соглашалось на уступки въ пользу другого, и дворянство опять кончило тѣмъ, что прервало ихъ, утвердивъ всѣ свои прежнія рѣшенія.

Пять недѣль прошли, такимъ образомъ, въ безплодныхъ переговорахъ. Среднее сословіе, видя, что пора организоваться, что дальнѣйшія проволочки раздражатъ противъ него націю, довѣріе которой, благодаря отказу двухъ привилегированныхъ сословій, оно заслужило, рѣшилось дѣйствовать и выказало при этомъ столько же такта и твердости, сколько и во время бездѣйствія своего. Мирабо объявилъ, что одинъ изъ парижскихъ депутатовъ желаетъ сдѣлать предложеніе; депутатъ этотъ былъ Сіейесъ, человѣкъ застѣнчиваго характера, но съ предпріимчивымъ умомъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ и лучше всякаго способный мотивировать рѣшеніе. Сіейесъ доказалъ невозможность соглашенія и крайнюю необходимость повѣрки полномочій, которую справедливость требовала произвести особо; онъ убѣдилъ собраніе постановить, что дворянство и духовенство приглашаются въ залу собранія генеральныхъ штатовъ, для присутствія при повѣркѣ полномочій, которая будетъ произведена *какъ въ присутствіи, такъ и въ отсутствіи ихъ*.

За этою мѣрою слѣдовала другая, еще болѣе энергическая. По окончаніи повѣрки депутаты общинъ организовались 17-го іюня, по предложенію Сіейеса, въ *національное собраніе*. Эта смѣлая выходка, которою самое многочисленное сословіе—единственное, полномочія котораго были удостовѣрены—объявляло себя представительствомъ Франціи, не признавая другихъ сословій, пока они не подчинятся повѣркѣ, разомъ рѣшала всѣ спорные до того времени вопросы и превращала собраніе генеральныхъ штатовъ въ народ-

ное собраніе. Сословное начало исчезало въ новомъ политическомъ устройствѣ, и первый шагъ къ гражданскому равенству въ частной жизни былъ сдѣланъ. Этотъ знаменитый декретъ, состоявшійся 17-го іюня, предвѣщалъ уже ночь 4-го августа. Но надо было отстоять это смѣлое рѣшеніе,—а были причины бояться, что поддержать это едва ли будетъ возможно.

Первое постановленіе Національнаго Собранія было присвоеніе себѣ верховной власти. Оно, такъ сказать, поставило въ зависимость отъ себя привилегированныя сословія, провозгласивъ нераздѣльность законодательной власти. Оставалось обуздать дворъ съ помощью налоговъ. Собраніе объявило ихъ незаконными, но подало голосъ въ пользу временнаго взиманія ихъ на весь періодъ своего существованія и въ пользу прекращенія ихъ, какъ скоро собраніе будетъ распущено; оно успокоило капиталистовъ, обезпечивъ государственный долгъ, и позаботилось о народѣ, назначивъ комитетъ народнаго продовольствія.

Такая твердость и предусмотрительность возбудили восторгъ націи. Но руководители двора поняли, что посѣянные ими между сословіями раздоры не привели къ желанной цѣли, что надо прибѣгнуть къ другому средству. Одна только королевская власть, казалось имъ, способна предписать сохраненіе сословій, поддержать которыя не могла оппозиція дворянства. Приверженцы двора воспользовались путешествіемъ Людовика XVI въ Марли, чтобы устранить его отъ осторожныхъ и миролюбивыхъ совѣтовъ Неккера и побудить къ принятію враждебныхъ мѣръ противъ собранія. Людовика XVI, одинаково подчинявшагося какъ хорошему, такъ и дурному вліянію, окруженнаго дворомъ, преданнымъ духу партій, стали умолять, во имя интересовъ короны и религіи, остановить мятежныя дѣйствія общинъ; онъ поддался убѣжденіямъ и обѣщалъ все. Было рѣшено, что онъ торжественно явится въ собраніе, отмѣнитъ его постановленія, предпишетъ сохраненіе раздѣльности сословій, какъ основной законъ монархіи,—и самъ укажетъ реформы, которыя должны произвести генеральные штаты. Съ этого времени правительство стало дѣйствовать по внушеніямъ тайнаго совѣта и дѣйствовать уже не скрытно, а совершенно прямо. Планы, задуманные графомъ д'Артуа, принцемъ Конде, принцемъ Конти и хранителемъ печати Барантеномъ, приводились въ исполненіе ими одними. Неккеръ утратилъ всякое вліяніе; онъ предложилъ королю планъ соглашенія, который могъ бы удаться, пока борьба не дошла до такого ожесточенія, но который теперь былъ уже неосуществимъ. Онъ совѣтовалъ новое засѣданіе, въ присутствіи короля, въ которомъ утверждено было бы поголовное голосованіе въ вопросѣ о налогахъ и сохранено голосованіе по сословіямъ въ дѣлахъ частныхъ интересовъ и привилегій; эта мѣра, неблагопріятная для общинъ, такъ какъ она стремилась къ поддержанію злоупотребленій, облекая дворянство и духовенство правомъ сопротивляться ихъ уничто-

женія,—повлекла бы за собою учрежденіе двухъ палатъ, для будущихъ собраній генеральныхъ штатовъ. Неккеръ любилъ полумѣры и думалъ произвести постепенными уступками ту политическую реформу, которая должна была совершиться разомъ. Наступила минута, когда должно было дать націи всѣ ея права или же позволить ей самой овладѣть ими. Проектъ Неккера, и безъ того уже недостаточный, былъ измѣненъ новымъ совѣтомъ въ такомъ смыслѣ, что сдѣлался равносиленъ государственному перевороту. Тайный совѣтъ думалъ, что королевское повелѣніе устрашитъ собраніе, что Франція удовлетворится обѣщаніемъ нѣкоторыхъ реформъ. Эти люди не понимали, что подвергать королевскую власть риску ослушанія слѣдуетъ только въ послѣдней крайности.

Государственные перевороты обыкновенно совершаются внезапно и врасплохъ захватываютъ тѣхъ, которыхъ они должны поразить. На этотъ разъ дѣло было не такъ: приготовленія къ нему содѣйствовали его неуспѣху. Опасаясь, что большинство духовенства примкнетъ къ собранію и соединится съ нимъ, и желая предупредить этотъ рѣшительный шагъ, правительство закрыло залъ собранія впредь до королевскаго засѣданія, вмѣсто того, чтобы поспѣшить днемъ этого засѣданія. Предлогомъ къ этой неловкой и неприличной мѣрѣ послужили приготовленія, требуемыя присутствіемъ короля. Предсѣдателемъ собранія былъ въ то время Бальи. Этотъ добродѣтельный гражданинъ не искалъ никакихъ почестей, но получилъ ихъ отъ рождающейся свободы. Онъ былъ первымъ президентомъ собранія, какъ былъ первымъ парижскимъ депутатомъ и долженъ былъ сдѣлаться первымъ мэромъ столицы. Его любили друзья, уважали противники; при всей своей кротости и просвѣщенности ума, онъ обладалъ въ высшей степени развитымъ сознаніемъ долга и твердостью въ исполненіи его. Извѣщенный хранителемъ печати, въ ночь на 20-ое іюня, о прекращеніи засѣданій, онъ остался вѣренъ собранію и не побоялся ослушаться двора. На слѣдующій день, въ обычный часъ, онъ отправился въ залу собранія штатовъ и, найдя ее занятой вооруженною силою, протестовалъ противъ такого деспотическаго поступка; между тѣмъ подоспѣли депутаты, шумъ увеличился: всѣ высказывали готовность одолѣть опасности, грозившія собранію. Наиболѣе раздраженные совѣтовали ѣхать въ Марли и составить засѣданіе подъ окнами короля; кто-то указалъ для этого зданіе Jeu de Paume (залъ для игры въ мячъ): предложеніе было принято, и депутаты отправились туда всѣ вмѣстѣ. Бальи шелъ впереди; народъ восторженно провожалъ ихъ; сами солдаты вызвались охранять собраніе. Депутаты опять собрались въ пустой залѣ и, стоя, вдохновленные святостью своего призванія, поклялись, поднявъ руки,—поклялись всѣ, за исключеніемъ одного,—не расходиться, не давъ Франціи конституціи.

За этой торжественной присягой, принесенной 20-го іюня передъ всею націею, послѣдовала 22-го важная побѣда. Собраніе,

будучи еще лишено залы для засѣданій и не имѣя возможности сходиться даже въ залѣ Jeu de Paume, которую удержали для себя принцы, чтобы не пускать въ нее депутатовъ, собралось въ церкви Святого Людовика. Въ этомъ-то засѣданіи къ нему присоединилось большинство духовенства, среди самыхъ восторженныхъ патріотическихъ заявленій. Такимъ образомъ мѣры, принятыя для устраненія собранія, только подкрѣпили его мужество и ускорили соединеніе, которому онѣ должны были воспрепятствовать. Двѣ неудачи для двора предшествовали знаменитому засѣданію 23-го іюня.

Наконецъ настало день этого засѣданія. Многочисленная стража окружала залъ собранія; двери были открыты только для депутатовъ,—не для публики. Король явился во всемъ блескѣ своего могущества, но, противъ обыкновенія, встрѣченъ былъ глубокимъ молчаніемъ. Произнесенная имъ рѣчь довершила общее неудовольствіе. Людовикъ XVI говорилъ властительнымъ тономъ и приказывалъ привести въ исполненіе такія мѣры, которыя отвергало и собраніе, и общественное мнѣніе. Онъ жаловался на раздоры, посѣянные самимъ дворомъ, осуждалъ поведеніе собранія, признавая его представительствомъ одного третьяго сословія, отмѣнилъ всѣ его постановленія, предписалъ раздѣленіе сословій, указалъ, какія реформы нужно было провести и въ какихъ границахъ, повелѣлъ генеральнымъ штатамъ принять ихъ именно въ этомъ видѣ, угрожалъ распустить собраніе и принять на одного себя преобразованіе государства, если встрѣтитъ съ ихъ стороны малѣйшее сопротивленіе. Послѣ такой повелительной сцены, несообразной ни съ обстоятельствами, ни съ характеромъ Людовика XVI, онъ удалился, повелѣвъ депутатамъ разойтись. Духовенство и дворянство повиновались, но народные депутаты остались неподвижны на своихъ мѣстахъ, въ безмолвномъ негодованіи. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ Мирабо прервалъ молчаніе. «Господа,—сказалъ онъ,—признаюсь, то, что мы слышали, можно бы повести къ спасенію родины, еслибы дары деспотизма не были всегда опасны. Что это за оскорбительная диктатура? Противъ васъ выводятъ войска, нарушаютъ святость національнаго храма, для того, чтобы повелѣть вамъ быть счастливыми! И кто это приказываетъ? Вашъ уполномоченный. Кто предписываетъ вамъ законы? Вашъ уполномоченный, тотъ, кто долженъ получать ихъ отъ васъ, отъ насъ, господа, облеченныхъ политическимъ званіемъ, священнымъ и неприкосновеннымъ; отъ насъ, и только отъ насъ двадцать пять милліоновъ человѣкъ ждутъ себѣ счастія,—счастія вѣрнаго, такъ какъ оно должно быть установлено, дано и принято всѣми. Но васъ стѣсняютъ въ свободѣ преній, васъ окружаютъ военною силою. Гдѣ же враги націи? Ужъ не Катилина ли подъ стѣнами нашего города? Я требую, чтобы вы сохранили ваше достоинство, вашу законодательную власть, чтобы вы соблюли святость вашей присяги; она не позволяетъ намъ разой-

тись, не установивъ конституціи". Видя, что собраніе не расходится, явился оберъ-церемоніймейстеръ и повторилъ приказаніе короля. «Пойдите и скажите вашему господину,— воскликнулъ Мирабо,— что мы здѣсь по волѣ народа и разойдемся тогда только, когда насъ разгонятъ штыками».— «Вы сегодня то же, чѣмъ были вчера,— спокойно прибавилъ Сіейсъ.— Приступимъ къ преніямъ». И собраніе, исполненное рѣшимостью и величія, приступило къ преніямъ. По предложенію Камюса, оно утвердило всѣ свои постановленія, а по предложенію Мирабо, провозгласило неприкосновенность своихъ членовъ.

Этотъ день погубилъ королевскую власть. Законодательная иниціатива и нравственная власть переходили отъ короля къ народному собранію. Лица, вызвавшія своими совѣтами такое сопротивленіе, не осмѣлились наказать его. Вечеромъ 23-го числа королева и Людовикъ XVI убѣдительно просили Неккера остаться на своемъ мѣстѣ,— а не далѣе, какъ утромъ того же дня, была рѣшена его отставка. Этотъ министръ не одобрилъ королевскаго засѣданія и, отказавшись присутствовать въ немъ, снова пріобрѣлъ довѣріе собранія, которое онъ потерялъ было своими колебаніями. Времена немилости со стороны двора были для него временами популярности: отказываясь повиноваться королю, онъ становился союзникомъ собранія, которое тотчасъ начинало его поддерживать. Для каждой эпохи нужны вожди, имя которыхъ служило бы знаменемъ для партіи; пока собраніе боролось съ дворомъ, такимъ человѣкомъ былъ Неккеръ.

Въ слѣдующемъ засѣданіи явилась та часть духовенства, которая примкнула къ собранію въ церкви Святого Людовика; спустя нѣсколько дней къ нему присоединилось 47 депутатовъ дворянства, въ числѣ которыхъ находился герцогъ Орлеанскій, и дворъ нашелъ вынужденнымъ самъ пригласить большинство дворянства и меньшинство духовенства прекратить отнынѣ безполезное разъединеніе. 27-го іюня было первое общее засѣданіе: сословія прекратили свое существованіе теоретически и вскорѣ исчезли на самомъ дѣлѣ. Они еще продолжали занимать въ общей залѣ отдѣльныя мѣста, но вскорѣ смѣшались между собою; пустыя сословныя преимущества сгладились передъ властью народа.

Послѣ тщетной попытки воспрепятствовать организаціи собранія двору ничего не оставалось дѣлать, какъ присоединиться къ нему и руководить его занятіями. Онъ могъ бы еще загладить свои ошибки искренностью и заставить забыть свои насильственныя мѣры. Бываютъ минуты иниціативы въ самопожертвованіи; бываютъ другія, когда остается только съ честью покориться необходимости. При открытіи собранія генеральныхъ штатовъ король могъ бы самъ дать конституцію; теперь онъ долженъ былъ принять ее отъ собранія: покорись онъ обстоятельствамъ, онъ несомнѣнно улучшилъ бы свое положеніе. Но, опомнившись отъ

перваго пораженія и увидѣли, что нравственный авторитетъ ихъ безсиленъ, совѣтники Людовика XVI рѣшились прибѣгнуть къ штыкамъ. Они внушили ему, что его достоинство, безопасность трона, поддержаніе законовъ и самое благополучіе его подданныхъ требуютъ, чтобы онъ привелъ собраніе къ покорности; что собраніе должно быть подчинено силою, такъ какъ и Версаль, и сосѣдній съ нимъ Парижъ держатъ сторону депутатовъ; что его слѣдуетъ или перевести въ другое мѣсто, или распустить; что такое рѣшеніе должно быть принято безотлагательно, чтобы во-время остановить собраніе, и что для этого необходимо какъ можно скорѣе собрать войска, которыя устрашили бы собраніе и сдерживали бы населеніе Версаля и Парижа.

Между тѣмъ представители народа приступили къ своимъ законодательнымъ работамъ и приготовляли нетерпѣливо ожидаемую конституцію, для которой они уже не предвидѣли помѣхи. Парижъ и главные города королевства присылали имъ адресы, хвалили ихъ благоразумный образъ дѣйствія и поощряли ихъ продолжать дѣло возрожденія Франціи. Между тѣмъ прибывали войска; Версаль принялъ видъ лагеря, залъ собранія былъ окруженъ стражею, и гражданамъ воспрещенъ былъ доступъ туда. Парижъ былъ окруженъ отрядами войскъ, готовыми, казалось, приступить, смотря по надобности, къ блокадѣ или къ осадѣ его. Эти огромныя военныя приготовленія, прибывавшая съ границъ артиллерія, присутствіе безусловно послушныхъ иностранныхъ полковъ предвѣщали грозныя намѣренія. Народъ безпокоился и волновался; собраніе пыталось образумить короля и просило его объ удаленіи войскъ. 9-го іюля оно составило, по предложенію Мирабо, адресъ королю, написанный въ почтительныхъ и твердыхъ выраженіяхъ. Но все было тщетно; Людовикъ XVI объявилъ, что онъ одинъ можетъ судить о необходимости призыва или удаленія войскъ, что, впрочемъ, войска призваны только изъ предосторожности, для предупрежденія безпорядковъ, и для защиты Національнаго Собранія; онъ предложилъ, кромѣ того, собранію переѣхать въ Нойонъ или въ Суассонъ, т. е. стать между двухъ армій и лишиться поддержки народа.

Парижъ былъ въ величайшемъ броженіи: огромная столица была единодушно предана собранію. Опасности, окружавшія представителей народа, опасности, грозившія самимъ жителямъ Парижа, недостатокъ въ продовольствіи — все это располагало къ возстанію. Всѣ горячо пристали къ дѣлу революціи: капиталисты — по разсчету и изъ опасенія банкротства; люди просвѣщенные и все среднее сословіе — изъ патріотизма; подавленный нуждою народъ — потому, что онъ ожидалъ волненій и перемѣнъ и винилъ въ своихъ бѣдствіяхъ привилегированныя сословія и дворъ. Трудно представить себѣ движеніе, волновавшее столицу Франціи. Она выходила изъ покоя и молчанія покорности; словно пораженная

новизною своего положенія, она была въ какомъ-то опьяненномъ восторгѣ отъ свободы. Журналистика распаляла умы; газеты распространяли пренія собранія и, такимъ образомъ, давали возможность не присутствовавшей въ засѣданіяхъ публикѣ знать все, что тамъ происходило; на улицахъ, на площадяхъ обсуждались вопросы, занимавшіе собраніе. Центромъ сборищъ народныхъ былъ Пале-Рояль. Толпа въ саду постоянно возобновлялась. Трибуною служилъ столъ, ораторомъ былъ всякій гражданинъ; тамъ толковали объ опасностяхъ родины и возбуждали другъ друга къ сопротивленію. По предложенію, заявленному въ Пале-Роялѣ, народъ ворвался уже въ тюрьму Аббатства и, освободивъ изъ нея гренадеровъ французской гвардіи, заключенныхъ за то, что они отказались стрѣлять по народу, вывелъ ихъ оттуда съ тріумфомъ. Этотъ бунтъ остался безъ послѣдствій: въ собраніе явилась депутація съ просьбою принять подъ свое покровительство освобожденныхъ гренадеровъ, и собраніе испросило для нихъ помилованіе у короля. Гренадеры добровольно вернулись въ тюрьму и получили прощеніе. Этотъ полкъ, одинъ изъ самыхъ полныхъ и самыхъ храбрыхъ, сталъ благопріятствовать съ этого времени народному дѣлу.

Таково было положеніе дѣлъ въ Парижѣ, когда дворъ, расположивъ войско въ Версалѣ, въ Севрѣ, на Марсовомъ полѣ, въ Сенъ-Дени, счелъ возможнымъ приступить къ исполненію своего плана. Онъ началъ, 11-го іюля, съ изгнанія Неккера и совершеннаго обновленія министерства. Преемниками Пюисегюра, Монморена, Лалюзерны, Сенъ-При и Неккера были назначены маршалъ Брольи, Лагалиссоньеръ, герцогъ Лавогюйонъ, баронъ Бретёль и интендантъ Фулонъ. Получивъ во время обѣда письмо отъ короля, въ которомъ ему предписывалось немедленно выѣхать изъ королевства, Неккеръ спокойно докончилъ обѣдъ, не сообщивъ никому содержанія письма, потомъ сѣлъ съ женой въ карету и отправился, подъ предлогомъ поѣздки въ Сентъ-Уанъ, по дорогѣ въ Брюссель.

На слѣдующій день, въ воскресенье 12-го іюля, около 4-хъ вечера, въ Парижѣ узнали объ опалѣ Неккера и объ изгнаніи его. Эту мѣру сочли началомъ исполненія заговора, которому дѣлались приготовленія на глазахъ у всѣхъ. Въ нѣсколько минутъ весь городъ пришелъ въ величайшее волненіе; повсюду сходились толпы народа; въ Пале-Роялѣ собралось болѣе 10 тысячъ человѣкъ, раздраженныхъ полученною вѣстью, готовыхъ на все, но не знавшихъ, съ чего начать. Молодой человѣкъ, одинъ изъ опытныхъ ораторовъ толпы, Камиллъ Демуленъ, будучи посмѣлѣе другихъ, вскакиваетъ на столъ съ пистолетомъ въ рукѣ и начинаетъ говорить: „Граждане! Нечего терять ни одной минуты: отставка Неккера—набатъ Варѳоломеевской ночи для патріотовъ. Сегодня же вечеромъ всѣ швейцарскіе и нѣмецкіе батальоны выступятъ съ Марсова поля и перерѣжутъ насъ! Намъ остается одно средство — взяться за оружіе". Шумныя восклицанія одобряютъ

эту мѣру. Ораторъ предлагаетъ кокарды для распознанія своихъ и для взаимной защиты. „Хотите ли,—говоритъ онъ,—кокарды зеленаго цвѣта, цвѣта надежды, или красныя—цвѣта свободнаго ордена Цинцинната?“—«Зеленыя, зеленыя!»—кричитъ толпа. Ораторъ сходитъ со стола и прикрѣпляетъ листъ дерева къ своей шляпѣ; толпа слѣдуетъ его примѣру. Каштановыя деревья въ саду почти обнажены отъ листьевъ, и шумная толпа направляется къ скульптору Куртіусу.

Взявъ бюсты Неккера и герцога Орлеанскаго, о которомъ также разнесся слухъ, что онъ изгнанъ, толпа покрываетъ ихъ крепомъ и несетъ съ тріумфомъ. Шествіе направляется по улицамъ Сенъ-Мартенъ, Сенъ-Дени, Сенъ-Оноре, и толпа возрастаетъ съ каждымъ шагомъ. Всѣмъ встрѣчнымъ народъ приказываетъ снимать шляпы. Дорогу заслоняетъ конный патруль,—народъ заставляетъ его сопровождать шествіе. На Вандомской площади толпа обноситъ бюсты кругомъ статуи Людовика XIV. Является отрядъ полка Royal Allemand, пытается разогнать толпу, но туча камней несется въ него, и онъ обращается въ бѣгство, а толпа, продолжая путь, приходитъ на площадь Людовика XV. Но тутъ нападаютъ на нее драгуны князя Ламбеска; нѣсколько минутъ она выдерживаетъ напоръ, но, наконецъ, она прорвана; человѣкъ, несшій одинъ изъ бюстовъ, и одинъ солдатъ французской гвардіи убиты. Народъ разсѣевается: часть его бѣжитъ къ набережнымъ, другая отступаетъ къ бульварамъ, остальные бросаются въ Тюильери. Князь Ламбескъ преслѣдуетъ ихъ чрезъ Тюильерійскій садъ, съ саблей наголо, во главѣ своихъ драгунъ; онъ бросается на безоружную толпу, не принадлежавшую къ шествію и мирно гулявшую по саду. Какой-то старикъ раненъ при этомъ саблей; публика начинаетъ защищаться стульями, взбирается на террасы; негодованіе овладѣваетъ всѣми, и крикъ «Къ оружію!» раздается всюду,—въ Тюильери, Пале-Роялѣ, въ городѣ и предмѣстьяхъ.

Полкъ французской гвардіи, расположенный, какъ уже сказано, въ пользу народу, былъ запертъ въ своихъ казармахъ. Князь Ламбескъ, всетаки опасаясь его вмѣшательства, отрядилъ шестьдесятъ драгунъ къ складу оружія этого полка, находившемуся въ улицѣ Шоссе-д'Антенъ. Гвардейцы, уже и такъ недовольные своимъ положеніемъ, пришли въ раздраженіе при видѣ этихъ иностранцевъ, съ которыми за нѣсколько дней передъ тѣмъ они имѣли ссору. Они бросились къ оружію, и офицерамъ стоило много труда удержать ихъ то просьбами, то угрозами. Но когда нѣкоторые изъ ихъ товарищей вернулись въ казармы и разсказали о нападеніи на народъ, прогуливавшійся въ Тюильери, и о смерти одного изъ товарищей, солдаты не стали ничего слушать, схватили оружіе, разбили рѣшетки и выстроились въ боевой порядокъ у воротъ казармы противъ драгунъ. «Кто идетъ?» — спросили ихъ послѣдніе. — Вы за среднее сословіе? — «Мы за тѣхъ, кто намъ повелѣваетъ». Тогда

французскіе гвардейцы сдѣлали по нимъ залпъ—двухъ убили, трехъ ранили, остальныхъ обратили въ бѣгство. Вслѣдъ за тѣмъ они пошли въ атаку въ штыки и, дойдя до площади Людовика XV, стали между Тюльери и Елисейскими полями, между народомъ и войсками, и занимали этотъ постъ въ теченіе цѣлой ночи. Тотчасъ же войска, расположенныя на Марсовомъ полѣ, получили приказаніе двинуться впередъ. Когда они пришли на Елисейскія поля, ихъ встрѣтили ружейнымъ огнемъ. Прибывшимъ войскамъ приказано было бить гвардейцевъ, но они отказались; первый примѣръ неповиновенія подалъ одинъ изъ швейцарскихъ полковъ, остальные послѣдовали ему; офицеры въ отчаяніи приказали отступленіе, и войска отодвинулись до рѣшетки Шайо (Chaillot), откуда они вскорѣ удалились на Марсово поле. Измѣна французской гвардіи и упорство, съ какимъ даже иностранныя наемныя войска отказались идти противъ столицы, разрушили планы двора. Въ тотъ же вечеръ народъ отправился въ ратушу и потребовалъ, чтобы звонили въ набатъ, чтобы созвали собранія округовъ и вооружили гражданъ. Въ ратушѣ собралось нѣсколько избирателей, которые захватили въ свои руки власть. Они оказали въ эти бурные дни своею твердостью, осторожностью и дѣятельностью величайшія услуги дѣлу свободы; но въ первыя минуты безпорядка ихъ никто не хотѣлъ слушать. Волненіе достигло высшей степени; каждый слушался только своей страсти. Рядомъ съ хорошими гражданами находились люди подозрительные, которые искали въ возстаніи только средствъ къ безпорядку и грабежу. Толпы рабочихъ, нанятыхъ правительствомъ для общественныхъ работъ, большею частью бездомовники, праздношатающіеся, бродяги, зажгли заставы, наводнили улицы, врывались въ дома: ихъ-то и назвали разбойниками. Ночь съ 12-го на 13-ое прошла въ шумѣ и тревогѣ.

Отъѣздъ Неккера, взволновавшій столицу, произвелъ не меньшее впечатлѣніе въ Версалѣ и въ собраніи. Удивленіе и неудовольствіе были и тамъ также велики. Депутаты собрались рано утромъ въ залѣ [illegible]; они были мрачны, но скорѣе отъ негодованія, чѣмъ унынія. «Засѣданіе,—разсказываетъ одинъ депутатъ,—началось чтеніемъ множества адресовъ, одобрявшихъ декреты собранія, но адресы выслушивались собраніемъ съ глубокимъ молчаніемъ, потому что члены были слишкомъ заняты собственными мыслями, чтобы внимательно выслушивать адресы». Мунье попросилъ слова: онъ объявилъ объ отставкѣ дорогихъ народу министровъ, о выборѣ ихъ преемниковъ, и предложилъ подать адресъ королю, съ требованіемъ возвратить къ власти прежнихъ министровъ, съ указаніемъ на всю опасность насильственныхъ мѣръ, на несчастія, къ которымъ могло повести приближеніе войскъ, съ объявленіемъ, что собраніе торжественно противится позорному банкротству. При этихъ словахъ сдержанное волненіе собранія разразилось громкими рукоплесканіями и одобрительными криками. Лалли-Толандаль, другъ Неккера, грустный

выступилъ впередъ и сказалъ длинное и краснорѣчивое похвальное слово министру. Его слушали съ глубокимъ вниманіемъ; печаль его совпадала съ общественнымъ горемъ: дѣло Неккера было дѣломъ всего народа. Даже дворянство присоединилось въ этомъ случаѣ къ среднему сословію, считая ли опасность общею, или боясь противорѣчіемъ навлечь и на себя такое же негодованіе, какое навлекъ на себя дворъ, или же просто увлекаясь общимъ чувствомъ.

Примѣръ подалъ одинъ изъ депутатовъ дворянства, графъ Вирье: «Такъ какъ мы собрались для конституціи,—началъ онъ,— установимъ же конституцію; скрѣпимъ наши взаимныя узы; возобновимъ, утвердимъ, освятимъ славные декреты 17-го іюня; соединимся всѣ въ славномъ рѣшеніи, принятомъ 20-го іюня. Поклянемся всѣ, да, всѣ, всѣ соединенныя сословія, сохранить вѣрность этимъ декретамъ, которые одни только могутъ спасти теперь государство».—«Или будетъ конституція, — прибавилъ герцогъ Ларошфуко, — или не будетъ насъ». Но согласіе стало еще единодушнѣе, когда донесли собранію о возстаніи въ Парижѣ, о безпорядкахъ, которые оно повлекло за собою, о сожженныхъ заставахъ, о собраніи избирателей въ ратушѣ, о бунтѣ, вспыхнувшемъ по всей столицѣ, и о вѣроятности, что граждане вскорѣ подвергнутся нападенію войскъ или перерѣжутся между собою. Все собраніе соединилось въ одномъ крикѣ: «Пусть воспоминаніе о нашихъ временныхъ распряхъ будетъ изглажено: соединимъ наши усилія для спасенія отечества!» Тотчасъ отправили къ королю депутацію изъ 80 членовъ, въ числѣ которыхъ находились всѣ парижскіе депутаты. Во главѣ ея находился президентъ собранія, архіепископъ віенскій. Она должна была представить королю объ опасностяхъ, угрожавшихъ столицѣ и государству, о необходимости удалить войска и поручить охрану города городской миліціи. Въ случаѣ согласія короля, положено было отправить въ Парижъ депутацію съ этими утѣшительными вѣстями. Но депутація къ королю вернулась вскорѣ съ отвѣтомъ малоудовлетворительнымъ.

Собраніе увидѣло тогда, что надо разсчитывать только на себя и что рѣшеніе двора неизмѣнно. Далеко не упавъ духомъ, оно стало, напротивъ того, еще тверже и тотчасъ утвердило большинствомъ голосовъ отвѣтственность министровъ и всѣхъ совѣтниковъ короля, какого бы званія и сословія они ни были. Далѣе, оно постановило выразить сожалѣніе, по случаю удаленія ихъ, Неккеру и прежнимъ министрамъ; оно объявило, что не перестанетъ настаивать на удаленіи войскъ и на учрежденіи гражданской миліціи; оно поставило государственный долгъ подъ охрану французской честности и подтвердило всѣ свои предшествовавшія постановленія. Послѣ этихъ мѣръ собраніе приняло еще одну, не менѣе важную мѣру: опасаясь, какъ бы не вздумали занять ночью военной силой залу собранія, чтобы помѣшать засѣданіямъ его, оно рѣшило за-

сѣдать непрерывно, впредь до новаго постановленія: оно распорядилось, чтобы часть депутатовъ оставалась въ собраніи всю ночь, а другая смѣняла ее рано утромъ. Чтобы дать возможность отдохнуть отъ постояннаго председательства пожилому архіепископу віенскому, назначили вице-президента, который долженъ былъ замѣнять его въ этихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Выборъ палъ на Лафайета, который и председательствовалъ въ ночномъ засѣданіи. Оно прошло безъ преній; депутаты сидѣли на своихъ мѣстахъ молча, но спокойные и рѣшительные. Такими мѣрами, такимъ сочувствіемъ общественному горю, такимъ единодушнымъ энтузіазмомъ и непоколебимою, разумною твердостью собраніе все болѣе и болѣе поднималось на высоту своего призванія.

13-го іюля возстаніе приняло въ Парижѣ болѣе правильный характеръ. Народъ съ утра собрался къ ратушѣ: ударили въ набатъ, и вслѣдъ за тѣмъ во всѣхъ церквахъ, по улицамъ раздался барабанный бой и сзывалъ гражданъ. Сбирались на площадяхъ; организовалась военная сила подъ именемъ волонтеровъ Пале-Рояля, Тюльери, Базоши, Аркебюза. Собрались округи, и каждый изъ нихъ избралъ по двѣсти человѣкъ для своей защиты. Недоставало только оружія: его искали повсюду, гдѣ только можно было надѣяться найти его; захватили то, которое нашли у оружейниковъ, выдавъ имъ въ томъ расписки. Потребовали оружіе изъ ратуши: тщетно увѣряли избиратели, постоянно засѣдавшіе тамъ, что оружія нѣтъ у нихъ; толпа требовала его во что бы то ни стало. Тогда избиратели обратились къ городскому головѣ, Флесселю, единственному человѣку, знавшему военныя средства столицы. Флессель пользовался популярностью и могъ въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ оказать большія услуги. Толпа встрѣтила его рукоплесканіями. «Друзья мои,—сказалъ онъ,—я вашъ отецъ: вы будете довольны». Въ ратушѣ организовался постоянный комитетъ для принятія мѣръ, требуемыхъ общественною безопасностью.

Около того же времени пришли вѣсти, что домъ лазаристовъ, въ которомъ былъ запасъ хлѣба, опустошенъ, что толпа ворвалась въ арсеналъ, гдѣ взяли старое оружіе, что оружейники были ограблены. Казалось, что толпа дойдетъ до послѣднихъ крайностей: она была раздражена, и, повидимому, трудно было обуздать ея ожесточеніе. Но въ эти минуты ее одушевляли энтузіазмъ и безкорыстіе: она сама обезоружила подозрительныхъ лицъ; хлѣбъ, найденный у лазаристовъ, былъ отнесенъ на рынокъ; ни одинъ домъ не былъ ограбленъ; экипажи, телѣги, нагруженныя провизіей, мебелью, посудою, были остановлены у городскихъ воротъ и отправлены на Гревскую площадь, сдѣлавшуюся огромнымъ складомъ. Толпа на этой площади возрастала съ каждою минутою, не переставая кричать: «Оружія!» Было около часа. Городской голова объявилъ, что съ Шарлевильской фабрики привезутъ вечеромъ двѣнадцать тысячъ ружей и вслѣдъ за тѣмъ еще тридцать тысячъ.

Это извѣстіе успокоило на нѣкоторое время народъ, и комитетъ могъ спокойнѣе заняться организаціею милиціи. Менѣе чѣмъ въ четыре часа проектъ ея былъ составленъ, разсмотрѣнъ, утвержденъ, напечатанъ и обнародованъ. Положено было организовать, до новаго распоряженія, парижскую гвардію въ 48.000 человѣкъ. Всѣ граждане приглашались записываться въ нее; каждый округъ долженъ былъ имѣть свой баталіонъ, каждый баталіонъ—своихъ начальниковъ; главное начальство надъ этими войсками предложили герцогу д'Омону, который потребовалъ двадцать четыре часа на размышленіе, а потому назначили пока исправляющимъ должность главнокомандующаго маркиза Ласальи. Зеленую кокарду замѣнили красною съ синимъ: это были городскіе цвѣта. Все это сдѣлалось въ нѣсколько часовъ. Округи прислали свое одобреніе мѣрамъ постояннаго комитета; чиновники, полицейскіе солдаты, ученики хирургіи и, что было всего важнѣе, солдаты французской гвардіи явились предлагать свои услуги собранію. Начали образовываться патрули и стали ходить по улицамъ.

Народъ съ нетерпѣніемъ ждалъ исполненія обѣщаній городского головы, но ружья не являлись; между тѣмъ наступалъ вечеръ, и всѣ опасались ночного нападенія войскъ. Разнесся слухъ, что изъ Парижа пытались тайно вывезти значительное количество пороха, но народъ остановилъ его у заставы. Опасались измѣны; но вскорѣ прибытіе ящиковъ съ надписью артиллерія успокоило умы. Ящики были отправлены въ ратушу; всѣ думали, что въ нихъ находятся ружья изъ Шарлевиля, но оказалось, что ящики набиты старымъ тряпьемъ и дровами. Народъ снова сталъ кричать, что ему измѣняютъ, и разразился ропотомъ и угрозами противъ комитета и городского головы. Послѣдній извинялся, говоря, что его обманули, и, желая выиграть время или отдѣлаться отъ толпы, онъ послалъ ее за оружіемъ въ другое мѣсто. Но и тамъ его не было, и народъ вернулся еще съ большимъ недовѣріемъ, въ еще большей ярости. Комитетъ увидѣлъ тогда, что остается только одно средство для того, чтобы разсѣять подозрѣніе народа и вооружить парижанъ,—приготовить пики; онъ приказалъ выковать тотчасъ же пятьдесятъ тысячъ штукъ,—и работа закипѣла. Во избѣжаніе сцены предшествующей ночи, городъ былъ освѣщенъ, и патрули объѣзжали его по всѣмъ направленіямъ.

На слѣдующій день рано утромъ народъ, не добившійся наканунѣ оружія, обратился къ комитету съ тѣмъ же требованіемъ, упрекая его въ злой волѣ, въ обманѣ. Но комитетъ тщетно искалъ оружія: его не оказывалось нигдѣ; даже арсеналъ былъ пустъ.

Въ этотъ день народъ не довольствовался никакими оправданіями и, убѣждаясь все болѣе и болѣе въ измѣнѣ, направился всею массой къ Дому Инвалидовъ, гдѣ былъ значительный складъ оружія. Не показавъ ни малѣйшаго страха передъ войсками, стоявшими на Марсовомъ полѣ, народъ проникъ въ Домъ Инвали-

довъ, несмотря на всѣ убѣжденія смотрителя Сомбрёля; найдя тамъ въ подвалахъ 28,000 ружей, онъ забралъ ихъ, захватилъ сабли, шпаги, пушки и съ торжествомъ унесъ все это съ собою. Пушки поставлены были при входѣ въ предмѣстья, въ Тюльери, на набережныхъ, мостахъ, для защиты столицы отъ вторженія войскъ, котораго ожидали съ часу на часъ.

Въ это самое утро всѣ были встревожены извѣстіемъ о выступленіи полковъ, расположенныхъ въ Сенъ-Дени, и о томъ, что пушки Бастиліи направлены на улицу Сентъ-Антуанъ. Комитетъ послалъ удостовѣриться въ этомъ, размѣстилъ гражданъ для защиты города съ этой стороны и отправилъ депутацію къ губернатору Бастиліи съ просьбой снять пушки и не начинать враждебныхъ дѣйствій. Эта тревога опасенія, внушаемая крѣпостью, ненависть къ злоупотребленіямъ, которымъ она покровительствовала, необходимость занять столь важный пунктъ и не оставлять его въ непріятельскихъ рукахъ въ минуту возстанія,—все это направило вниманіе народа на Бастилію. Съ 9 часовъ утра до 2 пополудни съ одного конца Парижа до другого слышался одинъ призывъ: въ Бастилію, въ Бастилію! Отряды гражданъ, вооруженныхъ ружьями, пиками, саблями, стекались туда изо всѣхъ кварталовъ. Крѣпость была уже окружена значительною толпой; часовые были выставлены, мосты подняты, какъ въ военное время.

Депутатъ одного округа, Тюріо-де-ла-Розьеръ, просилъ позволенія говорить съ губернаторомъ Делонэ. Допущенный къ нему, онъ потребовалъ, чтобы измѣнили направленіе пушекъ. Губернаторъ отвѣчалъ, что пушки всегда находились на стѣнахъ и что онъ не въ правѣ снять ихъ; впрочемъ, узнавъ о тревогѣ парижанъ, онъ велѣлъ отодвинуть орудія на нѣсколько шаговъ изъ амбразуръ. Тюріо съ трудомъ добился, чтобы его допустили удостовѣриться, точно ли крѣпость такъ безопасна для города, какъ увѣрялъ губернаторъ. Оказалось, что три пушки были направлены на подходы къ крѣпости и готовы были смести тѣхъ, которые покусились бы на приступъ. Около сорока швейцарцевъ и восемьдесять инвалидовъ стояли подъ ружьемъ. Тюріо убѣждалъ и ихъ, и штабъ крѣпости во имя чести и родины не обращать оружія противъ народа; офицеры и солдаты поклялись не начинать нападенія. Тюріо вошелъ на стѣны и увидѣлъ оттуда несмѣтную толпу народа, сбѣгавшуюся со всѣхъ сторонъ, и приближавшуюся массу жителей Сентъ-Антуанскаго предмѣстья. На площади народъ уже тревожился, не видя такъ долго своего депутата, и громко звалъ его. Чтобы успокоить народъ, Тюріо показался на стѣнѣ, и, при видѣ его, изъ сада арсенала раздались шумныя рукоплесканія. Сойдя къ своимъ, Тюріо разсказалъ о результатѣ своего порученія и отправился въ комитетъ.

Но нетерпѣливая толпа требовала сдачи крѣпости. По временамъ среди нея раздавался крикъ: «Бастилія должна

бить нашей!» Вдругъ изъ толпы выскочили два смѣльчака и, бросившись на гауптвахту, стали рубить топорами цѣпи подъемнаго моста.

Солдаты кричали имъ, чтобы они отошли, грозясь выстрѣлами, но тѣ продолжали рубить, проворно сломали цѣпи, спустили мостъ и бросились на него вмѣстѣ съ толпою. Затѣмъ, приблизясь къ другому мосту, они стали рубить и его, но солдаты сдѣлали по нимъ залпъ изъ ружей, и толпа разсѣялась. Но приступъ возобновился, и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ всѣ усилія народа были направлены на второй мостъ, защищаемый непрерывнымъ огнемъ изъ крѣпости. Раздраженный такимъ упорнымъ сопротивленіемъ, народъ принялся рубить ворота топорами и пытался поджечь гауптвахту, но гарнизонъ далъ картечный залпъ, причинившій много вреда осаждавшимъ: убитыхъ и раненыхъ было не мало. Это только усилило рвеніе народа, и онъ упорно продолжалъ приступъ подъ предводительствомъ неустрашимыхъ гражданъ Эли и Гюлена.

Комитетъ въ ратушѣ находился въ сильнѣйшей тревогѣ, считая осаду Бастиліи безумнымъ предпріятіемъ. Онъ то и дѣло получалъ вѣсти о новыхъ пораженіяхъ народа подъ стѣнами крѣпости. Комитетъ находился между двухъ огней: съ одной стороны, онъ боялся войскъ, если они побѣдятъ; съ другой стороны: ему угрожалъ народъ, требовавшій снарядовъ для продолженія осады. Снарядовъ не было, и народъ кричалъ, что это измѣна. Комитетъ посылалъ двѣ депутаціи для прекращенія враждебныхъ дѣйствій и для приглашенія губернатора крѣпости сдать ее гарнизону изъ гражданъ; но депутаты не могли добиться, чтобы ихъ выслушали, среди шума, криковъ и выстрѣловъ. Комитетъ отправилъ третью депутацію, съ барабаномъ и знаменемъ, чтобы легче было узнать ее,—но и она не была счастливѣе: ни съ той, ни съ другой стороны ничего не хотѣли слушать. Несмотря на свои старанія и дѣятельность, комитетъ подвергался подозрѣніямъ народа. Въ особенности городской голова возбуждалъ сильнѣйшее подозрѣніе. «Ужъ много разъ надувалъ онъ насъ сегодня»,—говорилъ одинъ.—«Онъ толкуетъ, что нужно подвести траншею,—замѣчалъ другой,—но ему хочется только выиграть время на нашъ счетъ».—«Друзья,—воскликнулъ тогда какой-то старикъ,—что долго думать съ этими предателями? Впередъ! за мной! и черезъ два часа Бастилія будетъ наша».

Осада продолжалась уже болѣе четырехъ часовъ, когда подоспѣла французская гвардія съ пушками. Съ ея появленіемъ ходъ борьбы перемѣнился. Старый гарнизонъ сталъ настаивать на сдачѣ. Несчастный Делонэ, страшась ожидавшей его участи, хотѣлъ взорвать крѣпость на воздухъ и погребсти себя и предмѣстье подъ ея развалинами. Онъ съ отчаяніемъ рванулся къ пороху, держа въ рукѣ зажженный фитиль; но гарнизонъ остановилъ его, выкинулъ на платформѣ бѣлый флагъ и опустилъ ружья въ знакъ мира. Но осаждавшіе продолжали стрѣлять и все подступали съ криками:

«Опустите мостъ!» На стѣнѣ показался швейцарскій офицеръ и предложилъ капитуляцію съ тѣмъ, чтобы осажденнымъ позволено было съ честью выйти изъ крѣпости. «Нѣтъ! нѣтъ!»—кричала толпа. Тотъ же офицеръ предложилъ положить оружіе, если имъ обѣщаютъ помилованіе. «Спустите мостъ,—отвѣчали ему ближайшіе изъ осаждавшихъ:—вамъ ничего не будетъ». Послѣ такого обѣщанія ворота отворились, мостъ опустился, и осаждавшіе бросились въ Бастилію. Предводители народа старались спасти отъ мщенія толпы губернатора, швейцарцевъ и инвалидовъ; но толпа кричала: «Выдайте ихъ намъ! они стрѣляли по своимъ согражданамъ! Они заслуживаютъ висѣлицы!» Губернаторъ, нѣсколько швейцарцевъ и инвалидовъ были вырваны у своихъ защитниковъ и безчеловѣчно умерщвлены неумолимою толпою.

Постоянный комитетъ не зналъ исхода борьбы. Залъ засѣданій былъ переполненъ яростною толпою, грозившею головѣ и избирателямъ. Флессель начиналъ тревожиться за свое положеніе. Блѣдный, смущенный, онъ былъ предметомъ общихъ упрековъ и страшныхъ угрозъ; его принудили перейти изъ зала комитета въ залъ общаго собранія, гдѣ столпилось несмѣтное число гражданъ. «Пускай онъ идетъ за нами!»—кричали со всѣхъ сторонъ. Флессель выразилъ готовность слѣдовать за толпою. Но едва онъ вступилъ въ большой залъ, какъ общее вниманіе было отвлечено отъ него криками, раздавшимися на Гревской площади: «Побѣда! Побѣда! Свобода!» Эти крики возвѣщали приближеніе побѣдителей Бастиліи. Вскорѣ они сами явились въ залъ среди самаго народнаго и самаго шумнаго торжества. Наиболѣе отличившихся несли, увѣнчанныхъ лаврами, на рукахъ. Ихъ окружало около полутора тысячи человѣкъ, съ растрепанными волосами, съ глазами воспламененными, въ самомъ разнообразномъ вооруженіи; они напирали другъ на друга, и полъ трещалъ подъ ихъ ногами. Одинъ изъ побѣдителей несъ ключи и знамя Бастиліи; у другого висѣлъ на штыкѣ ея регламентъ; третій—страшно сказать—показывалъ въ окровавленной рукѣ пряжку отъ галстука губернатора. Вотъ въ какомъ видѣ предстали въ ратушу побѣдители Бастиліи, сопровождаемые несмѣтною толпою народа, запрудившаго площадь и набережную. Они явились увѣдомить собраніе о своей побѣдѣ и рѣшить участь уцѣлѣвшихъ плѣнныхъ. Нѣкоторые хотѣли предоставить это комитету; но другіе кричали: «Нѣтъ пощады плѣнникамъ! Нѣтъ пощады тѣмъ, кто стрѣлялъ по своимъ согражданамъ!»—Однако, главнокомандующему Ласаллю, избирателю Моро-Сенъ-Мери и храброму Эли удалось успокоить толпу и добиться отъ нея всеобщей амнистіи.

Но тутъ пришла очередь несчастнаго Флесселя. Увѣряютъ, что у Делонэ нашли записку, доказывающую уже подозрѣваемую измѣну головы. «Я тѣшу парижанъ кокардами и обѣщаніями,—писалъ онъ.—Продержитесь до сегодняшняго вечера: къ вамъ при-

несъ подкрѣпленіе. Народъ тѣснился къ присутственному столу. Самые усердные требовали ареста Флесселя и заключенія его въ Шатлэ, но другіе воспротивились этому, говоря, что его надо отвести въ Пале-Рояль и тамъ судить. Вскорѣ всѣ пристали къ этому послѣднему мнѣнію. «Въ Пале-Рояль! въ Пале-Рояль!» — кричали со всѣхъ сторонъ.—«Хорошо, господа, идемъ въ Пале-Рояль»,—сказалъ Флессель довольно спокойно. Сказавъ это, онъ сошелъ съ эстрады, прошелъ сквозь разступившуюся передъ нимъ толпу, которая послѣдовала за нимъ, не дѣлая ему никакого насилія. Но на углу набережной Пелетье къ нему подошелъ какой-то незнакомецъ и убилъ его наповалъ изъ пистолета.

Послѣ всѣхъ этихъ сценъ, вооруженій, шума, битвы, мести и убійствъ, парижане, ожидавшіе, что въ ту ночь будетъ сдѣлано на нихъ нападеніе, приготовились встрѣтить враговъ. Все населеніе принялось укрѣплять городъ. Построили баррикады, открыли траншеи, разломали мостовую, ковали пики и лили пули; женщины таскали на крыши камни, чтобы оттуда бросать ими въ солдатъ; національная гвардія распредѣлила между собою посты; Парижъ походилъ на огромную мастерскую и на обширный лагерь, и вся ночь проведена была подъ оружіемъ и въ ожиданіи битвы.

Что же дѣлалось въ Версалѣ въ то время, когда возстаніе въ Парижѣ принимало характеръ такой необузданности, продолжительности и успѣха? Дворъ готовился осуществить свои замыслы относительно столицы и собранія. Для осуществленія ихъ была назначена ночь съ 14-го на 15-ое іюля. Глава министерства, баронъ Бретёль, обѣщалъ возстановить въ три дня королевскую власть. Маршалъ Брольи, главнокомандующій арміей, обложившей Парижъ, получилъ неограниченное полномочіе. 15-го числа предполагалось возобновить заявленіе, сдѣланное 23-го іюня, принудить депутатовъ къ принятію его и затѣмъ распустить собраніе. Это заявленіе было отпечатано въ сорока тысячахъ экземпляровъ, для распространенія по всему государству, а чтобы удовлетворить крайнимъ нуждамъ казны, приготовили болѣе чѣмъ на сто милліоновъ государственныхъ билетовъ. Парижскія волненія не только не огорчали двора, но даже благопріятствовали его видамъ. Онъ до послѣдней минуты видѣлъ въ этихъ волненіяхъ одинъ скоропреходящій мятежъ и не вѣрилъ ни въ продолжительность ихъ, ни въ ихъ удачу; дворъ считалъ невозможнымъ, чтобы мѣщанскій городъ могъ противиться арміи.

Собраніе знало всѣ эти замыслы. Оно уже два дня засѣдало непрерывно, волнуемое тревогами и опасеніями. Большая часть того, что происходило въ Парижѣ, ему не была извѣстна. То извѣщали его, что возстаніе стало всеобщимъ и Парижъ идетъ на Версаль, то говорили, что войска вступаютъ въ столицу. Многимъ казалось, что они слышатъ пальбу, и, чтобы удостовѣриться въ этомъ, они прикладывали ухо къ землѣ. Вечеромъ 14-го числа разнесся слухъ, что король уѣзжаетъ въ эту ночь и что собраніе будетъ предоставлено

на произволъ иностранныхъ наемниковъ покинуть. Этотъ слухъ не былъ лишенъ основанія: при дворѣ постоянно держали заложенную карету, и тѣлохранители короля уже нѣсколько дней не раздѣвались. Къ тому же въ дворцовой оранжереѣ дѣйствительно происходили такія сцены, которыя хоть кого могли встревожить: дворъ приготовлялъ иностранные полки къ выполненію своихъ плановъ попойками, расточалъ имъ всевозможныя обѣщанія и награды. Все заставляло вѣрить, что рѣшительная минута наступила.

Несмотря на близкую и возраставшую опасность, собраніе показывало непоколебимую твердость и настаивало на своихъ первыхъ рѣшеніяхъ. Мирабо, первый потребовавшій удаленія войскъ, предложилъ новую депутацію. Только что она отправилась, какъ одинъ депутатъ, виконтъ Ноайль, прибывшій изъ Парижа, сообщилъ собранію объ успѣхахъ возстанія, разсказалъ о взятіи Дома Инвалидовъ, о вооруженіи народа, объ осадѣ Бастиліи. Другой депутатъ, Виммферъ, дополнилъ этотъ разсказъ описаніемъ тѣхъ опасностей, которымъ самъ онъ подвергался, и увѣрилъ, что ярость народа возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія его опасеній. Собраніе предложило учредить курьеровъ, чтобы имѣть извѣстія изъ Парижа каждые полчаса.

Между тѣмъ комитетъ ратуши отправилъ къ собранію депутацію изъ двухъ избирателей, Ганиля и Банкаля-Дезиссара, которые подтвердили разсказы Ноайля и Виммфена. Они сообщили ему о мѣрахъ избирателей, принятыхъ для сохраненія порядка и для защиты столицы; они разсказали о потеряхъ, понесенныхъ подъ стѣнами Бастиліи, о неуспѣхѣ депутаціи, отправленной къ губернатору, и прибавили, что выстрѣлы гарнизона усѣяли мертвыми тѣлами всѣ мѣста вокругъ крѣпости. Крикъ негодованія вырвался у собранія при этомъ разсказѣ, и оно тотчасъ отправило къ королю вторую депутацію съ этими печальными извѣстіями. Первая депутація только что возвратилась съ отвѣтомъ малоудовлетворительнымъ; было 10 часовъ вечера. Король, узнавъ о грустныхъ фактахъ, предвѣщавшихъ событія еще болѣе важныя, казалось, былъ тронутъ. Онъ раскаивался въ принятіи тѣхъ мѣръ, которыя ему внушали. «Вы все болѣе и болѣе раздираете мнѣ сердце, — говорилъ онъ, — разсказами своими о бѣдствіяхъ Парижа; не можетъ быть, чтобы поводомъ къ нимъ были приказанія, данныя войскамъ. Вамъ извѣстенъ отвѣтъ, данный мною вашей первой депутаціи: я не имѣю ничего прибавить къ нему». Этотъ отвѣтъ состоялъ въ обѣщаніи удалить изъ Парижа войска, расположенныя на Марсовомъ полѣ, и въ предписаніи нѣсколькимъ генераламъ принять начальство надъ національною гвардіею, чтобы руководить ею. Но такія мѣры не могли пособить въ томъ опасномъ положеніи, до котораго дошли дѣла; поэтому онѣ не удовлетворили и не успокоили собранія.

Спустя нѣсколько времени, прибыли депутаты д'Ормессонъ и Дюпоръ и увѣдомили собраніе о взятіи Бастиліи и о смерти Флес-

селя и Девина. Хотѣли отправить къ королю третью депутацію и снова просить объ удаленіи войскъ.

«Нѣтъ,—сказалъ Клермонъ-Тоннеръ,—оставимъ имъ ночь на размышленіе: надо, чтобы короли, какъ и всѣ люди, покупали опытъ дорогою цѣною». Такимъ образомъ наступила ночь. Поутру отправили новую депутацію съ тѣмъ, чтобы она поставила на видъ королю всѣ бѣдствія, которыя повлечетъ за собою дальнѣйшее упорство. Мирабо, остановивъ уходившихъ уже депутатовъ, воскликнулъ: «Скажите ему, скажите ему смѣло, что чужеземныя орды, которыми насъ окружили, удостоились вчера посѣщенія принцевъ, принцессъ, фаворитовъ, фавориток, удостоились ихъ ласкъ, подарковъ, наставленій; скажите ему, что всю ночь эти чужеземные наемники, залитые золотомъ и виномъ, пѣли нечестивыя пѣсни, провозглашая въ нихъ порабощеніе Франціи, уничтоженіе Національнаго Собранія; скажите ему, что въ самомъ его дворцѣ царедворцы танцовали подъ звуки этой варварской музыки; скажите, что такова была прелюдія и къ Варѳоломеевской ночи. Скажите ему, что этотъ Генрихъ, память котораго благословляетъ вселенная, что этотъ предокъ его, котораго онъ хотѣлъ взять себѣ за образецъ, пропускалъ продовольствіе въ осажденный имъ самимъ мятежный Парижъ, между тѣмъ какъ свирѣпые совѣтники нынѣшняго короля не допускаютъ обозовъ съ мукою, которые доставляетъ торговля, въ вѣрную голодную столицу».

Но въ эту самую минуту король явился въ собраніе. Герцогъ Ліанкуръ, пользуясь доступомъ къ королю, по праву хранителя гардероба, увѣдомилъ его ночью объ измѣнѣ французской гвардіи и о взятіи Бастиліи. Совѣтники короля скрыли отъ него все это. «*Но это—возстаніе!*»—сказалъ удивленный Людовикъ XVI.—«*Нѣтъ, государь*,—отвѣчалъ ему герцогъ Ліанкуръ,—*не возстаніе, а революція*». Этотъ превосходный гражданинъ показалъ ему всѣ опасности, которымъ подвергался онъ вслѣдствіе замысловъ двора; онъ представилъ ему опасенія и раздраженіе народа, ненадежность войскъ и убѣдилъ его отправиться въ собраніе и успокоить его относительно своихъ намѣреній. Въ первую минуту извѣстіе объ этомъ вызвало восторженную радость; но Мирабо посовѣтовалъ не предаваться преждевременнымъ восторгамъ. «Подождемъ, когда его величество подтвердитъ намъ самъ тѣ хорошія намѣренія, которыя ему приписываютъ. Въ Парижѣ течетъ кровь нашихъ братій. Пусть мрачная почтительность будетъ первымъ привѣтомъ монарху со стороны представителей несчастнаго народа: молчаніе народовъ—урокъ королямъ».

Собраніе приняло тотъ мрачный видъ, который не покидалъ его въ послѣдніе три дня. Король явился безъ гвардіи и безъ всякой свиты; съ нимъ были только братья его. Его приняли съ глубокимъ молчаніемъ; но когда онъ сказалъ, что онъ и нація составляютъ одно и что, полагаясь на любовь и вѣрность своихъ

подданныхъ, онъ отдалъ приказаніе войскамъ удалиться изъ Парижа и Версаля, когда онъ произнесъ трогательныя слова: «Видите ли, я довѣряюсь вамъ», — шумныя рукоплесканія потрясли залъ, и все собраніе вскочило съ мѣстъ и проводило его въ замокъ.

Извѣстіе объ этомъ возбудило сильную радость въ Версалѣ и въ Парижѣ, и успокоенный народъ разомъ перешелъ отъ вражды къ благодарности. Людовикъ XVI, предоставленный самому себѣ, понялъ, какъ важно для него самому успокоить столицу, возвратить себѣ любовь народа и пріобрѣсти его поддержку. Онъ велѣлъ объявить собранію, что возвратитъ Неккера изъ изгнанія и поѣдетъ на слѣдующій день въ Парижъ. Собраніе назначило депутацію изъ ста членовъ, которая предшествовала королю въ Парижъ. Она была встрѣчена съ энтузіазмомъ. Участвовавшіе въ ней Бальи и Лафайетъ были назначены одинъ—мэромъ Парижа, другой—начальникомъ милиціи. Они были обязаны этою честью: Бальи — своему долгому и трудному предсѣдательствованію въ собраніи, а Лафайетъ— своимъ доблестнымъ патріотическимъ дѣйствіямъ. Другъ Вашингтона и одинъ изъ главныхъ героевъ американскаго освобожденія, Лафайетъ, первый подалъ мысль, по возвращеніи на родину, о созваніи генеральныхъ штатовъ, присоединился съ меньшинствомъ дворянства къ Національному Собранію и былъ съ той поры самымъ ревностнымъ защитникомъ революціи.

17-го іюля оба новые начальника города встрѣтили короля, во главѣ муниципалитета и парижской гвардіи.

«Государь, — сказалъ Бальи, — подношу вашему величеству ключи отъ вашего добраго города Парижа, тѣ самые ключи, которые были поднесены Генриху IV. Тогда король побѣдилъ свой народъ, а нынѣ народъ завоевалъ своего государя».

Отъ площади Людовика XV до ратуши король проѣхалъ среди тройныхъ или четверныхъ рядовъ національной гвардіи, вооруженной ружьями, пиками, копьями, косами и палками. Лица были еще нѣсколько мрачны, и слышались только частые крики: «Да здравствуетъ нація!» Но когда Людовикъ XVI, выйдя изъ кареты, принялъ отъ Бальи трехцвѣтную кокарду и одинъ, безъ стражи, окруженный толпой, съ довѣріемъ вступилъ въ ратушу, то со всѣхъ сторонъ раздались шумныя рукоплесканія и крики: «Да здравствуетъ король!» Примиреніе было полное: Людовикъ XVI получилъ самыя теплыя доказательства народной преданности. Утвердивъ новыя назначенія и одобривъ выборъ народа, онъ возвратился въ Версаль, гдѣ были не совсѣмъ спокойны насчетъ его поѣздки, послѣ предшествовавшихъ смутъ. Національное Собраніе ожидало его на парижской дорогѣ и проводило въ замокъ; королева вышла къ нему навстрѣчу съ дѣтьми и бросилась въ его объятія.

Враждебные революціи министры и всѣ составители неудавшихся противореволюціонныхъ замысловъ покинули дворъ. Графъ

д'Артуа съ двумя сыновьями, принцъ Конде, принцъ Конти, семейство Полиньяковъ выѣхали съ многочисленною свитой изъ Франціи и отправились въ Туринъ, гдѣ къ графу Артуа и принцу Конде вскорѣ присоединился Калонне, сдѣлавшійся ихъ агентомъ. Такимъ образомъ началась эмиграція. Эмигранты не замедлили приступить къ возбужденію во Франціи междоусобной войны и къ составленію европейской коалиціи противъ этой страны.

Неккеръ съ тріумфомъ возвратился на прежнее свое мѣсто. Это время было лучшимъ въ его жизни, такимъ, какое рѣдко дается людямъ. Министръ народа, павшій за него въ немилость, возвращенный ради него, онъ по своему пути изъ Базеля въ Парижъ видѣлъ доказательства восторженной благодарности народа. Въѣздъ его въ Парижъ былъ настоящимъ празднествомъ. Но этотъ самый день, въ который популярность его возросла до высочайшей степени, былъ и послѣднимъ днемъ ея. Толпа, продолжавшая неистовствовать противъ соучастниковъ въ планахъ 14-го іюля, умертвила, съ неутолимою жестокостью, ненавистнаго ей министра Фулона и его племянника Бертье. Неккеръ, возмущенный этими казнями, опасаясь, чтобы за ними не послѣдовали другія, и въ особенности желая спасти барона Безанваля, командовавшаго парижскою арміей при маршалѣ Брольи и арестованнаго народомъ, потребовалъ всеобщей амнистіи, которая и была утверждена собраніемъ избирателей. Этотъ великодушный поступокъ былъ слишкомъ неостороженъ, во время всеобщаго раздраженія и недовѣрія. Неккеръ не зналъ народа; онъ не зналъ, съ какою легкостью тотъ подозрѣваетъ своихъ вождей и разбиваетъ свои кумиры. Народъ подумалъ, что врагамъ его хотятъ избавить отъ заслуженной ими кары; округи съ жаромъ напали на незаконную амнистію, утвержденную неуполномоченнымъ на то собраніемъ, и сами избиратели поспѣшили отмѣнить ее. Конечно, нужно было успокоивать народъ и располагать его къ великодушію; но, вмѣсто освобожденія подсудимыхъ, гораздо лучше было требовать суда надъ ними, который бы избавилъ ихъ отъ убійственной расправы толпы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ высшею гуманностью слѣдуетъ считать не ту, которая кажется такою съ перваго взгляда. Неккеръ, ничего не достигнувъ, вооружилъ народъ противъ себя и округи противъ избирателей. Съ этихъ поръ онъ началъ борьбу съ революціей, которою онъ уже пытался овладѣть, потому что на минуту сдѣлался ея героемъ. Но одинъ человѣкъ очень мало значитъ въ революціяхъ, волнующихъ массы: движеніе увлекаетъ ихъ или оставляетъ за собою; надо или идти впереди, или погибнуть. Ни въ какое время не выказывается ярче подчиненіе человѣка обстоятельствамъ; у революцій бываетъ много вождей, но когда онѣ отдаются, то отдаются только одному.

День 14-го іюля имѣлъ громадные результаты. Парижское движеніе сообщилось провинціямъ; повсюду народъ, подражая сто-

леній, организовали тамъ среди себя муниципальную власть и національную гвардію. Такимъ образомъ правительственная власть и сила совсѣмъ передвинулись съ мѣста: монархія утратила ихъ, потерпѣвъ пораженіе, а нація завоевала ихъ. Повиновались только новымъ правителямъ; на прежнихъ смотрѣли недовѣрчиво. Въ городахъ народъ возставалъ противъ нихъ и противъ привилегированныхъ сословій, считая ихъ, и не совсѣмъ безъ основанія, врагами послѣднихъ перемѣнъ. Въ деревняхъ предавали огню замки и документы своихъ владѣльцевъ. Рѣдко бываетъ, чтобы побѣдители не употребляли во зло свою силу. Для того, чтобы успокоить народъ, надо было искоренить злоупотребленія; въ противномъ случаѣ желаніе избавиться отъ нихъ неизбѣжно должно было привести къ смѣшенію привилегій съ правомъ собственности. Сословія исчезли; привилегіи болѣе не существовали; надо было отмѣнить и стариннаго спутника ихъ—неравенство. Вотъ съ чего слѣдовало начать учрежденіе новаго порядка. Эти предварительныя мѣры были дѣломъ одной ночи.

Собраніе обратилось къ народу съ воззваніями, которыя должны были возстановить спокойствіе. Много содѣйствовало водворенію порядка учрежденіе въ Шатлэ суда надъ заговорщиками 14-го іюля: это удовлетворило народъ. Но оставалось привести въ исполненіе другую, болѣе важную мѣру: отмѣну привилегій. Поводъ къ этому былъ поданъ 4-го августа виконтомъ Ноайлемъ: онъ предложилъ выкупъ феодальныхъ правъ и уничтоженіе крѣпостной зависимости. Это предложеніе послужило сигналомъ добровольнаго отреченія отъ привилегій: между членами привилегированныхъ сословій началось соревнованіе въ безкорыстіи и жертвахъ. Увлеченіе овладѣло всѣми: въ нѣсколько часовъ состоялось постановленіе объ уничтоженіи всѣхъ сословій. Герцогъ Шатле предложилъ выкупъ десятиннаго налога и замѣну его денежнымъ сборомъ; епископъ Шартрскій—уничтоженіе исключительнаго права охоты; графъ Вирье—отмѣну права на голубятни. Вслѣдъ за тѣмъ были по очереди предложены и утверждены: отмѣна вотчинныхъ судовъ, искорененіе продажности судебныхъ должностей, отмѣна податныхъ льготъ и неравномѣрности налоговъ, уничтоженіе случайныхъ доходовъ духовенства, упраздненіе аннатъ, шедшихъ въ пользу римскаго двора, несовмѣщеніе на будущее время въ одномъ лицѣ нѣсколькихъ доходныхъ церковныхъ званій, отмѣна пенсій, пріобрѣтенныхъ безъ заслуженнаго на нихъ права. За жертвами частныхъ лицъ послѣдовали жертвы со стороны корпорацій, городовъ и провинцій. Цехи были отмѣнены. Депутатъ Дофинэ, маркизъ Блаконъ, торжественно отказался за свою провинцію отъ всѣхъ ея привилегій. Другія провинціи послѣдовали этому примѣру, а за провинціями города. Въ память этого дня была выбита медаль, и собраніе присудило Людовику XVI титулъ Возстановителя

французской свободы (**Restaurateur de la liberté française**).

Эта ночь, названная въ то время однимъ изъ враговъ революціи Варѳоломеевскою ночью для собственности, была прежде всего Варѳоломеевскою ночью для злоупотребленій. Она расчистила развалины феодализма; она избавила людей отъ остатковъ крѣпостного права, землю — отъ помѣщичьихъ притязаній, собственность простолюдина — отъ разоренія дичью и десятиннымъ налогомъ. Отмѣна вотчинныхъ судовъ, этихъ остатковъ частнаго полновластія, повела къ утвержденію общественной власти; уничтоженіе продажности судебныхъ должностей было первымъ шагомъ къ безвозмездному судопроизводству. Ночь 4-го августа была переходомъ отъ порядка вещей, въ которомъ все принадлежало частнымъ лицамъ, къ порядку, въ которомъ все должно было принадлежать націи. Эта ночь измѣнила видъ Франціи и сдѣлала всѣхъ французовъ равными. Отнынѣ всѣмъ имъ былъ открытъ путь къ должностямъ, къ собственности, къ промышленности. Эта ночь произвела такой же важный переворотъ, какъ и возстаніе 14-го іюля, изъ котораго она вытекала. Она сдѣлала народъ властелиномъ общества, какъ 14-ое іюля сдѣлало его властелиномъ правительства, и дала ему возможность подготовить новое общественное и государственное устройство, уничтоживъ старое.

Революція шла очень быстро и привела въ короткое время къ великимъ результатамъ: ходъ ея былъ бы медленнѣе и совершеннѣе, еслибы у нея не было столькихъ враговъ. Всякое препятствіе было для нея поводомъ къ успѣху; она разоблачила интригу, устояла противъ власти, восторжествовала надъ силою. Все зданіе абсолютной монархіи рухнуло по винѣ собственныхъ вождей ея. 17-го іюня исчезли государственныя сословія, и генеральные штаты преобразовались въ національное собраніе; 23-го іюня окончилось нравственное вліяніе монархіи, перешедшее къ національному собранію; 14-го іюля погибла ея матеріальная сила, перешедшая къ народу; наконецъ, 4-ое августа увѣнчало эту первую революцію. Эпоха, которую мы обозрѣвали, ярко отличается отъ всѣхъ другихъ; въ этотъ короткій періодъ времени сила переходитъ съ одной стороны на другую, совершаются всѣ предварительныя перемѣны. Въ слѣдующую эпоху новый порядокъ обсуждается и утверждается: собраніе изъ разрушающаго становится учредительнымъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Съ ночи на 4-ое августа до 5-го и 6-го октября 1789 г.

Положеніе Учредительнаго Собранія.—Партія высшаго духовенства и дворянства.—Мори и Казалесъ.—Партія министерства и обѣихъ палатъ: Мунье, Лалли-Толандаль.—Народная партія: тріумвиратъ Дюпора, Барнава и Ламета; его положеніе; вліяніе Сійеса; Мирабо, предводитель собранія въ это время; что должно думать объ орлеанской партіи.—Труды по составленію конституціи: декларація правъ; непрерывность и единство Законодательнаго Собранія; вопросъ объ отношеніи короля къ законодательной власти; внѣшнее волненіе, имъ вызываемое.—Планы двора; обѣдъ тѣлохранителей.—Возмущеніе 5-го и 6-го октября; король переѣзжаетъ на жительство въ Парижъ.

Національное Собраніе, состоявшее изъ лучшей и наиболѣе просвѣщенной части общества, было проникнуто чистыми намѣреніями и стремленіями къ общественному благу. Оно не обходилось, однако, безъ партій и разногласія; но большинство не подчинялось никакой исключительной идеѣ, никакому человѣку,—и оно-то, подъ вліяніемъ всегда свободнаго убѣжденія, нерѣдко вслѣдствіе вдохновенія минуты, рѣшало вопросы и раздавало популярность. Посмотримъ, какія партіи и интересы существовали въ собраніи.

Партія двора въ собраніи состояла изъ привилегированныхъ. Эта партія нѣкоторое время оставалась въ бездѣйствіи и только позже стала принимать участіе въ преніяхъ; она состояла изъ людей, которые во время споровъ между сословіями стояли за ихъ раздѣльность. Несмотря на временное согласіе съ общинами во время послѣднихъ событій, интересы аристократіи были противоположны интересамъ народной партіи: дворянство и духовенство, составлявшія правую сторону въ собраніи, находились въ постоянномъ несогласіи съ этой партіей, исключая нѣсколькихъ дней, когда и ими овладѣвало общее увлеченіе. Недовольные революціей, которую они не могли ни остановить своими жертвами, ни сдержать своимъ одобреніемъ, они систематически противодѣйствовали почти всѣмъ ея реформамъ. Главными представителями этой партіи были два

человѣка, которые не были въ ней первыми по рожденію и званію, но пріобрѣли господство благодаря своимъ талантамъ. Люди эти были аббатъ Мори и Казалесъ: одинъ изъ нихъ былъ какъ бы представителемъ духовенства, другой—дворянства.

Эти два оратора привилегированныхъ сословій, слѣдуя стремленіямъ своей партіи, которая не вѣрила въ необходимость реформъ, не столько защищались, сколько протестовали и при всѣхъ преніяхъ старались только вредить собранію, а не представлять ему дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Каждый изъ нихъ вносилъ въ свою дѣятельность свойства своего ума и характера: Мори говорилъ длинныя рѣчи, Казалесъ отличался рѣзкими выходками. Первый сохранялъ на трибунѣ привычки проповѣдника и академика. Онъ разсуждалъ о законодательныхъ мѣрахъ, которыхъ часто не понималъ, и рѣдко схватывалъ настоящую или даже выгодную для его партіи сторону вопроса. Онъ выказывалъ много смѣлости, ловкости, разнообразія въ ораторскихъ пріемахъ, блестящей легкости и остроумія, но въ его рѣчахъ не было глубокаго убѣжденія, вѣрной критики, истиннаго краснорѣчія. Аббатъ Мори говорилъ такъ, какъ солдаты дерутся; никто не умѣлъ противорѣчить такъ часто и такъ долго, никто не могъ такъ ловко замѣнять доказательства цитатами и софизмами, а проявленіе чувства—ораторскими пріемами.

Замѣчательному таланту его недоставало того, что придаетъ таланту живость,—недоставало правды. Казалесъ былъ противоположностью Мори: у него былъ умъ быстрый и прямой, способъ выраженія мыслей былъ также легокъ, но болѣе отчетливъ; въ движеніяхъ его была искренность, и для подкрѣпленія своихъ рѣчей онъ выбиралъ наилучшія доказательства. Онъ нисколько не былъ риторомъ: въ вопросахъ, интересовавшихъ его партію, онъ схватывалъ всегда вѣрную сторону, предоставляя Мори декламацію. Въ Казалесѣ, при ясности взглядовъ, прямотѣ характера, хорошемъ употребленіи таланта, было ложнаго только то, что зависѣло отъ его положенія; тогда какъ Мори къ заблужденіямъ своего дѣла присоединялъ еще ложное направленіе ума.

Неккеръ и министерство также имѣли свою партію, хотя не такъ многочисленную, потому что это была партія умѣренная. Франція раздѣлялась въ это время на старыя, привилегированныя сословія, которыя противились революціи, и на людей, поддерживавшихъ интересы народа во всей ихъ полнотѣ. Между ними не было еще мѣста для партіи, которая бы приняла на себя примирительную роль. Неккеръ стоялъ за англійскую конституцію, и всѣ тѣ, кто раздѣлялъ его образъ мыслей, по убѣжденію или изъ честолюбія присоединились къ нему. Къ этой партіи принадлежали: Мунье, человѣкъ съ твердымъ умомъ, видѣвшій въ англійской системѣ образецъ представительнаго правленія; Лалли-Толландаль, столь же твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ и Мунье, но болѣе способный передавать ихъ; Клермонъ-Тоннеръ, другъ и союзникъ Мунье и Лалли;

наконецъ, меньшинство дворянства и часть епископовъ, которые надѣялись сдѣлаться членами верхней палаты, еслибъ идеи Неккера восторжествовали.

Предводители этой партіи, которую впослѣдствіи назвали монархистами, хотѣли совершить революцію путемъ полюбовной сдѣлки и ввести во Франціи готовый представительный образъ правленія, совершенно англійскій. Они постоянно уговаривали болѣе сильныхъ войти въ соглашеніе со слабыми. До 14-го іюля они совѣтовали двору и привилегированнымъ сословіямъ удовлетворить общины; впослѣдствіи они хотѣли, чтобы общины пошли на сдѣлку со дворомъ и привилегированными сословіями. Они полагали, что надо сохранить каждому сословію его мѣсто въ государствѣ, что партіи, сдвинутыя со своего мѣста, обращаются въ партіи недовольныхъ, и что необходимо узаконить ихъ существованіе, чтобы избѣгнуть нескончаемой борьбы съ ними. Они не видѣли только одного—какъ мало приложимы были ихъ идеи въ минуту полнаго господства разыгравшихся страстей. Борьба уже началась, борьба, которая должна была доставить торжество системѣ, а не привести къ сдѣлкѣ. Единство собранія было создано побѣдой надъ сословіями; разрушить это единство и поставить на его мѣсто двѣ палаты было дѣломъ слишкомъ труднымъ. Умѣренная партія не могла добиться такой формы правленія отъ двора, она не могла добиться ея и отъ націи; первому такая форма правленія казалась слишкомъ народною, второй—слишкомъ аристократическою.

Остальная часть собранія состояла изъ народной партіи. Въ ней еще не выдавались такіе люди, какъ Робеспьеръ, Петіонъ, Бюзо, зачѣвшіе вторую революцію, когда первая была окончена. Въ это время самыми крайними членами этой партіи были Дюпоръ, Барнавъ и Ламетъ, составлявшіе тріумвиратъ: мнѣнія этой партіи подготовлялись Дюпоромъ, поддерживались Барнавомъ, а дѣйствіями ея руководилъ Александръ Ламетъ. Этотъ дружелюбный союзъ адвоката, принадлежавшаго къ среднему сословію, совѣтника, принадлежавшаго къ парламентскому классу, и полковника, принадлежавшаго ко двору, былъ весьма знаменателенъ и свидѣтельствовалъ о господствовавшемъ въ то время духѣ равенства: люди отказывались отъ интересовъ своихъ сословій для того, чтобы сообща стремиться къ общественному и народному благу. Эта партія заняла сначала болѣе передовое положеніе, чѣмъ то, котораго достигла въ ту пору революція. 14-ое іюля было торжествомъ средняго сословія. Учредительное Собраніе было его законодательною властью; національная гвардія—его вооруженною силою; мэръ — его народною властью. Мирабо, Лафайетъ, Бальи опирались на это сословіе; одинъ изъ нихъ сталъ его трибуномъ, другой—его генераломъ, третій—гражданскимъ сановникомъ его. Партія Дюпора, Барнава и Ламета совмѣщала въ себѣ принципы и поддерживала интересы этого періода революціи; но, такъ какъ

она состояла изъ молодыхъ и пылкихъ патріотовъ, принесшихъ на служеніе общественному дѣлу свои высокія дарованія, замѣчательные таланты, высокое общественное положеніе, изъ людей, совмѣщавшихъ въ себѣ жажду свободы съ честолюбивымъ желаніемъ занять первыя роли, то эта партія съ самаго начала опередила нѣсколько революцію 14-го іюля. Она опиралась въ собраніи на членовъ крайней стороны, внѣ собранія—на клубы, въ государствѣ—на народъ, который былъ соучастникомъ буржуазіи въ волненіяхъ 14-го іюля и не хотѣлъ, чтобы она одна воспользовалась побѣдой этого дня. Становясь во главѣ людей, не имѣвшихъ своихъ собственныхъ предводителей, удаленныхъ отъ участія въ правленіи, но стремившихся къ нему, эта партія была, тѣмъ не менѣе, партіей перваго періода революціи. Она только составляла нѣчто вродѣ демократической оппозиціи въ самомъ среднемъ сословіи, расходясь съ его предводителями въ немногихъ только неважныхъ вопросахъ и вотируя вмѣстѣ съ нимъ въ большей части случаевъ. Это было скорѣе соревнованіе въ патріотизмѣ, чѣмъ разъединеніе партій.

Дюпоръ обладалъ свѣтлымъ умомъ и пріобрѣлъ раннюю опытность въ управленіи политическими страстями во время борьбы парламента съ министерствомъ, борьбы, происходившей отчасти подъ его руководствомъ. Онъ зналъ, что, завоевавъ себѣ права, народъ тотчасъ же успокоивается, а успокоившись—теряетъ свою силу. Чтобы постоянно держать насторожѣ тѣхъ, кто управлялъ собраніемъ, городомъ, милиціею, чтобы не допускать замедленія въ общественномъ дѣлѣ и не терять вліянія на народъ, въ которомъ могла еще встрѣтиться надобность, онъ задумалъ знаменитый союзъ клубовъ и привелъ эту мысль въ исполненіе. Это учрежденіе, какъ и все, что даетъ сильный толчокъ націи, принесло и пользу, и вредъ. Оно связало законную власть, когда ея одной было бы достаточно, но оно же придало страшную энергію революціи, когда она подвергалась нападенію со всѣхъ сторонъ и могла устоять только съ помощью чрезвычайныхъ усилій. Впрочемъ, сами основатели не предвидѣли всѣхъ послѣдствій этого союза клубовъ. Они видѣли въ немъ только рычагъ, съ помощью котораго безопасно можно было поддержать движеніе общественной машины, или дать ему большій ходъ, еслибы машина стала останавливаться; но они вовсе не думали, что учрежденіемъ союза клубовъ дѣйствуютъ въ пользу толпы. Послѣ вареннскаго бѣгства, когда крайняя народная партія сдѣлалась слишкомъ опасна и слишкомъ требовательна, они оставили ее и оперлись противъ нея на большинство и на среднее сословіе, которое послѣ смерти Мирабо осталось безъ вождя. Въ то время имъ нужно было какъ можно скорѣе остановить конституціонную революцію, потому что продолжать ее значило бы идти къ революціи республиканской.

Большинство собранія изобиловало, какъ мы уже говорили, людьми съ здравымъ, практическимъ и даже возвышеннымъ умомъ;

предводителями его были два человѣка, не принадлежавшіе къ среднему сословію, но принятые въ его среду. Не будь аббата Сійеса, Учредительное Собраніе было бы, можетъ быть, менѣе единодушно, а безъ Мирабо оно дѣйствовало бы не такъ энергично.

Сійесъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые становятся основателями сектъ въ вѣкъ энтузіазма, а въ просвѣщенное время пріобрѣтаютъ власть надъ толпою силою разума. Уединеніе и философскія занятія очень рано развили его умъ; его идеи были новы и тверды, но слишкомъ систематичны: общество было главнымъ предметомъ его изученія: онъ слѣдилъ за его ходомъ, разлагалъ его пружины; форма правленія казалась ему не столько вопросомъ права, сколько вопросомъ времени. Въ ясномъ умѣ его отчетливо сложилось все общественное устройство нашего времени, съ его составными частями, отношеніями, правами и движеніемъ. Холодный по природѣ, Сійесъ обладалъ, однако, тѣмъ жаромъ, который сопряженъ со стремленіемъ къ истинѣ, или страстью, которую влечетъ за собою раскрытіе ея. Поэтому онъ считалъ свои идеи непреложными и съ пренебреженіемъ относился къ чужимъ, находя ихъ всегда неполными, а въ его глазахъ полу-истина была заблужденіемъ. Противорѣчія раздражали его; онъ былъ малообщителенъ: ему хотѣлось высказаться вполнѣ, но онъ не могъ высказаться передъ всѣми. Приверженцы его сообщали его ученіе другимъ, что придавало ему какую-то таинственность и дѣлало его предметомъ какого-то культа. Онъ пользовался тѣмъ авторитетомъ, который доставляетъ установившаяся политическая наука, и конституція могла бы выйти изъ его головы во всеоружіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера, или какъ законодательство древнихъ, еслибъ въ наше время всякій не старался прибавить къ ней свое слово и быть ея судьей. Тѣмъ не менѣе его планы, за исключеніемъ небольшихъ измѣненій, большею частью были приняты собраніемъ, въ комитетахъ котораго у него было даже болѣе учениковъ, чѣмъ сотрудниковъ.

Мирабо пользовался на трибунѣ такимъ же вліяніемъ, какимъ Сійесъ въ комитетахъ. Этому человѣку нуженъ былъ только случай, чтобы сдѣлаться великимъ. Въ Римѣ, въ цвѣтущее время республики, онъ былъ бы Гракхомъ; во время ея упадка — Катилиной; во время Фронды — кардиналомъ Рецомъ. Въ дряхлой монархіи, когда такой человѣкъ, какъ онъ, могъ употреблять свои громадныя способности только на агитацію, онъ сдѣлался извѣстнымъ необузданными страстями, преслѣдованіями, которымъ онъ подвергался, распущенною жизнью, которую онъ велъ, страданіями, которыми онъ за нее поплатился. Мощныя силы требовали громадной дѣятельности: революція представила ему поприще для этого.

Привыкнувъ бороться съ деспотизмомъ, раздраженный дворянствомъ, которое оттолкнуло его отъ себя за его увлеченія, ловкій, смѣлый, красноречивый, Мирабо чувствовалъ, что революція

бности его дѣломъ и его жизнью. Онъ отвѣчалъ главнѣйшимъ потребностямъ своего времени. Его мысль, его голосъ, его жесты — все призвало его къ роли трибуна. Въ минуты опасности онъ увлекался, и это увлеченіе подчиняло ему все собраніе; онъ умѣлъ прекращать трудныя пренія какою-нибудь блистательною мыслью, однимъ словомъ обрывалъ честолюбцевъ, заставлялъ умолкать личную вражду, смущалъ соперниковъ своихъ. Этотъ могучій смертный, гонимый самолюбіемъ посреди волненій, то неудержимо-страстный, то спокойно-фамильярный, всегда увѣренный въ своей силѣ, пользовался въ собраніи какъ бы верховною властью. Онъ быстро пріобрѣлъ громадную популярность, которую сохранилъ до самой смерти. Человѣкъ, которато всѣ чуждались при его вступленіи въ собраніе генеральныхъ штатовъ, былъ погребенъ въ Пантеонѣ, и собраніе, вмѣстѣ съ цѣлымъ народомъ, искренно скорбѣло о его смерти. Не будь революціи, Мирабо не исполнилъ бы своего призванія, потому что недостаточно родиться великимъ человѣкомъ,— нужно еще родиться во-время.

Герцогу Орлеанскому также приписывали партію, но онъ пользовался очень малымъ вліяніемъ на собраніе и подавалъ голосъ съ большинствомъ, а не большинство съ нимъ. Личная привязанность къ нему нѣкоторыхъ членовъ, его имя, опасенія двора, популярность, которою награждались его мнѣнія, и скорѣе надежды, чѣмъ заговоры, преувеличили его значеніе. Въ немъ не было не только достоинствъ, но и недостатковъ заговорщика. Быть можетъ, онъ и содѣйствовалъ народному движенію своимъ именемъ и деньгами, но революція вспыхнула бы и безъ него: у нея были свои цѣли, не имѣвшія ничего общаго съ его возвышеніемъ. И до сихъ поръ существуетъ заблужденіе, вслѣдствіе котораго величайшую изъ революцій приписываютъ какимъ-то темнымъ и ничтожнымъ проискамъ, какъ будто въ такое время цѣлый народъ могъ служить орудіемъ въ рукахъ одного человѣка!

Собраніе сдѣлалось всемогущимъ: муниципальныя власти зависѣли отъ него; національная гвардія повиновалась ему. Оно раздѣлилось на комитеты, чтобы облегчить свои труды и точнѣе исполнить свои обязанности. Королевская власть, хотя и существовавшая по праву, была какъ бы отмѣнена, потому что ей болѣе не повиновались, и собраніе должно было замѣнить ея вліяніе своимъ собственнымъ. Поэтому, независимо отъ тѣхъ комитетовъ, на которые возложены были приготовительныя работы, пришлось назначить другіе, которымъ былъ порученъ надзоръ за общественными дѣлами. Комитетъ продовольствія занимался доставленіемъ съѣстныхъ припасовъ, столь важнымъ въ неурожайный годъ; комитетъ отчетовъ сносился съ муниципалитетами и съ провинціями; слѣдственный комитетъ принималъ доносы на заговорщиковъ, враговъ 14-го іюля. Но главнѣйшее вниманіе собранія было

обращено на финансы и конституцію; вслѣдствіе послѣднихъ смутъ вопросы эти отошли было на второй планъ.

Удовлетворивъ наступившимъ нуждамъ казны, собраніе, хоть въ сущности и полновластное, всетаки соглашалось въ своихъ дѣйствіяхъ съ инструкціями своихъ избирателей. Оно имѣло у себя методическія, всестороннія и свободныя пренія, которыя должны были доставить Франціи конституцію, согласную со справедливостью и нуждами народа. Соединенные Штаты Америки, отстоявъ свою независимость, освятили въ особой деклараціи права человѣка и гражданина. Народъ, вышедшій изъ зависимости, чувствуетъ потребность провозгласить свои права, прежде даже, чѣмъ установить свое правительство. Французы, бывшіе свидѣтелями американской революціи и содѣйствовавшіе ей, пожелали подобное же изложеніе, которое должно было служить вступленіемъ къ нашимъ законамъ. Эта мысль должна была понравиться собранію законодателей и философовъ, нигдѣ не ограниченному, всегда руководившемуся основными и непреложными идеями, изъ которыхъ воспитавшій его восемнадцатый вѣкъ выводилъ самое существованіе человѣческихъ обществъ. Хотя декларація правъ содержала одни общіе принципы и ограничивалась только изложеніемъ въ видѣ общихъ началъ того, что конституція должна была сдѣлать закономъ. Тѣмъ не менѣе она должна была возвысить духъ гражданъ, поселить въ нихъ сознаніе собственнаго достоинства и значенія. По предложенію Лафайета, собраніе приступило къ преніямъ по этому предмету, но парижскія событія и декреты 4-го августа принудили его прервать ихъ. Потомъ оно продолжало начатое дѣло и окончило его, освятивъ принципы, послужившіе скрижалью для новаго закона и возвратившіе право во имя человѣчества.

Какъ скоро эти общія положенія были приняты, собраніе приступило къ организаціи законодательной власти. Это былъ одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ; онъ долженъ былъ опредѣлить свойство обязанностей собранія и установить его отношенія къ королю. Въ преніяхъ по этому предмету собраніе имѣло въ виду только опредѣлить будущее положеніе законодательной власти. Что же касается настоящаго собранія, облеченнаго учредительною властью, то оно стояло выше своихъ собственныхъ рѣшеній, и никакая посредствующая власть не могла ни отмѣнить, ни остановить его дѣйствій. Но какую форму должно было принять собраніе представителей въ будущія сессіи? Должно ли оно остаться нераздѣльнымъ, или раздѣлиться на двѣ палаты? На случай торжества послѣдней формы, въ чемъ должна заключаться сущность верхней палаты? Будетъ ли это аристократическое собраніе, или руководящій сенатъ? Наконецъ, будетъ ли собраніе представителей непрерывнымъ или періодическимъ, и будетъ ли король раздѣлять съ нимъ законодательную власть? Таковы были затруднительныя задачи, волновавшія собраніе и Парижъ въ продолженіе сентября мѣсяца.

Легко понять, какъ были рѣшены эти вопросы, если вспомнить положеніе собранія и его воззрѣнія на верховную власть. Король въ его глазахъ былъ не болѣе, какъ наслѣдственный повѣренный націи, которому не могло принадлежать право ни созывать представителей, ни руководить ими, ни распускать ихъ. Вслѣдствіе этого оно отказало ему въ правѣ предлагать законы и распускать собраніе. Оно не допускало мысли, чтобы Законодательное Собраніе могло находиться въ зависимости отъ короля. Къ тому же, давъ правительству сильное вліяніе на собраніе или не сдѣлавъ засѣданій послѣдняго постоянными, оно боялось тѣмъ самымъ дать возможность королю воспользоваться промежутками между сессіями, когда онъ будетъ одинъ управлять государствомъ для того, чтобы усилить свою власть въ ущербъ власти націи, или даже для того, чтобы совершенно отмѣнить новый порядокъ. Поэтому собраніе рѣшило въ противоположность непрерывно дѣйствующей власти столь же непрерывное собраніе и утвердило организацію постояннаго законодательнаго корпуса. Вопросъ о нераздѣльности или раздѣльности собранія возбудилъ самыя жаркія пренія. Неккеръ, Мунье, Лалли-Толандаль требовали, кромѣ палаты представителей, сената, члены котораго назначались бы королемъ по указанію народа. Они считали это единственнымъ средствомъ обуздать власть и не допустить тираніи одного собранія; приверженцами ихъ были нѣсколько депутатовъ, раздѣлявшихъ ихъ образъ мыслей или расчитывавшихъ попасть въ верхнюю палату. Большинство дворянъ желало аристократическаго собранія, члены котораго избирались бы дворянствомъ. Поладить они не могли: партія Мунье отвергала проектъ, закрѣплявшій сословія; аристократы отвергали сенатъ, окончательно губившій дворянство. Большая часть духовенства и общинъ были за нераздѣльность собранія. Народной партіи казалось незаконнымъ учреждать пожизненныхъ законодателей: она думала, что верхняя палата будетъ орудіемъ въ рукахъ двора и аристократіи и сдѣлается такимъ образомъ вредною, или же сольется съ общинами и станетъ безполезною. Такимъ образомъ дворянская партія по личному неудовольствію, народная—по духу абсолютной справедливости одинаково отвергли верхнюю палату.

Это рѣшеніе собранія сдѣлалось впослѣдствіи предметомъ многихъ упрековъ. Защитники перства приписывали всѣ несчастія революціи отсутствію верхней палаты, какъ будто возможно было какому бы то ни было учрежденію остановить ходъ революціи. Не конституція дала ей тотъ характеръ, который она приняла, а сила обстоятельствъ, созданныхъ борьбою партій. Что стала бы дѣлать верхняя палата, поставленная между дворомъ и націею? Объявивъ себя за дворъ, она не могла бы ни руководить имъ, ни спасти его; принявъ сторону націи, она не могла бы подкрѣпить ее, и, во всякомъ случаѣ, отмѣна ея была бы неизбѣжна. Въ подобныя времена событія идутъ быстро, и все, что задерживаетъ ихъ, излишне.

Въ Англіи палата лордовъ была закрыта во время революціоннаго кризиса, хотя она и была покорна. Для всякой системы есть свое время: революціи начинаются съ одною палатою, оканчиваются—съ двумя.

Вопросъ объ участіи короля въ законодательной власти возбудилъ горячій споръ въ собраніи и сильное волненіе въ народѣ. Дѣло шло о томъ, чтобы опредѣлить права короля при изданіи законовъ. Почти всѣ депутаты были согласны въ одномъ: они рѣшились признать за нимъ право утверждать или отвергать законы,—но одни хотѣли, чтобы это право было неограниченное, другіе требовали, чтобы оно было временное. Въ сущности это было почти одно и то же, потому что сопротивленіе короны имѣетъ свои предѣлы, и veto неограниченное точно также имѣло бы лишь характеръ задержки. Но это право, по которому одинъ человѣкъ могъ остановить волю цѣлаго народа, казалось чрезмѣрнымъ, въ особенности внѣ собранія, гдѣ оно не такъ хорошо понималось.

Парижъ еще не отрезвился отъ волненій 14-го іюля; онъ дѣлалъ первый опытъ народнаго правительства и испытывалъ связанные съ нимъ свободу и безпорядокъ. Собраніе избирателей, заступавшее въ трудныхъ обстоятельствахъ мѣсто временнаго муниципалитета, было замѣнено другимъ. Сто восемьдесятъ членовъ, назначенныхъ округами, сдѣлались законодателями и представителями общины. Пока они трудились надъ планомъ муниципальной организаціи, всякій хотѣлъ распоряжаться, потому что у француза любовь къ свободѣ всегда смѣшана съ нѣкоторою долею властолюбія. Комитеты округовъ дѣйствовали помимо мэра; собраніе представителей возставало противъ комитетовъ, а округа противъ собранія представителей. Каждый изъ шестидесяти округовъ присвоивалъ себѣ законодательную власть, а исполнительную предоставлялъ своимъ комитетамъ. Всѣ они считали членовъ общаго собранія своими подчиненными и приписывали себѣ право отвергать его постановленія. Эта мысль о господствѣ избирателя надъ депутатомъ все ближе и болѣе укоренялась. Неучаствовавшіе непосредственно въ управленіи составляли сходки, на которыхъ обсуждались общественные вопросы. Солдаты вели пренія въ Ораторіи, портные—у колоннады, парикмахеры—въ Елисейскихъ поляхъ, слуги—въ Луврѣ. Но самыя оживленныя совѣщанія происходили въ Пале-Роялѣ, гдѣ обсуждались вопросы, занимавшіе Національное Собраніе, и контролировались его пренія. Неурожай также служилъ поводомъ къ сходкамъ, и эти сходки были самыя опасныя.

Таково было состояніе Парижа, когда начались пренія о veto короля. Эта уступка монархіи внушала сильнѣйшія опасенія, какъ будто участь свободы зависѣла отъ этого вопроса, словно veto вело неизбѣжно къ возстановленію стараго порядка. Толпа, не понимавшая обыкновенно сущности и разграниченія властей, хотѣла, чтобы собраніе, которому она довѣряла, было всемогуще, а король, которому она не довѣряла, былъ безсиленъ. Всякое право, оставленное

въ распоряженіи двора, считалось противо-революціоннымъ орудіемъ. Пале-Рояль взволновался; появились угрожающія письма къ тѣмъ изъ членовъ собранія, которые, какъ, напримѣръ, Мунье, объявили себя за абсолютное veto короля; говорили, что ихъ слѣдуетъ исключить изъ собранія, какъ измѣнниковъ, и идти на Версаль. Пале-Рояль послалъ отъ себя депутацію въ общинное собраніе съ требованіемъ, чтобы полномочіе депутата было объявлено отмѣняемымъ и чтобы депутаты во всякое время зависѣли отъ избирателей. Собраніе отказало въ этомъ требованіи Пале-Рояля и приняло мѣры противъ сходокъ. Національная гвардія помогла ему; Лафайетъ пріобрѣлъ ея довѣріе; она начала организовываться, стала носить мундиръ, ввела у себя дисциплину по образцу французской гвардіи и научилась у своего начальника любви къ порядку и уваженію закона. Но среднее сословіе, изъ котораго она состояла, еще не завладѣло народнымъ правительствомъ, и толпа, побѣдившая 14-го іюля, не была еще совершенно отстранена. Уличныя волненія придали преніямъ о veto короля бурный характеръ. Вопросъ, самъ по себѣ очень простой, внезапно пріобрѣлъ чрезвычайную важность. Министерство, видя, какъ опасно было бы рѣшеніе въ пользу абсолютнаго veto, и понимая, что въ сущности *veto неограниченное* и *veto останавливающее* — одно и то же, уговорило короля согласиться на послѣднее и отвергнуть первое. Собраніе постановило, что король можетъ откладывать утвержденіе рѣшенія палаты не далѣе, какъ на двѣ сессіи, — и этимъ всѣ остались довольны.

Дворъ воспользовался парижскими волненіями, чтобы осуществить другіе свои планы. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ успѣлъ овладѣть умомъ короля. Сначала король отказывался утвердить декреты 4-го августа, хотя они имѣли учредительный характеръ, и, слѣдовательно, ему оставалось только обнародовать ихъ. Сдавшись на представленіе собранія, онъ согласился принять ихъ, но потомъ возобновилъ тѣ же затрудненія по поводу декларации правъ. Цѣль двора состояла въ томъ, чтобы выставить Людовика XVI жертвою собранія, принужденнымъ противъ собственной воли подчиняться его мѣрамъ. Дворъ неохотно переносилъ свое положеніе и желалъ возвратить себѣ прежнюю власть. Единственнымъ средствомъ къ этому онъ считалъ бѣгство, но надобно было придать бѣгству законный видъ. Въ виду собранія и вблизи Парижа нельзя было ничего сдѣлать. Королевская власть пала еще 23-го іюня, военная опора ея — 14-го іюля; оставалось одно средство — междоусобная война; но такъ какъ трудно было склонить на нее короля, то стали выжидать послѣдней крайности, чтобы уговорить его къ бѣгству. Нерѣшительность короля помѣшала приведенію въ исполненіе этого замысла. Предполагалось удалиться въ Мецъ къ маркизу Буйле, подъ защиту его арміи, и оттуда сдѣлать воззваніе къ дворянству, къ войскамъ, сохранившимъ вѣрность, къ парламентамъ; окружить ими монарха, объявить собра-

ше и Парижъ мятежными, пригласить или принудить ихъ къ повиновенію, и если уже нельзя возобновить стараго—неограниченнаго—образа правленія, то остановиться на деклараціи 23-го іюня. Но если, съ одной стороны, двору нужно было удалить короля изъ Версаля, чтобы дать ему возможность что-нибудь предпринять, то, съ другой стороны, приверженцамъ революціи нужно было переселить его въ Парижъ. Орлеанская партія, если только она существовала, должна была стараться застращать короля, чтобы принудить его къ бѣгству,—въ надеждѣ, что собраніе назначитъ ея главу намѣстникомъ королевства; наконецъ, народъ, нуждавшійся въ хлѣбѣ, надѣялся, что пребываніе короля въ Парижѣ прекратитъ или, по крайней мѣрѣ, уменьшитъ голодъ. При такомъ положеніи дѣлъ недоставало только повода къ возстанію; дворъ доставилъ такой поводъ.

Подъ предлогомъ обороны отъ парижскихъ волненій, онъ созвалъ въ Версаль войска, удвоилъ караулы, призвалъ драгуновъ и фландрскій полкъ. Эти военныя приготовленія возбудили живѣйшія опасенія: распространился слухъ о противо-революціонномъ государственномъ переворотѣ, о предстоящемъ бѣгствѣ короля и о распущеніи собранія. Въ Люксембургѣ, въ Пале-Роялѣ, на Елисейскихъ поляхъ появились неизвѣстные до того времени мундиры, черныя и желтыя кокарды; противники революціи выказывали явно невиданную радость. Поведеніе двора подтверждало подозрѣнія и раскрывало цѣль всѣхъ этихъ приготовленій.

Для офицеровъ фландрскаго полка, недовѣрчиво встрѣченнаго жителями Версаля, устроили во дворцѣ празднество и допустили ихъ даже къ игорному столу королевы; чтобы лучше расположить ихъ ко двору, королевская гвардія дала имъ обѣдъ. Офицеры находившихся въ Версалѣ драгунскаго и стрѣлковаго полковъ, офицеры швейцарской гвардіи и швейцарской сотни, военно-полицейскаго управленія и главнаго штаба національной гвардіи были также въ числѣ приглашенныхъ. Пиръ происходилъ въ большомъ театральномъ залѣ, назначавшемся исключительно для самыхъ торжественныхъ придворныхъ праздниковъ, такъ что, со времени брака второго брата короля, этотъ залъ открывался всего однажды: для пріема императора Іосифа II. Королевскимъ музыкантамъ приказано было участвовать въ этомъ праздникѣ, который гвардейцы давали еще въ первый разъ. Во время обѣда съ восторгомъ пили за здоровье королевской фамиліи; тостъ за націю былъ пропущенъ или отвергнутъ. При второй перемѣнѣ въ обѣденный залъ ввели гренадеровъ фландрскаго полка, драгунъ и швейцарцевъ, чтобы они могли быть свидѣтелями торжества и участниками въ выраженіи общаго чувства. Энтузіазмъ возрасталъ съ минуты на минуту. Вдругъ возвѣщаютъ о прибытіи короля; онъ входитъ въ залу пиршества въ охотничьемъ платьѣ, въ сопровожденіи королевы, держащей въ рукахъ дофина. Раздаются восклицанія любви и преданности; присутствующіе, съ обнаженными шпагами въ рукахъ, пьютъ за здоровье коро-

левской фамиліи, и въ ту минуту, когда Людовикъ XVI выходитъ изъ зала, музыка играетъ: O Richard, o mon roi, l'univers t'abandonne! (О Ричардъ, о мой король, весь міръ тебя покидаетъ!); сцена принимаетъ тогда знаменательный характеръ; звуки марша и пары вина отнимаютъ у гостей всякую осторожность. Музыка начинаетъ играть атаку; пошатываясь, гости лѣзутъ на ложи, словно на приступъ; всѣмъ раздаются бѣлыя кокарды; кокарды трехцвѣтныя попираются ногами, и вся эта толпа разсыпается по галереямъ замка, гдѣ придворныя дамы осыпаютъ ее поздравленіями и украшаютъ лентами и кокардами.

Таково было знаменитое празднество 1-го октября, которое дворъ имѣлъ неосторожность повторить еще разъ 3-го числа. Нельзя не пожалѣть объ этой роковой неосторожности: дворъ не умѣлъ ни покориться своей участи, ни измѣнить ее. Созваніе войскъ не только не предотвратило нападенія со стороны Парижа, но, напротивъ того, вызвало его; пиръ не упрочилъ преданности солдатъ, а только усилилъ раздраженіе народа. Для безопасности двора не требовалось такого рвенія, для бѣгства не нужно было такихъ приготовленій; но дворъ никогда не умѣлъ удачно выбрать средства для успѣха своихъ замысловъ или принимать полумѣры: онъ все выжидалъ, и рѣшимость оказывалась въ немъ тогда только, когда время уже было потеряно.

Извѣстіе о версальскомъ пирѣ произвело въ Парижѣ сильное броженіе умовъ. Съ 4-го числа все стало предвѣщать возстаніе: смутный говоръ, наглость враговъ революціи, голодъ, манифестаціи, негодованіе противъ двора, возрастающее опасеніе голода: взоры толпы уже устремлялись на Версаль. 5-го числа бунтъ вспыхнулъ со страшной, неудержимой силой: оказавшійся недостатокъ въ хлѣбѣ подалъ сигналъ къ нему. Какая-то молодая дѣвушка вошла на гауптвахту, взяла барабанъ и пошла съ нимъ по улицамъ, крича: хлѣба! хлѣба! Вскорѣ ее окружила толпа женщинъ и двинулась къ ратушѣ, увеличиваясь съ каждымъ шагомъ; онѣ принудили отступить конныхъ часовыхъ, стоявшихъ у дверей ратуши, проникли внутрь и потребовали хлѣба и оружія; потомъ онѣ выломали двери, овладѣли оружіемъ, ударили въ набатъ и приготовились идти на Версаль. Вскорѣ и народъ, толпами собравшійся, началъ заявлять тѣ же желанія, и крикъ: въ Версаль! въ Версаль! сдѣлался общимъ. Женщины отправились первыя подъ предводительствомъ Мальяра, одного изъ участниковъ во взятіи Бастиліи. Народъ, національная гвардія, французскіе гвардейцы изъявили желаніе слѣдовать за ними. Лафайетъ долго противился подобнымъ заявленіямъ, но напрасно: ни всѣ старанія его, ни вся его популярность не могли восторжествовать надъ упорствомъ толпы. Въ продолженіе семи часовъ онъ уговаривалъ и удерживалъ ее. Наконецъ, выведенная изъ терпѣнія такимъ промедленіемъ и не слушая его болѣе, она рѣшилась идти безъ него. Тогда Лафайетъ, считая своею обя-

единостью вести ее для того, чтобы сдерживать въ Версалѣ, какъ онъ сдерживалъ ее въ Парижѣ, вытребовалъ отъ городскихъ властей разрѣшеніе и далъ сигналъ къ выступленію въ 7 часовъ вечера.

Въ Версалѣ также было волненіе, хотя и не такое грозное: національная гвардія и собраніе были въ безпокойномъ и раздраженномъ состояніи духа. Двукратное пиршество тѣлохранителей, поощреніе, оказанное имъ королевой, которая сказала: «Я была очарована въ четвергъ», упорный отказъ короля принять декларацію правъ, его умышленныя проволочки и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ тревожили народныхъ представителей и вселяли въ нихъ подозрѣніе. Одинъ депутатъ изъ роялистовъ потребовалъ у Петіона, объявившаго собранію о версальскомъ пирѣ, чтобы онъ подробно объяснилъ свое обвиненіе и указалъ на виновныхъ. «Пусть будетъ положительно объявлено, что, за исключеніемъ короля, всѣ подданные подлежатъ одинаковой отвѣтственности,—вскричалъ Мирабо,—тогда я берусь привести доказательства». Эти слова, ясно указывавшія на королеву, заставили замолчать правую сторону. Прежде и послѣ этихъ непріязненныхъ преній происходили пренія менѣе оживленныя по вопросу объ отказѣ короля утвердить декларацію правъ и о голодѣ въ Парижѣ. Наконецъ рѣшено было отправить депутацію къ королю съ просьбою утвердить просто декларацію правъ и ускорить всѣми возможными средствами снабженіе столицы съѣстными припасами. Въ это время вдругъ объявили о прибытіи женщинъ подъ предводительствомъ Мальяра.

Дворъ пришелъ въ ужасъ при ихъ совершенно неожиданномъ появленіи; женщины останавливали по дорогѣ всѣхъ курьеровъ, которые бы могли сообщить объ ихъ приближеніи. Версальскія войска взялись за оружіе и окружили замокъ, но женщины вовсе не выказывали враждебнаго расположенія. Предводитель ихъ, Мальяръ, уговорилъ ихъ явиться въ качествѣ просительницъ. Онѣ такъ и сдѣлали и изложили свои жалобы собранію и королю. Такимъ образомъ начало этого бурнаго вечера прошло довольно мирно; но невозможно было ожидать, чтобы между этою безпорядочною и враждебною толпою и тѣлохранителями, предметомъ такой ненависти, не произошло столкновенія. Тѣлохранители расположились на дворѣ дворца, противъ національной гвардіи и фландрскаго полка. Раздѣлявшій ихъ промежутокъ былъ наполненъ женщинами и участниками во взятіи Бастиліи. Посреди неурядицы, неизбѣжной при подобномъ сближеніи, завязалась драка, которая и послужила сигналомъ къ безпорядку и схваткѣ. Одинъ офицеръ изъ тѣлохранителей ударилъ саблею парижскаго солдата и былъ за это раненъ выстрѣломъ въ руку. Національная гвардія взяла сторону парижанъ; схватка сдѣлалась довольно сильною и обратилась бы въ кровопролитіе, еслибы не помѣшали ей ночь и дурная погода, и еслибы тѣлохранители не получили приказанія сначала прекратить

огонь, а потомъ и отступить. Но такъ какъ зачинщиками считали тѣлохранителей, то ожесточеніе противъ нихъ толпы было ужасно: она ворвалась въ ихъ казармы; два тѣлохранителя были ранены, а третьяго съ трудомъ удалось спасти.

Дворъ трепеталъ во все время этой борьбы; вопросъ о бѣгствѣ короля подвергнутъ былъ обсужденію; экипажи приготовлены; но караулъ національной гвардіи, замѣтивъ у рѣшетки оранжереи экипажи, заставилъ ихъ вернуться и заперъ рѣшетку; къ тому же и самъ король, или не знавшій до тѣхъ поръ замысловъ двора, или считавшій ихъ неудобоисполнимыми, отказался отъ бѣгства. Къ миролюбивымъ наклонностямъ его примѣшивались опасенія, и онъ не хотѣлъ ни отражать нападенія, ни спасаться бѣгствомъ. Онъ страшился, на случай пораженія, той же участи, какая постигла въ Англіи Карла I,—но и бѣжать онъ боялся, такъ какъ въ его отсутствіе герцогъ Орлеанскій могъ быть провозглашенъ намѣстникомъ королевства. Пока король колебался, усталость и бездѣйствіе тѣлохранителей укротили ярость толпы. Явился Лафайетъ съ парижской арміей. Его присутствіе успокоило дворъ, а отвѣтъ короля парижской депутаціи удовлетворилъ и толпу, и армію. Вскорѣ дѣятельность Лафайета, здравый смыслъ и дисциплина парижской гвардіи повсюду возстановили спокойствіе и порядокъ. Толпа женщинъ и волонтеровъ, побѣжденная усталостью, разошлась; отряду національныхъ гвардейцевъ было поручено охраненіе дворца; другіе нашли гостепріимство у своихъ версальскихъ собратій по оружію. Королевская фамилія, утомленная тревогами этого страшнаго вечера, успокоилась около 2-хъ часовъ утра. Въ 5 часовъ утра Лафайетъ осмотрѣлъ посты, ввѣренные его гвардіи; найдя ихъ въ порядкѣ, убѣдившись, что городъ спокоенъ, а толпа разсѣялась или заснула, онъ также прилегъ отдохнуть.

Но около 6-ти часовъ утра нѣсколько простолюдиновъ, раздраженныхъ сильнѣе другихъ и раньше другихъ проснувшихся, стали бродить около дворца. Рѣшетка была отворена; они тотчасъ же сказали объ этомъ своимъ товарищамъ и проникли во дворецъ. Къ несчастію, внутренніе посты были заняты не парижской арміей, а тѣлохранителями. Это роковое обстоятельство было причиной всѣхъ несчастій этой ночи. Внутренняя стража не была даже усилена, рѣшетокъ не потрудились осмотрѣть хорошенько, и караулъ исполняли такъ же небрежно, какъ и въ обыкновенное время. Страшно возбужденные, пришедшіе въ Версаль съ намѣреніями отнюдь не миролюбивыми, эти люди, увидѣвъ въ окнѣ одного тѣлохранителя, осыпали его ругательствами. Онъ выстрѣлилъ по нимъ и ранилъ одного. Тогда они бросились на тѣлохранителей, геройски защищавшихъ дворецъ и отстаивавшихъ каждый шагъ; одинъ изъ нихъ успѣлъ предупредить королеву, которой въ особенности угрожали нападающіе, и она, полуодѣтая, убѣжала къ королю. Во дворцѣ поднялась страшная суматоха.

Узнавъ о вторженіи толпы въ королевское жилище, Лафайетъ тотчасъ же сѣлъ на лошадь и во всю прыть поскакалъ къ мѣсту опасности. Онъ встрѣтилъ на площади тѣлохранителей, окруженныхъ разъяренной толпой, которая хотѣла перебить ихъ всѣхъ. Лафайетъ бросился между ними, призвалъ къ себѣ на помощь нѣсколькихъ солдатъ французской гвардіи, стоявшихъ невдалекѣ, и разсѣявъ толпу, спасъ тѣлохранителей и поскакалъ во дворецъ. Тамъ уже были гренадеры французской гвардіи, явившіеся на помощь при первой тревогѣ и принявшіе сторону тѣлохранителей, изъ которыхъ многіе были варварски умерщвлены разъяренными парижанами. Дѣло этимъ не кончилось: толпа собралась на мраморномъ дворѣ, подъ балкономъ короля, и неистово кричала, требуя его къ себѣ; король явился. Народъ потребовалъ, чтобы онъ переѣхалъ въ Парижъ; король обѣщалъ отправиться туда со своимъ семействомъ; взрывъ рукоплесканій привѣтствовалъ эти слова короля. Королева рѣшилась ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, но предубѣжденіе противъ нея было такъ сильно, что путешествіе становилось опаснымъ; нужно было примирить ее съ народомъ. Лафайетъ предложилъ ей выйти на балконъ вмѣстѣ съ нимъ; послѣ нѣкотораго колебанія она согласилась. Они явились вмѣстѣ, и, чтобы наглядно объяснить свои чувства этой многочисленной толпѣ, чтобы побѣдить ея вражду и возбудить ея энтузіазмъ, Лафайетъ почтительно поцѣловалъ руку королевы. При этомъ видѣ толпа разразилась криками одобренія. Оставалось только примириться съ тѣлохранителями. Лафайетъ показался на балконѣ съ однимъ изъ нихъ, прикололъ къ его шляпѣ свою трехцвѣтную кокарду и поцѣловалъ его передъ народомъ, который закричалъ: «Да здравствуютъ тѣлохранители!» Такъ кончилась эта сцена. Королевская фамилія выѣхала въ Парижъ подъ защитой національной гвардіи и собственной своей стражи.

Возмущеніе 5-го и 6-го октября было истинно народнымъ движеніемъ. Напрасно было бы для него пріискивать какихъ-нибудь тайныхъ причинъ или приписывать его какимъ-либо скрытымъ интригамъ: оно было вызвано неосторожностью двора. Угощеніе тѣлохранителей, слухи о бѣгствѣ короля, боязнь междоусобной войны и голодъ были единственными причинами, поднявшими Парижъ на Версаль. Если этому движенію содѣйствовали частные подстрекатели, что еще подвержено сомнѣнію, то и они не могли измѣнить ни его направленія, ни его цѣли. Послѣдствіемъ этого событія было разрушеніе прежняго придворнаго порядка; оно отняло у двора его собственную стражу, перевело его изъ версальской королевской резиденціи въ Парижъ, столицу революціи, и поставило его среди народа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Съ 6-го октября 1789 г. до смерти Мирабо, въ апрѣлѣ 1791 г.

Продолженіе октябрскихъ событій.—Преобразованіе провинцій въ департаменты; организація административныхъ и муниципальныхъ властей по системѣ выборовъ и державности народа.—Финансы: всѣ средства, къ которымъ прибѣгали, оказались недостаточными; имущества духовенства объявлены національными; появленіе ассигнацій вслѣдствіе продажи имуществъ духовенства.—Гражданская организація духовенства; религіозная оппозиція епископовъ.—Годовщина 14-го іюля: уничтоженіе титуловъ; союзъ братства на Марсовомъ полѣ.—Новая организація арміи; оппозиція офицеровъ. — Несогласія по поводу гражданской организаціи духовенства.—Клубы. Смерть Мирабо.—Во все это время раздѣленіе партій обозначается яснѣе и яснѣе.

Время, описываемое въ этой главѣ, было не столько замѣчательно событіями, сколько все болѣе и болѣе обозначавшимся раздѣленіемъ партій. По мѣрѣ преобразованій въ государственной организаціи и законахъ, люди, затронутые этими реформами въ своихъ мнѣніяхъ или интересахъ, объявляли себя противъ нихъ. Съ самаго созванія генеральныхъ штатовъ революція уже нажила себѣ враговъ; первымъ врагомъ ея былъ дворъ; со времени соединенія сословій и уничтоженія привилегій, ко двору присоединилось дворянство; съ учрежденіемъ одного нераздѣльнаго собранія, а не двухъ палатъ,—въ число враговъ революціи вступили министры и сторонники англійскаго управленія. Кромѣ того, врагами революціи сдѣлались провинціи, сохранившія свои сословныя собранія, какъ скоро государство было раздѣлено на департаменты; затѣмъ цѣлая корпорація духовенства, послѣ декрета объ имуществахъ и гражданскомъ устройствѣ духовенства; наконецъ всѣ офицеры арміи, вслѣдъ за введеніемъ новыхъ военныхъ законовъ. Казалось бы, собранію не слѣдовало вводить заразъ столько перемѣнъ, чтобы не возстановлять противъ себя столь многихъ; но эти нововведенія были вызваны общими планами собранія, его нуждами и

даже происками его противниковъ. Въ средѣ собранія произошла послѣ 5-го и 6-го октября эмиграція, подобно тому, какъ послѣ 14-го іюля она происходила при дворѣ. Мунье и Лалли-Толандаль оставили собраніе; они отчаялись въ осуществленіи свободы, какъ скоро увидѣли, что мнѣнія ихъ болѣе не раздѣляются. Безусловно преданные своимъ планамъ, они хотѣли, чтобы народъ, освободивъ 14-го іюля собраніе, вдругъ перестать бы дѣйствовать. Считать это возможнымъ — значило не знать революціонныхъ увлеченій. Воспользовавшись однажды услугою народа, весьма трудно уже отстранить его; гораздо лучше не сопротивляться ему, а регулировать его вмѣшательство. Лалли-Толандаль отказался отъ имени француза и возвратился въ страну своихъ предковъ, Англію. Мунье уѣхалъ въ свою родную провинцію, Дофинэ, и пытался возстановить ее противъ собранія. Съ его стороны непослѣдовательно было жаловаться на одно возстаніе и въ то же время вызывать другое, особенно такое, которое выгодно было бы враждебной ему партіи, такъ какъ партія самого Мунье была слишкомъ слаба и не устояла бы между прежнимъ порядкомъ и революціею. Несмотря на вліяніе, которымъ пользовался Мунье въ Дофинэ, гдѣ онъ управлялъ прежде большими движеніями, прошлаго сопротивленія онъ не могъ возбудить тамъ; но его попытка показала собранію, что пора уничтожить прежнюю провинціальную организацію, которая могла способствовать развитію междоусобной войны. Послѣ событій 5-го и 6-го октября народные представители послѣдовали за королемъ въ столицу, успокоенію которой значительно содѣйствовало ихъ присутствіе. Народъ былъ удовлетворенъ возвращеніемъ къ нему короля; причины, вызывавшія народное раздраженіе, миновали. Герцогъ Орлеанскій, котораго справедливо или нѣтъ, считали двигателемъ возстанія, былъ удаленъ: онъ согласился отправиться съ порученіемъ въ Англію. Лафайетъ рѣшился поддерживать порядокъ; національная гвардія, настроеніе умовъ которой было превосходно, съ каждымъ днемъ пріобрѣтала привычку къ дисциплинѣ и повиновенію; муниципалитетъ оправлялся отъ перваго смятенія, овладѣвшаго имъ при его учрежденіи, и начиналъ пріобрѣтать власть. Оставалась только одна причина безпорядковъ — голодъ. Несмотря на преданность и предусмотрительность комитета, которому поручено было заготовлять припасы, ежедневныя сборища угрожали общественному спокойствію. Народъ, такъ легко поддающійся обману во время страданій, загубилъ одного булочника, по имени Франсуа, на котораго несправедливо указывали какъ на скупщика хлѣба. Наконецъ, 21-го октября былъ провозглашенъ военный законъ, по которому муниципалитетъ получилъ право дѣйствовать силою для разсѣянія сборищъ, предварительно возвѣстивъ гражданамъ, чтобы они расходились. Власть находилась въ рукахъ сословія, заинтересованнаго въ порядкѣ; городскія власти и національная гвардія подчинялись собранію; исполненіе законовъ было страстью

этого времени. Депутаты, со своей стороны, стремились только къ довершенію конституціи, къ осуществленію преобразованія государства. Имъ нужно было спѣшить тѣмъ болѣе, что враги собранія пользовались нѣкоторыми остатками стараго порядка, чтобы противопоставлять собранію затрудненія. На каждую попытку этого рода оно отвѣчало декретами, отмѣнявшими прежній порядокъ вещей, отнимавшими одно за другимъ средства къ нападенію противъ нововведеній.

Собраніе начало съ того, что раздѣлило королевство болѣе равнымъ и правильнымъ образомъ. Провинціи, съ сожалѣніемъ смотрѣвшія на потерю своихъ привилегій, составляли маленькія государства, протяженіе которыхъ было слишкомъ обширно, мѣстная администрація — слишкомъ независима. Нужно было ограничить ихъ пространство, перемѣнить названія и подчинить общему управленію. 22-го октября собраніе приняло проектъ, составленный Сіейесомъ и представленный Туре отъ имени комитета, занимавшагося въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ этимъ вопросомъ.

Франція была раздѣлена на 83 департамента, почти равныхъ по пространству и населенію; департаменты раздѣлялись на округи, а округи на кантоны. Имъ было дано одинаковое іерархическое управленіе. Въ каждомъ департаментѣ былъ административный совѣтъ, состоявшій изъ тридцати шести членовъ, и исполнительная директорія изъ пяти членовъ; какъ показываютъ самыя названія этихъ учрежденій, совѣтъ постановлялъ рѣшенія, а директорія приводила ихъ въ исполненіе. Округи были организованы подобнымъ же образомъ, хотя на болѣе скромную ногу; въ каждомъ округѣ учреждались совѣтъ и директорія, составъ которыхъ былъ не такъ многочисленъ, и которые зависѣли отъ совѣта и директоріи департамента. Кантоны, состоявшіе изъ пяти или шести приходовъ, были единицами избирательными, а не административными; активные граждане (т. е. всѣ плательщики налога въ размѣрѣ, равномъ по крайней мѣрѣ трехдневной заработной платѣ) соединялись въ главномъ городѣ кантона для выбора своихъ депутатовъ и судей. Все въ новомъ планѣ подлежало выборному началу; но выборъ имѣлъ нѣсколько степеней. Ввѣрить массамъ непосредственное избраніе уполномоченныхъ оказалось неосторожнымъ, совершенно устранить ихъ отъ участія въ избраніи — незаконнымъ; исходомъ изъ этого затрудненія послужили двухстепенные выборы. Активные граждане назначали избирателей, которые, въ свою очередь, выбирали членовъ Національнаго Собранія, правителей департамента и округа, судей. Въ каждомъ департаментѣ былъ учрежденъ уголовный, въ каждомъ округѣ гражданскій и въ каждомъ кантонѣ мировой судъ.

Таково было устройство департамента. Оставалось установить управленіе общины: администрація ея была ввѣрена общему совѣту и муниципалитету, состоявшему изъ членовъ, число которыхъ было пропорціонально населенію города. Муниципальные чиновники

были назначаемы непосредственно народомъ, и только они могли требовать, въ случаѣ безпорядковъ, вмѣшательства вооруженной силы. Община составляла первую степень ассоціаціи, королевство — послѣднюю; департаменты служили посредниками между общиною и государствомъ, интересами общими и чисто мѣстными.

Этотъ планъ устанавливалъ верховную власть народа, призывалъ всѣхъ гражданъ къ участію въ выборѣ своихъ судей, ввѣрялъ имъ ихъ собственную администрацію и распредѣлялъ ихъ на такія группы, которыя, сообщая подвижность цѣлому государству, поддерживали связь между его частями и предупреждали раздробленность ихъ. Осуществленіе такого плана возбудило неудовольствіе въ нѣкоторыхъ провинціяхъ. Штаты Лангедока и Бретани протестовали противъ новаго раздѣленія королевства; а парламенты Меца, Руана, Бордо и Тулузы возстали противъ мѣръ собранія, упразднившаго вакаціонныя палаты (chambres des vacations), уничтожившаго сословія и отмѣнившаго остатки сословнаго управленія въ провинціяхъ. Сторонники стараго порядка хватались за всѣ способы, чтобы затруднить дѣятельность собранія: дворянство возмущало провинціи, парламенты постановляли рѣшенія, духовенство писало посланія, а писатели пользовались свободою печати, чтобы нападать на революцію. Главными врагами ея были дворяне и епископы; парламенты не имѣли корня въ народѣ и были простою судебною корпораціей, нападенія которой можно было устранить уничтоженіемъ ея; но дворянство и духовенство имѣли такія средства для дѣйствія, которыя пережили ихъ корпоративное значеніе. Несчастія этихъ двухъ классовъ произошли большею частью отъ нихъ самихъ: подкапываясь подъ революцію сначала въ собраніи, они впослѣдствіи напали на нее открыто: духовенство посредствомъ внутреннихъ возмущеній, дворянство — возстановленіемъ противъ нея Европы. Они ожидали многаго отъ анархіи: анархія причинила, правда, много бѣдъ Франціи, но далеко, однако же, не улучшила ихъ собственнаго положенія. Разсмотримъ, какимъ образомъ духовенство было вызвано къ враждебнымъ дѣйствіямъ, и для этого вернемся немного назадъ.

Революція, начавшись изъ-за финансовъ, не могла еще положить конецъ затрудненіямъ, вызвавшимъ ее. Болѣе важные предметы занимали собраніе. Созванное не для того только, чтобы улучшить администрацію, но для того, чтобы устроить государство, оно, время отъ времени, прерывало свои законодательныя пренія, чтобы удовлетворять самымъ насущнымъ потребностямъ казны. Неккеръ предложилъ временныя средства, которыя были приняты довѣрчиво и почти безъ преній. Несмотря на это, онъ съ досадою видѣлъ, что финансы подчинены конституціи, а министерство — собранію. Первый заемъ въ тридцать милліоновъ, постановленный декретомъ 9-го августа, не удался; послѣдующій заемъ въ восемьдесятъ милліоновъ, сдѣланный 27-го числа того же мѣсяца, оказался

недостаточнымъ. Налоги были частью ограничены, частью уничтожены и не приносили почти ничего по трудности взиманія ихъ. Къ общественному довѣрію нечего было обращаться, — оно отказало въ помощи; и вотъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ Неккеръ предложилъ, какъ единственное средство, чрезвычайный налогъ въ видѣ единовременной уплаты четвертой части съ дохода. Каждому гражданину предоставлялось самому опредѣлить свой доходъ, посредствомъ простой фразы, такъ хорошо рисующей это первое время честности и патріотизма: **объявляю по правдѣ**.

Тогда-то Мирабо убѣдилъ собраніе предоставить Неккеру настоящую финансовую диктатуру. Онъ говорилъ о настоятельныхъ нуждахъ государства, о трудахъ собранія, не позволяющихъ ему обсудить планъ министра или разсмотрѣть какой-либо другой проектъ; онъ говорилъ о способностяхъ Неккера, ручавшихся за удачу своего плана; онъ убѣждалъ собраніе сложить на Неккера отвѣтственность за успѣхъ, принявъ его планъ на вѣру. Нѣкоторые не одобряли взглядовъ министра; другіе подозрительно смотрѣли на отношенія къ нему Мирабо. Замѣтивъ это, Мирабо указалъ на угрожающее банкротство и окончилъ свою рѣчь, одну изъ самыхъ блестящихъ, имъ произнесенныхъ, слѣдующими словами: «Утвердите этотъ чрезвычайный налогъ, и да окажется онъ достаточнымъ для достиженія желанной цѣли! Утвердите его, потому что, если вы и сомнѣваетесь въ правильности избранной для него формы, то не можете сомнѣваться въ необходимости самого налога, и въ нашемъ безсиліи замѣнить эту форму другою; утвердите его, потому что общественное дѣло не терпитъ никакого замедленія, и на насъ лежитъ отвѣтственность за всякую отсрочку. Берегитесь медлить: несчастіе не терпитъ отсрочки... Господа, по поводу смѣшного предложенія Пале-Рояля*), по поводу ничтожной опасности, которая могла имѣть нѣкоторое значеніе только въ воображеніи слабоумныхъ или въ извращенныхъ помыслахъ людей недобросовѣстныхъ, вы слышали, однако, эти бѣшеныя слова: **Катилина у воротъ Рима, а мы разсуждаемъ!** А между тѣмъ вокругъ насъ не было ни Катилины, ни опасностей, ни заговоровъ, ни Рима. Но нынѣ банкротство, чудовищное банкротство передъ нами: оно грозитъ поглотить васъ, ваше имущество, вашу честь, а вы разсуждаете!»

Мирабо увлекъ собраніе, и патріотическій налогъ былъ утвержденъ среди всеобщихъ рукоплесканій.

Но это средство принесло только минутное облегченіе. Финансы революціи требовали болѣе смѣлой и болѣе широкой мѣры; надо

*) Намекъ на одно изъ многочисленныхъ народныхъ движеній, исходившихъ изъ тогдашняго центра агитаціи — Пале-Рояля и угрожавшихъ иногда, но не серьезно, даже Учредительному Собранію.

было не только поддерживать существованіе революціи, но еще пополнить огромный дефицитъ, задерживавшій ея ходъ и угрожавшій ея будущности. Оставалось только одно средство—объявить имущества духовенства національными и продать ихъ для облегченія бремени, тяготѣвшаго надъ государствомъ. Этого требовали общественные интересы, да и самая справедливость, такъ какъ духовенство было не собственникомъ, а только администраторомъ этихъ имуществъ, завѣщанныхъ не церковнымъ служителямъ, а церкви на расходы богослуженія. Взявъ на себя содержаніе церкви и ея служителей, нація могла присвоить себѣ имущества духовенства, создавъ такимъ образомъ новый значительный источникъ доходовъ и достигнувъ великаго политическаго результата.

Весьма важно было не оставлять болѣе въ государствѣ независимыхъ и въ особенности древнихъ корпорацій, потому что во время революціи все, что древне, то и враждебно. При своемъ древнемъ іерархическомъ устройствѣ, при своемъ богатствѣ, духовенство, чуждое всѣхъ реформъ, образовало бы изъ себя государство въ государствѣ. Эта форма годилась при другомъ порядкѣ вещей, когда не было государственнаго цѣлаго, а были только корпораціи, когда всякое сословіе заботилось о своей организаціи и о существованіи своемъ. У духовенства были свои декреталіи (папскія постановленія), у дворянства—ленные законы, у народа—свои общинныя власти; все было независимо, потому что все имѣло частный характеръ. Но теперь, когда должности стали общественными, изъ духовенства предполагалось сдѣлать духовную магистратуру, подобно тому, какъ изъ королевской власти сдѣлали высшую политическую магистратуру; а для того, чтобы сдѣлать церковь національною, предполагалось назначить духовенству жалованье отъ государства и, обезпечивъ за нимъ приличную долю доходовъ, отобрать имущество его. Вотъ какъ была внесена эта великая реформа, разрушившая прежнее церковное устройство.

Самою насущною потребностью было уничтоженіе десятиннаго налога. Такъ какъ этотъ налогъ платило духовенству сельское населеніе, то отмѣна его должна была обратиться въ пользу послѣдняго. Вотъ почему десятинный налогъ, въ ночь на 4-ое августа признанный подлежащимъ выкупу, 11-го числа того же мѣсяца былъ отмѣненъ безъ всякаго вознагражденія; сначала духовенство противилось этому, но потомъ добровольно согласилось. Парижскій архіепископъ, отъ имени всѣхъ своихъ собратій и согласно съ духомъ, одушевлявшимъ привилегированныя сословія въ ночь на 4-е августа, имѣлъ осторожность отказаться отъ десятиннаго налога; но это было послѣднимъ пожертвованіемъ духовенства.

Нѣсколько времени спустя, началось преніе о томъ, кому должны принадлежать имущества духовенства. Отенскій епископъ Талейранъ предложилъ духовенству отказаться отъ нихъ въ пользу націи, которая употребитъ ихъ на содержаніе церкви и на уплату

своего долга. Онъ доказывалъ справедливость и умѣстность подобной мѣры и указывалъ на важныя выгоды, которыя она принесетъ государству. Имущества духовенства простирались на сумму нѣсколькихъ миллиардовъ; взявъ на себя долги, лежавшіе на церковныхъ имуществахъ, расходы по отправленію богослуженія, содержаніе больницъ, уплату жалованья служителямъ церкви, нація сохранила бы еще столько, что могла бы погасить всѣ государственные долговые платежи, какъ пожизненные, такъ и постоянные, и выкупить судебныя должности (составлявшія при старомъ порядкѣ вещей предметъ купли-продажи).

Духовенство воспротивилось этому предложенію. Пренія были очень оживленныя. Несмотря на отпоръ духовенства, было рѣшено, что оно не собственникъ, а только простой хранитель имуществъ, пожертвованныхъ церквамъ благочестивыми королями и частными лицами, а потому нація, принимая на себя обязанность содержанія духовенства, должна вступить во владѣніе его имуществами. Декретъ, которымъ они передавались въ ея распоряженіе, состоялся 2-го декабря 1789 г.

Съ этихъ-то поръ разразилась вражда духовенства противъ революціи. Оно было сговорчивѣе дворянства въ началѣ засѣданій генеральныхъ штатовъ, но послѣ потери своихъ богатствъ стало выказывать такую же оппозицію новому порядку, какъ и дворянство, и сдѣлалось самымъ неутомимымъ, самымъ страстнымъ врагомъ революціи. Впрочемъ, такъ какъ декретъ предоставилъ имѣнія духовенства въ распоряженіе націи, еще не отчуждая ихъ, то оно еще сдерживалось. Управленіе имуществами еще оставалось въ его рукахъ, а потому оно надѣялось, что эти имущества будутъ только служить обезпеченіемъ государственнаго долга, но не будутъ проданы.

Дѣйствительно, совершить эту продажу было трудно, но и медлить также было невозможно, такъ какъ казна только и держалась ссудами у дисконтной кассы, а послѣдняя, въ свою очередь, начинала терять кредитъ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго количества выпускаемыхъ билетовъ. Выходъ изъ этого положенія былъ, однако, найденъ. На покрытіе расходовъ текущаго и будущаго годовъ требовалось продать имуществъ на сумму четырехсотъ милліоновъ; чтобы облегчить продажу, парижскій муниципалитетъ подписался на значительную сумму,—этому примѣру послѣдовали и прочіе муниципалитеты. Они должны были внести въ казну стоимость имуществъ, принятыхъ ими отъ государства для перепродажи частнымъ лицамъ; но у нихъ не было ни денегъ, ни покупщиковъ. Что же они сдѣлали? Они выплатили свой долгъ билетами, которыми предназначалось уплачивать публичнымъ кредиторамъ до той поры, пока у муниципалитетовъ будутъ необходимые фонды для того, чтобы взять эти билеты назадъ. Придя къ такому положенію, поняли, что, вмѣсто муниципальныхъ билетовъ, лучше выпустить государ-

ственныя расписки, которыя бы имѣли форсированный курсъ и замѣняли бы монету: это значило упростить операцію, облегчить ее. Такимъ образомъ явились ассигнаціи.

Это нововведеніе значительно помогло революціи — и только благодаря ему сдѣлалась возможною продажа церковныхъ имуществъ; ассигнаціи, которыми расплачивалось государство, служили и залогомъ для кредиторовъ. Послѣдніе, получивъ ассигнаціи, не были обязаны брать земли въ уплату суммы, которую они дали звонкою монетою. Но рано или поздно ассигнаціи должны были перейти къ людямъ, которые пожелали бы пріобрѣсти за нихъ землю, реализировать ихъ, и тогда, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ залога, онѣ были бы немедленно истреблены. Для того, чтобы онѣ достигали своей цѣли, имъ дали обязательный курсъ; чтобы онѣ были прочны, ограничили ихъ количество стоимостью имуществъ, назначенныхъ въ продажу; чтобы онѣ не упали вслѣдствіе слишкомъ скораго промѣна, на нихъ назначили проценты. Собраніе хотѣло съ самаго начала дать имъ прочность монеты. Оно надѣялось, что скрываемая изъ недовѣрія звонкая монета сейчасъ же появится въ обращеніи, и ассигнаціи будутъ конкуррировать съ нею. Обезпеченіе ассигнацій имѣніями дѣлало ихъ совершенно надежными, а проценты, получаемые съ нихъ, — выгодными; но эти проценты, имѣвшіе большія неудобства, прекратились при второмъ выпускѣ. Таково было начало этой бумажной монеты, выпущенной сначала по необходимости и съ осторожностью, давшей революціи возможность совершить столько великихъ дѣлъ и потерявшей кредитъ по причинамъ, зависѣвшимъ не столько отъ сущности этой монеты, сколько отъ того употребленія, которое сдѣлали изъ нея впослѣдствіи.

Когда духовенство увидѣло, что декретомъ 2-го декабря его имущества переданы муниципалитетамъ, что ихъ назначено въ продажу на сумму четырехсотъ милліоновъ, что, наконецъ, выпущены бумажныя деньги, съ цѣлью облегчить окончательное отчужденіе этихъ имуществъ, — оно не упустило ничего для защиты своихъ интересовъ. Оно сдѣлало послѣднюю попытку — предложило совершить на свое имя заемъ въ четыреста милліоновъ; предложеніе это было отвергнуто, потому что принять его значило бы признать право собственности за духовенствомъ, между тѣмъ, какъ уже прежде рѣшено было, что этого права оно не имѣетъ. Потерпѣвъ неудачу, духовенство стало пріискивать всевозможныя средства для того, чтобы помѣшать операціямъ муниципалитетовъ. На югѣ оно подняло католиковъ противъ протестантовъ; съ каѳедры — оно дѣйствовало устрашеніемъ; въ конфессіоналахъ — оно старалось представить продажу церковныхъ имѣній богопротивнымъ, святотатственнымъ дѣломъ; а съ трибуны — набрасывало подозрѣніе на чувства собранія. Оно возбуждало въ собраніи, сколько могло, религіозные вопросы, чтобы скомпрометировать собраніе и смѣшать дѣло, касавшееся личныхъ интересовъ духовенства, съ дѣломъ религіи. Зло-

употребленія и несвоевременность монашескихъ обѣтовъ сознавались въ это время всѣми, даже духовенствомъ. Когда они были отмѣнены, 13-го февраля 1790 г., нансійскій епископъ неожиданно предложилъ, но безъ задней мысли, чтобы только одна католическая церковь имѣла право публично отправлять богослуженіе. Собраніе возстало противъ мотивовъ, вызвавшихъ это предложеніе, и оставило его безъ разсмотрѣнія. Но оно было вновь сдѣлано въ другомъ засѣданіи; послѣ весьма бурныхъ преній собраніе объявило, что, изъ уваженія къ Верховному Существу и католической церкви, которая одна только содержится на деньги государства, оно не считаетъ себя въ правѣ рѣшить предложенный ему на обсужденіе вопросъ.

Въ такомъ настроеніи находилось духовенство, когда въ іюнѣ и іюлѣ 1790 г. собраніе начало заниматься его внутреннею организаціею. Духовенство съ нетерпѣніемъ ожидало этого случая, чтобы произвести смуту. Неосторожный проектъ, принятіе котораго причинило столько несчастій, стремился къ возстановленію церкви на самыхъ древнихъ ея основахъ и къ возстановленію чистоты вѣрованій; онъ былъ составленъ не философами, а строгими христіанами, которые желали, чтобы религія опиралась на конституцію, и чтобы та и другая вмѣстѣ способствовали благу государства. Планъ этотъ заключался въ томъ, чтобы ограничить число епископовъ числомъ департаментовъ, раздѣлить страну въ церковномъ отношеніи сообразно ея раздѣленію гражданскому, назначать епископовъ по выбору тѣхъ же избирателей, которые выбирали административныя власти и депутатовъ, уничтожить капитулы и замѣнить канониковъ викаріями. Всѣ эти измѣненія нисколько не касались церковныхъ догматовъ и богослуженія. Епископы и другіе служители церкви долго назначались народомъ; разграниченіе епархій было дѣломъ чисто матеріальнымъ, не имѣвшимъ въ себѣ ровно ничего религіознаго. Что касается содержанія духовенства, то оно назначено было въ весьма значительныхъ размѣрахъ, и если доходы высшихъ духовныхъ лицъ и были уменьшены, то содержаніе приходскихъ священниковъ, т. е. большинства духовенства, было увеличено.

Но гражданское устройство духовенства давало слишкомъ удобный предлогъ къ смутамъ, чтобы не воспользоваться имъ. Съ открытіемъ преній архіепископъ экскій протестовалъ противъ принциповъ церковнаго комитета. По его мнѣнію, церковные уставы не позволяли назначать или смѣнять епископовъ гражданскою властью. Въ ту минуту, когда должна была начаться подача голосовъ, клермонскій епископъ повторилъ основанія, изложенныя экскимъ, и вышелъ изъ залы во главѣ всѣхъ недовольныхъ членовъ. Декретъ былъ принятъ, но духовенство открыто возстало противъ революціи. Съ этого времени оно сошлось тѣснѣе съ враждебнымъ ей дворянствомъ. Одинаково потерпѣвшія, обѣ привилегированныя

сословія употребляли всѣ средства къ тому, чтобы помѣшать осуществленію реформъ.

Какъ только департаменты были образованы, дворянство и духовенство послали туда комиссаровъ съ цѣлью собрать избирателей и попытаться произвести новые выборы. Они надѣялись не на благопріятный исходъ этихъ выборовъ, а на то, что они возбудятъ разногласіе между собраніемъ и департаментами. Замыселъ этотъ былъ открытъ и разоблаченъ съ трибуны и тотчасъ же потерялъ всякіе шансы на успѣхъ, какъ скоро о немъ всѣ узнали. Тогда руководители недовольныхъ взялись за дѣло иначе: наступилъ срокъ порученію, возложенному на депутатовъ генеральныхъ штатовъ, такъ какъ, по желанію округовъ, полномочіе депутатовъ не должно было продолжаться болѣе года. Бывшіе привилегированные классы воспользовались этимъ обстоятельствомъ и потребовали обновленія состава собраній. Если бъ это имъ удалось, они выиграли бы очень, и потому-то они сами теперь ссылались на верховную власть народа. «Безъ сомнѣнія,—отвѣчалъ имъ Шапелье,—всякая верховная власть сосредоточена въ народѣ; но этотъ принципъ не примѣнимъ къ настоящему случаю. Измѣнить составъ собранія значило бы разрушить конституцію и свободу прежде, чѣмъ конституція довершена. Дѣйствительно, на это и разсчитываютъ люди, желающіе погибели конституціи и свободы, и возрожденія сословныхъ привилегій, расточительности въ расходованіи общественныхъ суммъ и злоупотребленій, неразлучныхъ съ деспотизмомъ». Въ эту минуту взгляды всѣхъ обратились къ правой сторонѣ и остановились на аббатѣ Мори. «*Пошлите подобныхъ людей въ тюрьму*,—рѣзко воскликнулъ аббатъ. *Если же вы такихъ людей не знаете, то и не говорите о нихъ*». «Конституція,—продолжалъ Шапелье,—не можетъ быть составлена нѣсколькими собраніями. Впрочемъ, прежнихъ избирателей уже нѣтъ; округи вошли въ составъ департаментовъ; сословныхъ различій также не существуетъ. Такимъ образомъ предложеніе о прекращеніи полномочій лишено всякой силы; а депутаты, полномочія которыхъ задѣты этимъ предложеніемъ, не могутъ оставить собраніе, потому что это было бы противно конституціи; присяга повелѣваетъ имъ оставаться здѣсь, и этого требуетъ общественная польза».

«Насъ запутываютъ софизмами,—возразилъ тогда аббатъ Мори,—съ какихъ это поръ составляемъ мы національный конвентъ? Говорятъ о присягѣ, принесенной нами 20-го іюня, и не думаютъ о томъ, что ею не можетъ уничтожиться присяга, принесенная нами нашимъ избирателямъ. Къ тому же, господа, конституція окончена: намъ остается только провозгласить, что королю предоставлена полная исполнительная власть; мы здѣсь только для того, чтобы обезпечить за французскимъ народомъ право вліянія на законодательство, постановить, что налоги должны быть съ согласія

народа, обезпечить нашу свободу. Да, конституція окончена, и я возстаю противъ всякаго декрета, ограничивающаго права народа относительно его представителей. Основатели свободы должны уважать свободу націи: она выше насъ; ограничивая власть націи, мы разрушаемъ и нашу власть».

Слова аббата Мори приняты рукоплесканіями съ правой стороны. Мирабо немедленно взошелъ на трибуну. «Насъ спрашиваютъ,—сказалъ онъ,—съ которыхъ поръ депутаты народа сдѣлались національнымъ конвентомъ? Отвѣчаю: съ того дня, когда, найдя входъ въ залу своихъ засѣданій окруженнымъ солдатами, они отправились въ первое мѣсто, представлявшее возможность имъ вновь собраться, и поклялись, что скорѣе погибнутъ сами, чѣмъ измѣнятъ націи и отступятся отъ правъ ея. Наши полномочія, каковы бы они ни были, въ этотъ день измѣнились въ своей сущности; каковы бы ни были полномочія, которыми мы пользовались, наши усилія, наши труды узаконили ихъ; согласіе народа ихъ освятило. Вы всѣ помните слова великаго человѣка древности, пренебрегшаго законными формальностями, чтобы спасти отечество. На вопросъ трибуна, соблюлъ ли онъ законы, онъ отвѣчалъ: «Клянусь, я спасъ отечество!» Господа (обращаясь къ депутатамъ общинъ), клянусь, что вы спасли Францію!» Движимое однимъ неудержимымъ чувствомъ, собраніе поднялось со своихъ мѣстъ и объявило, что его засѣданія прекратятся только тогда, когда будетъ завершено его дѣло.

Въ то же время усилились противо-революціонныя движенія внѣ собранія. Были сдѣланы попытки сократить или разстроить армію; но собраніе приняло противъ этого благоразумныя мѣры: оно привлекло войска на сторону революціи, сдѣлавъ производство въ чины независимымъ отъ двора и отъ происхожденія. Графъ д'Артуа и принцъ Конде, удалившіеся послѣ 14-го іюля въ Туринъ, возобновили сношенія съ Ліономъ и южными провинціями; но такъ какъ эмиграція еще не достигла той прочности, какую пріобрѣла впослѣдствіи въ Кобленцѣ, и не имѣла опоры внутри страны, то всѣ ея планы рушились. Попытки къ бунту, возбужденныя въ Лангедокѣ духовенствомъ, остались безъ всякихъ послѣдствій: онѣ породили только непродолжительное смятеніе, но не повели къ религіозной войнѣ. Нужно время для того, чтобы приготовить партію къ серьезной борьбѣ. При дворѣ было намѣреніе похитить короля и отвезти его въ Перонну. Маркизъ Фавра при тайной помощи старшаго брата короля уже приготовлялся привести это намѣреніе въ исполненіе, какъ вдругъ оно было открыто. Парижскій судъ приговорилъ къ смерти этого смѣлаго искателя приключеній, не успѣвшаго въ своемъ предпріятіи, потому что затѣяны были слишкомъ большія приготовленія. Побѣгъ короля послѣ октябрьскихъ событій могъ совершиться только скрытнымъ образомъ, какъ это и попытались сдѣлать позже.

Дворъ былъ въ двусмысленномъ и затруднительномъ положеніи. Онъ одобрялъ всѣ противо-революціонные замыслы, но ни въ одномъ изъ нихъ не признавался; онъ чувствовалъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь, слабость свою и зависимость отъ собранія и желалъ избавиться отъ этой зависимости, но боялся отважиться на подобную попытку, потому что успѣхъ казался ему сомнительнымъ. Поэтому онъ старался возбуждать другихъ, но не содѣйствовалъ имъ открыто; съ одними онъ мечталъ о прежнемъ порядкѣ, съ другими придумывалъ средства умѣрить революцію. Мирабо съ нѣкотораго времени вошелъ съ нимъ въ переговоры. Будучи однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ реформъ, онъ хотѣлъ упрочить ихъ, связавъ между собою партіи; цѣль его заключалась въ томъ, чтобы склонить дворъ на сторону революціи, а не въ томъ, чтобы предать революцію двору. Поддержка, которую онъ предложилъ двору, была въ духѣ конституціи; онъ и не могъ предложить другой, потому что его собственная сила зависѣла отъ его популярности, а популярность—отъ его принциповъ. Но онъ напрасно позволилъ купить свою поддержку; если бы, вслѣдствіе громадныхъ своихъ потребностей, онъ не принималъ отъ двора денегъ и не продавалъ за нихъ своихъ совѣтовъ, то заслуживалъ бы порицанія лишь настолько, какъ и всегда вѣрный себѣ Лафайетъ, Ламеты и жирондисты, которые всѣ вступали въ переговоры съ дворомъ. Но ни тѣ, ни другіе никогда не пользовались довѣріемъ двора, который прибѣгалъ къ нимъ только тогда, когда не было никакого другого средства. Дворъ пытался при ихъ посредствѣ отсрочить революцію, между тѣмъ какъ при посредствѣ противниковъ революціи онъ надѣялся ее разрушить. Изъ всѣхъ народныхъ вождей Мирабо, можетъ быть, болѣе всѣхъ пользовался вліяніемъ на дворъ, потому что былъ изъ ихъ числа самымъ сильнымъ и самымъ увлекательнымъ.

Посреди всѣхъ этихъ заговоровъ и интригъ собраніе неутомимо работало надъ конституціей. Оно установило новую судебную организацію Франціи. Всѣ новыя судебныя должности были срочными. Такъ какъ при неограниченной монархіи всякая власть исходила отъ трона, то и чиновники назначались имъ же; при конституціонной же монархіи всякая власть исходила изъ народа, а потому и чиновники назначались народомъ. Только престолъ могъ переходить преемственно отъ одного лица къ другому; всѣ остальныя власти, какъ не составляющія собственности ни одного человѣка, ни одного семейства, не были ни пожизненными, ни наслѣдственными. Законодательство этой эпохи исходило изъ одного принципа—верховной власти народа. Даже отправленіе судебной власти имѣло тотъ же характеръ подвижности: судъ присяжныхъ—это демократическое учрежденіе, прежде существовавшее повсюду, но пережившее захваты феодализма и короны только въ Англіи—былъ введенъ въ уголовное судопроизводство. Для

гражданскихъ дѣлъ были назначены специальные судьи. Были учреждены постоянные суды, двѣ судебныя инстанціи, какъ средство обезпеченія противъ неправильныхъ рѣшеній, и кассаціонный судъ, наблюдавшій за сохраненіемъ покровительственныхъ формъ закона. Такая сильная власть, исходя отъ престола, можетъ быть независимою только при несмѣняемости судей; производя ее отъ народа, собраніе нашло возможнымъ сдѣлать ее срочною, потому что, завися ото всѣхъ, она въ сущности не зависѣла ни отъ кого.

Другой вопросъ, столь же важный, новый и щекотливый,— вопросъ о правѣ начинать войну и заключать миръ,— былъ разрѣшенъ собраніемъ быстро, вѣрно и справедливо, послѣ самыхъ блестящихъ и краснорѣчивыхъ преній, когда-либо происходившихъ въ его засѣданіяхъ. Такъ какъ война и миръ относятся скорѣе къ дѣйствію, нежели къ волѣ, то, противъ обыкновенія, инициатива въ этомъ дѣлѣ была предоставлена королю. Тотъ, кому доступнѣе всѣхъ было знать своевременность войны или мира, долженъ былъ и предлагать ихъ; но окончательное рѣшеніе предоставлялось Законодательному Корпусу.

Народный потокъ, устремившійся первоначально противъ стараго порядка, мало-по-малу входилъ въ свои берега. Новыя плотины сдерживали его со всѣхъ сторонъ. Революціонное правительство водворялось быстро: собраніе дало новому порядку монарха; національное представительство—территоріальное раздѣленіе, вооруженную силу, муниципальную и административную власть, народныя судилища, духовенство, монету; оно пріискало залогъ для государственнаго долга и средство безъ несправедливости перемѣстить изъ однѣхъ рукъ въ другія часть имѣній въ государствѣ.

Приближалось 14-е іюля: для націи этотъ день былъ годовщиною ея освобожденія; она приготовлялась отпраздновать его торжествомъ, которое бы возвысило духъ гражданъ и скрѣпило общія узы. На Марсовомъ полѣ предполагалось скрѣпить союзъ всего королевства. Тамъ, на открытомъ воздухѣ, депутаты отъ восьмидесяти трехъ департаментовъ, національное представительство, парижская гвардія и монархъ должны были присягнуть конституціи. Предисловіемъ къ этому патріотическому празднику было предложеніе, сдѣланное либеральными членами дворянства, уничтожить титулы, и въ собраніи возобновилась сцена, подобная сценѣ 4-го августа: титулы, гербы, ливреи, кавалерскіе ордена были отмѣнены 20-го іюня, и тщеславіе, вслѣдъ за властью, лишилось всѣхъ своихъ привилегій.

Это засѣданіе вполнѣ ввело равенство и согласило слово съ дѣломъ, уничтоживъ отжившіе остатки прежнихъ временъ. Титулы давали прежде право на извѣстныя должности; гербы служили отличіемъ могущественныхъ фамилій; ливреи носили цѣлыя арміи вассаловъ; рыцарскіе ордена защищали государство противъ чужихъ

странъ или Европу противъ исламизма. Но теперь ничего подобнаго не оставалось: титулы потеряли свое значеніе и своевременность; переставъ быть властью, дворянство перестало быть также отличіемъ, и сила, равно какъ и слава, должны были исходить теперь изъ плебейскихъ рядовъ. Но, потому ли, что аристократія дорожила своими титулами болѣе, чѣмъ привилегіями, или потому, что воспользовалась только предлогомъ, чтобы открыто явить свои чувства,—во всякомъ случаѣ, эта послѣдняя мѣра болѣе всѣхъ другихъ побудила ее къ эмиграціи и открытой враждѣ. Для дворянства эта мѣра была тѣмъ же, чѣмъ гражданское устройство для духовенства, т. е. болѣе предлогомъ къ враждѣ, чѣмъ ея причиною.

Наступило 14-е іюля. Немного было у революціи такихъ хорошихъ дней; лишь одна погода не соотвѣтствовала великолѣпному празднику. Депутаты всѣхъ департаментовъ были представлены королю, который принялъ ихъ весьма любезно: самыя трогательныя изъявленія любви были обращены къ нему, но какъ къ королю конституціонному. «Государь,—сказалъ ему предводитель бретонской депутаціи, преклонивъ одно колѣно на землю и подавая королю свою шпагу,—отдаю въ ваши руки вѣрную шпагу храбрыхъ бретонцевъ; она окрасится только кровью вашихъ враговъ». Людовикъ XVI поднялъ его, поцѣловалъ и, возвращая шпагу, отвѣчалъ: «Ей не можетъ быть лучшаго мѣста, какъ въ рукахъ моихъ дорогихъ бретонцевъ; я никогда не сомнѣвался въ ихъ чувствахъ и вѣрности; увѣрьте ихъ въ томъ, что я—отецъ, братъ, другъ всѣхъ французовъ». «Государь,—прибавилъ депутатъ,—и всѣ французы нѣжно любятъ васъ и будутъ любить за то, что вы—король-гражданинъ».

Братскій союзъ всѣхъ французовъ долженъ былъ заключиться на Марсовомъ полѣ; огромныя приготовленія къ празднеству только что были окончены. Весь Парижъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль участвовалъ въ работахъ, чтобы все приготовить къ 14-му іюля. Утромъ въ 7 часовъ шествіе избирателей, представителей парижскаго общиннаго управленія, президентовъ округовъ, національнаго собранія, парижской гвардіи, депутатовъ отъ арміи и отъ департаментовъ, двинулось въ порядкѣ отъ мѣста, на которомъ прежде стояла Бастилія. Присутствіе всѣхъ національныхъ корпорацій, развѣвающіяся хоругви, патріотическія надписи, разнообразные костюмы, звуки музыки, ликованіе народа придавали необыкновенную торжественность шествію. Оно прошло черезъ городъ, перешло черезъ Сену, при пушечныхъ салютахъ, по перекинутому наканунѣ плавучему мосту, и вступило на Марсово поле, пройдя подъ тріумфальною аркою, украшенною патріотическими надписями. Корпораціи, въ совершенномъ порядкѣ и при шумѣ рукоплесканій, встали на мѣста, назначенныя имъ заранѣе.

Обширная площадь Марсова поля была окружена дерновыми скамьями, на которыхъ помѣстилось четыреста тысячъ зрителей. Посреди возвышался алтарь въ античномъ вкусѣ; вокругъ алтаря,

на обширномъ амфитеатрѣ, видны были король, его семейство, національное собраніе и муниципалитетъ; депутаты (fédérés) департаментовъ были размѣщены по порядку подъ своими хоругвями; депутаты арміи и національной гвардіи были на своихъ мѣстахъ при знаменахъ. Епископъ отенскій въ святительской одеждѣ вошелъ на алтарь; четыреста священниковъ въ богатомъ облаченіи, съ развѣвавшимися трехцвѣтными шарфами, помѣстились у четырехъ угловъ алтаря. Обѣдня была отслужена при звукахъ военной музыки; затѣмъ епископъ отенскій благословилъ орифламму и восемьдесятъ три хоругви. Послѣ того водворилось глубокое молчаніе на этой обширной площади; Лафайетъ, назначенный въ этотъ день главнокомандующимъ всею національною гвардіею королевства, первый выступилъ для принесенія гражданской присяги. Гренадеры, при громѣ рукоплесканій народа, понесли его на рукахъ къ алтарю отечества, и тамъ, отъ своего имени, отъ имени всѣхъ войскъ и департаментскихъ депутатовъ, онъ громкимъ голосомъ произнесъ: «Клянемся въ вѣчной вѣрности націи, закону и королю; клянемся всѣми силами поддерживать конституцію, установленную Національнымъ Собраніемъ и принятую королемъ; клянемся навсегда быть соединенными неразрывными узами братства». Вслѣдъ за этимъ со звуками музыки смѣшались пушечные выстрѣлы и продолжительные крики: **да здравствуетъ нація! да здравствуетъ король!** Президентъ собранія принесъ ту же присягу, и всѣ депутаты повторили ее въ одинъ голосъ. Тогда Людовикъ XVI всталъ и сказалъ: «Я, король французовъ, клянусь всю власть, ввѣренную мнѣ государственнымъ конституціоннымъ актомъ, употребить на сохраненіе конституціи, установленной Національнымъ Собраніемъ и принятой мною». Поддавшись общему увлеченію, королева подняла на руки дофина и, показывая его народу, сказала: «Вотъ мой сынъ; онъ, вмѣстѣ со мною, раздѣляетъ тѣ же самыя чувства». Въ эту минуту опустились хоругви и раздались привѣтствія народа: подданные вѣрили искренности монарха, монархъ—привязанности своихъ подданныхъ, и этотъ счастливый день былъ законченъ пѣніемъ благодарственныхъ гимновъ.

Празднества братскаго союза продолжались нѣсколько дней; городъ увеселялъ департаментскихъ депутатовъ играми, иллюминаціей, танцами. На томъ мѣстѣ, гдѣ годъ тому назадъ возвышалась Бастилія, былъ устроенъ балъ; всюду были разбросаны рѣшетки, оковы, развалины, а на воротахъ красовалась надпись, такъ рѣзко противорѣчившая прежнему назначенію Бастиліи: **Здѣсь танцуютъ.** «Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ одинъ современникъ,—на той самой почвѣ, на которой проливалось столько слезъ, гдѣ столько разъ разбивались сила мужества, генія, невинности, гдѣ такъ часто заглушались крики отчаянія,—теперь танцовали такъ весело, съ такою полною беззаботностью». Послѣ окончанія празднествъ,

для увѣковѣченія воспоминанія о нихъ, была выбита медаль, и депутаты вернулись въ свои департаменты.

Праздникъ братскаго союза только отсрочилъ вражду партій. Въ самомъ собраніи, какъ и внѣ его, возобновились козни и интриги. Герцогъ Орлеанскій вернулся изъ Англіи, куда былъ посланъ съ порученіемъ, или, лучше сказать, въ изгнаніе. Слѣдствіе по поводу октябрьскихъ событій, въ которыхъ герцогъ обвинялся вмѣстѣ съ Мирабо, было ведено нижнимъ парижскимъ судомъ. Пріостановленное на время, оно опять было возобновлено. Этимъ распоряженіемъ дворъ еще разъ выказалъ свою непредусмотрительность: надо было или доказать справедливость обвиненія, или не поднимать его. Собраніе, намѣревавшееся выдать виновныхъ въ случаѣ отысканія ихъ, объявило, что нѣтъ причинъ къ продолженію судебнаго преслѣдованія; Мирабо, послѣ громоносной выходки противъ этого слѣдствія, заставилъ правую сторону замолчать и вышелъ съ торжествомъ изъ дѣла, которое и затѣяно было только изъ желанія настращать его.

Нападеніямъ подвергались не только нѣкоторые отдѣльные депутаты, но и все собраніе. Дворъ интриговалъ противъ него; правая сторона старалась склонить его къ крайнимъ мѣрамъ. «Мы любимъ его декреты,—говорилъ аббатъ Мори—намъ нужно еще три или четыре декрета». Подкупные сочинители пасквилей продавали у дверей собранія сочиненія, въ которыхъ старались подорвать уваженіе народа къ собранію; министры порицали его и противодѣйствовали ему. Неккеръ, постоянно преслѣдуемый воспоминаніемъ о своей прежней власти, писалъ ему записки, въ которыхъ осуждалъ его постановленія и давалъ ему совѣты. Этотъ министръ не могъ привыкнуть къ второстепенной роли; онъ не хотѣлъ подчиниться рѣшительнымъ планамъ собранія, совершенно противорѣчившимъ его идеямъ о постепенности реформъ. Наконецъ, убѣжденный или утомленный безплодностью своихъ усилій, Неккеръ вышелъ въ отставку 4-го сентября 1790 г. и уѣхалъ изъ Парижа; незамѣченнымъ проѣхалъ онъ по тѣмъ самымъ провинціямъ, по которымъ четырнадцать мѣсяцевъ назадъ проѣзжалъ тріумфаторомъ. Во время революціи люди легко забываются, потому что народы въ это время живутъ быстро, и передъ ними проходитъ множество людей. Кто желаетъ, чтобы народъ не оказался неблагодарнымъ, тотъ долженъ ни на минуту не переставать служить ему согласно его желаніямъ.

Съ другой стороны, дворянство, неудовольствіе котораго усилилось отмѣною титуловъ, продолжало свои противо-революціонныя попытки. Такъ какъ ему не удалось поднять народъ, который находилъ новыя реформы чрезвычайно выгодными для себя, то оно прибѣгнуло къ другому средству, показавшемуся ему болѣе вѣрнымъ: оно стало уѣзжать изъ королевства съ надеждою вновь возвратиться въ него, вмѣшавъ въ свое дѣло Европу. Но въ ожи-

ланіи того времени, когда эмиграція успѣетъ организоваться, приискать враговъ революціи внѣ Франціи, дворянство не переставало искать и возбуждать враговъ революціи внутри королевства. Съ нѣкоторыхъ поръ на войско старались дѣйствовать съ разныхъ сторонъ, какъ уже было сказано выше. Новый военный кодексъ былъ благопріятенъ для солдатъ: чины, прежде предоставлявшіеся дворянству, теперь раздавались по старшинству. Большая часть офицеровъ были приверженцами стараго порядка и не скрывали этого. Понуждаемые къ новой, для всѣхъ обязательной, присягѣ на вѣрность націи, закону и королю, одни изъ нихъ бросали армію и увеличивали собою ряды эмиграціи, другіе старались склонить солдатъ на сторону своей партіи.

Генералъ маркизъ Буйе былъ изъ числа послѣднихъ; долго отказывался онъ принести гражданскую присягу; наконецъ принесъ ее, но именно съ намѣреніемъ сдѣлать войско орудіемъ контръ-революціонеровъ. Подъ его начальствомъ находилась значительная часть арміи,—онъ стоялъ близъ сѣверной границы; ловкій, привязанный къ королю, врагъ революціи въ ея тогдашней формѣ, хотя и сторонникъ реформы, что впослѣдствіи возбудило противъ него подозрѣнія въ Кобленцѣ, онъ держалъ свою армію вдали отъ народа, желая сохранить въ ней вѣрность и не дать проникнуться ей духомъ неповиновенія, который граждане сообщали войскамъ. Осторожными мѣрами и обаяніемъ высокаго характера своего онъ сумѣлъ сохранить за собою довѣріе и привязанность солдатъ. Но не то было въ другихъ мѣстахъ. Офицеры были предметомъ общаго ожесточенія; ихъ обвиняли въ томъ, что они уменьшаютъ жалованье солдатамъ, не даютъ никакого отчета въ полковыхъ суммахъ; немало способствовало ожесточенію противъ нихъ и различіе въ политическихъ убѣжденіяхъ. Все это, вмѣстѣ взятое, вызвало возмущенія солдатъ. Возстаніе въ Нанси, происходившее въ августѣ 1790 г., сильно встревожило всѣхъ и чуть не послужило сигналомъ къ гражданской войнѣ. Три полка—Chateauvieux, Maistre-de-Camp и королевскій—возмутились противъ своихъ начальниковъ. Буйе было дано приказаніе идти на нихъ, что онъ и сдѣлалъ, предводительствуя гарнизономъ и національною гвардіею города Меца. Послѣ довольно жаркаго боя онъ усмирилъ мятежниковъ. Собраніе привѣтствовало его за это, но Парижъ, видѣвшій въ солдатахъ—патріотовъ, а въ Буйе—заговорщика, взволновался при полученіи этого извѣстія. Начались сборища, и стали требовать, чтобы министры, давшіе Буйе приказаніе идти на Нанси, были преданы суду. Тѣмъ не менѣе Лафайету удалось разсѣять недовольныхъ, при участіи собранія, которое видѣло, что поставлено между контръ-революціей и анархіей, и потому благоразумно и смѣло противилось и той, и другой.

Противники революціи торжествовали при видѣ препятствій, затруднявшихъ Національное Собраніе. Оно должно было, по ихъ

мнѣнію, или сдѣлаться зависимымъ отъ короны, или отказаться отъ ея поддержки; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ переходъ къ прежнему порядку дѣлался еще неизбѣжнымъ и легкимъ. Духовенство также поняло это: продажа его имѣній, которой оно мѣшало, какъ только могло, осуществлялась по цѣнѣ высшей, чѣмъ та, какая назначена была прежде. Освобожденный отъ десятиннаго налога и обезпеченный относительно національнаго долга, народъ далеко не намѣренъ былъ служить орудіемъ гнѣва епископовъ. Тогда они воспользовались гражданскимъ устройствомъ духовенства для возбужденія смуты. Декретъ объ этомъ устройствѣ, какъ мы видѣли, не касался ни церковныхъ установокъ, ни религіозныхъ вѣрованій. Король утвердилъ его 26-го декабря; но епископы, находившіе декретъ столько же неблагопріятнымъ для своихъ интересовъ, сколько противнымъ правиламъ церкви, объявили, что онъ заключалъ въ себѣ вмѣшательство въ права духовной власти. Несмотря на убѣдительную просьбу короля, папа отказалъ въ своемъ согласіи на эту мѣру, лишавшую папскій престолъ великаго авторитета во Франціи, и поддерживалъ своимъ одобреніемъ оппозицію епископовъ. Поэтому епископы рѣшились не принимать участія во введеніи гражданскаго устройства, они постановили, что тѣ изъ нихъ, которые лишатся своихъ мѣстъ, станутъ протестовать противъ этого неканоническаго акта; что учрежденіе епархій безъ папскаго согласія будетъ считаться недѣйствительнымъ, и что архіепископы будутъ отказываться рукополагать епископовъ, назначенныхъ помимо церковной власти.

Желая расстроить этотъ союзъ духовенства, собраніе упрочило его. Еслибы оно предоставило разномыслящихъ священниковъ самимъ себѣ, то, несмотря на все ихъ желаніе, они не нашли бы элементовъ для религіозной борьбы. Но собраніе постановило, что духовныя лица должны присягнуть въ томъ, что они будутъ вѣрны націи, закону и королю и станутъ поддерживать гражданское устройство духовенства. Отказъ въ этой присягѣ долженъ былъ имѣть послѣдствіемъ увольненіе епископа или священника отъ занимаемой имъ должности и замѣщеніе его другимъ лицомъ. Собраніе надѣялось, что высшее духовенство — изъ личныхъ выгодъ, а низшее — изъ честолюбія согласятся на эту мѣру. Епископы, напротивъ того, полагали, что всѣ духовныя лица послѣдуютъ ихъ примѣру и, отказавшись отъ присяги, тѣмъ самымъ оставятъ государство безъ богослуженія, а народъ безъ священниковъ. Ожиданія обѣихъ сторонъ не оправдались. Большая часть епископовъ и приходскихъ священниковъ, засѣдавшихъ въ собраніи, отказалась отъ присяги; но нѣсколько епископовъ и многіе священники приняли ее. Духовныя лица, отказавшіяся отъ принятія присяги, были отставлены отъ должностей; преемники ихъ, избранные народомъ, были рукоположены епископами отенскимъ и лиддскимъ. Но отставленные епископы отказались оставить свои должности и

объявили своихъ преемниковъ самозванцами, совершаемыя ими таинства—недѣйствительными, христіанъ, не побоявшихся признать ихъ,—отлученными отъ церкви. Они не оставляли своихъ епархій, разсылали посланія и возбуждали народъ къ неповиновенію законамъ. Вопросъ личныхъ интересовъ и внѣшней организаціи духовенства сдѣлался, такимъ образомъ, вопросомъ религіознымъ, потомъ—дѣломъ партіи. Явилось два духовенства: одно—конституціонное, другое—непокорное; каждое имѣло своихъ послѣдователей, и оба считали другъ друга мятежниками или еретиками. Страсти и личныя выгоды заставляли однихъ видѣть въ религіи орудіе, другихъ—считать ее препятствіемъ для достиженія своихъ идей; священники возбуждали фанатизмъ, революціонеры распространяли невѣріе. Народъ, котораго до тѣхъ поръ еще не касалось это зло высшихъ классовъ, утратилъ, особенно въ городахъ, вѣру своихъ отцовъ, благодаря неосторожности тѣхъ, которые заставили его выбрать между революціею и церковью. «Епископы,—говоритъ маркизъ Феррьеръ, котораго нельзя заподозрить въ преувеличиваніи,—отказались вступить въ какое бы то ни было соглашеніе и своими преступными интригами закрыли всѣ пути къ примиренію, пожертвовавъ католическою религіей безумному упорству и предосудительной привязанности къ своимъ богатствамъ».

Поддержки народа искали всѣ партіи; за нимъ ухаживали, какъ за властелиномъ этого времени. Послѣ попытки дѣйствовать на него религіей, обратились къ другому средству, тогда всемогущему,—къ клубамъ. Въ это время клубы были частными собраніями, въ которыхъ обсуждались мѣры правительства, государственныя дѣла, постановленія собранія; рѣшенія клубовъ не имѣли никакой обязательной силы, но тѣмъ не менѣе не были лишены вліянія. Первому клубу положили основаніе бретонскіе депутаты, которые собирались еще въ Версалѣ для того, чтобы дѣйствовать сообща и единодушно. Когда національное представительство переселилось изъ Версаля въ Парижъ, то бретонскіе депутаты и ихъ единомышленники собирались въ бывшемъ монастырѣ якобинцевъ, откуда произошло и названіе ихъ клуба. Сначала собранія они имѣли характеръ приготовленія къ совѣщаніямъ палаты; но такъ какъ все существующее растетъ, то и якобинскій клубъ, не довольствуясь вліяніемъ на палату, захотѣлъ дѣйствовать на общинное управленіе и на народъ и сталъ принимать въ свою среду членовъ городского совѣта и простыхъ гражданъ. Составъ его увеличился, вліяніе возросло, отчеты о засѣданіяхъ его начали появляться ежедневно въ газетахъ; онъ распространилъ свой кругъ дѣйствій и на провинціи и, рядомъ съ законною властью, образовалъ другую власть, которая начала съ того, что подавала совѣты первой, а кончила тѣмъ, что стала руководить ею.

Измѣнивъ свой первоначальный характеръ и сдѣлавшись народнымъ собраніемъ, якобинскій клубъ утратилъ въ то же время

нѣкоторыхъ учредителей своихъ. Послѣдніе основали новое общество по образцу прежняго, подъ названіемъ клуба 89-го года. Сіейесъ, Шапелье, Лафайетъ, Ларошфуко управляли имъ, подобно тому, какъ братья Ламеты и Барнавъ управляли якобинскимъ клубомъ. Мирабо участвовалъ и въ томъ, и въ другомъ, и оба одинаково нуждались въ немъ. Эти клубы, изъ которыхъ одинъ властвовалъ въ собраніи, а другой въ народѣ, оба были преданы новому порядку, хотя въ различной степени. Аристократическая партія хотѣла подкопаться подъ революцію своими собственными средствами: она основала роялистскіе клубы для противодѣйствія народнымъ. Первый изъ нихъ, называвшійся клубомъ «безпристрастныхъ», не могъ устоять, такъ какъ онъ не выражалъ ничьихъ мнѣній. Когда онъ появился снова подъ именемъ «монархическаго», членами его сдѣлались всѣ тѣ, которые находили въ немъ выраженіе своихъ желаній. Онъ хотѣлъ пріобрѣсти расположеніе народа, ставъ раздавать ему хлѣбъ, но народъ не принималъ отъ него ничего и смотрѣлъ на учрежденіе этого клуба, какъ на уловку противо-революціонной партіи: онъ мѣшалъ его засѣданіямъ и принуждалъ его нѣсколько разъ мѣнять мѣста совѣщаній. Наконецъ, въ январѣ 1791 г., муниципальная власть была принуждена закрыть этотъ клубъ, служившій поводомъ къ безпрестаннымъ безпорядкамъ.

Недовѣріе народа было возбуждено до крайней степени отъѣздомъ королевскихъ тетокъ, значеніе котораго было преувеличено; онъ усилилъ его безпокойство и навелъ на мысль, что готовится и другой отъѣздъ, болѣе важный. Подозрѣнія эти не были лишены основанія и послужили поводомъ къ возмущенію, которымъ враги революціи хотѣли воспользоваться для того, чтобы увезти короля. Проектъ этотъ не удался, благодаря ловкости и рѣшительности Лафайета. Въ то время, когда толпа народа шла въ Венсеннъ, чтобы разрушить тамъ башню, которая, по ея мнѣнію, сообщалась съ Тюльерійскимъ дворцомъ и должна способствовать бѣгству короля, болѣе шестисотъ вооруженныхъ людей ворвались во дворецъ, убѣждая короля бѣжать. Лафайетъ отправился съ національною гвардіею въ Венсеннъ, разогналъ тамъ народное сборище и потомъ обезоружилъ контръ-революціонеровъ во дворцѣ: этою послѣднею мѣрой онъ возвратилъ себѣ утраченное, вслѣдствіе первой, довѣріе народа.

Неудавшаяся попытка контръ-революціонеровъ заставила, болѣе чѣмъ когда-либо, опасаться бѣгства Людовика XVI. Когда, нѣсколько времени спустя, онъ хотѣлъ поѣхать въ Сенъ-Клу, то толпа и даже его тѣлохранители помѣшали этому, несмотря на старанія Лафайета, хотѣвшаго заставить уважать законъ и свободу монарха. Со своей стороны собраніе, установивъ неприкосновенность особы короля, учредивъ для него конституціонную гвардію, опредѣливъ, что регентомъ королевства долженъ быть ближайшій въ мужескомъ колѣнѣ наслѣдникъ престола, объявило, что бѣгство

повлечетъ за собою устраненіе его отъ престола. Усиливавшаяся эмиграція, не скрываемые ею планы, угрожающее положеніе европейскихъ кабинетовъ, — всего этого было достаточно, чтобы внушить опасеніе насчетъ намѣреній короля.

Тогда-то въ первый разъ собраніе вздумало остановить декретомъ возраставшую эмиграцію; но подобный декретъ представлялъ много затрудненій. Наказывать выѣзжающихъ изъ королевства — значило нарушить основныя начала свободы, признанныя декларацією правъ; съ другой стороны, предоставить полный просторъ эмиграціи — значило подвергнуть Францію опасности, такъ какъ дворяне эмигрировали съ намѣреніемъ вернуться назадъ непріятелями. Въ собраніи, за исключеніемъ партіи, благосклонно относившейся къ эмиграціи, одни смотрѣли на послѣднюю только съ точки зрѣнія права, другіе — только съ точки зрѣнія опасности, и каждый, сообразно со своимъ взглядомъ на этотъ вопросъ, высказывался въ пользу или противъ репрессивной мѣры. Требовавшіе этой мѣры желали, чтобы она отличалась мягкостью, — но въ настоящую минуту удобоисполнимой могла быть только одна строгая мѣра, и, къ счастію, собраніе не рѣшилось принять ее. Эта мѣра заключалась въ томъ, что бѣглецъ, по произвольному указанію комиссіи изъ трехъ членовъ, могъ быть приговоренъ къ гражданской смерти, а имущество его подвергнуто конфискаціи. «Трепетъ, пробѣжавшій въ собраніи при чтеніи этого проекта, — воскликнулъ Мирабо, — служитъ доказательствомъ, что подобный законъ былъ бы умѣстенъ развѣ въ законодательствѣ Дракона и не можетъ быть включенъ въ число декретовъ національнаго собранія Франціи. Я объявляю, что буду считать себя свободнымъ отъ всякой присяги въ вѣрности тѣмъ, которые будутъ имѣть безстыдство назначить диктаторскую комиссію. Популярность, которой я домогаюсь и которою имѣю честь пользоваться, — не слабый тростникъ: я хочу вкоренить ее глубоко въ землю, на основаніяхъ справедливости и свободы». Внѣшнее положеніе еще не было достаточно грозно, чтобы революція нуждалась въ охранной и оборонительной мѣрѣ этого рода.

Мирабо недолго пользовался популярностью, въ которой онъ былъ такъ увѣренъ. Засѣданіе, о которомъ мы сейчасъ упомянули, было для него послѣднее; въ нѣсколько дней онъ кончилъ свою жизнь, истощенную страстями. Смерть его (2-го апрѣля 1791 г.) показалась всѣмъ общественнымъ несчастіемъ; весь Парижъ присутствовалъ на его похоронахъ. Франція носила по немъ трауръ, и его останки были положены въ зданіе, посвященное *великимъ людямъ* отъ имени *благодарнаго отечества*. У него не было преемниковъ ни въ популярности, ни въ силѣ. Послѣ его смерти, во время затруднительныхъ преній, взгляды собранія невольно обращались къ тому мѣсту, съ котораго раздавалась могущественная рѣчь, разрѣшавшая самые трудные вопросы. Поддер-

жать революцію своей отвагой во дни ея испытаній, своимъ могучимъ разумомъ — послѣ ея побѣды, Мирабо умеръ во-время. Въ его головѣ таились обширные планы: онъ хотѣлъ укрѣпить тронъ и упрочить революцію — двѣ вещи весьма трудныя въ подобное время. Королевская власть, получивъ независимость, какъ этого желалъ Мирабо, вѣроятно, захотѣла бы подчинить себѣ революцію, или, наоборотъ, революція уничтожила бы королевскую власть. Возможно ли, впрочемъ, примирить старую власть съ новымъ политическимъ устройствомъ? Возможна ли для революціи законность безъ продолжительности, возможно ли обновленіе престола, наравнѣ съ другими учрежденіями, иначе, какъ посредствомъ возстановленія его?

Съ 5-го и 6-го октября 1789 г. до апрѣля 1791 г. Національное Собраніе довершило реорганизацію Франціи; дворъ предавался мелкимъ интригамъ и замышлялъ планы бѣгства; привилегированные классы отыскивали новыя средства къ преобладанію, такъ какъ прежнія, одно за другимъ, были отняты у нихъ. Они пользовались всѣми случаями смутъ для нападенія на новый порядокъ и для возвращенія къ прежнему при помощи анархіи. Дворянство вызвало протесты парламентовъ, протесты сословій, когда были уничтожены провинціи; какъ только были организованы департаменты, оно пыталось произвести новые выборы; съ окончаніемъ срока полномочій депутатовъ оно требовало распущенія собранія; вслѣдъ за обнародованіемъ новаго военнаго кодекса, оно старалось склонить офицеровъ къ измѣнѣ; наконецъ, убѣдившись въ томъ, что всѣ способы оппозиціи не привели его къ желаннымъ цѣлямъ, оно эмигрировало, чтобы возстановить Европу противъ революціи. Со своей стороны духовенство, столько же недовольное потерею своихъ имуществъ, сколько и преобразованіемъ церковнаго порядка, хотѣло разрушить новое устройство посредствомъ возмущенія, а возмущенія произвести при помощи раскола. Итакъ, въ это время партіи все болѣе и болѣе разъединялись; враждебные революціи классы приготовляли элементы для междоусобной и внѣшней войны.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Съ апрѣля мѣсяца 1791 г. по 30-ое сентября, день закрытія Учредительнаго Собранія.

Политика Европы передъ французской революціей: система союзовъ, принятая разными государствами. — Общая коалиція противъ революціи; мотивы каждаго государства. Переговоры и декларація въ Мантуѣ. — Бѣгство въ Вареннъ; арестъ короля; временное отстраненіе его отъ престола. — Республиканская партія въ первый разъ отдѣляется отъ конституціонной монархической партіи. — Конституціонная партія возстановляетъ короля. — Пильницкая декларація. — Король принимаетъ конституцію. — Окончаніе засѣданій Учредительнаго Собранія.

Французская революція должна была измѣнить европейскую политику: она должна была окончить борьбу государей между собою и начать борьбу государей съ народами. Послѣдняя борьба началась бы гораздо позже, если бы сами государи не вызвали ее. Они хотѣли обуздать революцію — и расширили ея предѣлы, потому что, нападая на нее, они должны побудить ее къ завоеваніямъ. Управлявшая въ то время Европою политическая система обветшала. Государства, жившія преимущественно внутреннею жизнью при феодальномъ правительствѣ, стали жить болѣе внѣшнею жизнью при правительствѣ монархическомъ. Первая изъ этихъ эпохъ окончилась почти въ одно и то же время для всѣхъ великихъ европейскихъ націй. Тогда короли, такъ долго воевавшіе со своими вассалами, потому что они безпрестанно сталкивались съ ними, встрѣтились другъ съ другомъ на границахъ своихъ государствъ и вступили въ борьбу между собою. Никакое преобладаніе — ни преобладаніе Карла V, ни преобладаніе Людовика XIV — не можетъ сдѣлаться всемірнымъ, потому что слабые всегда соединяются между собою, чтобы унизить сильныхъ. Поэтому послѣ господства то отдѣльныхъ государей, то союзовъ — установилось наконецъ нѣчто вродѣ европейскаго равновѣсія. Не безполезно

узнать состояніе его передъ революціей, чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить позднѣйшія событія.

Начиная съ вестфальскаго мира и до половины XVIII вѣка главными большими государствами въ Европѣ были Австрія, Англія и Франція. Общая выгода соединила два первыя противъ послѣдней: Австрія боялась Франціи въ Нидерландахъ, Англія боялась ея на морѣ. Соперничество во властолюбивыхъ или торговыхъ замыслахъ часто возбуждало вражду между этими государствами и заставляло каждое изъ нихъ стремиться къ обезсиленію противниковъ своихъ. Со времени вступленія на испанскій престолъ принца изъ дома Бурбоновъ, Испанія была союзницей Франціи противъ Англіи. Впрочемъ, Испанія была слабымъ государствомъ: отброшенная въ уголъ Европы, одряхлѣвшая при господствѣ системы Филиппа II, лишенная фамильнымъ договоромъ единственнаго врага, который могъ держать ее въ напряженномъ состояніи, она сохраняла еще только на морѣ кое-какое вліяніе. Но Франція имѣла другихъ союзниковъ на всѣхъ, такъ сказать, флангахъ Австріи: на сѣверѣ—Швецію, на востокѣ—Польшу и Порту, на югѣ Германіи—Баварію, на западѣ—Пруссію и въ Италіи—Неаполитанское королевство. Государства эти, боявшіяся вторженія со стороны Австріи, естественно должны были быть союзниками ея врага. Поставленный между двумя грозными, Пьемонтъ становился то на одну, то на другую сторону, смотря по обстоятельствамъ и степени выгоды для себя. Голландія вступала въ союзъ то съ Англіей, то съ Франціей, смотря по тому, какая партія получала перевѣсъ въ республикѣ—партія штатгальтера или партія народная. Швейцарія была нейтральна.

Во второй половинѣ XVIII вѣка на сѣверѣ Европы возвысились двѣ державы: Пруссія и Россія. Пруссія обратилась изъ простого курфюршества въ сильное королевство: Фридрихъ-Вильгельмъ собралъ ей казну и устроилъ армію; сынъ его, Фридрихъ Великій, воспользовался и тѣмъ, и другимъ, чтобы увеличить прусскую территорію. Россія, долгое время не имѣвшая сношеній съ Европою, была введена въ европейскую политику Петромъ I и Екатериною II. Возвышеніе этихъ двухъ державъ видоизмѣнило прежніе союзы. Съ согласія вѣнскаго кабинета, Россія и Пруссія совершили первый раздѣлъ Польши въ 1772 г., а послѣ смерти Фридриха Великаго императрица Екатерина и императоръ Іосифъ заключили союзъ въ 1786 г., чтобы точно также раздѣлить Европейскую Турцію.

Версальскій кабинетъ, ослабленный со времени неосторожной и несчастной семилѣтней войны, былъ свидѣтелемъ раздѣла Польши, не будучи въ состояніи помѣшать ему; видѣлъ, какъ приготовлялось паденіе Оттоманской имперіи, и не могъ воспрепятствовать этому; онъ даже не подалъ помощи своей союзницѣ, республиканской партіи въ Голландіи, и она пала подъ ударами Пруссіи и Ан-

гліи, которыя, съ помощію военной силы, возстановили въ 1786 г. наслѣдственное штатгальтерство въ Соединенныхъ Провинціяхъ. Единственнымъ почетнымъ дѣломъ французской политики была счастливая поддержка независимости Сѣверной Америки. Революція 1789 г., расширивъ предѣлы нравственнаго вліянія Франціи, еще болѣе уменьшила ея дипломатическое вліяніе.

Англія, управляемая въ то время младшимъ Питтомъ, была встревожена въ 1788 г. честолюбивыми замыслами Россіи. Чтобы положить имъ конецъ, она заключила союзъ съ Пруссіей и Голландіей. Неприязненныя дѣйствія готовы уже были начаться, когда императоръ Іосифъ умеръ, въ февралѣ 1790 г., и на тронъ вступилъ Леопольдъ II, принявшій въ іюлѣ рейхенбахскую конвенцію. Эта конвенція, благодаря вмѣшательству Англіи, Пруссіи и Голландіи, опредѣлила основанія мира между Австріей и Турціей, который окончательно былъ подписанъ въ Систовѣ 4-го августа 1791 г.; она имѣла также въ виду прекращеніе смутъ въ австрійскихъ Нидерландахъ. Екатерина II, побуждаемая Англіей и Пруссіей, также заключила миръ съ Портою въ Яссахъ, 29-го сентября 1791 г. Этими переговорами и трактатами окончились политическія распри XVIII вѣка, и державамъ представилась возможность свободно заняться французской революціей.

Европейскіе государи, не имѣвшіе до тѣхъ поръ другихъ враговъ, кромѣ государей же, увидѣли общаго врага своего въ революціи. Прежнія неприязненныя и союзныя отношенія, уже нарушенныя отчасти во время семилѣтней войны, окончательно прекратились тогда: Швеція соединилась съ Россіей, Пруссія—съ Австріей. Съ одной стороны стояли только государи, съ другой—одинъ народъ, ожидавшій, что, авось, примѣръ его или ошибки государей дадутъ ему союзниковъ. Противъ французской революціи быстро образовалась всеобщая коалиція. Австрія вступила въ этотъ союзъ въ надеждѣ усилиться; Англія—чтобы отмстить за американскую войну и обезопасить себя отъ революціонной пропаганды; Пруссія—чтобы укрѣпить угрожаемое самодержавіе и, давъ занятіе праздной арміи, расширить свои предѣлы; германскіе князья—чтобы возвратить нѣкоторымъ изъ своихъ членовъ феодальныя права, которыхъ они лишились въ Эльзасѣ; шведскій король, этотъ рыцарь абсолютизма,—чтобы возстановить самовластіе во Франціи, какъ возстановилъ онъ его въ своей собственной странѣ; Россія—чтобы покончить раздѣлъ Польши въ то время, когда Европа займется революціей; наконецъ, всѣ государи изъ дома Бурбоновъ приняли участіе въ союзѣ, въ интересѣ своей собственной власти и изъ-за семейныхъ отношеній. Эмигранты укрѣпляли ихъ въ этихъ замыслахъ и побуждали къ нашествію. По ихъ мнѣнію, Франція была безъ арміи, или, по крайней мѣрѣ, безъ военачальниковъ, безъ денегъ, брошена въ бездну раздора, утомлена собраніемъ, расположена къ старому порядку и не имѣла ни средствъ, ни желанія

вооружиться. Толпами собирались они, чтобы принять участіе въ этой воротной кампаніи, и образовали правильные отряды: въ Вормсѣ подъ начальствомъ принца Конде, въ Кобленцѣ—графа д'Артуа.

Графъ д'Артуа въ особенности торопилъ кабинеты къ принятію рѣшительныхъ мѣръ. Императоръ Леопольдъ былъ тогда въ Италіи; онъ отправился къ нему вмѣстѣ съ Калонномъ, который былъ у него министромъ, и графомъ Альфонсомъ Дюрфоромъ, который былъ посредникомъ между нимъ и Тюильрійскимъ дворомъ и привезъ ему отъ короля полномочіе на заключеніе договора съ Леопольдомъ. Переговоры велись въ Мантуѣ; по окончаніи ихъ графъ Дюрфоръ вручилъ Людовику XVI отъ имени императора тайную декларацію, которою обѣщалась ему въ будущемъ помощь со стороны союза. Австрія обязывалась выставить тридцать пять тысячъ войска на границахъ Фландріи, германскіе князья - пятнадцать тысячъ на границахъ Эльзаса, швейцарцы—пятнадцать тысячъ на границахъ Ліона, сардинскій король пятнадцать тысячъ на границахъ Дофинэ; Испанія должна была увеличить свою каталонскую армію до двадцати тысячъ; Пруссія была очень расположена въ пользу союза; англійскій король долженъ былъ принять въ немъ участіе въ качествѣ ганноверскаго курфюрста. Всѣ эти войска должны были двинуться въ одно и то же время въ концѣ іюля. Бурбоны должны были тогда протестовать противъ революціи, союзныя державы—обнародовать манифесты противъ нея; до тѣхъ поръ предполагалось держать все это втайнѣ, избѣгать всякаго частнаго возстанія и не дѣлать никакой попытки къ бѣгству. Таковы были результаты переговоровъ въ Мантуѣ, 20-го мая 1791 г.

Можетъ быть, Людовикъ XVI не желалъ отдать себя въ распоряженіе иностранцевъ; можетъ быть, онъ боялся вліянія, какое пріобрѣтетъ графъ д'Артуа, вступивъ въ Парижъ во главѣ побѣдоносныхъ эмигрантовъ и возстановивъ старый порядокъ; какъ бы то ни было, онъ хотѣлъ поднять монархію одинъ, собственными силами. Онъ имѣлъ преданнаго и искуснаго сторонника въ генералѣ маркизѣ Буйе, который осуждалъ и эмиграцію, и собраніе, и обѣщалъ королю убѣжище и пріютъ въ своей арміи. Съ нѣкотораго времени между нимъ и королемъ завязалась тайная переписка; Буйе дѣлалъ всѣ приготовленія для его пріема. Подъ тѣмъ предлогомъ, что непріятельскія войска пришли въ движеніе на границѣ, онъ устроилъ лагерь въ Монмеди; по дорогѣ, которою долженъ былъ ѣхать король, онъ разставилъ отряды, предназначенные для сопровожденія короля,—мотивируя эту мѣру необходимостью охранять кассу, изъ которой производилось жалованье войскамъ.

Королевская фамилія, со своей стороны, втайнѣ дѣлала всѣ приготовленія къ отъѣзду; объ этомъ знали весьма немногіе; намѣреніе бѣжать не выражалось ни въ чемъ. Напротивъ того, Людовикъ XVI и королева дѣлали все, чтобы отклонить всякое подозрѣніе. Въ ночь на 20-ое іюня, въ назначенный для отъѣзда часъ,

переодѣтые, они оставили дворецъ. Стража не замѣтила ихъ: они пришли на бульваръ, гдѣ ожидала ихъ карета, и отправились въ дорогу по направленію къ Шалону и Монмеди.

На другой день, при извѣстіи объ этомъ бѣгствѣ, Парижъ пришелъ въ оцѣпенѣніе; скоро, однако, это чувство смѣнилось негодованіемъ; начали собираться толпы, волненіе увеличивалось. Людей, не помѣшавшихъ бѣгству, обвиняли въ томъ, что они способствовали ему; подозрѣніе не пощадило ни Лафайета, ни Бальи. Какъ послѣдствій этого событія, ожидали вторженія во Францію, торжества эмиграціи, возстановленія стараго порядка или продолжительной междоусобной войны. Образъ дѣйствій собранія, однако, скоро возвратилъ спокойствіе взволнованнымъ умамъ. Оно приняло всѣ мѣры, которыхъ требовало такое затруднительное обстоятельство: оно призвало въ свое присутствіе министровъ и главныхъ представителей власти, прокламаціей успокоило народъ, приняло мѣры для поддержанія общественнаго спокойствія, взяло на себя исполнительную власть, поручило министру иностранныхъ дѣлъ Монморену сообщить европейскимъ державамъ о своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ, послало комиссаровъ въ армію, чтобы увѣриться въ надежности ея и принять присягу на вѣрность уже не королю, а собранію; наконецъ, оно разослало въ департаменты приказаніе останавливать всякаго выѣзжающаго изъ королевства. «Такимъ образомъ,—говоритъ маркизъ Феррьеръ,—не прошло и четырехъ часовъ, какъ собраніе облечено было всевластіемъ; управленіе шло своимъ порядкомъ; общественное спокойствіе ничѣмъ не нарушалось; это обстоятельство, сдѣлавшееся столь пагубнымъ для королевской власти, внушило и Парижу, и Франціи убѣжденіе, что монархъ почти всегда чуждъ правительству, существующему подъ его именемъ».

Между тѣмъ Людовикъ XVI съ семействомъ своимъ приближался къ цѣли своего путешествія. Удача, сопровождавшая ихъ въ первые дни послѣ отъѣзда изъ Парижа, сдѣлала короля менѣе осторожнымъ и болѣе довѣрчивымъ: онъ сталъ показываться, былъ узнанъ и задержанъ въ Вареннѣ 21-го числа. Въ одно мгновеніе всѣ національные гвардейцы были на ногахъ; офицеры отрядовъ, разставленныхъ Буйе, тщетно старались освободить короля; драгуны и гусары боялись или не хотѣли помогать. Узнавъ объ этомъ несчастномъ происшествіи, Буйе явился самъ съ полкомъ кавалеріи. Но было уже поздно: король выѣхалъ изъ Варенна за нѣсколько часовъ до пріѣзда генерала; эскадроны его были утомлены и отказались ѣхать далѣе. Національные гвардейцы повсюду были подъ ружьемъ, и ему осталось только, послѣ этой неудачной попытки, оставить армію и Францію.

Узнавъ объ арестѣ короля, собраніе послало трехъ членовъ своихъ, Петіона, Латуръ-Мобура и Барнава, комиссарами къ нему: они застали королевское семейство въ Эпернэ и вмѣстѣ съ нимъ

возвратились въ Парижъ. Во время этого путешествія Барнавъ, тронутый здравымъ смысломъ Людовика XVI, предупредительностью Маріи-Антуанетты и судьбой всего этого столь униженнаго королевскаго семейства, выказывалъ ему живѣйшее участіе. Съ этого времени онъ постоянно предлагалъ ему свои совѣты и свою помощь. Пріѣхавъ въ Парижъ, поѣздъ двигался среди громадной толпы, хранившей неодобрительное молчаніе; ни рукоплесканій, ни ропота не было слышно.

Король былъ временно отстраненъ отъ престола; какъ къ нему, такъ и къ королевѣ была приставлена стража; назначены были комиссары для допроса его. Всѣ партіи взволновались: одни, не взирая на бѣгство короля, хотѣли удержать его на тронѣ; другіе утверждали, что онъ отрекся отъ престола тѣмъ самымъ, что въ манифестѣ своемъ къ французамъ, оставленномъ во дворцѣ въ день отъѣзда, осуждалъ и революцію, и декреты, подписанные имъ въ это, какъ онъ выражался, время неволи.

Тогда-то начала появляться республиканская партія. До этого времени она скрывалась или была подавлена, потому что не имѣла независимаго существованія или повода къ тому, чтобы показаться. Борьба, возникшая сперва между дворомъ и собраніемъ, потомъ между конституціоналистами и людьми, стоявшими за прежній образъ правленія, наконецъ въ средѣ самихъ конституціоналистовъ, началась теперь между конституціоналистами и республиканцами. Таковъ въ революціонное время обыкновенный ходъ событій. Приверженцы вновь созданнаго порядка сблизились между собою и отказались отъ распрей, вредившихъ имъ даже во время всемогущества собранія и становившихся тѣмъ болѣе пагубными теперь, когда съ одной стороны ему угрожала эмиграція, а съ другой—толпа. Мирабо не было; центръ собранія, на который опирался этотъ краснорѣчивый трибунъ, и который состоялъ изъ партіи наименѣе честолюбивой и наиболѣе преданной принципамъ, хотѣлъ, соединившись съ Ламетами, возстановить Людовика XVI и конституціонную монархію и воспротивиться увлеченіямъ народа.

Союзъ этотъ образовался: Ламеты вступили въ соглашеніе съ Андре и главнѣйшими членами центра, начали переговоры съ дворомъ и открыли клубъ фельяновъ для противодѣйствія якобинскому клубу. Но у якобинцевъ не было недостатка въ вождяхъ. При Мирабо они боролись противъ Мунье, при Ламетахъ—противъ Мирабо, при Робеспьерѣ и Петіонѣ—противъ Ламетовъ. Партія, желавшая второй революціи, постоянно поддерживала самыхъ крайнихъ дѣятелей революціи уже совершившейся, приближая къ себѣ такимъ образомъ борьбу и побѣду. Теперь, наконецъ, она сдѣлалась изъ подчиненной независимою; она уже не боролась болѣе за другихъ и подъ вывѣской чужого мнѣнія,—она боролась за себя и подъ собственнымъ своимъ знаменемъ. Своими частыми ошибками, неосторожными дѣйствіями и, наконецъ, бѣгствомъ ко-

нарха дворъ далъ ей возможность открыто заявить свои идеи. Отступившись отъ этой партіи, Ламеты предоставили ее настоящимъ ея вождямъ.

Ламеты, въ свою очередь, подверглись упрекамъ отъ толпы, видѣвшей только союзъ ихъ съ дворомъ и не соображавшей его условій. Однако-жъ, при поддержкѣ конституціоналистовъ они были всѣхъ сильнѣе въ собраніи. Пока продолжалось временное устраненіе короля, республиканцы имѣли предлогъ требовать совершеннаго низложенія его: для того, чтобы положить конецъ этимъ требованіямъ, угрожавшимъ новому порядку, Ламетамъ и союзникамъ ихъ нужно было какъ можно скорѣе возстановить короля. Комиссары, назначенные для снятія допроса съ Людовика XVI, сами продиктовали ему объясненіе, которое представили отъ его имени собранію; объясненіе это смягчило дурное впечатлѣніе, произведенное бѣгствомъ. Докладчикъ объявилъ отъ имени семи комитетовъ, назначенныхъ для разсмотрѣнія этого важнаго вопроса, что ни о судѣ надъ Людовикомъ XVI, ни о его низложеніи не можетъ быть и рѣчи. За этимъ докладомъ послѣдовали продолжительныя и оживленныя пренія; усилія республиканской партіи, несмотря на все ея упорство, не привели ни къ какимъ результатамъ. Большинство республиканскихъ ораторовъ принимало участіе въ преніяхъ: они желали либо низложенія короля, либо регентства, т. е. либо правительства народнаго, либо такого, которое прямо бы вело къ нему. Возразивъ на всѣ ихъ доводы, Барнавъ окончилъ свою рѣчь слѣдующими замѣчательными словами: «Преобразователи государства, слѣдуйте неизмѣнно своему пути. Вы показали, что имѣли мужество для искорененія злоупотребленій власти; вы показали, что обладаете всѣмъ нужнымъ для того, чтобы замѣнить ихъ мудрыми и благими учрежденіями; докажите же, что у васъ есть твердость и для того, чтобы поддержать ихъ. Нація только что явила великое доказательство силы и мужества: она показала торжественно и добровольно, какія силы она можетъ противопоставить угрожающимъ ей нападеніямъ. Продолжайте принимать такія же предосторожности; заботьтесь объ энергической защитѣ нашихъ предѣловъ. Но, выказывая нашу силу, докажемъ нашу умѣренность: дадимъ мира вселенной, тревожно слѣдящей за событіями, которыя происходятъ у насъ; порадуемъ тѣхъ, которые въ иностранныхъ земляхъ сочувствуютъ нашей революціи. Они говорятъ намъ со всѣхъ сторонъ: вы сильны, — будьте же мудры, будьте умѣренны; это будетъ вѣнцомъ вашей славы; этимъ вы докажете, что въ различныхъ обстоятельствахъ вы умѣли употреблять различные таланты, различныя средства и различныя добродѣтели».

Собраніе приняло мнѣніе Барнава. Но, чтобы успокоить народъ и обезпечить безопасность Франціи въ будущемъ, оно постановило, что король будетъ признанъ отрекшимся отъ престола, если, присягнувъ конституціи, нарушитъ ее, если приметъ началь-

ство надъ арміей для войны съ націей или позволитъ кому-нибудь начать эту войну отъ своего имени; что тогда, ставъ простымъ гражданиномъ, онъ теряетъ свое право неприкосновенности и можетъ быть преданъ суду за дѣйствія, которыя совершитъ послѣ отреченія. Въ тотъ день, когда собраніе приняло этотъ декретъ, вожди республиканской партіи стали подстрекать толпу. Вторгнуться въ собраніе или запугать его нельзя было, потому что залъ засѣданій былъ окруженъ національною гвардіей. Агитаторы, не имѣя достаточно возможности воспрепятствовать изданію декрета, возмущали противъ него народъ. Они составили петицію, въ которой оспаривали полноправность собранія, призывали къ верховному суду націи, объявляли Людовика XVI со времени его бѣгства лишеннымъ престола и требовали его замѣщенія. Эта петиція, составленная Бриссо, редакторомъ «Французскаго Патріота» и президентомъ одного изъ городскихъ парижскихъ комитетовъ, была принесена на Марсово поле 18-го іюля и положена на алтарь отечества; огромная толпа собралась для подписанія ея. Собраніе, предупрежденное объ этомъ, потребовало къ себѣ муниципалитетъ и приказало ему наблюдать за общественнымъ спокойствіемъ. Лафайетъ отправился противъ сборища и на этотъ разъ успѣлъ разсѣять его безъ пролитія крови; но въ тотъ же день толпа собралась снова въ большемъ числѣ и съ большею рѣшимостью. Дантонъ и Камиллъ Демуленъ съ самаго алтаря отечества говорили къ ней рѣчи. Двухъ инвалидовъ, принятыхъ за шпіоновъ, убили и головы ихъ вздернули на копья. Возмущеніе становилось опаснымъ. Лафайетъ снова отправился на Марсово поле съ отрядомъ національной гвардіи въ тысячу двѣсти человѣкъ. Бальи сопровождалъ его и велѣлъ распустить красное знамя. Согласно требованію закона, толпу стали уговаривать разойтись; но она отказалась повиноваться и съ криками: прочь красное знамя! стала бросать каменьями въ національную гвардію. Лафайетъ велѣлъ своему отряду стрѣлять, но на воздухъ; толпа не испугалась и снова произвела нападеніе. Это упорство бунтовщиковъ заставило Лафайета сдѣлать второй залпъ, но уже дѣйствительный, смертоносный. Испуганная толпа обратилась въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ стычки нѣсколько убитыхъ. Смятеніе прекратилось, порядокъ былъ возстановленъ; но была пролита кровь, и народъ не простилъ ни Лафайету, ни Бальи жестокой необходимости, въ которую самъ же онъ ихъ поставилъ *). Это была настоящая битва, въ которой республиканская партія, еще не довольно сильная и нашедшая мало поддержки, потерпѣла пораженіе отъ монархической конституцион-

*) На партію дѣйствія это событіе произвело сильное впечатлѣніе. Маратъ спрятался въ погребѣ, Демуленъ пріостановилъ изданіе своего журнала, Дантонъ уѣхалъ въ свое имѣніе, а Робеспьеръ боялся ночевать дома.

ной партіи. Попытка къ бунту на Марсовомъ полѣ была предвѣстницею послѣдующихъ народныхъ движеній.

Во время этихъ происшествій въ собраніи и въ Парижѣ, эмиграція, ободренная было бѣгствомъ Людовика XVI, пришла въ ужасъ при извѣстіи объ его арестѣ. Графъ прованскій, бѣжавшій въ одно время со своимъ братомъ и бывшій счастливѣе его, одинъ пріѣхалъ въ Брюссель съ полномочіями и съ титуломъ регента. Съ этого времени эмиграція стала разсчитывать только на помощь Европы; офицеры покинули свои знамена; двѣсти девяносто членовъ собранія протестовали противъ его декретовъ, чтобы выставить вторженіе дѣломъ законнымъ; Буйе написалъ угрожающее письмо, въ смутной надеждѣ напугать собраніе и въ то же время съ цѣлью взять на себя одного всю отвѣтственность за бѣгство Людовика XVI; наконецъ, императоръ австрійскій, прусскій король и графъ д'Артуа съѣхались въ Пильницѣ и составили здѣсь знаменитую декларацію 26-го августа, которая приготовила вторженіе во Францію, но не облегчила участи короля, а, напротивъ, сдѣлала бы болѣе тяжкой, если бъ постоянно благоразумное собраніе, несмотря на угрозы толпы и иностранцевъ, не осталось при своихъ намѣреніяхъ.

Въ пильницкой деклараціи государи смотрѣли на дѣло Людовика XVI, какъ на свое собственное. Они требовали, чтобы ему была предоставлена свобода отправляться, куда онъ хочетъ, т. е. къ нимъ; чтобы онъ возстановленъ былъ на тронѣ; чтобы собраніе было распущено, и чтобы владѣтельные имперскіе князья въ Эльзасѣ получили назадъ свои феодальныя права. Въ случаѣ отказа, они угрожали Франціи войною, въ которой должны были принять участіе всѣ государства, гарантировавшія существованіе французской монархіи. Декларація эта не застрашила, а только раздражила собраніе и народъ. Всѣ задавали себѣ вопросы: по какому праву европейскіе государи вмѣшиваются въ наше правленіе, по какому праву даютъ они приказанія великому народу и предписываютъ ему условія; а такъ какъ государи угрожали оружіемъ, Франція приготовилась къ отпору. Пограничные пункты были приведены въ оборонительное положеніе; сто тысячъ человѣкъ національной гвардіи ожидали нападенія непріятеля съ увѣренностью и убѣжденіемъ въ непобѣдимости французскаго народа у себя дома, во время революціи.

Между тѣмъ собраніе оканчивало свои труды: гражданскія отношенія, общественные налоги, свойства преступленій и преслѣдованій ихъ, производство слѣдствія и наказанія были опредѣлены такъ же хорошо, какъ общія и конституціонныя отношенія. Равноправность была введена въ законы о наслѣдствѣ, въ налоги и наказанія; оставалось только соединить всѣ конституціонные декреты въ одинъ сводъ и поднести ихъ на королевское утвержденіе. Труды и распри начинали утомлять собраніе; самый народъ французскій, наскучивающій всѣмъ тѣмъ, что долго продолжается, желалъ новаго національнаго представительства; созваніе избирательныхъ

коллегій было назначено на 5-ое августа. Къ несчастью, еще передъ бѣгствомъ въ Варенн, было постановлено, что члены настоящаго собранія не могутъ быть членами послѣдующаго. Въ этомъ важномъ вопросѣ собраніе поддалось безкорыстію однихъ, соперничеству другихъ, анархическимъ намѣреніямъ аристократіи и республиканцевъ. Напрасно говорилъ Дюпоръ: «Съ тѣхъ поръ, какъ насъ пресытили принципами, какъ не пришло намъ на умъ, что постоянство есть также правительственный принципъ? Неужели хотятъ подвергать Францію, эту страну горячихъ и непостоянныхъ головъ, черезъ каждые два года переворотамъ въ законахъ и во мнѣніяхъ?» Этого именно хотѣлось привилегированнымъ сословіямъ и якобинцамъ, хотя и для разныхъ цѣлей. Во всѣхъ подобныхъ вопросахъ Учредительное Собраніе ошибалось или увлекалось: когда дѣло шло о министерствѣ, оно постановило противъ Мирабо, что ни одинъ депутатъ министромъ быть не можетъ; когда дѣло шло о новыхъ выборахъ, оно рѣшило противъ своихъ собственныхъ членовъ, что они не могутъ быть избраны снова; тѣмъ же побужденіемъ руководилось оно, когда запретило имъ въ теченіе четырехъ лѣтъ принимать какую бы то ни было должность по назначенію короля. Это увлеченіе безкорыстіемъ вскорѣ побудило Лафайета отказаться отъ начальства надъ національной гвардіей, а Бальи — отъ должности мэра; такимъ образомъ этотъ замѣчательный періодъ времени окончился совершенно съ Учредительнымъ Собраніемъ, и изъ него ровно ничего не перешло въ Собраніе Законодательное.

Сводъ декретовъ Учредительнаго Собранія въ одно цѣлое породилъ мысль о пересмотрѣ ихъ. Но эта попытка возбудила крайнее неудовольствіе и осталась почти безъ послѣдствій; поздно и неумѣстно было дѣлать конституцію болѣе аристократической, такъ какъ толпа захотѣла бы, пожалуй, сдѣлать ее еще болѣе народной. Чтобы сдержать подвижность націи, не отнимая ея державности, собраніе объявило, что Франція имѣетъ право на пересмотръ конституціи, но что благоразумно было бы не пользоваться этимъ правомъ въ теченіе тридцати лѣтъ.

Шестьдесятъ депутатовъ представили королю конституціонный актъ; временное устраненіе короля отъ престола прекратилось; Людовикъ XVI вступилъ въ отправленіе своей власти; стража, данная ему закономъ, поступила подъ его начальство. Конституціонный актъ былъ представленъ ему, какъ только онъ получилъ свободу. Онъ разсматривалъ его нѣсколько дней и затѣмъ написалъ собранію: «Я принимаю конституцію; я обязуюсь поддерживать ее внутри государства, защищать противъ внѣшнихъ нападеній и заставить исполнять ее всѣми средствами, которыя она даетъ въ мое распоряженіе. Узнавъ объ одобреніи конституціи огромнымъ большинствомъ народа, я отказываюсь отъ того участія въ составленіи ея, котораго я прежде требовалъ, и такъ какъ я отвѣчаю предъ націей, то никто иной не имѣетъ права жаловаться на отказъ, заявленный мною».

Письмо это возбудило горячія рукоплесканія. Лафайетъ потребовалъ амнистіи въ пользу тѣхъ, которые преслѣдовались за бѣгство короля и за проступки противъ революціи. Онъ настоялъ на этомъ декретѣ. На другой день король прибылъ въ собраніе для принятія конституціи. Народъ сопровождалъ его единодушными кликами; депутаты и трибуны принимали его съ восторгомъ; въ этотъ день онъ снова пріобрѣлъ довѣріе и любовь народа. Наконецъ, на 29-ое сентября назначено было закрытіе собранія. Король прибылъ въ засѣданіе; рѣчь его прерывалась частыми рукоплесканіями. «Вамъ, господа,—говорилъ онъ,—которые трудились такъ долго, такъ неутомимо и въ столь тяжелое время, вамъ остается исполнить еще одну обязанность, когда вы разъѣдетесь во всѣ концы государства; эта обязанность заключается въ томъ, чтобы объяснить вашимъ согражданамъ истинный смыслъ постановленныхъ вами для нихъ законовъ, чтобы напомнить ихъ тѣмъ, которые ихъ нарушаютъ, чтобы очистить и соединить всѣ мнѣнія собственнымъ примѣромъ любви къ порядку и преданности законамъ».—«Да, да!»—закричали единодушно всѣ депутаты.—«Я надѣюсь, что вы будете истолкователями моихъ чувствъ передъ вашими согражданами».—«Да, да!»—«Скажите же имъ всѣмъ, что король всегда будетъ ихъ первымъ и самымъ вѣрнымъ другомъ; что король нуждается въ ихъ любви; что онъ счастливъ только съ ними и ихъ счастьемъ; надежда способствовать ихъ благу поддержитъ мое мужество, а увѣренность въ томъ, что я достигъ этой цѣли, будетъ самою лучшею моею наградою».—«Эта рѣчь напоминаетъ Генриха IV»,—раздался въ это время чей-то голосъ, и Людовикъ XVI вышелъ изъ собранія среди самыхъ восторженныхъ заявленій.

Тогда Туре, обратившись къ народу, сказалъ громкимъ голосомъ: «Учредительное Собраніе объявляетъ, что задача его окончена и что оно закрываетъ свои засѣданія». Такъ закончило свою дѣятельность первое и славное народное собраніе. Оно было мужественно, просвѣщенно, справедливо и имѣло только одну страсть—страсть къ закону. Оно совершило въ два года своими усиліями и неутомимою настойчивостью величайшую революцію, которую когда-либо видѣло одно поколѣніе смертныхъ. Занимаясь работами своими, оно въ то же время обуздывало деспотизмъ и анархію, уничтожало заговоры аристократіи и поддерживало порядокъ въ толпѣ. Главнѣйшая ошибка его заключалась въ томъ, что оно не ввѣрило продолженіе революціи лицамъ, ее совершившимъ; оно сложило съ себя власть, какъ тѣ законодатели древности, которые, давъ законы отечеству, добровольно удалялись въ изгнаніе. Новое собраніе вовсе не заботилось о томъ, чтобы упрочить дѣло перваго, и революція, которую слѣдовало окончить, началась снова.

Конституція 1791 г. была составлена на основаніи началъ, согласныхъ съ идеями и положеніемъ Франціи. Эта конституція была дѣломъ сильнаго въ то время средняго сословія: извѣстно, что

господствующая сила всегда завладѣваетъ учрежденіями. Но, когда это господство принадлежитъ одному человѣку, оно есть деспотизмъ; когда оно принадлежитъ нѣсколькимъ—привилегія; когда же оно принадлежитъ всѣмъ — оно пріобрѣтаетъ характеръ права. Этимъ послѣднимъ состояніемъ начинается развитіе общества,—имъ же и оканчивается оно. Франція достигла, наконецъ, этого возраста, пройдя чрезъ феодализмъ, который былъ учрежденіемъ аристократическимъ, и черезъ абсолютную власть, которая была учрежденіемъ монархическимъ. Равенство гражданъ было освящено, власть признана полномочіемъ, отъ нихъ исходящимъ; при новомъ порядкѣ не могло быть другого общественнаго устройства, другой формы правленія.

Въ этой конституціи народъ былъ источникомъ всякой власти, хотя въ сущности не отправлялъ никакой; онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ только первоначальные выборы, и его уполномоченные выбирались людьми, взятыми изъ просвѣщенныхъ классовъ націи. Эти люди наполняли Національное Собраніе, суды, администрацію, городскія учрежденія, милицію, и такимъ образомъ просвѣщенный слой націи обладалъ всею силою и всею властью въ государствѣ. Только члены просвѣщенныхъ классовъ были способны отправлять всѣ эти должности, потому что только они имѣли свѣдѣнія, необходимыя для управленія страною. Народъ не былъ еще достаточно приготовленъ для того, чтобы принять участіе въ отправленіи власти, и только случайно, и то на время, попала она въ его руки; но въ первоначальныхъ избирательныхъ собраніяхъ народъ воспитывался политически и привыкалъ къ дѣламъ управленія, сообразно настоящей задачѣ всякаго общества,—задачѣ, заключающейся не въ томъ, чтобы отдавать преимущества въ наслѣдственное владѣніе одному классу, а въ томъ, чтобы распространять ихъ на всѣ слои народа, какъ скоро они пріобрѣтаютъ способность обладать ими. Въ этомъ состояла главная характеристическая черта конституціи 1791 г.: по мѣрѣ того, какъ кто-нибудь становился способнымъ обладать правомъ, онъ получалъ его; конституція расширяла свои рамки вмѣстѣ съ цивилизаціей, которая съ каждымъ днемъ призываетъ все болѣе и болѣе людей къ управленію государствомъ. Такими средствами она установила настоящее равенство, дѣйствительный характеръ котораго—общедоступность власти, точно также какъ характеръ неравенства—исключительность. Поставивъ власть въ зависимость отъ выборовъ, она сдѣлала ее общественнымъ достояніемъ, между тѣмъ какъ привилегія, передавая ее по наслѣдству, дѣлаетъ ее частною собственностью.

Конституція 1791 г. установила учрежденія однородныя, находившіяся въ связи одно съ другимъ и сдерживавшія другъ друга. Впрочемъ, надо сказать, что королевская власть была слишкомъ подчинена власти народной. Къ несчастію, верховная власть, откуда бы она ни исходила, всегда даетъ себѣ слишкомъ слабый противовѣсъ, какъ скоро ограничиваетъ сама себя. Учредительное Собраніе со-

объемъ королевской власти; король-законодатель ограничиваетъ права собранія.

Однако-жъ, конституція 1791 г. была менѣе демократична, чѣмъ конституція Соединенныхъ Штатовъ, которая оказалась удобною и приложимою, не взирая на обширность территоріи; а это служитъ доказательствомъ, что не самыя формы учрежденій способствуютъ или препятствуютъ установленію ихъ, но встрѣчаемое ими одобреніе или возбуждаемыя ими распри. Въ такомъ новомъ государствѣ, какъ Америка, послѣ войны за независимость, всякая конституція была возможна: тамъ была только одна враждебная партія—партія метрополіи; какъ скоро эта партія была побѣждена — борьба окончилась, потому что пораженіе въ данномъ случаѣ влечетъ за собою изгнаніе. Не такъ бываетъ во время общественныхъ переворотовъ у народовъ, долго жившихъ. Реформы затрогиваютъ личные интересы, интересы образуютъ партіи, партіи вступаютъ въ борьбу, и чѣмъ шире побѣда, тѣмъ сильнѣе жажда мщенія. Такъ было во Франціи. Дѣло Учредительнаго Собранія погибло не столько вслѣдствіе своихъ недостатковъ, сколько вслѣдствіе ударовъ, нанесенныхъ ему партіями. Занявъ мѣсто между аристократіей и народомъ, собраніе подвергалось нападкамъ первой и захватамъ послѣдняго. Толпа не пріобрѣла бы полновластія, еслибы междоусобная война и иностранная коалиція не вызвали ея вмѣшательства и помощи. Для защиты отечества она хотѣла управлять имъ и произвела свою революцію, какъ средній классъ произвелъ свою. У нея было свое 14-ое іюля—10-ое августа; свое учредительное собраніе—конвентъ; свое правительство—комитетъ общественнаго спасенія: но мы увидимъ, что, не будь эмиграціи, не было бы и республики.

Національное Законодательное Собраніе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Съ 1-го октября 1791 г. по 21-ое сентября 1792 г.

Первыя сношенія Законодательнаго Собранія съ королемъ. — Положеніе партій: фельяны, поддерживаемые среднимъ классомъ; жирондисты, поддерживаемые народомъ. — Эмиграція и непокорное духовенство; декреты противъ нихъ; veto короля. — Предвѣстіе войны. — Жирондистское министерство. Дюмурье и Роланъ. — Объявленіе войны королю венгерскому и богемскому. — Пораженіе французскихъ армій; декретъ о резервномъ лагерѣ у Парижа въ 20000 человѣкъ; декретъ объ изгнаніи неприсягнувшихъ священниковъ; veto короля; паденіе жирондистскаго министерства. — Петиція мятежниковъ 20-го іюня, съ цѣлью заставить короля принять декреты и возстановить министровъ. — Послѣднія попытки конституціонной партіи. — Манифестъ герцога Брауншвейгскаго. — Событія 10-го августа. — Вооруженное возстаніе Лафайета противъ дѣятелей 10-го августа; оно не удается. — Разногласія въ собраніи и новомъ городскомъ управленіи; Дантонъ. — Вторженіе пруссаковъ. — Убійства 2-го сентября. — Аргонская кампанія. — Причины событій во время Законодательнаго Собранія.

Новое собраніе открыло свои засѣданія 1-го августа 1791 г. Оно тотчасъ же провозгласило себя Національнымъ Законодательнымъ Собраніемъ. Съ самаго начала оно имѣло случай показать и свою привязанность къ новому порядку, и уваженіе къ основателямъ французской свободы. Конституція была торжественно представлена ему архиваріусомъ Камю и двѣнадцатью самыми пожилыми членами народнаго представительства. Собраніе приняло конституціонный актъ стоя и съ непокрытыми головами и при громѣ рукоплесканій народа, занимавшаго трибуны, поклялось или жить свободнымъ, или умереть. Затѣмъ оно постановило благодарить Учредительное Собраніе и приступило къ своимъ занятіямъ.

Первыя сношенія собранія съ королемъ не имѣли характера согласія и довѣрія. Дворъ, надѣявшійся, конечно, занять при Законодательномъ Собраніи первенствующее положеніе, потерянное

нымъ при Собраніи Учредительномъ, не совсѣмъ осторожно повело себя въ отношеніи къ народной власти, безпокойной, подозрительной, претендовавшей на первое мѣсто въ государствѣ. Собраніе отправило къ королю депутацію изъ шестидесяти членовъ съ извѣстіемъ, что оно образовалось. Король не принялъ депутацію лично, а передалъ ей черезъ министра юстиціи, что онъ можетъ допустить ее къ себѣ только на другой день, въ полдень. Такой неосторожный поступокъ и вмѣшательство министра въ прямыя сношенія между королемъ и собраніемъ задѣли депутацію за живое. Когда на другой день ее допустили къ Людовику XVI, Дюшатель, глава депутаціи, лаконически сказалъ ему: «Государь, Національное Законодательное Собраніе окончательно образовалось; оно уполномочило насъ объявить вамъ объ этомъ». Еще суше отвѣчалъ ему Людовикъ XVI: «Я не могу прибыть къ вамъ раньше пятницы». Такое поведеніе въ отношеніи къ собранію было неловко и едва ли могло привлечь на сторону короля любовь народа.

Собраніе одобрило поведеніе Дюшателя и позволило себѣ въ отношеніи короля поступокъ, достойный всякаго осужденія. Церемоніалъ, съ которымъ слѣдовало принимать короля въ собраніи, былъ опредѣленъ предыдущими законами. Ему назначено было кресло въ видѣ трона; его именовали титулами Sire и Majesté; депутаты должны были вставать и снимать шляпы при его входѣ, затѣмъ садиться, накрываться и снова вставать, почтительно выражая движеніемъ государя. Нѣкоторые — чересчуръ безпокойные — умы находили такія уступки несогласными съ достоинствомъ верховнаго собранія. Депутатъ Гранжневъ потребовалъ, чтобы слова Sire и Majesté были замѣнены лучшимъ, болѣе конституціоннымъ титуломъ короля французовъ. Кутонъ пошелъ еще дальше этого предложенія, заявивъ, что королю слѣдуетъ дать кресло совершенно такое же, какъ президентское. Эти предложенія вызвали легкое неодобреніе со стороны нѣкоторыхъ членовъ; но большинство поспѣшно приняло ихъ. «Я полагаю, — сказалъ Гюадэ, — что французскій народъ всегда будетъ гораздо болѣе уважать, при всей его простотѣ, кресло, на которомъ сидитъ президентъ народныхъ представителей, чѣмъ раззолоченное кресло, на которомъ сидитъ глава исполнительной власти. Я не стану, господа, говорить о титулахъ Sire и Majesté. Я удивляюсь, что Національное Собраніе разсуждаетъ о сохраненіи этихъ титуловъ. Слово Sire значитъ господинъ; это остатокъ отъ феодальнаго порядка, который уже не существуетъ. Что же касается слова Majesté, то его слѣдуетъ употреблять только по отношенію къ Богу и народу».

Нѣкоторые депутаты пытались устранить обсужденіе этихъ предложеній, но слабо: они были пущены на голоса и приняты значительнымъ большинствомъ. Между тѣмъ, такъ какъ подобный декретъ казался враждебнымъ королевской власти, конституціонное мнѣніе высказалось противъ него, осуждая эту чрезмѣрную и нес-

мѣнную строгость въ приложеніи принциповъ. На другой день противники декрета потребовали его отмѣны. Въ то же время распространился слухъ, что король не явится въ собраніе, если вчерашній декретъ будетъ оставленъ въ силѣ,— и декретъ былъ взятъ назадъ. Эти маленькія стычки между двумя силами, изъ которыхъ каждая боялась поползновеній на свою власть со стороны другой, боялась высокомѣрныхъ выходокъ и въ особенности злого умысла, на этотъ разъ тѣмъ и окончились. Воспоминаніе о нихъ совершенно изгладилось присутствіемъ Людовика XVI въ Законодательномъ Собраніи, гдѣ онъ былъ принятъ съ величайшимъ уваженіемъ и самымъ горячимъ восторгомъ.

Рѣчь его главнымъ образомъ имѣла въ виду общее примиреніе. Онъ указалъ собранію вопросы, на которые должно оно обратить свое вниманіе, именно на финансы, гражданскіе законы, торговлю и упроченіе новаго порядка; онъ обѣщалъ употребить съ своей стороны всѣ усилія къ установленію порядка и дисциплины въ войскахъ, къ приведенію королевства въ оборонительное положеніе и къ распространенію о французской революціи такихъ идей, которыя могли бы возстановить о ней доброе мнѣніе въ Европѣ. Онъ прибавилъ слѣдующія слова, встрѣченныя рукоплесканіями: «Господа, для того, чтобы ваши важные труды и рвеніе произвели все то добро, котораго должно ожидать отъ нихъ, необходимо постоянное согласіе и неизмѣнное довѣріе между Законодательнымъ Собраніемъ и королемъ. Враги нашего спокойствія будутъ стараться разъединить насъ; но да соединитъ насъ любовь къ отечеству и да сдѣлаетъ насъ неразлучными общественное благо! Такимъ образомъ, общественная сила безпрепятственно разовьется, администрація не станетъ мучиться напрасными страхами; собственность и вѣроисповѣданіе каждаго будутъ пользоваться одинаковымъ покровительствомъ, и ни у кого не останется предлога для того, чтобы жить вдали отъ страны, гдѣ бодрствуютъ законы и уважается право». Къ несчастью, два класса стали внѣ революціи и не хотѣли пристать къ ней; усилія ихъ въ Европѣ и внутри Франціи должны были помѣшать осуществленію разумныхъ и миролюбивыхъ словъ короля. Внутреннія смуты, возбужденныя отказавшимися принести присягу на вѣрность конституціи священниками, военные сборы эмигрантовъ и приготовленія коалиціи скоро увлекли Законодательное Собраніе не только за предѣлы, дозволенные конституціей, но даже за предѣлы собственныхъ его предположеній.

Составъ этого собранія былъ вполнѣ популярный. Такъ какъ помыслы всѣхъ направлены были въ пользу революціи, то ни дворъ, ни дворянство, ни духовенство не имѣли вліянія на выборы. Такимъ образомъ въ этомъ собраніи не было, какъ въ предшествовавшемъ, сторонниковъ абсолютной монархіи и привилегій. Оба отдѣла лѣвой стороны, раздѣлившіеся въ концѣ засѣданій Учредительнаго Собранія, были и теперь налицо, но не въ тѣхъ же отношеніяхъ, числѣ

и силѣ: демократическое меньшинство прежняго собранія сдѣлалось большинствомъ настоящаго. Къ такому результату привели: запрещеніе избирать членовъ Учредительнаго Собранія, уже испытанныхъ въ дѣлѣ управленія, необходимость избирать депутатовъ изъ числа такихъ лицъ, которыя обратили на себя вниманіе своимъ образомъ мыслей и дѣйствій, и въ особенности дѣятельное вліяніе клубовъ. Въ скоромъ времени мнѣнія и партіи опредѣлились. Образовались правая сторона, центръ, лѣвая сторона, какъ и въ Учредительномъ Собраніи, но характеръ ихъ былъ другой. Правая сторона, составленная изъ рѣшительныхъ конституціоналистовъ, образовала умѣренную партію. Главнѣйшими представителями ея были Матье, Дюма, Рамонъ, Вобланъ, Беньо и др. Она имѣла кое-какія сношенія съ дворомъ чрезъ Барнава, Дюпора, Александра Ламета, которые были ея вождями въ Учредительномъ Собраніи, но совѣтамъ которыхъ очень рѣдко слѣдовалъ Людовикъ XVI, питая большее довѣріе къ окружающимъ его придворнымъ. Внѣ собранія она опиралась на клубъ фельяновъ и на буржуазію. На ея сторонѣ были національная гвардія, армія, директорія департамента и вообще всѣ установленныя власти. Но эта партія, называвшаяся партіей фельяновъ и не преобладавшая уже въ собраніи, потеряла вскорѣ и другую важную точку опоры: городское управленіе перешло въ руки противниковъ ея, членовъ лѣвой стороны.

Эта сторона состояла изъ такъ называемыхъ жирондистовъ и во время революціи была переходной партіей отъ средняго класса къ народу. Она не имѣла тогда никакого разрушительнаго плана, но была расположена поддерживать революцію всѣми средствами, чѣмъ и отличалась отъ конституціонной партіи, которая хотѣла защищать ее только средствами законными. Во главѣ ея стояли блестящіе ораторы департамента Жиронды (отчего и получила она свое названіе)—Верньо, Гюаде, Жансоне и уроженецъ Прованса, Иснаръ, обладавшій еще болѣе страстнымъ краснорѣчіемъ, чѣмъ первые трое. Главнымъ вождемъ партіи былъ Бриссо, во время предыдущей сессіи бывшій членомъ городского управленія въ Парижѣ, теперь сдѣлавшійся членомъ собранія. Мнѣнія Бриссо, желавшаго полной реформы, сильная дѣятельность его ума, выказывавшаяся въ журналѣ «Патріотъ», на трибунѣ собранія, въ клубѣ якобинцевъ, его точныя и обширныя свѣдѣнія объ иностранныхъ государствахъ,—все это давало ему большое вліяніе въ такое время, когда происходила борьба партій и готова была разразиться война противъ Европы. Кондорсэ пользовался вліяніемъ другого рода: онъ обязанъ былъ имъ своей репутаціи человѣка глубоко-проницательнаго и своимъ демократическимъ теоріямъ, которыя доставили ему почти роль Сіейса среди этого второго революціоннаго поколѣнія. Рѣшительный и страстный Петіонъ былъ человѣкомъ дѣйствія этой партіи. Благодаря своей наружности, внушавшей довѣріе, способности ловко говорить и привычкѣ обращаться съ народомъ, онъ

получилъ должность мэра, которую Байи отправлялъ до тѣхъ поръ въ интересахъ средняго класса.

Въ рядахъ лѣвой стороны образовалась крайняя партія еще болѣе крайней, чѣмъ она сама: члены этой партіи, напримѣръ, Шабо, Базиръ, Мерленъ де-Тіонвиль, были для жирондистовъ тѣмъ же, чѣмъ Петіонъ, Бюзо, Робеспьеръ для лѣвой стороны Учредительнаго Собранія. Они находились въ тѣсной связи съ партіей демагоговъ, поддерживавшей извнѣ жирондистовъ и располагавшей клубами и народомъ. Настоящими вождями этой партіи, опиравшейся на цѣлое сословіе и стремившейся утвердить свою собственную власть, были: Робеспьеръ—въ обществѣ якобинцевъ, въ которомъ онъ упрочилъ свое вліяніе по выходѣ изъ Учредительнаго Собранія; Дантонъ, Камиллъ Демуленъ и Фабръ д'Эглантинъ — въ обществѣ кордельеровъ, въ которомъ они основали клубъ нововводителей еще болѣе рьяныхъ, чѣмъ самые якобинцы, клубъ которыхъ состоялъ еще изъ членовъ буржуазіи; пивоваръ Сантерръ въ предмѣстьяхъ, центрѣ народной силы. Но эта партія была еще на второмъ планѣ, и только сильные перевороты могли дать ей возможность восторжествовать. Центръ Законодательнаго Собранія былъ искренно преданъ новому порядку. Члены центра были почти тѣхъ же мнѣній и также склонны къ умѣренности, какъ и члены центра Учредительнаго Собранія; но теперешній центръ далеко не имѣлъ того же вліянія. Онъ не стоялъ уже во главѣ средняго сословія, съ помощью котораго могъ твердо и разумно сдерживать всѣ крайнія партіи. Въ виду опасностей, грозившихъ государству, снова почувствовалась необходимость въ крайнихъ мнѣніяхъ и въ поддержкѣ партій, стоявшихъ внѣ собранія: это уничтожило вліяніе центра. Подобно всѣмъ умѣреннымъ партіямъ, онъ вскорѣ перешелъ на сторону сильнѣйшихъ и подчинился лѣвой сторонѣ.

Положеніе собранія было крайне затруднительно; Учредительное Собраніе завѣщало ему партіи, примиреніе которыхъ очевидно было невозможно. Съ первыхъ же засѣданій новое собраніе увидѣло необходимость заняться этими партіями и заняться для того, чтобы бороться съ ними. Успѣхи эмиграціи становились тревожными; двое братьевъ короля, принцъ Конде и герцогъ Бурбонскій, протестовали противъ признанія конституціи Людовикомъ XVI, т. е. противъ единственнаго средства къ соглашенію; они объявили, что король не властенъ поступаться правами древней монархіи, и слухъ объ ихъ протестѣ, разнесшійся по всей Франціи, произвелъ сильное впечатлѣніе на ихъ приверженцевъ. Офицеры покидали армію; дворяне бѣжали изъ своихъ замковъ; цѣлыя роты дезертировали и поступали въ полки, расположенные по ту сторону границы. Тѣмъ, кто медлилъ, присылали прялки (въ знакъ презрѣнія); тѣмъ, кто не эмигрировалъ, грозили, что они будутъ приговорены къ буржуазіи, когда побѣдоносное дворянство возвратится въ страну. Въ австрійскихъ Нидерландахъ и въ пограничныхъ кур-

фгущественъ организовалась такъ называвшаяся внѣшняя Франція. Въ Брюсселѣ, въ Вормсѣ, въ Кобленцѣ явно готовилась контръ-революція, подъ покровительствомъ и даже съ содѣйствіемъ иностранныхъ дворовъ. При этихъ дворахъ принимали посланниковъ отъ эмигрантовъ, а посланниковъ французскаго правительства не принимали, или принимали неблагосклонно, или даже заключали въ тюрьму, какъ это сдѣлали, напримѣръ, съ Дюверне. Французскихъ путешественниковъ и негоціантовъ, заподозрѣнныхъ въ патріотизмѣ и въ сочувствіи къ революціи, лишали покровительства европейскихъ законовъ. Многія державы явно высказались въ этомъ смыслѣ, въ томъ числѣ Швеція, Россія и Испанія, которою управлялъ въ то время маркизъ Флорида-Бланка, совершенно преданный эмиграціи. Въ то же время Пруссія держала свою армію на военной ногѣ; на альпійской и на пиренейской границахъ Франціи усиливался кордонъ сардинскихъ и испанскихъ войскъ, а Густавъ III собиралъ шведскую армію.

Духовенство, не присягавшее на вѣрность конституціи, употребляло всѣ средства, чтобы вызвать во Франціи благопріятный для эмигрантовъ оборотъ дѣла. «Священники, и въ особенности епископы, прибѣгали ко всѣмъ средствамъ фанатизма, чтобы возстановить населеніе городовъ и деревень противъ гражданской организаціи духовенства»—говоритъ маркизъ Феррьеръ. Епископы запрещали священникамъ совершать церковные обряды въ одной и той же церкви съ конституціонными священниками для того, чтобы народъ не смѣшивалъ обоихъ вѣроисповѣданій и обоихъ обрядовъ церковной службы. «Независимо отъ окружныхъ посланій къ священникамъ,—продолжаетъ маркизъ Феррьеръ,—по деревнямъ распространяли инструкціи для народа. Его учили, что онъ не долженъ обращаться за совершеніемъ обрядовъ къ конституціоннымъ священникамъ, которыхъ называли самозванцами; что одно присутствіе при этихъ обрядахъ должно считаться смертнымъ грѣхомъ; что обвѣнчанные священникомъ-самозванцемъ не будутъ признаны за обвѣнчанныхъ и навлекутъ проклятіе на себя и на своихъ дѣтей; что съ самозванцами не должно имѣть никакого общенія, также какъ и съ тѣми, кто отдѣлился отъ церкви; что муниципальные чиновники, вводившіе въ должность священниковъ-самозванцевъ, становились такими же отступниками, какъ и они сами; что въ самую минуту ихъ вступленія пономари и дьячки должны отказываться отъ этой должности... Эти фанатическія посланія подѣйствовали на народъ такъ, какъ ожидали епископы: повсюду вспыхнула религіозная смута». Особенно сильны были волненія въ Кальвадосѣ, въ Жеводанѣ и въ Вандеѣ. Эти провинціи были расположены въ пользу революціи, потому что среднее просвѣщенное сословіе было тамъ довольно малочисленно, а народъ находился въ зависимости отъ духовенства и дворянства. Встревоженные жирондисты хотѣли принять строгія мѣры противъ эмиграціи и неприсягавшаго духо-

венства, возстававшаго противъ существующаго порядка. Бриссо предложилъ остановить эмиграцію, отказавшись отъ системы кротости и снисходительности, которой, говорилъ онъ, слѣдовали до той поры въ отношеніи къ эмигрантамъ. Онъ различалъ три рода эмигрантовъ: 1) главныхъ вождей, во главѣ которыхъ ставилъ двухъ братьевъ короля; 2) должностныхъ лицъ, покидавшихъ свои посты и свою родину и старавшихся склонить къ тому же своихъ сослуживцевъ; 3) частныхъ лицъ, которыя изъ опасенія за свою жизнь, по враждѣ къ революціи или по другимъ побужденіямъ покидали отечество, но не вооружались противъ него. Онъ требовалъ строгихъ мѣръ противъ двухъ первыхъ классовъ и благоразумной снисходительности въ отношеніи къ третьему. Что касается лицъ духовнаго званія, отказывавшихся отъ принесенія присяги и возбуждавшихъ смуты, то нѣкоторые жирондисты совѣтовали только подвергнуть ихъ строгому надзору; другіе признавали необходимымъ изгнать ихъ изъ предѣловъ государства. «Всякій примирительный путь отнынѣ безполезенъ,—говорилъ пылкій Иснаръ:—спрашиваю, къ чему привели постоянныя прощенія? Смѣлость вашихъ враговъ только растетъ по мѣрѣ вашей снисходительности; они перестанутъ вредить вамъ лишь тогда, когда не найдутъ болѣе средствъ къ этому. Они должны быть или побѣдителями, или побѣжденными,—вотъ въ чемъ дѣло, и всякій, кто не видитъ этой великой истины, по моему мнѣнію, не понимаетъ ничего въ политикѣ».

Конституціоналисты противились всѣмъ этимъ мѣрамъ,—они не отрицали опасности, но считали подобные законы произволомъ. Они говорили, что прежде всего слѣдуетъ соблюдать конституцію и ограничиться одними предупредительными мѣрами, что достаточно стать въ оборонительное положеніе относительно эмигрантовъ и подождать наказаніемъ непокорнаго духовенства, пока не откроется дѣйствительныхъ заговоровъ съ его стороны. Они не совѣтовали нарушать закона даже относительно враговъ, чтобы не увлечься по этому пути, на которомъ часто трудно остановиться, и не погубить революціи тѣмъ же, чѣмъ погубилъ себя старый порядокъ, т. е. несправедливостью. Но собраніе, считавшее спасеніе государства важнѣе точнаго соблюденія закона, понимавшее всю опасность колебаній и притомъ же возбуждаемое страстями, которыя увлекаютъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ, не остановилось передъ такими соображеніями. 30-го октября оно утвердило съ общаго согласія декретъ относительно старшаго брата короля, Людовика-Станислава-Ксавье. Этому принцу предписывалось, на основаніи конституціи, возвратиться во Францію въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; въ противномъ случаѣ, онъ лишался, по истеченіи этого срока, своихъ правъ на регентство. Но когда дѣло дошло до декретовъ противъ эмигрантовъ и священниковъ, согласіе собранія нарушилось. 9-го ноября оно постановило, что французы, собравшіеся за-границею, запо-

дозрѣнiе въ заговорѣ противъ родины; что если они не разойдутся къ 1-му января 1792 г., то съ ними будетъ поступлено, какъ съ заговорщиками: они будутъ подлежать смертной казни, и послѣ заочнаго осужденiя ихъ доходы съ ихъ имѣнiй будутъ взиматься въ пользу нацiи, безъ нарушенiя, впрочемъ, правъ ихъ женъ, дѣтей и законныхъ кредиторовъ. 29-го числа того же мѣсяца собранiе утвердило почти подобный декретъ и противъ отступнаго духовенства, которому предписывалось принести гражданскую присягу подъ страхомъ лишенiя пенсiй и заподозрѣнiя въ мятежныхъ замыслахъ. Въ случаѣ новаго отказа съ его стороны, оно должно быть подвергнуто строгому надзору; еслибы въ приходѣ одного изъ священниковъ, подходящихъ подъ эту категорiю, возникли религiозныя смуты, онъ долженъ быть привезенъ въ главный городъ департамента; если онъ будетъ уличенъ въ подстрекании къ непокорности, онъ долженъ подлежать тюремному заключенiю.

Король утвердилъ декретъ относительно своего брата, но на два послѣднiе наложилъ свое veto. Незадолго передъ тѣмъ онъ явно отрекся отъ эмиграцiи и написалъ принцамъ, чтобы они вернулись во Францiю. Онъ приглашалъ ихъ послѣдовать этому совѣту во имя спокойствiя родины, во имя привязанности и повиновенiя, которыми они были обязаны ему, какъ брату и королю. Онъ говорилъ въ заключенiе этого письма: «Я буду навсегда благодаренъ вамъ, если вы избавите меня отъ необходимости дѣйствовать противъ васъ во исполненiе того, на что я твердо рѣшился». Эти благоразумные совѣты остались безъ послѣдствiй. Осуждая поведенiе эмигрантовъ, Людовикъ XVI не соглашался, однако, утвердить принятыхъ противъ нихъ мѣръ. Его поддерживали въ этомъ отказѣ конституцiоналисты и директорiя департамента,—и поддержка ихъ была для него не безполезна въ такую минуту, когда онъ являлся въ глазахъ народа соучастникомъ эмиграцiи, возбуждалъ неудовольствiе жирондистовъ и отдѣлялся отъ собранiя. Ему слѣдовало бы тѣсно сблизиться съ конституцiоналистами, такъ какъ онъ взывалъ къ конституцiи противъ эмигрантовъ въ своихъ письмахъ и соблюдалъ ее противъ революцiонеровъ, пользуясь предоставленными ему правами. Положенiе его могло упрочиться только тогда, еслибы онъ чистосердечно подчинился первой революцiи и стоялъ бы за дѣло буржуазiи, какъ за личное свое дѣло. Но дворъ и не думалъ покориться: онъ продолжалъ томиться ожиданiемъ лучшихъ временъ, а это мѣшало ему дѣйствовать въ одномъ направленiи и заставляло обращать взоры надежды во всѣ стороны. Онъ продолжалъ сношенiя съ Европой и ждалъ было иногда отъ ея вмѣшательства; вмѣстѣ съ министрами онъ интриговалъ противъ народной партiи и пользовался фельянами—хоть и съ большимъ недовѣрiемъ—противъ жирондистовъ. Онъ разсчитывалъ всего больше на ловкiе происки Бертрана де Мольвиля, руководив-

наго тогда совѣтомъ короля. Этотъ министръ учредилъ французскій клубъ, члены котораго состояли у него на жалованьѣ; онъ покупалъ рукоплесканія трибунъ въ собраніи, надѣясь этою поддѣлкою подъ революцію побѣдить истинную революцію. Цѣль его заключалась въ томъ, чтобы обмануть партіи и, соблюдая букву конституціи, уничтожить ея результаты.

Слѣдуя этой системѣ, дворъ выказалъ неосторожность даже относительно конституціоналистовъ; вмѣсто того, чтобы поддерживать ихъ, онъ способствовалъ, въ ущербъ имъ, назначенію Петіона на должность мэра. Безкорыстіе, оказанное Учредительнымъ Собраніемъ, побудило всѣхъ, кто занималъ въ продолженіе его сессіи общественныя должности, подать въ отставку. Лафайетъ отказался 8-го октября отъ званія главнокомандующаго національной гвардіей, а Байи, вслѣдъ за тѣмъ,—отъ должности мэра. Конституціоналисты предлагали Лафайета на должность мэра, нѣкоторымъ образомъ первую въ государствѣ, такъ какъ мэръ имѣетъ возможность возбуждать или предупреждать восстанія въ Парижѣ. До тѣхъ поръ эта должность была въ рукахъ конституціоналистовъ, для которыхъ она послужила средствомъ къ подавленію движенія на Марсовомъ полѣ. Потерявъ управленіе собраніемъ, начальство надъ національною гвардіею, они потеряли теперь и муниципальную власть. Дворъ направилъ въ пользу Петіона, кандидата жирондистовъ, всѣ голоса, которыми онъ располагалъ. «Г-нъ Лафайетъ желаетъ быть мэромъ Парижа только для того, чтобы сдѣлаться вслѣдъ за тѣмъ палатнымъ мэромъ,—говорила королева Бертрану де-Мольвилю.—Петіонъ—якобинецъ, республиканецъ; но онъ глупъ и не способенъ быть вождемъ партіи». Петіонъ былъ избранъ на должность мэра 14-го ноября, большинствомъ 6.708 голосовъ изъ 10.632 избирателей.

Жирондисты, которымъ избраніе Петіона дало рѣшительный перевѣсъ, не ограничились этимъ успѣхомъ. Франція не могла дольше оставаться въ такомъ опасномъ и переходномъ положеніи; декреты, которые должны были, справедливо или несправедливо, обезпечить революцію, были отвергнуты королемъ и не были замѣнены никакою правительственною мѣрою; министерство выказывало вражду, можетъ быть, преднамѣренную безпечность. Вслѣдствіе этого жирондисты обвиняли министра внутреннихъ дѣлъ, Делессара, въ томъ, что онъ компрометируетъ честь и безопасность націи тономъ своихъ переговоровъ съ иностранными державами, своею медленностью и неспособностью. Они рѣзко возстали также и противъ военнаго министра Дю-Портайля и противъ морского министра Бертрана де-Мольвиля, не принимавшихъ никакихъ мѣръ для защиты границъ и береговъ. Но болѣе всего было возбуждено народное негодованіе враждебнымъ образомъ дѣйствій курфюрстовъ Трирскаго и майнцскаго и епископа шпейерскаго, благопріятствовавшихъ военнымъ сборищамъ эмигрантовъ. Дипломатическій ко-

митетъ предложилъ объявить королю, что онъ исполнитъ желаніе націи, если потребуетъ отъ пограничныхъ государей, чтобы они разсѣяли въ трехнедѣльный срокъ сборища эмигрантовъ, и если соберетъ необходимыя силы для того, чтобы заставить ихъ уважать международное право. Этою важною мѣрою жирондисты желали заставить Людовика XVI принять торжественное обязательство передъ лицомъ Европы и заявить регенсбургскому сейму и европейскимъ дворамъ твердыя намѣренія Франціи.

Иснаръ защищалъ на трибунѣ этотъ проектъ. «Станемъ,—сказалъ онъ,—на всю высоту нашего призванія; обратимся съ приличною намъ твердостью къ министрамъ и скажемъ имъ, что до сихъ поръ нація не совсѣмъ довольна образомъ дѣйствія каждаго изъ нихъ; что отнынѣ они должны выбирать между общественною признательностью и мщеніемъ законовъ, и что подъ словомъ «отвѣтственность» мы разумѣемъ смерть. Скажемъ королю, что его собственный интересъ требуетъ защиты конституціи; что онъ царствуетъ для народа и по позволенію народа; что нація выше его, и что онъ подчиненъ закону. Скажемъ Европѣ, что французскій народъ, однажды извлекши мечъ, заброситъ ножны; что онъ пойдетъ искать ихъ только увѣнчанный лаврами побѣды; что если европейскіе кабинеты побудятъ государей къ войнѣ съ народами, то мы побудимъ народы къ отчаянной войнѣ съ государями. Скажемъ Европѣ, что всѣ войны, происходящія между народами по приказанію деспотовъ»... его прервали рукоплесканіями; онъ восклицаетъ: «Не рукоплещите, не рукоплещите: уважайте мой энтузіазмъ,—это энтузіазмъ свободы. Скажемъ всей Европѣ, что войны между народами, происходящія по приказанію деспотовъ, подобны ударамъ, которые друзья, подстрекаемые предателемъ, наносятъ впотьмахъ одинъ другому. Какъ только покажется свѣтъ, они бросятъ оружіе, обнимутся и накажутъ того, кто ихъ обманывалъ. Если въ ту минуту, когда съ нами будутъ сражаться враждебныя арміи, глаза ихъ озаритъ свѣтъ философіи—народы обнимутся передъ лицомъ низвергнутыхъ тирановъ, передъ лицомъ утѣшенной земли и удовлетвореннаго неба».

Собраніе восторженно и единогласно утвердило предложенную мѣру и отправило 29-го ноября депутацію къ королю. Главою этой депутаціи былъ Вобланъ. «Государь,—сказалъ онъ Людовику XVI,—едва Національное Собраніе обратило взоры на положеніе государства, какъ усмотрѣло, что источникъ смутъ, которыя продолжаютъ волновать его, лежитъ въ приготовленіяхъ французскихъ эмигрантовъ. Дерзость ихъ находитъ поддержку со стороны германскихъ государей, нарушающихъ свои договоры съ Франціей и какъ будто забывающихъ, что они обязаны ей вестфальскимъ миромъ, который гарантируетъ ихъ права и безопасность. Эти враждебныя приготовленія, эти угрозы вторгнуться во Францію вызываютъ вооруженія, поглощающія огромныя суммы, которыя нація охотно вручила бы

своимъ претензіямъ. Ваше дѣло, государь, положить конецъ этому положенію; ваше дѣло заговорить съ иностранными державами языкомъ, подобающимъ королю французовъ! Скажите имъ, что повсюду, гдѣ затѣвается что-либо враждебное Франціи, она можетъ видѣть только враговъ своихъ; что мы свято соблюдемъ нашу клятву не дѣлать никакихъ завоеваній; что мы предлагаемъ государямъ доброе сосѣдство, ненарушимую дружбу свободнаго и могущественнаго народа; что мы готовы уважать ихъ законы, обычаи, учрежденія; но мы желаемъ, чтобы и наши учрежденія уважались. Скажите имъ, наконецъ, что если германскіе государи будутъ продолжать покровительствовать враждебнымъ для Франціи приготовленіямъ, то французы придутъ къ нимъ не съ мечомъ и огнемъ, а со свободой! Пусть они сами соображаютъ, какія послѣдствія будетъ имѣть такое пробужденіе народовъ».

Людовикъ XVI отвѣчалъ, что онъ серьезно обдумаетъ предложеніе собранія, и спустя нѣсколько дней явился лично сообщить ему принятое имъ на этотъ счетъ рѣшеніе. Оно было сообразно съ общимъ желаніемъ. Король заявилъ, среди всеобщаго одобренія, свое намѣреніе дать знать трирскому курфюрсту и другимъ, что если до 15-го января не прекратятся въ ихъ владѣніяхъ сборища и приготовленія французскихъ эмигрантовъ, то онъ будетъ считать курфюрстовъ своими врагами. Король прибавилъ, что онъ напишетъ императору, чтобы онъ, какъ глава имперіи, употребилъ свою власть къ предупрежденію несчастій, которыя могло бы повлечь за собою дальнѣйшее упорство нѣкоторыхъ членовъ германскаго союза. «Если меня не послушаютъ,—сказалъ онъ,—тогда, господа, мнѣ останется только объявить войну—войну, которой никогда не предприметъ безъ необходимости народъ, торжественно отказавшійся отъ завоеваній, но которую сумѣетъ выдержать свободная и великодушная нація, когда этого потребуютъ ея честь и безопасность».

Переговоры короля съ имперскими князьями были поддержаны военными приготовленіями. 6-го декабря военный министръ Дю-Порталь былъ замѣненъ Нарбонномъ, избраннымъ изъ среды фельяновъ. Нарбоннъ, человѣкъ молодой, дѣятельный, честолюбивый, жаждавшій отличиться торжествомъ своей партіи и защитою революціи, немедленно отправился на границы. Объявленъ былъ наборъ въ полтораста тысячъ человѣкъ; собраніе опредѣлило для этой цѣли двадцать милліоновъ чрезвычайныхъ фондовъ; организованы были три арміи подъ начальствомъ Рошамбо, Люкнера и Лафайета; графъ Прованскій, графъ д'Артуа, принцъ Конде были преданы суду, по обвиненію *въ покушеніи и заговорѣ противъ общей безопасности государства и конституціи*. Имѣнія ихъ были секвестрованы, и такъ какъ срокъ, положенный передъ тѣмъ для возвращенія во Францію графа Прованскаго, уже истекъ, то его лишили права на регентство.

Курфюрстъ трирскій обязался разсѣять сборища и не допускать ихъ болѣе. Однако, все ограничилось однимъ призракомъ распущенія военной силы эмигрантовъ. Австрія предписала маршалу Бендеру защищать курфюрста въ случаѣ нападенія и утвердила постановленія регенсбургскаго сейма. Сеймъ потребовалъ возстановленія *владѣтельныхъ князей* въ ихъ правахъ (на имѣнія, принадлежавшія имъ во Франціи), не согласился на денежное вознагражденіе ихъ и оставилъ Франціи на выборъ или возстановленіе феодальной системы въ Эльзасѣ, или войну. Эти двѣ мѣры вѣнскаго кабинета были не совсѣмъ миролюбиваго свойства. Войска его приближались къ нашимъ границамъ и доказывали еще яснѣе, что не слѣдовало довѣрять его бездѣйствію. Въ Нидерландахъ ихъ стояло пятьдесятъ тысячъ, въ Брейсгау—шесть тысячъ, да тридцать тысячъ шло изъ Богеміи. Эта сильная обсерваціонная армія могла каждую минуту обратиться въ армію наступательную.

Собраніе чувствовало, что необходимо заставить императора рѣшиться на что-нибудь окончательно. Оно смотрѣло на курфюрстовъ, какъ на его ширмы, а на эмигрантовъ, какъ на орудіе его, такъ какъ князь Кауницъ признавалъ законнымъ *союзъ государей, соединившихся для безопасности и чести своихъ коронъ*. Жирондисты рѣшились предупредить этого опаснаго соперника, чтобы не дать ему времени еще лучше приготовиться. Они потребовали, чтобы онъ высказался прямо, отчетливо до 10-го февраля о своихъ истинныхъ цѣляхъ относительно Франціи. Въ то же время они стали преслѣдовать тѣхъ министровъ, на которыхъ нельзя было разсчитывать въ случаѣ войны. Въ особенности давали имъ поводъ къ этому неспособность Делессара и интриги Бертрана де-Мольвиля; они пощадили одного Нарбонна. Стремленія жирондистовъ способствовали несогласія въ совѣтѣ, наполовину враждебномъ революціи, въ лицѣ Бертрана де-Мольвиля, Делессара и др., наполовину конституціонномъ—въ лицѣ Нарбонна и министра внутреннихъ дѣлъ Кайе де-Жервилля. Людямъ, державшимся такихъ противоположныхъ цѣлей и средствъ, нельзя было соглашаться: Бертранъ де-Мольвиль имѣлъ сильныя столкновенія съ Нарбонномъ, требовавшимъ отъ товарищей своихъ прямодушнаго и рѣшительнаго поведенія и желавшимъ, чтобы собраніе было должной опорой для трона. Нарбоннъ палъ въ этой борьбѣ, и отставка его повлекла за собою распаденіе министерства. Жирондисты обвинили Бертрана де-Мольвиля и Делессара: первый сумѣлъ оправдаться, но послѣдній былъ преданъ верховному орлеанскому суду.

Король, устрашенный нападеніемъ собранія на членовъ своего совѣта и въ особенности преданіемъ суду Делессара, не нашелъ иного выхода, кромѣ избранія новыхъ министровъ изъ среды побѣдителей. Свобода и тронъ могли быть спасены только союзомъ съ тогдашними вождями революціи, союзомъ, который возстановилъ бы согласіе между собраніемъ, королевскою властью и муниципали-

тетомъ. Если бы этотъ совѣтъ оказался прочнымъ, жирондисты совершили бы заодно съ дворомъ то, что послѣ разрыва съ нимъ они считали возможнымъ совершить только безъ него. Членами министерства были назначены: Лакостъ—по морскому департаменту, Клавьеръ—по финансовому, Дюрантонъ—по юстиціи, де-Гравъ, вскорѣ замѣненный Серваномъ,—по военному департаменту, Дюмурье—по департаменту иностранныхъ дѣлъ и Роланъ—по департаменту внутреннихъ дѣлъ. Послѣдніе два были самыми замѣчательными и значительными людьми въ совѣтѣ министровъ.

Дюмурье было сорокъ семь лѣтъ, когда началась революція; до тѣхъ поръ онъ проводилъ жизнь въ интригахъ и слишкомъ хорошо помнилъ объ этомъ въ такое время, когда мелкія средства можно было употреблять лишь для того, чтобы помогать ими великимъ, а не для того, чтобы замѣнить ими послѣднія. Первую половину своей политической карьеры онъ провелъ въ томъ, что искалъ случаевъ выйти въ люди; въ продолженіе второй онъ изыскивалъ средства, какъ бы удержаться на мѣстѣ. Царедворецъ до 1789 г., конституціоналистъ во время перваго собранія, жирондистъ во время второго, якобинецъ во время республики,—онъ мѣнялъ роль сообразно съ обстоятельствами. Но Дюмурье обладалъ всѣми качествами высоко даровитыхъ натуръ: предпріимчивостью, неутомимою дѣятельностью, быстрымъ, вѣрнымъ и широкимъ взглядомъ, страстной энергіей и необыкновенною увѣренностью въ успѣхѣ; при этомъ онъ былъ открытаго и легкаго нрава, остроуменъ, смѣлъ, одинаково способенъ и къ интригамъ партій, и къ военному дѣлу, находчивъ, надѣленъ изумительнымъ тактомъ и искусствомъ дѣйствовать кстати. Онъ умѣлъ подчиняться обстоятельствамъ съ тѣмъ, чтобы измѣнить ихъ. Правда, эти высокія качества были омрачены недостатками: Дюмурье былъ опрометчивъ, легкомысленъ и крайне непостояненъ въ мысляхъ и средствахъ, вслѣдствіе постоянной потребности въ движеніи и интригахъ. Но главнымъ порокомъ Дюмурье было полное отсутствіе политическихъ убѣжденій. Во время революціи, не будучи человѣкомъ партіи, ничего нельзя сдѣлать ни для свободы, ни для власти; ничего также не сдѣлаешь въ это время и съ однимъ честолюбіемъ, если не смотришь дальше непосредственной цѣли и не желаешь сильнѣе своихъ единомышленниковъ. Кромвель и Бонапартъ хорошо это понимали; Дюмурье, бывшій орудіемъ партій, думалъ одержать надъ ними побѣду интригами. Ему недоставало страстнаго увлеченія революціонной эпохи, которое дополняетъ натуру человѣка и одно только можетъ подчинить ему другихъ.

Роланъ былъ противоположностью Дюмурье: свобода застала этого человѣка совершенно готовымъ, словно сформированнымъ для нея. Роланъ былъ человѣкъ простой въ обращеніи, строгихъ правилъ и непоколебимыхъ убѣжденій; онъ восторженно любилъ свободу и былъ способенъ безкорыстно посвятить ей всю свою жизнь,

или погибнуть за нее, безъ тщеславія и сожалѣнія. Этотъ человѣкъ заслуживалъ того, чтобы родиться въ республикѣ, но во время революціи онъ былъ не на своемъ мѣстѣ и мало способенъ былъ выдерживать смуты и борьбу партій; дарованія его были не особенно блестящія, характеръ нѣсколько упрямъ; онъ не былъ способенъ ни угадывать людей, ни управлять ими. При всемъ своемъ трудолюбіи, значительности образованія, онъ прошелъ бы едва замѣченнымъ безъ своей жены. Всѣмъ тѣмъ, чего ему недоставало, надѣлена была она: силою, ловкостію, возвышенностію характера, предусмотрительностію. Г-жа Роланъ была душою жиронды; вокругъ нея соединялись всѣ блестящіе и смѣлые люди этой партіи для совѣщанія о нуждахъ и опасностяхъ родины; она подстрекала на дѣятельность тѣхъ, которые способны были дѣйствовать, и посылала на трибуну тѣхъ, которыхъ знала за людей краснорѣчивыхъ.

Дворъ назвалъ это министерство, составленное въ мартѣ мѣсяцѣ, министерствомъ санкюлотовъ. Когда Роланъ явился въ первый разъ во дворецъ, вопреки правиламъ этикета, въ башмакахъ со шнурками и въ круглой шляпѣ, церемоніймейстеръ не хотѣлъ принять его. Принужденный впустить его, онъ сказалъ Дюмурье, указывая на Ролана: «Боже мой, башмаки безъ пряжекъ!»— «Ахъ, все погибло!»—возразилъ Дюмурье съ величайшимъ хладнокровіемъ. Вотъ чѣмъ занимались еще при дворѣ! Первою мѣрою новаго министерства была война. Положеніе Франціи становилось все болѣе опаснымъ: можно было ожидать всего отъ враждебнаго расположенія Европы. Леопольдъ умеръ, и смерть его могла только ускорить рѣшеніе вѣнскаго кабинета. Молодой преемникъ его, Францъ II, былъ менѣе миролюбивъ или менѣе остороженъ. Австрія уже собирала войска, опредѣляла для нихъ сборные пункты, назначала генераловъ; она вторглась въ базельскія владѣнія и поставила гарнизонъ въ Поррантрюи, чтобы упрочить за собою доступъ въ дубскій департаментъ. Не оставалось никакого сомнѣнія въ ея замыслахъ. Кобленцскія сборища возобновлялись еще въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ прежде: вѣнскій кабинетъ разсѣялъ на время эмигрантовъ, собравшихся въ бельгійскихъ провинціяхъ, лишь для того, чтобы предупредить вторженіе въ эту страну, къ отпору которого онъ еще не приготовился; онъ желалъ только соблюсти приличія, а въ сущности допускалъ въ Брюсселѣ цѣлый генеральный штабъ эмигрантовъ, въ мундирахъ и съ бѣлыми кокардами. Наконецъ, отвѣты князя Кауница на затребованныя объясненія были вовсе неудовлетворительны. Онъ даже отказывался вести прямые переговоры, и баронъ Кобенцель отвѣчалъ, что Австрія не отступитъ отъ предъявленныхъ условій. Возстановленіе монархіи на основаніяхъ королевскаго засѣданія 23-го іюня, возвращеніе духовенству всѣхъ его имуществъ, германскимъ князьямъ—эльзасскихъ владѣній со всѣми ихъ правами, возвращеніе папѣ Авиньона и графства Венессенъ—таковъ былъ ультиматумъ Австріи. Соглашеніе сдѣлалось

невозможнымъ: нечего было и разсчитывать на поддержаніе мира. Франціи грозила участь, незадолго передъ тѣмъ постигшая Голландію, а можетъ быть, даже и участь Польши. Весь вопросъ состоялъ теперь въ томъ, дожидаться ли войны или ускорить ее, воспользоваться ли энтузіазмомъ народа или дать простыть ему. Настоящій зачинщикъ войны не тотъ, кто объявляетъ ее, а тотъ, кто дѣлаетъ ее необходимою.

20-го апрѣля Людовикъ XVI явился въ собраніе въ сопровожденіи всѣхъ своихъ министровъ. «Я пришелъ, господа,—сказалъ онъ,—въ Національное Собраніе по крайне важному дѣлу, которое требуетъ всего вниманія народныхъ представителей. Мой министръ иностранныхъ дѣлъ прочтетъ вамъ докладъ о нашемъ политическомъ положеніи, представленный имъ совѣту министровъ». Дюмурье изложилъ вслѣдъ за тѣмъ основанія къ жалобамъ Франціи на Австрію: объяснилъ цѣль конференцій въ Мантуѣ, Рейхенбахѣ и Пильницѣ; указалъ на коалицію противъ французской революціи, организованную Австріею, на ея усиленныя вооруженія, на явное покровительство, оказываемое ею корпусу эмигрантовъ, на повелительный тонъ и умышленную медленность, съ которыми она ведетъ переговоры, наконецъ, на невыносимыя условія ультиматума. Враждебный образъ дѣйствій короля Венгріи и Богеміи (Францъ II еще не былъ избранъ въ императоры), чрезвычайныя условія, въ которыхъ находилась нація, ея рѣшительно выраженное желаніе не терпѣть ни обидъ, ни посягательствъ на какое бы то ни было изъ правъ ея, честь и искренность Людовика XVI, обязаннаго печься о достоинствѣ и безопасности Франціи,—таковы были мотивы, изъ которыхъ Дюмурье выводилъ необходимость войны съ Австріей. Людовикъ XVI сказалъ тогда не совсѣмъ твердымъ голосомъ: «Вамъ извѣстенъ теперь, господа, результатъ моихъ переговоровъ съ Вѣною. Заключеніе доклада выражаетъ единодушное мнѣніе членовъ моего совѣта; я и самъ раздѣляю это мнѣніе. Оно согласно съ заявленною мнѣ неоднократно волею Національнаго Собранія и съ чувствами, выраженными мнѣ множествомъ гражданъ изъ различныхъ частей государства; всѣ они предпочитаютъ войну дальнѣйшему униженію достоинства французскаго народа и постоянной опасности, грозящей націи. Я долженъ былъ предварительно истощить всѣ средства къ поддержанію мира. Сегодня я предлагаю собранію, на основаніи конституціи, войну съ королемъ Венгріи и Богеміи». Слова короля вызвали нѣсколько рукоплесканій, но торжественность этой минуты и важность принимаемаго рѣшенія внушили всѣмъ безмолвное и сосредоточенное чувство. По уходѣ короля собраніе назначило на вечеръ того же дня чрезвычайное засѣданіе, въ которомъ рѣшено было единогласно объявить войну. Такимъ образомъ была предпринята война съ одною изъ главныхъ союзныхъ державъ,—война, длившаяся около четверти вѣка, упрочившая побѣдоносную революцію и измѣнившая самый видъ Европы.

Вся Франція съ восторгомъ приняла это извѣстіе. Война дала новый толчокъ и безъ того уже взволновавшемуся народу. Округа, муниципалитеты, народныя общества присылали адресы; нація выставляла рекрутъ, дѣлала добровольныя приношенія, ковала пики и какъ будто вся поднялась на ноги, вызывая нападенія Европы, или сама готовая напасть на все. Но для организаціи войска недостаточно одного энтузіазма, хотя онъ и даетъ надежду на побѣду; въ ожиданіи формированія новыхъ рекрутъ, при открытіи похода можно было расчитывать на одни только регулярныя войска. Положеніе французскихъ военныхъ силъ было слѣдующее: обширная граница отъ Дюнкирхена до Базеля была охраняема тремя большими корпусами. На лѣвомъ флангѣ, отъ Дюнкирхена до Филиппвиля, стояла сѣверная армія, въ сорокъ тысячъ человѣкъ пѣхоты и въ восемь тысячъ конницы, подъ начальствомъ маршала Рошамбо. Центральною арміей командовалъ Лафайетъ; она состояла изъ сорока пяти тысячъ пѣхоты и изъ семи тысячъ конницы и была расположена отъ Филиппвиля до линій Вейссенбурга. Наконецъ, рейнская армія, изъ тридцати пяти тысячъ человѣкъ пѣхоты и восьми тысячъ конницы, подъ начальствомъ маршала Люкнера, занимала пространство отъ вейссенбургскихъ линій до Базеля. Альпійская и пиренейская границы были ввѣрены генералу Монтескью, армія котораго была незначительна; но съ этой стороны Франціи еще не грозила опасность.

Маршалъ Рошамбо совѣтовалъ держаться въ оборонительномъ положеніи и охранять границы. Дюмурье, напротивъ, настаивалъ на томъ, чтобы и въ наступленіи, какъ въ объявленіи войны, иниціатива принадлежала Франціи, и чтобы Франція воспользовалась своимъ выгоднымъ положеніемъ, т. е. готовностью къ войнѣ прежде непріятеля. Дюмурье былъ очень предпріимчивъ, а такъ какъ онъ руководилъ военными операціями, хотя и былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, то и настоялъ на своемъ планѣ. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы быстро вторгнуться въ Бельгію. Эта провинція пыталась въ 1790 г. свергнуть австрійское иго и на нѣкоторое время восторжествовала, но потомъ была вновь покорена превосходными силами. Дюмурье полагалъ, что брабантскіе патріоты поддержатъ французовъ, какъ своихъ освободителей. Съ этою цѣлью онъ задумалъ тройное вторженіе. Двое генераловъ, Теобальдъ Дильонъ и Биронъ, командовавшіе войсками во Фландріи, подъ главнымъ начальствомъ Рошамбо, получили предписаніе двинуться: одинъ, съ четырмя тысячами человѣкъ, отъ Лилля на Турне; другой, съ десятью тысячами, изъ Валансьена на Монсъ. Въ то же время Лафайетъ съ частью своей арміи выступилъ изъ Меца и направился форсированнымъ маршемъ къ Намюру, чрезъ Стене, Седанъ, Мезьеръ и Живе. Но для выполненія этого плана необходимо было имѣть привычныхъ уже солдатъ, а не новичковъ, изъ которыхъ состояла армія, и кромѣ того требовалось такое

единства дѣйствій со стороны полководцевъ, какого трудно было ожидать въ настоящемъ случаѣ. Къ тому же наступательные корпуса были недостаточно сильны для такого предпріятія. Едва Тебальдъ Диллонъ перешелъ границу и встрѣтилъ 28-го апрѣля непріятеля, какъ солдатами его овладѣлъ паническій страхъ. Въ рядахъ раздался крикъ: *спасайся, кто можетъ!* и Диллонъ былъ увлеченъ своими солдатами, которые при этомъ умертвили его. То же самое и при тѣхъ же обстоятельствахъ произошло въ отрядѣ Бирона, который также былъ вынужденъ въ безпорядкѣ ретироваться на прежнюю позицію. Это внезапное бѣгство обѣихъ колоннъ слѣдуетъ приписать или робости солдатъ, еще не бывшихъ въ дѣлѣ, или недовѣрію къ полководцамъ, или злонамѣреннымъ людямъ, поднявшимъ крикъ объ измѣнѣ.

Лафайетъ прибылъ въ Бувинъ, сдѣлавъ по дурнымъ дорогамъ пятьдесятъ миль въ нѣсколько дней, и узналъ тамъ о неудачахъ въ Валансьеннѣ и въ Лиллѣ; убѣдившись, что вторженіе не удалось, онъ основательно расчелъ, что ему ничего болѣе не остается дѣлать, какъ отступать. Рошамбо жаловался на *опрометчивость и непослѣдовательность* мѣръ, которыя были предписаны ему самымъ положительнымъ образомъ. Онъ подалъ въ отставку, *не желая быть страдательнымъ орудіемъ министровъ въ такомъ дѣлѣ, которымъ онъ самъ долженъ бы руководить*. Съ этого времени французская армія снова приняла оборонительное положеніе. Охраненіе границы было раздѣлено между двумя большими корпусами, изъ которыхъ одинъ, подъ начальствомъ Лафайета, тянулся отъ моря до Лонгви, а другой, подъ начальствомъ Люкнера, отъ Мозеля до Юры. Лафайетъ поручилъ лѣвое крыло своей арміи Артуру Диллону; правое крыло его прилегало къ арміи Люкнера, помощникомъ котораго на Рейнѣ былъ Биронъ. Въ такомъ положеніи французы ожидали союзниковъ.

Между тѣмъ первыя неудачи усилили разрывъ между фельянами и жирондистами. Генералы приписывали эти неудачи плану Дюмурье; министерство — тому способу, какимъ этотъ планъ былъ выполненъ генералами, назначенными еще при Нарбоннѣ и принадлежавшими къ партіи конституціоналистовъ. Якобинцы обвиняли противниковъ революціи въ томъ, что они причинили бѣгство криками: *спасайся, кто можетъ!* Подозрѣнія ихъ подтверждались нескрываемою радостью враговъ революціи, ихъ надеждою увидѣть вскорѣ появленіе союзниковъ въ Парижѣ, возвращеніе эмигрантовъ и возстановленіе стараго порядка. Подозрѣвали, что дворъ, усилившій наемную стражу короля до шести тысячъ, вмѣсто 1,800 человѣкъ, и набравшій ее изъ отъявленныхъ противниковъ революціи, былъ заодно съ коалиціею. Говорили о существованіи тайнаго комитета, подъ названіемъ *австрійскаго*, но доказать этого не могли. Недовѣріе дошло до высочайшей степени

Собраніе немедленно приняло мѣры, соотвѣтственныя духу господствовавшей въ немъ партіи: оно выступало на поприще войны и потому вынуждено было сообразовать свои дѣйствія не столько съ справедливостью, сколько съ общественною безопасностью. Оно объявило засѣданія свои постоянными, распустило наемную стражу короля; усиливавшіяся религіозныя смуты вынудили его декретировать изгнаніе непокорнаго духовенства, чтобы не имѣть въ одно время на рукахъ и войны съ коалиціей, и усмиренія внутренняго мятежа. Чтобы загладить послѣдствія пораженія и имѣть вблизи границъ резервную армію, оно утвердило 8-го іюня предложеніе военнаго министра Сервана о расположеніи подъ стѣнами Парижа лагеря въ двадцать тысячъ человѣкъ, собранныхъ изъ департаментовъ. Въ то же время собраніе старалось возбуждать умы революціонными празднествами и заботилось о вооруженіи толпы пиками, находя, что всякая помощь полезна во время такой великой опасности.

Всѣ эти мѣры прошли не безъ сопротивленія со стороны конституціоналистовъ. Они отвергали учрежденіе лагеря въ двадцать тысячъ человѣкъ, полагая, что это будетъ армія партіи, призванная дѣйствовать противъ національной гвардіи и трона. Штабъ національной гвардіи протестовалъ; составъ ея былъ немедленно измѣненъ въ пользу господствующей партіи. Въ національную гвардію включены были роты, вооруженныя пиками. Неудовольствіе конституціоналистовъ усилилось, такъ какъ эта мѣра вводила въ ихъ ряды низшее сословіе и была принята, казалось имъ, съ цѣлью оттереть буржуазію чернью. Наконецъ, они явно порицали изгнаніе священниковъ, видя въ этомъ не что иное, какъ произвольную карательную мѣру.

Съ нѣкоторыхъ поръ Людовикъ XVI обращался холоднѣе со своими министрами, которые также стали требовательнѣе относительно его. Они настаивали, чтобы онъ допустилъ къ своей особѣ присягнувшихъ священниковъ, подавъ такимъ образомъ примѣръ въ пользу гражданскаго устройства духовенства и уничтоживъ поводъ къ безпорядкамъ; но король отказывался настойчиво, рѣшившись не дѣлать болѣе никакихъ уступокъ въ дѣлѣ религіи. Послѣдніе декреты положили конецъ его союзу съ жирондою. Нѣсколько дней онъ умалчивалъ о нихъ и не выражалъ своего рѣшенія на этотъ счетъ. Въ это-то время Роланъ написалъ ему свое знаменитое письмо о конституціонныхъ обязанностяхъ короля и убѣждалъ его сдѣлаться искренно королемъ революціи, для успокоенія умовъ и для упроченія своей власти. Это письмо только сильнѣе раздражило Людовика XVI, уже рѣшившагося на разрывъ съ жирондистами. Его поддерживалъ Дюмурье, покинувшій свою партію и образовавшій, вмѣстѣ съ Дюрантономъ и Лакостомъ, партію въ министерствѣ противъ Ролана, Сервана и Клавьера. Но, какъ опытный честолюбецъ, Дюмурье совѣтовалъ Людовику XVI

отставить министровъ, на которыхъ онъ имѣлъ поводъ жаловаться, и въ то же время утвердить декреты, чтобы снискать себѣ популярность. Дюмурье выставлялъ ему декретъ противъ священниковъ, какъ мѣру, необходимую для ихъ собственной безопасности, потому что изгнаніе можетъ избавить ихъ отъ болѣе печальной судьбы; онъ брался предотвратить революціонныя послѣдствія отъ учрежденія двадцатитысячнаго лагеря, направляя батальоны его, по мѣрѣ ихъ прибытія, къ дѣйствующей арміи. На этихъ условіяхъ Дюмурье изъявилъ готовность принять военное министерство и выдержать напоръ своей собственной партіи; но король, отставивъ 13-го іюня министровъ, отвергъ вслѣдъ за тѣмъ и декреты, и Дюмурье уѣхалъ въ армію, только скомпрометировавъ себя. Собраніе выразило сожалѣніе отъ имени націи объ отставкѣ Ролана, Сервана и Клавьера.

Король избралъ новыхъ министровъ изъ среды фельяновъ. Сципіонъ Шамбона принялъ портфель иностранныхъ дѣлъ, Терье-Монсіель — внутреннихъ, Болье — финансовъ, Лажаръ — военныхъ дѣлъ; Лакостъ и Дюрантонъ остались пока въ министерствѣ юстиціи и морскомъ. Всѣ эти люди не имѣли ни имени, ни вліянія, и самая партія ихъ оканчивала свое существованіе. Конституціонное положеніе, при которомъ она могла господствовать, переходило все болѣе и болѣе въ революціонное. Была ли возможность для легальной и умѣренной партіи удержаться между двумя крайними и воинственными партіями, изъ которыхъ одна наступала извнѣ для уничтоженія революціи, а другая намѣревалась отстоять ее во что бы то ни стало? Фельяны были лишними при такомъ положеніи дѣлъ. Король, чувствовавшій ихъ слабость, разсчитывалъ, повидимому, въ то время на одну Европу, и Малле-Дюпанъ былъ отправленъ къ союзникамъ съ тайнымъ порученіемъ.

Между тѣмъ всѣ, кого опередила народная волна, и кто принадлежалъ къ первымъ временамъ революціи, соединились для поддержки этого слабаго ретрограднаго движенія. Монархисты, во главѣ которыхъ стояли Лалли-Толлендаль и Малуэ, два главнѣйшихъ члена партіи Мунье и Неккера; фельяны, руководимые прежнимъ тріумвиратомъ Дюпора, Ламета и Барнава; наконецъ, Лафайетъ, пользовавшійся чрезвычайно громкимъ конституціоннымъ именемъ, — пытались сдержать клубы и упрочить законный порядокъ и королевскую власть. Якобинцы находились въ сильномъ движеніи; вліяніе ихъ становилось огромнымъ; они стояли во главѣ народной партіи. Для того, чтобы нейтрализовать ихъ, надо было противопоставить имъ прежнюю партію буржуазіи, — но эта партія была разстроена, и сила ея уменьшалась съ каждымъ днемъ. Чтобы поднять ее, Лафайетъ написалъ 16-го іюня изъ лагеря въ Мобежѣ письмо собранію, въ которомъ обвинялъ партію якобинцевъ, требовалъ прекращенія господства клубовъ, независимости и упроченія конституціонной монархіи и убѣждалъ собраніе отъ своего имени, отъ имени своей

арміи и вождь друзей свободы, чтобы оно принимало только такія мѣры для общественной безопасности, которыя указаны закономъ. Это смѣлое письмо возбудило оживленные споры между лѣвою и правою сторонами собранія. Несмотря на чистыя и безкорыстныя побужденія, съ которыми было написано это письмо, оно показалось преждевременнымъ поступкомъ со стороны военнаго генерала, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи цѣлую армію; съ этого времени репутація Лафайета, которую до тѣхъ поръ щадили соперники его, подверглась нападеніямъ. Впрочемъ, поступокъ Лафайета, если смотрѣть на него съ чисто политической точки зрѣнія, былъ неумѣстенъ. Нельзя было еще болѣе подстрекать жиронду, изгнанную изъ министерства, остановленную на пути задуманныхъ ею мѣръ для общественной безопасности; не слѣдовало Лафайету, въ интересахъ его собственной партіи, тратить понапрасну свое вліяніе.

Жиронда намѣревалась, для своей безопасности и для безопасности революціи, возстановить свое вліяніе, не выходя изъ круга конституціонныхъ средствъ. Цѣль ея заключалась не въ томъ, чтобы низвергнуть короля, такъ какъ это было несвоевременно, а въ томъ только, чтобы снова склонить его на свою сторону. Для этого она прибѣгла къ повелительнымъ народнымъ адресамъ. Съ самаго объявленія войны податели адресовъ являлись съ оружіемъ въ рукахъ у рѣшетки Національнаго Собранія, предлагали себя въ защитники родины и получали разрѣшеніе пройти съ оружіемъ въ рукахъ черезъ залъ засѣданій. Такое снисхожденіе было неблагоразумно и нарушало смыслъ закона противъ сборищъ, но обѣ стороны находились въ чрезвычайномъ положеніи, обѣ прибѣгали къ противозаконнымъ средствамъ: дворъ—къ Европѣ, жиронда—къ народу. Народъ волновался очень сильно. Коноводы предмѣстій, въ томъ числѣ депутатъ Шабо, Сантерръ, мясникъ Лежандръ, Гонионъ, маркизъ де-Сентъ-Юрюгъ, приготовляли его въ продолженіе нѣсколькихъ дней къ революціонной демонстраціи, вродѣ той, которая не удалась на Марсовомъ полѣ. Приближалось 20-ое іюня, годовщина присяги въ Jeu de Paume. Подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы праздновать этотъ достопамятный день гражданскимъ торжествомъ и посадить дерево въ честь свободы, изъ предмѣстій Сентъ-Антуанъ и Сенъ-Марсо выступила вооруженная толпа въ восемь тысячъ человѣкъ и направилась къ собранію.

Прокуроръ-синдикъ Редереръ явился предупредить собраніе, а между тѣмъ мятежная толпа подошла къ дверямъ залы. Вожди ея потребовали, чтобы имъ дозволили подать прошеніе и пройти военнымъ маршемъ передъ собраніемъ. Между правою стороною, возстававшею противъ допущенія вооруженныхъ просителей, и лѣвою, требовавшею допущенія на основаніи прежнихъ примѣровъ, завязался жаркій споръ. Верньо согласился, что собраніе нарушаетъ всѣ принципы, допуская въ свою среду вооруженное сборище, но, входя въ разсмотрѣніе обстоятельствъ, объявилъ, что невозможно

отказать предстоящему сборищу въ дозволеніи, уже дарованномъ столькимъ другимъ. Не легко было противиться желаніямъ огромной, возбужденной толпы, которую поддерживала часть представителей. Народъ уже тѣснился въ коридорахъ, когда собраніе рѣшилось принять депутатовъ. Они были введены; ораторъ ихъ заговорилъ угрожающимъ тономъ. Онъ сказалъ, что народъ возсталъ и готовъ прибѣгнуть къ сильнымъ мѣрамъ,—къ мѣрамъ, подразумѣваемымъ въ декларацiи правъ, подъ выраженiемъ сопротивленiе притѣсненiю; что пусть враги собранія, если таковые имѣются въ немъ, оставятъ землю свободы и отправятся въ Кобленцъ; потомъ, дойдя до настоящей цѣли движенія, онъ прибавилъ: «Исполнительная власть не заодно съ вами; отставка министровъ-патріотовъ—лучшее тому доказательство. Итакъ, счастье свободнаго народа будетъ зависѣть отъ прихоти короля? Но можетъ ли король имѣть иную волю, кромѣ воли закона? Этого требуетъ народъ, а его голова стоитъ головы вѣнчаннаго деспота. Эта голова есть генеалогическое древо націи, и предъ такимъ сильнымъ дубомъ слабый тростникъ долженъ сгибаться! Мы жалуемся, господа, на бездѣйствіе нашихъ армій; мы требуемъ, чтобы вы узнали причину этого бездѣйствія; если оно исходитъ отъ исполнительной власти, то прочь ее».

Собраніе отвѣтило депутатамъ, что оно разсмотритъ ихъ прошеніе, и, напомнивъ имъ объ уваженіи къ закону и установленнымъ властямъ, позволило имъ пройти передъ нимъ военнымъ маршемъ. Тогда вся эта процессія, состоявшая приблизительно изъ тридцати тысячъ человѣкъ,—въ томъ числѣ женщинъ, дѣтей, національныхъ гвардейцевъ, людей съ пиками, знаменами и знаками самаго революціоннаго свойства,—прошла черезъ залъ собранія съ пѣніемъ знаменитаго припѣва **Ça ira** и съ криками: Да здравствуетъ нація! да здравствуютъ санкюлоты! Прочь veto! Шествіе открывали Сантерръ и Сентъ-Юрюгъ. По выходѣ изъ собранія процессія направилась къ дворцу; податели прошенія шли впереди. Наружныя двери дворца были отперты по приказанію короля; толпа ринулась въ нихъ и поднялась по лѣстницамъ во внутреннія комнаты. Въ то время, какъ она ломала двери топорами, король велѣлъ отпереть ихъ и предсталъ передъ толпою, сопровождаемый немногими лицами. На минуту народная волна остановилась передъ нимъ; но тѣ, кто были назади и кого не могло сдерживать присутствіе короля, продолжали напирать. Людовика XVI поставили изъ предосторожности въ амбразурѣ окна. Никогда не выказывалъ онъ такого мужества, какъ въ этотъ горестный день. Окруженный національною гвардіею, сдерживавшею вокругъ него толпу, онъ сидѣлъ на стулѣ, который поставили на столъ, чтобы ему было просторнѣе и чтобы народъ могъ его видѣть; король казался спокойнымъ и твердымъ. На крики, требовавшіе утвержденія декретовъ, онъ постоянно отвѣчалъ одно: «Не въ такую

минуту и не такимъ способомъ можно получить мое согласіе. Мужественно отвергнувъ то, что составляло главную цѣль движенія, король не счелъ нужнымъ противиться пустому для него символу, который, однако-жъ, въ глазахъ толпы былъ символомъ свободы: онъ надѣлъ красную шапку, протянутую ему на пикѣ. Толпа осталась очень довольна этой уступкой. Черезъ нѣсколько минутъ она разразилась рукоплесканіями, когда Людовикъ XVI, задыхаясь отъ жары и жажды, не колеблясь, выпилъ стаканъ вина, поданный ему полупьянымъ работникомъ. Между тѣмъ Верньо, Иснаръ и нѣсколько другихъ депутатовъ жиронды прибѣжали защитить короля, усовѣстить народъ и прекратить эти позорныя сцены. Собраніе, незадолго передъ тѣмъ разошедшееся, испуганное этимъ движеніемъ, поспѣшно собралось снова и отправило нѣсколько депутацій, одну вслѣдъ за другою, для защиты Людовика XVI. Наконецъ прибылъ и запоздавшій мэръ Петіонъ. Онъ всталъ на стулъ и началъ увѣщевать народъ мирно разойтись; народъ повиновался,—грубая и дерзкая толпа мятежниковъ, намѣревавшаяся добиться отъ короля утвержденія декретовъ и возвращенія министровъ, разошлась, нанесши королю оскорбленія и угрозы, но не добившись ничего.

Событія 20-го іюня возмутили конституціонное общественное мнѣніе противъ виновниковъ мятежа. Народную партію сильно упрекали за это вторженіе въ королевское жилище, за оскорбленія, нанесенныя Людовику XVI, за противозаконность прошенія, представленнаго съ угрозами и оскорбленіями вооруженною толпою. Народной партіи пришлось, на минуту, стать въ оборонительное положеніе; будучи виновна въ мятежѣ, она потерпѣла притомъ еще настоящую неудачу. Конституціоналисты приняли тонъ оскорбленной и торжествующей партіи, но это длилось недолго, потому что дворъ не поддерживалъ ихъ. Національная гвардія предложила Людовику XVI находиться на стражѣ при его особѣ; герцогъ Ларошфуко-Ліанкуръ, начальствовавшій войсками въ Руанѣ, хотѣлъ увезти короля въ свой корпусъ, который былъ ему преданъ. Лафайетъ предлагалъ увезти его въ Компьенъ и сдать ему начальство надъ своей арміей; но Людовикъ XVI отвергъ всѣ эти предложенія. Онъ разсчитывалъ, что агитаторы уймутся послѣ послѣдней неудачной попытки, и, ожидая своего избавленія со стороны коалиціи, дѣятельность которой была усилена 20-го іюня онъ не хотѣлъ принимать одолженія отъ конституціоналистовъ, потому что съ ними пришлось бы вступить въ сдѣлку.

Между тѣмъ Лафайетъ рѣшился на послѣднюю попытку въ пользу законной монархіи. Поручивъ другому начальство надъ арміей и собравъ адресы, направленные противъ послѣднихъ событій, онъ отправился въ Парижъ и неожиданно явился 28-го іюня въ собраніе. Онъ потребовалъ, отъ своего имени и отъ имени своей арміи, наказанія виновныхъ въ безпорядкахъ 20-го іюня и уничто-

женія секты якобинцевъ. Этотъ поступокъ подѣйствовалъ на членовъ собранія различно. Правая сторона сильно одобряла его, но лѣвая восстала противъ поведенія Лафайета. Гюаде предложилъ вопросъ: не подлежитъ ли генералъ отвѣтственности за то, что отлучился изъ арміи и теперь покушается предписывать законы собранію? Остатокъ уваженія къ Лафайету не позволилъ собранію послѣдовать совѣту Гюаде, и, послѣ довольно шумныхъ преній, оно пригласило Лафайета присутствовать при засѣданіи въ качествѣ почетнаго гостя. Тогда Лафайетъ обратился къ національной гвардіи, которая такъ долго была предана ему, и надѣялся съ ея помощью закрыть клубы, разогнать якобинцевъ, возвратить Людовику XVI всю власть, дарованную ему закономъ, и упрочить конституцію. Революціонная партія пришла въ оцѣпенѣніе и страшилась всего со стороны своего смѣлаго и рѣшительнаго противника на Марсовомъ полѣ. Но дворъ, опасавшійся побѣды конституціоналистовъ, самъ разрушилъ планы Лафайета. Лафайетъ назначилъ смотръ національной гвардіи, а дворъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на начальниковъ роялистскихъ баталіоновъ, помѣшалъ смотру состояться. У Лафайета должны были сойтись избранныя роты гренадеръ и егерей, настроенныя еще лучше другихъ, и идти отъ него на клубы; но не собралось и тридцати человѣкъ. Такимъ образомъ, сдѣлавъ тщетную попытку привлечь къ дѣлу конституціи и общей обороны національную гвардію и дворъ и увидѣвъ себя покинутымъ даже тѣми, кого онъ явился защищать, Лафайетъ уѣхалъ въ армію, утративъ всю свою популярность и вліяніе. Эта попытка была послѣднею вспышкою жизни конституціонной партіи.

Тогда собраніе возвратилось, какъ и слѣдовало ожидать, къ вопросу о положеніи Франціи, которое оставалось прежнимъ. Чрезвычайная комиссія двѣнадцати представила черезъ посредство Пасторе не совсѣмъ успокоительную картину положенія и распрей партій. Жанъ Дебри предложилъ отъ имени той же комиссіи объявить для успокоенія крайне взволнованнаго народа, что въ случаѣ неминуемости кризиса собраніе объявитъ *отечество въ опасности*, и тогда будутъ приняты мѣры къ поддержанію общественной безопасности. Пренія начались этимъ важнымъ предложеніемъ. Верньо изобразилъ въ рѣчи, глубоко потрясшей собраніе, всѣ опасности, грозившія въ ту минуту Франціи. Онъ сказалъ, что все дѣлается *именемъ короля*: собраніе эмигрантовъ, коалиція государей, движеніе иностранныхъ армій къ французскимъ границамъ, внутреннія смуты. Онъ обвинилъ Людовика XVI въ томъ, что онъ задерживаетъ своими отказами порывъ націи и выдаетъ этимъ Францію коалиціи. Онъ привелъ ту статью конституціи, въ которой было сказано, что *если король станетъ во главѣ арміи и направитъ ея силы противъ націи, или если онъ не воспротивится формально подобному дѣлу, предпринятому отъ его имени, то онъ*

признается отрекшимся отъ престола. Затѣмъ, предположивъ, что Людовикъ XVI добровольно отказывается отъ средствъ къ защитѣ отечества, Верньо прибавилъ: «не въ правѣ ли мы сказать ему въ такомъ случаѣ: «О король, вы, безъ сомнѣнія, думаете, вмѣстѣ съ тираномъ Лизандромъ, что истина не лучше лжи, и что надо тѣшить людей клятвами, какъ дѣтей тѣшатъ игрушками; вы дѣлали видъ, что любите законы, лишь для того, чтобы сохранить власть, которая дала бы вамъ возможность преступать ихъ; вы дѣлали видъ, что любите конституцію, лишь для того, чтобы она не свергла васъ съ престола, на которомъ вамъ нужно остаться, чтобы уничтожить ее. Не думаете ли вы обмануть насъ этими лицемѣрными увѣреніями? Не думаете ли вы отвлечь наше вниманіе отъ нашихъ бѣдствій хитростью вашихъ оправданій? Отвергать планы внутренняго укрѣпленія страны, выставлять противъ иностранныхъ солдатъ такія слабыя силы, въ пораженіи которыхъ нельзя было и сомнѣваться,— значило ли это защищать насъ? Зачѣмъ вы не удержали генерала, нарушавшаго конституцію, и связывали мужество тѣхъ, кто ограждалъ ее? Для счастья нашего или для гибели предоставила вамъ конституція выборъ министровъ? Для славы или для позора нашего сдѣлала она васъ главою армій? Для того ли она предоставила вамъ право утверждать законы, особые доходы и столько другихъ преимуществъ, чтобы вы погубили, конституціоннымъ путемъ, и конституцію, и государство? Нѣтъ! Нѣтъ! Вы, котораго не тронуло великодушіе французовъ, который проникнутъ только любовью къ деспотизму... вы уже ничто теперь для этой конституціи, которую вы такъ недостойно попрали, ничто для этого народа, которому вы такъ недостойно измѣнили!»

При томъ положеніи, въ которомъ находилась жиронда, она разсчитывала только на низверженіе короля. Верньо, правда, высказывался пока предположительно, но вся народная партія дѣйствительно приписывала Людовику XVI тѣ планы, которые въ устахъ Верньо были только предположеніями. Спустя нѣсколько дней Бриссо высказался яснѣе: «Мы находимся въ такой чрезвычайной опасности, въ какой не были еще никогда. Отечество въ опасности, не по недостатку въ войскѣ, не потому, что это войско мало выказываетъ мужества, не потому, что границы страны слабо укрѣплены, а средства ея не обильны... Нѣтъ. Оно въ опасности, потому что всѣ силы его парализованы. А кто парализовалъ ихъ? Одинъ человѣкъ, тотъ самый человѣкъ, котораго конституція сдѣлала главою отчизны, и котораго вѣроломные совѣтники сдѣлали ея врагомъ! Васъ пугаютъ королями Венгріи и Пруссіи. А я скажу, что главная сила этихъ королей при нашемъ дворѣ, и вотъ гдѣ надо прежде всего побѣдить ее. Вамъ говорятъ, чтобы вы поражали по всему королевству мятежныхъ священниковъ... А я скажу, что, поразивъ тюильрійскій дворъ, вы тѣмъ самымъ поразите однимъ ударомъ все ослушное духовенство. Вамъ говорятъ, чтобы вы пре-

слѣдовали всѣхъ интригановъ, мятежниковъ, заговорщиковъ... А я скажу, что они всѣ исчезнутъ, если вы поразите тюльерійскій кабинетъ, потому что онъ-то и есть тотъ центръ, къ которому сходятся всѣ эти нити, гдѣ замышляются всѣ козни, откуда исходятъ всѣ подстрекательства! Нація служитъ игрушкою въ рукахъ этого кабинета. Вотъ тайна нашего положенія, вотъ источникъ зла и вотъ гдѣ слѣдуетъ лечить его».

Жиронда подготовила такимъ образомъ собраніе къ низверженію короля. Но предварительно оно занялось важнымъ вопросомъ объ опасностяхъ отечества. Три комитета соединились и объявили, что надо принять мѣры общественной безопасности; собраніе провозгласило 5-го іюля торжественную формулу: *граждане, отечество въ опасности!* Тотчасъ же всѣ гражданскія власти стали въ положеніе *непрерывной бдительности*; всѣ граждане, способные носить оружіе и уже отправлявшіе службу въ національной гвардіи, были призваны въ дѣйствующую армію; каждый долженъ былъ показать имѣвшееся у него оружіе и военные снаряды; тѣмъ, кого не могли вооружить ружьями, раздали пики; на площадяхъ набирали полки волонтеровъ, водрузивъ посреди площади знамя съ надписью: *Граждане, отечество въ опасности!* Въ Суассонѣ учредили лагерь. Всѣ эти мѣры обороны, вызванныя необходимостью, довели до высшей степени революціонную экзальтацію. Это ярче всего сказалось въ годовщину 14-го іюля, когда чувства толпы и уполномоченныхъ отъ департаментовъ разразились неудержимо. Петіонъ былъ въ эту пору кумиромъ толпы, и ему принадлежали всѣ почести празднества. За нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ былъ отставленъ отъ должности директоріею департамента и совѣтомъ министровъ за его поведеніе 20-го іюня; но собраніе возстановило его въ должности мэра, и въ день праздника братства единственнымъ крикомъ народа былъ крикъ: *Петіонъ или смерть!* Нѣкоторые батальоны національной гвардіи — напримѣръ, батальонъ Filles-Saint-Tomas — еще выказывали преданность двору; они стали предметомъ народнаго недовѣрія и ненависти. Между гренадерами Filles-Saint-Tomas и марсельскими волонтерами произошла на Елисейскихъ поляхъ драка, въ которой нѣсколько гренадеръ были ранены. Кризисъ становился со дня на день неизбѣжнѣе; партія войны не могла долѣе выносить партіи конституціи. Нападенія на Лафайета усиливались: его преслѣдовали въ журналахъ; на него дѣлали доносы въ собраніи. Наконецъ открылись враждебныя дѣйствія. Клубъ фельяновъ былъ закрытъ; роты гренадеръ и егерей національной гвардіи — главная опора буржуазіи — распущены; линейные полки и часть швейцарцевъ удалены изъ Парижа. Начались явныя приготовленія къ катастрофѣ 10-го августа.

Приближеніе пруссаковъ и знаменитый манифестъ герцога Брауншвейгскаго ускорили эту катастрофу. Пруссія присоединилась къ Австріи и къ германскимъ государямъ противъ Франціи. Коалиція,

къ которой примкнулъ и туринскій дворъ, была грозная, хотя къ ней и принадлежали не всѣ тѣ державы, которыя вначалѣ предполагали войти въ составъ ея. Смерть Густава III, предназначавшагося въ вожди союзной арміи, оторвала отъ коалиціи Швецію; замѣщеніе министра Флорида Бланка графомъ д'Аранда, человѣкомъ осторожнымъ и умѣреннымъ, удержало Испанію отъ вступленія въ союзъ; Россія и Англія, хотя и одобряли втайнѣ мѣры европейской лиги, еще не содѣйствовали имъ открыто.

Послѣ описанныхъ нами военныхъ событій, арміи не столько сражались, сколько наблюдали другъ за другомъ. Между тѣмъ Лафайетъ внушилъ своей арміи дисциплину и преданность дѣлу; а Дюмурье, назначенный въ армію Люкнера, расположенную при Мольдѣ, пріучилъ своихъ солдатъ къ военному дѣлу мелкими стычками и ежедневными побѣдами. Они образовали такимъ образомъ зерно хорошей арміи, а это было тѣмъ важнѣе, что для отраженія предстоящаго вторженія союзниковъ необходимы были дисциплина и довѣріе въ рядахъ арміи.

Вторженіемъ руководилъ герцогъ Брауншвейгскій. Онъ былъ главнокомандующимъ непріятельской арміи, состоявшей изъ 70 тысячъ пруссаковъ и 68 тысячъ австрійцевъ, гессенцевъ и эмигрантовъ. Планъ вторженія былъ слѣдующій. Герцогъ Брауншвейгскій долженъ былъ перейти съ пруссаками Рейнъ у Кобленца, подняться по лѣвому берегу Мозеля, напасть на французскую границу съ центральнаго, самаго слабаго, пункта и направиться къ столицѣ черезъ Лонгви, Верденъ и Шалонъ. На лѣвомъ флангѣ его долженъ былъ двигаться принцъ Гогенлоэ, по направленію къ Тіонвилю и Мецу, съ гессенцами и корпусомъ эмигрантовъ, между тѣмъ какъ генералъ Клерфэ, съ австрійцами и другимъ корпусомъ эмигрантовъ, долженъ былъ сбить Лафайета, стоявшаго между Седаномъ и Мезьеромъ, перейти черезъ Маасъ и подступать къ Парижу черезъ Реймсъ и Суассонъ. Такимъ образомъ къ столицѣ должны были стягиваться непріятельскія войска съ центра и съ обоихъ фланговъ, со стороны Мозеля, Рейна и Нидерландовъ. Другіе корпуса, расположенные на рейнской и на крайней сѣверной границахъ, должны были облегчить центральное движеніе, нападая на французскія войска съ этихъ сторонъ.

26-го іюля, въ то время, когда непріятельская армія двинулась и выступила изъ Кобленца, герцогъ Брауншвейгскій обнародовалъ манифестъ отъ имени австрійскаго императора и прусскаго короля. Онъ упрекалъ *похитителей власти* во Франціи въ нарушеніи порядка и въ ниспроверженіи законнаго правительства, въ ежедневныхъ насиліяхъ и покушеніяхъ на безопасность короля и его семейства, въ произвольномъ уничтоженіи правъ собственности германскихъ князей въ Эльзасѣ и Лотарингіи, наконецъ—въ томъ, что они переполнили мѣру всякихъ несправедливостей, объявивъ войну его величеству императору и напавъ на его нидерландскія провинціи. Онъ объявлялъ, что союзные государи идутъ во Францію

для того, чтобы положить конецъ анархіи, прекратить посягательства на тронъ и на церковь, возвратить королю безопасность и свободу, которыхъ его лишили, и возстановить его законную власть. Вслѣдствіе этого герцогъ возлагалъ отвѣтственность во всѣхъ безпорядкахъ, какіе могли случиться до прибытія войскъ коалиціи, на національную гвардію и на мѣстныя власти, призывая ихъ возвратиться къ прежней вѣрности королю. Онъ говорилъ, что жители городовъ, которые осмѣлятся защищаться, будутъ немедленно наказаны, какъ измѣнники, по всей строгости законовъ, и дома ихъ будутъ разрушены или сожжены; что если городъ Парижъ не возвратитъ королю полной свободы и не воздастъ ему должнаго уваженія, то, по рѣшенію союзныхъ государей, члены Національнаго Собранія, департамента, округа, муниципалитета и національной гвардіи будутъ отвѣчать за это своими головами и подвергнутся военному суду, безъ всякой надежды на помилованіе; что если народъ ворвется во дворецъ или оскорбитъ живущихъ въ немъ, то союзные государи отомстятъ за это примѣрнымъ и навсегда памятнымъ образомъ, предавъ Парижъ военной экзекуціи и срывъ его до основанія. Въ случаѣ немедленной покорности предписаніямъ коалиціи, герцогъ Брауншвейгскій обѣщалъ парижанамъ, что союзные государи будутъ ходатайствовать передъ Людовикомъ XVI о дарованіи прощенія парижанамъ за всѣ ихъ вины и заблужденія.

Этотъ манифестъ, напыщенный и лишенный всякаго политическаго такта, не скрывавшій плановъ эмиграціи и Европы, обращавшійся такимъ повелительнымъ тономъ и съ такимъ невѣроятнымъ презрѣніемъ къ цѣлому великому народу, возвѣщая ему всѣ бѣдствія вторженія и, сверхъ этого, деспотизмъ и мщеніе, возбудилъ общее народное негодованіе. Онъ болѣе всего ускорилъ паденіе трона и помѣшалъ успѣхамъ коалиціи. По всей Франціи слышался одинъ обѣтъ, раздавался одинъ крикъ о сопротивленіи; тѣ, которые бы заявили желаніе не сопротивляться, были бы провозглашены врагами родины и святого дѣла, ея независимости. Народная партія, поставленная въ необходимость побѣдить, не видѣла теперь иного средства къ этому, какъ устраненіе короля, а для устраненія его надо было объявить его лишеннымъ престола. Но внутри этой партіи каждый хотѣлъ достигнуть цѣли по-своему: жиронда—посредствомъ декретовъ собранія; предводители народа—посредствомъ бунта. Дантонъ, Робеспьеръ, Камиллъ Демуленъ, Фабръ д'Эглантинъ, Маратъ и другіе составляли неустановившуюся еще партію, которая должна была съ помощью революціи перейти изъ среды народа въ собраніе и муниципалитетъ. Они были, впрочемъ, настоящими предводителями новаго, готовившагося движенія низшихъ классовъ населенія противъ средняго сословія, къ которому принадлежали жирондисты по своимъ привычкамъ и положенію. Съ этого же времени начался разладъ между тѣми, которые желали только уничтожить творъ въ существующемъ порядкѣ

веней, и тѣми, которые желали ввести въ него народъ. Послѣдние не умѣли терпѣливо выжидать результатовъ продолжительныхъ преній. Волнуемые всевозможными революціонными страстями, они рѣшились на вооруженное нападеніе, къ которому готовились еще прежде явно и не явно. Они хотѣли предпринять его нѣсколько разъ, но нѣсколько разъ откладывали исполненіе своего намѣренія. Мятежъ долженъ былъ вспыхнуть 26-го іюля, но планъ его былъ дурно задуманъ, и Петіонъ остановилъ его. При вступленіи въ Парижъ марсельскихъ волонтеровъ, шедшихъ въ суассонскій лагерь, населеніе предмѣстій должно было выйти съ ними навстрѣчу и напасть вмѣстѣ съ ними врасплохъ на дворецъ. Но и это возстаніе не удалось. Между тѣмъ прибытіе марсельцевъ придало смѣлости столичнымъ заговорщикамъ. Они имѣли въ Шарантонѣ совѣщанія съ начальникомъ марсельцевъ о ниспроверженіи трона. Городскіе кварталы сильно волновались; прежде всѣхъ возсталъ кварталъ Моконсель и послалъ объявить собранію о своемъ возстаніи. Въ клубахъ обсуждался вопросъ объ упраздненіи трона. 3-го августа мэръ Петіонъ явился съ этимъ требованіемъ въ законодательный корпусъ, отъ имени городской думы и кварталовъ. Прошеніе его было передано въ экстренную комиссію двѣнадцати. 8-го августа обсуждался вопросъ о преданіи Лафайета суду. Большинство, собравъ послѣднюю твердость, защищало его не безъ опасности для себя. Лафайета оправдали; но всѣ тѣ, которые подавали за него голоса, подвергались по выходѣ изъ собранія оскорбленіямъ, свисткамъ и преслѣдованіямъ со стороны народа.

На слѣдующій день возбужденіе умовъ достигло крайней степени. Собраніе узнало изъ писемъ многихъ депутатовъ, что наканунѣ, по выходѣ изъ собранія, народъ оскорблялъ ихъ и грозилъ имъ смертью за то, что они подали голосъ въ пользу Лафайета. Вобланъ говоритъ, что толпа ворвалась къ нему въ домъ и искала его. Жирарденъ восклицаетъ: «Пренія невозможны безъ полной свободы убѣжденій. Объявляю моимъ довѣрителямъ, что я не могъ обсуждать дѣлъ, если законодательный корпусъ не обезпечитъ за мною свободы и безопасности». Вобланъ настаиваетъ, чтобы собраніе приняло самыя сильныя мѣры для поддержанія уваженія къ закону. Онъ требуетъ также, чтобы марсельцы, защищаемые жирондистами, были немедленно высланы въ Суассонъ. Во время этихъ преній президентъ получаетъ письмо отъ министра юстиціи Жоли, который извѣщаетъ его, что зло достигло высшей степени, и что народъ готовъ на всѣ крайности. Онъ разсказываетъ о совершенныхъ наканунѣ вечеромъ насиліяхъ не только надъ депутатами, но и надъ многими другими лицами. «Я донесъ объ этихъ покушеніяхъ въ уголовный судъ,—писалъ министръ,—но законы безсильны; честь и совѣсть обязываютъ меня предупредить васъ, что безъ немедленной помощи со стороны законодательнаго корпуса правительство

не можетъ долѣе считаться отвѣтственнымъ. Между тѣмъ пришла новая тревожная вѣсть: кварталъ Quinez-Vingts рѣшилъ, что если въ тотъ же день собраніе не объявитъ престола упраздненнымъ, то въ полночь народъ ударитъ въ набатъ, забьетъ сборъ и подступитъ ко дворцу. Это рѣшеніе было передано сорока восьми кварталамъ, и всѣ, за исключеніемъ одного, одобрили его. Собраніе потребовало прокурора-синдика департамента, который выразилъ готовность поддерживать законный порядокъ, но сказалъ, что онъ самъ ничего не можетъ сдѣлать; со своей стороны мэръ отвѣчалъ, что если кварталы заявляютъ свою верховную власть, то онъ можетъ вліять на народъ только убѣжденіемъ. Собраніе разошлось, не принявъ никакихъ мѣръ.

Мятежники назначили приступъ ко дворцу на утро 10-го августа. 8-го числа марсельцы были переведены со всѣмъ оружіемъ, пушками и знаменемъ изъ улицы Blanche въ монастырь кордельеровъ. Они получили пять тысячъ патроновъ, розданныхъ имъ по предписанію полицейскаго управленія. Центръ возстанія находился въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ. Вечеромъ, послѣ шумнаго засѣданія, якобинцы отправились въ это предмѣстье, и возстаніе организовалось тамъ тотчасъ же. Положили смѣнить департаментскія власти, арестовать Петіона, чтобы отклонить отъ него всякую отвѣтственность, и замѣнить настоящее городское управленіе инсуррекціоннымъ муниципалитетомъ. Въ то же время агитаторы отправились по кварталамъ предмѣстій и въ казармы марсельцевъ и бретонцевъ.

Дворъ, предупрежденный за нѣсколько времени передъ тѣмъ объ опасности, приготовился къ оборонѣ. Онъ надѣялся, можетъ быть, въ эту минуту не только устоять, но и совершенно возстановить свое значеніе. Внутренность дворца была занята швейцарцами въ числѣ восьмисотъ или девятисотъ человѣкъ, офицерами распущенной гвардіи и толпою дворянъ и роялистовъ, которые собрались, вооруженные саблями, шпагами и пистолетами. Главнокомандующій національной гвардіей, Манда, явился со своимъ штабомъ защищать дворецъ и отдалъ приказъ вооружиться самымъ преданнымъ конституціи баталіонамъ. Министры были также съ королемъ; прокуроръ-синдикъ департамента явился во дворецъ въ тотъ же вечеръ по волѣ короля, который потребовалъ къ себѣ и мэра Петіона, чтобы узнать отъ него о положеніи Парижа и получить разрѣшеніе на отпоръ силы силою.

Въ полночь раздается звонъ набата и бой барабана: мятежники собираются въ стройныя группы; члены квартальныхъ собраній отрѣшаютъ муниципалитетъ и назначаютъ временное городское управленіе, которое отправляется въ ратушу, чтобы руководить возстаніемъ. Со своей стороны, баталіоны національной гвардіи направляются ко дворцу, гдѣ ихъ размѣщаютъ по дворамъ и у главныхъ входовъ вмѣстѣ съ конными жандармами. Артиллеристы съ орудіями занимаютъ аллеи Тюильрійскаго сада, а швейцарцы и

волонтеры охраняютъ королевскіе покои. Дворецъ защищенъ наилучшимъ образомъ.

Между тѣмъ нѣкоторые депутаты, разбуженные набатомъ, отправились въ Законодательное Собраніе и открыли засѣданіе подъ предсѣдательствомъ Верньо. Узнавъ, что Петіонъ въ Тюльери, и полагая, что онъ тамъ задержанъ и нуждается въ освобожденіи, они потребовали его въ собраніе съ тѣмъ, чтобы онъ далъ отчетъ о положеніи Парижа. Повинуясь этому предписанію, Петіонъ ушелъ изъ дворца и явился въ собраніе, куда вслѣдъ за нимъ пришла депутація, также полагавшая, что онъ въ Тюльери. Онъ возвратился съ этою депутаціею въ ратушу, гдѣ новое городское управленіе приставило къ нему стражу въ 300 человѣкъ. Не желая въ этотъ смутный день иной власти, кромѣ инсуррекціонной, новое городское управленіе потребовало рано утромъ коменданта Манда, чтобы узнать отъ него о мѣрахъ, принятыхъ во дворцѣ. Манда колебался повиноваться; однако, не зная, что составъ муниципальной власти измѣнился, и призываемый своимъ долгомъ повиноваться ей, онъ отправился въ ратушу, по вторичному требованію городского управленія. Войдя и увидя новыя лица, онъ поблѣднѣлъ. Его обвинили въ томъ, что онъ далъ приказъ войскамъ стрѣлять по народу. Манда смутился. Его послали въ тюрьму Аббатства, но при выходѣ онъ былъ умерщвленъ на лѣстницѣ ратуши. Городское управленіе назначило Сантерра начальникомъ національной гвардіи.

Такимъ образомъ дворъ лишился самаго рѣшительнаго и вліятельнаго изъ своихъ защитниковъ. Присутствіе Манда, добытый имъ приказъ употребить силу въ случаѣ надобности, были необходимы, чтобы побудить національную гвардію драться. Ее сильно охладило появленіе дворянъ и роялистовъ. Самъ Манда тщетно умолялъ королеву передъ своимъ уходомъ удалить эту толпу, убѣжденія которой были подозрительны конституціоналистамъ.

Часа въ 4 утра королева призвала прокурора-синдика департамента, Редерера, который провелъ ночь въ Тюльери, и спросила у него, что дѣлать въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Редереръ считалъ необходимымъ, чтобы король и королевская фамилія отправились въ Національное Собраніе. — «Вы предлагаете отвести короля къ его врагамъ»,—сказалъ Дюбушажъ. Редереръ отвѣчалъ, что изъ 600 членовъ этого собранія 400 высказались за два дня передъ этимъ въ пользу Лафайета, и что, впрочемъ, онъ предлагаетъ эту мѣру только какъ наименѣе опасную. Королева сказала на это рѣшительнымъ тономъ: «Здѣсь есть войско; пора наконецъ узнать, кто сильнѣе—король и конституція, или партія мятежниковъ». — «Надо узнать, ваше величество, какія мѣры приняты для обороны», — сказалъ Редереръ. Призвали Лашено, начальствовавшаго въ отсутствіе Манда, и спросили: принялъ ли онъ нужныя мѣры, чтобы воспрепятствовать толпѣ

приближаться ко дворцу; велѣлъ ли онъ охранять площадь Карусели. Лашене отвѣчалъ утвердительно и прибавилъ очень недовольнымъ тономъ, обращаясь къ королевѣ: «Я долженъ предупредить ваше величество, что королевскіе покои наполнены всякимъ народомъ, который очень стѣсняетъ наши распоряженія и не даетъ свободнаго доступа къ королю: это сильно возмущаетъ національную гвардію». — Напрасно, — возразила королева. — Я отвѣчаю вамъ за всѣхъ этихъ людей: они пойдутъ впереди, позади, въ рядахъ, гдѣ вы имъ укажете. Они готовы на все, что понадобится сдѣлать. Это люди надежные». Ограничились тѣмъ, что послали въ собраніе двухъ министровъ, Жоли и Шампіона, чтобы увѣдомить объ опасности и испросить комиссаровъ и помощи.

Между защитниками дворца уже возникъ разладъ, когда Людовикъ XVI въ 5 часовъ утра сдѣлалъ имъ смотръ. Онъ обошелъ сначала внутренніе посты, которые нашелъ вполнѣ преданными. Король былъ чрезвычайно грустенъ; за нимъ слѣдовали нѣкоторые члены его семейства. «Я не отдѣлю своего дѣла отъ дѣла хорошихъ гражданъ, — сказалъ онъ, — мы вмѣстѣ спасемся или вмѣстѣ погибнемъ». Вслѣдъ за тѣмъ, сопровождаемый генералами, онъ сошелъ на дворъ. Когда онъ показался, забили походъ и раздался крикъ: «Да здравствуетъ король!» повторенный національною гвардіею; но артиллеристы и батальонъ Краснаго Креста отвѣтили крикомъ: «Да здравствуетъ нація!» Въ ту же минуту прибыли новые батальоны, вооруженные ружьями и пиками, и, пройдя военнымъ маршемъ передъ королемъ, размѣстились по сенской террасѣ и закричали: «Да здравствуетъ нація! Да здравствуетъ Петіонъ!» Король продолжалъ смотръ, огорченный этимъ предзнаменованіемъ. Батальоны Filles-Saint-Thomas и Petits-Pères, помѣщенные на террасѣ вдоль замка, приняли его съ выраженіями величайшей преданности. Въ то время, какъ король шелъ по саду, чтобы осмотрѣть посты у подъемнаго моста, батальоны съ пиками преслѣдовали его крикомъ: «Прочь veto! Прочь измѣнника!» Когда король возвратился, они покинули свою позицію, стали на набережной Сены и обратили свои орудія противъ дворца. Два другіе батальона, стоявшіе во дворахъ, послѣдовали ихъ примѣру, стали на Карусельской площади и приняли наступательное положеніе. Король вернулся во дворецъ блѣдный, унылый, и королева сказала: «Все потеряно! Этотъ смотръ принесъ намъ больше вреда, чѣмъ пользы».

Между тѣмъ, какъ все это происходило въ Тюльери, мятежники подступали нѣсколькими колоннами; они собрались и устроились въ продолженіе ночи. Поутру они ворвались въ арсеналъ и, взявъ тамъ оружіе, раздѣлили его между собою. Колонна сентантуанскаго предмѣстья, почти въ 15,000 человѣкъ, и колонна пред-

мѣстья Сенъ-Марсо, въ 5.000 человѣкъ, двинулись въ 6 часовъ утра. Дорогою къ нимъ примыкала толпа. Директорія департамента поставила на Новомъ мосту пушки, чтобы воспрепятствовать соединенію мятежниковъ съ обѣихъ сторонъ рѣки; но прокуроръ городского управленія, Манюэль, приказалъ снять ихъ, и проходъ по мосту очистился. Авангардъ предмѣстій, состоявшій изъ марсельскихъ и бретонскихъ волонтеровъ, уже выступилъ изъ улицы Сентъ-Оноре и расположился въ боевомъ порядкѣ на Карусельской площади, направивъ на дворецъ свои пушки. Жоли и Шампіонъ вернулись изъ собранія и объявили, что засѣданіе его не можетъ состояться, такъ какъ нѣтъ достаточнаго числа членовъ; что собралось 90 или 80 членовъ, которые отказались выслушать ихъ предложенія. Тогда прокуроръ-синдикъ департамента, въ сопровожденіи членовъ директоріи, вышелъ къ мятежникамъ и сказалъ имъ, что такая толпа не можетъ имѣть доступа къ королю; онъ пригласилъ ихъ выбрать депутацію въ 20 человѣкъ и поручить ей изложить требованія народа. Но его не стали слушать. Тогда Редереръ обратился къ національной гвардіи, напомнилъ статью закона, предписывающую въ случаѣ нападенія противопоставлять силѣ силу; но оказалось, что къ этому расположена только самая ничтожная часть національной гвардіи; артиллеристы, вмѣсто всякаго отвѣта, разрядили орудія. Видя, что мятежъ повсюду торжествуетъ, что мятежники располагаютъ городскимъ управленіемъ, народомъ и самымъ войскомъ, Редереръ поспѣшно вернулся во дворецъ, чтобы занять свое мѣсто во главѣ исполнительной директоріи.

Король держалъ совѣтъ съ королевою и министрами. Одинъ изъ членовъ муниципалитета подалъ знакъ къ тревогѣ, увѣдомивъ, что колонны мятежниковъ подступаютъ къ Тюльери. «Чего имъ нужно?»—спросилъ хранитель печати, Жоли.—«Отреченія короля».—отвѣтилъ муниципальный чиновникъ.—«Пусть же собраніе выскажется на этотъ счетъ»,—прибавилъ министръ.—«Но что же будетъ дальше?»—спросила королева. Муниципальный чиновникъ поклонился, ничего не отвѣчая. Въ ту самую минуту вошелъ Редереръ и усилилъ смятеніе двора, объявивъ, что опасность крайне велика, что мятежники не хотятъ ничего слушать, и что національная гвардія не надежна. «Государь,—сказалъ онъ настойчиво,—вашему величеству нельзя терять и пяти минутъ: вы будете безопаснѣе среди національнаго собранія; департаментъ подалъ мнѣніе, чтобы вы немедленно отправились туда; во дворахъ недостаточно людей для защиты замка, да и тѣ не совсѣмъ надежны. Канонеры разрядили орудія при первомъ приглашеніи защищать короля». Король отвѣтилъ было, что на Карусельской площади народу немного, а королева съ живостью прибавила, что у короля есть средства къ защитѣ дворца. Но послѣ новыхъ настояній Редерера король, пристально поглядѣвъ на него нѣсколько минутъ, обратился къ королевѣ и

сказалъ: «Идемъ!» Принцесса Елизавета сказала тогда прокурору-синдику: «Г-нъ Редереръ, отвѣчаете ли вы за жизнь короля?» — «Отвѣчаю, какъ за свою собственную, — сказалъ онъ: — я пойду впереди короля».

Людовикъ XVI вышелъ изъ своей комнаты вмѣстѣ со своимъ семействомъ, съ министрами, съ членами департамента и объявилъ пришедшимъ во дворецъ защищать его, что идетъ въ Національное Собраніе. Онъ сталъ между рядовъ національной гвардіи, назначенныхъ ему для конвоя, и прошелъ черезъ покои и Тюльерійскій садъ. Собраніе, предупрежденное о приближеніи короля, выслало къ нему навстрѣчу депутацію. «Государь, — сказалъ ему президентъ этой депутаціи, — собраніе, спѣша содѣйствовать вашей безопасности, предлагаетъ вамъ и вашему семейству убѣжище въ своей средѣ». Шествіе двинулось и съ большимъ трудомъ перешло террасу фельяновъ, покрытую волновавшейся толпою, изъ среды которой раздавались ругательства и угрозы. Король и его семейство добрались наконецъ до залы собранія и сѣли на стулья, предназначенные министрамъ. «Господа, — сказалъ король, — я пришелъ сюда во избѣжаніе великаго преступленія; полагаю, что я нигдѣ такъ не безопасенъ, какъ среди васъ». — «Государь, — отвѣчалъ предсѣдательствовавшій въ этотъ день Верньо, — вы можете положиться на твердость Національнаго Собранія: его члены поклялись умереть, отстаивая права народа и установленныя власти». Тогда король занялъ мѣсто рядомъ съ президентомъ. Но Шабо напомнилъ, что собраніе не можетъ совѣщаться въ присутствіи короля, и Людовикъ XVI перешелъ со своею семьею и министрами въ помѣщеніе логографа (лица, записывавшаго пренія), находившееся позади мѣста президента, откуда можно было все видѣть и слышать.

Со времени удаленія короля изъ Тюльери исчезъ всякій поводъ къ сопротивленію. Къ тому же и самыя средства къ защитѣ ослабѣли по уходѣ національныхъ гвардейцевъ, конвоировавшихъ Людовика XVI. Жандармы покинули свои посты съ криками: «Да здравствуетъ нація!» Національная гвардія волновалась и готовилась перейти на сторону осаждавшихъ. Но враги стояли лицомъ къ лицу, и хотя причины боя не существовало уже, тѣмъ не менѣе бой завязался. Колонны мятежниковъ обступили дворецъ. Стоявшіе въ первомъ ряду марсельцы и бретонцы выломали ворота, обращенныя на Карусельскую площадь, и ворвались на дворцовый дворъ. Во главѣ ихъ былъ отставной унтеръ-офицеръ Вестерманъ, другъ Дантона и человѣкъ весьма рѣшительный. Онъ выстроилъ солдатъ въ боевой порядокъ и подступилъ къ канонерамъ, которые по его приглашенію присоединились къ марсельцамъ со своими пушками. Швейцарцы неподвижно стояли въ окнахъ дворца. Враждебныя стороны простояли нѣкоторое время другъ передъ другомъ, не

жаніная руки. Нѣкоторые изъ осаждавшихъ подошли было къ осажденнымъ съ тѣмъ, чтобы побрататься, и швейцарцы бросали въ окно патроны, въ знакъ мира. Осаждавшіе проникли въ сѣни, гдѣ находились другіе защитники дворца. Ихъ раздѣлила рѣшетка. Вотъ тутъ и завязалась битва, хотя никто не знаетъ, съ которой стороны было произведено первое нападеніе. Швейцарцы открыли истребительный огонь по осаждавшимъ, которые разсѣялись. Карусельская площадь была очищена. Но вскорѣ марсельцы и бретонцы вернулись съ подкрѣпленіемъ; на швейцарцевъ направили пушки, и дворецъ былъ взятъ. Швейцарцы держались до тѣхъ поръ, пока не получили королевскаго предписанія прекратить огонь. Но мятежники, пришедшіе въ ярость, продолжали ихъ преслѣдовать и истили самымъ кровавымъ образомъ. Это была уже не битва, а рѣзня; ворвавшаяся во дворецъ чернь предавалась всѣмъ крайностямъ побѣды.

Между тѣмъ собраніе было въ сильнѣйшей тревогѣ. Первые пушечные выстрѣлы повергли его въ ужасъ. Смятеніе усиливалось по мѣрѣ того, какъ учащались залпы артиллеріи. Была минута, когда члены собранія считали себя погибшими. Въ залъ стремительно вбѣжало одно изъ оффиціальныхъ лицъ и закричало: «По мѣстамъ, законодатели: къ намъ ворвался народъ!» Нѣкоторые депутаты встали, чтобы уйти. «Нѣтъ, нѣтъ, наше мѣсто здѣсь!» Изъ трибунъ раздался при этомъ крикъ: «*Да здравствуетъ Національное Собраніе!*» — а собраніе отвѣтило крикомъ: «*Да здравствуетъ нація!*» Наконецъ, на улицѣ раздался крикъ: «*Побѣда! Побѣда!*» — и судьба монархіи была рѣшена.

Собраніе немедленно издало прокламацію, чтобы возстановить спокойствіе и убѣдить народъ уважать справедливость, правительство, человѣческія права, свободу и равенство. Но толпа и ея предводители были всемогущи и намѣревались пользоваться своею силою. Въ собраніе явились новыя муниципальныя власти за утвержденіемъ своихъ полномочій. Передъ ними несли три знамени, съ надписью: *Отечество, свобода, равенство*. Ораторъ ихъ сказалъ повелительную рѣчь, завершивъ ее требованіемъ, чтобы король былъ отстраненъ отъ престола и созванъ національный конвентъ. Депутаціи слѣдовали одна за другою, и всѣ представляли одно и то же желаніе, или, вѣрнѣе, приказаніе. Собраніе нашлось вынужденнымъ удовлетворить ихъ. Однако, оно не желало принимать на себя совершеннаго отстраненія короля. Верньо вступилъ на трибуну и отъ имени комиссіи двѣнадцати сказалъ: «Предлагаю вамъ весьма суровую мѣру; но ваша горесть лучше всего покажетъ вамъ, какъ необходимо, чтобы вы немедленно приняли эту мѣру». Мѣра заключалась въ созваніи національнаго конвента, въ отставкѣ министровъ и въ пріостановленіи дѣятельности королевской власти. Собраніе приняло ее единогласно. Въ министерство опять были призваны жирондисты; знаменитые декреты были приведены въ

исполненіе; около 4.000 неприсягнувшихъ священниковъ подверглись изгнанію; въ арміи были посланы комиссары, чтобы обезпечить ихъ вѣрность. Людовикъ XVI, которому собраніе назначило мѣстомъ жительства Люксамбургъ, былъ переведенъ въ Тампль и заключенъ тамъ всевластнымъ городскимъ управленіемъ подъ тѣмъ предлогомъ, что иначе оно не можетъ поручиться за его безопасность. Наконецъ, на 23-е сентября было назначено открытіе чрезвычайнаго собранія для рѣшенія участи монархіи. Но фактически монархія уже пала 10-го августа, въ день возстанія народа противъ средняго сословія и конституціонной монархіи, подобно тому, какъ 14-ое іюля было днемъ возстанія средняго сословія противъ привилегированныхъ классовъ и абсолютизма короны. 10-ое августа было началомъ новой революціонной эпохи — диктаторской и основанной на произволѣ. Положеніе дѣлъ запутывалось все болѣе и болѣе; возгорѣлась война въ громадныхъ размѣрахъ, потребовавшая удвоенной энергіи, и эта народная, а потому и безпорядочная энергія сдѣлала господство низшихъ классовъ тревожнымъ, притѣснительнымъ и жестокимъ. Вопросъ совершенно измѣнился тогда въ своемъ характерѣ; цѣлью движенія стала уже не свобода, а общественная безопасность; періодъ Конвента отъ паденія конституціи 1791 г. до той минуты, когда конституція III года республики установила директорію, былъ долгою борьбою революціи противъ партій и Европы. Да и могло ли быть иначе? «Какъ скоро однажды установилось революціонное движеніе, — говоритъ де-Мэстръ *), — Франція и монархія могли быть спасены только якобинизмомъ... Наши потомки, которымъ не будетъ дѣла до нашихъ страданій, которые станутъ плясать на нашихъ могилахъ, посмѣются надъ нашимъ теперешнимъ невѣжествомъ. Они легко утѣшатся въ тѣхъ крайностяхъ, которыя мы пережили, такъ какъ благодаря имъ сохранилась цѣлость прекраснѣйшаго государства».

Департаменты объявили сочувствіе къ событіямъ 10-го августа. Армія, всегда подчинявшаяся немного позже другихъ классовъ вліянію революціи, носила на себѣ еще характеръ конституціонно-роялистскій, но такъ какъ войска зависѣли отъ партій, то и должны были покориться господствующему революціонному направленію. Младшіе генералы — Дюмурье, Кюстинъ, Биронъ, Келлерманъ, Лабурдоннэ — склонялись въ пользу послѣднихъ перемѣнъ. Они еще не приняли ничьей стороны и надѣялись, что эта революція подвинетъ ихъ впередъ по службѣ. Не таковы были двое главнокомандующихъ: Люкнеръ колебался между возмущеніемъ 10-го августа, которое онъ называлъ *маленькимъ приключеніемъ, случившимся въ Парижѣ*, — и своимъ другомъ Лафайетомъ. Послѣдній, будучи главою конституціонной партіи, до конца вѣрный своей присягѣ, хотѣлъ защищать низверженный тронъ и

*) Considerations sur la France. Lausanne. 1799.

уже не существовавшую конституцію. У него было около тридцати тысячъ солдатъ, преданныхъ его дѣлу и ему лично. Главная квартира его находилась близъ Седана. Начертавъ планъ дѣйствій въ пользу конституціи, онъ снесся съ муниципалитетомъ Седана и съ директоріею арденскаго департамента, чтобы основать гражданскій центръ, къ которому бы могли примкнуть всѣ другіе департаменты. Трое комиссаровъ — Керсенъ, Антонель и Перальди, присланные Законодательнымъ Собраніемъ въ его армію, были арестованы и посажены въ седанскую тюрьму. Поводомъ къ этой мѣрѣ было такое соображеніе: такъ какъ свобода дѣйствій собранія была стѣснена силою, то члены, принявшіе подобное порученіе, могли быть только вождями или орудіями злоумышленной партіи, которая захватила въ свою власть Національное Собраніе и короля. Вслѣдъ за тѣмъ войска и гражданскія власти возобновили присягу конституціи, и Лафайетъ старался расширять кругъ возстанія армій противъ народнаго возстанія.

Въ эту минуту генералъ Лафайетъ, можетъ быть, много слишкомъ думалъ о прошломъ, о законѣ и о присягѣ, и недостаточно — о дѣйствительно чрезвычайномъ положеніи, въ которомъ находилась Франція. Онъ видѣлъ только, что самыя дорогія надежды друзей свободы разрушены, что государство находится во власти демагогіи и анархическаго правленія якобинцевъ; но онъ не видѣлъ печальной неизбѣжности положенія, которое вело къ торжеству этихъ послѣднихъ пришельцевъ революціи. Буржуазія имѣла настолько силы, чтобы сломить старый порядокъ и возвыситься надъ привилегированными классами; но она ослабѣла послѣ этой побѣды и казалась неспособною къ отраженію эмиграціи и цѣлой Европы. Совершилось новое потрясеніе, образовывались новыя убѣжденія, выступалъ на сцену многочисленный классъ людей низкихъ, еще не утомленныхъ и вдохновленныхъ событіями 10-го августа, точно также, какъ буржуазія была вдохновлена событіями 14-го іюля. Лафайетъ не могъ сойтись съ этой новой партіей; онъ сражался съ нею во время Учредительнаго Собранія на Марсовомъ полѣ, до и послѣ 20-го іюня. Продолжать свою прежнюю роль, поддержать существованіе партіи, имѣвшей на своей сторонѣ право, но осужденной событіями, Лафайетъ могъ не иначе, какъ подвергнувъ опасности судьбу своей родины и результаты той революціи, которой онъ былъ искренно преданъ. Еслибы его сопротивленіе продолжалось дольше, оно возбудило бы междоусобную войну между арміею и народомъ въ то именно время, когда онъ самъ не былъ убѣжденъ, что Франція, соединивъ всѣ свои силы, выдержитъ войну съ иностранцами.

Наступило 19-ое августа; непріятельская армія, выступивъ изъ Кобленца 30-го іюля, подвигалась вверхъ по Мозелю и подступала съ этой стороны къ границѣ Франціи. Войска, въ виду общей

опасности, готовы были подчиниться собранію. Люкнеръ, вначалѣ одобрявшій Лафайета, теперь отрекся отъ него съ клятвами и слезами передъ муниципалитетомъ Меца, и самъ Лафайетъ понялъ, что приходится уступить судьбѣ. Принявъ на себя всю отвѣтственность за возмущеніе арміи, онъ покинулъ ее. Его сопровождали Бюро-де-Пюзи, Латуръ-Мобуръ, Александръ Ламетъ и нѣсколько офицеровъ его штаба. Онъ отправился мимо непріятельскихъ постовъ въ Голландію, чтобы оттуда ѣхать въ Соединенные Штаты, второе свое отечество. Но его узнали и арестовали вмѣстѣ со спутниками. Вопреки всѣмъ законамъ, съ нимъ обошлись, какъ съ военно-плѣннымъ, и посадили сначала въ магдебургскую тюрьму, а потомъ австрійцы перевели его въ Ольмюцъ. Англійскій парламентъ ходатайствовалъ въ его пользу, но Лафайетъ былъ освобожденъ только послѣ кампоформійскаго договора Наполеономъ Бонапартомъ. Въ продолженіе четырехлѣтняго крайне тяжелаго заключенія Лафайетъ, подвергаясь всѣмъ лишеніямъ, не зная, что сталось съ свободою и съ Франціею, не имѣя передъ собою ничего, кромѣ безнадежности арестанта, выказалъ вполнѣ геройское мужество. Ему предлагали свободу съ тѣмъ, чтобы онъ сдѣлалъ нѣкоторыя уступки, но онъ предпочелъ лучше остаться заживо погребеннымъ въ тюрьмѣ, чѣмъ отступить въ чемъ бы то ни было отъ святого дѣла, которому онъ посвятилъ свою жизнь.

Въ наши времена рѣдко встрѣчаются люди, жизнь которыхъ была бы такъ безупречно чиста, какъ жизнь Лафайета, характеръ такъ прекрасенъ, популярность такъ продолжительна и такъ заслужена. Защищавъ рядомъ съ Вашингтономъ свободу въ Америкѣ, онъ хотѣлъ утвердить ее тѣмъ же путемъ и во Франціи; но была ли возможна такая прекрасная роль во время французской революціи? Когда народъ домогается свободы, не зная внутреннихъ раздоровъ, когда врагами его являются только иностранцы, онъ можетъ найти освободителя и породить въ Нидерландахъ — принца Оранскаго, въ Америкѣ — Вашингтона, но какъ скоро народъ домогается свободы наперекоръ внутреннимъ раздорамъ и внѣшнимъ врагамъ, среди партій и битвъ, онъ можетъ породить только Кромвеля и Бонапарта, которые становятся диктаторами революцій среди сраженій или въ моментъ изнеможенія партій. Лафайетъ, дѣятель первой эпохи революціи, съ энтузіазмомъ высказался за ея результаты. Онъ сталъ генераломъ средняго сословія, какъ во главѣ національной гвардіи во время Учредительнаго Собранія, такъ и въ арміи при Собраніи Законодательномъ. Онъ былъ возвышенъ среднимъ сословіемъ и палъ вмѣстѣ съ нимъ. О Лафайетѣ можно сказать, что если онъ заблуждался, то, во всякомъ случаѣ, единственною цѣлью его была свобода, а единственнымъ руководителемъ — законъ. Тотъ образъ дѣйствій, котораго держался онъ еще въ молодости, когда посвятилъ себя освобожденію двухъ міровъ, его славные подвиги, его непоколебимая твер-

лость—все это будетъ оцѣнено потомствомъ, въ глазахъ котораго человѣкъ не можетъ имѣть двухъ репутацій (какъ это бываетъ во время борьбы партій), и которое воздастъ каждому по заслугамъ.

Виновники 10-го августа все болѣе и болѣе разъединялись, не соглашаясь въ результатахъ, которые должна была имѣть эта революція. Отважная и сильная партія, овладѣвшая городскимъ управленіемъ, посредствомъ его же хотѣла господствовать надъ Парижемъ, посредствомъ Парижа — надъ Національнымъ Собраніемъ, посредствомъ Національнаго Собранія—надъ Франціей. Добившись заключенія Людовика XVI въ Тамплѣ, она приказала сбить всѣ статуи королей, уничтожить всѣ эмблемы монархіи. Директорія департамента имѣла надзоръ надъ муниципалитетомъ,—эта партія уничтожила директорію, чтобы дать независимость муниципалитету. Законъ требовалъ извѣстныхъ условій для того, чтобы быть активнымъ гражданиномъ; эта партія отмѣнила законъ, чтобы допустить народъ къ участію въ правленіи. Въ то же время она потребовала учрежденія чрезвычайнаго судилища для суда надъ заговорщиками 10 августа. Собраніе, недостаточно покорное и старавшееся посредствомъ прокламацій призывать народъ къ болѣе умѣреннымъ и болѣе справедливымъ чувствамъ, получало изъ ратуши грозныя посланія. «Какъ гражданинъ,—говоритъ одинъ членъ городского управленія, — какъ народный судья, увѣдомляю васъ, что сегодня въ полночь ударятъ въ набатъ и забьютъ сборъ. Народу наскучило ожидать, пока отомстятъ за него; берегитесь, чтобы онъ самъ не отомстилъ за себя». — «Если черезъ два или три часа,—говоритъ другой,—не будетъ назначенъ президентъ судилища, и если оно не будетъ въ состояніи дѣйствовать, то Парижъ подвергнется большимъ несчастіямъ». Чтобы избѣжать новыхъ бѣдствій, собраніе было вынуждено назначить чрезвычайный уголовный судъ. Онъ произнесъ приговоръ надъ нѣсколькими лицами; но городское управленіе, питавшее самые ужасные замыслы, находило, что судъ дѣйствуетъ слишкомъ медленно.

Во главѣ своей городское управленіе имѣло Марата, Пани, Сержана, Дюплена, Ланфана, Лефора, Журделя, Колло д'Эрбуа, Билльо-Варенна, Тальена и др. Но главнымъ вождемъ этой партіи былъ въ то время Дантонъ, болѣе всѣхъ другихъ способствовавшій событіямъ 10-го августа. Въ продолженіе всей этой ночи онъ бѣгалъ изъ окружныхъ собраній въ казармы марсельцевъ и бретонцевъ, а оттуда въ предмѣстья. Какъ членъ революціоннаго управленія, онъ руководилъ его дѣйствіями и былъ выбранъ потомъ министромъ юстиціи.

Дантонъ былъ исполиномъ между революціонерами. Никакое средство не казалось ему предосудительнымъ, лишь бы оно было ему полезно; онъ былъ убѣжденъ, что степень власти и силы зависитъ исключительно отъ степени смѣлости. Дантонъ — Мирабо черни, какъ его называли — въ самомъ дѣлѣ походилъ на этого

трибуна высшихъ классовъ: такія же рѣзкія черты, сильный голосъ, порывистые жесты, смѣлое краснорѣчіе, повелительное выраженіе лица. Ихъ пороки были также одинаковы; но у Мирабо это были пороки патриція, у Дантона—пороки демократа. То, что было смѣлаго въ замыслахъ Мирабо, было и въ Дантонѣ, но другого закала, такъ какъ онъ принадлежалъ къ другому классу и къ другой эпохѣ революціи. Пылкій, обремененный долгами и нуждою, развратный, преданный то своимъ страстямъ, то своей партіи, Дантонъ былъ грозенъ въ политикѣ, пока дѣло шло о достиженіи цѣли, и снова становился безпечнымъ, когда достигалъ ея. Этотъ мощный демагогъ представлялъ въ себѣ смѣсь пороковъ и противоположныхъ качествъ. Продавшись двору, онъ сохранилъ гордую смѣлость своихъ республиканскихъ чувствъ; есть характеры, которыхъ не унижаетъ даже продажность. Онъ сталъ истребителемъ, не будучи жестокимъ; онъ былъ неумолимъ, когда дѣло шло о цѣлой массѣ, и гуманенъ, даже великодушенъ по отношенію къ личностямъ*). Революція въ его глазахъ была игрою, въ которой побѣдитель выигрывалъ, если это ему было нужно, жизнь побѣжденнаго. Спасеніе родины стояло для Дантона выше закона, даже выше человѣчности: вотъ чѣмъ объясняются его злодѣянія послѣ 10-го августа и переходъ къ умѣренности, когда онъ почелъ республику утвердившеюся.

Въ это время пруссаки, подступавшіе въ томъ порядкѣ, который мы указали, перешли черезъ границу послѣ двадцатидневнаго похода. Седанская армія была безъ полководца и не могла сопротивляться силамъ столь превосходнымъ и такъ хорошо организованнымъ. 20-го августа пруссаки обложили Лонгви; 21-го они бомбардировали его, а 24-го онъ сдался на капитуляцію. 30-го непріятельская армія явилась подъ Верденомъ, обложила его и начала бомбардировать. Взятіе Вердена открывало путь въ столицу. Взятіе Лонгви, приближеніе такой великой опасности повергли Парижъ въ величайшее волненіе и тревогу. Исполнительный совѣтъ, составленный изъ министровъ, былъ призванъ въ комитетъ общественной обороны для обсужденія мѣръ, какія слѣдовало принять въ такихъ опасныхъ обстоятельствахъ. Одни хотѣли ждать непріятеля за стѣнами столицы; другіе—удалиться въ Сомюръ. Вамъ не безызвѣстно, — сказалъ Дантонъ, когда пришла его очередь говорить, — что Франція — въ Парижѣ; если вы предоставите столицу иностранцамъ, то этимъ вы сдадитесь имъ сами и сдадите Францію. Потому именно въ Парижѣ и нужно удержаться всѣми средствами; я не могу принять плана, который настаиваетъ на удаленіи отсюда. Не лучшимъ нахожу я и второй планъ. Невозможно думать о сра-

*) Въ то время, когда дума приготовляла рѣзню 2-го сентября, онъ спасалъ всѣхъ, кто ему попадался; по собственному побужденію, онъ освободилъ изъ тюрьмы Дюпора, Барнава и Шарля Ламета, которые были, нѣкоторымъ образомъ, его личными соперниками.

женіи подъ стѣнами столицы, когда 10-ое августа раздѣлило Францію на двѣ части, изъ которыхъ одна предана трону, а другая желаетъ республики. Послѣдняя, составляющая, какъ вы знаете, незначительное меньшинство въ государствѣ, есть единственная, на которую вы можете положиться въ битвѣ. Другая откажется сражаться: она будетъ возбуждать Парижъ въ пользу иностранцевъ въ то время, когда ваши защитники, поставленные между двухъ огней, будутъ биться для того, чтобы оттѣснить врага. Если они падутъ, — въ чемъ, мнѣ кажется, нельзя и сомнѣваться, — то ваша гибель и гибель Франціи неизбѣжна; если же, противъ всякаго ожиданія, они воротятся побѣдителями коалиціи, то эта побѣда все-таки будетъ для васъ пораженіемъ, потому что она вамъ будетъ стоить многихъ тысячъ храбрыхъ, тогда какъ роялисты, будучи гораздо многочисленнѣе васъ, не потеряютъ своей силы и вліянія. По моему мнѣнію, чтобы разстроить мѣры неприятеля и остановить его, нужно *задать страху* роялистамъ». Комитетъ, понявшій смыслъ этихъ страшныхъ словъ, пришелъ въ ужасъ. «Да, говорю вамъ, — снова началъ Дантонъ, — нужно задать имъ страху...» Такъ какъ комитетъ своимъ молчаніемъ и ужасомъ отвергъ это страшное предложеніе, Дантонъ сталъ совѣщаться съ городской думой; онъ желалъ подавить враговъ страхомъ, втянуть болѣе и болѣе народъ въ свои замыслы, сдѣлать его соучастникомъ своимъ и не оставить революціи иного исхода, кромѣ побѣды.

Приступлено было къ домашнимъ обыскамъ, съ мрачною и грозною обстановкою; множество лицъ, подозрительныхъ революціонной партіи по ихъ общественному положенію и убѣжденіямъ, было заключено въ тюрьмы. Эти несчастные узники принадлежали преимущественно къ двумъ разномыслящимъ классамъ — духовенству и дворянству, обвиняемымъ въ заговорѣ съ самаго начала существованія Законодательнаго Собранія. Граждане, способные носить оружіе, были сформированы въ полки на Марсовомъ полѣ и 1-го сентября отправились къ границѣ. Забили сборъ, ударили въ набатъ, раздались пушечные выстрѣлы, и Дантонъ явился дать отчетъ собранію въ мѣрахъ, принятыхъ имъ для спасенія отечества. «Пальба, которую вы слышите, — сказалъ онъ, — возвѣщаетъ не тревогу, а атаку на нашихъ враговъ. Что нужно, чтобы побѣдить ихъ, чтобы истребить ихъ? Нужна смѣлость, смѣлость и смѣлость!» Извѣстіе о взятіи Вердена пришло ночью съ 1-го на 2-ое сентября. Дума воспользовалась этой минутой, когда испуганному Парижу казалось, что неприятель уже у его воротъ, чтобы выполнить свои ужасныя намѣренія. Снова раздались выстрѣлы, забили въ набатъ, заперли заставы — и началась рѣзня.

Арестантовъ, заключенныхъ въ Кармахъ, въ Аббатствѣ, въ Консьержери, въ Форсѣ и другихъ тюрьмахъ, рѣзала въ продолженіе трехъ дней толпа изъ трехсотъ убійцъ, подкупленная и руководимая думою. Эти злодѣи были и судьями, и палачами; они съ

холоднымъ фанатизмомъ, подражали священныя формы судопроизводства и, казалось, отправляли свое ремесло, а не совершали месть. Они рѣзали безъ запальчивости, безъ угрызеній совѣсти, съ убѣжденіемъ фанатиковъ и съ покорностью палачей. Если ихъ трогали какія-нибудь исключительныя обстоятельства и пробуждали въ нихъ человѣческія чувства, справедливость и пощаду, то они умилялись лишь только на минуту и снова начинали рѣзать. Такимъ образомъ нѣсколько жертвъ было спасено; но спасенныхъ было весьма мало. Собраніе, желавшее воспрепятствовать рѣзнѣ, не было въ силахъ сдѣлать этого; министерство было столь же безсильно, какъ и собраніе: одна свирѣпая дума была всевластна и всѣмъ руководила; мэръ Петіонъ былъ лишенъ всякаго значенія; солдаты, охранявшіе тюрьмы, боялись сопротивляться палачамъ и предоставили имъ свободу дѣйствій: народъ былъ или участникомъ, или равнодушнымъ зрителемъ, остальные граждане не смѣли даже показывать своего ужаса; можно бы удивиться, что такое великое и продолжительное злодѣйство было безпрепятственно совершено, еслибы мы не знали, на что способенъ фанатизмъ партіи и что можетъ внушить страхъ. Но виновники этого страшнаго преступленія не избѣжали заслуженной кары. Изъ нихъ большая часть погибла среди политической бури и отъ тѣхъ самыхъ насильственныхъ средствъ, которыя они употребляли. Рѣдко бываетъ, чтобы люди партій не испытывали той самой участи, какой они подвергали другихъ.

Исполнительный совѣтъ, которымъ руководилъ въ военныхъ операціяхъ генералъ Серванъ, придвинулъ къ границѣ близъ Шалона новобранцевъ. Онъ желалъ поставить самаго искуснаго генерала на томъ пунктѣ, которому наиболѣе грозила опасность; но выборъ былъ затруднителенъ. Изъ генераловъ, выставившихся въ пользу послѣднихъ политическихъ событій, Келлерманъ казался способнымъ быть только второстепеннымъ начальникомъ, и его назначили на мѣсто нерѣшительнаго Люкнера; Кюстинъ же, хотя и не имѣвшій недостатка въ военной опытности, былъ болѣе способенъ къ какому-нибудь смѣлому подвигу, чѣмъ къ начальствованію надъ многочисленной арміей, отъ которой зависѣла участь Франціи. Въ Биронѣ, въ Лабурдоне и въ другихъ генералахъ также не предполагали большихъ военныхъ талантовъ,—и оставили ихъ на прежнихъ позиціяхъ, при ихъ корпусахъ. Оставался одинъ Дюмурье, противъ котораго жирондисты были нѣсколько озлоблены, и котораго они сверхъ того подозрѣвали въ честолюбивыхъ замыслахъ и наклонностяхъ авантюриста, отдавая, впрочемъ, полную справедливость его замѣчательнымъ способностямъ. Такъ какъ онъ былъ единственнымъ генераломъ, способнымъ къ этой важной роли, то исполнительный совѣтъ назначилъ его главнокомандующимъ мозельской арміей.

Дюмурье отправился со всею поспѣшностью изъ лагеря при

Модѣ (Maulde) въ седанскій лагерь. Онъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ всѣ подали мнѣніе въ такомъ смыслѣ, что слѣдуетъ отступить къ Шалону или Реймсу и прикрыться Марною. Но Дюмурье былъ далекъ отъ того, чтобы послѣдовать этому опасному совѣту, который обезкураживалъ бы войска, отдалъ бы въ распоряженіе непріятеля Лотарингію, Мецъ, Туль и Верденъ, часть Шампаньи и открылъ бы путь къ Парижу. Дюмурье задумалъ планъ, достойный геніальнаго человѣка. Онъ понялъ, что нужно направиться смѣлымъ шагомъ къ аргонскому лѣсу и тамъ остановить непріятеля. Этотъ лѣсъ имѣлъ четыре выхода, влѣво—у Chêne-Populeux., въ срединѣ—у Croix-au-Bois и Гранпре, вправо—у Илеттовъ; эти выходы открывали или запирали доступъ во Францію. Пруссаки были отъ нихъ всего въ шести миляхъ, а Дюмурье надо было пройти двѣнадцать миль и при этомъ скрыть свое намѣреніе. Онъ сдѣлалъ это чрезвычайно ловко и смѣло: генералъ Дильонъ, направленный на Илетты, занялъ ихъ семью тысячами человѣкъ; самъ Дюмурье пришелъ въ Гранпре и расположился тамъ лагеремъ въ тридцать тысячъ человѣкъ. Круа-о-Буа и Шенъ-Попюле были равнымъ образомъ заняты и охраняемы отдѣльными отрядами. Тогда Дюмурье написалъ къ военному министру Сервану: «*Верденъ взятъ. Я жду пруссаковъ. Лагерь въ Гранпре и Илеттахъ—Ѳермопилы Франціи; но я буду счастливѣе Леонида*».

На этой позиціи Дюмурье могъ остановить непріятеля, въ ожиданіи помощи, которую ему посылали со всѣхъ концовъ Франціи. Баталіоны волонтеровъ были отправлены по лагерямъ, расположеннымъ внутри страны; получивъ тамъ нѣкоторую организацію, они были отправляемы въ армію Дюмурье. На границахъ Фландріи Бернонвиль получилъ приказъ двинуться съ девятью тысячами человѣкъ и быть 13-го сентября въ Ретелѣ, влѣво отъ Дюмурье. Дюваль долженъ былъ тоже отправиться 7-го числа съ семью тысячами человѣкъ въ Chêne-Populeux; наконецъ, справа шелъ изъ Меца Келлерманъ съ двадцатью двумя тысячами человѣкъ для подкрѣпленія Дюмурье. Оставалось выиграть время.

Герцогъ Брауншвейгскій, овладѣвъ Верденомъ, перешелъ черезъ Маасъ въ трехъ колоннахъ. Генералъ Клерфэ дѣйствовалъ на правомъ флангѣ, а князь Гогенлоэ—на лѣвомъ. Отчаявшись выбить изъ позиціи Дюмурье, посредствомъ фронтовой атаки, онъ пытался обойти его. Дюмурье имѣлъ неосторожность сосредоточить всѣ свои силы въ Гранпре и въ Илеттахъ и оставить слишкомъ незначительные отряды войскъ въ Chêne-Populeux и въ Croix-au-Bois, которые, правда, были не столь важными постами. Пруссаки овладѣли ими и едва не заставили его положить оружіе, обойдя его лагерь въ Гранпре. Несмотря на эту капитальную ошибку, которая уничтожила плоды его первыхъ маневровъ, Дюмурье не потерялъ присутствія духа. Онъ тайно снялся съ лагеря; въ ночь на 14-ое сентября перешелъ

черезъ рѣку Эну, путь по которой могли бы ему отрѣзать, сдѣлалъ столь же ловкое отступленіе, какъ и походъ его на Аргонъ, и сосредоточился въ лагерѣ при Сентъ-Мену. Онъ уже задержалъ въ Аргонѣ наступленіе пруссаковъ; наступала осень,—погода портилась: ему болѣе ничего не оставалось, какъ утвердиться въ этой новой позиціи до соединенія съ Келлерманомъ и Бернонвилемъ — и успѣхъ кампаніи становился обезпеченнымъ. Войска попривыкли къ военнымъ трудностямъ, а армія, съ присоединеніемъ, 17-го числа, Бернонвиля и Келлермана, возросла почти до семидесяти тысячъ человѣкъ.

Прусская армія слѣдила за движеніями Дюмурье: 20-го числа она атаковала Келлермана при Вальми, чтобы отрѣзать у французской арміи отступленіе къ Шалону. Съ обѣихъ сторонъ завязалась сильная канонада. Затѣмъ пруссаки двинулись колоннами на высоты Вальми съ намѣреніемъ отбить ихъ. Келлерманъ также построилъ свою пѣхоту колоннами и не велѣлъ ей стрѣлять, а ждать приближенія непріятеля, чтобы принять его въ штыки. Онъ отдалъ этотъ приказъ при крикахъ: «Да здравствуетъ нація!» и этотъ кликъ, повторенный съ одного конца линіи до другого, поразилъ пруссаковъ еще болѣе, чѣмъ непоколебимый видъ французскихъ войскъ. Герцогъ Брауншвейгскій заставилъ отступить свои батальоны, уже нѣсколько поколебленные; канонада продолжалась еще до вечера; непріятели снова попытались пойти въ атаку и были отброшены. Этотъ почти незначительный успѣхъ при Вальми произвелъ на войска и на общественное мнѣніе Франціи такое впечатлѣніе, какое производитъ обыкновенно только самая полная побѣда.

Съ этого же времени началось также и уныніе непріятеля, и его отступленіе. Пруссаки, повѣривъ обѣщаніямъ эмигрантовъ, начали эту кампанію, какъ военную прогулку. У нихъ не было ни запасовъ, ни продовольствія. Сопротивленіе, которое они встрѣчали среди открытой страны, становилось со дня на день сильнѣе; постоянные дожди размыли дороги; солдаты шли по колѣно въ грязи и въ продолженіе четырехъ дней питались только развареннымъ хлѣбомъ. Болѣзни, происшедшія отъ употребленія воды, содержавшей известь, лишенія и сырость производили страшныя опустошенія въ рядахъ прусскаго войска. Герцогъ Брауншвейгскій совѣтовалъ отступить, вопреки мнѣнію прусскаго короля и эмигрантовъ, которые желали рискнуть сраженіемъ и овладѣть Шалономъ. Но такъ какъ участь прусской монархіи была тѣсно связана съ ея арміей, и такъ какъ совершенная потеря арміи въ случаѣ пораженія была бы несомнѣнна, то совѣтъ герцога Брауншвейгскаго взялъ перевѣсъ. Начались переговоры, и пруссаки, отступая отъ своихъ первыхъ притязаній, требовали только возстановленія короля на конституціонномъ тронѣ. Но Конвентъ уже собрался, республика была провозглашена, и исполнительный совѣтъ отвѣчалъ, что

французская республика не станетъ слушать никакихъ предложеній, пока прусскія войска не очистятъ совершенно французской территоріи. Тогда пруссаки начали вечеромъ 30-го сентября свое отступленіе. Ихъ слабо тревожилъ Келлерманъ, которому Дюмурье послалъ ихъ преслѣдовать, между тѣмъ какъ самъ онъ отправился въ Парижъ наслаждаться своею побѣдою и условиться о вторженіи въ Бельгію. Французскія войска опять заняли Верденъ и Лонгви, а непріятель, пройдя Арденны и Люксембургскую область, перешелъ въ концѣ октября черезъ Рейнъ у Кобленца.

Этотъ походъ ознаменовался повсемѣстными успѣхами для Франціи. Во Фландріи герцогъ Саксенъ-Тешенскій былъ вынужденъ снять осаду Лилля послѣ ужасной семидневной бомбардировки, длившейся непрерывно, но безуспѣшно. На Рейнѣ Кюстинъ овладѣлъ Триромъ, Шпейеромъ, Майнцемъ. Въ Альпахъ генералъ Монтескью овладѣлъ Савойей, а генералъ Ансельмъ—графствомъ Ниццею. Французскія войска, побѣдоносныя на всѣхъ пунктахъ, повсюду дѣйствовали наступательно, и революція была спасена.

Еслибы представить картину государства, только что выдержавшаго великій кризисъ, и сказать: въ этомъ государствѣ было абсолютное правительство—и власть его ограничена; были два привилегированныхъ сословія—и они потеряли свое первенство; былъ многочисленный народъ, уже освобожденный цивилизаціей и наукой, но лишенный политическихъ правъ,—народъ, который, вслѣдствіе испытанныхъ отказовъ, былъ принужденъ самъ завоевать себѣ эти права; еслибы еще прибавить къ этому, что правительство сначала противодѣйствовало революціи, а потомъ покорилось ей, но привилегированныя сословія сопротивлялись ей постоянно,—то вотъ что можно было бы заключить изъ этихъ данныхъ:

Правительство станетъ жалѣть о своихъ уступкахъ; народъ проникнется недовѣріемъ, и привилегированныя сословія будутъ, каждое по-своему, нападать на новый порядокъ. Дворянство, не будучи въ состояніи дѣлать этого внутри государства, эмигрируетъ, чтобы возбудить чужеземныя державы, которыя приготовятся къ нападенію. Духовенство, которое внѣ государства было бы лишено средствъ дѣйствовать, останется въ его предѣлахъ и будетъ набирать бойцовъ противъ революціи. Народъ, угрожаемый внѣшними и внутренними врагами, раздраженный противъ эмиграціи, вооружившей чужеземцевъ, и на чужеземцевъ, нападающихъ на его независимость, на духовенство, волнующее страну,—поступитъ съ духовенствомъ, съ эмиграціей и съ чужеземцами, какъ съ непріятелями своими. Сначала онъ потребуетъ надзора надъ непокорными священниками, потомъ ихъ изгнанія, конфискаціи доходовъ эмигрантовъ, наконецъ войны противъ европейской коалиціи, чтобы предупредить ея нападеніе. Первые дѣятели революціи осудятъ тѣ мѣры, которыя будутъ несогласны съ закономъ; продолжатели ре-

волюціи увидятъ, напротивъ, въ нихъ спасеніе отечества; между тѣми, которые предпочтутъ конституцію государству, и тѣми, которые предпочтутъ государство конституціи, возникнетъ вражда. Король, побуждаемый интересами своего трона, своими наклонностями и убѣжденіями, отвергнетъ политику революціонеровъ и прослыветъ сообщникомъ контръ-революціи, потому что покажется, будто онъ покровительствуетъ ей. Тогда революціонеры попытаются привлечь короля на свою сторону, напугавъ его, и, не успѣвъ въ этомъ, ниспровергнуть монархію.

Таковъ былъ дѣйствительный ходъ событій. Внутреннія смуты вызвали декретъ противъ священниковъ; внѣшнія угрозы — декретъ противъ эмигрантовъ; коалиція иностранныхъ державъ — войну противъ Европы; первое пораженіе нашихъ войскъ — организацію лагеря въ двадцать тысячъ человѣкъ. Отказъ короля утвердить большую часть этихъ декретовъ навлекъ на Людовика XVI подозрѣніе жирондистовъ; распри конституціоналистовъ и жирондистовъ, изъ которыхъ одни хотѣли быть законодателями, какъ въ мирное время, другіе — врагами, какъ въ военное, — разъединили приверженцевъ революціи. Для жирондистовъ свобода зависѣла отъ побѣды, побѣда — отъ декретовъ. 20-ое іюня было попыткой заставить короля принять эти декреты; потерпѣвъ неудачу, жирондисты заключили, что осталось или отказаться отъ революціи, или ниспровергнуть тронъ, — и выбрали послѣднее — 10-го августа. Итакъ, безъ эмиграціи, приведшей къ безпорядкамъ, король, вѣроятно, примирился бы съ конституціей, и революціонеры не могли бы помышлять о республикѣ.

Національный Конвентъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Съ 21-го сентября 1792 г. до 21-го января 1793 г.

Первыя мѣры Конвента.—Составъ его.—Соперничество жирондистовъ съ монтаньярами.—Сила и намѣренія этихъ партій.—Робеспьеръ; жирондисты обвиняютъ его въ стремленіи къ диктатурѣ.—Маратъ.—Новое обвиненіе Робеспьера, сдѣланное Луве; защита Робеспьера; Конвентъ переходитъ къ очередному вопросу.—Монтаньяры, вышедшіе побѣдителями изъ этой борьбы, требуютъ суда надъ Людовикомъ XVI.—Мнѣнія партій по этому вопросу.—Конвентъ рѣшаетъ, что Людовикъ XVI будетъ переданъ суду Конвента.—Людовикъ XVI въ Тамплѣ; его отвѣты передъ Конвентомъ; его защита; приговоръ, надъ нимъ произнесенный; мужество и спокойствіе его въ послѣднія минуты жизни.—Достоинства и недостатки его, какъ короля.

Конвентъ организовался 20-го сентября 1792 г. и открылъ свои засѣданія 21-го числа. Въ первомъ же засѣданіи онъ уничтожилъ королевскую власть и провозгласилъ республику. 22-го числа онъ присвоилъ себѣ революцію, объявивъ, что она будетъ считаться не съ *IV года свободы*, а съ *I года французской республики*. Послѣ этихъ мѣръ, принятыхъ обѣими партіями, раздѣлившимися въ послѣднее время существованія Законодательнаго Собранія, не только единогласно, но даже съ нѣкоторымъ соперничествомъ въ демократическихъ чувствахъ и энтузіазмѣ, Конвентъ, вмѣсто того, чтобы приступить къ занятіямъ, предался внутреннимъ раздорамъ. Прежде чѣмъ организовать новую революцію, жирондисты и монтаньяры хотѣли знать, кто будетъ главнымъ распорядителемъ ея, и затѣяли борьбу, предупредить которую не могли даже громадныя опасности ихъ положенія. Болѣе чѣмъ когда-либо имъ слѣдовало бояться Европы. Такъ какъ Австрія, Пруссія и нѣкоторые германскіе князья сдѣлали нападеніе на Францію еще до 10-го августа, то теперь, послѣ паденія монархіи, ареста

Людовика XVI и сентябрьскихъ убійствъ, легко было ожидать, что и другіе государи объявятъ себя противъ революціи. Число внутреннихъ враговъ революціи увеличилось. Къ приверженцамъ прежняго порядка, дворянства и духовенства, присоединились приверженцы конституціонной королевской власти: однихъ крайне озабочивала судьба Людовика XVI, другіе не вѣрили въ возможность свободы безъ порядка и при господствѣ толпы. Среди такихъ затрудненій, въ виду стольких противниковъ, когда согласіе было далеко не лишнее даже противъ внѣшнихъ враговъ, жирондисты и монтаньяры напали другъ на друга съ яростнымъ ожесточеніемъ. Впрочемъ, жиронда и гора были несовмѣстимы, и ихъ вожди не могли сблизиться: слишкомъ много было поводовъ къ разъединенію въ ихъ спорѣ за господство и въ ихъ намѣреніяхъ.

Обстоятельства принудили жирондистовъ сдѣлаться республиканцами, между тѣмъ какъ лучше всего имъ пристало бы оставаться конституціоналистами. Прямота ихъ намѣреній, нерасположеніе къ толпѣ, отвращеніе къ насильственнымъ мѣрамъ и въ особенности осторожность, совѣтовавшая предпринимать только то, что возможно,— все это заставляло ихъ стоять за конституцію; но не въ ихъ волѣ было оставаться тѣми же, какими они были прежде. Они повиновались теченію событій, увлекавшему ихъ къ республикѣ, и мало-по-малу привыкали къ этой формѣ правленія. Хотя теперь они пламенно и искренно желали ея, но вмѣстѣ съ тѣмъ они сознавали, что основать и упрочить ее весьма трудно. Задача казалась имъ великою и прекрасною; но они видѣли, что недостаетъ людей для ея осуществленія. Толпа не имѣла ни образованія, ни чистыхъ нравовъ, необходимыхъ для республиканскаго управленія. Революція, произведенная Учредительнымъ Собраніемъ, была столько же законна потому, что въ ней не было ничего невозможнаго, какъ и потому, что она была справедлива: у нея была своя конституція, свои граждане. Но новая революція, призывавшая къ управленію государствомъ низшіе классы народа, не могла быть прочною. Она должна была задѣть слишкомъ много интересовъ, имѣть защитниковъ только временныхъ, такъ какъ низшій классъ могъ вмѣшаться въ дѣло во время кризиса, постояннаго же участія въ немъ принимать не могъ. Рѣшившись на вторую революцію, слѣдовало, однако, опираться именно на этотъ классъ. Жирондисты не сдѣлали этого и очутились въ совершенно ложномъ положеніи: они потеряли сочувствіе конституціоналистовъ, не снискавъ сочувствія демократовъ, и стали ни вверху, ни внизу общества. Они, поэтому, образовали партію не цѣльную, какъ бы обрывокъ партіи, который, не имѣя нигдѣ корней, былъ скоро низвергнутъ. Послѣ 10-го августа жирондисты занимали такое же мѣсто между среднимъ классомъ и толпою, какое монархисты, т. е. партія Неккера и Мунье, занимали послѣ 14-го іюля между привилегированными классами и буржуазіей.

Гора, напротивъ того, желала республики съ народомъ. Вожди этой партіи, оскорбленные довѣріемъ, которымъ пользовались жирондисты, старались свергнуть ихъ и стать на ихъ мѣсто. Они были менѣе образованны, менѣе краснорѣчивы, но ловче, рѣшительнѣе и нисколько не разборчивы въ средствахъ. Самая крайняя демократія казалась имъ лучшею формою правленія: то, что они называли народомъ, т. е. низшіе классы, было для нихъ постояннымъ предметомъ горячей заботливости и лести. Ни одна партія не была такъ опасна, но зато ни одна не была и такъ послѣдовательна: она работала для тѣхъ, съ которыми злобно сражалась.

Съ самаго открытія Конвента жирондисты заняли правую сторону его, а монтаньяры—верхніе ряды лѣвой, откуда и произошло названіе ихъ партіи—*гора*. Жирондисты пользовались наибольшею силою въ собраніи; вообще выборы въ департаментахъ были въ ихъ пользу. Большая часть депутатовъ Законодательнаго Собранія были избраны вновь, и такъ какъ въ то время связи значили очень много, то всѣ члены, бывшіе въ близкихъ сношеніяхъ съ депутатами жиронды или съ городской думой до 10-го августа, вступили въ Конвентъ съ прежними убѣжденіями. Другіе не держались никакой системы, никакой партіи, не имѣли ни привязанностей, ни вражды: они образовали такъ называемую въ то время *равнину* или *болото*. Люди этой партіи, не заинтересованные въ борьбѣ жирондистовъ съ горою, держались на сторонѣ права, пока имъ можно было оставаться умѣренными, т. е. пока не приходилось опасаться за свою жизнь.

Гора состояла изъ парижскихъ депутатовъ, избранныхъ подъ вліяніемъ думы 10-го августа, и нѣкоторыхъ ярыхъ республиканцевъ изъ департаментовъ; впослѣдствіи въ нее вступали люди, увлеченные событіями или пораженные страхомъ. Но несмотря на свою меньшую численность, она уже въ то время была весьма могущественна въ Конвентѣ. Она господствовала въ Парижѣ: дума была предана ей, — а думѣ удалось сдѣлаться первенствующею властью въ государствѣ. Монтаньяры пытались управлять департаментами, учредивъ между парижскими и другими муниципалитетами постоянную переписку объ образѣ дѣйствій и намѣреніяхъ; однако, это не вполнѣ удалось имъ, и большая часть департаментовъ были расположены въ пользу ихъ противниковъ, которые поддерживали ихъ доброе расположеніе посредствомъ брошюръ и журналовъ, разсылавшихся министромъ Роланомъ. Домъ Ролана монтаньяры называли *бюро общественнаго ума*, а друзей его—*интриганами*. Но кромѣ поддержки общины, которая рано или поздно должна была достаться на долю горы, она пользовалась сообществомъ якобинцевъ. Духъ этого клуба, самаго вліятельнаго и распространеннаго, мѣнялся безпрестанно, при всякомъ новомъ оборотѣ дѣлъ, хотя названіе клуба и оставалось одно и то же; для людей съ властительными замашками—это была готовая рама: всѣ непо-

гласие съ ними тотчасъ исключались изъ клуба. Парижскій клубъ былъ метрополіей якобинцевъ и почти неограниченно управлялъ другими. Монтаньяры пріобрѣли въ немъ господство и уже удалили изъ него жирондистовъ, дѣйствуя противъ нихъ доносами и возбуждая къ нимъ нерасположеніе; членовъ же клуба, принадлежавшихъ къ буржуазіи, замѣнили санкюлотами. Жирондистамъ оставалось только одно министерство, но и оно, встрѣчая противодѣйствіе думы, не имѣло силы въ Парижѣ. Напротивъ, монтаньяры располагали всѣми наличными силами столицы: посредствомъ якобинцевъ — общественнымъ мнѣніемъ, посредствомъ санкюлотовъ — округами и предмѣстьями и, наконецъ, посредствомъ муниципалитета — возстаніями.

Водворивъ республику, партіи прежде всего стали наступать другъ на друга. Жирондисты были возмущены сентябрьскими убійствами и съ отвращеніемъ видѣли между членами Конвента людей, по совѣту или предписанію которыхъ были произведены эти убійства. Особенно двое изъ нихъ внушали имъ особенное отвращеніе: Робеспьеръ, который, какъ они предполагали, стремился къ тираніи, и Маратъ, съ самаго начала революціи проповѣдывавшій въ своихъ листкахъ убійства. Жирондисты нападали на Робеспьера съ большею злобою, нежели онъ того заслуживалъ: въ то время онъ еще не былъ такъ страшенъ, чтобы навлечь на себя обвиненіе въ диктатурѣ. Упрекая его въ неправдоподобныхъ намѣреніяхъ, доказать которыя, во всякомъ случаѣ, было трудно, враги его тѣмъ самымъ еще болѣе увеличили его популярность и значеніе.

Робеспьеръ, игравшій такую ужасную роль во французской революціи, начиналъ выдвигаться на первое мѣсто. До тѣхъ поръ, несмотря на всѣ его усилія, въ его же партіи постоянно были люди, имѣвшіе надъ нимъ превосходство: во время Учредительнаго Собранія — знаменитые вожди этого собранія, при Законодательномъ Собраніи — Бриссо и Петіонъ, 10-го августа — Дантонъ. Въ эти различныя эпохи онъ стоялъ всегда противъ тѣхъ, репутація и популярность которыхъ затмѣвали его. Среди великихъ людей перваго собранія онъ могъ обратить на себя вниманіе ничѣмъ, какъ только странностью своихъ мнѣній, и потому являлся реформаторомъ самымъ крайнимъ; во время второго собранія онъ сдѣлался конституціоналистомъ, потому что соперники его стояли за нововведенія: онъ говорилъ въ пользу мира въ якобинскомъ клубѣ, потому что противники его требовали войны; съ 10-го августа онъ старался погубить жирондистовъ во мнѣніи клуба и вытѣснить оттуда Дантона, постоянно соединяя дѣло своего тщеславія съ дѣломъ толпы. Человѣкъ обыкновенныхъ способностей и тщеславнаго характера, Робеспьеръ, именно благодаря своей посредственности, выступилъ впередъ почти послѣ всѣхъ, — а это всегда бываетъ выгодно во время революціи; своему страстному самолюбію онъ былъ обязанъ тѣмъ, что постоянно стремился занять по-

рядовое мѣсто, все дѣлалъ для того, чтобы его достигнуть, и ни передъ чѣмъ не отступалъ, чтобы удержаться на немъ. Робеспьеръ обладалъ качествами, нужными для тираніи: душой, правда, далеко не возвышенной, но и не совсѣмъ обыкновенной; преданностью одной господствующей страсти, внѣшностями патріотизма; онъ имѣлъ заслуженную репутацію неподкупности, велъ суровый образъ жизни и не имѣлъ ни малѣйшаго отвращенія къ крови. Онъ доказалъ, что во время гражданскихъ смутъ политическая карьера дѣлается не умомъ, а умѣніемъ держать себя, и что стойкая посредственность сильнѣе генія. Нужно сказать еще, что Робеспьеръ пользовался поддержкой огромной фанатической секты, для которой, со времени закрытія Учредительнаго Собранія, онъ требовалъ правительственной власти, и принципы которой онъ отстаивалъ. Эта секта была произведеніемъ восемнадцатаго вѣка и служила выраженіемъ нѣкоторыхъ его идей. Въ политикѣ ея девизомъ было абсолютное верховное владычество народа, по Contrat social Ж. Ж. Руссо, а въ религіи—деизмъ савойскаго викарія (**profession de foi du vicaire savoyard** въ «Эмилѣ» Руссо); позже ей удалось осуществить эти принципы на короткое время, въ конституціи 1793 г. и въ поклоненіи **Верховному Существу**. Въ различныя эпохи революціи фанатизмъ и системы играли роль болѣе важную, нежели обыкновенно думаютъ.

Предвидѣли ли жирондисты владычество Робеспьера, или увлеклись своею враждою къ нему,—какъ бы то ни было, они его обвинили въ самомъ тяжкомъ преступленіи, на которое можетъ посягнуть республиканецъ. Парижъ былъ волнуемъ духомъ партій; жирондисты хотѣли установить законъ противъ зачинщиковъ безпорядковъ и насилій и въ то же время дать Конвенту независимую силу, которая бы опиралась на всѣ восемьдесятъ три департамента. Они настояли на томъ, чтобы была назначена комиссія для составленія доклада по этому предмету. Гора напала на эту мѣру, какъ оскорбительную для Парижа. Жиронда защищала ее, указывая на проектъ тріумвирата, составленный парижской депутаціей. «Я родился въ Парижѣ,—сказалъ тогда Осселенъ:—я депутатъ этого города. Намъ возвѣщаютъ о существованіи возникшей въ Парижѣ партіи, добивающейся диктаторской власти тріумвировъ, трибуновъ. Я со своей стороны объявляю, что нужно быть глубоко невѣжественнымъ или закоренѣлымъ злодѣемъ, чтобы задумывать подобный планъ. Пусть будетъ проклятъ тотъ изъ парижскихъ депутатовъ, который посмѣетъ возымѣть подобную мысль!» — «Да, — воскликнулъ Ребекки изъ Марселя,—да, въ этомъ собраніи существуетъ партія, стремящаяся къ диктатурѣ, и я назову предводителя этой партіи—это Робеспьеръ! Вотъ человѣкъ, котораго я разоблачаю передъ вами!» Барбару подкрѣпилъ своимъ свидѣтельствомъ этотъ доносъ; онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей 10-го августа, предводительствовалъ марсельцами и пользовался сильнымъ вліяніемъ въ

южныхъ провинціяхъ. Онъ увѣрялъ, что около 10-го августа, когда обѣ партіи, спорившія тогда за господство въ столицѣ, заискивали въ марсельцахъ, его призвали къ Робеспьеру и совѣтовали ему тамъ примкнуть къ гражданамъ, пріобрѣвшимъ наибольшую популярность. *Паны* даже указалъ ему именно на *Робеспьера, какъ на добродѣтельнаго человѣка, который долженъ быть диктаторомъ Франціи.* Барбару былъ человѣкомъ дѣла. На правой сторонѣ было нѣсколько членовъ, думавшихъ, подобно ему, что нужно побѣдить противниковъ, чтобы не быть побѣжденными ими. Они желали противодѣйствіемъ думѣ, при посредствѣ Конвента, противопоставить Парижу департаменты и не щадить враговъ, пока они слабы, потому что, въ противномъ случаѣ, они воспользуются временемъ, чтобы усилиться. Но большая часть правой стороны боялась открытаго разрыва и чувствовала отвращеніе къ энергическимъ мѣрамъ.

Обвиненіе Робеспьера осталось безъ послѣдствій; но оно пало на Марата, совѣтовавшаго въ своемъ журналѣ «Другъ народа» учредить диктатуру и оправдывавшаго убійства. Когда онъ показался на трибунѣ, желая оправдаться, чувство ужаса овладѣло собраніемъ. «*Прочь, прочь съ трибуны!*» — раздалось со всѣхъ сторонъ. Маратъ остался непоколебимъ. Улучивъ минуту молчанія, онъ сказалъ: «Въ этомъ собраніи у меня много личныхъ враговъ». — «*Всѣ! Всѣ!*» — «Призываю ихъ къ приличію, увѣщеваю ихъ не позволять себѣ этихъ изступленныхъ возгласовъ и неприличныхъ угрозъ противъ человѣка, служившаго свободѣ и имъ самимъ гораздо болѣе, чѣмъ они думаютъ; пусть же сумѣютъ они хоть одинъ разъ выслушать его!» Конвентъ былъ пораженъ дерзостью и хладнокровіемъ Марата и позволилъ ему изложить свой взглядъ на проскрипціи и диктатуру. Въ первые годы революціи Маратъ убѣгалъ отъ общественной ненависти и изданныхъ противъ него приказовъ объ арестѣ, переходя изъ одного подземелья въ другое. Появлялись одни только кровожадные листки его; въ нихъ онъ требовалъ головъ и приготовлялъ голпу къ сентябрьскимъ убійствамъ. Нѣтъ такой безумной мысли, которая не могла бы зародиться въ человѣческую голову и, что еще хуже, не могла бы хоть на минуту осуществиться. У Марата такихъ мыслей было нѣсколько. Революція имѣла враговъ, — а по мнѣнію Марата, для того, чтобы она могла продолжаться, враговъ у нея не должно и быть вовсе. Усвоивъ себѣ эту мысль, онъ считалъ вполнѣ естественнымъ уничтоженіе враговъ и назначеніе диктатора, всѣ обязанности котораго ограничились бы произнесеніемъ смертныхъ приговоровъ; онъ съ циническою жестокостью громко провозглашалъ эти мѣры, столько же пренебрегая приличіями, сколько и жизнью людей, и презирая, какъ слабоумныхъ, всѣхъ тѣхъ, которые находили его планы ужасными, а не глубокомысленными, какъ бы ему хотѣлось. У революціи были дѣятели такіе же кровожадные, какъ и онъ, но

ни одинъ изъ нихъ не пользовался такимъ пагубнымъ вліяніемъ на современниковъ. Онъ развратилъ уже и безъ того шаткую нравственность партій; его идеи — истребленіе цѣлыхъ массъ и диктатура — были осуществлены впослѣдствіи комитетомъ общественнаго спасенія или комиссарами его.

Обвиненіе Марата также не имѣло послѣдствій; онъ внушалъ болѣе отвращенія, но менѣе злобы, чѣмъ Робеспьеръ. Одни считали Марата просто безумнымъ; другіе видѣли въ этихъ распряхъ только вражду партій и вовсе не полагали, чтобы въ нихъ какимъ-либо образомъ были замѣшаны интересы республики. Кромѣ того, казалось опаснымъ нарушить неприкосновенность Конвента или произнести обвиненіе противъ кого-либо изъ его членовъ; даже для самихъ партій сдѣлать этотъ шагъ было трудно. Дантонъ не оправдывалъ Марата, но сказалъ про него: «Я не люблю его; я испыталъ его характеръ — вулканическій, упрямый, необщительный. Но зачѣмъ отыскивать голосъ какой-либо партіи въ томъ, что онъ пишетъ? Развѣ общее возбужденіе умовъ не происходитъ единственно отъ движенія самой революціи?» Робеспьеръ, со своей стороны, увѣрялъ, что мало знаетъ Марата, что до 10-го августа онъ только разъ разговаривалъ съ нимъ, причемъ не одобрялъ крутыхъ его мнѣній, и что послѣ этого разговора Маратъ нашелъ его политическія воззрѣнія крайне узкими и написалъ въ своемъ журналѣ: «у Робеспьера *нѣтъ ни взглядовъ, ни смѣлости государственнаго человѣка*».

Но самъ Робеспьеръ былъ предметомъ еще большей ненависти, потому что его болѣе опасались. Первое обвиненіе Ребекки и Барбару не имѣло успѣха. Нѣсколько времени спустя, министръ Роланъ представилъ докладъ о положеніи Франціи и Парижа; въ этой запискѣ онъ разоблачилъ сентябрскія убійства, неправильныя дѣйствія думы, козни агитаторовъ. «Когда, — говоритъ онъ, — навлекаютъ ненависть и подозрѣніе на самыхъ мудрыхъ и неустрашимыхъ защитниковъ свободы, когда принципы мятежа и грабежа громко высказываются, вызываютъ одобреніе общественныхъ собраній, и раздается ропотъ даже противъ Конвента, то я не могу болѣе сомнѣваться въ томъ, что приверженцы прежняго порядка вещей или ложные друзья народа, прикрывъ свое сумасбродство или злодѣйство маскою патріотизма, задумали цѣлый планъ разрушенія, посредствомъ котораго они надѣются возвыситься на развалинахъ и трупахъ, насытиться кровью, золотомъ и жестокостью!»

Въ подтвержденіе своего донесенія, онъ привелъ письмо, въ которомъ вице-президентъ второй палаты уголовнаго трибунала извѣщалъ его, что ему и знаменитѣйшимъ жирондистамъ грозитъ опасность, что, по выраженію ихъ враговъ, *нужно сдѣлать новое кровопусканіе*, и что эти люди не хотятъ и слышать ни о комъ, кромѣ Робеспьера.

При этихъ словахъ Робеспьеръ спѣшитъ оправдаться съ три-

буны. «Никто, — говоритъ онъ, — не посмѣетъ обвинить меня въ лицо».—«Я посмѣю»,—восклицаетъ Луве, одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ представителей жиронды. — «Да, Робеспьеръ, — продолжаетъ онъ, не спуская съ него пламенныхъ взоровъ, — я тебя обвиняю». Робеспьеръ, сохранявшій до тѣхъ поръ самоувѣренность, смутился: онъ помѣрялся уже разъ въ якобинскомъ клубѣ съ этимъ противникомъ, котораго зналъ за умнаго, пылкаго, безпощаднаго человѣка. Луве тутъ же произнесъ одну изъ самыхъ краснорѣчивыхъ импровизацій, въ которой не щадилъ ни поступковъ, ни именъ; онъ прослѣдилъ дѣйствія Робеспьера въ якобинскомъ клубѣ, въ думѣ, въ избирательномъ собраніи; онъ выставилъ его клевещущимъ на лучшихъ патріотовъ, щедро расточавшимъ самую низкую лесть нѣсколькимъ сотнямъ гражданъ, сначала называвшихся парижскимъ народомъ, потомъ — просто народомъ, наконецъ — самодержавнымъ народомъ, повторявшимъ вѣчное перечисленіе своихъ собственныхъ заслугъ, совершенствъ, добродѣтелей и никогда не забывавшимъ, засвидѣтельствовавъ о силѣ, величіи, верховной власти народа, сказать, что и онъ принадлежитъ къ народу». Луве показалъ Робеспьера притаившимся 10-го августа и потомъ господствующимъ надъ заговорщиками думы. Переходя затѣмъ къ сентябрьскимъ убійствамъ, онъ воскликнулъ: «Революція 10-го августа была дѣломъ всѣхъ», — и, обратясь къ нѣкоторымъ монтаньярамъ думы, прибавилъ: «Но революція 2-го сентября принадлежитъ вамъ! Только вамъ однимъ! И развѣ вы сами не гордились ею! Они сами съ нѣкимъ презрѣніемъ называли насъ только патріотами 10-го августа! Со свирѣпою гордостью они величали себя патріотами 2-го сентября! Такъ пусть же останется за ними это отличіе, достойное свойственнаго имъ мужества; пусть оно останется за ними для нашего прочнаго оправданія и для ихъ вѣчнаго безчестія! Эти мнимые друзья народа хотѣли свалить на парижскій народъ всѣ ужасы, которыми была запятнана первая недѣля сентября... Они его безчестно оклеветали. Парижскій народъ умѣетъ сражаться, но не умѣетъ убивать! Правда, его видѣли передъ тюльерійскимъ дворцомъ въ прекрасный день 10-го августа; но это ложь, будто видѣли его у тюремъ въ страшный день 2-го сентября. Сколько внутри тюремъ было палачей? Двѣсти,—можетъ быть, и двухсотъ не было. А внѣ тюремъ сколько можно было насчитать зрителей, привлеченныхъ дѣйствительно непонятнымъ любопытствомъ? Самое большее—вдвое. Но,—возражали на это,—если народъ не участвовалъ въ убійствахъ, то почему онъ не остановилъ ихъ? Почему? Потому, что охранительная власть Петіона была парализована, потому, что Роланъ говорилъ понапрасну, потому, что министръ юстиціи Дантонъ вовсе не говорилъ... потому, что президенты сорока восьми округовъ ожидали призыва къ оружію, котораго не получили, потому, что члены муниципалитета въ своихъ шарфахъ присутствовали при этихъ жестокихъ убійствахъ. — Но

Законодательное Собраніе? — Законодательное Собраніе! Представители народа, вы отомстите за него! Безсиліе, въ которое были поставлены наши предшественники, есть самое важное изъ всѣхъ преступленій, за которыя должны быть наказаны неистовые безумцы, на которыхъ я вамъ доношу». Возвращаясь къ Робеспьеру, Луве указалъ на его честолюбіе, происки, его чрезмѣрное вліяніе на чернь и заключилъ эту страстную филиппику рядомъ фактовъ, предпосылая каждому изъ нихъ грозныя слова: «*Робеспьеръ, я обвиняю тебя!*»

Луве сошелъ съ трибуны при громѣ рукоплесканій; Робеспьеръ, блѣдный, среди ропота, вступилъ на нее, чтобы оправдаться. Вслѣдствіе ли смущенія или боязни быть обвиненнымъ, онъ попросилъ восемь дней отсрочки. По прошествіи этихъ восьми дней онъ явился скорѣе тріумфаторомъ, чѣмъ обвиненнымъ; онъ съ ироніей отвергнулъ всѣ упреки Луве и началъ длинную рѣчь въ свою защиту. Нужно сознаться, что такъ какъ факты обвиненія были неопредѣленны, то ему не трудно было смягчить и опровергнуть ихъ. Трибуны были расположены рукоплескать ему; даже Конвентъ, смотрѣвшій на обвиненіе Робеспьера, какъ на ссору оскорбленныхъ самолюбій, не боявшійся, по выраженію Баррера, этого *временщика, маленькаго производителя безпорядковъ*, — даже Конвентъ былъ расположенъ положить конецъ этимъ преніямъ. Поэтому, когда Робеспьеръ въ заключеніе своей рѣчи сказалъ: «Лично для себя я не буду ни о чемъ просить собраніе; я отказался отъ легкаго преимущества отвѣчать на клевету моихъ противниковъ болѣе грозными доносами; я уничтожилъ обвинительную часть моей защиты. Я отказываюсь отъ справедливой мести, которою я имѣю право преслѣдовать моихъ клеветниковъ; я прошу только одного — возвращенія мира и торжества свободы!» — ему рукоплескали, и Конвентъ перешелъ къ очередному вопросу. Напрасно Луве хотѣлъ возражать, — ему не дали говорить; также тщетно Барбару вызывался быть обвинителемъ, и Ланжюине говорилъ противъ перехода къ очередному вопросу, — пренія не были возобновлены. Даже жирондисты держали сторону Робеспьера; они сдѣлали ошибку, подавши обвиненіе, и еще бо́льшую — не поддержавъ его. Монтаньяры одержали верхъ, потому что не были побѣждены, а Робеспьеръ только сталъ ближе къ роли, до которой ему было еще такъ далеко. Во время революціи люди скоро становятся тѣмъ, чѣмъ ихъ считаютъ: партія горы сдѣлала Робеспьера своимъ вождемъ, потому что жирондисты преслѣдовали его, какъ главу монтаньяровъ.

Но важнѣе личныхъ нападокъ были пренія о правительственной системѣ и объ образѣ дѣйствій властей и партій. Жирондисты потерпѣли пораженіе не только въ борьбѣ противъ лицъ, но и въ борьбѣ противъ думы. Ни одна ихъ мѣра не удалась; онѣ или дурно предлагались, или дурно поддерживались. Имъ бы слѣдовало уси-

лить правительство, измѣнить составъ муниципалитета, удержаться въ якобинскомъ клубѣ и овладѣть имъ, привлечь къ себѣ толпу или предупредить ея нападенія; ничего подобнаго они не сдѣлали. Одинъ изъ нихъ, Бюзо, предложилъ назначить Конвенту стражу изъ трехъ тысячъ человѣкъ, взятыхъ изъ департаментовъ. Это средство, которое могло по крайней мѣрѣ сохранить независимость собранія, было требуемо не такъ настойчиво, чтобы осуществиться. Такимъ образомъ жирондисты сдѣлали нападеніе на монтаньяровъ — и не ослабили ихъ, сдѣлали нападеніе на думу — и не подчинили ея, напали на предмѣстья — и не уничтожили ихъ силы. Они раздражали Парижъ намѣреніемъ призвать на помощь департаменты — и не получили этой помощи; они дѣйствовали, однимъ словомъ, противъ правила самой обыкновенной осторожности, потому что вѣрнѣе сдѣлать что-нибудь, чѣмъ ограничиться угрозой.

Противники ихъ ловко воспользовались этимъ обстоятельствомъ. Они распространили тотъ ложный слухъ, который могъ только компрометировать жирондистовъ, — а именно, будто они хотѣли перенести республику на югъ и предоставить на произволъ судьбы остальную часть государства. Отсюда возникъ упрекъ въ федерализмѣ, столь гибельный потомъ для жиронды. Жирондисты пренебрегли имъ, потому что не предвидѣли всей его опасности; но онъ долженъ былъ подтверждаться по мѣрѣ того, какъ партія ихъ ослабѣвала, а противники становились сильнѣе. Сначала поводомъ къ этому слуху послужило намѣреніе обороняться отъ непріятеля за Луарой и перенести правительство на югъ, еслибы сѣверъ былъ захваченъ и Парижъ взятъ непріятелемъ; кромѣ того, слухъ этотъ поддерживался и тѣмъ предпочтеніемъ, которое жирондисты оказывали провинціямъ, и ихъ ожесточеніемъ противъ агитаторовъ столицы. Противникамъ ихъ легко было извратить проектъ обороны, относя его не къ тому времени, въ которое онъ былъ задуманъ, а въ порицаніи безпорядочныхъ поступковъ одного города, описавъ намѣреніе составить союзъ изъ всѣхъ городовъ Франціи противъ Парижа. На этомъ основаніи жирондисты были выставлены въ глазахъ народа федералистами. Пока они обвиняли думу, Робеспьера и Марата, монтаньяры предложили декретъ объ единствѣ и нераздѣльности республики. Въ этомъ заключалось средство напасть на жирондистовъ и набросить на нихъ подозрѣніе, хотя они съ такою поспѣшностью согласились на предложеніе, какъ будто бы сожалѣли о томъ, что сами ранѣе не сдѣлали его.

Дѣло, достойное сожалѣнія, повидимому, совершенно чуждое раздорамъ обѣихъ партій, еще болѣе послужило на пользу монтаньярамъ. Ободренные неудачными попытками, направленными противъ нихъ, они ожидали только случая, чтобы перейти, въ свою очередь, въ наступательное положеніе. Конвентъ былъ утомленъ этими продолжительными преніями: тѣ изъ его членовъ, къ которымъ они не относились, даже тѣ члены обѣихъ враждебныхъ

партій, которые не стояли въ нихъ на первомъ планѣ, чувствовали необходимость въ согласіи и хотѣли заниматься дѣлами республики. Наступило кажущееся перемиріе, и вниманіе собранія на минуту обратилось къ новой конституціи; но партія горы прервала эти занятія, чтобы рѣшить судьбу падшаго монарха. Въ этомъ случаѣ предводители крайней лѣвой стороны руководились многими побудительными причинами: они не хотѣли, чтобы жирондисты и умѣренные члены центра, руководившие комитетомъ конституціи, — одни черезъ Петіона, Кондорсе, Бриссо, Верньо, Жансонне, другіе черезъ Баррера, Сійеса, Томаса Пэна,—организовали республику. Они бы водворили управленіе буржуазіи, придавъ ему нѣсколько болѣе демократическій характеръ, чѣмъ въ конституціи 1791 г., между тѣмъ какъ гора хотѣла водворить господство толпы. Но она могла достигнуть своей цѣли, только получивъ господство,—а получить его она могла не иначе, какъ продолживъ революціонное состояніе Франціи. Кромѣ желанія помѣшать установленію законнаго порядка,—помѣшать ему такимъ ужаснымъ государственнымъ переворотомъ, какъ осужденіе Людовика XVI, которое потрясло бы всѣхъ и привлекло бы къ нимъ всѣ крайнія партіи, выставивъ ихъ, какъ самыхъ безпощадныхъ охранителей республики,—они надѣялись на то, что жирондисты, не скрывавшие своего желанія спасти Людовика XVI, не выдержатъ и выскажутся въ этомъ смыслѣ и такимъ образомъ погибнутъ въ глазахъ черни. Конечно, между монтаньярами было нѣсколько человѣкъ, дѣйствовавшихъ въ этомъ случаѣ искренно, какъ истые республиканцы, въ глазахъ которыхъ Людовикъ XVI казался виновнымъ передъ революціей, а развѣнчанный король—всегда опаснымъ для возникающей демократіи. Но эта партія не выказала бы себя такою безпощадною, если бы она не хотѣла вмѣстѣ съ Людовикомъ XVI погубить и жиронду.

Съ нѣкотораго времени начали подготовлять умы къ суду надъ королемъ. Якобинскій клубъ громилъ его ругательствами; объ его характерѣ распространялись самые оскорбительные слухи; требовали его осужденія для упроченія свободы. Изъ департаментовъ присылались Конвенту адресы въ томъ же смыслѣ; округи столицы являлись въ собраніе и на носилкахъ проносили по залѣ раненыхъ 10-го августа, кричавшихъ о мести Л ю д о в и к у К а п е т у: Людовика XVI иначе не называли, какъ этимъ именемъ его родоначальника, желая замѣнить титулъ короля фамильнымъ прозвищемъ его.

Намѣренія горы и народное ожесточеніе — все соединилось противъ несчастнаго короля. Люди, которые два мѣсяца тому назадъ отвергли бы мысль о какомъ-либо другомъ наказаніи короля, кромѣ низверженія его, находились въ какомъ-то ослѣпленіи: такъ, во времена кризисовъ, легко утрачивается право защищать свои убѣжденія! Открытіе желѣзнаго шкафа особенно усилило фанатизмъ черни и ослабило защитниковъ короля. Послѣ 10-го августа, въ числѣ

бумагъ короля найдены были документы, обнаружившіе тайныя сношенія Людовика XVI съ недовольными принцами, эмигрантами и Европою. Въ составленномъ, по приказанію Законодательнаго Собранія, докладѣ король обвинялся въ намѣреніи измѣнить государству и подавить революцію. Ему ставили въ вину письмо къ клермонскому епископу отъ 16-го апрѣля 1791 г., въ которомъ онъ писалъ, что *если бы онъ снова пріобрѣлъ прежнюю власть, то возстановилъ бы старую форму правленія и духовенство въ ихъ первоначальномъ видѣ.* Его упрекали въ томъ, что онъ предложилъ войну только для того, чтобы ускорить появленіе своихъ освободителей; что онъ велъ переписку съ людьми, писавшими ему: «война принудитъ всѣ державы соединиться противъ злоумышленниковъ и злодѣевъ, угнетающихъ Францію, для того, чтобы наказаніе ихъ служило примѣромъ всѣмъ тѣмъ, кому придетъ охота попытаться нарушить миръ въ государствахъ... Вы можете разсчитывать на сто пятьдесятъ тысячъ человѣкъ пруссаковъ, австрійцевъ и германцевъ и на двадцатитысячную армію изъ эмигрантовъ». Его обвиняли въ томъ, что онъ одобрялъ образъ дѣйствій своихъ братьевъ, между тѣмъ какъ публично онъ порицалъ его; наконецъ въ томъ, что онъ никогда не переставалъ дѣйствовать противъ революціи.

Въ подтвержденіе этихъ обвиненій явились новые документы. Въ тюльерійскомъ дворцѣ, позади одного изъ стѣнныхъ украшеній, было пробито въ стѣнѣ отверстіе, запиравшееся желѣзною дверью. Этотъ секретный ящикъ былъ указанъ министру Ролану, и тамъ найдены доказательства всѣхъ заговоровъ и интригъ двора противъ революціи: проектъ усиленія конституціонной власти короля посредствомъ союза его съ народными властями, проектъ возстановленія прежняго порядка съ аристократами; свѣдѣнія о проискахъ Талона, соглашеніяхъ съ Мирабо, предложеніяхъ Буйле, принятыхъ во время Учредительнаго Собранія, и о нѣсколькихъ новыхъ замыслахъ при Законодательномъ. Это открытіе усилило ожесточеніе противъ Людовика XVI. Въ якобинскомъ клубѣ разбили бюстъ Мирабо, а бюстъ его, стоявшій въ залѣ засѣданій, Конвентъ задернулъ покрываломъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ въ собраніи былъ уже возбужденъ вопросъ о процессѣ несчастнаго государя, котораго нельзя было преслѣдовать послѣ низложенія его съ престола. Не было трибунала, который имѣлъ бы право произнести надъ нимъ приговоръ; не было наказанія, которому бы можно было подвергнуть его; поэтому Конвентъ бросился въ ложныя истолкованія права неприкосновенности, которымъ пользовался Людовикъ XVI, стараясь обвинить его законнымъ порядкомъ. Послѣ несправедливости, самая больная ошибка партій заключается въ томъ, что онѣ не хотятъ казаться несправедливыми. Комитетъ законодательства, которому поручено было составить докладъ по вопросу: можетъ ли Людо-

викъ XVI быть преданъ суду, и можетъ ли Конвентъ судить его, произнесъ утвердительное рѣшеніе. Депутатъ Маль отъ его лица высказалъ противъ права неприкосновенности, принадлежавшаго королю; но такъ какъ это право признавалось въ предшествовавшую эпоху революціи, то Маль доказывалъ, что Людовикъ XVI былъ неприкосновененъ какъ король, а не какъ частный человѣкъ. Онъ утверждалъ, что такъ какъ нація должна быть обезпечена относительно всѣхъ дѣйствій власти, то она, рядомъ съ неприкосновенностью монарха, установила отвѣтственность министровъ, и что тамъ, гдѣ Людовикъ XVI дѣйствовалъ, какъ частный человѣкъ, и гдѣ не можетъ, слѣдовательно, быть рѣчи объ отвѣтственности министровъ, не можетъ быть рѣчи и о неприкосновенности монарха. Такимъ образомъ Маль распространялъ конституціонную охрану, данную Людовику XVI, только на поступки его въ качествѣ короля. Онъ пришелъ къ заключенію, что Людовикъ XVI можетъ быть преданъ суду, такъ какъ низложеніе его не было наказаніемъ, но перемѣною правительства; что онъ можетъ быть судимъ по закону уголовнаго кодекса, постановленному для измѣнниковъ и заговорщиковъ; и наконецъ, что онъ долженъ быть судимъ Конвентомъ безъ соблюденія обыкновенныхъ формъ судопроизводства. Конвентъ представляетъ собою народъ, народъ заключаетъ въ себѣ всѣ интересы, совокупность интересовъ есть правосудіе,—слѣдовательно, невозможно допустить, чтобы національное судилище нарушило правосудіе, и потому безполезно подчинять его формальностямъ. Вотъ сплетеніе странныхъ софизмовъ, съ помощью которыхъ Конвентъ былъ преобразованъ въ судилище! Партія Робеспьера выказала гораздо болѣе послѣдовательности, выставляя на видъ только государственныя соображенія и отвергая всякія формы, какъ лживыя.

Пренія открылись 13-го ноября, черезъ шесть дней послѣ доклада комитета. Сторонники неприкосновенности, признавая виновность Людовика XVI, настаивали на томъ, что онъ не можетъ быть преданъ суду. Главнымъ изъ нихъ былъ Мориссонъ; онъ утверждалъ, что неприкосновенность распространяется на всѣ дѣйствія короля; что конституція предвидѣла болѣе, чѣмъ тайные враждебные поступки Людовика XVI,—она предвидѣла открытое сопротивленіе съ его стороны и даже за этотъ поступокъ поставила только низложеніе; что нынѣ нація обезпечила свою державность; что на Конвентъ было возложено порученіе преобразовать правительство, а не судить Людовика XVI; что отъ этого его должны удержать не только правила справедливости, но и обычаи войны, не позволяющіе отдѣлываться отъ врага иначе, какъ во время битвы, и ставящіе его подъ покровительство закона послѣ побѣды; что, впрочемъ, республикѣ нѣтъ никакой выгоды осудить Людовика XVI; что она должна ограничиться принятіемъ мѣръ предосторожности противъ него, удержать его плѣнникомъ или

изгнать изъ Франціи. Это мнѣніе раздѣляла правая сторона Конвента. Равнина держалась мнѣнія комитета; но гора, отвергая неприкосновенность Людовика XVI, возражала съ другой стороны и противъ суда надъ нимъ.

«Граждане,—сказалъ Сенъ-Жюстъ,— я берусь доказать, что мнѣніе Мориссона, защищающаго неприкосновенность короля, равно какъ и мнѣніе комитета, желающаго, чтобы онъ былъ судимъ, какъ гражданинъ, одинаково ложны. Я говорю, что король долженъ быть судимъ, какъ врагъ; что намъ слѣдуетъ не столько судить его, сколько сразить его; что такъ какъ онъ не участвовалъ въ договорѣ, соединяющемъ французовъ, то формы судопроизводства, примѣнимыя къ нему, заключаются не въ гражданскомъ законѣ, а въ международномъ правѣ; что медленность и осмотрительность въ этомъ случаѣ поистинѣ неосторожны; что отдалять минуту, когда мы можемъ дать себѣ законы, гибельно, но не менѣе гибельно также медлить рѣшеніемъ участи короля». Разсматривая вопросъ исключительно съ точки зрѣнія политической неприязни, Сенъ-Жюстъ прибавилъ: «Тѣмъ самымъ людямъ, которые теперь будутъ судить Людовика XVI, предстоитъ основать республику, но тѣ, которые придаютъ какое-нибудь значеніе справедливой казни короля, никогда не устроятъ республики. Граждане, если римскій народъ, послѣ шестисотъ лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ отличался добродѣтелями и ненавистью къ королямъ, если Великобританія, несмотря на свою энергію, послѣ смерти Кромвеля, увидѣли возрожденіе монархической власти, то чего должны бояться у насъ добрые граждане, друзья свободы, замѣчая, какъ въ нашихъ рукахъ дрожитъ топоръ, и какъ народъ, съ перваго дня своей свободы, уважаетъ воспоминаніе о своихъ оковахъ?»

Эта ярая партія, хотѣвшая замѣнить судебный приговоръ произволомъ, желавшая отбросить всякій законъ, всякую формальность и поразить Людовика XVI, какъ побѣжденнаго плѣнника, сохраняя къ нему злобу даже послѣ побѣды, составляла весьма слабое меньшинство въ Конвентѣ; но внѣ его она сильно поддерживалась якобинцами и думой. Несмотря на ужасъ, который она уже внушала, ея провозглашаемые принципы были отвергнуты Конвентомъ, и защитники неприкосновенности, въ свою очередь, мужественно выставили на видъ и государственныя соображенія, и правила справедливости и человѣчности. Они утверждали, что одни и тѣ же люди не могутъ быть и судьями, и законодателями, и обвинителями, и присяжными. Къ тому же они хотѣли, чтобы родившаяся республика заявила себя блескомъ высокихъ добродѣтелей, великодушіемъ и прощеніемъ; они хотѣли, чтобы она послѣдовала примѣру Рима, который завоевалъ себѣ свободу и сохранилъ ее пятьсотъ лѣтъ, потому что явилъ себя великодушнымъ, потому что изгналъ Тарквиніевъ, а не лишилъ ихъ жизни. Переходя къ политическимъ соображеніямъ, они указывали на послѣ-

ствія осужденія, которое внутри страны увеличитъ смѣлость анархической партіи, а въ Европѣ заставитъ и нейтральныя державы вступить въ коалицію противъ республики.

Но Робеспьеръ, выказавшій въ продолженіе этого продолжительнаго процесса смѣлость и упорство, предвѣщавшія всю его будущую силу, вступилъ на трибуну, чтобы поддержать мнѣніе Сенъ-Жюста. Онъ упрекнулъ собраніе, что оно подвергаетъ сомнѣнію вопросъ, уже рѣшенный возстаніемъ, и что гуманностью своею и публичностью защиты оно поднимаетъ ниспровергнутую роялистскую партію. «Собраніе,—сказалъ Робеспьеръ,—было, безъ своего вѣдома, отвлечено отъ настоящаго вопроса. Здѣсь нѣтъ и рѣчи о процессѣ: Людовикъ—не подсудимый, а вы—не судьи; вы—государственные люди и ничѣмъ инымъ быть не можете. На васъ не лежитъ обязанность постановить приговоръ за или противъ человѣка, но только принять мѣру общественной безопасности, исполнить актъ національной предусмотрительности. Развѣнчанный король можетъ быть либо орудіемъ противъ свободы и спокойствія государства, либо средствомъ упроченія и той, и другого».

«Людовикъ былъ королемъ; республика основана; каждый вопросъ, занимающій васъ, разрѣшенъ одними этими словами. Людовикъ не долженъ быть судимъ: онъ уже осужденъ, палъ нижъ уже произнесенъ приговоръ,—или республика не оправдана». Робеспьеръ требовалъ, чтобы Конвентъ объявилъ Людовика XVI *измѣнникомъ противъ французовъ, преступникомъ противъ человѣчества и немедленно приговорилъ бы его къ смерти во имя возстанія*. Крайнія предложенія монтаньяровъ, возбуждая внѣ Конвента сочувствіе фанатической и жестокой толпы, дѣлали осужденіе короля почти неизбѣжнымъ. Чрезмѣрно опережая другія партіи, гора принуждала ихъ слѣдовать за собою, хоть издалека. Большинство Конвента, состоявшее главнымъ образомъ изъ жирондистовъ, не рѣшавшихся объявить Людовика XVI неприкосновеннымъ, и равнины, отвергло, по предложенію Петіона, мнѣніе монтаньяровъ и защитниковъ неприкосновенности и положило, что Людовикъ XVI будетъ преданъ суду Конвента. Тогда Робертъ Ленде, отъ имени комиссіи двадцати одного, составилъ докладъ о Людовикѣ XVI. Обвинительный актъ о дѣйствіяхъ, ему приписываемыхъ, также былъ составленъ, и Конвентъ призвалъ арестанта къ допросу.

Людовикъ XVI уже четыре мѣсяца находился въ заключеніи въ Тамплѣ; онъ не пользовался тамъ свободою, какъ этого сначала желало Законодательное Собраніе, назначившее ему мѣстомъ жительства Люксамбургъ. Подозрительная дума строго слѣдила за нимъ; но, покорный своей судьбѣ, готовый на все, онъ не выражалъ ни нетерпѣнія, ни сожалѣнія, ни злобы. При немъ находился только одинъ служитель, Клери, который въ то же время служилъ и всему его семейству. Въ первые мѣсяцы заключенія ко-

роль не былъ разлученъ со своимъ семействомъ и находилъ нѣкоторую отраду хоть въ этомъ; онъ утѣшался самъ и поддерживалъ двухъ подругъ своего несчастія, жену и сестру; онъ училъ молодого дофина и давалъ ему уроки несчастнаго человѣка и короля-плѣнника. Онъ много читалъ и часто перечитывалъ исторію Англіи Юма; въ ней онъ находилъ много монарховъ низверженныхъ и одного осужденнаго народомъ; каждому человѣку свойственно отыскивать судьбу, сходную съ его собственною участью. Но утѣшеніе, которое онъ находилъ въ присутствіи своего семейства, продолжалось недолго: его разлучили съ нимъ, какъ только возникъ вопросъ о преданіи его суду. Дума хотѣла помѣшать плѣннику сговориться о способахъ своего оправданія; надзоръ, которымъ она окружила Людовика XVI съ каждымъ днемъ становился мелочнѣе и грубѣе. Сантерръ получилъ приказаніе привести Людовика XVI въ Конвентъ для допроса. Онъ отправился въ Тампль въ сопровожденіи мэра, который передалъ королю возложенное на него порученіе и спросилъ, намѣренъ ли онъ слѣдовать за нимъ. Людовикъ на минуту былъ въ нерѣшительности, потомъ сказалъ: «Еще одно насиліе; надо уступить ему». И онъ рѣшился явиться передъ Конвентомъ, компетентность котораго онъ не отвергъ, какъ это сдѣлалъ Карлъ I со своими судьями. Когда возвѣстили о приближеніи Людовика, Барреръ сказалъ: «Представители народа, вы сейчасъ будете отправлять національное правосудіе. Пускай же вашъ образъ дѣйствій согласуется съ вашими новыми обязанностями». Обратясь къ трибунамъ, онъ прибавилъ: «Граждане, вспомните страшное молчаніе, сопровождавшее Людовика при возвращеніи его изъ Варенна,—молчаніе, служившее предвѣстникомъ суда націй надъ королями». Съ твердою увѣренностью вошелъ Людовикъ XVI въ залу и обвелъ собраніе смѣлымъ взглядомъ. Онъ всталъ у рѣшетки; президентъ сказалъ ему взволнованнымъ голосомъ: «Людовикъ, французская нація васъ обвиняетъ. Сейчасъ вы услышите обвинительный актъ. Людовикъ, садитесь». Для него было приготовлено кресло: онъ сѣлъ на него. Во время продолжительнаго допроса онъ показалъ большое спокойствіе и присутствіе духа: онъ отвѣчалъ на каждый вопросъ кстати, большею частью трогательно и побѣдоносно. Онъ отвергнулъ упреки, сдѣланные ему относительно его поведенія до 14-го іюля, напомнивъ, что еще въ то время его власть не была ограничена; относительно поступковъ его до бѣгства въ Вареннъ, онъ сослался на декретъ Учредительнаго Собранія, которое осталось довольно его отвѣтами; наконецъ свое поведеніе до 10-го августа онъ оправдывалъ тѣмъ, что сложилъ всѣ публичныя дѣйствія на отвѣтственность министровъ, и отрекался отъ всѣхъ тайныхъ поступковъ, которые ему приписывали. Это отрицаніе Людовика XVI не уничтожало въ глазахъ Конвента фактовъ, большею частью подтвержденныхъ документами, писанными или подписанными его рукою; но онъ пользовался естественнымъ правомъ.

принадлежащимъ всякому обвиненному. Такимъ образомъ онъ не признавалъ ни существованія желѣзнаго шкафа, ни подлинности документовъ, которые ему представили. Людовикъ XVI ссылался на охранительный законъ, которaго не допускалъ Конвентъ, а Конвентъ старался доказать существованіе противо-революціонныхъ попытокъ, которыхъ Людовикъ XVI не хотѣлъ признать.

Когда Людовикъ былъ отведенъ въ Тампль, Конвентъ занялся обсужденіемъ его просьбы о томъ, чтобы ему позволено было имѣть защитника. Напрасно нѣсколько монтаньяровъ противились этому: Конвентъ постановилъ позволить Людовику имѣть защитниковъ. Людовикъ XVI выбралъ Тарже и Тронше; когда первый изъ нихъ отказался, почтенный Малербъ вызвался передъ Конвентомъ защищать Людовика XVI. «Два раза,—писалъ онъ,—призывалъ меня въ свой совѣтъ тотъ, кто былъ моимъ господиномъ, призывалъ въ такое время, когда подобной чести домогались всѣ: я долженъ ему оказать ту же услугу въ то время, когда подобная обязанность многимъ кажется опасною». Его просьба была удовлетворена. Людовикъ XVI, покинутый всѣми, былъ тронутъ этою преданностью. Когда Малербъ вошелъ въ его комнату, Людовикъ пошелъ къ нему навстрѣчу, обнялъ его и сказалъ со слезами на глазахъ: «Ваша жертва тѣмъ великодушнѣе, что вы рискуете своею жизнью и не спасете моей». Малербъ и Тронше безостановочно занимались составленіемъ защитительной рѣчи вмѣстѣ съ молодымъ адвокатомъ Десезомъ; они старались ободрить короля; но вселить въ него надежду было трудно. «Я убѣжденъ, что они меня погубятъ; но все равно, будемъ заниматься моимъ процессомъ, какъ будто я долженъ выиграть его; и я его въ самомъ дѣлѣ выиграю, потому что память, которую я по себѣ оставлю, будетъ безупречна».

Наконецъ наступилъ день защиты. Рѣчь была произнесена Десезомъ; Людовикъ присутствовалъ при этомъ; глубочайшее молчаніе царствовало въ собраніи и на трибунахъ. Десезъ привелъ въ защиту царственнаго подсудимаго всѣ доводы справедливости и невинности. Онъ напомнилъ о признанной за нимъ неприкосновенности; онъ сказалъ, что его нельзя судить, какъ короля; что представители народа не могутъ быть его судьями, потому что они же и обвиняютъ его. Во всемъ этомъ онъ не сказалъ ничего, что бы не было уже доказываемо одною частью собранія. Но онъ въ особенности старался оправдать поведеніе Людовика XVI и приписать ему постоянно чистыя и безупречныя намѣренія. Рѣчь свою онъ закончилъ слѣдующими торжественными словами: «Выслушайте заранѣе приговоръ исторіи, которая скажетъ славѣ: Людовикъ, вступивъ на престолъ двадцати лѣтъ, показалъ на немъ примѣръ нравственности, правосудія и бережливости; никакой слабости, никакой порочной страсти онъ не принесъ съ собою; онъ былъ постояннымъ другомъ народа. Народъ пожелалъ, чтобы разорите-

ный надоръ былъ отмѣненъ,—Людовикъ отмѣнилъ его; народъ пожелалъ уничтоженія рабства,—Людовикъ уничтожилъ его; народъ просилъ реформъ,—Людовикъ далъ ихъ; народъ хотѣлъ измѣнить законы,—онъ согласился на это; народъ хотѣлъ, чтобы милліоны французовъ снова получили свои права,—онъ имъ возвратилъ ихъ; народъ хотѣлъ свободы,—онъ далъ ему ее. Онъ предупреждалъ своими пожертвованіями желанія народа; этой славы нельзя отнять у него; и его-то вамъ предлагаютъ.... Граждане, я не доканчиваю, я останавливаюсь передъ исторіей; подумайте, что она будетъ судить ваше рѣшеніе, и что судъ ея будетъ судомъ вѣковъ». Но страсти были глухи и неспособны ни къ предусмотрительности, ни къ справедливости.

Жирондисты желали спасти короля; но они боялись обвиненія въ роялизмѣ, въ которомъ уже упрекали ихъ монтаньяры. Во все время процесса поведеніе ихъ было двусмысленно; они боялись высказаться какъ въ пользу, такъ и противъ царственнаго подсудимаго; своею слишкомъ неопредѣленною умѣренностью они только уронили себя, не принеся королю ни малѣйшей пользы. А между тѣмъ его дѣло—дѣло не о престолѣ, а о жизни — было въ это время ихъ собственнымъ дѣломъ. Разрѣшался вопросъ о томъ, восторжествуетъ ли строгая справедливость или кровавый произволъ, установится ли законный порядокъ или будетъ продолжаться революція. Торжество жирондистовъ или монтаньяровъ зависѣло отъ того или другого рѣшенія. Монтаньяры сильно волновались. Они находили, что соблюдаемыя формы были забвеніемъ республиканской энергіи, и что защитительная рѣчь Людовика XVI была курсомъ монархическаго ученія, предложеннымъ націи. Якобинцы дѣятельно помогали имъ, и въ Конвентъ являлись депутаціи съ требованіемъ смерти короля.

Однако, жирондисты, не осмѣлившіеся поддержать неприкосновенность короля, предложили ловкій способъ избавить Людовика XVI отъ смерти, въ формѣ апелляціи на приговоръ Конвента къ народу. Крайняя правая сторона все еще протестовала противъ того, что собраніе преобразилось въ трибуналъ. Но такъ какъ компетентность Конвента была предварительно рѣшена, то усилія обратились теперь въ другую сторону. Салль предложилъ объявить Людовика XVI виновнымъ и предоставить произнесеніе приговора надъ нимъ собраніямъ избирателей. Бюзо, опасаясь, чтобы черезъ это не навлечь на Конвентъ упрека въ слабости, доказывалъ, что Конвентъ самъ долженъ опредѣлить наказаніе и представить на судъ народа свой собственный приговоръ. Это мнѣніе встрѣтило противодѣйствіе со стороны монтаньяровъ и даже многихъ умѣренныхъ членовъ Конвента, которые въ созваніи избирателей видѣли опасность междоусобной войны. Прежде нежели вопросъ объ апелляціи къ народу былъ предложенъ на разрѣшеніе собранія, оно единогласно признало Людовика XVI виновнымъ. Двѣсти восемьдесятъ четыре го-

лоса были за апелляцію, четыреста двадцать четыре—противъ; десять депутатовъ воздержались отъ подачи голосовъ. Тогда возникъ страшный вопросъ о наказаніи, которому слѣдуетъ подвергнуть короля. Парижъ былъ въ сильнѣйшемъ волненіи: у самаго входа въ собраніе дѣлались угрозы депутатамъ; опасались новыхъ народныхъ волненій и насилій; якобинскій клубъ не щадилъ неистовыхъ ругательствъ противъ Людовика XVI и противъ правой стороны. Партія горы, въ то время самая слабая въ Конвентѣ, старалась устрашеніемъ пріобрѣсть себѣ большинство, рѣшившись, даже въ случаѣ неудачи, все-таки принести въ жертву Людовика XVI. Наконецъ, послѣ четырехчасовой поименной подачи голосовъ, президентъ Верньо сказалъ: «Граждане, я сейчасъ провозглашу результатъ баллотировки. Когда правосудіе высказалось, очередь за человѣколюбіемъ». Подававшихъ голоса было семьсотъ двадцать одинъ; для абсолютнаго большинства было достаточно, значитъ, трехсотъ шестидесяти одного голоса. За смертную казнь оказалось большинство двадцати шести голосовъ. Мнѣнія перепутались: нѣкоторые изъ жирондистовъ подали голосъ за смертную казнь, правда, съ отсрочкой въ исполненіи ея; большая часть членовъ правой стороны высказалась за изгнаніе или заключеніе; нѣкоторые монтаньяры подали голосъ такъ же, какъ и жирондисты. Когда результатъ баллотировки сталъ извѣстенъ, президентъ сказалъ съ чувствомъ глубокой грусти: «*Объявляю отъ имени Конвента, что наказаніе, къ которому онъ приговариваетъ Людовика Капета,—смертная казнь*». Защитники короля появились у рѣшетки: они были сильно взволнованы. Они пытались возбудить въ собраніи чувства милосердія, опираясь на то, что смертный приговоръ произнесенъ столь малымъ числомъ голосовъ. Но этотъ вопросъ былъ уже обсужденъ и рѣшенъ. «*Законы принимаются простымъ большинствомъ*»,—сказалъ одинъ монтаньяръ.—«Да,—отвѣчалъ чей-то голосъ,—*но декреты отмѣняются, а жизнь человѣку возвратить нельзя*». Малербъ хотѣлъ говорить, но не могъ. Рыданія заглушали его голосъ, и онъ произнесъ только нѣсколько умоляющихъ, отрывистыхъ словъ. Горе его тронуло собраніе. Просьба объ отсрочкѣ казни была принята жирондистами, какъ послѣднее средство; но и тутъ они потерпѣли неудачу, и роковой приговоръ былъ произнесенъ.

Людовикъ ожидалъ этого. Весь въ слезахъ пришелъ Малербъ возвѣстить ему смертный приговоръ. Людовикъ XVI сидѣлъ въ темнотѣ, глубоко задумавшись, опершись локтями на столъ и закрывъ лицо руками. При шумѣ шаговъ онъ всталъ и сказалъ Малербу: «Въ продолженіе двухъ часовъ я стараюсь припомнить, заслужилъ ли я во время моего царствованія хотя малѣйшій упрекъ отъ моихъ подданныхъ. И вотъ, г-нъ Малербъ, клянусь вамъ отъ всего моего сердца, какъ человѣкъ, который скоро предстанетъ передъ Богомъ,—я постоянно желалъ счастія народу, и никогда у меня

не было ни одной мысли, противной его благу». Малербъ обнадежилъ его, что отсрочка не будетъ отвергнута, но Людовикъ не вѣрилъ. Провожая Малерба, онъ просилъ не оставлять его въ послѣднія минуты. Малербъ обѣщалъ возвратиться; но сколько разъ онъ ни приходилъ потомъ, ни разу не допустили его къ королю. Людовикъ часто спрашивалъ о немъ и огорчался, что не видитъ его. Безъ смущенія принялъ онъ объявленіе о смертномъ приговорѣ, переданное ему министромъ юстиціи. Онъ просилъ трехъ дней, чтобы приготовиться къ смерти; онъ просилъ кромѣ того, чтобы при немъ былъ священникъ, котораго онъ и назвалъ, и чтобы позволено было ему свободно видѣться съ женою и дѣтьми. Только двѣ послѣднія его просьбы были удовлетворены.

Минута свиданія была глубоко потрясательна для этого несчастнаго семейства; минута разставанья была еще ужаснѣе. Прощаясь съ семьей, Людовикъ обѣщалъ увидѣться съ ней еще на другой день; но, придя въ свою комнату, онъ почувствовалъ, что испытаніе слишкомъ тяжко, и, ходя большими шагами по комнатѣ, онъ говорилъ: «я не пойду». Это была послѣдняя его борьба; онъ сталъ думать затѣмъ только о приготовленіи къ смерти. Въ ночь, предшествовавшую казни, онъ спокойно спалъ. Пробужденный въ пять часовъ Клери, которому онъ приказалъ себя разбудить, онъ сдѣлалъ свои послѣднія распоряженія. Онъ причастился, поручилъ Клери передать его послѣднія слова и все, что ему позволено было завѣщать,—кольцо, печать, прядь волосъ. Уже раздавался барабанный бой, слышался шумъ отъ передвиженія пушекъ и отъ смутныхъ голосовъ. Наконецъ пріѣхалъ Сантерръ. «Вы пріѣхали за мною,— сказалъ Людовикъ,— прошу у васъ одной минуты». Вручивъ свое завѣщаніе муниципальному офицеру, онъ спросилъ шляпу и твердымъ голосомъ сказалъ: «Ѣдемъ».

Карета ѣхала цѣлый часъ отъ Тампля до площади революціи. Двойной рядъ солдатъ окаймлялъ дорогу; болѣе сорока тысячъ людей было подъ ружьемъ. Парижъ былъ безмолвно угрюмъ; въ средѣ гражданъ, присутствовавшихъ при плачевной казни, не замѣчалось ни признаковъ одобренія, ни сожалѣнія; всѣ были молчаливы. Пріѣхавъ къ мѣсту казни, Людовикъ вышелъ изъ кареты. Онъ твердымъ шагомъ взошелъ по ступенямъ эшафота, на колѣняхъ принялъ благословеніе священника, который, какъ увѣряютъ, сказалъ тогда: «Сынъ Святого Людовика, вознесись на небо!» Онъ позволилъ, хотя и съ отвращеніемъ, связать себѣ руки и, съ живостью обернувшись къ лѣвой сторонѣ эшафота, сказалъ: «Я умираю невиннымъ; я прощаю моимъ врагамъ, а ты, несчастный народъ»... Въ эту минуту, по данному знаку, раздался барабанный бой и покрылъ его голосъ; три палача схватили его. Въ десять часовъ десять минутъ онъ пересталъ жить.

Такимъ образомъ погибъ, тридцати девяти лѣтъ отъ роду, послѣ шестнадцати съ половиною лѣтъ царствованія, проведеннаго

въ желаніи добра лучшій, но слабѣйшій изъ монарховъ. Предки оставили ему въ наслѣдство революцію. Болѣе чѣмъ кто-либо изъ нихъ онъ былъ способенъ предупредить или завершить ее: онъ могъ быть королемъ-реформаторомъ, пока революція не разразилась, или конституціоннымъ королемъ по окончаніи ея. Онъ, можетъ быть, единственный государь, который, не имѣя никакихъ страстей, не имѣлъ и страсти къ власти, и который соединялъ оба качества, характеризующія хорошихъ королей: страхъ Божій и любовь къ народу. Онъ погибъ жертвою страстей, которыхъ не раздѣлялъ, — страстей его двора, которыя ему были чужды, и страстей толпы, которыхъ онъ не раздражалъ. Не много королей, оставившихъ по себѣ такую добрую память. Исторія скажетъ о немъ, что при большей твердости характера онъ былъ бы королемъ, единственнымъ въ своемъ родѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Съ 21-го января 1793 г. до 2-го іюня.

Политическое и военное положеніе Франціи.—Англія, Голландія, Испанія, Неаполь и всѣ имперскіе округи примыкаютъ къ коалиціи.—Дюмурье, покоривъ Бельгію, затѣваетъ походъ въ Голландію.—Онъ хочетъ возстановить конституціонную монархію.—Неудачи французскихъ армій.—Борьба монтаньяровъ съ жирондистами; заговоръ 10-го марта.—Возстаніе въ Вандеѣ; его успѣхи.—Измѣна Дюмурье.—Жирондисты обвиняются въ соучастіи съ нимъ; новыя козни противъ нихъ.—Учрежденіе комиссіи двѣнадцати съ цѣлью разрушить планы заговорщиковъ.—Возстанія 27-го и 31-го мая противъ комиссіи двѣнадцати; она отмѣнена.—Возстаніе 2-го іюня противъ 22-хъ главныхъ жирондистовъ; они подвергнуты аресту.—**Совершенное пораженіе этой партіи.**

Смерть Людовика XVI сдѣлала невозможнымъ примиреніе партій и умножила число внѣшнихъ враговъ революціи. Республиканцы должны были бороться не только со всей Европой и съ многочисленными классами недовольныхъ, но даже и между собою. Но монтаньяры, руководившіе въ то время народнымъ движеніемъ, зашли уже слишкомъ далеко и потому рѣшились вести дѣло до крайности. Напугать враговъ революціи, возбудить фанатизмъ народа рѣчами, возстаніями, указаніями на опасность; ввѣрить народу и управленіе, и спасеніе республики; вдохнуть въ него самый пылкій энтузіазмъ во имя *свободы, равенства и братства*; поддерживать его въ этомъ напряженномъ состояніи и пользоваться его страстями и силой—таковъ былъ планъ Дантона и монтаньяровъ, выбравшихъ его своимъ вождемъ. Дантонъ усиливалъ возбужденное состояніе народа, по мѣрѣ возрастанія опасностей, грозившихъ республикѣ. Вмѣсто законной свободы онъ водворилъ, подъ именемъ революціоннаго правительства, деспотизмъ толпы. Робеспьеръ и Маратъ шли еще гораздо далѣе, чѣмъ онъ: они хотѣли обратить въ постоянный образъ правленія то, что Дантонъ допускалъ лишь какъ переходное состояніе. Послѣдній

былъ только политическимъ вождемъ, между тѣмъ какъ Робеспьеръ и Маратъ были настоящими сектаторами; у Робеспьера преобладало честолюбіе, у Марата—фанатизмъ.

Катастрофа 21-го января доставила монтаньярамъ важную побѣду надъ жирондистами, которые держались политики болѣе нравственной, чѣмъ гора, и старались спасти революцію, не обагряя ее кровью. Но ихъ гуманность, сначала слишкомъ робкая, и поздно проснувшійся духъ справедливости не послужили имъ ни къ чему и обратились противъ нихъ самихъ. Ихъ обвиняли въ непріязни къ народу на томъ основаніи, что они возставали противъ народныхъ увлеченій и крайностей; ихъ обвиняли въ сообщничествѣ съ тираномъ, потому что они хотѣли спасти Людовика XVI, и въ измѣнѣ республикѣ, потому что они совѣтовали умѣренный образъ дѣйствій. Этими упреками, съ 21-го января до 31-го мая и 2-го іюня, монтаньяры съ упорнымъ ожесточеніемъ преслѣдовали жирондистовъ въ самомъ Конвентѣ. Жирондисты долго находили поддержку въ центрѣ, высказывавшемся вмѣстѣ съ правою стороною противъ убійствъ и анархіи, и вмѣстѣ съ лѣвою за мѣры общественнаго спасенія. Эта масса, которая, собственно говоря, и выражала собою духъ Конвента, выказывала нѣкоторое мужество и колебала могущество горы и городской думы до тѣхъ поръ, пока въ средѣ ея находились жирондисты, иногда безстрашные и всегда краснорѣчивые,—жирондисты, унесшіе съ собою въ темницу и на эшафотъ всю твердость и всѣ великодушныя намѣренія собранія.

Была, однако, минута согласія между различными партіями собранія. Лепелльте Сенть-Фаржо былъ умерщвленъ бывшимъ тѣлохранителемъ Пàрисомъ за то, что подалъ голосъ за смерть Людовика XVI. Соединенные общею опасностью, члены Конвента поклялись на могилѣ Лепелльте забыть свои раздоры, но скоро возобновили ихъ опять. Въ Мо подвергались преслѣдованію нѣкоторые изъ сентябрьскихъ убійцъ, наказанія которыхъ требовали честные республиканцы. Монтаньяры боялись, чтобы осужденіе обвиненныхъ не повлекло за собою разсмотрѣнія прежняго образа дѣйствій самой горы и болѣе открытаго нападенія со стороны противниковъ ея; они старались поэтому прекратить преслѣдованія, чего и достигли. Эта безнаказанность ободрила предводителей толпы; Маратъ, пользовавшійся въ то время невѣроятнымъ вліяніемъ на нее, подбилъ народъ къ грабежу торговцевъ, которыхъ онъ обвинялъ въ скупкѣ жизненныхъ припасовъ. Онъ сильно возставалъ въ своихъ листкахъ и въ якобинскомъ клубѣ противъ буржуазной аристократіи, торговцевъ и государственныхъ людей (такъ онъ называлъ жирондистовъ), т. е. противъ всѣхъ, которые въ народѣ или въ собраніи противились господству санкюлотовъ и монтаньяровъ. Въ фанатизмѣ и непоколебимомъ упорствѣ этихъ сектаторовъ было что-то страшное. Съ самаго учрежденія Конвента они дали жирондистамъ прозвище интригановъ и

то, что они пріобрѣли власть и употребляли въ департаментахъ не совсѣмъ прямыя средства противъ смѣлыхъ публичныхъ дѣйствій якобинцевъ.

Въ клубѣ якобинцевъ не прекращались нападенія противъ жиронды. «Въ Римѣ одинъ ораторъ говорилъ всякій день: нужно разрушить Карѳагенъ. Пускай же всякій день одинъ изъ якобинцевъ вступаетъ на трибуну, чтобы произнести только одни эти слова: нужно уничтожить интригановъ. И кто бы могъ устоять противъ насъ? Мы боремся противъ преступленія и скоропреходящей власти богатства; за насъ истина, справедливость, бѣдность, добродѣтель... Располагая такимъ оружіемъ, якобинцы скоро скажутъ: «мы едва успѣли сдѣлать шагъ—и наши противники уже не существуютъ». Маратъ, обладавшій гораздо большею смѣлостью, чѣмъ Робеспьеръ, ненависть и проекты котораго прикрывались извѣстными формами, былъ покровителемъ всѣхъ доносчиковъ и анархистовъ. Многіе монтаньяры обвиняли его въ томъ, что онъ ронялъ ихъ дѣло запальчивостью своихъ совѣтовъ и несвоевременными крайностями; но весь якобинскій людъ поддерживалъ его даже противъ Робеспьера, который въ разногласіяхъ съ нимъ рѣдко одерживалъ верхъ. Разграбленіе нѣсколькихъ купцовъ, рекомендованное въ февралѣ въ «Ami du peuple» для примѣра, было совершено; на Марата донесли Конвенту, который послѣ бурнаго засѣданія постановилъ предать его суду. Но декретъ объ томъ остался безъ послѣдствій, потому что обыкновенные суды не имѣли никакой власти. Это двойное испытаніе, съ одной стороны—силы, съ другой—слабости, совершилось въ теченіе февраля. Скоро болѣе рѣшительныя событія привели жирондистовъ къ погибели.

До сихъ поръ военное положеніе Франціи было удовлетворительно. Дюмурье только что увѣнчалъ блестящую аргонскую кампанію завоеваніемъ Бельгіи. Послѣ отступленія пруссаковъ, онъ отправился въ Парижъ, чтобы условиться относительно вторженія въ австрійскіе Нидерланды. Возвратясь въ армію 20-го октября 1792 г., онъ началъ наступательныя дѣйствія 28-го числа. Планъ, который такъ некстати, съ такими небольшими силами и малымъ успѣхомъ пробовали привести въ исполненіе въ началѣ войны, былъ возобновленъ и выполненъ при большихъ средствахъ. Дюмурье, предводительствуя бельгійскою арміею въ сорокъ тысячъ человѣкъ, двинулся изъ Валансьенна на Монсъ; съ праваго крыла его подкрѣпляла арденская армія, состоявшая изъ шестнадцати тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Валанса, который направился отъ Живе къ Намюру; а слѣва—сѣверная армія, въ восемнадцать тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Лабурдонне, который изъ Лилля двинулся на Турне. Австрійская армія, расположенная впереди Монса, ожидала боя въ своей укрѣпленной позиціи. Дюмурье совершенно разбилъ ее; сраженіе при Жемаппѣ открыло французамъ путь въ Бельгію и вновь положило

начало преобладанію французскаго оружія въ Европѣ. Побѣдивъ австрійцевъ 6-го ноября, Дюмурье 7-го вступилъ въ Монсъ, 14-го—въ Брюссель, 28-го—въ Люттихъ. Валансъ взялъ Намюръ, Лабурдоннэ овладѣлъ Антверпеномъ, и въ половинѣ декабря завоеваніе австрійскихъ Нидерландовъ было совершенно покончено. Французская армія, овладѣвъ теченіемъ Мааса и Шельды, расположилась на зимнія квартиры, отбросивъ австрійцевъ только за Руръ, хотя и могла бы оттѣснить ихъ за нижній Рейнъ.

Съ этихъ поръ начались враждебныя отношенія Дюмурье къ якобинцамъ. Декретомъ Конвента 15-го декабря отмѣнялись законы, дѣйствовавшіе въ покоренныхъ странахъ, и Конвентъ вводилъ въ нихъ демократическое устройство. Со своей стороны, якобинцы послали въ Бельгію агентовъ для пропаганды тамъ революціи и для устройства клубовъ по образцу якобинскаго; но фламандцы, сначала принявшіе французовъ съ восторгомъ, охладѣли къ нимъ вслѣдствіе чрезвычайныхъ сборовъ, повсемѣстныхъ грабежей и невыносимой анархіи, которую принесли съ собою якобинцы. Вся партія, возставшая противъ австрійскаго господства и надѣявшаяся получить свободу подъ покровительствомъ Франціи, нашла слишкомъ тягостнымъ французское владычество и пожалѣла о томъ, что призвала или поддерживала французовъ. Дюмурье, желавшій независимости для фламандцевъ и питавшій честолюбивые замыслы, пріѣхалъ въ Парижъ жаловаться на такой неполитичный образъ дѣйствій въ отношеніи къ завоеваннымъ странамъ. Онъ перемѣнилъ свой двусмысленный до тѣхъ поръ образъ дѣйствій. До тѣхъ поръ онъ не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы удержаться между двумя партіями: не становясь подъ знаменемъ ни той, ни другой, онъ надѣялся пользоваться правою стороною при помощи своего друга Жансонне, горою—при помощи Дантона и Лакруа, и внушать уваженіе обѣимъ сторонамъ своими побѣдами. Но въ эту вторую поѣздку онъ попробовалъ остановить якобинцевъ и спасти Людовика XVI; не достигнувъ этого, онъ отправился въ армію, чтобы начать вторую кампанію. Весьма недовольный своей неудачей въ Парижѣ, онъ рѣшился новыми побѣдами остановить революцію и измѣнить ея правительство.

На этотъ разъ всѣмъ границамъ Франціи угрожало нападеніе со стороны европейскихъ державъ. Военные успѣхи революціи и катастрофа 21-го января побудили большую часть правительствъ, еще колебавшихся или нейтральныхъ, присоединиться къ коалиціи.

Узнавъ о смерти Людовика XVI, сентъ-джемскій кабинетъ выслалъ изъ Лондона французскаго уполномоченнаго Шовлена, котораго онъ пересталъ признавать оффиціально еще съ 10-го августа, т. е. со времени низверженія короля. Убѣдившись, что Англія вступила въ связь съ коалиціей, и, слѣдовательно, всѣ обѣщанія ея насчетъ сохраненія нейтралитета призрачны и ложны, Конвентъ 1-го февраля 1793 г. объявилъ войну великобританскому королю

и голландскому штатгальтеру, который съ 1780 г. былъ совершенно подчиненъ сенъ-джемскому кабинету. Англія, до тѣхъ поръ сохранявшая, повидимому, мирныя отношенія къ Франціи, воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы выступить на сцену военныхъ дѣйствій. Уже давно готовый къ разрыву, Питтъ, напрягая всѣ свои силы, заключилъ въ теченіе шести мѣсяцевъ семь договоровъ о союзѣ и шесть договоровъ о субсидіяхъ *). Такимъ образомъ Англія сдѣлалась душою коалиціи противъ Франціи: ея флотъ былъ готовъ къ отплытію; министерство получило въ свое распоряженіе 80 милліоновъ сверхъ обыкновеннаго бюджета, и Питтъ уже готовился воспользоваться революціей для обезпеченія преобладанія Великобританіи, подобно тому, какъ Ришелье и Мазарини воспользовались кризисомъ 1640 г. въ Англіи, для распространенія господства Франціи въ Европѣ. Сенъ-джемскій кабинетъ руководился только одними англійскими интересами; онъ во что бы то ни стало хотѣлъ упрочить аристократическую власть собственно въ Англіи и исключительное господство Англіи въ обѣихъ Индіяхъ и на моряхъ.

Сенъ-джемскій кабинетъ усилилъ коалицію. Въ Испаніи только что произошла перемѣна въ министерствѣ; извѣстный Годой, герцогъ Алькудія и впослѣдствіи князь Мира, былъ поставленъ во главѣ правительства интригами Англіи и эмиграціи. Испанія прекратила сношенія съ республикою послѣ того, какъ ходатайство ея за Людовика XVI оказалось тщетнымъ: она обѣщала сохранить нейтралитетъ, если жизнь короля будетъ пощажена. Германская имперія вся согласилась на войну; Баварія и курфюрстъ палатинъ присоединились къ сражавшимся уже округамъ имперіи. Неаполь послѣдовалъ примѣру испанскаго правительства, которое уже высказалось противъ Франціи: нейтральными остались только Венеція, Швейцарія, Швеція, Данія и Турція. Россія была еще занята вторымъ раздѣломъ Польши.

Республикѣ со всѣхъ сторонъ угрожали самыя лучшія въ Европѣ войска. Со стороны Альповъ на нее наступали сорокъ пять тысячъ австрійцевъ и сардинцевъ; со стороны Пиренеевъ—пятьдесятъ тысячъ испанцевъ; со стороны нижняго Рейна и Бельгіи—семьдесятъ тысячъ австрійцевъ и имперцевъ, подкрѣпленныхъ

*) Вотъ эти договоры: 4-го марта, договорныя статьи между Великобританіей и Ганноверомъ; 25-го марта, лондонскій договоръ о союзѣ между Россіей и Великобританіей; 10-го апрѣля, договоръ о субсидіяхъ съ ландграфомъ Гессенъ-Кассельскимъ; 25-го апрѣля, договоръ о субсидіяхъ съ Сардиніей; 25-го мая, мадридскій договоръ о союзѣ съ Испаніей; 12-го іюля, неаполитанскій договоръ о союзѣ съ обѣими Сициліями; 14-го іюля, договоръ о союзѣ съ Пруссіей, въ лагерѣ передъ Майнцомъ; 30-го августа, лондонскій договоръ о союзѣ съ императоромъ; 21-го сентября, договоръ о субсидіяхъ съ маркграфомъ баденскимъ; 26-го сентября, лондонскій договоръ о союзѣ съ Португаліею. Въ этихъ договорахъ Англія назначила значительныя субсидіи, особенно Австріи и Пруссіи.

тридцатью восемью тысячами англо-голландцевъ; между Маасомъ и Мозелемъ—тридцать три тысячи четыреста австрійцевъ; на среднемъ и верхнемъ Рейнѣ—сто двѣнадцать тысячъ шестьсотъ пруссаковъ, австрійцевъ и имперцевъ. Чтобы отразить непріятеля, Конвентъ предписалъ произвести наборъ въ триста тысячъ человѣкъ. Вмѣстѣ съ этой мѣрой внѣшней обороны была принята внутренняя мѣра, для поддержанія господствующей партіи. Въ то время, когда новые батальоны, передъ выступленіемъ изъ Парижа, являлись въ собраніе, гора потребовала учрежденія чрезвычайнаго судилища для поддержанія революціи внутри, пока войска будутъ защищать ее на границахъ. Это судилище, составленное изъ девяти членовъ, должно было судить безапелляціонно и безъ участія присяжныхъ. Жиронлисты всѣми силами возставали противъ такого произвольнаго и страшнаго учрежденія, но усилія ихъ были напрасны: сопротивляясь учрежденію судилища, предназначеннаго для наказанія враговъ республики, жиронлисты навлекали на себя обвиненія въ сообщничествѣ съ этими врагами. Имъ удалось только ввести въ судилище присяжныхъ, удалить изъ него людей крайней партіи и парализовать его дѣйствія, пока жиронда сохраняла еще нѣкоторое вліяніе.

Главнѣйшія силы коалиціи были направлены противъ длинной пограничной линіи, идущей отъ Антверпена и Рурмонда до Гюнингена. Принцу Кобургскому, предводительствовавшему австрійцами, поручено было сдѣлать нападеніе на французскую армію на Рурѣ и Маасѣ, проникнуть въ Бельгію въ то самое время, когда на другомъ концѣ вышеупомянутой линіи пруссаки выступятъ противъ Кюстина, дадутъ ему битву, осадятъ Майнцъ и, овладѣвъ имъ, возобновятъ вторженіе, неудавшееся въ 1792 г. Эти два операціонные корпуса были поддерживаемы въ промежуточныхъ позиціяхъ значительными силами. Занятый честолюбивыми и реакціонными планами въ то время, когда слѣдовало думать только объ опасностяхъ, угрожавшихъ Франціи, Дюмурье задался мыслью возстановить королевскую власть 1791 г., вопреки Конвенту и Европѣ. То, чего Буйлье не могъ сдѣлать для абсолютной монархіи, Лафайетъ—для конституціоннаго престола при условіяхъ гораздо болѣе благопріятныхъ, Дюмурье надѣялся осуществить одинъ, въ пользу разрушенной конституціи и королевской власти, на сторонѣ которой въ то время не было уже никакой партіи.

Вмѣсто того, чтобы оставаться нейтральнымъ между двумя партіями, какъ бы слѣдовало при данныхъ обстоятельствахъ генералу и даже честолюбцу, Дюмурье предпочелъ разсориться съ ними, чтобы пріобрѣсти надъ ними господство. Онъ задумалъ составить себѣ партію внѣ Франціи, проникнуть въ Голландію при посредствѣ батавскихъ республиканцевъ, противившихся штатгальтерству и англійскому вліянію, освободить Бельгію отъ якобинцевъ, соединить эти двѣ страны въ одно независимое государство и,

украсить себя славой завоевателя, сдѣлаться ихъ политическимъ протекторомъ. Для того, чтобы запугать партіи, онъ предполагалъ склонить на свою сторону войска, пойти на столицу, разогнать Конвентъ, закрыть народныя общества, водворить конституцію 1791 г. и дать Франціи короля.

Этотъ планъ, неисполнимый посреди великаго столкновенія революціи съ Европой, казался нетруднымъ кипучему и отважному Дюмурье. Вмѣсто того, чтобы защищать пограничную линію, наиболѣе угрожаемую, отъ Майнца и до Рура, онъ бросился влѣво отъ театра военныхъ дѣйствій и вступилъ въ Голландію во главѣ двадцати тысячъ человѣкъ. Онъ намѣревался проникнуть ускореннымъ маршемъ въ центръ соединенныхъ провинцій, овладѣть крѣпостями, а въ Нимвегенѣ къ нему долженъ былъ присоединиться двадцатипятитысячный отрядъ подъ предводительствомъ генерала Миранды, который, какъ предполагалось, къ тому времени долженъ былъ овладѣть Мастрихтомъ. Сорокатысячной арміи поручено было наблюдать за австрійцами и прикрывать правый флангъ Дюмурье.

Дюмурье энергически велъ свою голландскую экспедицію; онъ взялъ Бреду, Гертруденбергъ и намѣревался перейти черезъ Бисъ-Бошъ (одинъ изъ рукавовъ нижняго Рейна) и овладѣть Дордрехтомъ. Но въ это время Армія, стоявшая отъ него направо, испытала на нижнемъ Маасѣ рядъ самыхъ серьезныхъ пораженій. Австрійцы начали дѣйствовать наступательно, перешли черезъ Руръ, разбили Міачинскаго при Ахенѣ, принудили Миранду снять блокаду Мастрихта, который онъ тщетно бомбардировалъ, перешли черезъ Маасъ и обратили въ полное бѣгство при Лютихѣ французскую армію, вытянувшуюся между Тирльмономъ и Лувеномъ. Дюмурье получилъ отъ исполнительнаго совѣта приказаніе бросить Голландію какъ можно скорѣе и принять начальство надъ бельгійскими войсками; онъ былъ принужденъ повиноваться и отказаться отъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ безумныхъ, но самыхъ дорогихъ надеждъ своихъ.

При извѣстіи обо всѣхъ этихъ несчастіяхъ якобинцы сдѣлались еще несговорчивѣе. Не допуская возможности пораженія безъ измѣны, особенно послѣ блистательныхъ и неожиданныхъ побѣдъ послѣдней кампаніи, они приписывали эти военныя неудачи интригамъ партій. Они обвинили жирондистовъ, министровъ и генераловъ, которыхъ подозрѣвали въ намѣреніи предать республику врагамъ ея, и стали замышлять ихъ погибель. Къ подозрѣніямъ примѣшивалось и соперничество: они столько же желали пріобрѣсть себѣ исключительное господство, сколько защищать угрожаемую территорію. Начали они съ жирондистовъ. Такъ какъ они еще не пріучили народъ къ мысли объ осужденіи представителей его, то прибѣгли сначала къ заговору, чтобы отдѣлаться отъ жирондистовъ; они рѣшились умертвить ихъ въ Конвентѣ, гдѣ они всѣ будутъ собраны, и назначили для исполненія этого плана ночь на 10-ое марта. По случаю опасностей, угрожавшихъ государству, засѣданія

Конвента были объявлены непрерывными. Наканунѣ въ якобинскомъ клубѣ и клубѣ кордельеровъ рѣшено было запереть заставы, бить въ набатъ и двумя отрядами идти на Конвентъ и къ домамъ министровъ. Въ назначенный часъ заговорщики двинулись; но различныя обстоятельства помѣшали ихъ успѣху. Предупрежденные жирондисты не пошли на ночное засѣданіе; городскіе кварталы воспротивились заговору, а военный министръ Бернонвиль двинулся противъ заговорщиковъ во главѣ батальона брестскихъ федералистовъ; всѣ эти неожиданныя препятствія и непереставшій дождь разсѣяли заговорщиковъ. На слѣдующій день Верньо объявилъ въ засѣданіи Конвента объ инсуррекціонномъ комитетѣ, задумавшемъ эти убійства, потребовалъ, чтобы исполнительному совѣту было поручено собрать свѣдѣнія о заговорѣ 10-го марта, пересмотрѣть списки клубовъ и членовъ инсуррекціоннаго комитета. «Мы переходимъ,—воскликнулъ онъ,—отъ преступленій къ амнистіямъ и отъ амнистій къ преступленіямъ. Многіе граждане дошли до того, что стали смѣшивать мятежныя возстанія съ великимъ возстаніемъ свободы, принимать возбужденія разбойниковъ за вспышки энергическихъ душъ и самое разбойничество—за мѣру общественной безопасности. Мы видѣли развитіе этой странной системы свободы, въ силу которой вамъ говорятъ: вы свободны, но думайте, какъ мы,—иначе мы предадимъ васъ мести народа; вы свободны, но преклоняйте голову передъ идеаломъ, которому мы возносимъ хвалы, или мы предадимъ васъ мести народа; вы свободны, но присоединитесь къ намъ, чтобы преслѣдовать людей, честность и познанія которыхъ опасны для насъ,—иначе мы предадимъ васъ мести народа! Граждане слѣдуетъ опасаться, чтобы революція, подобно Сатурну, не пожрала бы постепенно дѣтей своихъ и не породила бы деспотизма, со всѣми несчастіями, которыя его сопровождаютъ». Эти пророческія слова произвели нѣкоторое впечатлѣніе на собраніе, но мѣры, предложенныя Верньо, не повели ни къ чему.

На минуту якобинцы были остановлены неудачею своего перваго предпріятія противъ жирондистовъ; скоро возстаніе въ Вандеѣ возвратило имъ смѣлость. Вандейская война была неизбѣжнымъ событіемъ революціи. Вандея, прилегающая къ морю и Луарѣ, прорѣзанная немногими дорогами, усѣянная селами, деревушками и хуторами, сохранила свое прежнее феодальное устройство. Новыя идеи проникли туда слабо, потому что средній классъ былъ тамъ немногочисленъ, а городовъ было мало, даже почти совсѣмъ не было. Классъ поселянъ не имѣлъ поэтому иныхъ понятій, кромѣ тѣхъ, которыя внушали ему священники, и не отдѣлялъ своихъ интересовъ отъ интересовъ дворянства. Эти простые, сильные, религіозные и преданные старому порядку люди ничего не понимали въ революціи, которая была результатомъ убѣжденій и потребностей, совершенно чуждыхъ ихъ положенію. Дворяне и священники.

сознавая свою силу въ Вандеѣ, не эмигрировали оттуда; она сдѣлалась центромъ партіи стараго порядка, потому что въ ней сохранились и ученія, и общество его. Франція и Вандея, столь различныя между собою по вѣрованіямъ и организаціи, не могли не вступить рано или поздно въ борьбу между собою: фанатизмъ монархической власти и фанатизмъ народнаго самодержавія, повинуясь противоположнымъ побужденіямъ духовенства и революціи, не могли не поднять одинъ противъ другого своихъ знаменъ для возстановленія стараго порядка или торжества новаго соціальнаго устройства.

Въ Вандеѣ нѣсколько разъ вспыхивали мѣстами безпорядки. Въ 1792 г. маркизъ де-ла-Руари подготовилъ всеобщее возстаніе, которое не удалось потому, что маркизъ былъ арестованъ; но все опять было готово къ возстанію, когда былъ объявленъ наборъ въ триста тысячъ человѣкъ. Этотъ наборъ послужилъ поводомъ къ мятежу. Недовольные разбили жандармовъ въ Сенъ-Флоранѣ и сначала избрали себѣ въ предводители, въ различныхъ мѣстахъ, каретника Катлино, морского офицера Шаретта и егеря Стоффле. Мятежъ быстро разлился по всей странѣ, благодаря пособію деньгами и оружіемъ со стороны Англіи; девятьсотъ общинъ возстали, при звукахъ набата, и тогда къ прежнимъ вождямъ присоединились вожди изъ дворянъ — Боншанъ, Лескюръ, Ларошжакленъ, д'Эльбе, Тальмонъ. Высланные противъ мятежниковъ линейные полки и батальоны національной гвардіи были разбиты. Стоффле разбилъ при Сенъ-Венсанѣ генерала Марсе; Эльбе и Боншанъ — генерала Говилье при Бопре; генералъ Кетино былъ разбитъ Ларошжакленомъ при Обьё, генералъ Лигонье — при Шоле. Овладѣвъ Шатильономъ, Брессюиромъ и Віе, вандейцы рѣшились, прежде чѣмъ идти далѣе, организовать свои силы. Они образовали три корпуса, въ десять - двѣнадцать тысячъ человѣкъ каждый, сообразно съ раздѣленіемъ Вандеи на три военныхъ округа: первый корпусъ, подъ начальствомъ Боншана, занялъ берега Луары и принялъ названіе *анжуйской арміи*; второй, подъ начальствомъ д'Эльбе, расположился въ центрѣ и былъ названъ *большою арміею*; а третій, въ нижней Вандеѣ, былъ названъ *арміею Болота* и поступилъ подъ начальство Шаретта. Мятежники учредили совѣтъ для руководства военными операціями и назначили Катлино генералиссимусомъ. Такія мѣры и раздѣленіе страны на военные округа дали возможность набирать мятежниковъ въ полки, отсылать ихъ назадъ въ ихъ деревни, или вновь сзывать ихъ подъ знамена.

Извѣстіе объ этомъ грозномъ возстаніи побудило Конвентъ усилить строгость противъ духовенства и эмигрантовъ. Онъ лишилъ *покровительства законовъ* священниковъ и дворянъ, которые примутъ участіе въ сборищахъ; онъ обезоружилъ всѣхъ, кто принадлежалъ къ привилегированному сословію. Прежніе эмигранты

были навсегда изгнаны, и возвращеніе во Францію воспрещено имъ подъ страхомъ смертной казни; имѣнія ихъ были конфискованы. На дверяхъ каждаго дома было предписано выставлять имена всѣхъ, кто въ немъ живетъ; революціонное судилище, дѣйствіе котораго было пріостановлено, снова приступило къ своимъ страшнымъ обязанностямъ.

Между тѣмъ одно за другимъ слѣдовали извѣстія о новыхъ военныхъ неудачахъ. Дюмурье, по возвращеніи въ бельгійскую армію, сосредоточилъ свои силы, чтобы противостоять австрійскому генералу, принцу Кобургскому. Войска Дюмурье терпѣли во всемъ нужду и упали духомъ; онъ написалъ Конвенту угрожающее письмо противъ якобинцевъ, для которыхъ оно послужило новымъ поводомъ къ обвиненію противъ него. Возстановивъ отчасти прежнее довѣріе своей арміи нѣсколькими мелкими успѣхами, Дюмурье рискнулъ дать общее сраженіе при Нервиндѣ и потерялъ его. Бельгія была очищена французами; Дюмурье, поставленный между австрійцами и якобинцами, разбитый одними, преслѣдуемый другими, прибѣгнулъ къ преступному средству — къ измѣнѣ, чтобы осуществить свои прежніе планы. Онъ вступилъ въ переговоры съ полковникомъ Маккомъ и условился съ австрійцами идти на Парижъ, чтобы возстановить монархію, а ихъ оставить на границѣ, передавъ имъ, въ видѣ гарантіи, нѣсколько укрѣпленій.

Вѣроятно, Дюмурье желалъ возвести на конституціонный тронъ молодого герцога Шартрскаго *), прославившагося въ эту кампанію, тогда какъ принцъ Кобургскій разсчитывалъ, что если контръ-революція дойдетъ до этой степени, то не остановится на ней и возведетъ на престолъ сына Людовика XVI, возстановивъ прежнюю монархію. Контръ-революція, какъ и революція, не останавливается на своемъ пути; однажды начавшись, она должна идти до конца. Якобинцы вскорѣ узнали о планахъ Дюмурье: онъ не слишкомъ старался скрывать ихъ, потому ли, что желалъ испытать свои войска, или запугать своихъ враговъ, или просто по природному легкомыслію. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ этомъ, клубъ якобинцевъ отправилъ къ нему депутацію изъ трехъ своихъ членовъ — Проли, Перейры и Дюбюиссона. Дюмурье принялъ ихъ и оказался откровеннѣе, чѣмъ они ожидали. «Конвентъ, — сказалъ онъ, — есть собраніе семисотъ тридцати пяти деспотовъ. Пока у меня есть хотя четыре вершка желѣза, я не потерплю, чтобы онъ властвовалъ и проливалъ кровь посредствомъ созданнаго имъ революціоннаго судилища. Что касается республики, то это — пустое слово; я вѣрилъ въ нее всего три дня; со времени жемапской битвы я раскаиваюсь во всѣхъ побѣдахъ, которыя одержалъ ради такого дурного дѣла. Остается одно средство для

*) Впослѣдствіи короля Людовика-Филиппа.

спасенія родины: возстановить конституцію 1791 г. и короля».— «Что вы говорите, генералъ! — сказалъ Дюбюиссонъ. — Французы ненавидятъ монархію, и одно имя Людовика...» — «Э! Не все ли равно, какъ зовется король: Людовикомъ, Іаковомъ или Филиппомъ?» — «Какія же ваши средства?» — «Моя армія... да, моя армія,— она сдѣлаетъ это и объявитъ изъ среды своего лагеря или какого-нибудь укрѣпленія, что она желаетъ короля».— «Но вашъ проектъ можетъ погубить заключенныхъ въ Тамплѣ».—Хотя бы всѣ Бурбоны до одного были перебиты,—даже тѣ, которые въ Кобленцѣ,— тѣмъ не менѣе Франція будетъ имѣть короля; а если Парижъ прибавитъ еще это убійство къ тѣмъ, которыми онъ уже запятналъ себя, то я тотчасъ пойду на него». Высказавшись такъ неосторожно, Дюмурье приступилъ къ выполненію своего необдуманнаго плана. Онъ былъ въ весьма затруднительномъ положеніи: солдаты, хотя и преданные ему, были преданы и родинѣ. Надо было сдать непріятелю укрѣпленія, которыхъ онъ еще не имѣлъ въ своихъ рукахъ; можно было ожидать, что подчиненные ему генералы поступятъ относительно его, изъ любви къ отечеству или изъ честолюбія, точно такъ же, какъ онъ самъ поступилъ относительно Лафайета. Первая попытка его не обѣщала успѣха. Утвердившись въ Сентъ-Арманѣ, онъ хотѣлъ овладѣть Лиллемъ, Конде и Валансьеномъ, но потерпѣлъ неудачу. Эта неудача поколебала его и помѣшала ему начать наступательныя дѣйствія.

Не такъ дѣйствовалъ Конвентъ; его быстрота, смѣлость, твердость и въ особенности опредѣленность плана необходимо должны были упрочить за нимъ побѣду. Ясное сознаніе своей цѣли и энергическое, быстрое стремленіе къ ней—лучшія ручательства успѣха: ихъ-то именно и недоставало Дюмурье,—и это связывало его смѣлость, поколебало приверженцевъ его. Конвентъ, увѣдомленный объ его планахъ, потребовалъ его въ суду; Дюмурье отказался явиться, но еще не поднималъ знамени мятежа. Конвентъ тотчасъ же отрядилъ четырехъ своихъ членовъ: Камюса, Кинетта, Ламарка, Банкаля и военнаго министра Бернонвилля, чтобы представить Дюмурье въ Конвентъ или арестовать его среди арміи. Дюмурье принялъ комиссаровъ въ присутствіи всего своего штаба; они вручили ему декретъ Конвента; онъ прочелъ его и возвратилъ имъ, сказавъ, что положеніе его арміи не дозволяетъ ему покинуть ее. Онъ сказалъ, что готовъ подать въ отставку, обѣщая самъ потребовать въ мирное время наряженія суда надъ собою и отдать отчетъ въ своихъ цѣляхъ и образѣ дѣйствій. Комиссары совѣтовали ему покориться, указывая на примѣръ полководцевъ древняго Рима. «Мы всегда невѣрно цитируемъ, — отвѣчалъ Дюмурье, — и искажаемъ римскую исторію, чтобы извинять наши преступленія примѣромъ добродѣтелей древнихъ. Римляне не убили Тарквинія; у римлянъ была правильная республика съ хорошими законами; у нихъ не было ни клуба якобинцевъ, ни революціоннаго судилища.

Мы живемъ въ анархическое время; тиранамъ хочется моей головы, а я не хочу отдать ея имъ».—«Гражданинъ генералъ,—спросилъ Камюсъ,—согласны ли вы повиноваться декрету Національнаго Конвента и ѣхать въ Парижъ?»—«Не въ настоящую минуту».—«Если такъ, то я отрѣшаю васъ отъ должности; вы болѣе не генералъ, и я предписываю арестовать васъ».—«Это уже слишкомъ»,—сказалъ Дюмурье и приказалъ нѣмецкимъ гусарамъ арестовать комиссаровъ и выдать ихъ австрійцамъ въ качествѣ заложниковъ.

Послѣ такого насилія нельзя было далѣе колебаться. Дюмурье снова попытался овладѣть Конде, но и на этотъ разъ неудачно; онъ хотѣлъ, чтобы армія послѣдовала за нимъ въ его измѣнѣ; но армія покинула его. Солдаты предпочитали еще республику своему генералу; приверженность къ революціи была еще въ полномъ разгарѣ; гражданская власть—во всей своей силѣ. Заявивъ себя противникомъ Конвента, Дюмурье испыталъ ту же участь, какъ и Лафайетъ, высказавшійся противъ Законодательнаго Собранія, какъ и Буйлье, возстававшій противъ Учредительнаго Собранія. Будь въ это время генералъ, который соединялъ бы въ себѣ твердость Буйлье съ патріотизмомъ и популярностью Лафайета, съ побѣдами и средствами Дюмурье,—и тотъ потерпѣлъ бы такую же неудачу, какъ и они. Толчокъ, данный революціи, сдѣлалъ ее сильнѣе партій, генераловъ и Европы. Дюмурье перешелъ въ австрійскій лагерь, вмѣстѣ съ герцогомъ Шартрскимъ, полковникомъ Тувено и двумя эскадронами берчинійскаго полка; остальная часть его арміи направилась въ фамарскій лагерь, чтобы присоединиться тамъ къ войскамъ, бывшимъ подъ начальствомъ Дампьерра.

Узнавъ объ арестѣ комиссаровъ, Конвентъ объявилъ свои засѣданія непрерывными, а Дюмурье — государственнымъ измѣнникомъ, разрѣшилъ всякому убить его, оцѣнилъ его голову, учредилъ знаменитый комитетъ общественнаго спасенія и изгналъ изъ республики герцога Орлеанскаго и всѣхъ Бурбоновъ. Хотя жирондисты возстали въ этомъ случаѣ противъ Дюмурье такъ же сильно, какъ и монтаньяры, но тѣмъ не менѣе ихъ обвинили въ соучастіи съ измѣнникомъ, и къ прежнимъ мотивамъ нападеній присоединился новый. Враги жирондистовъ становились со дня на день все сильнѣе и сильнѣе; они были особенно страшны въ минуты общественной опасности. Они и до той поры разбивали на всѣхъ пунктахъ своихъ враговъ въ борьбѣ, завязавшейся между обѣими партіями. Монтаньяры прекратили слѣдствіе надъ сентябрскими убійцами; предоставили совѣту городской думы продолжать свое самоуправство; добились суда, а потомъ и смерти Людовика XVI. Вслѣдствіе ихъ происковъ февральскіе безпорядки и заговоръ 10-го марта остались безнаказанными; они учредили, вопреки жирондистамъ, революціонное судилище; вынесли изъ терпѣнія Ролана и изгнали его изъ министерства; восторжествовали надъ Дюмурье. Оставалось изгнать жирондистовъ изъ ихъ послѣд-

нымъ убѣжищемъ—изъ собранія: монтаньяры приступили къ этому дѣлу 10-го апрѣля и довершили его ко 2-му іюня.

Робеспьеръ преслѣдовалъ въ Конвентѣ, поименно, Бриссо, Гюаде, Верньо, Петіона и Жансонне; Маратъ доносилъ на нихъ въ народныхъ обществахъ. Онъ написалъ, въ качествѣ президента якобинцевъ, адресъ къ департаментамъ, призывая въ немъ *громъ прошеній и обвиненій противъ измѣнниковъ и невѣрныхъ депутатовъ, желавшихъ спасти тирана, подавъ голоса за апелляцію къ народу или за тюремное заключеніе короля*. Правая сторона и равнина Конвента поняли, что имъ надо соединиться. Маратъ былъ преданъ суду революціоннаго трибунала. Эта вѣсть взволновала клубы, народъ и думу. Въ отмщеніе за это, мэръ Пашъ явился требовать, отъ имени тридцати пяти городскихъ кварталовъ и общаго совѣта, изгнанія изъ Конвента главныхъ жирондистовъ. Молодой Бой-Фонфредъ потребовалъ, чтобы его включили въ число опальныхъ товарищей; вслѣдъ за этимъ всѣ члены правой стороны и равнины поднялись съ крикомъ: «Всѣхъ, всѣхъ насъ!». Это требованіе, хотя и объявленное клеветническимъ, было первымъ нападеніемъ извнѣ на Конвентъ и подготовило умы къ паденію жиронды.

Обвиненіе Марата далеко не устрашило якобинцевъ, которые послѣдовали за нимъ въ революціонное судилище. Маратъ былъ оправданъ, и его съ тріумфомъ понесли въ собраніе. Съ этихъ поръ входы въ залъ были заняты смѣлыми санкюлотами, а трибуны Конвента наполнялись обычными посѣтителями клуба якобинцевъ. Клубисты и *робеспьеровы вязальщицы* (tricoteuses de Robespierre) безпрестанно прерывали ораторовъ правой стороны и мѣшали преніямъ, а внѣ Конвента изыскивались всѣ случаи для гибели жирондистовъ. Анріо, военный начальникъ квартала *санкюлотовъ*, подстрекалъ къ этому батальоны, готовившіеся выступить въ Вандею. Гюаде, понявъ, что нельзя болѣе довольствоваться жалобами и рѣчами, вступаетъ на трибуну. «Граждане,—говоритъ онъ,—пока добродѣтельные люди ограничиваются воздыханіями о несчастіяхъ родины, заговорщики дѣйствуютъ на ея погибель. Они говорятъ, какъ Цезарь: *Пусть ихъ толкуютъ, а мы будемъ дѣйствовать!* Такъ дѣйствуйте же вы! Зло—въ безнаказанности заговорщиковъ 10-го марта; зло—въ анархіи; зло—въ существованіи парижскихъ городскихъ властей, алчущихъ денегъ и господства. Граждане, еще есть время,—вы можете еще спасти республику и вашу поколебленную славу. Предлагаю вамъ смѣнить парижскія городскія власти; замѣстить думу въ теченіе двадцати четырехъ часовъ президентами кварталовъ, собрать въ скорѣйшемъ времени въ Буржѣ запасныхъ членовъ Конвента и разослать этотъ декретъ съ экстренными гонцами по департаментамъ». Предложеніе Гюаде смутило на минуту гору. Еслибы предложенныя имъ мѣры были тотчасъ приняты, то рухнули бы власть городской думы и планы заговорщиковъ; но

легко могли послѣдовать волненія партій, распространеніе междоусобной войны, распущеніе Конвента буржскимъ собраніемъ, уничтоженіе всякаго центра дѣйствій и ослабленіе силъ революціи противъ внутреннихъ и внѣшнихъ нападеній: вотъ чего опасалась умѣренная партія Конвента. Страшась анархіи, если городская дума не будетъ сдержана, контръ-революціи — если народъ будетъ слишкомъ подавленъ, умѣренная партія желала поддержать равновѣсіе между двумя крайними сторонами Конвента. Эта партія наполняла комитеты общественной безопасности и общественнаго спасенія; во главѣ ея стоялъ Барреръ, который, какъ всѣ люди со здравымъ умомъ, но слабымъ характеромъ, стоялъ за умѣренность, пока страхъ не сдѣлалъ изъ него орудія жестокости и деспотизма. Вмѣсто рѣшительныхъ мѣръ Гюаде, онъ предложилъ назначить чрезвычайную комиссію изъ двѣнадцати членовъ, обязанную изслѣдовать дѣйствія думы, открыть виновныхъ въ заговорахъ противъ національнаго представительства и передать ихъ въ руки правосудія. Эта средняя мѣра была принята; но она оставляла городскую думу неприкосновенною, и городская дума должна была восторжествовать надъ Конвентомъ.

Комиссія двѣнадцати встревожила городскую думу своими розысками; она открыла новый заговоръ, который долженъ былъ вспыхнуть 22-го мая, арестовала нѣсколько заговорщиковъ и, между прочимъ, помощника прокурора городской думы Гебера, редактора журнала «Père Duchêne» («Отца Дюшена»), задержаннаго въ самой средѣ муниципалитета. Ошеломленная сначала дума приготовилась къ борьбѣ. Съ этой минуты дѣло шло уже не о заговорахъ, а о мятежѣ; общій городской совѣтъ, поощряемый монтаньярами, окружилъ себя столичными агитаторами; онъ распустилъ слухъ, что комиссія двѣнадцати намѣревается очистить Конвентъ и замѣнить судилище, оправдавшее Марата, судилищемъ контръ-революціоннымъ. Якобинцы, кордельеры, городскіе кварталы объявили свои засѣданія непрерывными. Волненіе началось съ 26-го мая; 27-го оно было уже настолько сильно, что дума могла открыть наступательныя дѣйствія. Она явилась въ Конвентъ и потребовала освобожденія Гебера и отмѣны комиссіи двѣнадцати; за нею слѣдовали депутаціи отъ городскихъ кварталовъ, выражавшія то же желаніе; залъ собранія былъ окруженъ значительною толпою. Кварталъ Сите рѣшился даже требовать преданія двѣнадцати суду революціоннаго судилища. Предсѣдатель собранія Иснаръ отвѣчалъ имъ торжественнымъ тономъ: «Послушайте, что я вамъ скажу. Если когда-нибудь, въ одинъ изъ тѣхъ мятежей, которые повторяются съ 10-го марта, и о которыхъ городское начальство не предупреждаетъ собраніе, будетъ совершено покушеніе на цѣлость національнаго правительства, то объявляю вамъ, отъ имени всей Франціи, что Парижъ будетъ уничтоженъ; да, вся Франція отомститъ за такое покушеніе, и вскорѣ будутъ искать, на которомъ берегу Сены стоялъ

Парижъ». Этотъ отвѣтъ былъ сигналомъ къ страшному шуму. «А я объявляю вамъ,—воскликнулъ Дантонъ,—что такая наглость начинаетъ тяготить насъ; мы будемъ сопротивляться вамъ». Обратившись къ правой сторонѣ, онъ прибавилъ: «Нѣтъ болѣе мира между горою и трусами, желавшими спасти деспота».

Въ залѣ господствовало величайшее волненіе; на трибунахъ кричали противъ правой стороны; монтаньяры разражались угрозами; съ улицы ежеминутно приходили депутаціи, и Конвентъ былъ окруженъ несмѣтною толпою. Вооруженные представители нѣсколькихъ городскихъ частей, подъ начальствомъ Раффе, размѣстились по корридорамъ и аллеямъ, готовые защищать Конвентъ. Жирондисты сопротивлялись, насколько было силъ, депутаціямъ горы. Угрожаемые внутри, осажденные извнѣ, они пользовались этимъ насиліемъ, чтобы возбудить негодованіе собранія. Но министръ внутреннихъ дѣлъ Гара лишилъ ихъ этого средства. Призванный для отчета о состояніи Парижа, онъ далъ увѣреніе, что Конвенту нечего опасаться. Мнѣніе Гара, слывшаго за человѣка безпристрастнаго, увлекавшагося иногда духомъ примиренія до двусмысленныхъ поступковъ, придало смѣлости членамъ горы. Иснару пришлось покинуть кресло; его смѣнилъ Геро-де-Сешелль, и это было сигналомъ торжества монтаньяровъ. Новый президентъ отвѣчалъ просителямъ, которыхъ до тѣхъ поръ сдерживалъ Иснаръ: «Сила разума и сила народа—одно и то же. Вы требуете отъ насъ суда и справедливости: представители не откажутъ вамъ въ этомъ». Было уже поздно; правая сторона пала духомъ, и нѣкоторые изъ ея членовъ удалились; просители перешли изъ-за перилъ на мѣста представителей и, смѣшавшись съ монтаньярами, среди крика и безпорядка, подали голосъ вмѣстѣ съ ними за отмѣну комиссіи двѣнадцати и за освобожденіе заключенныхъ. Ночью, въ половинѣ перваго, этотъ декретъ былъ утвержденъ при шумныхъ рукоплесканіяхъ трибунъ и народа.

Такъ какъ сила была не на сторонѣ жиронды, то для нея было бы, можетъ быть, благоразумнѣе не упоминать болѣе объ этомъ засѣданіи. Это движеніе не должно было имѣть иного результата, кромѣ отмѣны комиссіи двѣнадцати, еслибы его не продлили другія причины. Но партіи, дойдя до такой степени раздраженія въ своей враждѣ, должны были довести дѣло до какого-нибудь рѣшительнаго результата; онѣ не могли терпѣть другъ друга; оставалось только вступить въ бой, который повелъ ихъ отъ пораженія къ побѣдѣ, отъ побѣды къ пораженію, усиливаясь съ каждымъ днемъ, пока сильнѣйшій не восторжествовалъ окончательно надъ слабѣйшимъ. На слѣдующій день члены правой стороны снова начали борьбу въ Конвентѣ; они потребовали отмѣны изданнаго наканунѣ декрета, какъ неправильно утвержденнаго среди шума и насилія, и комиссія двѣнадцати была возстановлена.—«Вы совершили вчера великое дѣло справедливости,—сказалъ Лан-

ють. — Но, предупреждаю васъ, если комиссія сохранитъ свою тираническую власть, если народныя власти не будутъ возстановлены въ своихъ обязанностяхъ, если честнымъ гражданамъ будутъ еще грозить произвольные аресты, то, доказавъ, что мы превосходимъ нашихъ враговъ въ осторожности и мудрости, мы докажемъ, что превосходимъ и въ смѣлости, и въ революціонной энергіи». Дантонъ боялся завязать бой, опасаясь одинаково и торжества монтаньяровъ, и торжества жирондистовъ: ему хотѣлось поэтому предупредить 31-ое мая и смягчить его результаты. Но Дантону пришлось примкнуть къ своимъ во время борьбы и молчать послѣ побѣды.

Волненіе, нѣсколько успокоенное отмѣною комиссіи, сдѣлалось грознымъ при извѣстіи объ ея возстановленіи. Трибуны окружныхъ собраній и народныхъ обществъ огласились бранью, криками объ опасности, призывами къ возстанію. Гебертъ, выпущенный изъ тюрьмы, снова явился въ думу. На него надѣли вѣнокъ, который онъ переложилъ на статую Брута; затѣмъ онъ поспѣшилъ въ клубъ якобинцевъ требовать мести противъ комиссіи. Тогда Робеспьеръ, Маратъ, Дантонъ, Шометтъ и Пашъ сговорились организовать новое движеніе. Это возстаніе было предпринято по образцу возстанія 10-го августа; 29-ое мая прошло въ подготовленіи къ нему умовъ; 30-го члены избирательной коллегіи, комиссары клубовъ, депутаты кварталовъ собрались въ зданіи епархіальнаго управленія, провозгласили возстаніе, уничтожили общій городской совѣтъ, потомъ снова возстановили его, заставивъ принести новую присягу. Анріо получилъ титулъ главнокомандующаго вооруженной силы; санкюлотамъ было обѣщано по сорока су въ день на все время ихъ службы. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, 31-го числа рано утромъ ударили въ набатъ, забили сборъ, собрали войска и пошли на Конвентъ, который засѣдалъ съ нѣкоторыхъ поръ въ Тюльери.

Засѣданіе давно уже началось; оно открылось при звукахъ набата. Конвентъ призвалъ къ себѣ по очереди министра внутреннихъ дѣлъ, правителей департамента и парижскаго мэра. Гара далъ отчетъ о волненіяхъ, не опасаясь отъ нихъ, повидимому, никакихъ бѣдственныхъ послѣдствій. Люилье увѣрялъ отъ имени департамента, что это не болѣе, какъ *нравственное возстаніе*. Мэръ Пашъ явился послѣдній и лицемѣрно далъ отчетъ о дѣйствіяхъ мятежниковъ: онъ увѣрялъ, что имъ приняты всѣ мѣры для сохраненія порядка, что стража при Конвентѣ удвоена и что онъ запретилъ давать пушечный сигналъ къ тревогѣ. Но въ ту же самую минуту вдали раздался пушечный выстрѣлъ. Всѣ пришли въ крайнее недоумѣніе и тревогу. Камбонъ совѣтовалъ быть единодушными; онъ потребовалъ, чтобы трибуны умолкли. «Въ такихъ чрезвычайныхъ случаяхъ,—сказалъ онъ,— единственное средство разрушить планы недоброжелателей заключается въ томъ, чтобы заставить уважать національный Конвентъ».—

Я требую,—сказалъ Тюріо,—немедленной отмѣны комиссіи двѣнадцати».—«А я,—сказалъ Тальенъ,—требую, чтобы мечъ закона поразилъ заговорщиковъ, находящихся въ самой средѣ Конвента». Жирондисты, со своей стороны, требуютъ къ отвѣту дерзкаго Анріо, давшаго сигналъ къ тревогѣ безъ разрѣшенія Конвента. «Если завяжется битва,—сказалъ Верньо,—то она, каковъ бы ни былъ исходъ ея, будетъ гибелью республики. Поклянемся же всѣ, что умремъ на нашихъ мѣстахъ». Все собраніе встаетъ и принимаетъ предложеніе. Дантонъ бросается на трибуну. «Отмѣните комиссію двѣнадцати,—восклицаетъ онъ:—пушка уже прогремѣла. Если вы дѣйствительно политическіе законодатели, то вы не станете порицать движеніе парижанъ, а обратите его въ пользу республики, исправивъ ваши заблужденія, отмѣнивъ вашу комиссію. Я обращаюсь къ тѣмъ, кто надѣленъ нѣкоторыми политическими способностями,—продолжалъ онъ, услыхавъ ропотъ,—а не къ тѣмъ тупоумнымъ людямъ, въ которыхъ говорятъ однѣ страсти. Я говорю имъ: подумайте о величіи вашей цѣли; вѣдь эта цѣль—спасеніе народа отъ его враговъ, отъ аристократовъ, спасеніе его отъ его собственнаго гнѣва. Если послѣ того, какъ вы отдадите долгъ справедливости, найдутся еще дѣйствительно опасные люди,—къ какой бы партіи они ни принадлежали,—которые покусятся продлить движеніе, тогда уже ненужное, то Парижъ самъ уничтожитъ ихъ. Я хладнокровно требую безусловной отмѣны комиссіи, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ». Съ одной стороны на комиссію сильно нападали, съ другой—ее защищали очень слабо; создавшіе ее Барреръ и комитетъ общественнаго спасенія предлагали отмѣнить ее, чтобы поддержать миръ и не предоставлять собраніе на произволъ толпы. Умѣренные монтаньяры желали ограничиться этою мѣрою, когда прибыли депутаціи. Явившіеся въ собраніе члены департаментскаго управленія, думы и комиссары округовъ потребовали не только отмѣны комиссіи, но и наказанія ея членовъ и всѣхъ вождей жиронды.

Тюльерійскій замокъ былъ осажденъ мятежниками; присутствіе ихъ комиссаровъ въ средѣ Конвента ободрило крайнихъ монтаньяровъ, желавшихъ уничтоженія партіи жирондистовъ. Робеспьеръ, глава и ораторъ этого отдѣла горы, потребовалъ слова. «Граждане,—сказалъ онъ,—не будемъ терять этого дня въ безплодныхъ крикахъ и въ ничтожныхъ мѣрахъ; это, можетъ быть, послѣдній день борьбы патріотизма съ тираніею! Пусть всѣ представители, вѣрные народу, соединятся, чтобы упрочить его счастье!» Онъ настаивалъ, чтобы Конвентъ избралъ тотъ путь, который указывали податели петиціи, а не тотъ, который былъ предлагаемъ комитетомъ общественнаго спасенія. Робеспьеръ вдался въ пространныя разсужденія противъ своихъ противниковъ. «Кончайте же!»—крикнулъ ему Верньо.—«Да, я сейчасъ кончу, и заключеніе мое будетъ направлено противъ васъ, желавшихъ послѣ революціи

10-го августа отправить на эшафотъ тѣхъ, кто ее произвелъ! противъ васъ, не перестававшихъ требовать разрушенія Парижа! противъ васъ, желавшихъ спасти тирана! противъ васъ, вступившихъ въ заговоры съ Дюмурье! противъ васъ, ожесточенно преслѣдовавшихъ тѣхъ же патріотовъ, головы которыхъ требовалъ и Дюмурье! противъ васъ, вызвавшихъ своею преступною жаждою мести эти крики негодованія, которые вы хотите вмѣнить въ преступленіе вашимъ жертвамъ! Итакъ, я заключаю требованіемъ обвинительнаго декрета противъ всѣхъ соучастниковъ Дюмурье и противъ тѣхъ, на кого указываютъ податели петиціи!» Несмотря на силу этой выходки, партія Робеспьера не восторжествовала. Движеніе было направлено только противъ двѣнадцати и комитетъ общественнаго спасенія, требовавшій отмѣны этой комиссіи, одержалъ верхъ надъ думой. Собраніе приняло декретъ, составленный Барреромъ, которымъ уничтожалась комиссія, учреждалось постоянное народное войско и возлагалось на комитетъ общественнаго спасенія изслѣдовать, для удовлетворенія подателей петиціи, заговоры, на которые они доносили. Когда дошло до толпы, окружавшей собраніе, извѣстіе о принятыхъ имъ мѣрахъ, она приняла ихъ съ шумнымъ одобреніемъ и разошлась.

Но заговорщики не удовлетворились этимъ половиннымъ торжествомъ: 30-го мая они пошли далѣе, чѣмъ 29-го, 2-го іюня они пошли далѣе, чѣмъ 31-го мая. Возстаніе изъ *нравственнаго*, какъ его называли, сдѣлалось личнымъ, т. е. оно было направлено уже не противъ вліянія партіи, а противъ отдѣльныхъ депутатовъ: оно ускользнуло изъ рукъ Дантона и горы и попало въ руки Робеспьера, Марата и думы. Вечеромъ 31-го мая одинъ якобинецъ-депутатъ сказалъ, «что дѣло сдѣлано только наполовину, что надо кончить, пока не простылъ народъ». Ганріо предложилъ клубу отдать въ его распоряженіе вооруженную силу. Инсуррекціонный комитетъ всталъ явно на-ряду съ Конвентомъ. Весь день 1-го іюня былъ посвященъ приготовленіямъ къ этому важному движенію. Дума написала кварталамъ: *Граждане, будьте наготовѣ; опасности отечества вмѣняютъ вамъ это въ верховный законъ.* Вечеромъ Маратъ, главное дѣйствующее лицо 2-го іюня, явился въ ратушу, взошелъ на колокольню и самъ ударилъ въ набатъ. Онъ пригласилъ членовъ городского совѣта не расходиться, не добившись обвинительнаго декрета противъ *измѣнниковъ и государственныхъ людей*. Въ залѣ Конвента сошлись нѣсколько депутатовъ, и заговорщики пришли требовать декрета противъ опальныхъ; но они не были еще достаточно сильны, чтобы вынудить его у Конвента.

Вся ночь прошла въ приготовленіяхъ; звонили въ набатъ, били сборъ, сходились народныя толпы. Въ воскресенье, около 8-ми часовъ утра, Ганріо явился въ городской совѣтъ и объявилъ своимъ соумышленникамъ, *отъ имени возставшаго на-*

рода, что народъ не сложитъ оружія, пока не добьется ареста заговорщиковъ-депутатовъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сталъ во главѣ огромной толпы, собравшейся на площади передъ ратушею, сказалъ ей рѣчь и подалъ сигналъ двинуться въ путь. Было около 10-ти часовъ, когда мятежники прибыли на Карусельную площадь; Ганріо размѣстилъ вокругъ дворца самые преданные свои отряды, и вскорѣ Конвентъ былъ осажденъ 80.000 народа, большею частью не знавшаго, чего отъ него хотятъ, и скорѣе готоваго защищать депутатовъ, чѣмъ нападать на нихъ.

Большая часть опальныхъ депутатовъ не пришли въ собраніе. Нѣкоторые, смѣлые до конца, явились выдержать бурю въ послѣдній разъ. При самомъ началѣ засѣданія на трибуну выступаетъ мужественный Ланжюинэ: «Я желаю говорить о призывѣ къ оружію, который раздается по всему Парижу»,—говоритъ онъ. Его тотчасъ прерываютъ криками: Прочь! прочь! онъ хочетъ междоусобной войны! онъ хочетъ контръ-революціи! онъ клевещетъ на Парижъ! онъ оскорбляетъ народъ! Ланжюинэ, не взирая на угрозы, оскорбленія, крики горы и трибунъ, объявляетъ о планахъ думы и мятежниковъ. Мужество его возрастаетъ по мѣрѣ опасности. «Вы обвиняете насъ въ клеветѣ на Парижъ!—говоритъ онъ.—Парижъ чистъ, Парижъ добръ. Парижъ угнетенъ тиранами, жаждущими крови и власти!» Эти слова служатъ сигналомъ къ страшной бурѣ; нѣсколько депутатовъ горы бросаются къ трибунѣ, чтобы совлечь съ нея Ланжюинэ, но онъ съ силою хватается за нее и продолжаетъ кричать непоколебимо твердымъ голосомъ: «Я требую уничтоженія всѣхъ революціонныхъ властей въ Парижѣ; требую, чтобы все, сдѣланное ими въ послѣдніе три дня, было объявлено недѣйствительнымъ; требую, чтобы всѣ, кто вновь присвоитъ себѣ власть, противную закону, были лишены покровительства закона, и всякому гражданину было бы предоставлено убивать ихъ». Едва успѣлъ онъ кончить, какъ явились депутаты отъ мятежниковъ, съ требованіемъ ареста Ланжюинэ и его товарищей. «Граждане,—заключили депутаты,—народъ усталъ ждать своего счастья; онъ оставляетъ его еще на минуту въ вашихъ рукахъ; спасите его, или—объявляемъ вамъ—онъ самъ спасетъ себя!»

Правая сторона требуетъ устраненія петиціи мятежниковъ посредствомъ перехода къ очередному порядку. Конвентъ соглашается на это. Тогда депутаты удаляются съ угрожающимъ видомъ; мужчины уходятъ изъ трибунъ, крича: къ оружію! и на улицѣ поднимается страшный шумъ. «Спасите народъ,—говоритъ одинъ монтаньяръ,—спасите вашихъ товарищей, предпишите арестовать ихъ на время».—«Нѣтъ, нѣтъ!»—кричитъ правая сторона и даже часть лѣвой.—«Мы всѣ раздѣлимъ ихъ участь»,—восклицаетъ Ла-Ревельеръ-Лепо. Комитетъ общественнаго спасенія, которому поручено составить отчетъ, испу-

ганный важностью опасности, предложилъ, какъ и 31-го мая, мѣру наружнаго примиренія, чтобы удовлетворить мятежниковъ, не жертвуя совершенно опальными депутатами. «Комитетъ обращается къ патріотизму, къ великодушію обвиненныхъ членовъ,— сказалъ Барреръ,—онъ проситъ ихъ сложить съ себя на время свои полномочія, представляя имъ, что это—единственное средство прекратить раздоры, терзающіе республику, и возстановить въ ней миръ». Нѣкоторые изъ депутатовъ соглашаются на это. Иснаръ отказывается отъ своего полномочія; Лантена, Дюссо и Фоше слѣдуютъ его примѣру; но Ланжюинэ остается твердымъ. «До сихъ поръ я заявилъ, мнѣ кажется, нѣкоторое мужество,—говоритъ онъ:—не ждите, чтобы я отказался отъ своихъ правъ или подалъ въ отставку». Его прерываютъ насильственнымъ образомъ. «Когда древніе готовили жертвоприношеніе,—продолжаетъ онъ,—то, ведя жертву на алтарь, они украшали ее цвѣтами и лентами; жрецъ убивалъ ее, но не оскорблялъ». Барбару выказалъ такую же твердость, какъ и Ланжюинэ. «Я поклялся умереть на своемъ мѣстѣ,—сказалъ онъ,— и сдержу клятву». Даже сами заговорщики горы возстали противъ предложенія комитета; Маратъ воскликнулъ, что жертвы могутъ быть приносимы только чистыми руками, а Бильо-Варенъ потребовалъ суда надъ жирондистами, а не прекращенія ихъ полномочій.

Въ продолженіе этого спора одинъ изъ депутатовъ горы, Лакруа, поспѣшно вошелъ въ залъ, бросился на трибуну и объявилъ, что его оскорбили въ дверяхъ, что его не выпустили и что Конвентъ не свободенъ. Многіе монтаньяры негодуютъ на Ганріо и на войска. Дантонъ говоритъ, что надо энергически отомстить за оскорбленіе національнаго величія. Барреръ предлагаетъ Конвенту выйти къ народу. «Представители,— говоритъ онъ,—прикажите освободить васъ, прекратите засѣданіе, заставьте преклонить передъ вами окружающіе васъ штыки». Весь Конвентъ встаетъ и выходитъ изъ зала, предшествуемый его служителями; впереди членовъ идетъ президентъ, съ покрытою головою, въ знакъ скорби. Шествіе подходитъ къ выходу на Карусельскую площадь и встрѣчаетъ Ганріо верхомъ и съ саблею въ рукѣ.— «Чего желаетъ народъ?—спрашиваетъ его президентъ Геро-де-Сешеллъ:—Конвентъ заботится только объ его счастьѣ». Ганріо отвѣчаетъ: «Геро, народъ не съ тѣмъ возсталъ, чтобы слушать фразы: онъ желаетъ, чтобы ему выдали двадцать четыре виновныхъ».— «Пусть же выдадутъ насъ всѣхъ!»—восклицаютъ окружающіе президента. Ганріо оборачивается къ войскамъ и кричитъ: «Канонеры, къ орудіямъ!» Двѣ пушки направляются на Конвентъ, который отступаетъ, удаляется въ садъ, проходитъ къ его различнымъ выходамъ, но находитъ ихъ запертыми. Повсюду солдаты подъ ружьемъ; Маратъ обходитъ ряды, подстрекаетъ и поощряетъ мятежниковъ. «Не слабѣйте,—говоритъ онъ,—не покидайте вашего поста, пока вамъ не выдадутъ ихъ». Конвентъ возвращается въ

залу засѣданій, угнетенный сознаніемъ своей слабости, убѣжденный въ безполезности своихъ усилій и совершенно порабощенный. Никто не сопротивляется болѣе аресту опальныхъ депутатовъ. Маратъ, настоящій диктаторъ собранія, рѣшаетъ какъ бы верховною властью участь его членовъ. «Дюссо,—говоритъ онъ,—старый пустомеля, неспособный быть предводителемъ партіи; Лантена обиженъ умомъ и не заслуживаетъ, чтобы имъ занимались; Дюко высказалъ нѣсколько нелѣпыхъ мыслей, но онъ неспособенъ быть предводителемъ контръ-революціи. Я требую, чтобы ихъ исключили изъ списка опальныхъ депутатовъ и поставили на мѣсто ихъ Валазе». Имена Дюссо, Лантена, Дюко были выключены изъ списка и замѣнены именемъ Валазе. Списокъ, такимъ образомъ составленный, былъ облеченъ въ форму декрета, въ утвержденіи котораго участвовала только половина депутатовъ.

Вотъ имена этихъ знаменитыхъ опальныхъ. Присуждены были къ аресту жирондисты: Жансоне, Гюаде, Бриссо, Горза, Петіонъ, Верньо, Салль, Барбару, Шамбонъ, Бюзо, Биротто, Лидонъ, Рабо, Ласурсъ, Ланжюино, Гражненъ, Легарди, Лесажъ, Луве, Валазе, министръ иностранныхъ дѣлъ Лебренъ, министръ финансовъ Клавьеръ и члены комиссіи двѣнадцати: Кервелеганъ, Гардіенъ, Рабо-Сентъ-Этьеннъ, Буало, Бертранъ, Виже, Мольво, Генрихъ Ларивьеръ, Гомеръ и Бергуенъ. Конвентъ подвергъ ихъ домашнему аресту и отдалъ подъ защиту народа. Съ этой минуты съ Конвента была снята осада, и толпа разошлась; но съ этой же минуты не стало болѣе свободнаго Конвента.

Такимъ образомъ пала партія жиронды,—партія, отличавшаяся замѣчательными талантами и возвышенными идеями,—партія, тѣлавная честь рождавшейся республикѣ своимъ отвращеніемъ къ кровопролитію, къ преступленію, къ анархіи, своею любовью къ порядку, къ справедливости и свободѣ, но невыгодно поставленная между среднимъ сословіемъ, революціи котораго она противилась, и низшими классами, которыхъ она не допускала къ правительственной власти. Осужденная на бездѣйствіе, эта партія могла только прославить свое вѣрное пораженіе смѣлою борьбою и геройскою смертью. Въ эту минуту не трудно уже было предвидѣть ея конецъ; жирондисты были вытѣснены со всѣхъ постовъ: изъ клуба якобинцевъ—монтаньярами; изъ думы—удаленіемъ Петіона; изъ министерства—отставкою Ролана и его товарищей; изъ арміи—измѣною Дюмурье. Имъ оставался одинъ Конвентъ; въ немъ они укрѣпились, сразились и пали. Враги жирондистовъ прибѣгали противъ нихъ и къ заговорамъ, и къ мятежамъ. Заговоры привели къ назначенію комиссіи двѣнадцати, которая на минуту какъ будто дала перевѣсъ жирондѣ, но въ сущности только сильнѣе раздражила ея противниковъ. Они возмутили народъ и лишили жирондистовъ сначала власти, уничтоживъ комиссію двѣнадцати, а потомъ и политическаго значенія, предавъ опалѣ ихъ вождей.

Послѣдствія этого бѣдственнаго событія обманули ожиданія всѣхъ. Дантонисты думали, что раздоръ партій прекратился, — а между тѣмъ вспыхнула междоусобная война; умѣренные члены комитета общественнаго спасенія ожидали, что Конвентъ возвратитъ все свое могущество,—а между тѣмъ онъ былъ порабощенъ. Дума предполагала, что 31-ое мая дастъ ей власть, — а на самомъ дѣлѣ власть досталась Робеспьеру и нѣсколькимъ лицамъ, преданнымъ ему или крайней демократіи. Наконецъ, къ побѣжденнымъ, т. е. къ враждебнымъ партіямъ прибавилась еще одна, и подобно тому, какъ послѣ 11-го августа учреждена была республика противъ конституціоналистовъ, такъ послѣ 31-го мая учрежденъ былъ терроръ противъ умѣренныхъ республиканцевъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Отъ 2-го іюня 1793 г. до апрѣля 1794 г.

Возстаніе департаментовъ противъ 31-го мая; продолжительныя неудачи на границахъ; успѣхи мятежниковъ въ Вандеѣ. — Гора издаетъ конституцію 1793 г. и тотчасъ же пріостанавливаетъ дѣйствіе ея, чтобы сохранить и усилить революціонное правительство. — Всенародное ополченіе; законъ противъ подозрѣваемыхъ. Побѣды горы внутри страны и на границахъ. — Смерть королевы, двадцати двухъ жирондистовъ и др. Комитетъ общественнаго спасенія; его могущество; его члены. — Республиканскій календарь. — Побѣдители 31-го мая раздѣляются. Ультра-революціонная партія думы (гебертисты) уничтожаетъ католицизмъ и устанавливаетъ поклоненіе Разуму; ея борьба съ комитетомъ общественнаго спасенія; ея пораженіе. — Умѣренная партія горы (дантонисты) хочетъ уничтожить революціонную диктатуру и установить законное правленіе; ея паденіе. — Комитетъ общественнаго спасенія одинъ торжествуетъ.

Можно было предвидѣть заранѣе, что жирондисты не подчинятся добровольно своему пораженію, и что 31-ое мая послужитъ сигналомъ къ возстанію департаментовъ противъ горы и парижской думы. Имъ оставалась только эта послѣдняя попытка—и они предприняли ее. Но и въ этой рѣшительной мѣрѣ замѣтно было то же отсутствіе согласія, послѣдствіемъ котораго было ихъ пораженіе въ собраніи. Сомнительно, чтобы жирондисты, даже при полномъ единодушіи, могли восторжествовать, а восторжествовавъ—спасти революцію. Справедливыми законами могли ли бы они достигнуть того, что сдѣлала гора насильственными мѣрами? Могли ли бы они побѣдить иностранныхъ враговъ безъ фанатизма, подавить партіи, не наводя страха, прокормить массу безъ maximum (т. е. безъ обязательной таксы на хлѣбъ), содержать армію, не требуя даровой поставки всѣхъ нужныхъ для нея припасовъ и снарядовъ? Еслибы 31-ое мая приняло оборотъ противоположный, то уже тогда наступило бы все совершившееся позже — замедленіе революціонной дѣятельности, усиленныя нападенія Европы, вторичное вооруженіе всѣхъ партій, возстаніе 1-го преріаля — безъ возможности противостать массѣ, возстаніе 13-го вандемьера—безъ возможности отра-

зить роялистовъ, нашествіе союзниковъ и, сообразно съ политикой того времени, раздробленіе Франціи. Республика не могла бы еще тогда выдержать столько нападеній, какъ это удалось ей послѣ реакціи термидора. Какъ бы то ни было, жирондисты, которымъ слѣдовало бы или вмѣстѣ остаться въ Парижѣ, или вмѣстѣ предпринять борьбу въ провинціяхъ, поступили иначе. Послѣ 2-го іюня всѣ умѣренные люди партіи были арестованы, а прочіе бѣжали. Верньо, Жансоне, Дюко, Фонфредъ и др. были въ числѣ первыхъ; Петіонъ, Барбару, Гюаде, Луве, Бюзо, Ланжюине — въ числѣ вторыхъ. Они прибыли въ Евре, въ департаментѣ Эре, гдѣ Бюзо пользовался большимъ вѣсомъ, а оттуда въ Каенъ, въ Кальвадосѣ. Этотъ городъ сдѣлался центромъ возстанія. Бретань не замедлила принять въ немъ участіе. Инсургенты, подъ именемъ собранія департаментовъ, соединившихся въ Каенѣ, составили армію, назначили генерала Вимпфена главнокомандующимъ, арестовали монтаньяровъ Ромма и Пріера, комиссаровъ Конвента, и расположились идти на Парижъ. Именно въ это время Шарлотта Корде, молодая, прекрасная и мужественная дѣвушка, отправилась изъ Каена въ Парижъ, съ цѣлью наказать Марата, главнаго виновника 31-го мая и 2-го іюня; она думала спасти республику, пожертвовавъ собою для нея. Но тиранія держалась не однимъ человѣкомъ, а цѣлой партіей и насильственнымъ состояніемъ республики. Шарлотта Корде, исполнивъ свой великодушный, но безполезный замыселъ, умерла съ невозмутимымъ спокойствіемъ, скромнымъ мужествомъ и увѣренностью, что хорошо поступила *). Но умерщвленный Маратъ сдѣлался для массы еще большимъ предметомъ энтузіазма, нежели онъ былъ при жизни. Его имя призывали на площадяхъ, его бюстъ былъ поставленъ во всѣхъ народныхъ обществахъ, и Конвентъ принужденъ былъ воздать ему почесть погребенія въ Пантеонѣ.

Въ то же самое время возсталъ Ліонъ; Марсель и Бордо взялись за оружіе, и болѣе шестидесяти департаментовъ присоединились къ мятежу. За этимъ послѣдовало вскорѣ возстаніе всѣхъ партій, и роялисты во многихъ мѣстахъ овладѣли движеніемъ, начатымъ жирондистами. Роялисты старались въ особенности руководить возстаніемъ Ліона, чтобы сдѣлать его центромъ дѣйствій на югѣ. Этотъ городъ былъ очень привязанъ къ старому порядку

*) Вотъ нѣкоторые изъ отвѣтовъ этой геройской дѣвушки передъ революціоннымъ судилищемъ: „Что вы имѣли въ виду, убивая Марата?“ — Прекратить безпорядки во Франціи. — „Давно ли вы возымѣли этотъ замыселъ?“ — Послѣ событія 31-го мая, дня изгнанія народныхъ депутатовъ. — „Такъ вы узнали изъ журналовъ, что Маратъ былъ анархистомъ?“ — Да, я знала, что онъ развращаетъ Францію... Я убила, — прибавила она, возвышая значительно голосъ, — одного человѣка, чтобы спасти сто тысячъ, злодѣя — чтобы спасти невинныхъ, хищнаго звѣря — чтобы дать спокойствіе моей отчизнѣ. Я была республиканкой прежде революціи, и никогда во мнѣ не было недостатка въ энергіи.

неидей. Его шелковыя и золотошвейныя фабрики, его торговля предметами роскоши ставили его въ зависимость отъ высшихъ классовъ. Онъ не замедлилъ поэтому сдѣлаться противникомъ общественной перемѣны, которая нарушала прежнія отношенія и, унижая дворянство и духовенство, разоряла ліонскія фабрики. Уже въ 1790 г., во время Учредительнаго Собранія, когда эмигрировавшіе принцы находились въ сосѣдствѣ при туринскомъ дворѣ, Ліонъ дѣлалъ попытки къ возстанію. Эти попытки, направляемыя священниками и дворянами, были подавлены, но духъ города остался тотъ же. Тамъ, какъ и вездѣ послѣ 10-го августа, масса народа хотѣла произвести революцію въ свою пользу и захватить въ свои руки дѣла управленія. Шалье, фанатикъ, подражавшій Марату, былъ во главѣ якобинцевъ, санкюлотовъ и городскихъ властей въ Ліонѣ. Его смѣлость возросла послѣ сентябрьскихъ убійствъ и казни короля. Борьба между низшимъ, республиканскимъ классомъ и среднимъ, роялистскимъ, оставалась, однако, нерѣшенною; первый преобладалъ въ думѣ, второй—въ городскихъ округахъ. Но въ концѣ мая распри усилились, и произошла стычка; побѣда осталась за округами. Зданіе думы было осаждено и взято приступомъ. Шалье успѣлъ бѣжать, но былъ схваченъ и, нѣсколько времени спустя, казненъ. Горожане, не дерзая еще свергнуть съ себя иго Конвента, извинялись передъ нимъ, увѣряя, что были вынуждены къ борьбѣ якобинцами и городскими властями. Конвентъ, который могъ спастись только смѣлостью и погибъ бы, уступая, не хотѣлъ слышать никакихъ оправданій. Въ это самое время наступили іюньскія событія, возстаніе Кальвадоса сдѣлалось извѣстнымъ, и ободренные ліонцы не побоялись уже поднять знамя возмущенія. Они привели свой городъ въ оборонительное состояніе, построили укрѣпленія, составили армію изъ двадцати тысячъ человѣкъ, приняли эмигрантовъ въ среду ея, вѣрили начальство надъ нею роялисту Преси и маркизу Вирье и вступили въ сношеніе съ королемъ сардинскимъ.

Возмущеніе Ліона было тѣмъ болѣе опасно для Конвента, что этотъ городъ, по своему центральному положенію, примыкалъ къ югу, который брался уже за оружіе, между тѣмъ какъ весь западъ также начиналъ подниматься. Въ Марселѣ извѣстіе о 31-мъ маѣ возбудило возстаніе приверженцевъ жирондъ; Ребекки поспѣшилъ отправиться туда. Городскіе округа были созваны, члены революціоннаго трибунала лишены покровительства законовъ, и десятитысячная армія должна была двинуться на Парижъ. Эти мѣры были дѣломъ роялистовъ, которые здѣсь, какъ и вездѣ, выжидали только случая, чтобы выдвинуться на первый планъ. Сначала они держали, повидимому, сторону республиканцевъ, но продолжали дѣйствія уже подъ своимъ собственнымъ именемъ. Они пріобрѣли перевѣсъ въ городскихъ округахъ Марселя, и движеніе происходило уже не въ пользу жирондистовъ, а въ пользу контръ-революціи. Во время возмущеній всегда одерживаетъ

верхъ надъ своими совмѣстниками та партія, которая придерживается крайняго мнѣнія и имѣетъ наиболѣе опредѣленную цѣль. Видя новый оборотъ возстанія, Ребекки въ отчаяніи бросился въ море въ марсельской гавани. Инсургенты направились по дорогѣ въ Ліонъ; ихъ примѣру послѣдовали тотчасъ же Тулонъ, Нимъ, Монтобанъ и главные города юга. Въ Кальвадосѣ возстаніе также получило характеръ роялизма, съ тѣхъ поръ, какъ маркизъ Пюизе, во главѣ небольшого отряда, вступилъ въ ряды жирондистовъ. Города Бордо, Нантъ, Брестъ, Лоріанъ смотрѣли благосклонно на изгнанниковъ 2-го іюня: нѣкоторые изъ нихъ приняли даже сторону жиронды, но, удерживаемые съ одной стороны якобинскою партіей съ другой—необходимостью бороться съ роялистами запада, они не могли оказать большой помощи жирондистамъ.

Во время почти всеобщаго возстанія департаментовъ роялисты расширяли свои предпріятія на западѣ Франціи. Послѣ первыхъ побѣдъ своихъ вандейцы овладѣли Брессюиромъ, Аржантономъ и Туаромъ. Полные властелины своей области, они предполагали занять ея границы и проложить себѣ дорогу въ центръ революціонной Франціи, а также открыть сообщенія съ Англіей. 6-го іюня вандейская армія въ 40 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Кателино, Лескюра, Стофле, Ларошжаклена, направилась на Сомюръ и силою овладѣла имъ. Она приготовилась къ нападенію на Нантъ, съ цѣлью упрочить за собою обладаніе Вандеей, обезпечить ея защиту и господствовать надъ теченіемъ Луары. Кателино, во главѣ нѣсколькихъ отрядовъ, вышелъ изъ Сомюра, оставивъ тамъ гарнизонъ, взялъ Анжеръ, перешелъ черезъ Луару и, дѣлая видъ, что направляется къ Туру и Ману, внезапно бросился къ Нанту и атаковалъ его на правомъ берегу Луары, между тѣмъ какъ Шареттъ долженъ былъ атаковать его на лѣвомъ.

Все, казалось, соединилось для того, чтобы подавить Конвентъ. Его войска были поражаемы на сѣверѣ и въ Пиренеяхъ; ліонцы угрожали ему въ центрѣ, марсельцы на югѣ, жирондисты въ одной части запада, вандейцы—въ другой; двадцать тысячъ пьемонтцевъ вступили въ предѣлы Франціи. Реакція въ ходѣ военныхъ дѣйствій, которая послѣ блестящаго похода въ Аргонъ и въ Бельгію произошла преимущественно вслѣдствіе несогласія между Дюмурье и якобинцами, арміей и правительствомъ,—выразилась еще гораздо гибельнѣе послѣ измѣны главнокомандующаго. Не было болѣе единства въ движеніяхъ, энтузіазма въ войскахъ и единодушія между Конвентомъ, занятымъ своими распрями, и генералами, упавшими духомъ. Остатки арміи Дюмурье собрались въ лагерѣ при Фамарѣ подъ начальствомъ Дампьерра, но, потерпѣвъ пораженіе, принуждены были удалиться подъ прикрытіе крѣпости Бушена. Дампьерръ былъ убитъ. Отъ Дюнкирхена до Живе границѣ угрожали большія непріятельскія силы. Кюстинъ былъ поспѣшно вызванъ съ береговъ Мозеля къ сѣверной арміи, но и его присутствіе не попра-

вило дѣла. Валансьенъ, открывавшiй путь во Францiю, былъ взятъ; Конде потерпѣлъ ту же участь; армiя, оттѣсняемая съ позицiи на позицiю, удалилась за Скарпу, въ окрестности Арраса, послѣднее убѣжище войскъ, отступающихъ къ Парижу. Съ другой стороны Майнцъ, тѣснимый непрiятелемъ и мучимый голодомъ, потерялъ надежду получить помощь отъ мозельской армiи, приведенной въ бездѣйствiе, и, не будучи въ состоянiи долѣе сопротивляться, сдался на капитуляцiю. Наконецъ англiйское правительство, узнавъ, что голодъ опустошаетъ Парижъ и департаменты, обложило блокадой, послѣ 21-го мая и 2-го iюня, всѣ французскiя гавани и обнародовало прокламацiю о захватѣ нейтральныхъ судовъ, которыя бы взялись доставить туда жизненные припасы. Эта мѣра, еще неслыханная въ исторiи и направленная къ тому, чтобы распространить голодъ въ цѣломъ народѣ, вызвала три мѣсяца спустя законъ объ обязательной таксѣ на хлѣбъ (maximum). Хуже этого не могло быть состоянiе республики.

Конвентъ былъ до извѣстной степени застигнутъ врасплохъ. Онъ былъ разстроенъ, такъ какъ только что вышелъ изъ борьбы, и правительство побѣдителей не имѣло еще времени установиться. Послѣ 2-го iюня, когда опасность была еще такъ сильна въ департаментахъ и на границахъ, гора всюду разослала своихъ комиссаровъ и немедленно занялась составленiемъ конституцiи, такъ давно ожидаемой и возбуждавшей большiя надежды. Жирондисты хотѣли издать ее прежде 21-го января, чтобы законнымъ правленiемъ замѣнить революцiонное и тѣмъ спасти Людовика XVI; они прибѣгали къ тому же средству передъ 31-мъ мая, чтобы предупредить свое собственное паденiе. Но монтаньяры два раза отвлекали вниманiе Конвента отъ обсужденiя вопроса о конституцiи: судомъ надъ Людовикомъ XVI и вытѣсненiемъ жиронды. Наконецъ, одержавъ верхъ, они спѣшили привлечь къ себѣ республиканцевъ обнародованiемъ конституцiи. Геро-де-Сешелль былъ законодателемъ горы, подобно тому, какъ Кондорсе былъ законодателемъ жиронды. Въ нѣсколько дней новая конституцiя была принята Конвентомъ и предложена на утвержденiе первоначальныхъ народныхъ собранiй. Не трудно себѣ представить, чѣмъ она должна была быть при господствовавшихъ тогда взглядахъ на демократическое правленiе. Учредительное Собранiе считалось въ это время собранiемъ аристократовъ; избирательный законъ, установленный имъ,— нарушенiемъ правъ народныхъ, потому что онъ ставилъ пользованiе политическими правами въ зависимость отъ извѣстныхъ условiй; потому что онъ не допускалъ полнаго равенства; потому что онъ предоставлялъ назначенiе депутатовъ и должностныхъ лицъ не непосредственно народу, а избирателямъ, взятымъ изъ среды его; потому что онъ ограничивалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ верховную власть нацiи, исключая пролетарiевъ изъ числа дѣйствительныхъ гражданъ и закрывая для одной части дѣйствительныхъ гражданъ

доступъ къ высшимъ должностямъ въ государствѣ; наконецъ, потому что онъ основывалъ устройство законодательной власти не на одной только численности населенія, а между прочимъ и на имущественномъ цензѣ. Конституція 1793 г. учреждала правленіе массы въ полномъ смыслѣ этого слова; она не только признавала народъ источникомъ всякой власти, но возлагала на него и дѣйствительное отправленіе ея. Безграничная верховная власть народа, часто смѣняемыя должностныя лица, непосредственные (прямые) выборы и всеобщая подача голосовъ; первоначальныя народныя собранія, сходящіяся безъ особаго призыва въ опредѣленные сроки для назначенія представителей и повѣрки ихъ дѣйствій; Національное Собраніе, ежегодно возобновляемое и представляющееся въ сущности только комитетомъ первоначальныхъ собраній,—вотъ главныя черты конституціи 1793 г. Такъ какъ она предоставляла правленіе массѣ и совершенно разрушала авторитетъ власти, то она была примѣняема во всякое время, а тѣмъ болѣе во время всеобщей войны. Монтаньяры, вмѣсто самой крайней демократіи, нуждались въ самой сосредоточенной диктатурѣ. Тотчасъ же по составленіи конституціи дѣйствіе ея было пріостановлено, и сохранено впредь до заключенія мира революціонное правительство, облеченное еще большею силою, чѣмъ прежде.

Во время обсужденія конституціи и послѣ передачи ея на утвержденіе первоначальныхъ собраній, монтаньяры узнали о грозившей имъ опасности. Имъ предстояло подавить внутри страны три или четыре партіи, покончить разнаго рода междоусобныя войны, загладить неудачи арміи, отразить нападеніе цѣлой Европы; но эти смѣлые люди не отступали передъ своей трудной задачей. Представители сорока четырехъ тысячъ общинъ явились въ Парижъ, чтобы принять конституцію. Допущенные въ собраніе, они объявили о согласіи народа и потребовали ареста всѣхъ подозрительныхъ людей, а также всенароднаго ополченія. «Исполнимъ это желаніе!—воскликнулъ Дантонъ.—Депутаты первоначальныхъ собраній берутъ на себя инииціативу террора! Я требую, чтобы Конвентъ, который долженъ быть проникнутъ теперь въ полной мѣрѣ чувствомъ своего достоинства, потому что на него возложена вся національная сила,—я требую, чтобы онъ издалъ указъ, уполномочивающій комиссаровъ первоначальныхъ собраній составить списокъ наличныхъ оружій, припасовъ, военныхъ снарядовъ, сдѣлать воззваніе къ народу, возбудить энергію въ гражданахъ и призвать четыреста тысячъ гражданъ къ защитѣ отечества. Утвержденіе конституціи должно быть возвѣщено нашимъ врагамъ пушечными выстрѣлами! Наступила минута принести послѣднюю великую клятву: мы всѣ обрекаемъ себя на смерть или уничтожимъ враговъ». Всѣ депутаты и граждане, находившіеся въ залѣ, тотчасъ же принесли эту клятву. Нѣсколько дней спустя Барреръ отъ имени комитета общественнаго спасенія, составленнаго изъ революціонеровъ и сдѣлавшагося центромъ всей

правительственной дѣятельности Конвента, предложилъ еще болѣе общія мѣры. «Свобода,—сказалъ онъ,—сдѣлалась кредиторомъ всѣхъ гражданъ: одни должны посвятить ей свой трудъ, другіе—свое состояніе; одни должны служить ей своими совѣтами, другіе—своими руками; всѣ должны жертвовать ей своею кровью. Итакъ, отчизна призываетъ всѣхъ французовъ, обоего пола, всякаго возраста, къ защитѣ свободы! Всѣ физическія и умственныя способности, всѣ государственныя и промышленныя средства—все составляетъ ея собственность; всѣ металлы, всѣ элементы суть ея данники. Пусть каждый займетъ свое мѣсто въ національномъ и воинственномъ движеніи, которое готовится. Молодые люди будутъ сражаться, женатые ковать оружіе, перевозить обозы и пушки, готовить съѣстные припасы; женщины будутъ шить одежду для солдатъ, дѣлать палатки и ухаживать въ госпиталяхъ за ранеными; дѣти будутъ щипать корпію, а старики, возвращаясь къ своему призванію въ древности, заставятъ нести себя на площадь, чтобы воспламенять мужество молодыхъ воиновъ, проповѣдывать ненависть къ королямъ и единство республики. Національныя зданія будутъ превращены въ казармы, площади—въ мастерскія; всѣ верховыя лошади будутъ забраны для кавалеріи, всѣ упряжныя—для артиллеріи; охотничьи ружья, ружья изящной работы, холодное оружіе и пики будутъ достаточны для внутренней воинской службы. Республика есть не что иное, какъ большой осажденный городъ,—Франція поэтому должна сдѣлаться обширнымъ лагеремъ». Мѣры, предложенныя Барреромъ, были тотчасъ же облечены въ форму указа. Всѣ французы отъ восемнадцати до двадцати пяти лѣтъ взялись за оружіе; войско было пополнено наборомъ, продовольствуемо посредствомъ даровой поставки съѣстныхъ припасовъ. Въ скоромъ времени четырнадцать армій и милліонъ двѣсти тысячъ солдатъ находились въ распоряженіи республики. Франція, сдѣлавшаяся лагеремъ и мастерской для республиканцевъ, въ то же время превратилась въ темницу для людей другого образа мыслей. Сражаясь съ открытыми врагами, революціонное правительство хотѣло обезпечить себя противъ враговъ тайныхъ—и ужасный законъ противъ подозрѣваемыхъ былъ приведенъ въ дѣйствіе. Иностранцы были задержаны вслѣдствіе ихъ происковъ; приверженцы конституціонной монархіи и умѣренной республики были заключены въ тюрьму впредь до водворенія мира. Въ настоящую минуту это было только мѣрою предосторожности. Большинство арестованныхъ принадлежало теперь къ буржуазіи, купечеству, среднему классу, подобно тому, какъ послѣ 10-го августа оно принадлежало къ дворянству и духовенству. Для охраненія спокойствія внутри страны была создана революціонная армія изъ шести тысячъ человѣкъ и тысячи канонеровъ. Каждый неимущій гражданинъ получалъ сорокъ су (два франка) въ сутки, чтобы онъ могъ присутствовать въ собраніяхъ округовъ. Выдавались письменныя свидѣтельства въ патріо-

тизмѣ, чтобы убѣдиться въ образѣ мыслей всѣхъ тѣхъ, кто содѣйствовалъ революціонному движенію. Всѣ должностныя лица были поставлены подъ надзоръ клубовъ, въ каждомъ округѣ былъ образованъ революціонный комитетъ,—и такимъ образомъ республиканцы приготовлялись къ борьбѣ съ внѣшними непріятелями и внутренними инсургентами.

Инсургенты Кальвадоса были побѣждены безъ труда: при первой стычкѣ въ Верноиѣ ихъ войско бѣжало. Вимпфенъ тщетно старался вновь соединить его. Умѣренный классъ, который вступился за жирондистовъ, выказалъ мало горячности и дѣйствовалъ весьма вяло. Когда конституція была принята другими департаментами, онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы объявить, что онъ ошибся, думая имѣть дѣло съ мятежнымъ меньшинствомъ. Отреченіе это произошло въ Каенѣ, бывшемъ центрѣ возстанія. Комиссары горы не осквернили казнями этой первой побѣды. Съ другой стороны, генералъ Карто двинулся противъ мятежниковъ юга; онъ два раза разбилъ ихъ, преслѣдовалъ ихъ до Марселя, вошелъ туда по ихъ слѣдамъ, и Провансъ былъ бы подчиненъ точно такъ же, какъ и Кальвадосъ, еслибы роялисты, укрывшіеся въ Тулонѣ послѣ своего пораженія, не призвали на помощь англичанъ и не ввѣрили имъ этого ключа къ Франціи. Адмиралъ Гудъ вступилъ въ Тулонъ отъ имени Людовика XVII котораго онъ провозгласилъ королемъ. Онъ обезоружилъ флотъ, призвалъ восемь тысячъ испанцевъ, занялъ окрестные форты и принудилъ Карто, приближавшагося къ Тулону, отступить къ Марселю.

Несмотря на эту неудачу, Конвентъ успѣлъ подавить возстаніе въ большей части пунктовъ. Комиссары горы вступили въ возмутившіеся города: Робертъ Линде—въ Каенъ, Талльенъ—въ Бордо, Баррасъ и Фреронъ—въ Марсель. Оставалось взять только два города: Тулонъ и Ліонъ. Нечего было больше опасаться единодушныхъ нападеній юга, запада и центра; внутри страны оставались только непріятели въ оборонительномъ положеніи. Ліонъ былъ осажденъ Келлерманомъ, начальникомъ альпійской арміи: три корпуса тѣснили этотъ городъ со всѣхъ сторонъ. Старые альпійскіе солдаты, революціонные баталіоны и вновь набранныя войска своимъ приходомъ каждый день усиливали осаждающихъ. Ліонцы защищались съ отчаянною храбростью. Они разсчитывали сначала на поддержку со стороны инсургентовъ юга; но такъ какъ эти послѣдніе были оттѣснены Карто, то ліонцы возложили свои послѣднія надежды на піемонтскую армію, которая и пыталась произвести диверсію въ ихъ пользу, но была разбита Келлерманомъ. Въ городѣ распространился голодъ, и жители упали духомъ. Роялистскіе вожди, убѣдившись въ безполезности дальнѣйшаго сопротивленія, оставили городъ; республиканская армія вступила въ его стѣны и стала ожидать тамъ приказаній Конвента. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, самый Тулонъ, защищаемый войсками, привык-

шими въ войнѣ, и окруженный грозными укрѣпленіями, подпалъ подъ власть республиканцевъ. Батальоны итальянской арміи, усиленные тѣми, которыми можно было располагать послѣ пораженія ліонцевъ, начали сильно наступать на городъ. Послѣ многократныхъ нападеній, въ которыхъ они выказали чудеса храбрости и искусства, они овладѣли Тулономъ. Взятіе его довершило дѣло, начатое взятіемъ Ліона.

Конвентъ торжествовалъ повсемѣстно. Предпріятіе противъ Нанта не удалось вандейцамъ, потерявшимъ при этомъ много людей и своего главнокомандующаго Кателино. Это нападеніе было послѣднимъ въ наступательномъ и побѣдоносномъ движеніи вандейцевъ. Роялисты перешли обратно на лѣвый берегъ Луары, очистили Сомюръ и возвратились въ свои прежнія позиціи. Тѣмъ не менѣе они располагали еще значительной силой; республиканцы, преслѣдовавшіе ихъ, опять были разбиты въ самой Вандеѣ. Генералъ Биронъ, заступившій мѣсто генерала Беррюйе, продолжалъ войну малыми отрядами съ весьма неблагопріятными результатами. Вслѣдствіе его умѣренности и дурной системы нападеній онъ былъ замѣненъ Канкло и Россиньолемъ, которые не были счастливѣе его. Явились два начальника, двѣ арміи, два центра дѣйствій: одинъ въ Нантѣ, другой—въ Сомюрѣ; оба находились подъ противоположными вліяніями. Генералъ Канкло не могъ дѣйствовать заодно съ генераломъ Россиньолемъ, комиссаръ умѣренной партіи горы, Филиппо,—съ Бурботтомъ, комиссаромъ комитета общественнаго спасенія; вслѣдствіе недостатка въ единодушіи и единства въ движеніяхъ и эта попытка вторженія въ Вандею не удалась, подобно предыдущимъ. Комитетъ общественнаго спасенія скоро пособилъ дѣлу, назначивъ одного главнокомандующаго, Лешелля, и начавъ въ Вандеѣ настоящую, правильную войну. Эта новая система, подкрѣпленная бывшимъ майнцскимъ гарнизономъ,—семнадцатью тысячами человѣкъ, привыкшихъ къ трудностямъ войны (за силою капитуляціи они не могли дѣйствовать противъ союзниковъ, вслѣдствіе чего они и были обращены на службу внутри страны),—эта новая система измѣнила положеніе дѣлъ. Роялисты потерпѣли четыре пораженія, одно вслѣдъ за другимъ,—два при Шатильонѣ и два при Шоле. Лескюръ, Боншанъ, д'Ельбе были смертельно ранены; инсургенты, разбитые наголову въ верхней Вандеѣ, опасаясь быть совершенно уничтоженными, если они укроются въ нижней, рѣшились, въ числѣ восьмидесяти тысячъ человѣкъ, покинуть страну. Эта эмиграція черезъ Бретань, которую они надѣялись взбунтовать, была гибельна для нихъ. Отраженные отъ Гранвиля, разсѣянные при Манѣ, они были уничтожены при Савене, и изъ этой массы эмигрантовъ возвратились въ Вандею едва нѣсколько тысячъ человѣкъ. Эти бѣдствія, непоправимыя для дѣла роялистовъ, отнятіе острова Нуармутье изъ рукъ Шаретта, разсѣяніе его войска, смерть Ларошжаклена подчинили всю страну власти республикан-

цевъ. Комитетъ общественнаго спасенія, думая, что его враги побѣждены, но еще не совершенно усмирены, и желая воспрепятствовать новому возстанію ихъ, предпринялъ ужасную мѣру уничтоженія. Генералъ Тюрро окружилъ покоренную Вандею шестнадцатью укрѣпленными лагерями; двѣнадцать подвижныхъ колоннъ, подъ названіемъ адскихъ колоннъ, съ огнемъ и мечомъ въ рукахъ исходили провинцію во всѣхъ направленіяхъ, обыскали всѣ лѣса, разсѣяли сборища и жестокими опустошеніями распространили ужасъ въ этой несчастной странѣ.

Иностранныя войска, вступившія въ предѣлы Франціи, также были отражены побѣдоносно. Взявъ Валансьеннъ и Конде, обложивъ блокадою Мобёжъ и Ле-Кенуа, непріятель, подъ начальствомъ герцога Іоркскаго, направился къ Касселю, Гондскооту и Фюрну. Комитетъ общественнаго спасенія, недовольный Кюстиномъ, который, какъ жирондистъ, казался ему подозрительнымъ, замѣнилъ его генераломъ Гушаромъ. Непріятель, до сихъ поръ остававшійся побѣдителемъ, былъ разбитъ при Гондскоотѣ и принужденъ отступить. Вслѣдствие смѣлыхъ мѣръ комитета общественнаго спасенія началась реакція въ средѣ войска. Самъ Гушаръ былъ отставленъ отъ должности. Журданъ принялъ начальство надъ сѣверной арміей, одержалъ при Ваттиньи важную побѣду надъ принцемъ Кобургскимъ, освободилъ Мобёжъ отъ осады и началъ дѣйствовать наступательно на сѣверной границѣ. То же самое произошло и на прочихъ границахъ. Начался безсмертный походъ 1793—94 г. Что сдѣлалъ Журданъ съ сѣверной арміей, то же самое сдѣлали Гошъ и Пишегрю съ арміей мозельской, Келлерманъ—съ альпійской. Непріятель былъ вездѣ отбитъ и сдержанъ. Такимъ образомъ послѣ 31-го мая произошло то же самое, что случилось и послѣ 10-го августа: между генералами и вождями собранія установилось согласіе, не существовавшее прежде; революціонное движеніе, нѣсколько замедленное, усилилось, и опять надолго начались побѣды. Арміи, подобно партіямъ, имѣли свои кризисы, — и эти кризисы привели къ неудачамъ или успѣхамъ, въ силу тѣхъ же самыхъ законовъ.

Въ началѣ войны въ 1792 г. генералами были конституціоналисты, а министрами—жирондисты; Рошамбо, Лафайетъ, Люкнеръ плохо ладили съ Дюмурье, Серваномъ, Клавьеромъ и Роланомъ. Къ тому же армія выказывала мало горячности: она была разбита. Послѣ 10-го августа генералы-жирондисты Дюмурье, Кюстинъ, Келлерманъ, Диллонъ заступили мѣсто генераловъ-конституціоналистовъ; тогда установилось единство взглядовъ и дѣйствій и взаимное довѣріе между арміей и правительствомъ. Катастрофа 10-го августа усилила энергію, сдѣлавъ побѣду необходимою; результатомъ этого былъ планъ аргонскаго похода, побѣды при Вальми, при Жемаппѣ и вторженіе въ Бельгію. Борьба между горой и жирондой, Дюмурье и якобинцами повлекла за собою несогласіе между арміей

и правительствомъ и уничтожила довѣріе въ войскахъ, которыя потерпѣли внезапныя и многочисленныя неудачи. Вслѣдъ за этимъ совершилась измѣна Дюмурье, подобно тому, какъ нѣсколько раньше—бѣгство Лафайета. Послѣ событій 31-го мая, ниспровергшихъ партію жиронды и упрочившихъ власть комитета общественнаго спасенія, генералы Дюмурье, Кюстинъ, Гушаръ, Диллонъ были замѣщены генералами Журданомъ, Гошемъ, Пишегрю, Моро; революціонный пылъ былъ возбужденъ съ новою силою грозными мѣрами комитета. Походъ 1794 г., благодаря этой перемѣнѣ, былъ какъ бы повтореніемъ блестящихъ походовъ 1792 г. (аргонскаго и бельгійскаго): стратегическія соображенія Карно не уступали соображеніямъ Дюмурье, а можетъ быть и превзошли ихъ.

Во время этой войны комитетъ общественнаго спасенія совершалъ ужаснѣйшія казни. Войска ограничиваются убійствами на полѣ сраженія; иначе поступаютъ революціонныя партіи. Поставленныя въ насильственное положеніе, онѣ и послѣ побѣды опасаются новой борьбы, стараются предупредить ее неумолимою жестокостью. Онѣ возводятъ свою собственную безопасность на степень права; въ противникахъ своихъ онѣ видятъ враговъ—во время борьбы, заговорщиковъ—по окончаніи ея и убиваютъ ихъ такимъ образомъ какъ посредствомъ войны, такъ и посредствомъ закона. Всѣми этими побужденіями руководствовалась политика комитета общественнаго спасенія—политика мести, террора и самосохраненія. Вотъ правила, которыхъ онъ держался въ отношеніи возмутившихся городовъ: «Имя Ліона,—сказалъ Барреръ,—должно исчезнуть. Вы назовете его «Ville affranchie» (городъ освобожденный) и на развалинахъ его воздвигнете памятникъ, который будетъ свидѣтельствовать о преступленіи и о наказаніи враговъ свободы. Достаточнымъ объясненіемъ его послужитъ короткая надпись: Ліонъ велъ войну противъ свободы. Ліонъ больше не существуетъ». Для осуществленія этой гнусной и ужасной угрозы комитетъ послалъ въ несчастный городъ Колло-д'Эрбуа, Фуше и Кутона, которые разстрѣливали его жителей картечью и разрушали его зданія. Тулонскіе инсургенты потерпѣли почти такую же участь отъ членовъ Конвента—Барраса и Фрерона. Въ Каенѣ, Марселѣ и Бордо казни были менѣе многочисленны и жестоки, потому что степень строгости соразмѣрялась съ важностью возстанія: инсургенты этихъ городовъ не входили въ соглашеніе съ иностранцами.

Въ центрѣ государства революціонная диктатура поразила всѣ враждебныя ей партіи въ лицѣ самыхъ лучшихъ представителей ихъ. Въ казняхъ, ею совершенныхъ, замѣтно было столько же послѣдовательности, сколько и безчеловѣчности. Осужденіе королевы Маріи-Антуанетты было направлено противъ Европы; осужденіе двадцати двухъ—противъ жирондистовъ, мудраго Байи—противъ старыхъ конституціоналистовъ, наконецъ герцога Орлеанскаго—

противъ нѣкоторыхъ членовъ горы, замышлявшихъ будто бы его возвышеніе. Несчастная вдова Людовика XVI была первая послана на эшафотъ кровавымъ революціоннымъ трибуналомъ. Побѣжденные 2-го іюня вскорѣ послѣдовали за нею: она погибла 16-го октября, а жирондисты—31-го. Ихъ было всего 21: Бриссо, Верньо, Жансонне, Фонфредъ, Дюко, Валазе, Ласурсъ, Силлери, Гардьенъ, Карра, Дюперре, Дюпра, Фоше, Бове, Дюшатель, Менвьелль, Лаказъ, Буало, Легарди, Антибуль и Виже. Семьдесятъ три депутата, протестовавшихъ противъ ареста жирондистовъ, были также заключены подъ стражу, но ихъ не посмѣли предать казни. Во время судебныхъ преній знаменитые подсудимые выказывали постоянное, спокойное мужество. Верньо ненадолго возвысилъ свой краснорѣчивый голосъ, но совершенно напрасно. Услышавъ смертный приговоръ, Валазе поразилъ себя кинжаломъ, а Ласурсъ сказалъ судьямъ: «Я умираю въ такую минуту, когда народъ потерялъ разсудокъ; вы умрете тогда, когда онъ опомнится». Осужденные шли на казнь со всѣмъ стоицизмомъ того времени. Они пѣли марсельезу, примѣняя ее къ своему положенію:

Allons, enfants de la patrie,
Le jour de gloire est arrivé;
Contre nous de la tyrannie
Le couteau sanglant est levé... *).

Другихъ вождей этой партіи почти всѣхъ постигла печальная участь. Салль, Гюаде, Барбару были схвачены въ пещерахъ святого Емиліона близъ Бордо и погибли на эшафотѣ. Петіонъ и Бюзо, послѣ непродолжительнаго скитальчества, наложили на себя руку: ихъ нашли мертвыми въ полѣ и наполовину съѣденными волками. Рабо-Сентъ-Этьеннъ былъ преданъ стариннымъ своимъ другомъ; госпожа Роланъ была тоже осуждена на смерть и выказала при этомъ мужество древней римлянки. Ея мужъ, услышавъ объ ея смерти, вышелъ изъ своего убѣжища и убилъ себя на большой дорогѣ. Кондорсе, вскорѣ послѣ 2-го іюня лишенный покровительства законовъ, билъ схваченъ въ то время, когда спасался отъ своихъ палачей, и отравился, чтобы избѣгнуть казни. Луве, Кервелеганъ, Ланжюино, Генрихъ Ларивьеръ, Лесажъ, Ларевельеръ-Лепо были единственными, выждавшими въ безопасныхъ убѣжищахъ окончанія этой эпохи ужаса и крови.

Между тѣмъ образовалось революціонное правительство; 10-го октября оно было провозглашено Конвентомъ. До 31-го мая власти, собственно говоря, не было нигдѣ—ни въ министерствѣ, ни въ думѣ, ни въ Конвентѣ. Между тѣмъ, при такомъ крайнемъ положе-

*) Идемъ, сыны отечества: наступилъ день славы; противъ насъ поднятъ кровавый ножъ тираніи.

ніи, при необходимости единства и быстроты дѣйствій, сосредоточеніе власти было неизбѣжно. Собраніе, имѣя въ рукахъ своихъ центральную и наиболѣе обширную власть, естественно должно было захватить диктатуру въ свои руки: во главѣ ея встала господствующая партія, а среди этой партіи—нѣсколько отдѣльныхъ лицъ. Комитетъ общественнаго спасенія, созданный 6-го апрѣля и, какъ видно изъ самаго имени его, созданный съ тою цѣлью, чтобы мѣрами чрезвычайными и не терпящими отлагательства способствовать защитѣ революціи,—былъ готовою рамкою для правительства. Образованный во время распрей между горою и жирондою, онъ до 31-го мая былъ составленъ изъ нейтральныхъ членовъ Конвента; при первомъ же возобновленіи его послѣ 31-го мая, въ составъ его вошли крайніе монтаньяры. Барреръ остался въ немъ, но Робеспьеръ былъ избранъ его членомъ и установилъ въ немъ господство своей партіи черезъ посредство Сенъ-Жюста, Кутона, Колло-д'Эрбуа и Бильо-Варенна. Онъ лишилъ всякаго вліянія немногихъ дантонистовъ, находившихся еще въ немъ,—Геро-де-Сешелля, Роберта Ленде,—привлекъ на свою сторону Баррера и упрочилъ свое преобладаніе, принявъ на себя наблюденіе за народнымъ духомъ и полиціей. Его товарищи раздѣляли между собою обязанности. Сенъ-Жюстъ долженъ былъ надзирать за партіями и доносить на нихъ, Кутонъ—предлагать сильныя мѣры, которыя требовали смягченія въ формѣ; Бильо-Варенну и Колло-д'Эрбуа предоставлено было руководить комиссарами, посланными въ департаменты; Карно занимался войною, Камбонъ—финансами, оба Пріёра и нѣкоторые другіе—внутренними и административными дѣлами; Барреръ былъ ежедневнымъ ораторомъ и всегда готовымъ панегиристомъ диктаторскаго комитета. Ниже комитета общественнаго спасенія, какъ бы помощникомъ его въ подробностяхъ революціонной администраціи и для мѣръ второстепенной важности, былъ поставленъ комитетъ общественной безопасности, организованный въ такомъ же духѣ, какъ и первый, и составленный, подобно ему, изъ двѣнадцати членовъ. Они избирались на три мѣсяца съ правомъ быть выбранными вновь, и на самомъ дѣлѣ постоянно сохраняли за собою свои обязанности. Въ рукахъ этихъ-то людей находилась вся революціонная сила. Предлагая установить децемвирную власть вплоть до заключенія мира, Сенъ-Жюстъ не скрылъ ни побужденій, ни цѣли этой диктатуры. «Вамъ нечего болѣе беречь враговъ новаго порядка вещей,—сказалъ онъ:—свобода, во что бы то ни стало, должна остаться побѣдительницей. При настоящихъ обстоятельствахъ не можетъ быть установлена конституція; она сдѣлалась бы гарантіей для посягательствъ на свободу, потому что не могла бы отражать ихъ насиліемъ, необходимымъ для подавленія ихъ. Положеніе правительства, теперь существующаго, также слишкомъ затруднительно. Вы слишкомъ далеки отъ всѣхъ покушеній, которымъ подвергается свобода: нужно, чтобы

мечъ закона вездѣ дѣйствовалъ быстро, и чтобы ваша рука была повсюду!» Такимъ образомъ была создана эта ужасная сила, уничтожившая сначала враговъ горы, потомъ гору и думу и окончившая тѣмъ, что погубила самое себя. Комитетъ располагалъ всѣмъ отъ имени Конвента, служившаго ему орудіемъ. Онъ назначалъ и отрѣшалъ генераловъ, министровъ, комиссаровъ, посылаемыхъ въ провинціи изъ среды Конвента, судей и присяжныхъ; онъ поражалъ партіи; онъ бралъ на себя иниціативу всѣхъ мѣръ. Черезъ посредство его комиссаровъ, войска и генералы находились въ зависимости отъ него, и онъ самовластно распоряжался въ департаментахъ; съ помощью закона противъ подозрѣваемыхъ онъ располагалъ личной свободой, съ помощью революціоннаго трибунала—жизнью всѣхъ гражданъ, посредствомъ чрезвычайныхъ сборовъ и обязательной таксы на хлѣбъ—состояніемъ каждаго. Устрашенный Конвентъ обвинялъ по его усмотрѣнію своихъ собственныхъ членовъ. Наконецъ, его диктатура имѣла поддержку въ массѣ, которая разсуждала въ клубахъ, управляла въ революціонныхъ комитетахъ, получала ежедневную плату за свое содѣйствіе и пищу—посредствомъ maximum. Она стояла за это ужасное правленіе, которое возбуждало ея страсти, преувеличивало въ ея глазахъ значеніе ея, давало ей первое мѣсто въ государствѣ и, казалось, дѣйствовало только для нея.

Нововводители, отчужденные войной и своими законами отъ всѣхъ государствъ и всякаго образа правленія, хотѣли еще болѣе отдѣлиться отъ нихъ. Совершивъ безпримѣрную революцію, они ввели для нея новое лѣтосчисленіе; они измѣнили раздѣленіе года, переименовали мѣсяцы и дни, замѣнили христіанскій календарь республиканскимъ, недѣлю—декадой и назначили днемъ отдыха не воскресенье, а каждый десятый день. Новая эра началась съ 22-го сентября 1792 г., дня основанія республики. Всѣхъ мѣсяцевъ было двѣнадцать, и каждый изъ нихъ имѣлъ тридцать дней. Они начинались съ 22-го сентября и шли въ слѣдующемъ порядкѣ: вандемьеръ, брюмеръ, фримеръ—для осени; нивозъ, плювіозъ, вантозъ—для зимы; жерминаль, флореаль, преріаль—для весны; мессидоръ, термидоръ, фруктидоръ—для лѣта. Въ каждомъ мѣсяцѣ было три декады, въ каждой декадѣ—десять дней; каждый день получалъ свое названіе отъ своего мѣста въ декадѣ; они назывались: примиди, дюоди, триди, квартиди, квинтиди, секстиди, септиди, октиди, нониди и декади. Къ концу года были отнесены пять дополнительныхъ дней, довершавшихъ его цѣлость; они получили названіе санъ-кюлотидовъ и были посвящены: первый—празднеству Генія, второй—Труда, третій—Дѣйствій, четвертый—Вознагражденій и пятый—Общественнаго Мнѣнія. Конституція 1793 г. привела къ республиканскому календарю, республиканскій календарь—къ уничтоженію христіанскихъ обрядовъ. Мы скоро увидимъ думу и комитетъ общественнаго спасенія, предлагающихъ

[illegible] Ронсенъ [illegible] никовъ катастрофы 31-го мая.

Дума и гора произвели эту революцію противъ жиронды, а [illegible] комитетъ [illegible] Парижская дума [illegible] Робеспьеръ [illegible] Шометтъ и его [illegible] Гебертъ [illegible] Ронсенъ [illegible] Анахарсисъ Клоотсъ [illegible] зывали патріотами третьяго призыва.

Партія Гебера, которая чрезъ посредство его газеты «Père Duchêne» [illegible] сія и жестокія чувства, и которая, не ограничиваясь казнями, еще

осмѣивала свои жертвы,—эта партія имѣла ужасающіе успѣхи. Она принудила парижскаго епископа и его викаріевъ отречься отъ христіанства въ присутствіи Конвента, а Конвентъ—издать указъ о томъ, что католическая вѣра должна быть замѣнена поклоненіемъ Разуму. Церкви были закрыты или превращены въ храмы Разума, и во всѣхъ городахъ происходили празднества, бывшія скандалезными сценами атеизма. Комитетъ общественнаго спасенія былъ устрашенъ этою ультра-революціонною властью и приготовился остановить и уничтожить ее. Робеспьеръ вскорѣ напалъ на нее съ трибуны Конвента (15-го фримера 2-го года—5-го декабря 1793 г.). «Граждане—представители народа,—сказалъ онъ,—короли, соединившіеся противъ республики, ведутъ войну съ нами съ помощію войскъ или посредствомъ интригъ; но мы противопоставимъ ихъ войскамъ болѣе храбрую армію, ихъ интригамъ—бдительность и ужасъ національнаго правосудія. Но они пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы связать нити своихъ тайныхъ замысловъ, подорванныя рукою патріотизма; они обладаютъ искусствомъ обращать орудія свободы противъ самой свободы. Эмисары нашихъ враговъ стараются теперь ниспровергнуть республику посредствомъ республиканскаго духа и возжечь междоусобную войну посредствомъ философіи». Здѣсь Робеспьеръ указалъ на связь между ультра-революціонерами думы и внѣшними врагами республики. «Вамъ предстоитъ,—сказалъ онъ Конвенту,—воспрепятствовать крайностямъ и безумствамъ, совпадающимъ съ планами иностраннаго заговора. Я требую, чтобы вы запретили мѣстнымъ властямъ (т. е. думѣ) необдуманными мѣрами приносить пользу нашимъ врагамъ, и чтобы никакая вооруженная сила не могла вмѣшиваться въ то, что относится къ области религіозныхъ убѣжденій». И Конвентъ, который, по настоянію думы, незадолго передъ тѣмъ одобрилъ публичное отреченіе епископа парижскаго отъ христіанства,—теперь, согласно съ требованіемъ Робеспьера, издалъ указъ, воспрещавшій всякія насильственныя мѣры противъ свободы вѣроисповѣданій.

Комитетъ общественнаго спасенія былъ слишкомъ силенъ, чтобы не восторжествовать надъ думой; но въ то же время ему приходилось сопротивляться умѣренной партіи горы, которая требовала прекращенія революціоннаго правленія и диктатуры комитетовъ. Революціонное правительство было создано съ цѣлью, чтобы обуздать партіи, диктатура—чтобы побѣдить ихъ, а такъ какъ ни въ томъ, ни въ другомъ, по мнѣнію Дантона и приверженцевъ его, не имѣлось болѣе надобности, то они и старались возстановить законный порядокъ и независимость Конвента. Они хотѣли побороть партію думы, остановить дѣйствія революціоннаго трибунала, очистить тюрьмы, наполненныя подозрѣваемыми, ограничить власть комитетовъ или распустить ихъ. Этотъ проектъ милосердія, человѣколюбія и законнаго правленія былъ составленъ Дантономъ,

Филиппо, Камилломъ Демуленомъ, Фабромъ д'Эглантиномъ, Лакруа, генераломъ Вестерманомъ и всѣми друзьями Дантона. Они хотѣли прежде всего, чтобы республика удержала за собою поле сраженія; но побѣды, по мнѣнію ихъ, должны были привести къ водворенію мира.

Эта партія, сдѣлавшись умѣренною, выпустила власть изъ своихъ рукъ; она отказалась отъ участія въ правленіи или позволила партіи Робеспьера удалить себя отъ него. Къ тому же поведеніе Дантона послѣ 31-го мая было двусмысленно въ глазахъ пламенныхъ патріотовъ. Въ этотъ день онъ дѣйствовалъ вяло, а позже онъ не одобрялъ осужденія двадцати двухъ. Его начали упрекать въ безпорядочной жизни, продажности, переходахъ отъ одной партіи къ другой, неумѣстной умѣренности. Чтобы отвратить грозу, онъ удалился на свою родину, въ Арси-на-Обѣ, и тамъ, казалось, въ спокойствіи забылъ обо всемъ. Во время его отсутствія партія Гебера сдѣлала огромные успѣхи, такъ что друзья Дантона поспѣшно вызвали его въ Парижъ. Онъ вернулся въ началѣ фримера (въ декабрѣ). Тогда Филиппо открыто возсталъ противъ способа, которымъ велена была война въ Вандеѣ; генералъ Вестерманъ, отличившійся во время этой войны и только что смѣщенный комитетомъ общественнаго спасенія, поддержалъ Филиппо, а Камиллъ Демуленъ напечаталъ первые выпуски своего «Vieux Cordelier». Этотъ блестящій и восторженный молодой человѣкъ слѣдовалъ за всѣми революціонными движеніями, начиная съ 14-го іюля до 31-го мая, одобряя всѣ крайности и насилія ихъ. Запальчивый въ убѣжденіяхъ, часто жестокій въ своихъ шуткахъ, онъ былъ, однако, кротокъ и нѣженъ душою. Онъ одобрялъ сначала революціонное правленіе, потому что считалъ его необходимымъ для основанія республики; онъ содѣйствовалъ гибели жиронды, потому что опасался несогласій въ республикѣ. Для республики онъ жертвовалъ всѣмъ, даже своими симпатіями, потребностями сердца, справедливостью и гуманностью; онъ все отдалъ своей партіи, потому что ея интересы совпадали въ его глазахъ съ интересами республики; но теперь онъ не могъ уже болѣе ни одобрять, ни молчать. Литературныя дарованія его, служившія до тѣхъ поръ революціи, были употреблены теперь—нѣсколько поздно—противъ тѣхъ, кто губилъ революцію, обагряя ее кровью. Въ своемъ журналѣ «Vieux Cordelier» онъ говорилъ о свободѣ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, о людяхъ—съ язвительнымъ остроуміемъ. Онъ скоро возстановилъ противъ себя и фанатиковъ, и диктаторовъ, призывая правительство къ умѣренности, милосердію и справедливости. Онъ представилъ поразительную картину древней тираніи, прикрывъ ее именемъ прошедшей. Онъ заимствовалъ свои примѣры изъ Тацита. «Въ то время,—говорилъ онъ,—слова сдѣлались государственными преступленіями: отсюда былъ одинъ только шагъ до преслѣдованія за взглядъ, за грусть, участіе, вздохи, даже за самое

значеніе. Кремуцій Кордъ назвалъ Брута и Кассія послѣдними изъ римлянъ: это было преступленіе оскорбленія величества или покушеній противности контръ-революціи. Главнымъ же преступленіемъ было сочтено и то, что одинъ изъ потомковъ Кассія имѣлъ у себя портретъ своего прадѣда; и то, что Мамерцъ Скавръ написалъ трагедію, содержавшую въ себѣ нѣсколько стиховъ, которымъ можно было придать двоякое значеніе; и то, что Торкватъ Силанъ дѣлалъ большія издержки; и то, что Помпоній въ одной изъ своихъ дачъ далъ убѣжище другу Сеяна; и то, что мать консула Фузія Гемина оплакивала печальную кончину своего сына. Преступленіемъ считалась всякая жалоба на несчастныя обстоятельства времени, потому что въ этомъ видѣли обвиненіе противъ правительства.

«Необходимо было выказывать радость при кончинѣ друга, близкаго человѣка, чтобъ самому не погибнуть. Въ царствованіе Нерона родственники умерщвленныхъ имъ ходили воздавать хвалу богамъ. По крайней мѣрѣ, нужно было имѣть довольный выраженіе, чтобы самый страхъ не былъ признанъ виною. Все возбуждало опасенія въ тиранѣ. Если гражданинъ пользовался популярностью, то это соперникъ, который можетъ возбудить междоусобную войну, и, слѣдовательно, человѣкъ подозрительный. Если же, напротивъ того, кто-нибудь избѣгаетъ популярности и не покидаетъ своего очага, то и эта уединенная жизнь обращаетъ на него вниманіе и дѣлаетъ его подозрительнымъ. Если вы богаты, то грозитъ величайшая опасность, чтобы вы не развратили народъ вашей щедростью: вы подозрительны. Если вы бѣдны, то надо за вами наблюдать побольше, потому что всего предпріимчивѣе человѣкъ, кто ничего не имѣетъ: вы подозрительны. Если у васъ мрачный меланхолическій характеръ, если вы мало заботитесь о вашей наружности, то это значитъ, что васъ огорчаетъ успѣшный ходъ общественныхъ дѣлъ,—и вы подозрительны. Если гражданинъ проводитъ время въ весельѣ и хорошо ѣстъ, то это потому, что государь чувствуетъ себя дурно,—достаточный поводъ къ подозрѣнію. Если онъ добродѣтеленъ, строгихъ нравовъ, то онъ этимъ самымъ порицаетъ дворъ, и потому подозрителенъ. Подозрителенъ всякій философъ, всякій ораторъ, всякій поэтъ, если онъ смѣетъ пользоваться большей славой, чѣмъ правители государства. Подозрителенъ, наконецъ, и военный опытный вождь, тотъ, кто составилъ себѣ репутацію на войнѣ: отъ него необходимо отдѣлаться или поскорѣе удалить его отъ арміи.

«Естественная смерть знаменитаго человѣка или просто должностнаго лица сдѣлалась такимъ рѣдкимъ случаемъ, что историки передавали ее, какъ событіе, на память вѣковъ. Смерть столькихъ невинныхъ и почтенныхъ гражданъ казалась еще меньшимъ бѣдствіемъ, нѣжели наглость и скандалезное счастье ихъ убійцъ и доносчиковъ. Одинъ доносчикъ былъ священенъ и неприкосновененъ: не проходило дня, когда бы одинъ изъ нихъ не вступалъ торже-

ствіяхъ въ двухъ мнѣніяхъ и не поставить болѣе его наслѣдство. Всѣ они украшали себя славными именами, называли себя Коттою, Сципіономъ, Регуломъ, Севіемъ, Северомъ. Желая ознаменовать свое вступленіе подвигомъ, доносчикъ Серенъ возбудилъ обвиненіе въ контръ-революціи противъ своего престарѣлаго отца, уже изгнанника, послѣ чего онъ гордо сталъ называть себя Брутомъ. Каковы были обвинители, таковы и судьи; трибуналы, хранители жизни и собственности, превратились въ бойни, и все, что носило названіе казни и конфискаціи, было въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ грабежомъ и убійствомъ».

Камиль Демуленъ не ограничился нападеніями на революціонное и диктаторское правленіе: онъ требовалъ его уничтоженія. Онъ предложилъ учрежденіе комитета милосердія, какъ единственное средство окончить революцію и помирить партіи. Его журналъ имѣлъ большое вліяніе на общественное мнѣніе: онъ возбудилъ въ нѣкоторой степени надежду и мужество. Со всѣхъ сторонъ только и спрашивали: «Читали ли вы „Vieux Cordelier"?» Въ то же самое время Фабръ-д'Эглантинъ, Лакруа, Бурдонъ убѣждали Конвентъ свергнуть съ себя иго комитетовъ; они старались соединить гору съ правой стороной, чтобы возстановить свободу и могущество собранія. Такъ какъ комитеты были всемогущи, то умѣренная партія пыталась побѣдить ихъ мало-по-малу; такой образъ дѣйствій былъ вполнѣ согласенъ съ обстоятельствами.

Необходимо было измѣнить общественное мнѣніе, ободрить собраніе, чтобы имѣть поддержку въ нравственной силѣ противъ революціонной, во власти Конвента—противъ власти комитетовъ. Монтаньяры-дантонисты пытались отвлечь Робеспьера отъ прочихъ децемвировъ; только Билльо-Вареннъ, Колло-д'Эрбуа и Сенъ-Жюстъ казались имъ неисправимыми приверженцами системы террора. Барреръ держался ея по слабости, Кутонъ—изъ преданности къ Робеспьеру. Дантонисты надѣялись привлечь Робеспьера на сторону умѣренности съ помощью его дружбы съ Дантономъ, его любви къ порядку, его строгихъ правилъ, его гордости и его публичныхъ увѣреній въ добродѣтели. Онъ отстаивалъ семьдесятъ трехъ депутатовъ жирондистовъ, заключенныхъ въ тюрьму, противъ комитетовъ и якобинцевъ; онъ осмѣлился напасть на Клоотса и Гебера, какъ на ультра-революціонеровъ, и заставилъ Конвентъ провозгласить указомъ существованіе Верховнаго Существа. Робеспьеръ былъ въ это время самою популярною личностью во Франціи; онъ былъ какъ бы руководителемъ республики и диктаторомъ общественнаго мнѣнія; привлеченіемъ его на свою сторону дантонисты надѣялись одолѣть комитеты и думу, не повредивъ этимъ дѣлу революціи.

По возвращеніи своемъ изъ Арси-на-Обѣ, Дантонъ видѣлся съ Робеспьеромъ, и они, казалось, готовы были дѣйствовать заодно; Робеспьеръ даже защищалъ Дантона въ якобинскомъ клубѣ. Прочитавъ первые нумера «Vieux Cordelier», Робеспьеръ одобрилъ ихъ

и сдѣлалъ въ нихъ нѣсколько исправленій. Въ то же самое время онъ высказался отчасти въ пользу принциповъ умѣренной партіи. Всѣ члены революціоннаго правительства и приверженцы его взволновались. Билло-Варреннъ и Сенъ-Жюстъ открыто поддерживали политику комитетовъ. Говоря о послѣднемъ, Демуленъ сказалъ: «Онъ цѣнитъ себя такъ высоко, что носитъ свою голову на плечахъ, какъ бы святое причастіе». — «А я, — возразилъ Сенъ-Жюстъ, — заставлю его носить его голову на подобіе св. Дениса» *). Колло-д'Эрбуа, находившійся въ отсутствіи по порученію Конвента, вернулся въ Парижъ въ это самое время; онъ покровительствовалъ партіи анархистовъ, устраненной на одну минуту, но ободренной вновь присутствіемъ его. Якобинцы исключили Камилла Демулена изъ своего общества, а Барреръ отъ имени правительства напалъ на него въ Конвентѣ. Самъ Робеспьеръ не былъ пощаженъ, его обвиняли въ умѣренности, и въ сборищахъ на улицахъ начинали даже роптать противъ него. Впрочемъ, такъ какъ онъ имѣлъ огромное значеніе, и такъ какъ ни одна сторона не могла ни атаковать, ни побѣдить другую безъ его участія, то обѣ партіи заискивали въ немъ. Пользуясь этимъ превосходствомъ, онъ держался между партіями, не принимая ничьей стороны, и старался уничтожить ихъ предводителей одного вслѣдъ за другимъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, Робеспьеръ хотѣлъ принести въ жертву думу и анархистовъ, комитеты—гору и умѣренную партію. Произошло соглашеніе: Робеспьеръ выдалъ комитетамъ Дантона, Демулена и ихъ друзей, а члены комитета, въ свою очередь, выдали ему Гебера, Клоотса, Шометта, Ронсена и ихъ соучастниковъ. Покровительствуя сначала умѣренной партіи, Робеспьеръ приготовилъ этимъ гибель анархистамъ и такимъ образомъ достигъ двухъ цѣлей, благопріятныхъ для его господства и гордости: онъ разрушилъ опасную партію и избавилъ себя отъ революціонной знаменитости, соперничавшей съ его славой. Къ этимъ частнымъ соображеніямъ присоединялась еще одна побудительная причина: забота о спасеніи государства. Въ это время всеобщаго ожесточенія противъ республики и нерѣшеннаго еще торжества ея, комитеты не признавали возможнымъ примириться съ Европой и внутренними противниками своими; а между тѣмъ имъ казалось невозможнымъ продолжать войну безъ диктатуры. Къ тому же они смотрѣли на гебертистовъ, какъ на циническую партію, развращавшую народъ и содѣйствующую анархіи, полезной для иностранцевъ, а на дантонистовъ—какъ на партію, политическая умѣренность и частная безнравственность которой компрометировали и бесчестили республику. Черезъ посредство Баррера правительство

*) Намекъ на католическую легенду о св. Денисѣ, по словамъ которой этотъ святой, будучи обезглавленъ, ходилъ еще нѣсколько времени послѣ того, держа голову подъ-мышкой.

предложило собранію продолженіе войны съ большею еще настойчивостью, чѣмъ прежде, а Робеспьеръ высказался еще раньше противъ журнала Камилла Демулена, за котораго онъ стоялъ до тѣхъ поръ. Вотъ доводы, приведенные Робеспьеромъ противъ возстановленія законнаго порядка вещей.

«Извнѣ,—говорилъ онъ,—васъ окружаютъ тираны; внутри страны всѣ приверженцы тиранніи злоумышляютъ и будутъ злоумышлять до тѣхъ поръ, пока не отнимется у нихъ надежда на совершеніе преступленій. Необходимо подавить внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ республики—или погибнуть вмѣстѣ съ нею. При такомъ положеніи дѣлъ первымъ принципомъ вашей политики должно быть управленіе народомъ посредствомъ разума, а врагами народа—посредствомъ ужаса. Если въ мирное время двигательной пружиной народнаго правленія служитъ добродѣтель, то въ эпоху революціи двигательной его пружиной должны служить въ одно время и добродѣтель, и страхъ: добродѣтель, безъ которой пагубенъ страхъ,—страхъ, безъ котораго безсильна добродѣтель. Обуздайте враговъ свободы посредствомъ страха—и вы будете правы, какъ основатели республики. Революціонное правленіе есть деспотизмъ свободы противъ тиранніи».

Въ этой рѣчи Робеспьеръ объявилъ, что какъ партія умѣренныхъ, такъ и партія ультра-революціонеровъ хотятъ погубить республику. «Онѣ стоятъ,—говоритъ онъ,—подъ разными знаменами и идутъ разными путями, но къ одной и той же цѣли: эта цѣль—разрушеніе народнаго правительства, гибель Конвента и торжество тиранніи. Одна изъ этихъ партій побуждаетъ насъ къ слабости, другая—къ излишествамъ». Робеспьеръ приготовилъ умы къ осужденію обѣихъ партій, и его рѣчь, одобренная безъ преній, была разослана во всѣ народныя общества, ко всѣмъ мѣстнымъ властямъ и войскамъ.

Послѣ этихъ первыхъ враждебныхъ дѣйствій Дантонъ, не прерывавшій своихъ сношеній съ Робеспьеромъ, просилъ у него свиданія; они встрѣтились у самого Робеспьера, но объясненіе ихъ было холодно и недружелюбно. Дантонъ горячо жаловался; Робеспьеръ не хотѣлъ высказаться прямо и открыто. «Я знаю,—говорилъ Дантонъ,—какъ сильно ненавидитъ меня комитетъ, но я не боюсь этого».—«Вы ошибаетесь,—отвѣчалъ Робеспьеръ:—противъ васъ нѣтъ никакихъ дурныхъ намѣреній, но вамъ слѣдовало бы объясниться».—«Объясниться! объясниться!—воскликнулъ Дантонъ:—но для этого нужно прямодушіе». При этихъ словахъ лицо Робеспьера омрачилось. «Конечно,—прибавилъ Дантонъ,—надобно подавить роялистовъ, но мы должны наносить только такіе удары, которые полезны для республики, а не смѣшивать невинныхъ съ виновными».—«А кто сказалъ вамъ,—рѣзко возразилъ Робеспьеръ,—что погибъ кто-нибудь безвинно?» Дантонъ обратился тогда къ сопровождавшему его другу и произнесъ съ горькой усмѣшкой:

«Что скажешь ты на это? Никто не погибъ безвинно!» Послѣ этихъ словъ они разстались; всякая дружба между ними была нарушена.

Нѣсколько дней спустя, Сенъ-Жюстъ, всегда непреклонный, болѣе открыто, чѣмъ когда-либо, грозилъ всѣмъ противникамъ правительства, какъ умѣреннымъ, такъ и анархистамъ. «Граждане,— сказалъ онъ,—вы основали республику; вы должны принять вмѣстѣ съ нею и всѣ условія, безъ которыхъ она немыслима,—въ противномъ случаѣ народъ погибнетъ подъ развалинами ея. Республика немыслима безъ разрушенія всего враждебнаго ей. Кто тронетъ пощаденіемъ заключенныхъ, тотъ виновенъ противъ республики; виновенъ и тотъ, кто не хочетъ добродѣтели, и тотъ, кто не хочетъ террора. Чего желаете вы, которые не считаете добродѣтели необходимою для счастья (анархисты)? Чего желаете вы, которые отвергаете терроръ для укрощенія людей порочныхъ (умѣренные)? Чего хотите вы, которые бѣгаете на площади, чтобы дать себя замѣтить и чтобы говорили про васъ: «Видишь ли ты, вонъ идетъ такой-то (Дантонъ)?» Вы погибнете всѣ—вы, которые гоняетесь за успѣхомъ; вы, которые принимаете на себя растерянный видъ и выдаете себя за патріотовъ, чтобы иностранцы подкупили васъ или правительство опредѣлило на службу; вы, снисходительные люди, которые хотите спасти преступниковъ; вы, друзья иностранцевъ, которые обращаете мѣры строгости противъ защитниковъ свободы! Уже приняты мѣры къ задержанію виновныхъ; они окружены со всѣхъ сторонъ. Воздадимъ хвалу генію французскаго народа за то, что свобода одержала верхъ надъ однимъ изъ величайшихъ посягательствъ, которыя были замышляемы противъ нея! Раскрытіе этого обширнаго заговора, ужасъ, который оно распространитъ, и мѣры, которыя вамъ будутъ предложены, освободятъ республику и землю отъ всѣхъ злоумышленниковъ». По предложенію Сенъ-Жюста, правительству была дана полная власть надъ заговорщиками; Конвентъ провозгласилъ господство справедливости и честности. Анархисты не сумѣли принять никакихъ мѣръ къ своей защитѣ; они завернули покрываломъ декларацію правъ человѣка въ клубѣ кордельеровъ и пытались было произвести возстаніе, но безъ единодушія и энергіи. Народъ остался спокоенъ. Тогда комитетъ велѣлъ своему главнокомандующему Анріо схватить Гебера, революціоннаго генерала Ронсена, Анахарсиса Клоотса, оратора человѣческаго рода, Моморо, Венсана и др. Ихъ предали суду революціоннаго трибунала, какъ иностранныхъ агентовъ и заговорщиковъ, намѣревавшихся подчинить государство власти тирана. Этимъ тираномъ долженъ былъ быть Пашъ, подъ названіемъ великаго судьи. Какъ только предводители анархистовъ были взяты подъ стражу, смѣлость оставила ихъ; они защищались и погибли большею частью безъ мужества. Комитетъ общественнаго спасенія распустилъ революціонную армію, умень-

пилъ степень власти окружныхъ комитетовъ и принудилъ думу принести благодарность Конвенту за арестъ и казнь заговорщиковъ, ея соучастниковъ.

Дантону пора было защищаться; судьба, постигшая думу, угрожала и ему. Ему совѣтовали встрепенуться и дѣйствовать; но послѣ того, какъ ему не удалось упрочить диктатуру, завладѣвъ общественнымъ мнѣніемъ и Конвентомъ черезъ посредство журналистовъ и друзей своихъ — монтаньяровъ, на что могъ онъ опереться? Конвентъ склонился на его сторону, но онъ былъ порабощенъ революціонною властью комитетовъ. Дантонъ, не располагая ни правительствомъ, ни собраніемъ, ни думой, ни клубами, ожидалъ своей участи, ничего не предпринимая, чтобы отвратить ее.

Друзья умоляли его защищаться. «Я предпочитаю, — отвѣчалъ онъ, — быть жертвою, нежели палачомъ; къ тому же жизнь моя не стоитъ защиты, а человѣчество мнѣ наскучило». — «Члены комитета ищутъ твоей смерти». — «Если такъ, — отвѣчалъ онъ, начиная горячиться, — если когда-нибудь... Если Бильо... если Робеспьеръ... ихъ будутъ ненавидѣть, какъ тирановъ; домъ Робеспьера будетъ срытъ до основанія, на его мѣстѣ будетъ посыпана соль и поставленъ позорный столбъ въ отмщеніе злодѣйства!.. Но мои друзья скажутъ обо мнѣ, что я былъ добрымъ отцомъ, добрымъ другомъ, хорошимъ гражданиномъ; они меня не забудутъ». — «Ты можешь избѣжать...» — «Я предпочитаю быть жертвой, нежели палачомъ». — «Но въ такомъ случаѣ надо уѣхать!» — «Уѣхать! — воскликнулъ онъ съ выраженіемъ презрѣнія и гнѣва. — Да развѣ можно унести родину на подошвѣ своей обуви?»

Дантону оставалось только одно средство спасенія: ему нужно было возвысить свой голосъ, столь знакомый и могучій, изобличить Робеспьера и комитетъ и возбудить Конвентъ противъ ихъ тираніи. Его сильно побуждали къ этому; но онъ зналъ, какъ трудно бываетъ свергнуть установившееся господство; ему слишкомъ хорошо были извѣстны покорность и страхъ Конвента, чтобы онъ могъ разсчитывать на успѣхъ этого средства. Онъ выжидалъ, надѣясь, что враги его не рѣшатся преслѣдовать его; столь смѣлый прежде, онъ не предполагалъ смѣлости въ другихъ. 10-го жерминаля ему объявили, что вопросъ о задержаніи его разсматривается въ комитетѣ общественнаго спасенія, и еще разъ убѣждали его бѣжать. Онъ призадумался на минуту, но потомъ отвѣчалъ: «Они не посмѣютъ». Ночью домъ его былъ окруженъ, и онъ былъ отправленъ въ люксанбургскую тюрьму вмѣстѣ съ Камилемъ Демуленомъ, Филиппо, Лакруа и Вестерманомъ. При входѣ онъ дружески привѣтствовалъ заключенныхъ, которые тѣснились вокругъ него. «Господа, — сказалъ онъ, — я надѣялся въ скоромъ времени васъ вывести отсюда, но вмѣсто того самъ попалъ къ вамъ; не знаю, чѣмъ все это кончится теперь». Черезъ часъ онъ былъ посаженъ въ секретное отдѣленіе, гдѣ незадолго передъ тѣмъ со-

держался Гебертъ и куда вскорѣ долженъ былъ попасть Робеспьеръ. Тамъ, предаваясь размышленіямъ и сожалѣніямъ, Дантонъ говорилъ: «Годъ тому назадъ я содѣйствовалъ учрежденію революціоннаго трибунала, за что и прошу прощенія у Бога и людей; но я не имѣлъ въ виду сдѣлать его бичомъ человѣчества».

Арестъ Дантона возбудилъ мрачное безпокойство и всеобщій ропотъ. На другой день въ Конвентѣ, при открытіи засѣданія, депутаты говорили шопотомъ, съ ужасомъ спрашивая другъ друга, какая могла быть причина этого новаго удара, нанесеннаго представителямъ народа. «Граждане,—сказалъ Лежандръ,—четыре члена Конвента арестованы сегодня ночью; я знаю, что Дантонъ принадлежитъ къ ихъ числу,—имена остальныхъ мнѣ неизвѣстны. Но, граждане, я объявляю, что считаю Дантона столько же чистымъ, какъ самого себя,—а между тѣмъ онъ въ оковахъ. Опасались, вѣроятно, чтобы его отвѣты не разрушили обвиненій, взведенныхъ на него; я прошу поэтому, чтобы прежде чтенія доклада объ арестѣ заключенные были затребованы въ собраніе и выслушаны». Это предложеніе было принято благопріятно и на нѣсколько времени ободрило собраніе: нѣкоторые члены предложили приступить къ подачѣ голосовъ, но эта готовность вступиться за осужденныхъ продолжалась недолго. Робеспьеръ появился на трибунѣ. «Судя по смятенію, давно уже небывалому и господствующему теперь въ собраніи,—сказалъ онъ,—судя по волненію, произведенному рѣчами Лежандра, легко замѣтить, что здѣсь идетъ дѣло о важномъ интересѣ. Вопросъ заключается въ томъ, что сегодня одержитъ верхъ—нѣсколько человѣкъ или отечество? Мы увидимъ, въ состояніи ли будетъ Конвентъ разбить мнимый и давно уже сгнившій идолъ, или же этотъ идолъ въ своемъ паденіи раздавитъ и Конвентъ, и французскій народъ». Нѣсколькихъ словъ Робеспьера было достаточно для того, чтобы водворить молчаніе, повиновеніе въ собраніи, сдержать друзей Дантона и заставить самого Лежандра взять назадъ свое предложеніе. Вслѣдъ за тѣмъ въ залу вошелъ Сенъ-Жюстъ, въ сопровожденіи другихъ членовъ комитета. Онъ прочелъ длинный докладъ противъ арестованныхъ депутатовъ, въ которомъ обвинялъ ихъ мнѣнія, ихъ политическій образъ дѣйствій, частную жизнь, намѣренія и, посредствомъ неправдоподобныхъ, но тонкихъ сближеній, дѣлалъ ихъ соучастниками всѣхъ заговоровъ и служителями всѣхъ партій. Собраніе, выслушавъ его безъ ропота и какъ бы въ одобрительномъ оцѣпенѣніи, единогласно и среди рукоплесканій рѣшило предать Дантона и его друзей суду революціоннаго трибунала. Каждый старался выиграть время у тираніи и, предавая головы ближнихъ, спасти свою собственную.

Обвиняемые приведены были предъ трибуналъ; они предстали предъ нимъ съ мужественнымъ и высокомѣрнымъ видомъ. Рѣчи ихъ были смѣлы и выказывали презрѣніе къ судьямъ, не совсѣмъ обыкновенное даже въ то время. Дантонъ отвѣчалъ президенту Дюма,

спросившему его, по принятому порядку, объ его имени, лѣтахъ и мѣстѣ жительства: «Имя мое Дантонъ; оно довольно извѣстно въ революціи; мнѣ тридцать пять лѣтъ. Жилищемъ моимъ скоро будетъ ничтожество; имя же мое будетъ жить въ Пантеонѣ исторіи». Его отвѣты, то презрительные, то рѣзкіе, холодная и осторожная защита Лакруа, суровость Филиппо, горячность Демулена начинали волновать народъ. Но скоро рѣшено было прекратить пренія подъ тѣмъ предлогомъ, что подсудимые не оказывали должнаго уваженія къ правосудію; вслѣдъ за тѣмъ ихъ тотчасъ же осудили, не выслушивая больше ихъ объясненій. «Насъ приносятъ въ жертву честолюбію нѣсколькихъ подлыхъ разбойниковъ,—воскликнулъ Дантонъ,—но они недолго будутъ пользоваться плодами своей преступной побѣды. Я увлекаю за собою Робеспьера. Робеспьеръ слѣдуетъ за мною». Ихъ отправили въ тюрьму, а оттуда на эшафотъ.

Они шли на казнь съ твердостью, обычною въ то время. На улицахъ было выставлено значительное количество войска; конвой, сопровождавшій ихъ, былъ очень силенъ. Толпа, обыкновенно шумная и ободрявшая, была молчалива. Камилль Демуленъ, сидя уже на роковой телѣгѣ, все еще удивлялся своему осужденію и не могъ понять его. «Вотъ,—говорилъ онъ,—награда, назначавшаяся первому апостолу свободы!» Дантонъ держалъ высоко голову и смотрѣлъ на всѣхъ спокойнымъ и гордымъ взглядомъ. У подножія эшафота онъ на одну минуту далъ волю своимъ чувствамъ... «О моя возлюбленная!—воскликнулъ онъ,—о моя жена, я тебя болѣе не увижу!..» Потомъ, остановившись внезапно, онъ прибавилъ: «Дантонъ, не ослабѣвай!» Такъ погибли поздніе, но послѣдніе защитники человѣчности, умѣренности, послѣдніе революціонеры, желавшіе согласія между побѣдителями и милосердія для побѣжденныхъ. Послѣ нихъ наступила эпоха, въ продолженіе которой никто не возвышалъ голоса противъ диктатуры и терроризма; отъ одного конца Франціи до другого терроръ наносилъ усиленные и безпощадные удары. Жирондисты хотѣли предупредить этотъ порядокъ вещей, дантонисты—остановить его: и тѣ, и другіе погибли, а властителямъ пришлось поражать тѣмъ болѣе жертвъ, чѣмъ болѣе они насчитывали враговъ. На этомъ кровавомъ поприщѣ возможна только одна остановка—смерть самихъ властителей. Децемвиры послѣ окончательнаго паденія жирондистовъ провозгласили господство террора; послѣ паденія гебертистовъ они провозгласили справедливость и честность, потому что гебертисты были презрѣнными бунтовщиками; послѣ паденія дантонистовъ провозглашено было господство террора и добродѣтелей, потому что въ глазахъ побѣдителей дантонисты были партией людей снисходительныхъ и безнравственныхъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Отъ смерти Дантона, въ апрѣлѣ 1794 г., до 9-го термидора (27-го іюля 1794 г.).

Усиленіе террора: причина его. — Системы демократовъ: Сенъ-Жюста. — Могущество Робеспьера. — Празднество Верховнаго Существа. — Кутонъ представляетъ законъ 22-го преріаля, которымъ преобразовывается революціонный трибуналъ; безпорядки, споры, потомъ повиновеніе Конвента. — Дѣятельные члены комитетовъ раздѣляются: съ одной стороны Робеспьеръ, Сенъ-Жюстъ и Кутонъ; съ другой — Билльо-Вареннъ, Колло д'Эрбуа, Барреръ и члены комитета общественной безопасности. — Поведеніе Робеспьера: онъ перестаетъ являться въ комитетъ и опирается на якобинцевъ и думу. — 8-ое термидора: Робеспьеръ требуетъ возобновленія комитетовъ, но не успѣваетъ въ этомъ. — Засѣданіе 9-го термидора: Сенъ-Жюстъ доноситъ на комитеты, Тальенъ прерываетъ его; Билльо-Вареннъ сильно нападаетъ на Робеспьера; всеобщее озлобленіе Конвента противъ тріумвировъ; ихъ арестуютъ. — Дума возстаетъ и освобождаетъ заключенныхъ. — Опасности и мужество Конвента; онъ лишаетъ инсургентовъ покровительства законовъ. — Городскіе кварталы принимаютъ сторону Конвента. — **Пораженіе и казнь Робеспьера и инсургентовъ.**

Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, слѣдовавшихъ за паденіемъ партіи Дантона, ничто не противилось и не сдерживало власти комитетовъ. Смерть сдѣлалась единственнымъ средствомъ правленія, республика — свидѣтельницей ежедневныхъ и систематическихъ убійствъ. Тогда-то были придуманы такъ называемые тюремные заговоры (т. е. заговоры, въ составленіи которыхъ участвовали будто бы арестанты парижскихъ тюремъ); темницы, наполненныя вслѣдствіе закона противъ подозрѣваемыхъ, были очищены съ помощью закона 22-го преріаля, который можетъ быть названъ закономъ осужденныхъ, — такъ искусными были постановленія его. Тогда же посланные изъ комитета общественнаго спасенія замѣнили собою въ департаментахъ комиссаровъ, посланныхъ отъ горы. На западѣ свирѣпствовалъ Каррье, покровительствуемый Бійо, на югѣ — Менье, покровительствуемый Кутономъ, на сѣверѣ — Іосифъ

Лебонъ, покровительствуемый Робеспьеромъ. Уничтоженіе главныхъ массовыхъ орудій демократической диктатуры, явившихся тѣмъ болѣе въ Ліонѣ и Тулонѣ посредствомъ разстрѣливанія картечью, принимали еще болѣе ужасающіе размѣры въ Нантѣ, гдѣ осужденныхъ топили въ рѣкѣ, въ Аррасѣ, Парижѣ и Оранжѣ, гдѣ ихъ казнили на эшафотѣ.

Этотъ примѣръ да научитъ той истинѣ, которая для блага человѣчества должна сдѣлаться общей, что въ революціи все зависитъ отъ перваго отпора и первой борьбы. Для того, чтобы нововведеніе совершилось миролюбиво, нужно, чтобы оно не было оспариваемо, — иначе вспыхиваетъ война и революція распространяется, потому что весь народъ приходитъ въ движеніе, чтобы защитить ее. Когда общество бываетъ такимъ образомъ потрясено до основанія, перевѣсъ остается на сторонѣ тѣхъ, кто смѣлѣе, и мудрые и умѣренные реформаторы уступаютъ мѣсто реформаторамъ крайнимъ и непреклоннымъ. Рожденные борьбой, они хотятъ держаться ею; одной рукой они борются для того, чтобы отстоять свое существованіе, другою они основываютъ систему, чтобы ее упрочить; они убиваютъ во имя самосохраненія, во имя своей доктрины; добродѣтель, человѣчество, народное благо, — все, что есть святого на землѣ, становится для нихъ предлогомъ, которымъ они оправдываютъ свои злодѣйства, защищаютъ свою диктатуру. До тѣхъ поръ, пока они не истощатся и не падутъ, всѣ гибнутъ безъ разбора, — и преобразованія, и приверженцы реформъ утратятъ умѣренность и рѣшимость среди бурь революціи. Что сталось въ 1794 г. съ идеями 1789 г.? Они также были уничтожены въ этомъ вѣчномъ кораблекрушеніи. Какъ только одна изъ партій выступила на поле битвы, за нею послѣдовали всѣ остальныя, и всѣ, подобно первой, были побѣждены и уничтожены, — и конституціоналисты, и жирондисты, и кордельеры, и, наконецъ, сами децемвиры. При каждомъ пораженіи побѣдители становились все сильнѣе и безпощаднѣе, система тиранніи — все болѣе и болѣе необузданною. Децемвиры были наиболѣе безжалостны, потому что они были послѣдними по времени въ этой борьбѣ.

Комитетъ общественнаго спасенія, управляемый Робеспьеромъ, имѣвшій своимъ противникомъ побѣжденныя партіи, полагалъ, что освобожденіе человѣчества возможно лишь посредствомъ ихъ гибели: онъ дѣйствовалъ въ одно и то же время именемъ своихъ принциповъ и ненависти къ врагамъ. «Только мертвые не возвращаются», — говорилъ Барреръ. — «Чѣмъ болѣе испаряется частицъ изъ общественнаго тѣла, — говоритъ Колло д'Эрбуа, — тѣмъ оно становится здоровѣе». Но децемвиры, не предвидѣвшіе, что ихъ могущество было временнымъ, стремились къ основанію демократіи и ея учрежденій, желая удержаться до того времени, когда можно будетъ положить конецъ казнямъ. Они фанатически вѣровали въ нѣкоторыя общественныя теоріи, подобно тому, какъ милленаріи англійской революціи

(секта, ожидавшая скораго водворенія царства Божія на землѣ), съ которыми и можно сравнить ихъ, вѣрили извѣстнымъ религіознымъ идеямъ. Точкой отправленія для однихъ служилъ народъ, для другихъ—Богъ; одни хотѣли самаго полнаго политическаго равенства, другіе—равенства евангельскаго; одни стремились къ царству добродѣтели, другіе—къ царству святыхъ. Человѣческая натура идетъ во всемъ и вездѣ до крайнихъ предѣловъ: и въ религіозное время производитъ христіанскихъ демократовъ, въ философское—демократовъ политическихъ. Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ установили планъ этой демократіи и во всѣхъ рѣчахъ своихъ высказывали главныя основанія ея. Они хотѣли измѣнить нравы, духъ и привычки Франціи: они хотѣли сдѣлать изъ нея республику по образу древнихъ. Господство народа, должностныя лица безъ гордости, граждане безъ пороковъ, братскія взаимныя отношенія, поклоненіе добродѣтели, простота обхожденія, строгость нравовъ—вотъ что надѣялись они установить. Любимыя слова этой секты можно найти во всѣхъ рѣчахъ докладчиковъ комитета, въ особенности въ рѣчахъ Сенъ-Жюста и Робеспьера. *Свобода и равенство*—въ управленіи республикой, *нераздѣльность*—какъ ея форма; *общественное спасеніе*—какъ основаніе для защиты и сохраненія; *добродѣтель*—какъ руководящій принципъ ея; *Верховное Существо*—какъ предметъ поклоненія для нея; *братство*—для обычныхъ отношеній между гражданами; *честность*—для поведенія ихъ; *здравый смыслъ*—для умственной ихъ жизни; *скромность*—для общественной дѣятельности ихъ, которую они должны относить ко благу государства, а не къ самимъ себѣ: таковъ былъ символъ вѣры этой демократіи. Фанатизмъ не могъ простираться далѣе. Изобрѣтатели этой системы не обращали вниманія на то, была ли она удобопримѣнима; они считали ее справедливою и естественною и, располагая властью, хотѣли установить ее насильственно. Каждое изъ словъ, приведенныхъ выше, послужило предлогомъ къ осужденію цѣлой партіи или нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ. Роялисты и аристократы были преслѣдуемы во имя *свободы и равенства*; жирондисты—во имя *нераздѣльности* государства; Филиппо, Камилль Демуленъ и умѣренная партія—во имя *общественнаго спасенія*; Шометтъ, Анахарсисъ Клоотцъ, Гебертъ, вся партія анархистовъ и атеистовъ—во имя *добродѣтели* и *Верховнаго Существа*; Шабо, Базиръ, Фабръ д'Эглантинъ—во имя *честности*; Дантонъ—во имя *добродѣтели* и *скромности*. Въ глазахъ фанатиковъ эти *нравственныя преступленія* содѣйствовали гибели осужденныхъ наравнѣ съ заговорами, въ которыхъ ихъ обвиняли.

Робеспьеръ былъ покровителемъ этой секты, которая имѣла въ комитетѣ еще болѣе фанатичнаго ревнителя—Сенъ-Жюста, котораго называли апокалипсическимъ. Черты лица его были крупныя,

не правильны, выраженіе лица энергическое и грустное, взглядъ — пристальный и проницательный, волосы черные, гладкіе и длинные. Его манеры были холодны, хотя душа и была пламенная. Простой и строгій въ своихъ привычкахъ, нравоучительный въ рѣчахъ своихъ, онъ непоколебимо шелъ къ осуществленію своей системы. Едва двадцати пяти лѣтъ отъ роду онъ являлся уже самымъ смѣлымъ изъ децемвировъ, потому что былъ наиболѣе убѣжденнымъ изъ нихъ. Страстно преданный республикѣ, онъ былъ неутомимъ въ комитетахъ, неустрашимъ во время исполненія своихъ порученій при войскѣ, которому онъ подавалъ примѣръ мужества, раздѣляя всѣ походы и опасности солдатъ. Его пристрастіе къ массѣ не заставляло его угождать ея склонностямъ, и вмѣсто того, чтобы принять, какъ Геберъ, языкъ ея и одежду, онъ хотѣлъ доставить ей довольство, внушить серьезность и достоинство. Но его политика дѣлала его еще болѣе опаснымъ, нежели его демократическія вѣрованія. Онъ имѣлъ много смѣлости, хладнокровія, такта и твердости. Мало склонный къ состраданію, онъ возводилъ мѣры общественнаго спасенія, предлагаемыя имъ, на степень формулъ и немедленно приводилъ ихъ въ исполненіе. Побѣда ли, казнь, диктатура, — что только казалось ему нужнымъ, того онъ и требовалъ тотчасъ же. Въ противоположность Робеспьеру, онъ былъ человѣкомъ дѣйствія. Понимая, какую пользу онъ можетъ извлечь изъ Сенъ-Жюста, Робеспьеръ съ самаго начала старался склонить его на свою сторону въ Конвентѣ; Сенъ-Жюстъ, въ свою очередь, былъ привлеченъ къ Робеспьеру его репутаціей неподкупности, его строгой жизнью и сходствомъ идей и убѣжденій.

Легко понять, какъ ужасно должно было быть ихъ содѣйствіе при популярности, завистливыхъ и властолюбивыхъ страстяхъ одного изъ нихъ и непреклонномъ характерѣ и систематическихъ взглядахъ другого. Кутонъ присоединился къ нимъ; онъ былъ лично преданъ Робеспьеру. Хотя лицо его и было кротко, а тѣло наполовину парализовано, но фанатизмъ его не зналъ состраданія. Они составили въ комитетѣ тріумвиратъ, который хотѣлъ захватить всю власть въ свои руки. Это честолюбіе удалило отъ нихъ прочихъ членовъ комитета и кончилось тѣмъ, что погубило ихъ. Пока, однако, тріумвиратъ самовластно управлялъ Конвентомъ и даже самимъ комитетомъ. Когда хотѣли устрашить собраніе, то Сенъ-Жюстъ принималъ на себя роль докладчика; для того, чтобы застать его врасплохъ, посылали Кутона. Если же слышали ропотъ или высказывалась нерѣшимость, то появлялся Робеспьеръ и однимъ словомъ водворялъ молчаніе и наводилъ ужасъ.

Въ продолженіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ паденія думы и партіи Дантона децемвиры, жившіе еще въ согласіи между собою, старались утвердить свое господство. Ихъ комиссары охраняли порядокъ въ департаментахъ, а войска республики одерживали побѣды на всѣхъ границахъ. Комитеты воспользовались этой ми-

[illegible] затѣмъ они вступили въ борьбу за обладаніе властью.

[illegible] ства и о помощи, которую должна оказывать республика неиму- [illegible] роялистомъ до 10-го августа, умѣреннымъ республиканцемъ до [illegible] вировъ. Изъ этого видно, что въ революціи не слѣдуетъ быть [illegible] и тому, что его отталкиваетъ и ужасаетъ; онъ не умѣетъ остано- [illegible]

[illegible] демократіи, достигъ въ то время высшей степени вліянія и могу- [illegible] былъ великимъ человѣкомъ республики. Только и говорили, [illegible] Робеспьера и Колло д'Эрбуа. [illegible] же вечеръ поразить Колло. Онъ выстрѣлилъ въ него два раза, но промахнулся. На слѣдующій день молодая дѣвушка, по имени Цецилья Рено, явилась къ Робеспьеру и настоятельно требовала сви-

данія съ нимъ; но такъ какъ его не было дома, а она все-таки настаивала на томъ, чтобы быть допущенной къ нему, то ее и задержали. Она имѣла при себѣ маленькій пакетъ и два ножа. «Что побудило васъ придти къ Робеспьеру?» — спрашивали ее. — Я хотѣла говорить съ нимъ. — «О какомъ дѣлѣ?» — Это зависитъ отъ того, какимъ бы я нашла его. — «Знаете ли вы гражданина Робеспьера?» — Нѣтъ, потому-то я и старалась узнать его: я пришла къ нему, чтобы видѣть, какъ выглядитъ тиранъ. — «Что намѣревались вы сдѣлать съ вашими двумя ножами?» — Ничего, я никому не хотѣла причинить никакого зла. — «А вашъ пакетъ?» — Въ немъ было бѣлье, которое я думала перемѣнить тамъ, куда меня отправятъ. — «Куда же васъ отправятъ?» — Въ тюрьму, а оттуда на гильотину. Несчастная молодая дѣвушка предугадала свою участь: все ея семейство погибло вмѣстѣ съ нею.

Робеспьеру между тѣмъ были приносимы выраженія самой угодливой лести. Въ клубѣ якобинцевъ и въ Конвентѣ его спасеніе приписывали доброму генію республики и Верховному Существу, бытіе котораго было провозглашено по настоянію Робеспьера указомъ 18-го флореаля. На всемъ протяженіи Франціи празднованіе новой религіи было назначено на 20-е преріаля. 16-го числа Робеспьеръ былъ единодушно избранъ президентомъ Конвента для того, чтобы онъ могъ исполнить роль первосвященника на этомъ празднествѣ. Онъ явился на церемонію во главѣ собранія, съ лицомъ, сіяющимъ довѣріемъ и радостью, — чувствами, вообще не свойственными ему. Онъ шелъ впереди, въ пятнадцати шагахъ отъ своихъ товарищей, одинъ въ блестящемъ одѣяніи, держа въ рукѣ цвѣты и колосья и обращая на себя всеобщее вниманіе. Каждый въ этотъ день ожидалъ чего-нибудь: непріятели Робеспьера — попытокъ насильственнаго присвоенія власти, преслѣдуемыя партіи — болѣе кроткаго правленія. Ожиданія эти были обмануты. Робеспьеръ произнесъ къ народу рѣчь какъ бы въ качествѣ верховнаго жреца и, вмѣсто указанія на лучшую будущность, окончилъ ее слѣдующими мало утѣшительными словами: «Граждане, предадимся сегодня восторгамъ чистой радости! Завтра мы опять будемъ бороться съ пороками и тиранами».

Два дня спустя, 22-го преріаля, Кутонъ представилъ Конвенту проектъ новаго закона. Революціонный трибуналъ покорно наносилъ удары всѣмъ тѣмъ, на которыхъ ему указывали: роялисты, конституціоналисты, жирондисты, анархисты, монтаньяры — всѣ одинаково были посылаемы на смерть. Но онъ дѣйствовалъ еще не такъ быстро, какъ этого желали систематическіе истребители, хотѣвшіе во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ заключенныхъ. До тѣхъ поръ соблюдались еще нѣкоторыя охранительныя формы; онѣ были уничтожены. «Всякая медлительность, — говоритъ Кутонъ, — есть тоже преступленіе, всякая снисходительная формальность — опасность для общества; отсрочкою для

казни враговъ отечества должно быть только время, необходимое для удостовѣренія въ самоличности ихъ». Обвиненные прежде имѣли защитниковъ; теперь они были лишены всякой защиты. «Оклеветаннымъ патріотамъ,—сказано въ докладѣ Кутона,—законъ даетъ въ защитники патріотическихъ присяжныхъ; онъ отказываетъ въ нихъ заговорщикамъ». До сихъ поръ каждый обвиненный былъ судимъ отдѣльно отъ другихъ; теперь ихъ стали судить цѣлыми массами. Прежде была нѣкоторая точность въ опредѣленіи даже революціонныхъ преступленій: теперь преступниками были объявлены всѣ враги народа, а врагами народа—всѣ, старающіеся уничтожить свободу силою или хитростью. До сихъ поръ основаніемъ рѣшеній для присяжныхъ служилъ законъ; теперь они должны были руководствоваться только своею совѣстью. Одного трибунала Фукье-Тенвиля (публичнаго обвинителя) и нѣсколькихъ присяжныхъ недостаточно было для возраставшаго числа жертвъ, обѣщаемыхъ новымъ закономъ; трибуналъ былъ раздѣленъ на четыре отдѣленія, увеличено число судей и присяжныхъ, а публичному обвинителю даны были четыре помощника. Наконецъ, члены Конвента могли до сихъ поръ быть преданы суду только по указу самого Конвента; законъ 22-го преріаля былъ составленъ такимъ образомъ, что для преданія ихъ суду достаточно было распоряженія комитетовъ. Законъ противъ подозрѣваемыхъ привелъ къ закону 22-го преріаля.

Едва Кутонъ успѣлъ окончить свой докладъ, какъ въ собраніи послышался ропотъ удивленія и боязни. «Если этотъ законъ пройдетъ,—воскликнулъ Рюамъ,—намъ остается только застрѣлиться. Я требую отсрочки». Это требованіе было поддержано всѣми, но Робеспьеръ взошелъ на трибуну. «Давно уже,—сказалъ онъ,—Національный Конвентъ обсуждаетъ и издаетъ законы безъ замедленія, потому что онъ давно уже не подчиненъ владычеству партій. Я прошу, чтобы Конвентъ, не обращая вниманія на требованіе отсрочки, обсуждалъ предложенный ему проектъ закона, если встрѣтится надобность, хоть до восьми часовъ вечера». Тотчасъ-же начались пренія, и въ тридцать минутъ, послѣ вторичнаго чтенія, законъ былъ принятъ. Но на слѣдующій день нѣсколько членовъ, болѣе устрашенныхъ закономъ, нежели комитетомъ, возвратились къ вчерашнему вопросу. Монтаньяры, друзья Дантона, боявшіеся въ особенности того постановленія, которое предавало депутатовъ на произволъ децемвировъ, предложили Конвенту оградить безопасность своихъ членовъ. Бурдонъ (изъ департамента Уазы) первый началъ говорить съ этою цѣлью; онъ былъ поддержанъ другими. Мерленъ предложилъ новую оговорку къ закону, возстановлявшую прежнее охранительное право депутатовъ,—и эта оговорка была принята собраніемъ. Мало-по-малу сдѣланы были нѣкоторыя другія возраженія противъ закона, смѣлость монтань-

ровъ вопроса, и пренія сдѣлались очень одушевленными. Кутонъ напалъ на монтаньяровъ. «Пусть знаютъ,—отвѣчалъ ему Бурдонъ,—пусть знаютъ члены комитета, что если они—патріоты, то и мы—тоже! Пускай они знаютъ, что я не стану отвѣчать язвительно на упреки, которые они мнѣ дѣлаютъ! Я уважаю Кутона, я уважаю комитетъ, но уважаю также и непоколебимую гору, спасительницу свободы!» Робеспьеръ, удивленный неправильнымъ сопротивленіемъ, бросился на трибуну. «Конвентъ,—сказалъ онъ,—гора, комитетъ—это все одно и то же! Всякій представитель народа, искренно любящій свободу, всякій, готовый умереть за отчизну, принадлежитъ къ горѣ! Допустить, чтобы нѣкоторые интриганы, презрѣнные лицемѣры могли увлечь за собою часть горы и сдѣлаться предводителями партіи, значило бы оскорбить отечество, нанести смертельный ударъ народу!»—«Никогда,—сказалъ Бурдонъ,—не имѣлъ я намѣренія сдѣлаться предводителемъ партіи».—«Это было бы,—продолжалъ Робеспьеръ,—крайнею степенью позора, если бы нѣкоторые изъ нашихъ товарищей, клеветою введенные въ заблужденіе насчетъ нашихъ намѣреній и цѣли нашихъ трудовъ...»—«Я требую доказательствъ тому, что сказано,—прервалъ его Бурдонъ:—довольно ясно дано замѣтить, что я—злодѣй».—«Я не называлъ Бурдона. Горе тому, кто самъ себя называетъ! Да, гора чиста, она величественна, и интриганы не принадлежатъ къ ней!»—«Назовите ихъ».—«Я это сдѣлаю, когда представится надобность». Угрозы, повелительный тонъ Робеспьера, поддержка прочихъ децемвировъ, страхъ, сообщавшійся отъ одного къ другому,—заставили всѣхъ замолчать. Оговорка, предложенная Мерленомъ, была отмѣнена, какъ оскорбительная для комитета общественнаго спасенія, и законъ былъ принятъ безъ измѣненій. Съ этихъ-то поръ начались казни въ огромныхъ размѣрахъ: каждый день до пятидесяти человѣкъ были посылаемы на гильотину. Этотъ терроръ по преимуществу терроръ среди террора, продолжался около двухъ мѣсяцевъ.

Но конецъ этой системы приближался. Преріальскія засѣданія положили конецъ единодушію членовъ комитетовъ. Съ нѣкоторыхъ поръ между ними происходили глухіе распри. Они дѣйствовали дружно до тѣхъ поръ, пока имъ приходилось бороться вмѣстѣ противъ общихъ враговъ; положеніе дѣлъ измѣнилось, когда они одни остались на аренѣ съ привычкою къ борьбѣ и жаждою господства. Къ тому же ихъ мнѣнія были не во всемъ согласны одно съ другимъ; демократическая партія раздѣлилась вслѣдствіе паденія прежней городской думы: Билло-Вареннъ, Колло-д'Эрбуа и главные члены комитета общественной безопасности—Вадье, Амаръ, Вуланъ—были приверженцами этой ниспровергнутой партіи и предпочитали поклоненію Верховному Существу поклоненіе Разуму. Ихъ также мучила зависть къ славѣ Робеспьера и безпокоило его могущество; Робеспьеръ, въ свою очередь, былъ раздраженъ ихъ тайнымъ неодобреніемъ и препятствіями, которыя они противопоставляли

его волѣ. Онъ задумалъ въ это время уничтожить наиболѣе предпріимчивыхъ членовъ—Тальена, Бурдона, Лежандра, Фрерона, Ровера и др., а также и своихъ соперниковъ въ комитетѣ.

Робеспьеръ располагалъ чрезвычайною силой: низшій классъ народа, въ глазахъ котораго онъ олицетворялъ революцію, поддерживалъ его, какъ представителя своихъ идей и интересовъ; вооруженная сила Парижа, подъ начальствомъ Анріо, была въ его распоряженіи. Онъ владычествовалъ въ клубѣ якобинцевъ, который онъ составилъ и очищалъ по своему произволу; всѣ важныя мѣста были заняты его креатурами; онъ самъ образовалъ революціонный трибуналъ и новую думу, замѣнивъ генералъ-прокурора Шометта національнымъ агентомъ Пеяномъ и мэра Паша—мэромъ Флеріо. Но какую имѣлъ онъ цѣль, раздавая самыя вліятельныя должности новымъ лицамъ и отдѣляясь отъ комитетовъ? Стремился ли онъ къ диктатурѣ, или же онъ хотѣлъ погубить *безнравственныхъ* монтаньяровъ, уцѣлѣвшихъ еще въ Конвентѣ, и *мятежниковъ*, засѣдавшихъ еще въ комитетѣ, только для того, чтобы осуществить свой планъ *добродѣтельной* демократіи? Всѣ партіи потеряли своихъ представителей: жиронда—въ лицѣ *двадцати двухъ*, дума—въ лицѣ Гебера, Шометта и Ронсена, гора—въ лицѣ Дантона, Шабо, Лакруа, Камилла Демулена. Но, уничтожая предводителей, Робеспьеръ заботливо покровительствовалъ массѣ. Онъ защищалъ заключенныхъ депутатовъ жиронды и умѣренной партіи (числомъ 73) противъ доносовъ якобинцевъ и ненависти комитетовъ; онъ сталъ во главѣ новой думы; сопротивленія своимъ планамъ, каковы бы они ни были, онъ могъ ожидать только со стороны небольшого числа монтаньяровъ и со стороны комитетовъ. Противъ этого-то двойного препятствія и были направлены его усилія въ послѣднія минуты его дѣятельности. Весьма вѣроятно, что идея республики сливалась для него съ идеей его собственной власти, и что онъ думалъ основать какъ ту, такъ и другую на развалинахъ партій.

Комитеты боролись съ Робеспьеромъ по-своему. Они глухо готовили его паденіе, обвиняя его въ тираніи; они указывали на установленіе его религіи, какъ на предзнаменованіе насильственнаго присвоенія имъ верховной власти; они напоминали объ его высокомѣрной осанкѣ въ день 20-го преріаля, о разстояніи, въ которомъ онъ держалъ себя даже относительно Національнаго Конвента. Въ частныхъ разговорахъ они называли его Пизистратомъ, и это имя переходило изъ устъ въ уста. Обстоятельство, которое было бы ничтожнымъ во всякое другое время, позволило имъ напасть на него косвеннымъ образомъ. Пожилая женщина, по имени Катерина Тео, играла роль пророчицы въ темномъ убѣжищѣ среди нѣсколькихъ мистическихъ сектаторовъ; ее звали *божіей матерью*; она возвѣщала скорое пришествіе *мессіи-возстановителя*. Вмѣстѣ съ нею дѣйствовалъ старый товарищъ Робеспьера

по Учредительному Собранію, картезіанецъ донъ-Жерль, получившій отъ самого Робеспьера аттестатъ въ патріотизмѣ. Комитеты, раскрывъ тайны божіей матери и ея предсказанія, заподозрили Робеспьера—или только притворились, что подозрѣваютъ его—въ пользованіи этимъ средствомъ для привлеченія къ себѣ фанатиковъ и для приготовленія умовъ къ возвышенію своему. Они перемѣнили имя старухи Théot въ Thèos, что значитъ Богъ, а въ мессіи, пришествіе котораго она возвѣщала, довольно ловко указали Робеспьера. На стараго Вадье возложенъ былъ, отъ имени комитета общественной безопасности, докладъ противъ новой секты. Вадье былъ тщеславенъ и мелоченъ: онъ донесъ на посвященныхъ въ новыя таинства, сдѣлалъ эту религію предметомъ посмѣянія, замѣшалъ въ дѣло Робеспьера, не называя его, и настоялъ на задержаніи фанатиковъ. Робеспьеръ хотѣлъ спасти ихъ. Образъ дѣйствій комитета общественной безопасности сильно раздражилъ его; въ клубѣ якобинцевъ онъ отозвался о рѣчи Вадье презрительно и гнѣвно. Онъ встрѣтилъ новыя препятствія со стороны комитета общественнаго спасенія, отказавшагося преслѣдовать тѣхъ, на которыхъ ему указывалъ Робеспьеръ. Съ этихъ поръ онъ перестаалъ являться въ комитетъ и только изрѣдка присутствовалъ въ засѣданіяхъ Конвента. Но онъ аккуратно посѣщалъ засѣданія якобинцевъ. Съ трибуны этого клуба онъ надѣялся сокрушить своихъ враговъ, какъ это ему всегда до тѣхъ поръ удавалось.

Обыкновенно грустный, подозрительный, боязливый, Робеспьеръ сдѣлался еще болѣе мрачнымъ и недовѣрчивымъ. Онъ выходилъ изъ дому не иначе, какъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ якобинцевъ, вооруженныхъ палками; ихъ называли тѣлохранителями Робеспьера. Онъ не замедлилъ обвинить своихъ враговъ передъ лицомъ якобинскаго клуба. «Необходимо,—сказалъ онъ,—изгнать изъ Конвента развращенныхъ людей». Это значило прямо указать на друзей Дантона. Робеспьеръ наблюдалъ за ними съ самымъ мелочнымъ безпокойствомъ. Шпіоны, находившіеся при нихъ, безотлучно слѣдили за каждымъ ихъ движеніемъ и ежедневно доносили Робеспьеру о дѣйствіяхъ ихъ, знакомствахъ и словахъ. Онъ нападалъ въ якобинскомъ клубѣ не на однихъ дантонистовъ: онъ возсталъ противъ самого комитета и выбралъ для этого тотъ день, когда въ клубѣ предсѣдательствовалъ Барреръ. По окончаніи засѣданія Барреръ воротился домой совершенно унылый. «Мнѣ опостылѣли люди»,—сказалъ онъ присяжному Вилату.—«Что побудило его напасть на тебя?»—спросилъ Вилатъ. «Робеспьеръ ненасытенъ,—отвѣчалъ Барреръ.—Онъ ссорится съ нами, потому что мы не исполняемъ всѣхъ его желаній. Еслибы рѣчь шла только о Тюріо, Гюффруа, Ровэрѣ, Лекуантрѣ, Панисѣ, Камбонѣ, Монесгьерѣ, обо всей шайкѣ дантонистовъ, то мы могли бы еще прійти къ соглашенію, мы уступили бы ему даже Тальена, Бурдона (изъ департамента Уазы), Лежандра, Фрерона... Но

выдать Лежандра, Одуена, Леонарда Бурдона, Вадье, Вулана,—нѣтъ, на это невозможно согласиться». Выдать членовъ комитета общественной безопасности значило бы для членовъ комитета общественнаго спасенія наложить руку на самихъ себя. Поэтому они и не поддавались; они выжидали нападенія, хотя и боялись его. Робеспьеръ былъ крайне опасенъ для нихъ—какъ своею силой, такъ и своею ненавистью и планами: онъ долженъ былъ первый начать борьбу.

Но какъ приступить къ борьбѣ? Робеспьеру приходилось быть впервые составителемъ заговора; до сихъ поръ онъ только пользовался всѣми народными движеніями. Дантонъ, кордельеры и предмѣстья ниспровергли престолъ 10-го августа; Маратъ, гора и дума нанесли 31-го мая пораженіе жирондѣ; Бильо, Сенъ-Жюстъ и комитеты опрокинули думу и ослабили гору. Теперь Робеспьеръ долженъ былъ дѣйствовать одинъ. Не находя поддержки въ правительствѣ, такъ какъ возставалъ противъ комитетовъ, онъ обратился къ низшимъ классамъ народа и къ якобинцамъ. Главными заговорщиками были: Сенъ-Жюстъ и Кутонъ—въ комитетѣ, мэръ Флеріо и національный агентъ Пеянъ—въ думѣ, президентъ Дюма и вице-президентъ Коффиналь—въ революціонномъ трибуналѣ, главнокомандующій войсками Анріо и весь якобинскій клубъ. 15-го мессидора, три недѣли спустя послѣ преріальскаго закона и за двадцать четыре дня до 9-го термидора, рѣшеніе было уже принято. Въ этотъ день Анріо писалъ мэру: «Товарищъ, ты будешь доволенъ и мною, и моимъ способомъ дѣйствій; люди, любящіе отечество, легко понимаютъ другъ друга и обращаютъ всѣ свои усилія на пользу общественнаго дѣла. Я желалъ и желаю, чтобы тайна дѣйствія была только въ головѣ у насъ двоихъ; тогда злоумышленники ничего бы о ней не узнали. Поклонъ и братство».

Сенъ-Жюстъ былъ посланъ незадолго передъ тѣмъ съ порученіемъ къ сѣверной арміи; Робеспьеръ поспѣшно вызвалъ его обратно въ Парижъ. Въ ожиданіи его возвращенія онъ подготовлялъ умы въ клубѣ якобинцевъ. Въ засѣданіи 3-го термидора онъ жаловался на образъ дѣйствій комитетовъ и на преслѣдованіе патріотовъ, которыхъ онъ клялся защищать. «Нигдѣ,—сказалъ онъ,—не должно оставаться и слѣда заговора или преступленія. Нѣсколько злодѣевъ безчестятъ Конвентъ, но, конечно, онъ не позволитъ имъ угнетать себя». Затѣмъ Робеспьеръ предложилъ своимъ сочленамъ-якобинцамъ представить Національному Собранію размышленія клуба о положеніи государства. Таковъ былъ ходъ дѣлъ, которому слѣдовали 31-го мая. 4-го термидора Робеспьеръ принималъ депутацію отъ департамента Эны, принесшей ему жалобу на дѣйствія правительства, въ которыхъ онъ уже болѣе мѣсяца не принималъ никакого участія. «Конвентъ,—отвѣчалъ ей Робеспьеръ,—при настоящемъ своемъ положеніи, зараженный продажностью и не имѣя силъ отдѣлаться отъ нея, не можетъ болѣе спасти респу-

блику; онъ погибнетъ вмѣстѣ съ ней. Осужденіе патріотовъ стоитъ на очереди. Что касается меня, то я уже стою одной ногой въ могилѣ, а черезъ нѣсколько дней, вѣроятно, и совсѣмъ сойду въ нее. Все прочее находится въ рукахъ Провидѣнія». Онъ былъ не совсѣмъ здоровъ въ это время и съ намѣреніемъ преувеличивалъ свое уныніе, свои опасенія и опасность республики, чтобы воспламенить патріотовъ и связать участь республики со своей судьбою. Между тѣмъ Сенъ-Жюстъ вернулся изъ арміи. Робеспьеръ увѣдомилъ его о положеніи дѣлъ. Онъ явился въ засѣданіе комитетовъ, члены которыхъ приняли его холодно; каждый разъ, когда онъ входилъ туда, пренія пріостанавливались. По молчанію членовъ комитета, по нѣкоторымъ вырвавшимся у нихъ словамъ, по замѣшательству и злобѣ, выражавшимся на ихъ лицахъ, Сенъ-Жюстъ понялъ, что нельзя терять времени, и убѣждалъ Робеспьера не медлить нападеніемъ. Правиломъ Сенъ-Жюста было наносить сильные и быстрые удары. «Будьте смѣлы,—говорилъ онъ:—вотъ вся тайна революціи». Но смѣлое предпріятіе, къ которому онъ побуждалъ Робеспьера, было невозможно; нельзя было поразить враговъ, не предупредивъ ихъ. Сила, которою располагалъ Робеспьеръ, не была организована; она имѣла революціонный характеръ и опиралась на общественное мнѣніе. Онъ долженъ былъ дѣйствовать либо съ помощью Конвента, либо съ помощью думы, прибѣгнуть либо къ законной власти правительства, либо къ чрезвычайному средству возстанія. Таковъ былъ принятый обычай, таково было необходимое условіе государственныхъ переворотовъ. Прибѣгнуть къ возмущенію можно было не прежде, какъ получивъ отказъ отъ собранія; въ противномъ случаѣ возстаніе не имѣло бы достаточной причины. Робеспьеръ по необходимости долженъ былъ начать атаку въ средѣ Конвента. Онъ надѣялся всего добиться отъ него своимъ вліяніемъ; если же Конвентъ, вопреки обыкновенію, воспротивится его волѣ, то народъ, возбуждаемый думою, возстанетъ 9-го термидора противъ опальныхъ членовъ горы и комитета общественнаго спасенія, подобно тому, какъ возсталъ 31-го мая противъ опальныхъ депутатовъ жиронды и коммиссіи двѣнадцати. Таковы были планы и расчеты Робеспьера. Въ своихъ поступкахъ и надеждахъ люди почти всегда сообразуются съ указаніями прошедшаго.

8-го термидора Робеспьеръ рано является въ Конвентъ. Онъ всходитъ на трибуну и въ тщательно обработанной рѣчи дѣлаетъ доносъ на комитеты. «Я пришелъ, — говоритъ онъ, — защищать передъ вами вашу поруганную власть и нарушенную свободу. Я буду также защищать и самого себя, что васъ нисколько не удивитъ; вы не походите на тѣхъ тирановъ, съ которыми вамъ приходится бороться. Крики оскорбленной невинности не докучаютъ вамъ; вы знаете притомъ, что это дѣло не совсѣмъ вамъ чуждо». Послѣ этого введенія онъ жалуется на своихъ клеветниковъ, на-

нападаетъ на тѣхъ, которые своими излишествами или умѣренностью хотятъ погубить республику, на тѣхъ, кто преслѣдуетъ мирныхъ гражданъ (это намекъ на комитеты), на тѣхъ, кто преслѣдуетъ истинныхъ патріотовъ (это намекъ на монтаньяровъ). Онъ выражаетъ полное согласіе съ прошедшими намѣреніями, дѣйствіями и духомъ Конвента. Онъ увѣряетъ, что его враги—вмѣстѣ съ тѣмъ враги Конвента. «Чѣмъ бы я могъ заслужить гоненіе, еслибы оно не входило въ общій планъ заговора противъ Національнаго Конвента? Неужели вы не замѣтили, что заговорщики, съ цѣлью удалить отъ васъ сердца наши, разглашали вездѣ, что вы—диктаторы, управляющіе посредствомъ террора и отвергаемые безмолвнымъ желаніемъ французовъ? Что касается меня, то къ какой партіи я принадлежу? Къ вашей собственной. Что это за партія, которая, съ самаго начала революціи, разрушала договоры и истребила столько измѣнниковъ, пользовавшихся довѣріемъ?.. Это вы, это народъ, это принципы. Вотъ партія, которой я преданъ, и противъ которой соединились всѣ преступленія... Вотъ уже шесть недѣль, какъ невозможность дѣлать добро и остановить зло принудила меня прекратить совершенно отправленіе моихъ обязанностей по званію члена комитета общественнаго спасенія. Съ тѣхъ поръ патріотизмъ былъ ли болѣе защищенъ, партіи сдѣлались ли болѣе робкими, отечество—болѣе счастливымъ? Мое вліяніе всегда ограничивалось тѣмъ, чтобы защищать дѣло отечества передъ представителями націи и передъ трибуналомъ народнаго разума». Сдѣлавъ попытку соединить свое дѣло съ дѣломъ Конвента, Робеспьеръ возбуждаетъ Конвентъ противъ комитетовъ идеею его независимости: «Представители народа, наступила пора вооружиться гордостью и твердостью характера, приличными вамъ. Вы созданы не для того, чтобы быть управляемыми, а для того, чтобы управлять лицами, облеченными вашимъ довѣріемъ».

Стараясь привлечь Конвентъ на свою сторону обѣщаніемъ возстановить его власть и положить конецъ его рабству, Робеспьеръ обращается и къ умѣренной партіи: онъ напоминаетъ ей, что она обязана ему спасеніемъ семидесяти трехъ, и подаетъ ей надежду на возстановленіе порядка, справедливости и милосердія. Онъ говоритъ также объ измѣненіи разорительной и тяжелой финансовой системы, о смягченіи революціоннаго правленія, о направленіи его дѣйствій и о наказаніи его агентовъ, дурно пользующихся своею властью. Наконецъ, онъ взываетъ къ народу, говоритъ ему объ его нуждахъ, объ его могуществѣ и, перебравъ все, что только могло подѣйствовать на Конвентъ,—и интересы его, и надежды, и страхъ,—прибавляетъ: «Провозгласимъ, что существуетъ заговоръ противъ общественной свободы; что онъ обязанъ своей силой преступному союзу, интригующему въ средѣ самого Конвента; что этотъ союзъ имѣетъ соучастниковъ въ комитетѣ общественной безопасности; что враги республики противопоставили этотъ комитетъ

комитету общественнаго спасенія и такимъ образомъ учредили два правительства; что нѣкоторые члены комитета общественнаго спасенія принимаютъ участіе въ заговорѣ; что союзъ, образованный изъ такихъ элементовъ, хочетъ погубить патріотовъ и отечество. Какъ же пособить злу? Нужно наказать измѣнниковъ, водобновить канцелярію комитета общественной безопасности, очистить этотъ комитетъ и подчинить его комитету общественнаго спасенія; очистить самый комитетъ общественнаго спасенія; учредить единство правленія подъ верховною властью Конвента; подавить такимъ образомъ всѣ партіи подъ тяжестью національной власти, чтобы на развалинахъ ихъ воздвигнуть господство справедливости и свободы».

Ни ропотъ, ни одобреніе не встрѣтили этого объявленія войны. Молчаніе, съ которымъ Робеспьеръ былъ выслушанъ, продолжалось еще долго послѣ того, какъ онъ окончилъ. На всѣхъ скамьяхъ собранія замѣтны были нерѣшительность и безпокойство. Наконецъ Лекуантръ (изъ Версаля) потребовалъ слова и предложилъ напечатать рѣчь Робеспьера. Это предложеніе послужило сигналомъ къ волненію, спорамъ и сопротивленію. Бурдонъ возстаетъ противъ напечатанія, какъ опасной мѣры; ему аплодируютъ. Но Барреръ, вѣрный своему двусмысленному образу дѣйствій, указываетъ на то, что всѣ рѣчи должны быть печатаемы; Кутонъ требуетъ, чтобы рѣчь Робеспьера была разослана во всѣ общины республики. Конвентъ, устрашенный наружнымъ согласіемъ двухъ враждебныхъ партій, постановляетъ напечатать рѣчь Робеспьера и разослать ее во всѣ общины. Члены обоихъ комитетовъ, подвергшихся нападенію со стороны Робеспьера, хранили до сихъ поръ молчаніе; но, видя пораженіе горы и колебанія большинства, они рѣшаютъ, что имъ пора говорить. Вадье первый начинаетъ оспаривать рѣчь Робеспьера и даже нападать на него самого. Камбонъ идетъ еще далѣе. «Пора высказать всю истину,— восклицаетъ онъ:—одинъ человѣкъ парализовалъ волю Національнаго Конвента: этотъ человѣкъ — Робеспьеръ».—«Нужно сорвать маску,—прибавляетъ Бильо-Вареннъ,—на какомъ бы лицѣ она ни находилась; пускай мой трупъ служитъ престоломъ для честолюбца,—но я не хочу быть безмолвнымъ сообщникомъ его злодѣяній». Панисъ, Бентаболь, Шарлье, Тиріонъ, Амаръ, въ свою очередь, нападаютъ на Робеспьера. Фреронъ предлагаетъ Конвенту свергнуть пагубное иго комитетовъ. «Настала минута,—говоритъ онъ,—когда должна быть воскрешена свобода мнѣній. Я требую, чтобы собраніе взяло назадъ указъ, дающій комитетамъ право задерживать представителей народа. Кто рѣшится говорить смѣло, когда ему угрожаетъ опасность быть арестованнымъ?» Послышалось нѣсколько рукоплесканій; но еще не настала пора совершеннаго освобожденія Конвента; съ Робеспьеромъ нужно было бороться посредствомъ комитетовъ, чтобы потомъ тѣмъ легче было ниспровергнуть самые комитеты. Предложеніе Фрерона не было принято. «Тотъ, кто не высказываетъ своего мнѣнія изъ

страха,—сказалъ, посмотрѣвъ на него, Бильо-Варенъ,—тотъ недостоинъ имени представителя народа». Вниманіе собранія было вновь обращено къ Робеспьеру. Указъ о напечатаніи его рѣчи былъ отмѣненъ, и самая рѣчь передана на разсмотрѣніе комитетовъ. Робеспьеръ, удивленный этимъ пламеннымъ сопротивленіемъ, воскликнулъ: «Какъ! Я имѣю смѣлость заявить въ Конвентѣ истины, которыя я считаю необходимыми для спасенія отечества, — а мою рѣчь передаютъ на разсмотрѣніе членовъ Конвента, обвиняемыхъ мною!» Онъ вышелъ нѣсколько смущенный, но надѣясь обратить собраніе, выказавшее нерѣшительность, или подчинить его съ помощью заговорщиковъ якобинскаго клуба и думы. Вечеромъ онъ отправился въ клубъ якобинцевъ. Тамъ онъ былъ принятъ съ восторгомъ. Онъ прочелъ рѣчь, только что осужденную собраніемъ, — и якобинцы покрыли ее рукоплесканіями. Онъ разсказалъ имъ о нападеніяхъ, противъ него произведенныхъ, и, чтобы возбудить ихъ еще больше, прибавилъ: «Если это необходимо, то я готовъ испить чашу Сократа». — «Робеспьеръ,—воскликнулъ одинъ депутатъ,—я выпью ее вмѣстѣ съ тобою!» — «Враги Робеспьера,—послышалось со всѣхъ сторонъ,—суть также и враги отечества; пускай онъ назоветъ ихъ— и они покончатъ съ жизнью!» Въ продолженіе всей этой ночи Робеспьеръ подготовлялъ своихъ приверженцевъ къ слѣдующему дню. Было рѣшено, что они соберутся въ клубѣ якобинцевъ и въ думѣ, чтобы быть по всему готовыми въ то время, когда онъ со своими друзьями отправится въ собраніе.

Комитеты собрались со своей стороны и также совѣщались всю ночь. Сенъ-Жюстъ явился въ засѣданіе ихъ. Его товарищи пытались отвлечь его отъ тріумвирата: они возложили на него составленіе доклада о вечернемъ событіи, съ тѣмъ, чтобы этотъ докладъ былъ представленъ на разсмотрѣніе ихъ. Но, вмѣсто доклада, Сенъ-Жюстъ составилъ обвинительный актъ, котораго не хотѣлъ сообщить комитетамъ, и сказалъ имъ, уходя: «Вы опечалили мое сердце: я пойду открыть его передъ Конвентомъ». Комитеты возложили всю свою надежду на мужество собранія и единодушіе партій. Монтаньяры употребили всѣ возможныя мѣры, чтобы водворить это спасительное единодушіе. Они обращались къ самымъ вліятельнымъ членамъ правой стороны и такъ называемаго **болота**. Они умоляли Буасси д'Англа и Дюрана-де-Малляна, стоявшихъ во главѣ этой партіи, соединиться съ ними противъ Робеспьера. Но тѣ сначала не соглашались; они были такъ устрашены могуществомъ Робеспьера и питали столько злобы къ горѣ, что два раза отсылали отъ себя дантонистовъ, не выслушавъ ихъ. Но дантонисты въ третій разъ приступили къ нимъ съ тою же просьбой; тогда правая сторона и равнина дали обѣщаніе поддерживать ихъ. Съ обѣихъ сторонъ, слѣдовательно, составился заговоръ. Всѣ партіи собранія соединились противъ Робеспьера; всѣ единомышленники тріумвировъ

готовы были вооружиться противъ Конвента. При такомъ положеніи дѣлъ открылось засѣданіе 9-го термидора.

Члены собранія собрались раньше обыкновеннаго. Въ половинѣ двѣнадцатаго они прохаживались уже по коридорамъ, ободряя другъ друга. Монтаньяръ Бурдонъ подходитъ къ умѣренному Дюранъ-де-Мальяну, жметъ руку и говоритъ: «О, какіе славные люди эти члены правой стороны!» Роверъ и Талльенъ приближаются къ нимъ и присоединяютъ свои поздравленія къ поздравленіямъ Бурдона. Въ полдень они видятъ у дверей залы Сенъ-Жюста, всходящаго на трибуну. «Пора»,— говоритъ Талльенъ,— и они входятъ въ залъ. Робеспьеръ занимаетъ мѣсто противъ трибуны, вѣроятно для того, чтобы своимъ взоромъ нанести страхъ на своихъ противниковъ. Сенъ-Жюстъ начинаетъ: «Я не принадлежу ни къ какой партіи,— говоритъ онъ,— и потому буду бороться со всѣми. Такое положеніе дѣлъ, что эта трибуна обратится, можетъ быть, въ тарпейскую скалу для всякаго, кто обвинитъ членовъ правительства въ уклоненіи съ пути благоразумія и мудрости!» Тотчасъ же Талльенъ прерываетъ его и восклицаетъ: «Ни одинъ хорошій гражданинъ не въ состояніи удержать слезъ при видѣ бѣдственной судьбы общественнаго дѣла. Вездѣ царствуетъ раздоръ. Вчера одинъ изъ членовъ правительства отдѣлился отъ него, чтобы сдѣлаться его обвинителемъ. Сегодня другой слѣдуетъ этому примѣру. Хотятъ возобновить взаимныя нападенія, увеличить бѣдствія отечества и низвергнуть его въ бездну. Я требую, чтобы завѣса была сорвана!» — «Это необходимо! это необходимо!» — кричатъ со всѣхъ сторонъ.

Билло-Вареннъ требуетъ слова, не сходя со своего мѣста. «Вчера,— говоритъ онъ,— общество якобинцевъ наполнено было подосланными людьми, потому что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ членскаго билета; вчера въ этомъ обществѣ провозглашали намѣреніе уничтожить Національный Конвентъ; вчера я видѣлъ тамъ людей, произносившихъ самыя ужасныя ругательства противъ тѣхъ, которые никогда не измѣняли революціи. Я вижу на горѣ одного изъ этихъ людей, угрожавшихъ представителямъ народа; вотъ онъ...» — «Арестовать его! арестовать его!» — восклицаютъ депутаты. Его тотчасъ же схватываютъ и отводятъ въ комитетъ общественной безопасности. «Настало время высказать истину,— продолжаетъ Билло.— Собраніе ошиблось бы въ сужденіи своемъ о событіяхъ и положеніи дѣлъ, если бы оно стало скрывать отъ себя, что оно находится между двумя огнями. Оно погибнетъ, если окажется слабымъ».— «*Нѣтъ, нѣтъ, оно не погибнетъ!*» — отвѣчаютъ всѣ члены, вставая. Они клянутся спасти республику; народъ въ галлереяхъ рукоплещетъ и кричитъ: «Да здравствуетъ Національный Конвентъ!» Одинъ изъ друзей Робеспьера, Леба, требуетъ слова, чтобы защитить тріумвировъ; онъ получаетъ отказъ, и Билло продолжаетъ. Онъ предупреждаетъ Конвентъ о грозящей ему опасности, нападаетъ на Робеспьера, называетъ соучастниковъ его, разоблачаетъ его образъ

дѣйствій и планѣ диктатуры. Тогда всѣ взоры устремляются на Робеспьера. Онъ выдерживаетъ ихъ съ твердостью; наконецъ, не будучи болѣе въ состояніи владѣть собою, онъ бросается на трибуну. Тотчасъ же раздается крикъ: Долой тирана! и ему не даютъ говорить.

«Я только что просилъ сорвать завѣсу,—говоритъ Тальенъ,— и съ удовольствіемъ вижу, что это уже исполнено; маска сорвана съ заговорщиковъ, они скоро будутъ уничтожены, и свобода восторжествуетъ. Я присутствовалъ вчера въ засѣданіи клуба якобинцевъ— и трепеталъ за отечество! Я видѣлъ, какъ составлялась армія новаго Кромвеля, и вооружился кинжаломъ, чтобы пронзить ему сердце, въ случаѣ, еслибы Національный Конвентъ не имѣлъ силы издать указъ объ обвиненіи!» При этихъ словахъ Тальенъ обнажаетъ кинжалъ, потрясаетъ имъ передъ глазами негодующаго Конвента, требуетъ прежде всего ареста Анріо и непрерывности засѣданія собранія и добивается какъ того, такъ и другого, среди криковъ: Да здравствуетъ республика! По предложенію Бильо, издается указъ объ арестѣ самыхъ смѣлыхъ соучастниковъ Робеспьера—Дюма, Буланже и Дюфреза. Барреръ приглашаетъ городскіе кварталы вооружиться на защиту Конвента и составляетъ прокламацію къ народу. Каждый предлагаетъ какую-нибудь мѣру предосторожности. Вадье отвлекаетъ на минуту вниманіе собранія отъ грозящихъ ему опасностей, чтобы обратить его снова на дѣло Катерины Тео. «Не станемъ отклоняться отъ нашей главной задачи»,—говоритъ Тальенъ.—«Я сумѣю возвратить собраніе къ настоящему вопросу», — восклицаетъ Робеспьеръ. — «Займемся тираномъ», — продолжалъ Тальенъ и снова нападаетъ на Робеспьера съ еще большею силой.

Робеспьеръ, нѣсколько разъ пытавшійся говорить, всходилъ и спускался по лѣстницѣ къ трибунѣ, но каждый разъ голосъ его былъ заглушаемъ криками: долой тирана! и звонкомъ, безпрерывно приводимымъ въ движеніе президентомъ Тюріо. Наконецъ, выбравъ минуту молчанія, Робеспьеръ дѣлаетъ послѣднюю попытку. «Въ послѣдній разъ спрашиваю тебя,— восклицаетъ онъ,— позволишь ли ты мнѣ говорить, президентъ убійцъ?» Но Тюріо продолжаетъ звонить. Робеспьеръ умоляетъ взоромъ народныя трибуны,— онѣ остаются неподвижными; тогда онъ обращается къ правой сторонѣ. «Чистые, добродѣтельные люди,—говоритъ онъ,—я прибѣгаю къ вамъ; позвольте мнѣ говорить,—убійцы отказываютъ мнѣ въ этомъ». Ему не даютъ отвѣта; въ собраніи господствуетъ глубокое молчаніе. Тогда Робеспьеръ теряетъ присутствіе духа, возвращается на свое мѣсто и падаетъ на стулъ, обезсилѣвъ отъ усталости и гнѣва. На губахъ его появляется пѣна; голосъ становится глухимъ. «Несчастный,— воскликнулъ одинъ изъ монтаньяровъ,—тебя душитъ кровь Дантона!» Требуютъ его ареста; это требованіе встрѣчаетъ поддержку отовсюду. Тогда Робеспьеръ младшій поднимается со

своего мѣста. «Я такъ же виновенъ, какъ и мой братъ,—говоритъ онъ.—Я раздѣлялъ его добродѣтели и хочу раздѣлить его участь».—«Я не хочу принимать на себя безчестіе этого указа,—прибавляетъ Леба,—и прошу арестовать меня». Собраніе единодушно рѣшаетъ арестовать обоихъ Робеспьеровъ, Кутона, Леба и Сенъ-Жюста. Этотъ послѣдній долго оставался на трибунѣ, нисколько не мѣняясь въ лицѣ, и спокойно сошелъ къ своему мѣсту; онъ выдержалъ эту продолжительную бурю безъ всякаго смущенія. Тріумвиры были отданы въ руки жандармовъ, которые и увели ихъ при радостныхъ восклицаніяхъ Конвента. Робеспьеръ сказалъ, уходя: «Республика погибла; разбойники торжествуютъ!» Было половина шестого; засѣданіе было пріостановлено до семи часовъ.

Во время этой шумной борьбы сообщники тріумвировъ собрались въ думѣ и клубѣ якобинцевъ. Мэръ Флеріо, національный агентъ Пейанъ, командующій войсками Ганріо уже съ двѣнадцати часовъ были въ ратушѣ. Они созвали муниципальныхъ чиновниковъ, надѣясь, что Робеспьеръ останется побѣдителемъ въ собраніи, и что они не будутъ имѣть надобности ни въ общемъ городскомъ совѣтѣ для постановленія о возстаніи, ни въ городскихъ кварталахъ для поддержанія его. Черезъ нѣсколько часовъ одинъ изъ служителей Конвента принесъ мэру приказаніе явиться въ Конвентъ, чтобы отдать отчетъ о состояніи Парижа. «Поди, скажи твоимъ злодѣямъ, — отвѣчалъ ему Ганріо, — что мы разсуждаемъ здѣсь о томъ, какъ искоренить ихъ. Не забудь сказать Робеспьеру, чтобы онъ былъ твердъ и никого не боялся!» Какъ только въ ратушѣ узнали объ арестѣ тріумвировъ и объ указѣ противъ ихъ сообщниковъ, тотчасъ же ударили въ набатъ, заперли городскія заставы, собрали общій городской совѣтъ и созвали собранія кварталовъ. Канониры получили приказаніе отправиться со своими орудіями къ думѣ, а революціонные комитеты—принести такъ же присягу участвовать въ возстаніи. Изъ думы было отправлено посланіе въ клубъ якобинцевъ, который объявилъ свои засѣданія непрерывными. Депутаты городской думы были приняты тамъ съ бѣшенымъ восторгомъ. «Общество печется объ отечествѣ, — таковъ былъ отвѣтъ, имъ данный. — Оно поклялось скорѣе умереть, нежели жить подъ властью преступленія». Депутація думы вступила въ соглашеніе съ клубомъ якобинцевъ; между этими двумя центрами возстанія были установлены быстрыя сообщенія. Со своей стороны Ганріо, чтобы взбунтовать народъ, бѣгалъ по улицамъ во главѣ своего штаба съ пистолетомъ въ рукахъ, крича: къ оружію! поднимая толпу и побуждая всѣхъ встрѣчныхъ отправиться въ думу для спасенія отечества. Въ это время онъ былъ замѣченъ двумя членами Конвента на улицѣ Сентъ-Оноре. Они потребовали именемъ закона отъ встрѣтившихся имъ жандармовъ, чтобы они привели въ исполненіе указъ объ арестѣ Ганріо; жандармы повиновались, и Ганріо, связанный, былъ отведенъ въ комитетъ общественной безопасности.

Впрочемъ, ни съ той, ни съ другой стороны дѣло не могло еще быть названо рѣшеннымъ. Каждая партія пользовалась своимъ способомъ дѣйствій: Конвентъ—указами, дума—возстаніемъ; каждой партіи было извѣстно, какія будутъ послѣдствія пораженія, что и заставило ихъ быть крайне дѣятельными и рѣшительными. Успѣхъ долго оставался нерѣшеннымъ: съ двѣнадцати часовъ до половины шестого Конвентъ имѣлъ верхъ: онъ арестовалъ тріумвировъ, а черезъ нѣсколько времени былъ задержанъ и Ганріо. Конвентъ въ это время былъ собранъ, а дума еще не сосредоточила всѣхъ своихъ силъ; но съ шести часовъ до восьми перевѣсъ былъ на сторонѣ инсургентовъ, и дѣло Конвента едва не было проиграно. Въ этотъ промежутокъ времени засѣданіе Конвента было прервано, а дума удвоила усилія и смѣлость.

Робеспьеръ былъ заключенъ въ Люксамбургской тюрьмѣ, его братъ—въ Сенъ-Лазарской, Сенъ-Жюстъ—въ Шотландской, Кутонъ—въ Бурбъ, Леба—въ Консьержери. Дума, запретивъ сначала тюремщикамъ принять ихъ, послала потомъ муниципальныхъ чиновниковъ съ военными отрядами, чтобы освободить ихъ. Робеспьеръ первый былъ освобожденъ; его съ тріумфомъ повели въ ратушу. Прибывъ туда, онъ былъ встрѣченъ съ величайшимъ восторгомъ и среди криковъ: *Да здравствуетъ Робеспьеръ! да погибнутъ измѣнники!* Незадолго передъ тѣмъ Коффиналь, во главѣ двухсотъ канонеровъ, отправился силою отбить Ганріо, задержаннаго въ комитетѣ общественной безопасности. Было уже семь часовъ, и Конвентъ только что открылъ вновь свое засѣданіе. Его стражу составляли не болѣе ста человѣкъ. Коффиналь является, проникаетъ во дворъ тюльерійскаго замка, врывается въ помѣщеніе комитетовъ и освобождаетъ Ганріо. Послѣдній отправляется на Каруссельскую площадь, говоритъ рѣчь къ канонерамъ и заставляетъ ихъ направить орудія противъ Конвента.

Собраніе разсуждало въ это время о грозившихъ ему опасностяхъ. Оно только что узнало о страшныхъ успѣхахъ заговорщиковъ, о мятежныхъ распоряженіяхъ думы, объ освобожденіи тріумвировъ, о присутствіи ихъ въ ратушѣ, о неистовствахъ якобинцевъ, о созваніи революціонныхъ комитетовъ и окружныхъ собраній. Оно страшилось приступа, какъ вдругъ члены комитетовъ вбѣжали внѣ себя въ залу засѣданій, спасаясь отъ преслѣдованій Коффиналя. Конвентъ узналъ, что комитеты были окружены войскомъ, а Ганріо освобожденъ. При этомъ извѣстіи произошло сильное волненіе. Минуту спустя, вошелъ поспѣшно Амаръ и объявилъ, что канонеры, увлеченные Ганріо, направили свои орудія противъ Конвента. «Граждане,—сказалъ президентъ, надѣвая шляпу въ знакъ опасности,—настала минута для насъ умереть на своихъ мѣстахъ!»—«Да! да! мы умремъ здѣсь!»—повторили всѣ члены. Зрители, наполнявшіе галлереи, удалились, крича: *Къ оружію! пойдемъ отразить злодѣевъ!* и собраніе мужественно по-

ставило Гаиріо внѣ покровительства законовъ. Къ счастію для Конвента, Гаиріо не могъ убѣдить канонеровъ стрѣлять. Его вліяніе ограничилось тѣмъ, чтобы увлечь ихъ за собою, и онъ направился къ ратушѣ. Отказъ канонеровъ рѣшилъ участь этого дня. Съ этой минуты предпріятіе думы, которое было уже близко къ успѣху, начинаетъ клониться къ упадку. Не успѣвъ въ своемъ нападеніи открытою силою, дума принуждена была прибѣгнуть къ болѣе медленной системѣ возстанія; самая цѣль нападеній перемѣнилась, и вскорѣ уже не дума осаждала Тюльери, а Конвентъ началъ наступательныя дѣйствія противъ ратуши. Собраніе тотчасъ же лишило покровительства законовъ и депутатовъ-заговорщиковъ, и возмутившуюся думу. Оно послало комиссаровъ въ собранія кварталовъ, чтобы въ нихъ найти себѣ поддержку; назначило депутата Барраса главнокомандующимъ вооруженной силой, приставило къ нему въ помощники Фрерона, Ровера, Феро, обоихъ Бурдоновъ, Лежандра, все людей рѣшительныхъ, и сдѣлало комитеты центромъ военныхъ дѣйствій.

Жители кварталовъ, по приглашенію думы, собрались въ девяти часамъ; граждане, явившіеся въ собранія, большею частью были безпокойны, нерѣшительны и смутно знали о распряхъ Конвента и думы. Эмиссары инсургентовъ убѣждали собранія присоединиться къ думѣ и отправить свои батальоны къ ратушѣ. Собранія ограничивались посылкою туда депутацій; но какъ только комиссары Конвента появились въ ихъ средѣ, сообщили имъ указы и прокламаціи Конвента и увѣдомили ихъ, что есть уже главнокомандующій и мѣсто соединенія,—колебанія немедленно прекратились. Батальоны кварталовъ, одинъ за другимъ, являлись въ собраніе, клялись защищать его и проходили по залѣ среди восторженныхъ криковъ и искреннихъ рукоплесканій. «Минуты дороги,—сказалъ тогда Фреронъ:—надобно дѣйствовать. Баррасъ отправился за приказаніями въ комитеты; мы двинемся противъ бунтовщиковъ. Мы потребуемъ отъ нихъ именемъ Конвента выдачи измѣнниковъ, а если они откажутся, мы превратимъ въ пепелъ зданіе думы».—«Отправляйтесь тотчасъ же,—отвѣчалъ президентъ:—пускай головы заговорщиковъ падутъ еще прежде, чѣмъ настанетъ утро». Нѣсколько батальоновъ и пушекъ были поставлены вокругъ собранія, чтобы защитить его отъ нападеній; затѣмъ войска Конвента двумя колоннами направились къ думѣ. Было около двѣнадцати часовъ ночи.

Заговорщики еще не расходились. Робеспьеръ, принятый съ восторженными криками и обѣщаніями преданности и побѣды, занялъ мѣсто въ общемъ совѣтѣ между Пейаномъ и Флеріо. Гревская площадь была полна народомъ, штыками, пиками и пушками. Ждали только прибытія кварталовъ, чтобы начать наступательныя дѣйствія. Присутствіе ихъ депутатовъ, посылка къ нимъ депутатовъ отъ думы позволяли разсчитывать на ихъ содѣйствіе; Ганріо отвѣ-

чалъ за все. Заговорщики были увѣрены въ побѣдѣ: они уже назначили исполнительную коммиссію, приготовляли адресы къ войскамъ и составляли списки разнаго рода. Между тѣмъ наступилъ первый часъ ночи, а ополченія кварталовъ не являлись на площади: изъ думы не было дано ни одного приказанія; засѣданіе триумвировъ все еще продолжалось; сборища на Гревской площади начали колебаться вслѣдствіе такой медленности и нерѣшительности. Распространяли потомъ слухъ, что кварталы высказались въ пользу Конвента, что дума лишена покровительства законовъ, и что войска Конвента уже приближаются. Расположеніе этой вооруженной массы уже было достаточно охлаждено, когда нѣсколько эмиссаровъ изъ авангарда подкрались къ ней съ крикомъ: Да здравствуетъ Конвентъ! Нѣсколько голосовъ повторили его. Тогда была прочтена прокламація, лишавшая думу покровительства законовъ. Выслушавъ ее, сборище разсѣялось. Гревская площадь опустѣла. Черезъ нѣсколько минутъ Ганріо съ саблею въ рукахъ сошелъ на площадь, чтобы поддержать мужество [illegible], и, не найдя никого, воскликнулъ: «Какъ, возможно ли это? Эти злодѣи-канонеры, спасшіе мнѣ жизнь пять часовъ тому назадъ, покидаютъ меня въ настоящую минуту!» Онъ возвращается наверхъ; въ это время колонны Конвента приближаются, окружаютъ ратушу, молча занимаютъ всѣ выходы, и тогда раздается крикъ: Да здравствуетъ Національный Конвентъ!

Заговорщики, видя неминуемую гибель, стараются избѣжать непріятельскихъ ударовъ. Жандармъ, по имени Меда, первый проникаетъ въ ту залу, гдѣ они собраны, стрѣляетъ изъ пистолета въ Робеспьера и раздробляетъ ему челюсть; Леба самъ наноситъ себѣ смертельный ударъ; молодой Робеспьеръ бросается изъ окна третьяго этажа, но остается живъ; Кутонъ прячется подъ столъ; Сенъ-Жюстъ ожидаетъ своей участи; Коффиналь обвиняетъ Ганріо въ трусости, бросаетъ его изъ окошка въ помойную яму и убѣгаетъ. Между тѣмъ члены Конвента проникаютъ въ ратушу, проходятъ по опустѣлымъ заламъ, схватываютъ заговорщиковъ и отправляютъ ихъ въ окрестности Конвента. Бурдонъ входитъ въ залу съ крикомъ: «Побѣда! Побѣда! Измѣнники болѣе не существуютъ!» — «Гнусный Робеспьеръ здѣсь,—восклицаетъ президентъ.—Его несутъ на носилкахъ; вы не хотите, конечно, его видѣть?» — «Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчаютъ всѣ:—его мѣсто на площади революціи» (тамъ помѣщалась гильотина). Робеспьеръ лежалъ нѣсколько времени въ комитетѣ общественной безопасности, а оттуда былъ перенесенъ въ Консьержери. Тамъ, лежа на столѣ съ обезображеннымъ и окровавленнымъ лицомъ, преданный любопытству, ругательствамъ, проклятіямъ, онъ видѣлъ, какъ всѣ различныя партіи радовались его паденію и взводили на него обвиненіе во всѣхъ совершенныхъ преступленіяхъ. Во время своей агоніи онъ выказывалъ мало чувствительности. Онъ былъ отправленъ въ Консьержери и затѣмъ

предсталъ передъ революціоннымъ трибуналомъ, который, удостовѣрившись въ самоличности его и его сообщниковъ, послалъ ихъ на эшафотъ. 10-го термидора, въ пятомъ часу вечера, онъ сѣлъ на телѣжку смерти и занялъ мѣсто между Анріо и Кутономъ, такъ же обезображенными, какъ и онъ самъ. Его голова была обвернута окровавленною тряпкою, его лицо было мертвенно, глаза почти совершенно угасли. Огромная толпа тѣснилась около телѣги, выражая самую шумную радость. Зрители поздравляли другъ друга, обнимались, осыпали Робеспьера ругательствами и приближались къ нему, чтобы лучше его разглядѣть. Жандармы указывали на него концомъ сабли. Что касается его, то онъ, казалось, сожалѣлъ о толпѣ; Сенъ-Жюстъ обводилъ ее спокойнымъ взглядомъ; другіе, въ числѣ двадцати двухъ, совершенно упали духомъ. Робеспьеръ взошелъ на эшафотъ послѣднимъ; въ ту минуту, какъ пала его голова, послышались рукоплесканія и продолжались нѣсколько минутъ.

Съ Робеспьеромъ окончилось царство террора, хотя въ своей партіи онъ и не былъ главнымъ ревнителемъ этой системы. Если онъ и искалъ господства, то, добившись его, нуждался въ умѣренности, и терроръ, прекратившійся съ его паденіемъ, окончился бы точно такъ же и въ случаѣ торжества его. Его гибель казалась неизбѣжною: онъ не располагалъ никакою организованною силой: его приверженцы, хотя и многочисленные, не составляли войска; на его сторонѣ была только значительная сила общественнаго мнѣнія и ужаса; не успѣвъ поразить своихъ враговъ насиліемъ, по примѣру Кромвеля, онъ старался запугать ихъ. Потерпѣвъ неудачу и въ этомъ, онъ прибѣгъ къ возстанію. Но подобно тому, какъ поддержка комитета внушила мужество Конвенту, такъ и городскіе кварталы, разсчитывая на храбрость Конвента, объявили себя противъ инсургентовъ. Нападая на правительство, Робеспьеръ вооружилъ противъ себя собраніе; вооружая собраніе, онъ ожесточалъ противъ себя народъ, и этотъ союзъ долженъ былъ погубить его. 9-го термидора Конвентъ не былъ уже, какъ 31-го мая, раздѣленнымъ, нерѣшительнымъ передъ лицомъ единодушной, многочисленной и смѣлой партіи. Всѣ партіи были соединены пораженіемъ, несчастіемъ, всегда грозившею казнью и въ случаѣ борьбы должны были дѣйствовать заодно. Предупреждать пораженіе свое было, слѣдовательно, не въ силахъ Робеспьера. Разногласіе его съ комитетами также было неотвратимо. На той степени, до которой достигъ Робеспьеръ, человѣкъ не терпитъ соперниковъ; страсти пожираютъ его; надежды и счастье, до тѣхъ поръ благопріятствовавшія ему, вводятъ его въ заблужденіе; съ провозглашеніемъ войны, миръ, спокойствіе, раздѣленіе власти становятся невозможными, подобно тому, какъ невозможны справедливость и милосердіе въ виду эшафотовъ. Тогда неизбѣжно паденіе, совершающееся тѣмъ же путемъ, которымъ произошло возвышеніе; завоевателя губитъ война,—человѣкъ партіи и крови погибаетъ на эшафотѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Съ 9-го термидора до I преріаля III года республики (20-го мая 1795 г.), времени возстанія и пораженія демократической партіи.

Конвентъ послѣ паденія Робеспьера.—Партія комитетовъ; партія термидорская; составъ ихъ и цѣль.—Упадокъ партіи комитетовъ.—Обвиненіе Лебона и Карье. Состояніе Парижа; якобинцы и предмѣстья принимаютъ сторону старыхъ комитетовъ; золотая молодежь и кварталы—сторону революціонеровъ 9-го термидора.—Обвиненіе Бильо-Вареня, Колло д'Эрбуа, Барера и Вадье.—Движеніе 12-го жерминаля.—Ссылка обвиненныхъ и нѣсколькихъ монтаньяровъ, державшихъ сторону ихъ.—Возстаніе 1-го преріаля.—Пораженіе демократической партіи; обезоруженіе предмѣстій; низшій классъ исключенъ изъ участія въ правленіи, лишенъ конституціи 93 г. и теряетъ свою матеріальную силу.

9-е термидора было первымъ днемъ революціи, когда побѣда осталась не на сторонѣ нападающихъ. Уже по этому одному можно видѣть, что восходящее революціонное движеніе достигло своего предѣла. Обратное движеніе должно было начаться съ этого дня. Всеобщее возстаніе всѣхъ партій противъ одного человѣка должно было положить конецъ гнету, тяготѣвшему надъ ними. Комитеты въ лицѣ Робеспьера побѣдили самихъ себя, и децемвирное правленіе потеряло обаяніе террора, составлявшее всю его силу. Комитеты освободили Конвентъ, который мало-по-малу освободилъ цѣлую республику. Однако, комитеты полагали, что трудились только для самихъ себя и для продолженія революціоннаго правленія, между тѣмъ какъ большая часть союзниковъ ихъ имѣла цѣлью конецъ диктатуры, независимость собранія и учрежденіе законнаго порядка. На другой же день послѣ 9-го термидора между побѣдителями образовались двѣ противоположныя партіи—партія комитетовъ и партія монтаньяровъ, получившая названіе термидорской партіи.

Партія комитетовъ потеряла половину своихъ силъ; она лишилась своего предводителя и не могла уже опираться на думу,

восставшіе члены которой, въ числѣ семидесяти двухъ, были посланы на эшафотъ, и которая, послѣ двойного пораженія своего, при Гебертѣ и при Робеспьерѣ, не была организована вновь и не имѣла большого вліянія. Управленіе дѣлами осталось тѣмъ не менѣе въ рукахъ комитетовъ. Всѣ приверженцы комитетовъ были защитниками революціонной системы: одни—напримѣръ, Бильо-Вареннъ, Колло д'Эрбуа, Барреръ, Вадье, Амаръ—видѣли только въ ней свое спасеніе, другіе—напримѣръ, Карно, Камбонъ, оба Пріёра—боялись контръ-революціи и наказанія товарищей своихъ. Въ Конвентѣ партія комитетовъ имѣла на своей сторонѣ депутатовъ, бывшихъ во время террора комиссарами въ департаментахъ, многихъ монтаньяровъ, отличившихся 9-го термидора, и остатки партіи Робеспьера. Внѣ Конвента ее поддерживали якобинцы; наконецъ она все еще могла найти опору въ низшемъ классѣ и предмѣстьяхъ.

Къ термидорской партіи принадлежало большинство членовъ Конвента. Весь центръ собранія и все, что только осталось отъ правой стороны, присоединились къ монтаньярамъ, отказавшимся отъ прежнихъ крайностей своихъ. Союзъ умѣренныхъ—Буасси д'Англа, Сіейса, Камбасереса, Шенье, Тибодо—съ дантонистами—Тальеномъ, Фрерономъ, Лежандромъ, Баррасомъ, Бурдономъ (уазскимъ), Роверомъ, Бентаболемъ, Дюмономъ, обоими Мерленами—далъ собранію новый характеръ. Послѣ 9-го термидора союзники начали съ того, что утвердили свое господство въ Конвентѣ; вскорѣ они проникли и въ правительство и вытѣснили прежнихъ его членовъ. Тогда, поддерживаемые общественнымъ мнѣніемъ, собраніемъ, комитетами, они уже открыто направились къ своей цѣли; они подвергли преслѣдованію главныхъ децемвировъ и нѣкоторыхъ изъ числа ихъ агентовъ. Такъ какъ эти послѣдніе имѣли многихъ приверженцевъ въ Парижѣ, термидорская партія искала поддержки въ молодежи противъ якобинцевъ, въ кварталахъ—противъ предмѣстій. Въ то же самое время она призвала въ Конвентъ, чтобы увеличить свою силу, всѣхъ депутатовъ, изгнанныхъ комитетомъ общественнаго спасенія,—сначала семьдесятъ трехъ, протестовавшихъ противъ 31-го мая, а потомъ и жирондистовъ, переживших свое осужденіе. Между якобинцами произошло волненіе,—якобинскій клубъ былъ закрытъ; предмѣстья произвели возстаніе,—они были обезоружены. Ниспровергнувъ революціонное правительство, термидорская партія задумала основать другое и установить конституціею III года порядокъ вещей, практически удобоисполнимый, либеральный, правильный и прочный, взамѣнъ чрезвычайнаго и переходнаго состоянія, въ которомъ находился Конвентъ съ самаго начала своей дѣятельности. Но все это совершилось мало-по-малу.

Послѣ побѣды надъ общимъ врагомъ обѣ партіи не замедлили помѣряться силами другъ съ другомъ. Революціонный трибу-

валъ возбуждалъ особенно глубокое отвращеніе. 11-го термидора дѣйствія его были пріостановлены; но Бильо-Варенъ въ то же засѣданіе настоялъ на отмѣнѣ этого распоряженія. Онъ утверждалъ, что виновными были только соучастники Робеспьера и что большая часть судей и присяжныхъ, какъ люди безукоризненные, должны быть оставлены при должностяхъ своихъ. Барреръ представилъ проектъ указа въ этомъ смыслѣ: онъ объяснилъ, что тріумвиры ничего не сдѣлали для революціоннаго правительства; что часто даже они противились его мѣрамъ; что ихъ единственною заботой было наполнить его своими креатурами и дать ему направленіе, благопріятное для ихъ плановъ; онъ настаивалъ на усиленіи революціоннаго правительства, сохраненіи закона противъ подозрѣваемыхъ и революціоннаго трибунала въ прежнемъ его составѣ, не исключая самого Фукье-Тенвилля. При этомъ имени въ собраніи послышался всеобщій ропотъ. Фреронъ, принимая на себя выраженіе всеобщаго негодованія, воскликнулъ: «Я требую, чтобы очистили наконецъ землю отъ этого чудовища. Пускай Фукье отправляется въ адъ упиваться пролитою имъ кровью». Этимъ словамъ аплодировали, и былъ изданъ указъ объ обвиненіи Фукье. Однако, Барреръ не считалъ себя побѣжденнымъ; онъ сохранялъ въ отношеніи къ Конвенту тотъ же повелительный языкъ, который всегда удавался прежнему комитету. Со стороны Баррера это было и привычкой, и разсчетомъ: онъ хорошо зналъ, какъ легко можетъ быть продолжаемо все то, что имѣло уже успѣхъ однажды.

Но политическая измѣнчивость Баррера, который былъ дворянскаго происхожденія и до 10-го августа принадлежалъ къ партіи роялистовъ-фельяновъ, не давала ему права говорить такимъ непреклоннымъ и повелительнымъ тономъ. «На какомъ основаніи, — воскликнулъ Мерленъ (тіонвилльскій), — этотъ президентъ фельяновъ позволяетъ себѣ предписывать намъ законы?» Въ залѣ раздались рукоплесканія. Барреръ смѣшался, сошелъ съ трибуны — и эта первая неудача комитетовъ ознаменовала ихъ упадокъ въ Конвентѣ. Революціонный трибуналъ продолжалъ существовать, но онъ имѣлъ уже другихъ членовъ и былъ иначе организованъ. Законъ 22-го преріаля былъ уничтоженъ; въ судопроизводство введено было столько же медлительности, покровительственныхъ формъ и умѣренности, сколько было въ немъ прежде поспѣшности и безчеловѣчности. Революціонный трибуналъ не служилъ уже больше орудіемъ противъ подозрѣваемыхъ, арестованныхъ во время террора: они содержались еще нѣкоторое время подъ стражей, но мало-по-малу были выпускаемы на свободу, согласно съ системой, которую Камиллъ Демуленъ предлагалъ принять въ руководство для **комитета милосердія**.

13-го термидора Конвентъ занялся организаціей правительства. Въ комитетѣ общественнаго спасенія недоставало многихъ членовъ. Геро-де-Сешель не былъ замѣненъ вовсе; Жанъ-Бонъ-Сентъ-Андре

и Пріёръ (марнскій) были въ отсутствіи по порученію Конвента: Робеспьеръ, Кутонъ, Сенъ-Жюстъ только что погибли. На ихъ мѣсто были избраны Тальенъ, Бреаръ, Эшассеріо, Трейльяръ, Тюріо, Лалуа, которые, вступивъ въ комитетъ, ослабили вліяніе его прежнихъ членовъ. Въ то самое время было измѣнено устройство обоихъ комитетовъ; они были поставлены въ большую зависимость отъ собранія и сдѣланы болѣе независимыми одинъ отъ другого. На комитетъ общественнаго спасенія возложены были дѣла военныя и дипломатическія, а комитетъ общественной безопасности получилъ въ свое распоряженіе высшую полицію. Ограничивая революціонную власть, Конвентъ хотѣлъ успокоить горячку, изъ которой эта власть заимствовала свою силу, и удалить народъ мало-по-малу отъ участія въ дѣлахъ правленія. Въ этихъ видахъ ежедневныя собранія кварталовъ были замѣнены однимъ собраніемъ въ декаду, а также уничтожена ежедневная плата въ сорокъ су неимущимъ гражданамъ за присутствованіе на этихъ собраніяхъ. Когда эти первыя мѣры были предприняты и исполнены, Лекуантръ (изъ Версаля), 11-го фрюктидора,—мѣсяцъ спустя послѣ паденія Робеспьера,—сдѣлалъ доносъ на Бильо, Колло, Баррера, членовъ комитета общественнаго спасенія, и на Вадье, Амара и Вулана, членовъ комитета общественной безопасности. Наканунѣ Тальенъ сильно порицалъ систему террора; эффектъ, произведенный его словами, ободрилъ Лекуантра. Онъ представилъ двадцать три обвинительные пункта противъ шести лицъ, поименованныхъ выше, приписалъ имъ всѣ мѣры жестокости и тираніи, которыя они взводили на тріумвировъ, и назвалъ ихъ продолжателями Робеспьера. Этотъ доносъ произвелъ волненіе въ собраніи и возбудилъ сопротивленіе со стороны всѣхъ тѣхъ, кто поддерживалъ комитеты или не хотѣлъ болѣе раздоровъ въ республикѣ. «Еслибы преступленія, въ которыхъ обвиняетъ насъ Лекуантръ,—сказалъ Бильо-Вареннъ,—были доказаны, и еслибы они были столь же дѣйствительны, какъ они воображаемы и нелѣпы, то тогда, конечно, каждый изъ насъ долженъ былъ бы сложить голову на эшафотѣ. Но пускай Лекуантръ документами и свидѣтельствами, заслуживающими довѣрія, докажетъ тѣ факты, въ которыхъ онъ насъ обвиняетъ». Затѣмъ Бильо-Вареннъ представилъ возраженія противъ всѣхъ обвинительныхъ пунктовъ Лекуантра; онъ назвалъ своихъ враговъ людьми безнравственными, интриганами, желающими принести его въ жертву памяти Дантона, *этого гнуснаго заговорщика, надежды всѣхъ отцеубійственныхъ партій*. «Чего хотятъ они,—продолжалъ онъ,—эти люди, называющіе насъ продолжателями Робеспьера? Граждане, знаете ли вы, чего они хотятъ? Умертвить свободу на могилѣ тирана». Доносъ Лекуантра былъ сдѣланъ преждевременно; почти весь Конвентъ призналъ его клеветою. Обвиненные и ихъ друзья шумно выражали ничѣмъ несдержанное и еще всемогущее негодованіе, потому что они подвергались

нападенію въ первый разъ: обвинитель былъ смущенъ и слабо поддержанъ; на этотъ разъ Бильо-Вареннъ и его приверженцы легко одержали побѣду. Черезъ нѣсколько дней насталъ срокъ возобновленія одной трети членовъ комитетовъ. Изъ комитета общественнаго спасенія выбыли по жребію Барреръ, Карно, Робертъ Линде, изъ комитета общественной безопасности—Вадье, Вуланъ и Моизъ Бель. Мѣсто ихъ заступили люди термидорской партіи. Колло д'Эрбуа и Бильо-Вареннъ, видя себя слишкомъ слабыми, подали въ отставку. Другое обстоятельство еще болѣе содѣйствовало паденію ихъ партіи, сильно возстановивъ противъ нея общественное мнѣніе,—это гласность, которой были преданы преступленія Жозефа Лебона и Каррье, двухъ проконсуловъ комитета. Они были посланы—одинъ въ Аррасъ и Камбре, къ границѣ, которой угрожалъ непріятель, другой въ Нантъ, крайній пунктъ военныхъ дѣйствій въ Вандеѣ; они ознаменовали свое пребываніе тамъ жестокостью характера и причудами тираніи, обыкновенно, впрочемъ, свойственными тѣмъ, кто облеченъ всемогущею властью. Лебонъ, человѣкъ молодой, слабаго темперамента, былъ кротокъ отъ природы. При исполненіи перваго порученія, даннаго ему Конвентомъ, онъ былъ снисходителенъ, но получилъ за это упреки отъ комитета и былъ посланъ въ Аррасъ съ приказаніемъ выказать тамъ дѣятельность нѣсколько болѣе революціонную. Чтобы не отстать отъ неумолимой политики комитетовъ, онъ предался неслыханнымъ излишествамъ; жестокость его была смѣшана съ развратомъ; передъ нимъ всегда находилась гильотина, которую онъ называлъ святою, а въ обществѣ его—палачъ, котораго онъ допускалъ къ своему столу. Каррье, имѣя передъ собою еще большее число жертвъ, превзошелъ самого Лебона: онъ былъ желчный фанатикъ, кровожадный по самымъ наклонностямъ своимъ. Ему нуженъ былъ только случай, чтобы совершить такія дѣла, о которыхъ не осмѣлилось бы мечтать даже воображеніе Марата. Посланный на окраину взбунтовавшейся страны, онъ осуждалъ на смерть все враждебное народонаселеніе—священниковъ, женщинъ, дѣтей, стариковъ, молодыхъ дѣвушекъ. Эшафотъ не поспѣвалъ слѣдовать за нимъ; онъ замѣнилъ революціонный трибуналъ обществомъ Марата, а гильотину—лодками съ открывающимся дномъ, посредствомъ которыхъ онъ топилъ свои жертвы. Послѣ 9-го термидора раздалось противъ этихъ злодѣйствъ требованіе суда и мести. Лебонъ первый подвергся нападенію, потому что онъ былъ преимущественно агентомъ Робеспьера; позже добрались и до Каррье, который служилъ агентомъ комитета общественнаго спасенія, и чудовищную жестокость котораго не одобрялъ даже самъ Робеспьеръ.

Въ парижскихъ тюрьмахъ содержалось девяносто четыре жителя Нанта, искренно преданныхъ революціи и мужественно защищавшихъ свой городъ противъ нападенія вандейцевъ. Каррье отослалъ ихъ въ Парижъ, обвиняя ихъ въ федерализмѣ. До 9-го

термидора ихъ не посмѣли предать суду революціоннаго трибунала; теперь они были призваны туда для того, чтобы разсмотрѣніемъ ихъ дѣла раскрыть преступленія Каррье. Они были судимы съ большой и полезной торжественностью; ихъ процессъ продолжался около мѣсяца; общественное мнѣніе успѣло выразиться, и, когда они были оправданы, со всѣхъ сторонъ требовали правосудія противъ революціоннаго комитета въ Нантѣ и противъ проконсула Каррье. Лежандръ возобновилъ обвиненіе Лекуантра противъ Бильо, Баррера, Колло и Вадье. Карно, Пріёръ и Камбонъ, прежніе товарищи ихъ, великодушно приняли на себя ихъ защиту, прося позволенія раздѣлить ихъ участь. Обвиненіе Лежандра осталось безъ послѣдствій, и пока были преданы суду только члены революціоннаго комитета въ Нантѣ; но уже замѣтны стали успѣхи термидорской партіи. На этотъ разъ члены комитета должны были прибѣгнуть къ оправданію, и доносъ Лежандра былъ устраненъ простымъ переходомъ къ текущимъ дѣламъ, безъ объявленія его клеветою, какъ это было сдѣлано съ доносомъ Лекуантра.

Однако, революціонные демократы были еще очень сильны въ Парижѣ; если они и потеряли поддержку думы, революціоннаго трибунала, Конвента, комитетовъ, то у нихъ оставались еще якобинцы и предмѣстья. Клубъ якобинцевъ былъ главнымъ центромъ ихъ партіи, въ особенности, когда дѣло шло объ ея защитѣ. Каррье усердно посѣщалъ его и взывалъ къ нему о помощи; Бильо-Вареннъ и Колло д'Эрбуа тоже бывали тамъ, но такъ какъ опасность, угрожавшая имъ, была нѣсколько менѣе сильна, то они и выказывали болѣе осторожности. Ихъ упрекали въ молчаніи. «Левъ спитъ,— отвѣчалъ Бильо-Вареннъ,— но пробужденіе его будетъ ужасно». Клубъ якобинцевъ былъ очищенъ послѣ 10-го термидора и отъ имени возрожденныхъ обществъ принесъ поздравленіе Конвенту по поводу паденія Робеспьера и окончанія тираніи. Теперь, когда преслѣдовали его вождей и заключали подъ стражу въ департаментахъ множество якобинцевъ, депутація клуба и всѣхъ соединенныхъ съ нимъ обществъ явилась въ Конвентъ, чтобы «испустить предъ нимъ крикъ горести, раздающійся во всѣхъ частяхъ республики,— крикъ горести угнетенныхъ патріотовъ, брошенныхъ въ тюрьмы, откуда только что вышла аристократія».

Конвентъ не только не внялъ желанію якобинцевъ, но, чтобы разрушить ихъ вліяніе, запретилъ имъ подавать собирательныя прошенія, присоединять къ себѣ другія общества, вступать съ ними въ постоянную переписку,— и такимъ образомъ разстроилъ знаменитую конфедерацію клубовъ. Якобинцы, отвергнутые Конвентомъ, волновали Парижъ, гдѣ они все еще удерживали за собою господство. Тогда термидорская партія, въ свою очередь, обратилась къ народу, требуя поддержки кварталовъ. Въ то же самое время Фреронъ, въ своемъ журналѣ «Ораторъ Народа», призвалъ молодыхъ людей къ оружію и сталъ во главѣ ихъ. Эта новая неправильная

милиція получила названіе *золотой молодежи* Фрерона. Всѣ, составлявшіе ее, принадлежали къ богатому среднему классу; они приняли особую одежду, такъ называемую одежду жертвъ. Вмѣсто якобинской *карманьолы* они носили фракъ четырехугольной формы, безъ воротника, вырѣзные башмаки, волосы, висячіе по сторонамъ и подобранные сзади въ косички; они были вооружены короткими палками со свинцовою оконечностью въ формѣ обуха. Одна часть этой молодежи и жителей кварталовъ принадлежала къ роялистамъ; другая слѣдовала контръ-революціонному увлеченію настоящей минуты. Послѣдняя дѣйствовала безъ опредѣленной цѣли и честолюбивыхъ видовъ, принимая сторону сильнѣйшей партіи и поддерживая ее тѣмъ охотнѣе, что ея торжество обѣщало возстановленіе порядка, въ которомъ всѣ нуждались; первая, въ союзѣ съ термидорьянцами, боролась противъ прежнихъ комитетовъ, подобно тому, какъ термидорцы, нѣсколько раньше, вступили въ союзъ съ прежними комитетами противъ Робеспьера: она выжидала только случая, чтобы начать дѣйствовать въ свою собственную пользу, — что и случилось послѣ окончательнаго паденія революціонной партіи. Въ томъ насильственномъ положеніи, въ которомъ находились обѣ партіи, онѣ преслѣдовали другъ друга до крайности изъ опасенія или злобы и боролись на улицахъ при крикахъ: *да здравствуетъ Конвентъ!* или *да здравствуетъ гора!* Золотая молодежь побѣждала въ Пале-Роялѣ, гдѣ ее поддерживали торговцы, но якобинцы оказывались сильнѣе въ Тюильрійскомъ саду, сосѣднемъ съ ихъ клубомъ.

Эти ссоры усиливались ежедневно, и скоро Парижъ сдѣлался полемъ сраженія, на которомъ успѣхъ партій зависѣлъ отъ счастія оружія. Этому состоянію безпорядка и войны необходимо было положить конецъ; а такъ какъ партіи, вслѣдствіе избытка ненависти и страсти, не могли войти въ соглашеніе, то одна изъ нихъ должна была одержать верхъ надъ другою. Термидорцы дѣйствовали успѣшно, и побѣда склонилась на ихъ сторону. На другой день послѣ того, какъ Билло въ клубѣ якобинцевъ говорилъ о пробужденіи льва, въ Парижѣ произошло весьма сильное волненіе. Хотѣли взять приступомъ клубъ якобинцевъ. На улицѣ кричали: *Открытъ обширный заговоръ якобинцевъ! Ихъ надобно лишить покровительства законовъ!* Въ это же время происходилъ судъ надъ нантскимъ революціоннымъ комитетомъ. Члены его оправдывались, приписывая Каррье всѣ жестокія приказанія, которыя были ими исполнены; это побудило Конвентъ къ разсмотрѣнію образа дѣйствій Каррье. Прежде изданія указа объ его обвиненіи, ему было позволено защищаться. «Когда я дѣйствовалъ,—сказалъ Каррье,—въ воздухѣ, казалось, раздавались еще патріотическія пѣсни двадцати тысячъ мучениковъ, повторявшихъ посреди пытокъ: *да здравствуетъ республика!* *). Чувство

*) Намекъ на республиканцевъ, убитыхъ вандейцами.

человѣчности, погибшее среди этого ужаснаго кризиса, могло ли тогда возвысить свой голосъ? Что сдѣлали бы на моемъ мѣстѣ тѣ, которые теперь возстаютъ противъ меня? Въ Нантѣ я спасъ республику; я жилъ только для моего отечества—и съумѣю умереть за него». Изъ пятисотъ депутатовъ четыреста девяносто восемь подали голосъ за обвиненіе Каррье; двое подали голосъ въ томъ же смыслѣ, но условно.

Якобинцы, видя, что отъ подчиненныхъ агентовъ преслѣдованіе переходитъ къ самимъ представителямъ народа, сочли себя погибшими. Они пытались привести въ движеніе массу, не столько для того, чтобы защищать Каррье, сколько для того, чтобы поддержать свою партію, все болѣе и болѣе угрожаемую. Но они были сдержаны золотою молодежью и жителями кварталовъ, окружившими мѣсто ихъ засѣданій съ цѣлью уничтожить клубъ якобинцевъ. Тамъ завязалась довольно жаркая борьба. Осаждающіе разбили окна, бросая въ нихъ каменьями, выломали двери и разсѣяли якобинцевъ послѣ небольшого сопротивленія со стороны послѣднихъ. Они жаловались Конвенту на насиліе, противъ нихъ употребленное. Ребель, на котораго возложенъ былъ докладъ объ этомъ дѣлѣ, былъ неблагосклоненъ къ якобинцамъ. «Гдѣ образовалась тиранія?—сказалъ онъ.—У якобинцевъ. Гдѣ имѣла она помощниковъ и сообщниковъ?—У якобинцевъ. Кто покрылъ Францію трауромъ, поселилъ отчаяніе въ семействахъ, наполнилъ республику тюрьмами, сдѣлалъ революціонное правленіе столь ненавистнымъ, что невольникъ, склонившійся подъ тяжестью оковъ, не согласился бы жить во Франціи? Якобинцы. Кто сожалѣетъ объ ужасномъ правленіи, тяготѣвшемъ надъ нами? Якобинцы. Если въ настоящую минуту у васъ недостанетъ смѣлости высказаться противъ нихъ, то у васъ нѣтъ болѣе республики, потому что у васъ есть якобинцы». Конвентъ пріостановилъ на время дѣятельность клуба, чтобы очистить и преобразовать его, но не рѣшился уничтожить его совершенно. Якобинцы, вопреки распоряженію Конвента, собрались вооруженные въ мѣстѣ своихъ засѣданій; термидорское войско, однажды уже осаждавшее ихъ, опять напало на нихъ. Оно окружило клубъ съ криками: да здравствуетъ Конвентъ! долой якобинцевъ! Якобинцы приготовились къ защитѣ; они покинули свои мѣста съ криками: да здравствуетъ республика! овладѣли дверьми и пытались сдѣлать вылазку. Сначала они захватили нѣсколькихъ плѣнниковъ, но скоро, изнемогая подъ превосходствомъ числа, удалились съ поля сраженія и прошли сквозь ряды побѣдителей, которые, обезоруживъ ихъ, преслѣдовали ихъ оскорбленіями, ругательствами и даже ударами. Эти незаконныя экспедиціи сопровождались всѣми излишествами, неразлучными съ борьбою партій. На слѣдующій день комиссары Конвента закрыли клубъ, опечатали его протоколы и бумаги,—и съ этой минуты общество якобинцевъ болѣе не существовало. Это народное общество наложило пятно

на революцію, но оно напрягло всѣ ея пружины, въ то время, когда для отраженія иностранцевъ правленіе было передано народнымъ массамъ, — и дало республикѣ всю энергію, необходимую для ея защиты; теперь же оно могло только препятствовать установленію новаго порядка вещей. Положеніе дѣлъ измѣнилось. Необходимо было замѣнить диктатуру свободой. Такъ какъ революція была спасена, то нужно было освятить ея принципы и результаты возвращеніемъ къ законному правленію. Такая безмѣрная и чрезвычайная власть, какъ конфедерація клубовъ, должна была прекратиться вслѣдъ за паденіемъ партіи, поддерживавшей ее, а эта партія — пасть вслѣдъ за измѣненіемъ обстоятельствъ, послужившихъ къ ея возвышенію.

Каррье, приведенный предъ революціонный трибуналъ, былъ судимъ безъ перерыва и былъ осужденъ вмѣстѣ съ большинствомъ сообщниковъ своихъ. Еще во время суда надъ нимъ въ собраніе были призваны обратно семьдесятъ три депутата, исключенные изъ него за протестъ противъ 31-го мая. Мерленъ (изъ Дуэ), отъ имени комитета общественнаго спасенія, потребовалъ ихъ возвращенія. Его докладъ былъ принятъ съ рукоплесканіями, и семьдесятъ три депутата вновь заняли свои мѣста въ Конвентѣ. Они побуждали, въ свою очередь, къ возвращенію депутатовъ, лишенныхъ покровительства законовъ, но встрѣтили сильную оппозицію. Термидорцы и члены новыхъ комитетовъ опасались, что это послужитъ какъ бы осужденіемъ революціи. Кромѣ того, они боялись ввести новую партію въ Конвентъ, и безъ того уже раздѣленный; они боялись найти въ ней неумолимыхъ враговъ, которые могли бы произвести въ отношеніи къ термидорцамъ такую же реакцію, какая была произведена послѣдними противъ прежнихъ комитетовъ. Термидорцы отвергли поэтому предложеніе возвратить жирондистовъ, а Мерленъ (изъ Дуэ) даже воскликнулъ: «Ужъ не хотите ли вы открыть двери Тампля?» Въ Тамплѣ содержался молодой сынъ Людовика XVI; жирондисты въ виду послѣдствій 31-го мая были поставлены на одинъ уровень съ роялистами. Къ тому же въ числѣ славныхъ дней революціи 31-е мая стояло еще на-ряду съ 10-мъ августа и 14-мъ іюля. Движеніе назадъ должно было сдѣлать еще нѣсколько шаговъ, чтобы возвратиться къ этому времени. Республиканская контръ-революція возвратилась отъ 9-го термидора 1794 г. къ 3-му октября 1793 г., дню ареста семидесяти трехъ, но не до 2-му іюня 1793 г., дню ареста двадцати двухъ. Послѣ ниспроверженія Робеспьера и комитета, ей предстояло еще напасть на Марата и гору. Но для этого должно было пройти еще нѣсколько мѣсяцевъ; обратный ходъ событій соотвѣтствовалъ наступательному движенію революціи съ правильностью, почти геометрическою.

Уничтоженіе системы децемвировъ продолжалось. Отмѣненъ былъ декретъ объ изгнаніи священниковъ и дворянъ, составлявшихъ во время террора два класса, безусловно осужденные зако-

номъ; уничтожена была обязательная такса на хлѣбъ и другіе продукты для того, чтобы прекращеніемъ тираніи въ дѣлахъ торговыхъ возстановить упавшее довѣріе. Ревностныя усилія Конвента были направлены къ тому, чтобы замѣнить великодушной свободой деспотическій гнетъ комитета общественнаго спасенія. Эта эпоха была ознаменована независимостью журналовъ, возстановленіемъ христіанской религіи и отказомъ отъ имуществъ, конфискованныхъ во время правленія комитетовъ у лицъ, обвиненныхъ въ федерализмѣ. Это была полная реакція противъ революціоннаго правительства; она скоро коснулась Марата и горы. Послѣ 9-го термидора хотѣли противопоставить Робеспьеру какую-нибудь революціонную знаменитость—и выбрали Марата. Ему возданы были почести погребенія въ Пантеонѣ, которыя были откладываемы со дня на день во время всемогущества Робеспьера. Теперь этотъ чудовищный демагогъ послужилъ, въ свою очередь, предметомъ нападеній. Бюстъ его находился въ Конвентѣ, въ театрахъ, на площадяхъ, въ мѣстахъ общественныхъ собраній. Золотая молодежь разбила его въ театрѣ Фейдо. Гора протестовала, но Конвентъ опредѣлилъ указомъ, что ни одному гражданину не могутъ быть возданы почести погребенія въ Пантеонѣ, и бюстъ его не можетъ быть поставленъ въ Конвентѣ ранѣе десяти лѣтъ послѣ его смерти. Бюстъ Марата исчезъ изъ залы засѣданій, а такъ какъ въ предмѣстьяхъ броженіе умовъ было весьма сильно, то кварталы, обыкновенная опора собранія, дефилировали въ присутствіи его. Противъ Дома Инвалидовъ находилась гора, на вершинѣ которой поставлена была колоссальная статуя Геркулеса, попиравшаго гидру. Кварталъ хлѣбнаго рынка потребовалъ уничтоженія ея. На лѣвой сторонѣ собранія послышался ропотъ. «Этотъ гигантъ,— сказалъ одинъ изъ депутатовъ,—есть изображеніе народа». «Я вижу тутъ только гору,—отвѣчалъ ему другой»,—а что такое гора, какъ не вѣчный протестъ противъ равенства?» Эти слова были покрыты рукоплесканіями: Конвентъ рѣшилъ принять просьбу квартала и ниспровергнуть памятникъ побѣды и владычества монтаньяровъ.

Теперь настала минута для возвращенія изгнанныхъ членовъ Конвента: незадолго передъ тѣмъ былъ уже отмѣненъ указъ, лишавшій ихъ покровительства законовъ. Иснаръ и Луве писали собранію, прося возвратить имъ ихъ права; но на это имъ все еще возражали указаніемъ на послѣдствія 31-го мая и на мятежъ департаментовъ. «Я не стану оскорблять Національный Конвентъ,— сказалъ Шенье, говорившій въ ихъ пользу,—выставляя передъ его глазами призракъ федерализма, изъ котораго осмѣлились сдѣлать главный обвинительный пунктъ противъ вашихъ товарищей. Они бѣжали,—скажете вы,—они спрятались: вотъ ихъ преступленіе! Счастлива была бы республика, еслибы это преступленіе было общимъ! Зачѣмъ не нашлось такихъ глубокихъ пещеръ, которыя

сохранили отечеству глубокомысліе Кондорсе, красноречіе Верньо? Зачѣмъ 10-го термидора гостепріимная земля не возвратила свѣту эту группу энергичныхъ патріотовъ и добродѣтельныхъ республиканцевъ? Не со стороны этихъ людей, раздраженныхъ несчастьемъ, боятся плановъ мести! Нѣтъ! Пройдя черезъ школу бѣдствій, они привыкли оплакивать людскія заблужденія. Нѣтъ, нѣтъ, Кондорсе, Рабо-Сентъ-Этьеннъ, Верньо, Камиллъ Демуленъ не хотятъ кровавыхъ жертвоприношеній, и не этимъ путемъ можно успокоить ихъ тѣни!» Лѣвая сторона возстала противъ предложенія Шенье. «Вы разбудите всѣ страсти,— воскликнулъ Бентаболь.—Нападая на возстаніе 31-го мая, вы обвиняете восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, способствовавшихъ ему».—«Не будемъ смѣшивать,— отвѣчалъ Сійесъ,—дѣла тираніи съ дѣломъ принциповъ. Когда въ роковые дни 31-го мая и 2-го іюня люди, поддерживаемые подчиненною властью, соперничествовавшею съ нами (т. е. думой), могли совершить величайшее изъ преступленій, то это уже не было дѣломъ патріотизма, а посягательствомъ тираніи; затѣмъ съ тѣхъ поръ мы видѣли Конвентъ побѣжденнымъ, большинство—угнетеннымъ, меньшинство—предписывающимъ законы. Засѣданія Конвента раздѣляются на три эпохи: до 31-го мая—угнетеніе Конвента народомъ; до 9-го термидора—угнетеніе народа Конвентомъ, въ свою очередь служившимъ жертвою тираніи; наконецъ съ 9-го термидора воцарилось правосудіе, потому что Конвентъ получилъ обратно всѣ свои права». Сійесъ потребовалъ возвращенія изгнанныхъ членовъ, какъ гарантіи единодушія для собранія и спасенія для республики. Мерленъ (изъ Дуэ), отъ имени комитета общественнаго спасенія, предложилъ призвать ихъ тотчасъ же; предложеніе было принято, и послѣ восемнадцатимѣсячнаго изгнанія двадцать два члена Конвента, въ числѣ которыхъ находились Иснаръ, Луве, Ланжюинэ, Керзелеганъ, Генрихъ Ларивьеръ, Ларевельеръ-Лепо, Лесажъ, остатки блестящей и несчастной жиронды, заняли вновь свои мѣста; они примкнули къ умѣренной партіи, въ составъ которой все болѣе и болѣе входили обломки различныхъ партій. Старые враги, забывъ свою вражду и соперничество за обладаніе властью, вступили въ союзъ между собою, потому что у нихъ была одна и та же цѣль, одни и тѣ же интересы. Это было началомъ примиренія между тѣми, которые хотѣли республики—противъ роялистовъ, удобопримѣнимой конституціи—противъ революціонеровъ. Всѣ мѣры противъ федералистовъ были отмѣнены, и жирондисты встали во главѣ республиканской контръ-революціи.

Между тѣмъ Конвентъ, увлеченный реакціонерами и желая всѣхъ наказать и все исправить, довелъ до крайности свое стремленіе къ правосудію. Послѣ уничтоженія децемвирнаго правленія было бы столь же благоразумно, какъ и трудно, предать забвенію прошедшее и закрыть пучину революціи, бросивъ въ нее нѣсколько искупительныхъ жертвъ. Только безопасность влечетъ за собою

водвореніе мира, а безъ мира невозможна свобода. Слѣдуя вновь образу дѣйствій, который, подъ вліяніемъ отвращенія къ совершившимся преступленіямъ и злобы за испытанныя страданія, неизбѣжно долженъ былъ имѣть страстный характеръ, Конвентъ только перемѣстилъ насиліе. До сихъ поръ буржуазію приносили въ жертву массѣ, купцовъ—потребителямъ; теперь же произошло совершенно противное. Ажіотажъ заступилъ мѣсто maximum, доносчики изъ средняго класса—мѣсто доносчиковъ изъ народа. Всѣ, принимавшіе участіе въ диктаторскомъ правленіи, были преслѣдуемы съ крайнимъ ожесточеніемъ. Кварталы, служившіе мѣстопребываніемъ буржуазіи, требовали обезоруженія и наказанія окружныхъ революціонныхъ комитетовъ, состоявшихъ изъ санкюлотовъ. Раздался всеобщій крикъ мести противъ террористовъ, разрядъ которыхъ ежедневно расширялся. Департаменты доносили на всѣхъ прежнихъ проконсуловъ; угроза вѣчнаго и обширнаго мщенія довела до отчаянія многочисленную партію, которой можно было больше и не опасаться, потому что она была лишена власти.

Боязнь преслѣдованій и многія другія причины приготовили эту партію къ возмущенію. Былъ ужасный голодъ. Область труда и сумма его продуктовъ уменьшились со времени революціонной эпохи, когда богатые классы были заключены въ тюрьму, а бѣдные управляли государствомъ; отмѣна maximum вызвала сильный кризисъ, которымъ воспользовались купцы и фермеры, старавшіеся высокою цѣною продуктовъ вознаградить себя за прежде понесенныя потери. Къ довершенію затрудненій, ассигнаціи потеряли кредитъ и съ каждымъ днемъ падали въ цѣнѣ: выпущено ихъ было болѣе чѣмъ на восемь милліардовъ. Національныя имущества, служившія обезпеченіемъ ассигнацій, понизились въ цѣнѣ вслѣдствіе революціонныхъ конфискацій; среднее сословіе, купцы и др. не вѣрили въ прочность республиканскаго правленія, считая его переходнымъ; все это, вмѣстѣ взятое, уронило цѣнность ассигнацій въ 15 разъ противъ ихъ номинальной цѣны. Ихъ принимали неохотно, а звонкую монету скрывали тѣмъ тщательнѣе, чѣмъ больше было требованій на нее и чѣмъ сильнѣе былъ упадокъ бумажныхъ денегъ. Народъ, испытывая недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, лишенный средствъ къ покупкѣ ихъ, даже съ помощью ассигнацій, впалъ въ отчаяніе: онъ приписывалъ это положеніе дѣлъ купцамъ, фермерамъ, землевладѣльцамъ, правительству и не безъ сожалѣнія вспоминалъ, что прежде, во время господства комитета общественнаго спасенія, у него былъ и хлѣбъ, и обладаніе властью. Конвентъ назначилъ особый продовольственный комитетъ для снабженія Парижа съѣстными припасами; но полторы тысячи мѣшковъ муки, необходимыхъ ежедневно для прокормленія громаднаго города, были добываемы комитетомъ только со дня на день съ большимъ трудомъ и издержками: народъ, толпившійся

передъ булочными иногда по двадцати часовъ сряду, въ ожиданіи раздачи каждому по одному фунту дурного хлѣба, жаловался и роопталъ. Онъ называлъ Буасси-д'Англа, президента комитета продовольствія, Б у а с с и - Г о л о д ъ. Таково было состояніе умовъ среди крайне раздраженной и фанатической массы въ то время, когда происходилъ судъ надъ прежними предводителями ея.

12-го вантоза, вскорѣ послѣ возвращенія жирондистовъ, собраніе издало указъ объ арестѣ Бильо-Варенна, Колло д'Эрбуа, Баррера и Вадье. Ихъ процессъ передъ Конвентомъ долженъ былъ начаться 3-го жерминаля. 1-го жерминаля (20-го марта 1795 г.) въ декади, т. е. въ десятый день декады, — срокъ засѣданія окружныхъ собраній, — приверженцы обвиненныхъ приготовили возмущеніе, съ цѣлью воспрепятствовать суду надъ ними; на ихъ сторонѣ были внѣшніе кварталы предмѣстій Сентъ-Антуанъ и Сенъ-Марсо. Толпа народа отправилась оттуда въ Конвентъ полу-просителями, полу-бунтовщиками, съ намѣреніемъ требовать хлѣба, конституціи 93-го года и освобожденія заключенныхъ патріотовъ. Нѣсколько молодыхъ людей, попавшихся ей навстрѣчу, были брошены въ бассейны Тюльерійскаго сада. Но вскорѣ распространилось извѣстіе, что Конвентъ въ опасности, что якобинцы хотятъ освободить своихъ предводителей; тогда золотая молодежь, за которою слѣдовало около пяти тысячъ гражданъ изъ внутреннихъ кварталовъ, явилась разсѣять ополченіе предмѣстій и охранять собраніе, которое, узнавъ о новой опасности, возстановило, по предложенію Сіеса, дѣйствіе прежняго закона противъ народныхъ возстаній, подъ именемъ закона о высшей полиціи.

Такъ какъ возстаніе въ пользу обвиненныхъ не удалось, то 3-го жерминаля они приведены были въ присутствіе Конвента. Только одного Вадье не было налицо. Ихъ образъ дѣйствій былъ разсмотрѣнъ съ величайшею торжественностью; ихъ обвиняли въ деспотическомъ управленіи народомъ и въ угнетеніи Конвента. Хотя для обвиненія и не было недостатка въ доказательствахъ, но обвиненные защищались съ большою ловкостью. Они утверждали, что въ угнетеніи Конвента и ихъ самихъ виновенъ только одинъ Робеспьеръ, извиняли мѣры, принятыя комитетомъ и одобренныя Конвентомъ, возбужденнымъ состояніемъ времени, защитою республики и необходимостью ея спасенія. Ихъ прежніе товарищи свидѣтельствовали въ ихъ пользу и хотѣли приобщить себя къ ихъ дѣлу. Остатки горы также поддерживали ихъ съ большою силой. Разбирательство этого дѣла продолжалось уже девять дней; въ каждомъ засѣданіи выслушивались обвиненія и оправданія ихъ. Кварталы предмѣстій сильно волновались. Сборища, начавшіяся съ 1-го жерминаля, умножились 12-го, и произошло новое возстаніе, съ цѣлью пріостановить ходъ процесса, которато не могло прекратить первое народное движеніе. Агитаторы, на этотъ разъ болѣе многочисленные и смѣлые, окружили стражу

Конвента и проникли въ залу засѣданій; на шапкахъ у нихъ было написано мѣломъ: хлѣба, конституцію 93-го года, освобожденіе патріотовъ. Большинство депутатовъ вершины (такъ назывались остатки горы) приняло ихъ сторону; другіе, смущенные шумомъ и безпорядкомъ этого народнаго нашествія, ждали освобожденія отъ внутреннихъ городскихъ кварталовъ. Засѣданіе прекратилось. Набатъ, отнятый у думы послѣ ея пораженія и поставленный на вершину Тюльери, гдѣ засѣдалъ Конвентъ, билъ тревогу; комитетъ приказалъ ударить сборъ. Черезъ нѣсколько времени граждане сосѣднихъ кварталовъ соединились съ оружіемъ въ рукахъ, отправились на помощь Конвенту и освободили его во второй разъ. Онъ осудилъ на изгнаніе обвиненныхъ, послужившихъ поводомъ къ возстанію, и издалъ указъ объ арестѣ 17-ти членовъ вершины, которые, выказавъ расположеніе къ инсургентамъ, могли быть признаны соучастниками ихъ. Въ числѣ ихъ находились: Камбонъ, Рюамъ, Леонаръ Бурдонъ, Тюріо, Шаль, Амаръ и Лекуантръ, который, послѣ возвращенія жирондистовъ, сдѣлался опять монтаньяромъ. На слѣдующій день изгнанники и заключенные были отправлены въ замокъ Гамъ.

Днемъ 12-го жерминаля ничего не было рѣшено. Предмѣстья были отражены, не бывъ побѣжденными, — а для уничтоженія партіи необходимо, чтобы рѣшительное пораженіе отняло у нея остатокъ силъ и довѣрія. Послѣ столькихъ вопросовъ, уже рѣшенныхъ противъ демократовъ, оставался еще одинъ самый важный — вопросъ о конституціи. Отъ него зависѣло превосходство массы или буржуазіи. Защитники революціоннаго правленія домогались демократической конституціи 1793 г., которая представляла имъ возможность возвратить потерянную власть. Въ свою очередь ихъ противники пытались замѣнить ее конституціей, которая утвердила бы ихъ господство, централизуя правленіе и оставляя его въ руки средняго класса. Съ той и другой стороны, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, готовились къ борьбѣ на этомъ послѣднемъ полѣ битвы. Въ пользу конституціи 1793 г. говорило то, что она была утверждена народомъ: поэтому на нее нападали съ величайшею осторожностью. Сначала обѣщали исполнить ее безъ измѣненій; потомъ назначили комиссію изъ одиннадцати членовъ, съ порученіемъ приготовить органическіе законы, которые сдѣлали бы ее удобоисполнимою; позже рѣшились представить противъ нея нѣсколько возраженій въ томъ смыслѣ, что она раздробляетъ власть и признаетъ одно только собраніе, зависимое отъ народа даже въ дѣлѣ составленія законовъ. Наконецъ депутація одного изъ кварталовъ рѣшилась назвать конституцію 93 г. децемвирной конституціей, предписанной терроромъ. Всѣ приверженцы ея, въ негодованіи и страхѣ, приготовили возстаніе, чтобы сохранить ее. Это было новое 31-ое мая, столь же ужасное, какъ и первое; но, не имѣя поддержки во всемогущей думѣ, не

направляемое однимъ вождемъ, не встрѣчая передъ собою устрашеннаго Конвента и покорныхъ кварталовъ, оно привело къ совершенно другимъ результатамъ.

Заговорщики, наученные неудачей возмущеній 1-го и 12-го жерминаля, на этотъ разъ не забыли ничего, чтобы пополнить недостатокъ организаціи и цѣли. 1-го преріаля (20-го мая) отъ имени народа, возставшаго для полученія хлѣба и возстановленія правъ своихъ, они рѣшили уничтожить революціонное правленіе и ввести въ дѣйствіе демократическую конституцію 93 г.; отрѣшить отъ должности членовъ правительства и арестовать ихъ; освободить патріотовъ; созвать избирателей на 25-ое преріаля, законодательное собраніе, которымъ долженъ быть замѣненъ Конвентъ,—на 25-ое мессидора; пріостановить дѣйствіе всякой власти, не исходящей отъ народа. Они рѣшили создать новую думу, которая служила бы имъ общимъ центромъ, овладѣть заставами, телеграфомъ, сигнальною пушкою, набатомъ, барабанами и остановиться только тогда, когда обезпечены будутъ продовольствіе, спокойствіе, счастіе и свобода всѣхъ французовъ. Они пригласили канонеровъ, жандармовъ, пѣхоту и кавалерію стать подъ народныя знамена и направились противъ Конвента.

Въ это время въ Конвентѣ разсуждали о томъ, какъ воспрепятствовать возстанію. Ежедневныя сборища, происходившія при раздачѣ хлѣба и вслѣдствіе народнаго броженія, не дали замѣтить приготовленій къ большому возмущенію и помѣшали принять мѣры къ предупрежденію или отраженію его. Комитеты поспѣшили увѣдомить собраніе объ опасности. Оно тотчасъ же объявило свои засѣданія непрерывными, возложило на Парижъ отвѣтственность за безопасность представителей республики, приказало затворить ворота тюльерійскаго замка, предводителей скопища лишило покровительства законовъ, всѣхъ гражданъ кварталовъ призвало къ оружію и поставило во главѣ ихъ восьмерыхъ комиссаровъ, въ числѣ которыхъ были Лежандръ, Генрихъ Ларивьеръ, Кервелеганъ и др. Только что они вышли изъ собранія, какъ извнѣ послышался сильный шумъ. Одна изъ внѣшнихъ дверей была выломана, и галлереи были наводнены женщинами, кричавшими: хлѣба! конституцію 93-го года! Конвентъ принялъ ихъ съ твердостью. «Ваши крики,—сказалъ президентъ Вернье,—не измѣнятъ нашего образа дѣйствій: они не ускорятъ ни на одну минуту привоза съѣстныхъ припасовъ, а только замедлятъ его». Ужасный шумъ покрылъ голосъ президента и прервалъ разсужденія. Тогда велѣно было очистить галлереи. Но инсургенты предмѣстій вскорѣ достигли внутреннихъ дверей и, найдя ихъ запертыми, сильно ударяли въ нихъ топорами и молотками. Двери подались,—взбунтовавшаяся толпа проникла въ самую середину залы.

Тогда мѣсто засѣданій обратилось въ поле битвы. Ветераны и жандармы, которымъ ввѣрено было охраненіе собранія, призываютъ къ оружію депутаты. Оги съ саблею въ рукахъ становится во главѣ ихъ, и ему удается отразить нападающихъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже схвачены, но инсургенты, болѣе многочисленные, возвращаются бѣглымъ шагомъ и врываются вновь въ средину залы. Депутатъ Феро поспѣшно входитъ въ залу, преслѣдуемый инсургентами, которые нѣсколько разъ стрѣляютъ изъ ружей. Они цѣлятъ въ Буасси-д'Англа, занимавшаго президентское кресло вмѣсто Вернье. Феро бросается на трибуну, чтобы прикрыть его своимъ тѣломъ; въ него устремляются съ пиками и саблями, и онъ падаетъ, тяжело раненый. Инсургенты увлекаютъ его въ коридоръ и, принявъ его за Фрерона, отсѣкаютъ ему голову и сажаютъ ее на пику.

Послѣ этой битвы они овладѣваютъ залой. Большинство депутатовъ обращается въ бѣгство. Остаются только нѣсколько членовъ вершины и Буасси-д'Англа, который, спокойный, съ покрытой головой, нечувствительный къ оскорбленіямъ и угрозамъ, все еще продолжаетъ протестовать отъ имени Конвента противъ народнаго насилія. Ему показываютъ окровавленную голову Феро, и онъ съ уваженіемъ преклоняется передъ нею. Его хотятъ принудить, приставивъ пики къ его груди, къ собранію голосовъ по предмету предложеній инсургентовъ,—и всякій разъ получаютъ отъ него смѣлый отказъ. Но члены вершины, одобрявшіе возмущеніе, завладѣваютъ президентскимъ бюро, занимаютъ трибуну и, при рукоплесканіяхъ массы, облекаютъ въ форму указовъ всѣ статьи, содержащіяся въ манифестѣ возстанія. Депутатъ Роммъ становится ихъ органомъ. Затѣмъ они назначаютъ исполнительную комиссію, составленную изъ Бурботта, Дюруа, Дюкенуа, Пріёра (марнскаго), и главнокомандующимъ вооруженной силой назначаютъ депутата Субрани. Такимъ образомъ они приготовляютъ возстановленіе своего господства. Они издаютъ указъ о возвратѣ своихъ заключенныхъ товарищей, отрѣшеніи своихъ враговъ, введеніи въ дѣйствіе демократической конституціи и возстановленіи клуба якобинцевъ. Но недостаточно было на время овладѣть собраніемъ,—надобно было побѣдить кварталы, потому что только съ ними могла завязаться настоящая битва.

Комиссары, посланные въ кварталы, поспѣшили собрать ихъ. Батальоны четырехъ ближайшихъ кварталовъ вскорѣ заняли Карусельскую площадь и всѣ главные пути къ ней. Тогда все измѣнилось; Лежандръ, Кервелеганъ, Оги, во главѣ кварталовъ, въ свою очередь, осадили инсургентовъ. Сначала они встрѣтили сопротивленіе; но вскорѣ они проникли со штыками наперевѣсъ въ залу, гдѣ еще продолжалось засѣданіе заговорщиковъ. Лежандръ закричалъ: «Именемъ закона я приказываю вооруженнымъ гражданамъ удалиться». Съ минуту они колебались; но прибытіе батальоновъ, входившихъ во всѣ двери, устрашило ихъ, и они бросились бѣжать.

въ безпорядкѣ. Собраніе наполнилось депутатами, кварталамъ была выражена благодарность, и пренія возобновились. Всѣ мѣры, принятыя передъ тѣмъ, были отмѣнены, и четырнадцать депутатовъ, къ которымъ присоединено было потомъ еще четырнадцать, были арестованы, какъ зачинщики возстанія или одобрявшіе его своими рѣчами. Была уже полночь, а въ пять часовъ утра арестованные депутаты находились уже въ шести миляхъ отъ Парижа.

Несмотря на эту неудачу, предмѣстья не считали себя побѣжденными и на слѣдующій день съ пушками двинулись противъ Конвента. Въ свою очередь и кварталы отправились защищать его. Обѣ партіи уже готовились къ рукопашной схваткѣ; пушки предмѣстій, привезенныя на Карусельскую площадь, были наведены на замокъ, когда собраніе послало комиссаровъ къ инсургентамъ. Начались переговоры: одинъ изъ депутатовъ предмѣстій, допущенный въ собраніе, просилъ о томъ же, чего требовали и наканунѣ, прибавивъ: «Мы рѣшились скорѣе умереть на мѣстѣ, нежели отказаться отъ котораго-нибудь изъ нашихъ требованій. Я ничего не боюсь; имя мое Сент-Лежье. Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ Конвентъ, если онъ, какъ я полагаю, другъ истиннымъ принципамъ!» Депутатъ былъ принятъ благосклонно, съ предмѣстьями обошлись по-братски, не обѣщая имъ, впрочемъ, ничего положительнаго. Предмѣстья, не имѣя больше ни общаго городского совѣта, который бы могъ укрѣпить ихъ въ намѣреніяхъ, ни главнокомандующаго вродѣ Ганріо, который бы могъ удержать ихъ въ сборѣ, пока предложенія ихъ не будутъ утверждены указомъ, не настаивали болѣе на своихъ требованіяхъ. Они удалились, получивъ увѣреніе Конвента, что онъ позаботится о продовольствіи народа и не замедлитъ обнародовать органическіе законы къ конституціи 93 г. Въ этотъ день можно было убѣдиться, что для успѣха недостаточно огромной матеріальной силы и опредѣленной цѣли,—что необходимы еще предводители и власть, которая бы поддерживала возстаніе и направляла его. Теперь существовала только одна законная власть—Конвентъ; партія, имѣвшая его на своей сторонѣ, восторжествовала.

Шесть монтаньяровъ-демократовъ—Гужонъ, Бурботъ, Роммъ, Дюруа, Дюкенуа и Субрани—были преданы суду военной комиссіи. Они предстали передъ нею съ твердостью, фанатически преданные своему дѣлу и почти всѣ невиновные въ излишествахъ. Обвиненіемъ противъ нихъ служило только движеніе преріаля; но во время борьбы партій и этого было достаточно для присужденія ихъ къ смертной казни. Они всѣ поразили себя однимъ и тѣмъ же ножомъ, который они передавали другъ другу съ крикомъ: Да здравствуетъ республика! Роммъ, Гужонъ и Дюкенуа были такъ счастливы, что имъ удалось убить себя; остальные, уже умирающіе, но все еще со спокойнымъ лицомъ, были отправлены на эшафотъ.

Впрочемъ, предмѣстья, хотя и отраженныя 1-го преріаля и оттѣсненныя 2-го, имѣли еще средства къ возстанію. Событіе гораздо менѣе важное, нежели предшествовавшія возмущенія, повлекло за собою окончательное пораженіе ихъ. Убійца депутата Феро былъ найденъ и осужденъ; 4-го, въ день, назначенный для его казни, толпѣ удалось освободить его. Противъ этого новаго посягательства раздался общій крикъ негодованія, и Конвентъ издалъ приказъ объ обезоруженіи предмѣстій. Они были окружены всѣми внутренними кварталами. Приготовившись къ сопротивленію, они, однако, уступили и выдали нѣкоторыхъ изъ предводителей, свое оружіе и артиллерію. Демократическая партія лишилась постепенно своихъ вождей, своихъ клубовъ, своей власти; у нея оставалась только вооруженная сила, которая дѣлала ее еще грозною, и учрежденія, съ помощью которыхъ она могла возвратить все потерянное. Вслѣдствіе своей послѣдней неудачи низшій классъ былъ совершенно удаленъ отъ участія въ управленіи государствомъ; революціонные комитеты, служившіе для него мѣстомъ собраній, были уничтожены; канониры, бывшіе его войскомъ, были обезоружены; конституція 1793 г., составлявшая его надежду, была отмѣнена, и этимъ положенъ конецъ господству массъ.

Съ 9-го термидора до 1-го преріаля съ партіей монтаньяровъ было поступлено точно такъ же, какъ съ партіей жирондистовъ между 2-мъ іюня и 9-мъ термидора. Семьдесятъ шесть монтаньяровъ были осуждены на смерть или арестованы. Они испытали, въ свою очередь, ту участь, которую терпѣли отъ нихъ другіе. Въ эпоху волненія страстей партіи не умѣютъ вступать въ согласіе одна съ другою и хотятъ только побѣждать другъ друга. Подобно жирондистамъ, монтаньяры возстали, чтобы возвратить потерянную власть, и тоже потерпѣли неудачу. Верньо, Бриссо, Гюаде и др. были судимы революціоннымъ трибуналомъ; Бурботтъ, Дюруа, Субрани, Роммъ, Гужонъ, Дюкенуа—военною коммиссіею. Тѣ и другіе умерли съ одинаковымъ мужествомъ. Отсюда видно, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ всѣ партіи сходны между собою, и что ими руководятъ одни и тѣ же побужденія или одна и та же необходимость. Съ этого времени управленіе революціей перешло, внѣ Конвента, въ руки средняго класса, а въ самомъ Конвентѣ господствовало, при жирондистахъ, такое же единодушіе, какъ и послѣ 2-го іюня, при монтаньярахъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Съ 1-го преріаля (20-го мая 1795 г.) до 4-го брюмера (26-го октября), послѣдняго дня засѣданій Конвента.

Походы 1793 и 1794 гг. — Состояніе умовъ въ войскѣ при извѣстіи о 9-мъ термидорѣ. — Завоеваніе Голландіи; расположеніе французской арміи на Рейнѣ. — Базельскій миръ съ Пруссіей; миръ съ Испаніей. — Высадка въ Кибероні. — Реакція переходитъ изъ рукъ Конвента въ руки роялистовъ. — Избіеніе революціонеровъ на югѣ. — Директоріальная конституція III года. — Фрюктидорскіе декреты, требующіе избранія двухъ третей Конвента въ члены новыхъ Совѣтовъ. — Ожесточеніе роялистской партіи въ парижскихъ кварталахъ. — Она возстаетъ. — День 13-го вандемьера. — Выборъ Совѣтовъ и Директоріи. — Конецъ дѣятельности Конвента; ея продолжительность, ея характеръ.

Внѣшнее преуспѣяніе революціи наиболѣе способствовало паденію диктаторскаго правительства и якобинской партіи. Возраставшія побѣды республики, которымъ они содѣйствовали энергіею своихъ мѣръ или своимъ фанатизмомъ, сдѣлали власть ихъ излишнею. Комитетъ общественнаго спасенія, грозная и сильная рука котораго тяготѣла надъ Франціей, увеличилъ ея средства, организовалъ ея арміи, сумѣлъ выбрать генераловъ и предписать побѣды, окончательно обезпечившія торжество революціи въ отношеніи къ Европѣ. Счастливое положеніе страны не требовало болѣе чрезвычайныхъ усилій; задача комитета была исполнена. Диктатура этого рода спасаетъ государства и дѣло, которому она служитъ; но самое торжество ея становится для нея причиною упадка. Внутреннія событія не позволяли намъ до сихъ поръ изобразить движеніе, сообщенное войскамъ послѣ 31-го мая комитетомъ общественнаго спасенія, и результаты, полученные имъ.

Всеобщее ополченіе, предпринятое лѣтомъ 1793 г., образовало войско горы. Предводители этой партіи избрали изъ числа второстепенныхъ офицеровъ генераловъ-монтаньяровъ, вмѣсто генераловъ-жирондистовъ. Эти генералы были: Журданъ, Пишегрю, Гошъ,

Моро, Вестерманъ, Дюгомье, Марсо, Журберъ, Клеберъ и др. Карно, поступивъ въ комитетъ общественнаго спасенія, сдѣлался какъ бы военнымъ министромъ и начальникомъ штаба всѣхъ республиканскихъ войскъ. Вмѣсто разсѣянныхъ корпусовъ, дѣйствовавшихъ на отдѣльныхъ пунктахъ безъ всякаго единодушія, онъ образовалъ сильныя массы и направилъ дѣйствія ихъ къ одному центру, къ одной общей цѣли. Онъ слѣдовалъ методу войны въ большихъ размѣрахъ, испытанному имъ съ рѣшительнымъ успѣхомъ при Ваттиньи, когда онъ былъ комиссаромъ Конвента. Эта важная побѣда, которой онъ содѣйствовалъ лично, отбросила за Самбру соединенныя войска генераловъ Клерфэ и принца Кобургскаго и освободила Мобежъ отъ осады. Въ продолженіе зимы 1793—94 г. обѣ арміи стояли одна противъ другой, ничего не предпринимая.

Съ открытіемъ кампаніи обѣ арміи задумали проекты вторженія. Австрійская армія бросилась на прибрежные города Соммы—Перонну, Сенъ-Кантенъ, Аррасъ—и угрожала Парижу, между тѣмъ какъ французская армія готовилась вновь къ завоеванію Бельгіи. Планъ комитета общественнаго спасенія былъ задуманъ совершенно иначе, чѣмъ неясный проектъ союзниковъ. Пишегрю, во главѣ пятидесяти тысячъ человѣкъ, проникъ во Фландрію, опираясь на море и Шельду. Вправо отъ него двадцать тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Моро, двинулись на Мененъ и Куртрэ. Генералъ Суамъ остался съ тридцатью тысячами человѣкъ подъ Лиллемъ, чтобы поддерживать противъ австрійцевъ крайнюю правую сторону наступательной арміи. Между тѣмъ какъ Журданъ съ мозельскою арміей направился черезъ Арлонъ и Динанъ къ Шарлеруа, чтобы присоединиться къ сѣверной арміи.

Австрійцы, атакованные во Фландріи, и опасаясь бокового нападенія со стороны Журдана, поспѣшно оставили свои позиціи на Соммѣ. Клерфэ и герцогъ Іоркскій были разбиты арміей Пишегрю при Куртрэ и Гугледе, принцъ Кобургскій—при Флёрюсѣ арміей Журдана, который только что овладѣлъ Шарлеруа. Оба генерала-побѣдителя быстро докончили завоеваніе австрійскихъ Нидерландовъ. Англо-голландская армія отступила къ Антверпену, оттуда къ Бредѣ, отъ Бреды къ Буале-Дюку (Герцогенбушу), испытывая безпрестанныя потери. Она перешла черезъ Ваалъ и удалилась въ Голландію. Австрійцы столь же напрасно старались прикрыть Брюссель, Маастрихтъ: они были преслѣдуемы и разбиваемы арміей Журдана, которая, послѣ своего соединенія съ сѣверной арміей, получила названіе арміи Самбры и Мааса и не оставила непріятеля за Роеромъ, какъ это сдѣлалъ Дюмурье, а оттѣснила его за Рейнъ. Журданъ овладѣлъ Кельномъ, Бонномъ и сомкнулся своею правою стороною съ лѣвымъ флангомъ мозельской арміи, которая прошла черезъ Люксембургскую область и вмѣстѣ съ Журданомъ заняла Кобленцъ. Тогда началось общее и сосредоточенное движеніе всѣхъ французскихъ войскъ, устремившихся къ рейнской границѣ.

Во время пораженій республики Вейссенбургскія линіи (на границахъ Эльзаса) были прорваны непріятелемъ. Комитетъ общественнаго спасенія употреблялъ и на рейнской арміи рѣшительныя мѣры своей политики. Коммиссары Конвента, Сенъ-Жюстъ и Леба, вручили главное начальство надъ ней Гошу, провозгласили побѣду и терроръ,—и черезъ нѣсколько времени герцогъ Брауншвейгскій и Вурмзеръ были отброшены къ Гагенау и къ лаутерскимъ линіямъ (въ нынѣшней прирейнской Баваріи). Не будучи въ силахъ удержаться и здѣсь, они перешли на правый берегъ Рейна къ Филиппсбургѣ. Шпейеръ и Вормсъ опять были взяты французами; республиканскія войска, всюду побѣдоносныя, заняли Бельгію, часть Голландіи, лежащую на лѣвомъ берегу Мааса, и всѣ города по теченію Рейна, кромѣ Майнца и Мангейма, которые подвергались тѣсной осадѣ. Альпійская армія не имѣла въ эту кампанію большого успѣха. Она пыталась овладѣть Пьемонтомъ, но ей не удалось это. На границахъ Испаніи война началась подъ дурными предзнаменованіями; обѣ арміи—восточно-пиренейская и западно-пиренейская, малочисленныя и непривычныя къ войнѣ—были постоянно разбиваемы и удалились: одна къ Перпиньяну, другая—къ Байоннѣ. Комитетъ общественнаго спасенія уже поздно обратилъ вниманіе и направилъ свои усилія на этотъ пунктъ, который былъ не изъ числа самыхъ опасныхъ для него. Но едва внесены были въ обѣ арміи его система, организація и генералы, какъ дѣла приняли другой оборотъ. Дюгомье, послѣ цѣлаго ряда успѣховъ, вытѣснилъ испанцевъ изъ предѣловъ Франціи и черезъ Каталонію проникъ на Пиренейскій полуостровъ. Монсей также вторгнулся въ Испанію черезъ Бастанскую долину, другое отверстіе въ Пиренеяхъ, и овладѣлъ Сенъ-Себастіаномъ и Фонтарабіей. Союзники были вездѣ побѣждаемы, и нѣкоторыя изъ союзныхъ державъ стали раскаиваться въ томъ, что слишкомъ довѣрчиво примкнули къ коалиціи.

Въ это именно время вѣсть о революціи 9-го термидора дошла до армій. Онѣ были совершенно преданы республикѣ и опасались, чтобы паденіе Робеспьера не повлекло за собою паденія народнаго правленія; онѣ узнали о немъ поэтому вовсе не съ тою горячею радостью, какую возбудило это извѣстіе внутри Франціи. Но такъ какъ войска повиновались гражданской власти, то ни одна изъ армій не возстала противъ Конвента. Попытки къ возстанію въ войскахъ происходили только съ 14-го іюля до 31-го мая, потому что въ это время армія служила убѣжищемъ всѣхъ побѣжденныхъ партій, предводители которыхъ при каждомъ кризисѣ имѣли за себя политическое старшинство и высказывались со всею горячностью угрожаемыхъ убѣжденій. Напротивъ того, въ эпоху господства комитета общественнаго спасенія самые знаменитые генералы не имѣли никакого политическаго значенія и подчинялись страшной дисциплинѣ партій. При такомъ положеніи дѣлъ сохраненіе послушанія въ войскахъ не представляло затруд-

ненія для Конвента даже тогда, когда онъ дѣйствовалъ вопреки желанію генераловъ.

Нѣсколько времени спустя, наступательное движеніе республики сдѣлало еще шагъ впередъ въ Голландіи и на Пиренейскомъ полуостровѣ. Вторженіе въ Соединенныя провинціи произошло зимою съ разныхъ сторонъ подъ начальствомъ Пишегрю, который призвалъ къ свободѣ всѣхъ батавскихъ патріотовъ. Партія, враждебная штатгальтерству, способствовала успѣхамъ французской арміи, и въ одно время съ наступленіемъ произошла революція въ Лейденѣ, Амстердамѣ, Гагѣ и Утрехтѣ. Штатгальтеръ бѣжалъ въ Англію; его власть была уничтожена, и собраніе генеральныхъ штатовъ провозгласило верховную власть народа и учредило батавскую республику, заключившую тѣсный союзъ съ Франціей, которой она уступила, по парижскому трактату 16-го мая 1795 г., голландскую Фландрію, Мастрихтъ и Венлоо съ окрестностями. Свободное плаваніе по Рейну, Шельдѣ и Маасу было предоставлено обѣимъ націямъ. Голландія своимъ богатствомъ много помогла Франціи къ продолженію войны съ союзниками. Это важное завоеваніе лишило англичанъ поддержки и вмѣстѣ съ тѣмъ заставило Пруссію, угрожаемую со стороны Рейна и Голландіи, примириться съ Франціей, къ чему она была уже расположена и раньше, вслѣдствіе своихъ военныхъ неудачъ и новыхъ важныхъ для нея событій въ Польшѣ. Мирный договоръ былъ заключенъ въ Базелѣ. Тамъ же 16-го іюня 1795 г. былъ заключенъ миръ и съ Испаніей, устрашенной успѣхами французовъ на ея территоріи. Фигерасъ и крѣпость Розъ были взяты, и Периньонъ шелъ впередъ по Каталоніи, между тѣмъ какъ Монсей, овладѣвъ Вилла-Реаломъ, Бильбао, Виторіей, направился противъ испанцевъ, удалившихся на границы Старой Кастиліи. Мадридскій кабинетъ просилъ мира. Онъ призналъ французскую республику, которая возвратила ему завоеванія свои, а взамѣнъ ихъ получила часть острова Сенъ-Доминго, принадлежавшую испанцамъ. Обѣ пиренейскія арміи, привыкшія къ войнѣ, присоединились къ альпійской арміи, которая съ помощью ихъ вскорѣ вступила въ Піемонтъ и наводнила Италію, гдѣ только одна Тоскана заключила миръ съ республикой 9-го февраля 1795 г.

Эти мирные договоры и неудачи союзныхъ войскъ обратили усилія Англіи и эмигрантовъ въ другую сторону. Для контръ-революціи настала пора искать поддержки внутри Франціи. Въ 1791 г., когда единодушіе господствовало во Франціи, роялисты возложили всѣ свои надежды на иностранныя державы; теперь же внутреннія распри и пораженія Европы оставляли имъ только одно средство къ достиженію ихъ цѣлей—заговоры. Неудачныя попытки, какъ извѣстно, никогда не доводятъ побѣжденныхъ до совершеннаго отчаянія; утомляетъ и истощаетъ только побѣда—и это рано или поздно возвращаетъ господство тѣмъ, кто продолжаетъ на-

дѣйствія и умѣть ждать. События 1-го преріаля и пораженіе якобинской партіи рѣшили судьбу контръ-революціоннаго движенія. Съ этихъ поръ реакція, предпринятая умѣренными республиканцами, приняла, вообще говоря, характеръ роялизма. Между приверженцами монархіи все еще продолжало господствовать разногласіе, какъ и въ промежутокъ времени съ открытія генеральныхъ штатовъ до 19-го августа. Внутри страны старые конституціоналисты, населявшіе парижскіе кварталы и принадлежавшіе преимущественно къ среднему классу, понимали монархію иначе, нежели абсолютные роялисты. Между тѣми и другими не было тождества интересовъ, и существовало соперничество, естественное со стороны буржуазіи противъ привилегированныхъ классовъ. Въ средѣ абсолютныхъ роялистовъ также было мало единодушія; партія, боровшаяся внутри государства, слабо сочувствовала той, которая вступила въ ряды европейскихъ армій. Кромѣ распрей, существовавшихъ между вандейцами и эмигрантами, были еще несогласія между эмигрантами, смотря по времени выхода ихъ изъ Франціи. Но такъ какъ роялистамъ этихъ различныхъ оттѣнковъ не приходилось еще бороться между собою за результатъ побѣды, то они всѣ соединились для того, чтобы общими силами напасть на Конвентъ. Эмигранты и лица духовнаго званія, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ возвратившіеся во Францію въ большомъ числѣ, встали подъ знамя кварталовъ, въ надеждѣ побѣдить съ помощью средняго класса и затѣмъ основать правительство согласно съ ихъ собственными видами: они имѣли предводителей и опредѣленную цѣль, чего недоставало кварталамъ.

Эта реакція новаго свойства была сдерживаема нѣсколько времени въ Парижѣ, гдѣ нейтральная и сильная власть Конвента одинаково старалась противодѣйствовать насилію и захвату власти со стороны обѣихъ партій. Разрушая господство якобинцевъ, Конвентъ въ то же самое время обуздывалъ мнѣніе роялистовъ. Тогда-то большая часть золотой молодежи оставила его сторону, предводители кварталовъ приготовили буржуазію къ борьбѣ съ собраніемъ, и конфедерація журналистовъ заступила мѣсто конфедераціи якобинцевъ. Лагарпъ, Рише-де-Серизи, Пуанселенъ, Тронсонъ-дю-Кудре, Маршена и др. сдѣлались органами этого новаго союза или литературнаго клуба. Дѣятельные, хотя и иррегулярные отряды этой партіи собирались въ театрѣ Фейдо, на итальянскомъ бульварѣ, въ Пале-Роялѣ и охотились за якобинцами, распѣвая «Пробужденіе народа». Паролемъ преслѣдованія было въ это время слово террористъ; во имя этого слова каждый такъ называемый честный человѣкъ считалъ себя въ правѣ напасть на революціонера. Понятіе террористъ расширялось все больше и больше какъ бы въ угоду страстямъ новыхъ реакціонеровъ, которые причесывали волосы à la victime и, не скрывая болѣе своихъ намѣреній, носили одежду шуановъ (бретанскихъ

инсургентовъ)—сѣрый фракъ съ отворотами и съ чернымъ или желтымъ воротникомъ.

Но эта реакція была гораздо бѣдственнѣе въ департаментахъ, гдѣ никакая власть не могла встать между страстями, чтобы предупредить рѣзню. Тамъ только и были двѣ партіи—та, которой принадлежала власть во время господства террора, и та, которая терпѣла отъ этого господства. Люди, занимавшіе середину между этими партіями, были поперемѣнно управляемы то роялистами, то демократами. Послѣдніе, зная, какому ужасному гнету они подвергнутся въ случаѣ торжества надъ ними, не поддавались, пока могли; но пораженіе ихъ въ Парижѣ повлекло за собою паденіе ихъ и въ департаментахъ. Тогда начались казни, подобныя тѣмъ, которыя были совершены проконсулами комитета общественнаго спасенія. Въ особенности югъ сдѣлался театромъ истребленія и дикой мести въ огромныхъ размѣрахъ. Образовались *общества Іисуса* и *общества Солнца*, учрежденныя въ духѣ роялизма: они совершали ужасныя возмездія. Въ Ліонѣ, въ Э, въ Марселѣ были умерщвлены въ тюрьмахъ всѣ принимавшіе дѣятельное участіе въ предшествовавшей системѣ. Почти весь югъ имѣлъ свое 2-ое сентября. Въ Ліонѣ, послѣ первыхъ убійствъ революціонеровъ, члены общества преслѣдовали тѣхъ, которые не были задержаны, и при встрѣчѣ съ однимъ изъ нихъ, безъ всякихъ другихъ формъ, кромѣ произнесенія словъ: *вотъ матвонъ* (такъ называли они ихъ), убивали его и бросали въ Рону. Въ Тарасконѣ революціонеровъ свергали съ вершины башни на утесъ на берегу Роны.

Во время этого террора въ противоположномъ направленіи и общаго пораженія революціонной партіи Англія и эмигранты затѣяли смѣлое предпріятіе въ Киберонѣ. Вандейцы были истощены часто повторявшимися пораженіями, но не были доведены до совершенной покорности. Тѣмъ не менѣе ихъ потери, а также раздоры между главными предводителями ихъ, Стоффле и Шареттомъ, дѣлали ихъ весьма слабыми. Шареттъ согласился даже вступить въ переговоры съ республикой, и нѣчто вродѣ перемирія заключено было въ Жонэ между нимъ и Конвентомъ. Маркизъ Пюизе, человѣкъ предпріимчивый, но легковѣрный и болѣе способный къ интригамъ, нежели къ глубокимъ соображеніямъ и планамъ, возымѣлъ намѣреніе замѣнить уже почти потухшее возстаніе Вандеи возмущеніемъ Бретани. Послѣ предпріятія Вимпфена, въ войскѣ котораго Пюизе командовалъ отрядомъ, въ Кальвадосѣ и Морбиганѣ образовались шайки шуановъ, составленныя изъ остатковъ партій, людей отважныхъ, потерявшихъ свое мѣсто въ обществѣ, смѣлыхъ контрабандистовъ и т. п. Онѣ предпринимали экспедиціи, но не могли держаться въ открытомъ полѣ, какъ вандейцы. Пюизе, чтобы распространить дѣятельность шуановъ, обратился къ Англіи; онъ подалъ ей надежду на возстаніе въ Бретани и затѣмъ во всей Франціи, если она согласится высадить отрядъ,

вокругъ котораго могла бы образоваться армія, и снабдить инсургентовъ военными снарядами и ружьями.

Англійское министерство, разочарованное насчетъ союзниковъ, воспользовалось случаемъ создать новыя опасности республикѣ, въ ожиданіи болѣе энергическихъ усилій со стороны Европы. Оно сговорилось съ Пюизе и приготовило весною 1795 г. экспедицію, въ которой приняли участіе самые рѣшительные изъ эмигрантовъ, многіе морскіе офицеры и всѣ тѣ, которые, утомясь рядомъ изгнанничества и тяжестью скитальческой жизни, хотѣли въ послѣдній разъ испытать свое счастіе. Англійскій флотъ высадилъ на полуостровѣ Кибронѣ полторы тысячи эмигрантовъ и шесть тысячъ плѣнныхъ республиканскихъ солдатъ, привлеченныхъ подъ знамена эмиграціи надеждою на возвращеніе во Францію, выгрузилъ 60.000 ружей и все, что нужно для снаряженія арміи въ 40.000 человѣкъ. Полторы тысячи шуановъ присоединились къ высадившейся арміи, на которую вскорѣ напалъ генералъ Гошъ. Ему удалось обойти ее; республиканскіе плѣнники, находившіеся въ ея рядахъ, покинули ее, и послѣ сильнаго сопротивленія она была разбита. Въ войнѣ на смерть между республикой и эмиграціей побѣжденные считались какъ бы лишенными покровительства законовъ: они были безпощадно умерщвлены. Ихъ гибель нанесла эмиграціи глубокую и неизлѣчимую рану.

Такъ какъ надежды на побѣды Европы, успѣхъ возстанія и попытку эмигрантовъ были разрушены, то роялисты прибѣгли къ недовольнымъ кварталамъ. Они надѣялись произвести контръ-революцію съ помощью новой конституціи, изданной Конвентомъ 22-го августа 1795 г. Эта конституція была дѣломъ умѣренной республиканской партіи; но такъ какъ она возвращала перевѣсъ среднему классу, то предводители роялистовъ разсчитывали найти въ ней возможность вступить въ законодательный корпусъ и даже въ составъ правительства.

Конституція 1795 г. (извѣстная подъ именемъ конституціи III года) была наиболѣе совершенной, либеральной и предусмотрительной изъ всѣхъ, какія только были введены въ дѣйствіе или предположены до тѣхъ поръ; она была результатомъ шести лѣтъ революціонной и законодательной опытности. Конвентъ чувствовалъ въ это время необходимость организовать власть и успокоить народъ,—въ противоположность Учредительному Собранію, которое по самому положенію своему стремилось только къ ослабленію королевской власти и къ возбужденію движенія въ націи. Теперь все было въ упадкѣ, начиная съ престола до народа; необходимо было воздвигнуть вновь и возстановить порядокъ, сохранивъ при этомъ нѣкоторую политическую дѣятельность для націи. Это было исполнено новою конституціей. Въ отношеніи къ отправленію верховной власти она мало уклонялась отъ конституціи 1791 г., но значительно отличалась отъ нея въ самомъ устройствѣ правительства. Законодательную власть она возложила на два Со-

вѣта: Совѣтъ пятисотъ и Совѣтъ старѣйшинъ (Conseil des Anciens), исполнительную власть—въ Директоріи изъ пяти членовъ. Она возстановила двухстепенное избирательство, съ цѣлью замедлить народное движеніе и замѣнить непосредственные выборы другими, болѣе разумными. Право участвовать въ первоначальныхъ избирательныхъ собраніяхъ было поставлено въ зависимость отъ имущественнаго ценза, благоразумнаго, но не высокаго, и такимъ образомъ возстановлено политическое значеніе средняго класса, къ которому поневолѣ должно было возвратиться послѣ того, какъ Конвентъ пересталъ опираться на массу и отказался отъ конституціи 93 года.

Въ предупрежденіе деспотизма или порабощенія одного собранія, рѣшено было создать какую-нибудь власть, которая могла бы сдерживать или замедлять его. Раздѣленіе законодательнаго корпуса на два Совѣта, имѣвшихъ одно и то же происхожденіе, одинаково продолжительное полномочіе и различныхъ только по функціямъ своимъ, достигло двоякой цѣли: оно не испугало народа аристократическимъ учрежденіемъ и способствовало установленію лучшей формы правленія. Совѣтъ пятисотъ, члены котораго должны были имѣть не менѣе 30 лѣтъ отъ роду, одинъ только могъ предлагать и обсуждать законы; Совѣтъ старѣйшинъ, составленный изъ 250 членовъ, имѣвшихъ не менѣе 40 лѣтъ отъ роду, обязанъ былъ принимать или отвергать ихъ.

Во избѣжаніе поспѣшности въ законодательныхъ мѣрахъ и для того, чтобы въ минуту народнаго волненія согласіе Совѣта старѣйшинъ не могло быть вынуждено силой, рѣшеніе этого Совѣта могло состояться не иначе, какъ послѣ трехъ чтеній закона, между которыми каждый разъ должно было пройти, по крайней мѣрѣ, пять дней. Въ случаѣ крайней необходимости онъ могъ отступить отъ этой формальности; но разрѣшеніе вопроса, существуетъ ли такая необходимость, было предоставлено самому Совѣту старѣйшинъ. Этотъ Совѣтъ дѣйствовалъ то какъ законодательная власть, когда, не одобряя существа какой-нибудь мѣры, онъ употреблялъ формулу: *Совѣтъ старѣйшинъ не можетъ принять предложеннаго ему закона*,—то какъ власть охранительная, когда онъ разсматривалъ только законность новѣйшей мѣры и, признавая ее незаконною, объявлялъ ее уничтоженною во имя конституціи. Составъ Совѣтовъ рѣшено было (въ первый разъ) возобновлять не вдругъ, а по частямъ, именно наполовину черезъ каждые два года,—во избѣжаніе неумѣренной жажды нововведеній и внезапныхъ перемѣнъ въ духѣ собранія.

Исполнительная власть была отдѣлена отъ Совѣтовъ и не существовала уже болѣе въ комитетахъ Законодательнаго Собранія. Конвентъ еще слишкомъ сильно боялся монархіи, чтобы установить должность президента республики. Онъ ограничился созданіемъ Директоріи изъ пяти членовъ, избираемыхъ Совѣтомъ старѣйшинъ, по представленію Совѣта пятисотъ. Директоры могли

быть преданы суду Совѣтами, но не могли быть отрѣшаемы ими отъ должности. Они были облечены обширною, независимою исполнительною властью; но Конвентъ озаботился и о томъ, чтобы они не употребляли ее во зло, и главное —чтобы привычка къ господству не привела ихъ къ насильственному присвоенію власти. Имъ ввѣрено было завѣдываніе вооруженной силой и финансами, назначеніе должностныхъ лицъ, веденіе переговоровъ, но они ничего не могли дѣлать сами собой: они должны были дѣйствовать через посредство министровъ и генераловъ, за поведеніе которыхъ они отвѣчали. Каждый изъ нихъ былъ президентомъ Директоріи въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ; онъ подписывалъ въ это время всѣ государственные акты и распоряжался государственною печатью. Одинъ изъ пяти членовъ Директоріи ежегодно долженъ былъ уступать мѣсто другому новому члену. Итакъ, права королевской власти 1791 г. были раздѣлены между Совѣтомъ старѣйшинъ, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи veto, и Директоріей, которая имѣла исполнительную власть. Директорія получила стражу, національный дворецъ (Люксамбургскій), какъ мѣсто пребыванія ея, и опредѣленное содержаніе изъ государственныхъ доходовъ. Совѣтъ старѣйшинъ, вмѣстѣ съ правомъ предупреждать увлеченія законодательной власти, получилъ средства и для того, чтобы подавлять противозаконныя посягательства Директоріи; онъ былъ уполномоченъ перемѣнять мѣстопребываніе Совѣтовъ и правительства.

Предусмотрительность этой конституціи была неоспорима: она предотвращала и народныя насилія, и злоупотребленія власти; она принимала предосторожности противъ всѣхъ опасностей, обнаруженныхъ различными кризисами революціи. Еслибы какая-нибудь конституція могла получить прочность въ то время, то скорѣе всего, конечно, директоріальная. Она установила власть на новыхъ началахъ, допускала свободу и представляла для различныхъ партій удобный случай къ примиренію, еслибы только каждая изъ нихъ, не думая болѣе объ исключительномъ господствѣ и довольствуясь общимъ правомъ, рѣшилась безъ задней мысли занять свое настоящее мѣсто въ государствѣ. Но конституція III года оказалась не прочнѣе другихъ, потому что она не могла установить законнаго порядка противъ воли партій. Каждая изъ нихъ стремилась къ правленію, чтобы защитить свою систему и свои интересы,—и вмѣсто владычества закона опять наступило владычество силы и государственныхъ переворотовъ. Когда партіи не хотятъ покончить революцію,—а партіи, лишенныя власти, не хотятъ этого никогда,—то какъ бы хороша ни была конституція, она одна не можетъ этого достигнуть.

Члены комиссіи одиннадцати, которые со преріальскихъ дней не имѣли другой обязанности, кромѣ приготовленія органическихъ законовъ къ конституціи 1793 г., и которые послѣ 1-го пре-

рыхъ составили конституцію III года, стояли теперь во главѣ Конвента. Партія, которою они руководили, не была ни прежней жирондой, ни прежней горой. Нейтральная до 31-го мая, порабощенная до 9-го термидора, она только съ этого времени овладѣла властью, потому что послѣдовательное пораженіе жирондистовъ и монтаньяровъ оставило за ней всего больше силы. Къ ней присоединились люди крайнихъ партій, обдумавшіе ошибки ихъ. Мерленъ (изъ Дуэ) представлялъ собою ту часть этой массы, которая уступала обстоятельствамъ, Тибодо — часть, остановившуюся въ бездѣйствіи, а Дону — мужественную часть ея. Послѣдній протестовалъ противъ всѣхъ насильственныхъ дѣйствій ея во время господства Конвента — и противъ 21-го января, и противъ 31-го мая; онъ хотѣлъ, чтобы Конвентъ управлялъ страною безъ насильственныхъ мѣръ партій. Послѣ 9-го термидора онъ порицалъ ожесточеніе, обнаружившееся противъ главныхъ революціонныхъ правителей, хотя онъ и былъ ихъ жертвой, какъ одинъ изъ семидесяти трехъ. Его вліяніе усилилось по мѣрѣ того, какъ приближалось возстановленіе законнаго порядка. Его искренняя привязанность къ революціи, благородная независимость, твердость его идей и непреклонное достоинство сдѣлали его однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ дѣйствующихъ лицъ того времени. Онъ былъ главнымъ составителемъ конституціи III года; Конвентъ поручилъ ему, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими депутатами, защиту республики во время кризиса, наступившаго въ вандемьерѣ.

Реакція становилась все сильнѣе и сильнѣе: ей покровительствовало значительное большинство членовъ правой стороны, которые съ самаго начала дѣятельности Конвента были только случайными республиканцами. Они не были расположены отражать нападенія роялистовъ съ такою же энергіею, какъ и нападенія республиканцевъ. Въ числѣ ихъ находились Буасси-д'Англа, Ланжюине, Генрихъ Ларивьеръ, Соляксъ, Обри и др.; они составили средоточіе партіи кварталовъ. Прежніе [illegible] монтаньяры, какъ-то Роверъ, Бурдонъ (изъ департамента Уазы) и др., увлеченные контръ-революціоннымъ движеніемъ, допускали продолженіе реакціи, безъ сомнѣнія, для того, чтобы помириться съ тѣми, на которыхъ они прежде такъ сильно нападали.

Господствующая партія Конвента, увѣренная въ поддержкѣ демократовъ, употребляла всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать торжеству роялистовъ. Она поняла, что спасеніе республики зависѣло отъ состава Совѣтовъ, и что если члены Совѣтовъ будутъ избраны среднимъ классомъ, которымъ управляютъ роялисты, то характеръ дѣятельности ихъ неизбѣжно будетъ контръ-революціонный. Необходимо было поручить защиту вновь учреждаемаго правленія такимъ лицамъ, которыя были бы заинтересованы въ томъ. Во избѣжаніе ошибки Учредительнаго Собранія, члены котораго закрыли для себя доступъ въ слѣдующее Законодательное Собраніе, Конвентъ рѣшилъ

указомъ, что двѣ трети его членовъ должны войти въ составъ новыхъ Совѣтовъ. Этимъ способомъ онъ удерживалъ за собою большинство въ Совѣтахъ и назначеніе Директоріи; онъ получалъ возможность исполнить конституцію, имъ созданную, упрочить ее безъ потрясеній. Это обязательное избраніе двухъ третей было не совсѣмъ законно, но разумно съ политической точки зрѣнія, потому что оно одно могло спасти Францію отъ владычества демократовъ или контръ-революціонеровъ. Декретами 5-го и 13-го фрюктидора (22-го и 30-го августа 1795 г.), изъ которыхъ первый установлялъ обязательное собраніе двухъ третей, а второй опредѣлялъ время выборовъ, Конвентъ присвоилъ себѣ руководительную, умѣренную диктатуру надъ Франціей. Оба предварительные декрета были представлены на утвержденіе первоначальныхъ народныхъ собраній, въ одно время съ конституціоннымъ актомъ.

Декреты 5-го и 13-го фрюктидора застигли роялистскую партію врасплохъ. Она надѣялась проникнуть въ правительство съ помощью Совѣтовъ, вступить въ Совѣты посредствомъ выборовъ и, овладѣвъ властью, произвести перемѣну въ самомъ образѣ правленія. Неисполненіе этихъ надеждъ возбудило въ ней бѣшенство противъ Конвента. Парижскій комитетъ ея,—агентомъ котораго былъ нѣкто Лемэтръ, человѣкъ малоизвѣстный,—журналисты, предводители кварталовъ вступили въ союзъ между собою. Имъ не трудно было найти поддержку въ общественномъ мнѣніи, выраженіе котораго они на себя принимали: они обвиняли Конвентъ въ желаніи увѣковѣчить свою власть и въ посягательствѣ на верховную власть народа. Главные защитники декретовъ—Луве, Дону, Шенье—не были пощажены, и начались приготовленія къ обширному движенію. Сенъ-Жерменское предмѣстье, еще недавно опустѣлое, наполнилось съ каждымъ днемъ все больше и больше: эмигранты возвращались толпами, и заговорщики, едва скрывая свои планы, стали носить мундиры шуановъ.

Конвентъ, видя возраставшую грозу, искалъ поддержки въ арміи, составленной въ то время изъ республиканцевъ, и образовалъ лагерь въ окрестностяхъ Парижа. Народъ, устраненный отъ власти, не могъ болѣе служить опорой для Конвента; буржуазія была подъ вліяніемъ роялистовъ. 20-го фрюктидора были созваны первоначальныя собранія для разсужденія о конституціонномъ актѣ и о декретахъ 5-го и 13-го числа, которые должны были быть приняты или отвергнуты вмѣстѣ съ конституціей. Кварталъ Лепелетье (прежній Дочерей Святого Ѳомы) сдѣлался центромъ движенія. По его предложенію рѣшено было, что власть всякаго учредительнаго собранія прекращается въ присутствіи собравшагося народа. Кварталъ Лепелетье, руководимый Ришe-Серизи, Лагарпомъ, Лакретелемъ младшимъ, Вобланомъ и др., занялся образованіемъ правительства инсургентовъ, подъ именемъ центральнаго комитета. Этотъ комитетъ долженъ былъ въ вандемьерѣ играть ту же роль

противъ Конвента, какую игралъ комитетъ 10-го августа—противъ престола, комитетъ 31-го мая—противъ жирондистовъ. Большинство кварталовъ приняло эту мѣру, которая была уничтожена Конвентомъ; указъ Конвента, въ свою очередь, былъ уничтоженъ большинствомъ кварталовъ. Тогда борьба сдѣлалась открытою. Въ Парижѣ конституціонный актъ былъ отдѣленъ отъ декретовъ 5-го и 13-го фруктидора: первый былъ принятъ, послѣдніе—отвергнуты.

1-го вандемьера Конвентъ объявилъ о принятіи декретовъ большинствомъ первоначальныхъ собраній Франціи. Кварталы собрались вновь, чтобы назначить избирателей для избранія членовъ законодательныхъ совѣтовъ. 10-го они рѣшили, что избиратели соберутся во французскомъ театрѣ (онъ былъ тогда на лѣвомъ берегу Сены), и что они будутъ сопровождаемы туда вооруженною силою кварталовъ, которая поклянется защищать ихъ до смерти. Дѣйствительно, 11-го числа собраніе избирателей было открыто подъ предсѣдательствомъ герцога Нивернуа и подъ защитою нѣсколькихъ отрядовъ егерей и гренадеровъ. Конвентъ, узнавъ объ опасности, объявилъ свои засѣданія непрерывными, уставилъ вокругъ тюильрійскаго замка войска, призванныя изъ саблонскаго лагеря, и сосредоточилъ правительственную власть въ комитетѣ изъ пяти членовъ, которому поручено было принятіе всѣхъ мѣръ общественной безопасности. Членами этого комитета были: Колломбель, Баррасъ, Дону, Летурнеръ и Мерленъ (изъ Дуэ). Революціонеры не были болѣе опасны для Конвента; онъ даровалъ свободу всѣмъ заключеннымъ вслѣдствіе преріальскихъ событій. Составленъ былъ полкъ, подъ именемъ батальона патріотовъ 89 г., изъ тысячи пятисотъ или восьмисотъ революціонеровъ, которые были преслѣдуемы реакціонерами въ департаментахъ или въ Парижѣ. 11-го числа вечеромъ Конвентъ приказалъ разсѣять силою собраніе избирателей; но оно разошлось еще передъ тѣмъ, отложивъ свое засѣданіе до слѣдующаго дня.

Въ ночь съ 11-го на 12-ое декретъ о распущеніи собранія избирателей и о вооруженіи батальона патріотовъ 89 г. возбудилъ въ Парижѣ сильное волненіе. Начали бить сборъ; кварталъ Лепелетье гремѣлъ противъ деспотизма Конвента, противъ возвращенія террора, и въ продолженіе цѣлаго дня приготовлялъ другіе кварталы къ открытой борьбѣ. Вечеромъ Конвентъ, не менѣе взволнованный и самъ, рѣшился взять на себя иниціативу, окружить мятежный кварталъ и прекратить кризисъ обезоруженіемъ его. Генералу Мену и депутату Лапорту было поручено исполнить эту задачу. Главной квартирой инсургентовъ служилъ монастырь Дочерей Святого Ѳомы, передъ которымъ расположенъ былъ въ боевомъ порядкѣ отрядъ въ семьсотъ или восемьсотъ человѣкъ. Онъ былъ окруженъ превосходными силами: сбоку—со стороны бульваровъ, спереди—со стороны улицы Вивьеннъ; но вмѣсто того, чтобы его обезоружить, начальники экспедиціи вступили съ нимъ въ переговоры. Было рѣшено, что обѣ стороны удалятся; но едва только ушли войска Конвента, какъ

инсургенты заняли прежнюю свою позицію въ числѣ еще болѣе значительномъ. Для нихъ это была настоящая побѣда, которая, по обыкновенію, была преувеличена въ Парижѣ, воодушевила ихъ приверженцевъ, умножила ихъ число и дала имъ смѣлость напасть на Конвентъ на слѣдующій день 13-го вандемьера. Въ одиннадцать часовъ вечера Конвентъ узналъ объ неудачѣ отступленія и объ опасныхъ послѣдствіяхъ ея. Мену тотчасъ же былъ смѣщенъ, и начальство надъ вооруженной силой ввѣрено Баррасу, генералу 9-го термидора. Баррасъ просилъ комитетъ пяти назначить ему въ помощники молодого офицера, отличившагося во время осады Тулона, но отставленнаго отъ службы реакціонерами. Офицера, человѣка умнаго и рѣшительнаго, способнаго оказать услугу республикѣ въ такую опасную минуту. Этотъ молодой офицеръ былъ Бонапартъ: онъ предсталъ предъ комитетомъ, и ничто въ его личности не предвѣщало еще удивительной судьбы его. Онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи и только въ первый разъ былъ вызванъ на главную сцену событій. Въ его осанкѣ было что-то робкое и неувѣренное, но смѣлое, впрочемъ, въ приготовленіяхъ и ходу битвы. Онъ поспѣшно вывезъ пушки изъ саблонскаго лагеря и расположилъ ихъ, равно какъ и пять тысячъ человѣкъ конвентскаго войска, на всѣхъ пунктахъ, откуда могло произойти нападеніе. 13-го вандемьера, около полудня, окрестности Тюильри имѣли видъ крѣпости, которую нужно было взять приступомъ. Оборонительная линія тянулась: съ прибрежной стороны Тюильри — отъ Новаго моста до моста Людовика XV; съ противоположной стороны — по всѣмъ улицамъ, ведущимъ въ Тюильри изъ улицы Сентъ-Оноре, начиная съ улицы Роганъ, Эшель и глухого переулка Дофина до площади Революціи. Впереди тюильрійскаго замка Лувръ, садъ Инфанты, Карусельская площадь были заняты пушками; сзади, на Pont Tournant и на площади Революціи, были расположены резервныя орудія. Въ такомъ положеніи Конвентъ ожидалъ приближенія инсургентовъ.

Инсургенты вскорѣ окружили Конвентъ съ нѣсколькихъ сторонъ. Ихъ было всего около сорока тысячъ, подъ начальствомъ генераловъ Даникана, Дюку и бывшаго тѣлохранителя Лафона. Тридцать два квартала, составлявшихъ большинство, участвовали въ образованіи этой вооруженной силы. Изъ числа шестнадцати другихъ многіе кварталы предмѣстій включили свои войска въ составъ батальона 89 года; нѣкоторые послали помощь Конвенту уже во время битвы, какъ-то: кварталы Quinze-Vingts и Montreuil; другіе, при всей готовности своей, не могли этого сдѣлать, какъ, напримѣръ, кварталъ Попенкуръ; нѣкоторые, наконецъ, оставались нейтральными, — напримѣръ, кварталъ Нераздѣльности. Въ третьемъ часу генералъ Карто, занимавшій Новый мостъ съ четырьмя стами человѣкъ и двумя четырехфунтовыми пушками, былъ окруженъ нѣсколькими колоннами инсургентовъ, которые принудили его отступить къ Лувру. Этотъ успѣхъ ободрилъ инсургентовъ, ожи-

имъ превосходство силъ на всѣхъ пунктахъ. Генералъ Даниканъ потребовалъ отъ Конвента удаленія его войскъ и обезоруженія террористовъ. Уполномоченный его, введенный въ собраніе съ завязанными глазами, сначала произвелъ въ немъ большое смятеніе. Многіе члены подали голосъ за попытку соглашенія. Буасси-д'Англа совѣтовалъ вступить въ переговоры съ Даниканомъ; Гамонъ предложилъ прокламацію, въ которой бы приглашали гражданъ удалиться, обѣщая имъ обезоружить потомъ баталіонъ 89-го года. Это предложеніе возбудило сильный ропотъ. Шенье бросился на трибуну. «Я удивляюсь, — сказалъ онъ, — что къ намъ являются сообщать требованія возмутившихся кварталовъ. Тутъ не можетъ быть никакой примирительной сдѣлки: Національный Конвентъ долженъ побѣдить или умереть!» Ланжюине пытался было поддержать предложеніе Гамона, указавъ на печальность и бѣдствія междоусобной войны; но Конвентъ не хотѣлъ его слушать и, по предложенію Фермона, перешелъ къ текущимъ дѣламъ. Споры о мирныхъ или воинственныхъ мѣрахъ въ отношеніи къ кварталамъ продолжались еще нѣсколько времени, какъ вдругъ, въ половинѣ пятаго, послышалась пальба изъ ружей, положившая конецъ преніямъ. Въ залу было принесено семьсотъ ружей; члены Конвента вооружились и составили какъ бы резервный корпусъ. Битва завязалась въ улицѣ Сентъ-Оноре, гдѣ господствовали инсургенты. Первые выстрѣлы сдѣланы были изъ отеля де-Ноаль, и затѣмъ убійственный огонь продолжался по всей линіи. Черезъ нѣсколько минутъ на другомъ флангѣ двѣ колонны, составленныя приблизительно изъ четырехъ тысячъ человѣкъ, подъ предводительствомъ графа Мольврие, двинулись вдоль набережной и атаковали Королевскій мостъ. Битва сдѣлалась общей, но она не могла быть продолжительной: мѣсто засѣданій Конвента было слишкомъ хорошо защищено, чтобы можно было взять его приступомъ. Черезъ часъ инсургенты были вытѣснены изъ церкви Сенъ-Рокъ и улицы Сентъ-Оноре пушками Конвента и баталіономъ патріотовъ. Колонна Королевскаго моста выдержала спереди и съ фланговъ, со стороны моста и набережныхъ, три пушечныхъ залпа, которые пошатнули ее и вскорѣ обратили въ бѣгство. Въ семь часовъ вечера войско Конвента, побѣдоносное на всѣхъ пунктахъ, перешло отъ обороны къ наступленію; въ девять часовъ оно выгнало инсургентовъ изъ театра республики и со всѣхъ постовъ, занимаемыхъ ими въ сосѣдствѣ Пале-Рояля. Они намѣревались строить баррикады ночью; чтобы воспрепятствовать ихъ работамъ, въ улицѣ Закона (теперь улица Ришелье) дано было по нимъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. На слѣдующій день, 14-го, войска Конвента обезоружили кварталъ Лепелетье и возстановили порядокъ во всѣхъ остальныхъ. Собраніе, боровшееся только для защиты, выказало благоразумную умѣренность. 13-е вандемьера было 10-мъ августа роялистовъ противъ республики, съ тою только разницею, что Конвентъ воспротивился буржуази

горяло у алчнѣе, нежели престолъ—предмѣстьямъ. Положеніе, въ которомъ находилась Франція, много способствовало побѣдѣ Конвента. Французы въ это время хотѣли республики безъ революціоннаго правительства, умѣренности—безъ контръ-революціи. Конвентъ, вѣрный своей посреднической роли, высказался одинаково какъ противъ исключительнаго господства низшаго класса, который былъ побѣжденъ въ преріалѣ, такъ и противъ реакціоннаго господства буржуазіи, отраженной въ вандемьерѣ. Онъ одинъ казался способнымъ удовлетворить двойному желанію народа и прекратить состояніе войны, продолжавшееся во время постепеннаго перехода власти отъ одной партіи къ другой. Это положеніе дѣлъ, наравнѣ съ собственными опасностями Конвента, дало ему смѣлость въ сопротивленіи и увѣренность въ побѣдѣ. Кварталы не могли застигнуть его врасплохъ, а тѣмъ менѣе взять его приступомъ.

Послѣ вандемьерскихъ событій Конвентъ занялся составленіемъ Совѣтовъ и Директоріи; выборы въ той мѣрѣ, въ какой они были предоставлены усмотрѣнію избирателей (т. е. выборъ одной трети членовъ Совѣтовъ), совершались въ духѣ реакціонномъ. Нѣсколько членовъ Конвента, во главѣ которыхъ стоялъ Тальенъ, предложили уничтоженіе этихъ выборовъ и хотѣли пріостановить введеніе въ дѣйствіе конституціоннаго правленія. Тибодо, съ большою смѣлостью и красворѣчіемъ, помѣшалъ исполненію этого намѣренія. Вся господствующая партія Конвента раздѣляла его мнѣніе. Она отвергала всякій насильный произволъ и выражала нетерпѣливое желаніе выйти изъ переходнаго состоянія, длившагося уже три года. Конвентъ обратился въ *національное избирательное собраніе*, чтобы возобновить полномочіе двухъ третей изъ числа своихъ членовъ. Затѣмъ онъ образовалъ законодательные Совѣты: Совѣтъ старѣйшинъ—изъ 250 членовъ, которые, согласно съ требованіемъ новаго закона, имѣли болѣе 40 лѣтъ отъ роду, и Совѣтъ пятисотъ — изъ всѣхъ прочихъ. Совѣты собрались въ Тюильри. Теперь надлежало образовать правительство.

Вандемьерское возстаніе было еще свѣжо въ памяти всѣхъ; республиканская партія, опасаясь болѣе всего контръ-революціи, согласилась избрать въ директоры только членовъ Конвента, и притомъ такихъ, которые подали голосъ за смерть короля. Нѣсколько членовъ, въ числѣ которыхъ былъ Дону, оспаривали это мнѣніе, которое ограничивало кругъ выборовъ и сохраняло за правительствомъ диктаторскій и революціонный характеръ; но оно одержало верхъ. Въ составъ Директоріи были избраны: Ларевельеръ-Лепо, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ по причинѣ его смѣлаго образа дѣйствій 31-го мая, его честности и умѣренности; Сійесъ, пользовавшійся въ то время наибольшей славой; Ребель, отличавшійся рѣдкою административною дѣятельностью; Летурнёръ, одинъ изъ членовъ комиссіи пяти во время послѣдняго кризиса, и Баррасъ, возвысившійся вслѣдствіе своихъ удачъ въ термидорѣ

и вандемьерѣ. Сіессъ, отказавшійся отъ участія въ законодательной комиссіи одиннадцати, не хотѣлъ вступить и въ Директорію; неизвѣстно, было ли это слѣдствіемъ разсчета или непреодолимой антипатіи къ Ребелю. Онъ былъ замѣненъ Карно, единственнымъ членомъ прежняго комитета, который былъ пощаженъ вслѣдствіе своей политической безукоризненности и значительнаго участія въ побѣдахъ республики. 4-го брюмера Конвентъ, чтобы возвратиться къ законному правленію, издалъ законъ объ амнистіи, переименовалъ площадь Революціи въ площадь Согласія и объявилъ свою сессію оконченною.

Дѣятельность Конвента продолжалась три года, съ 21-го сентября 1792 до 26-го октября 1795 г. (4-го брюмера IV г.). Онъ слѣдовалъ въ это время различнымъ направленіямъ. Въ первые шесть мѣсяцевъ своего существованія онъ былъ втянутъ въ борьбу, завязавшуюся между партіей законности — жирондой и партіей революціонной — горой. Послѣдняя одержала верхъ и господствовала съ 31-го мая 1793 г. до 9-го термидора II г. (26-го іюля 1794 г.). Конвентъ подчинялся въ это время правленію комитета общественнаго спасенія, который уничтожилъ сперва прежнихъ союзниковъ своихъ, членовъ горы и думы, и наконецъ погибъ самъ, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ. Съ 9-го термидора до брюмера IV г. Конвентъ побѣдилъ революціонеровъ и роялистовъ и, вопреки тѣмъ и другимъ, старался упрочить умѣренную республику.

Въ продолженіе этого длиннаго и ужаснаго періода насильственное состояніе общества превратило революцію въ войну, Конвентъ — въ поле сраженія. Каждая партія хотѣла побѣдой утвердить свое господство и упрочить его, положивъ основаніе своей системѣ. Это пытались сдѣлать, одна вслѣдъ за другою, партія жирондистовъ, партія монтаньяровъ, партія думы, партія Робеспьера; но всѣ эти попытки не удались, всѣ эти партіи погибли. У нихъ доставало силы для того, чтобы побѣдить, но не для того, чтобы основать что-нибудь прочное. Отличительное свойство подобной бури заключается именно въ томъ, что она ниспровергаетъ всякаго, кто старается упрочить положеніе свое. Все носило на себѣ слѣды переходнаго состоянія — и власть, и люди, и партіи, и системы, потому что дѣйствительна и возможна была только одна война. Конвенту, со времени возвращенія его къ власти, понадобился цѣлый годъ, чтобы привести революцію къ законному порядку вещей, — и онъ могъ достигнуть этого только двумя побѣдами, въ преріалѣ и вандемьерѣ. Тогда, возвратясь къ точкѣ отправленія своей, выполнивъ свое настоящее призваніе — отстоявъ республику и учредивъ республиканскій образъ правленія, — Конвентъ исчезъ со сцены свѣта, въ которомъ онъ распространилъ удивленіе и ужасъ. Представитель власти по преимуществу революціонной, онъ окончился тамъ, гдѣ начался вновь законный порядокъ.

Исполнительная Директорія.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Съ водворенія Директоріи, 27-го октября 1795 г., до государственнаго переворота, 18-го фруктидора V г. (3-го августа 1792 г.).

Обзоръ революціи. — Характеръ ея второго возстановительнаго періода; переходъ отъ общественной жизни къ жизни частной. — Пять директоровъ; труды ихъ по внутреннимъ дѣламъ республики. — Умиротвореніе Вандеи. Заговоръ Бабёфа, послѣднее пораженіе демократической партіи. — Планъ кампаніи противъ Австріи; завоеваніе Италіи генераломъ Бонапартомъ; договоръ въ Кампоформіо; признаніе французской республики со всѣми ея пріобрѣтеніями и окружающими ее республиками: батавской, ломбардской, лигурійской, которыя продолжаютъ ея систему въ Европѣ. — Возобновленіе выборовъ V-го года; они измѣняютъ положеніе республики. — Новая борьба между контръ-революціонною партіею, преобладающею въ Совѣтахъ, въ клубѣ Клиши, въ салонахъ, и партіею Конвента, занимающею мѣсто въ Директоріи, въ сальмскомъ клубѣ и въ арміи. — Государственный переворотъ 18-го фруктидора; роялистская партія еще разъ претерпѣваетъ пораженіе.

Французская революція, уничтожившая старый порядокъ управленія и поколебавшая до основанія старое общество, имѣла двѣ ясно опредѣленныя цѣли: введеніе свободныхъ учрежденій и развитіе цивилизаціи. Въ продолженіе шести лѣтъ всѣ классы, составлявшіе французскую націю, изыскивали лучшую форму правленія. Привилегированные классы желали установить порядокъ вещей, направленный противъ двора и буржуазіи, посредствомъ сохраненія сословій и генеральныхъ штатовъ; буржуазія хотѣла овладѣть властью, удаливъ отъ нея привилегированные классы и массу народа, посредствомъ уложенія 1791 г.; масса народа хотѣла водворить свою систему противъ всѣхъ остальныхъ сословій

при помощи конституціи 1795 г. Ни одна изъ этихъ системъ не могла быть прочной, потому что всѣ онѣ были исключительны. Но во время испытанія ихъ каждый классъ, временно преобладавшій, уничтожалъ въ сословіяхъ, надъ нимъ поставленныхъ, то, что въ нихъ было нетерпимаго и мѣшавшаго развитію новѣйшей цивилизаціи.

Когда Директорія заступила мѣсто Конвента, борьба классовъ значительно ослабѣла. Верхній слой каждаго изъ нихъ составлялъ партію, сражавшуюся изъ-за власти и формы правленія; но большинство націи, такъ глубоко потрясенной съ 1789 по 1795 г., стремилось къ тому, чтобы успокоиться и устроиться согласно новому порядку вещей. Въ это время уже замѣтенъ конецъ стремленія къ свободѣ и начало стремленія къ цивилизаціи. Революція приняла второй свой характеръ—характеръ порядка, созиданія и покоя, послѣ безпокойствъ, громаднаго труда и полнаго разрушенія, ознаменовавшаго ея первые годы.

Этотъ второй періодъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ какъ бы прекратилось стремленіе къ свободѣ. Не будучи въ состояніи овладѣть ею исключительно и на долгое время, партіи пришли въ уныніе и бросились изъ общественной жизни въ частную. Этотъ второй періодъ распадается, въ свою очередь, на двѣ эпохи: онъ былъ либераленъ при Директоріи и въ началѣ Консульства и запечатлѣнъ военнымъ духомъ въ концѣ Консульства и при Имперіи. Революція становилась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе матеріальною: создавъ сначала народъ сектаторовъ, она создала потомъ народъ работниковъ и наконецъ—народъ солдатъ.

Много иллюзій исчезло; въ нѣсколько лѣтъ Франція пережила столько различныхъ состояній, и пережила ихъ такъ скоро, что всѣ понятія перепутались, всѣ вѣрованія были поколеблены. Господство средняго класса, также какъ и царство массъ, миновало подобно мимолетной фантасмагоріи. События оставили далеко за собою Францію 14-го іюля, съ ея глубокимъ убѣжденіемъ, ея высокою нравственностью, ея собраніемъ, пользовавшимся всемогуществомъ разума и свободы, ея народными магистратурами, ея буржуазною стражею, ея одушевленными блестящими, мирными формами, носившими на себѣ печать порядка и независимости. Далека была и болѣе сумрачная, болѣе бурная Франція 10-го августа, въ которой одинъ только классъ составлялъ и правительство, и общество, въ которую онъ внесъ свой языкъ, свои нравы, свой костюмъ, тревогу своихъ опасеній, фанатизмъ своихъ идей, недовѣрчивость и систему своего положенія. Въ то время общественная жизнь совершенно замѣнила собою частную; республика являлась то народнымъ собраніемъ, то лагеремъ; богатые были подчинены бѣднымъ, и демократическія вѣрованія стояли рядомъ съ народной администраціей, суровой и мрачной. Въ каждую изъ этихъ эпохъ господствовала сильная привязанность къ какой-нибудь идеѣ: сна-

чала въ свободѣ и конституціонной монархіи, потомъ въ равенству, братству, республикѣ. Но при установленіи Директоріи не вѣрили больше ничему; все исчезло въ великомъ потокѣ партій — и добродѣтель буржуазіи, и добродѣтель народа. Выходя изъ бѣшеной бури, всѣ чувствовали себя ослабѣвшими и разбитыми; каждый вспоминалъ съ ужасомъ о политической жизни и обращался съ необузданною страстью къ удовольствіямъ и сближеніямъ частной жизни, такъ долго остававшейся въ пренебреженіи. Балы, празднества, катанья, великолѣпные экипажи вошли въ моду больше, чѣмъ когда-нибудь это было раньше при господствѣ стараго порядка. Господство санкюлотовъ привело опять къ господству богатыхъ; клубы — къ возрожденію салоновъ. Этотъ первый признакъ возвращенія къ новой цивилизаціи не могъ не быть крайне безпорядочнымъ. Нравы Директоріи были продуктомъ стараго общества, которое должно было появиться еще разъ прежде окончательнаго устройства отношеній и нравовъ новаго общества. Въ это переходное время роскошь должна была породить трудъ, ажіотажъ — торговлю, салоны — сближеніе партій, которыя могли перенести одна другую лишь въ частной жизни; наконецъ — изъ цивилизаціи должна была возродиться свобода.

Неутѣшительную картину представляло положеніе республики при Директоріи. Не существовало никакихъ элементовъ порядка и администраціи. Въ государственной казнѣ не было денегъ; курьеры часто запаздывали по недостатку незначительной суммы, необходимой для ихъ отправленія. Внутри страны во всемъ проявлялась анархія и неувѣренность въ будущемъ. Бумажныя деньги, потерявшія всякую цѣнность и значеніе кредита, разрушали довѣріе и торговлю; голодъ продолжался, потому что никто не хотѣлъ продавать съѣстные припасы, такъ какъ это значило бы отдавать ихъ даромъ; арсеналы были истощены или пусты. Заграничныя арміи не имѣли ни фуръ, ни лошадей, ни провіанта; солдаты оставались безъ одежды, а генералы часто не получали своего мѣсячнаго жалованья въ восемь франковъ звонкою монетою, — необходимой, хотя и весьма умѣренной прибавки къ жалованью, которое они получали ассигнаціями. Однимъ словомъ, неудовольствіе — результатъ лишеній — поколебало дисциплину; войска были снова разбиты и принуждены занять оборонительное положеніе.

Этотъ кризисъ обнаружился послѣ паденія комитета общественнаго спасенія. Послѣдній предупреждалъ недостатокъ какъ въ арміи, такъ и внутри страны, посредствомъ реквизицій и обязательной таксы на съѣстные припасы. Никто не осмѣливался противиться этой финансовой мѣрѣ, дѣлавшей богатыхъ людей и торговцевъ данниками солдатъ и массы народа; въ продолженіе этой эпохи съѣстные припасы не исчезали изъ торговли. Но съ прекращеніемъ насильственныхъ мѣръ и конфискацій народъ, Конвентъ и арміи были предоставлены на произволъ собственниковъ и спекуляторовъ;

наступила страшная нищета,—реакція противъ maximum. Политико-экономическая система Конвента заключалась въ расходованіи огромнаго капитала, представляемаго ассигнаціями. Это собраніе было правительствомъ богатымъ, разорившимся при защитѣ революціи. Имѣнія казны, именно духовенства, монашества и эмигрировавшаго дворянства—составлявшія, вмѣстѣ взятыя, около половины французской территоріи—были проданы, а полученныя деньги истрачены на содержаніе народа, который работалъ мало, и на внѣшнюю защиту республики. Больше сорока пяти милліардовъ ассигнаціями было выпущено до 9-го термидора, а съ тѣхъ поръ къ этой и безъ того громадной суммѣ прибавилось еще тридцать милліардовъ. Продолженіе подобной системы было невозможно; необходимо было возвратиться къ труду и звонкой монетѣ.

Люди, которымъ досталась обязанность положить конецъ, помочь такому серьезному разстройству, были большею частью люди обыкновенные; но они принялись за дѣло съ рвеніемъ, мужествомъ и здравымъ смысломъ. «Когда директоры,—говоритъ г-нъ Байльель *),—вошли въ Люксембургъ, они не нашли тамъ никакой мебели. Въ одной изъ комнатъ дворца они усѣлись вокругъ шаткаго стола съ гнилою отъ ветхости ножкою, положили на него тетрадь почтовой бумаги и склянку съ чернилами, которую, къ счастью, они имѣли предосторожность взять изъ комитета общественнаго спасенія, и усѣлись на четырехъ соломенныхъ стульяхъ, противъ нѣсколькихъ плохо горѣвшихъ полѣньевъ, взятыхъ въ долгъ у сторожа Дюпона. Кто могъ повѣрить, что при такой-то обстановкѣ члены новаго правительства, разсмотрѣвъ всѣ затрудненія,—скажу болѣе: весь ужасъ своего положенія,—рѣшили, что они пойдутъ навстрѣчу всѣмъ препятствіямъ, что они погибнутъ или извлекутъ Францію изъ пропасти, въ которую она была погружена!.. На листѣ почтовой бумаги они составили актъ, которымъ объявлялось объ открытіи дѣйствій новаго правительства, и который тотчасъ же былъ сообщенъ законодательнымъ палатамъ».

Затѣмъ директоры раздѣлили между собою работу. Они сообразовались при этомъ съ причинами, побудившими партію Конвента остановиться на ихъ выборѣ. Ребель, человѣкъ крайне дѣятельный, законникъ, знакомый съ администраціею и дипломатіею, получилъ въ свое завѣдываніе юстицію, финансы и внѣшнія сношенія. Въ скоромъ времени, вслѣдствіе ли своего искусства или властолюбиваго характера, онъ сдѣлался главою гражданской власти Директоріи. Баррасъ не обладалъ никакими спеціальными свѣдѣніями; ума онъ былъ посредственнаго, лишенъ особенныхъ дарованій и лѣнивъ по своимъ привычкамъ. Въ минуту опасности

*) «Examen critique des Considérations de madame de Staël sur la Révolution française», par M. J. Ch. Bailleul, ancien député, tome II, pages 275 et 281.

онъ былъ способенъ, по своей рѣшительности, къ смѣлому поступку, вродѣ тѣхъ, которые онъ совершилъ въ термидорѣ и вандемьерѣ; но въ обыкновенное время онъ былъ годенъ единственно къ наблюденію за партіями, которыхъ интриги онъ могъ знать лучше, чѣмъ всякій другой. Ему была поручена полицейская часть: должность эта подходила къ нему тѣмъ болѣе, что онъ былъ гибокъ, неразборчивъ, равнодушенъ ко всѣмъ политическимъ сектамъ, близокъ къ революціонерамъ по своему образу дѣйствій, къ аристократамъ — по своему происхожденію. Баррасъ принялъ на себя также внѣшнее представительство Директоріи и учредилъ въ Люксембургѣ нѣчто вродѣ республиканскаго регентства. Честный, умѣренный Ларевельеръ — кротость котораго, соединенная съ мужествомъ, искренняя привязанность къ республикѣ и законнымъ мѣрамъ были причиною того, что Конвентъ и общественное мнѣніе единодушнымъ движеніемъ выбрали его въ члены Директоріи — получилъ въ свое завѣдываніе воспитаніе, науки, искусства, мануфактуры и т. п. Летурнеръ, старый артиллерійскій офицеръ, членъ комитета общественнаго спасенія въ послѣднее время существованія Конвента, былъ назначенъ къ управленію военными дѣлами. Но когда, послѣ отказа Сіейса, былъ выбранъ въ директоры Карно, то завѣдываніе военною частью перешло къ послѣднему, а Летурнеру были предоставлены морская часть и колоніи. Большія способности Карно и его рѣшительный характеръ сдѣлали его полнымъ распорядителемъ этой части. Летурнеръ сошелся съ нимъ, подобно тому, какъ Ларевельеръ сошелся съ Ребелемъ, а Баррасъ остался нейтральнымъ между ними. При такомъ распредѣленіи правительственныхъ функцій директоры занялись, съ большимъ согласіемъ, приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ государства и вообще благосостояніемъ его.

Директоры открыто пошли по дорогѣ, начертанной имъ конституціею. Устроивъ власть въ центрѣ республики, они организовали ее въ департаментахъ и установили, насколько могли, единство цѣли между отдѣльными отраслями администраціи и собственнымъ управленіемъ своимъ. Поставленные между двумя исключительными и недовольными партіями — преріалистовъ и вандемьерцевъ, они рѣшительнымъ образомъ дѣйствій стремились подчинить ихъ порядку вещей, составлявшему середину между ихъ крайними притязаніями. Они старались возбудить энтузіазмъ и возстановить порядокъ первыхъ годовъ революціи. «Вы, которыхъ мы призываемъ раздѣлить наши труды, — писали они къ своимъ агентамъ, — вы, которые должны вмѣстѣ съ нами привести въ дѣйствіе республиканскую конституцію, — вашею первою добродѣтелью, вашимъ первымъ чувствомъ должна быть та твердо выраженная воля, та патріотическая вѣра, которая произвела свои чудеса и создала своихъ счастливыхъ энтузіастовъ. Все будетъ достигнуто, когда, благодаря вашимъ заботамъ, эта искренняя любовь къ свободѣ, которая освятила зарю революціи, вновь охватитъ сердца всѣхъ французовъ.

Развѣвающіеся на всѣхъ домахъ знамя свободы, республиканскій девизъ, написанный на всѣхъ дверяхъ, представляютъ, безъ сомнѣнія, великолѣпное зрѣлище. Старайтесь достигнуть большаго: приблизьте день, въ который священное имя республики добровольно будетъ начертано во всѣхъ сердцахъ».

Въ короткое время твердый и благоразумный образъ дѣйствій новаго правительства водворилъ довѣріе и спокойствіе, оживилъ трудъ и торговлю. Продажа съѣстныхъ припасовъ была обезпечена, и къ концу зимы Директорія сложила съ себя обязанность продовольствовать Парижъ, предоставивъ это дѣло естественному его ходу. Громадная сумма дѣятельности, созданная революціею, начала обращаться къ промышленности и земледѣлію. Часть населенія оставила клубы и площади и возвратилась къ полямъ и мастерскимъ: тогда обнаружились благодѣянія революціи, которая, уничтоживъ корпораціи, раздробивъ собственность, отмѣнивъ привилегіи, увеличивъ средства цивилизаціи, должна была быстро распространить удивительное благоденствіе во Франціи. Директорія содѣйствовала этому стремленію къ труду полезными учрежденіями. Она возобновила публичныя выставки промышленности и усовершенствовала систему образованія, установленную декретомъ Конвента. Національный институтъ, начальныя, центральныя и нормальныя школы образовали стройную систему республиканскихъ учрежденій. Директоръ Ларевельеръ, на котораго возложена была нравственная сторона правительственной дѣятельности, возымѣлъ въ то время мысль учредить, подъ названіемъ теофилантропіи, деистическое богослуженіе, которое комитетъ общественнаго спасенія тщетно пытался установить въ формѣ празднества въ честь Верховнаго Существа. Онъ создалъ для него храмы, пѣніе, формулы и нѣчто вродѣ литургіи; но подобное вѣрованіе могло быть только индивидуальнымъ и не могло долго оставаться общественнымъ. Надъ теофилантропами много смѣялись, такъ какъ богослуженіе ихъ было противно политическимъ мнѣніямъ и невѣрію революціонеровъ. При переходѣ отъ общественныхъ учрежденій къ индивидуальнымъ убѣжденіямъ цивилизація заступила мѣсто свободы, мнѣнія—мѣсто обрядовъ; остались деисты, но не было больше теофилантроповъ.

Тѣснимая нуждою въ деньгахъ и печальнымъ состояніемъ финансовъ, Директорія прибѣгла къ нѣсколькимъ не совсѣмъ обыкновеннымъ средствамъ: чтобы удовлетворить не терпящимъ отлагательства нуждамъ, она продала или заложила самыя дорогія вещи, находившіяся въ государственныхъ кладовыхъ (gardemeuble); оставались еще національныя имѣнія,—но они продавались туго и на ассигнаціи. Директорія предложила принудительный заемъ, который совѣты утвердили декретомъ. Это распоряженіе было остаткомъ революціонныхъ мѣръ въ отношеніи къ богатымъ; но оно не удалось, потому что было принято смутно и приведено

въ исполненіи безъ энергіи. Тогда Директорія попыталась возстановить значеніе бумажныхъ денегъ: она предложила выпускъ территоріальныхъ векселей (mandats territoriaux) для выкупа находившихся въ обращеніи ассигнацій по курсу 30:1 и для замѣны звонкой монеты. Совѣты декретировали выпускъ территоріальныхъ векселей на сумму двухъ милліардовъ четырехсотъ милліоновъ. Преимущество ихъ состояло въ томъ, что они тотчасъ же по предъявленіи могли быть обмѣнены на національныя имѣнія, которыя служили ихъ обезпеченіемъ. Они облегчили продажу значительнаго числа имѣній и докончили такимъ образомъ революціонное значеніе ассигнацій, которыхъ они составляли какъ бы второй періодъ. Они дали Директоріи временный источникъ доходовъ, но также потеряли свою цѣнность и незамѣтно привели къ банкротству, которое послужило переходомъ отъ бумажныхъ денегъ къ звонкой монетѣ.

Военное положеніе республики было не блестящее: въ послѣднее время дѣятельности Конвента побѣды пріостановились. Двусмысленное положеніе и слабость центральной власти, а также недостатокъ финансовыхъ средствъ ослабили дисциплину въ войскахъ. Къ тому же генералы, прославившіе себя побѣдами и не побуждаемые болѣе энергическимъ правительствомъ, были склонны къ неповиновенію. Конвентъ поручилъ Пишегрю и Журдану—одному во главѣ рейнской арміи, другому съ арміей Самбры и Мааса—окружить Майнцъ и овладѣть имъ для того, чтобы занять всю линію Рейна. Пишегрю былъ причиною полной неудачи этого плана. Несмотря на то, что онъ былъ облеченъ полнымъ довѣріемъ республики и пользовался самой высокой военной славой этой эпохи, онъ принялъ участіе въ контръ-революціонныхъ козняхъ и вступилъ въ сношенія съ принцемъ Конде; но сдѣлка между ними не состоялась. Пишегрю приглашалъ эмигрировавшаго принца проникнуть со своими войсками во Францію черезъ Швейцарію или черезъ Рейнъ, обѣщая ему свое бездѣйствіе,—единственное, что отъ него только зависѣло. Принцъ требовалъ, чтобы Пишегрю открыто перевелъ свою армію подъ бѣлое (бурбонское) знамя,—армію, которая была одушевлена вполнѣ республиканскимъ духомъ. Безъ сомнѣнія, эта нерѣшительность повредила престижъ реакціонеровъ, которые приготовляли въ то время заговоръ вандемьера. Не желая такъ или иначе прислуживаться своимъ новымъ союзникамъ и измѣнить отечеству, Пишегрю допустилъ разбить себя при Гейдельбергѣ, подвергнулъ опасности армію Журдана, очистилъ Маннгеймъ, снялъ осаду съ Майнца, потерпѣлъ огромныя потери, и сдѣлалъ невозможнымъ вторженіе во Францію со стороны этой границы.

Директорія застала Рейнъ открытымъ со стороны Майнца, войну въ Вандеѣ—вновь разгорѣвшейся, берега океана и Голландіи—угрожаемые высадкой со стороны Англіи, наконецъ итальян-

скую армію—итальянскую незадолго до того и одна выдерживавшую оборонительное положеніе, подъ начальствомъ Шерера и Келлермана. Когда Карно приготовилъ новый планъ кампаніи, который, на этотъ разъ, долженъ былъ перенести республиканскія войска въ самое сердце непріятельскихъ государствъ, Бонапартъ, назначенный послѣ вандемьерскихъ дней начальникомъ войскъ, расположенныхъ внутри страны, былъ поставленъ во главѣ итальянской арміи. Журданъ остался во главѣ арміи Самбры и Мааса, а Моро былъ назначенъ начальникомъ рейнской арміи, на мѣсто Пишегрю. Послѣднему, измѣну котораго Директорія подозрѣвала, но безъ положительныхъ доказательствъ, было предложено посольство въ Швецію; онъ не согласился принять его и удалился въ свою родину, Арбуа. Три большія арміи, подъ начальствомъ Бонапарта, Журдана и Моро, должны были сдѣлать нападеніе на австрійскую монархію черезъ Италію и Германію, соединиться при выходѣ изъ Тироля и вмѣстѣ идти на Вѣну. Генералы приготовились исполнить это обширное предпріятіе, въ случаѣ удачи котораго республика должна была овладѣть главнымъ центромъ коалиціи на континентѣ.

Директорія ввѣрила генералу Гошу начальство надъ берегами океана и поручила ему окончить войну въ Вандеѣ. Гошъ измѣнилъ систему войны, введенную его предшественниками. Вандея была готова покориться. Ея побѣды въ началѣ войны не привели къ торжеству ея дѣла; пораженія и неудачи подвергли ее опустошеніямъ и пожарамъ. Инсургенты, совершенно упавшіе духомъ послѣ пораженія при Савенѣ, вслѣдствіе потери своихъ главнѣйшихъ начальниковъ, лучшихъ солдатъ, и вслѣдствіе разрушительной системы адскихъ колоннъ, не желали ничего другого, какъ только примиренія съ республикою. Война держалась только нѣсколькими предводителями — Шареттомъ, Стоффле и другими. Гошъ понялъ, что слѣдуетъ отдѣлить отъ нихъ массу посредствомъ уступокъ и затѣмъ разбивать ихъ. Онъ отдѣлялъ съ большимъ искусствомъ дѣло роялистовъ отъ дѣла религіознаго и воспользовался священниками противъ генераловъ, выказавъ много снисходительности къ католическому богослуженію. Онъ направилъ на страну четыре сильныя колонны, отнялъ у жителей ихъ скотъ и возвращалъ его только тогда, когда получалъ взамѣнъ его ихъ оружіе. Онъ не давалъ отдыха вооруженнымъ отрядамъ, побѣдилъ Шаретта во многихъ стычкахъ, преслѣдовалъ его при отступленіи и наконецъ захватилъ его въ плѣнъ. Стоффле хотѣлъ поднять на своей территоріи вандейское знамя; но онъ былъ выданъ республиканцамъ. Эти два предводителя, видѣвшіе начало возстанія, присутствовали и при его послѣднихъ минутахъ. Они погибли мужественно, Стоффле—въ Анжерѣ, Шарреттъ—въ Нантѣ, обнаруживъ характеръ и способности, достойные болѣе широкаго поля дѣятельности.

Гошъ возстановилъ спокойствіе и въ Бретани. Морбиганскій департаментъ былъ занятъ многочисленными отрядами шуановъ, составлявшихъ грозную ассоціацію, главою которой былъ Жоржъ Кадудаль; не [illegible], они господствовали надъ страною. Гошъ обратилъ противъ нихъ всю свою дѣятельность и всѣ свои силы; вскорѣ онъ ихъ отчасти разбилъ, отчасти довелъ до утомленія. Большая часть ихъ предводителей бросили оружіе и уѣхали въ Англію. Получивъ извѣстіе объ этихъ счастливыхъ событіяхъ, Директорія, особымъ посланіемъ, отъ 28-го мессидора (іюнь 1796 г.) объявила совѣтамъ, что междоусобная война совершенно окончена.

Такимъ образомъ прошла зима IV г. Но Директорія не могла избѣжать нападеній со стороны обѣихъ партій, [illegible] которымъ она служила помѣхой,—демократовъ и роялистовъ. Первые составляли непоколебимую, предприимчивую секту. 9-ое термидора было для нихъ днемъ печали и притѣсненія; они все еще хотѣли водворить абсолютную свободу, несмотря на состояніе общества, и демократическую свободу, не взирая на цивилизацію. Эта секта потерпѣла такое пораженіе, что не могла уже больше владычествовать. 9-го термидора она была изгнана изъ правительства, 2-го преріаля—изъ общества; она утратила и власть, и возможность производить возстанія. Расстроенная, преслѣдуемая, она, однако, еще далеко не исчезла: послѣ неудачной попытки роялистовъ въ вандемьерѣ она возвысилась въ той мѣрѣ, въ какой они упали.

Демократы возобновили въ Пантеонѣ свой клубъ, который Директорія терпѣла нѣкоторое время; во главѣ его стоялъ Гракхъ Бабёфъ, называвшій себя трибуномъ. Это былъ человѣкъ смѣлый, съ восторженнымъ воображеніемъ, съ крайнимъ демократическимъ фанатизмомъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ на свою партію. Въ своемъ журналѣ онъ приготовлялъ народъ къ господству общаго счастья. Общество Пантеона съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе многочисленнымъ и опаснымъ для Директоріи, которая пробовала сначала сдерживать его. Но вскорѣ засѣданія клуба стали продолжаться до поздней ночи; демократы являлись туда съ оружіемъ и замышляли идти противъ Директоріи и совѣтовъ. Директорія рѣшила дѣйствовать противъ нихъ открыто: 8-го вантоза IV г. (1-го февраля 1796 г.) она закрыла общество Пантеона, а 9-го объявила объ этомъ особымъ посланіемъ законодательному корпусу.

Лишенные мѣста своихъ сборищъ, демократы взялись за дѣло инымъ способомъ: они привлекли на свою сторону полицейскій легіонъ, состоявшій большею частью изъ революціонеровъ, потерявшихъ свое положеніе въ обществѣ, и вмѣстѣ съ нимъ готовились разрушить конституцію III г. Узнавъ объ этомъ новомъ маневрѣ, Директорія распустила полицейскій легіонъ; обезоруженіе его было

поручено другимъ войскамъ, въ которыхъ она была увѣрена. Пой-мавшіе еще разъ врасплохъ, заговорщики остановились на проектѣ нападенія и восстанія: они образовали инсуррекціонный комитетъ общественнаго спасенія, имѣвшій сношенія, черезъ второстепенныхъ агентовъ, съ каждою двѣнадцати парижскихъ общинъ. Членами этого главнаго комитета были: Бабефъ, глава заговора, бывшие члены Конвента Вадье, Амаръ, Шудье, Рикоръ, народный представитель Друэ, бывшие генералы децемвирнаго комитета Россиньоль, Паррэнъ, Фіонъ, Лами. Множество смѣщенныхъ офицеровъ, патріотовъ изъ департаментовъ и бывшихъ членовъ якобинскаго клуба составляли армію этого заговора. Предводители часто сходились въ мѣстѣ, которое они называли Храмомъ Разума; здѣсь они пѣли жалобныя пѣсни на смерть Робеспьера и оплакивали рабство народа. Здѣсь же они завели сношенія съ войсками гренельскаго лагеря, завербовали въ свою среду одного капитана изъ этого лагеря, по имени Гризеля, котораго они считали своимъ, и приготовили все къ нападенію.

Они рѣшились водворить общее счастье—и для этой цѣли приступить къ раздѣлу имуществъ и доставить преобладаніе правительству истинныхъ, чистыхъ, абсолютныхъ демократовъ; созвать Конвентъ изъ шестидесяти восьми монтаньяровъ, подвергшихся преслѣдованію во время реакціи послѣ 9-го термидора, и прибавить къ нимъ по одному демократу на департаментъ; наконецъ—направиться въ одно и то же время изъ различныхъ кварталовъ, которые они между собою распредѣлили, и на Директорію, и на совѣты. Въ день восстанія они должны были прибить на улицахъ Парижа два объявленія, изъ которыхъ одно было слѣдующаго содержанія: «Конституція 1793 г., свобода, равенство, общее счастье»; а другое «Узурпаторы верховной власти должны быть осуждены на смерть свободными людьми». Заговорщики были готовы, прокламаціи напечатаны, день восстанія назначенъ; но они были выданы Гризелемъ, какъ это обыкновенно случается въ большинствѣ заговоровъ.

21-го флореаля (май 1796 г.), наканунѣ дня, назначеннаго для нападенія, заговорщики были схвачены во время тайнаго ихъ собранія. У Бабефа нашли планъ заговора и всѣ бумаги, его касавшіяся. Директорія предупредила о томъ совѣты особымъ посланіемъ и объявила народу въ прокламаціи. Эта странная попытка, носившая на себѣ такой ясный отпечатокъ фанатизма и такой явный характеръ подражанія преріальскому восстанію, былъ его средства и его надежда на улицу, возбудила глубокій ужасъ. Воображеніе людей находилось еще подъ впечатлѣніемъ страха отъ недавняго господства якобинцевъ. Бабефъ, какъ смѣлый заговорщикъ, предложилъ Директоріи примиреніе, хотя и находился подъ стражей.

«Сочли ли бы вы для себя унизительнымъ, граждане директоры,—писалъ онъ имъ,—вести переговоры со мною, какъ власть съ

властью? Вы видѣли, какой обширной власти я былъ средоточіемъ; вы видѣли, что моя партія можетъ уравновѣсить вашу; вы видѣли, какія громадныя развѣтвленія она имѣетъ. Я убѣжденъ, что при видѣ всего этого вы дрожали». Онъ оканчивалъ словами: «я вижу только одну благоразумную мѣру, которую слѣдуетъ предпринять: объявите, что серьезнаго заговора не существовало. Пять человѣкъ, выказавъ себя великими и великодушными, могутъ теперь спасти отечество. Я ручаюсь вамъ за то, что патріоты покроютъ васъ своими тѣлами; патріоты не ненавидятъ васъ, — они ненавидѣли только ваши непопулярныя дѣйствія. Я дамъ вамъ также относительно меня самого гарантію столь же обширную, какъ обширна моя всегдашняя откровенность». Вмѣсто того, чтобы принять это предложеніе, директорія обнародовала письмо Бабефа и предала заговорщиковъ верховному суду въ Вандомѣ.

Сторонники ихъ сдѣлали еще одну попытку. Въ ночь на 13-ое фрюктидора (августъ 1796 г.), около одиннадцати часовъ вечера, они двинулись, въ числѣ шести или семисотъ человѣкъ, вооруженные саблями и пистолетами, противъ Директоріи, которую нашли защищенной ея стражею. Тогда они отправились къ гренельскому лагерю, думая привлечь на свою сторону солдатъ, при помощи связей, которыя они между ними имѣли. Въ лагерѣ всѣ спали, когда къ нему подошли заговорщики. На оклики часовыхъ: «Кто идетъ?» — они отвѣчали: «Да здравствуетъ республика! да здравствуетъ конституція 93-го года!» Часовые произвели тревогу въ лагерѣ. Заговорщики, разсчитывая на участіе одного баталіона (изъ департамента Гранскаго), который былъ передвинутъ въ другое мѣсто, пошли къ палаткѣ майора Мало; послѣдній приказалъ ударить сборъ и велѣлъ своимъ драгунамъ, полураздѣтымъ, сѣсть на коней. Заговорщики, удивленные такимъ пріемомъ, защищались очень слабо; драгуны бросились рубить ихъ саблями, и они были обращены въ бѣгство, оставивъ на полѣ сраженія множество убитыхъ и плѣнныхъ. Эта неудачная экспедиція была почти послѣднею попыткою демократической партіи; съ каждымъ пораженіемъ она теряла свою силу, своихъ вождей и пріобрѣтала внутреннее убѣжденіе, что царство ея миновало. Гренельское предпріятіе было для нея крайне пагубно: кромѣ потерь при схваткѣ, она лишилась многихъ своихъ членовъ вслѣдствіе приговоровъ военныхъ коммиссій, которыя были для нея тѣмъ же, чѣмъ революціонные трибуналы для враговъ ея. Коммиссія гренельскаго лагеря присудила, въ пять пріемовъ, тридцать одного изъ числа заговорщиковъ къ смерти, тридцать — къ вѣчной ссылкѣ, двадцать пять — къ тюремному заключенію.

Нѣсколько времени спустя, верховный судъ въ Вандомѣ приступилъ къ суду надъ Бабефомъ и его сообщниками, въ числѣ которыхъ были Амаръ, Вадье, Дарте, бывшій прежде секретаремъ Жозефа Лебона. Они не измѣнили самимъ себѣ: они говорили,

какъ люди, которые не боятся ни высказать свою идею, ни умереть за свое дѣло. При началѣ и окончаніи каждаго засѣданія суда они пѣли марсельезу. Этотъ старый побѣжденный гимнъ, ихъ твердая осанка поражали умы удивленіемъ и какъ будто дѣлали ихъ еще опасными. Ихъ жены присутствовали въ засѣданіи суда. Бабефъ, окончивъ свою защиту, обратился къ нимъ и сказалъ, что онѣ послѣдуютъ за своими мужьями даже на мѣсто казни, потому что имъ нечего стыдиться дѣла, за которое ихъ мужья умираютъ. Верховный судъ приговорилъ Бабефа и Дарте къ смертной казни. Выслушавъ этотъ приговоръ, они закололи себя кинжалами. Бабефъ былъ послѣднимъ вождемъ партіи прежней Горы и комитета общественнаго спасенія, раздѣленной до 9-го термидора, но послѣ этого дня опять соединившейся въ одно цѣлое. Партія эта съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ослабѣвала. Особенно въ эту эпоху начинается ея крайнее разстройство и одиночество. Во время реакціи она составляла еще плотную массу, при Бабефѣ—довольно значительную ассоціацію. Теперь остались только отдѣльные демократы; демократическая партія была разсѣяна.

Въ промежуткѣ времени между гренельскимъ предпріятіемъ и осужденіемъ Бабефа роялисты составили также свой заговоръ. Происки демократовъ произвели въ общественномъ мнѣніи движеніе, противоположное тому, которое совершилось послѣ вандемьера: контръ-революціонеры, въ свою очередь, пріобрѣли новую смѣлость. Тайные предводители этой партіи надѣялись найти сообщниковъ въ войскахъ гренельскаго лагеря, отвергнувшихъ заговоръ Бабефа. Партія эта, нетерпѣливая и неловкая, не имѣя возможности опираться ни на массу жителей Парижа, какъ въ вандемьерѣ, ни на массу солдатъ, какъ позже, 18-го фрюктидора,—выдвинула въ дѣло трехъ человѣкъ, не имѣвшихъ ни вліянія, ни имени: аббата Бротье, бывшаго парламентскаго совѣтника Лавильгерну и авантюриста по имени Дюнана. Эти лица прямо обратились къ эскадронному командиру Мало, надѣясь черезъ него привлечь на свою сторону войска гренельскаго лагеря и возстановить съ ихъ помощью прежній порядокъ вещей. Мало выдалъ ихъ Директоріи, которая, потерпѣвъ неудачу въ своемъ желаніи судить ихъ военнымъ судомъ, предала ихъ гражданскому суду. Съ ними обошлись крайне снисходительно: судьи, избранные подъ вліяніемъ вандемьера, принадлежали къ ихъ партіи, и они были приговорены только къ непродолжительному заключенію. Въ эту эпоху начиналась борьба между всѣми властями, назначенными по выбору округовъ, и Директоріею, опиравшеюся на армію. Всякій почерпаетъ свою силу и своихъ судей оттуда, гдѣ сильна его партія; когда избирательная власть подчинилась контръ-революціи, Директоріи оставалось только ввести армію въ управленіе государствомъ, что впослѣдствіи повлекло за собою громадныя неудобства.

Директорія, побѣдивъ двѣ разномыслящія партіи, торжествовала въ то же время и надъ Европой. Новая кампанія открылась при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Пріѣхавъ въ Ниццу, Бонапартъ ознаменовалъ принятіе имъ начальства надъ итальянской арміей самымъ смѣлымъ вторженіемъ. До сихъ поръ эта армія стояла у подножія Альпъ. Она нуждалась во всемъ и состояла едва изъ тридцати тысячъ человѣкъ; но зато она въ изобиліи была исполнена мужествомъ, патріотизмомъ, и при ея помощи Бонапартъ положилъ начало тому удивительному ряду подвиговъ, которые удивляли міръ въ продолженіе двадцати лѣтъ. Онъ снялъ свой лагерь и направился въ долину Савоны, чтобы вступить въ Италію между Апеннинами и Альпами. Противъ него было девяносто тысячъ союзныхъ войскъ, расположенныхъ въ центрѣ подъ начальствомъ д'Аржанто, на лѣвомъ флангѣ—подъ начальствомъ Колли, на правомъ—подъ начальствомъ Больё. Вся эта громадная армія была разсѣяна въ нѣсколько дней чудесами генія и смѣлости. При Монтенотте Бонапартъ опрокинулъ непріятельскій центръ и проникнулъ въ Пьемонтъ; при Миллезимо онъ окончательно разъединилъ сардинскую и австрійскую арміи; онѣ бросились защищать свои столицы: Туринъ и Миланъ. Прежде чѣмъ преслѣдовать австрійцевъ, республиканскій генералъ бросился вправо, чтобы покончить съ сардинскою арміею; при Мондови судьба Пьемонта была рѣшена, и испуганный туринскій дворъ поспѣшилъ покориться. Въ Кераско было заключено перемиріе, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ миръ, подписанный въ Парижѣ, 15-го мая 1796 г. Сардинскій король уступилъ республикѣ Савойю и графства Ниццское и Тендское. Занятіе Александріи, открывавшей доступъ въ Ломбардію, разрушеніе крѣпостей Сузы и Ла-Брюнетты, на границахъ Франціи, пріобрѣтеніе Савойи и Ниццы, возможность привлечь къ дѣлу и другую альпійскую армію, подъ начальствомъ Келлермана,—таковы были результаты пятнадцатидневной кампаніи и шести побѣдъ.

Окончивъ войну съ Пьемонтомъ, Бонапартъ пошелъ противъ австрійской арміи, которой онъ болѣе не давалъ отдыха. Онъ перешелъ черезъ По въ Пьяченцѣ и черезъ Адду въ Лоди. Эта послѣдняя побѣда открыла ему ворота Милана и доставила ему обладаніе Ломбардіей. Генералъ Больё былъ загнанъ въ тирольскія ущелья; республиканская армія окружила Мантую и явилась на пограничныхъ горахъ австрійской имперіи. Тогда генералъ Вурмсеръ замѣнилъ Больё, и новая армія присоединилась къ остаткамъ побѣжденной. Вурмсеръ предполагалъ освободить Мантую и перенести войну въ Италію; но онъ былъ разбитъ, подобно своимъ предшественникамъ. Для того, чтобы противостать этому новому врагу, Бонапартъ снялъ осаду съ Мантуи; но, побѣдивъ Вурмсера, онъ возобновилъ осаду съ большею силою и опять занялъ свои позиціи въ Тиролѣ. Планъ вторженія въ Австрію выполнялся съ большимъ согласіемъ и успѣхомъ. Въ то время, когда итальянская армія угро-

жала Австрію черезъ Тироль, армія маасская и рейнская подвигались впередъ въ Германіи. Моро, лѣвымъ крыломъ своимъ опираясь на Журдана, правымъ былъ близокъ къ соединенію съ Бонапартомъ. Журданъ и Моро перешли черезъ Рейнъ при Нейвидѣ и Страсбургѣ и двинулись эшелонами на протяженіи шестидесяти миль, оттѣсняя неприятеля, который, отступая передъ ними, пытался, однако, остановить ихъ и прорвать ихъ линію. Они были уже близки къ цѣли своего предпріятія: Моро вступилъ въ Ульмъ, въ Аугсбургъ, перешелъ черезъ Лехъ, и авангардъ его уже касался до южной стороны тирольскихъ ущелій; но Журданъ, бывшій не въ ладахъ съ Моро, выступилъ впередъ за общую линію дѣйствій, былъ разбитъ эрцгерцогомъ Карломъ и принужденъ начать отступленіе на всѣхъ пунктахъ. Моро, лишившись опоры и прикрытія со стороны лѣваго фланга, также былъ поставленъ въ необходимость возвратиться назадъ — и тогда-то онъ совершилъ свое достопамятное отступленіе. Ошибка Журдана была первой важности: она помѣшала приведенію въ исполненіе обширнаго плана кампаніи и позволила австрійской монархіи собраться съ силами и вздохнуть свободно.

Вѣнскій кабинетъ, уже потерявшій Бельгію и сознававшій всю важность сохраненія Италіи, защищалъ ее съ крайнимъ упорствомъ. Послѣ новаго пораженія Вурмзеръ принужденъ былъ броситься съ остатками своей арміи въ Мантую. Генералъ Альвинци, во главѣ пятидесяти тысячъ венгерцевъ, дважды испыталъ свое счастье, но имѣлъ не больше успѣха, чѣмъ Болье и Вурмзеръ. Новыя побѣды прибавились къ чудесамъ, совершеннымъ уже итальянскою арміею, и обезпечили покореніе Италіи. Мантуя сдалась на капитуляцію; республиканскія войска, овладѣвъ Италіею, могли проложить себѣ, черезъ горы, дорогу къ Вѣнѣ. Бонапартъ имѣлъ передъ собою принца Карла, послѣднюю надежду Австріи. Онъ быстро перешелъ дефилеи Тироля и выступилъ на равнины Германіи. Между тѣмъ рейнская армія, подъ предводительствомъ Моро, и маасская армія, подъ предводительствомъ Гоша, съ успѣхомъ возобновили планъ предшествовавшей кампаніи: устрашенный вѣнскій кабинетъ заключилъ перемиріе въ Леобенѣ. Онъ истощилъ всѣ свои силы, испыталъ всѣхъ своихъ генераловъ, между тѣмъ какъ французская республика оставалась во всемъ побѣдоносномъ могуществѣ своемъ.

Итальянская армія довершила въ Европѣ дѣло французской революціи. Эта изумительная кампанія была результатомъ встрѣчи геніальнаго генерала съ арміей, его достойной. Подъ начальствомъ Бонапарта находились генералы, способные сами быть главнокомандующими, умѣвшіе брать на себя отвѣтственность за какое-либо движеніе или битву. Армія состояла изъ гражданъ съ развитымъ умомъ, возвышенною душою и рвеніемъ къ великимъ предпріятіямъ. Она была страстно предана революціи, расширявшей предѣлы отечества, сохранявшей независимость войска, несмотря на

строгую дисциплину, и открывавшей каждому солдату доступъ въ генералы. Чего бы не могъ сдѣлать съ подобными людьми геніальной полководецъ! Позже, при воспоминаніи о своихъ первыхъ годахъ, онъ не могъ не жалѣть о томъ, что сосредоточилъ въ самомъ себѣ всю свободу и всю умственную дѣятельность. Онъ создалъ арміи, дѣйствовавшія механически, и генераловъ, способныхъ только исполнять его приказанія. Бонапартъ положилъ начало третьей эпохѣ революціонныхъ войнъ. Кампанія 1792 г. была велена по старой системѣ—разсѣянными отрядами, которые дѣйствовали по-одиночкѣ, не оставляя линіи. Комитетъ общественнаго спасенія сосредоточилъ войска, установилъ единство между дѣйствіями отдѣленныхъ отрядовъ, ускорилъ ихъ движеніе и устремлялъ ихъ къ одной общей цѣли. Бонапартъ въ виду каждаго сраженія дѣлалъ то, что комитетъ—въ виду кампаніи. Онъ направлялъ всѣ свои силы къ рѣшительному пункту и поражалъ нѣсколько арміи съ помощью одной, быстротою своихъ ударовъ. Онъ располагалъ массами по своему произволу, руководилъ даже отдаленными движеніями ихъ и имѣлъ ихъ подъ рукою въ данную минуту, для занятія позиціи или для выигрыша сраженія. Дипломатія его была такъ же превосходна, какъ и военное искусство.

Всѣ правительства Италіи, за исключеніемъ Венеціи и Генуи, участвовали въ коалиціи, но народы склонялись на сторону французской республики. Бонапартъ оперся на послѣднихъ; онъ обезсилилъ Піемонтъ, не имѣя возможности низложить его, преобразовалъ Миланскую область, до тѣхъ поръ находившуюся въ зависимости отъ Австріи, въ цизальпинскую республику, ослабилъ контрибуціями Тоскану и мелкихъ принцевъ Пармы и Модены, не отнимая ихъ владѣній. Папа, подписавшій перемиріе при первыхъ побѣдахъ Бонапарта надъ Болье и не побоявшійся нарушить его при появленіи Вурмсера, купилъ миръ уступкою Романьи, Болоньи и Феррары, которыя были присоединены къ цизальпинской республикѣ. Аристократія Венеціи и Генуи помогала коалиціи и угрожала французамъ съ тылу: образъ правленія въ этихъ двухъ государствахъ былъ измѣненъ въ демократическомъ духѣ, для того, чтобы доставить преобладаніе народу надъ высшими классами. Такимъ образомъ революція проникла въ Италію.

Вслѣдствіе прелиминарныхъ условій, заключенныхъ въ Леобенѣ, Австрія уступила Бельгію Франціи и признала ломбардскую республику. Всѣ союзныя державы сложили оружіе, и даже Англія желала вступить въ переговоры. Мирная и свободная внутри, Франція достигла извнѣ своихъ естественныхъ границъ и была окружена рождающимися республиками, которыя, какъ, напримѣръ, Голландія, Ломбардія и Лигурія, охраняли ея границы и распространяли ея систему въ Европѣ. Коалиція была, повидимому, мало расположена вновь напасть на революцію, всѣ правительства которой были побѣдоносны: и анархія послѣ 10-го августа, и диктатура

послѣ 31-го мая, и военная власть при Директоріи. При каждомъ новомъ нападеніи на революцію, она подвигалась нѣсколько дальше впередъ по европейской территоріи. Въ 1792 г. она дошла только до Бельгіи, въ 1794 г. проникла въ Голландію и до Рейна, въ 1796 г. перешла въ Италію и коснулась Германіи. Если бы она продолжала свой ходъ, то видимо слѣдовало бы ожидать дальнѣйшаго распространенія ея успѣховъ. Все клонилось къ общему миру.

Но положеніе Директоріи чрезвычайно измѣнилось вслѣдствіе выборовъ V года (май 1797 г.). Эти выборы, введя законнымъ путемъ роялистскую партію въ среду законодательной и правительственной власти, подняли вновь вопросъ о томъ, что было рѣшено 13-го вандемьера. До этой эпохи Директорія и Совѣты жили въ большомъ согласіи: составленные изъ бывшихъ членовъ Конвента, соединенные общимъ интересомъ, необходимостью основать республику послѣ продолжительной борьбы партій, они соблюдали въ своихъ отношеніяхъ большое миролюбіе, въ своихъ дѣлахъ—большое единодушіе. Совѣты принимали всѣ требованія Директоріи; съ нѣкоторыми легкими измѣненіями, они одобряли ея финансовые и административные проекты, ея образъ дѣйствій относительно заговоровъ, армій и Европы. Меньшинство, враждебное Конвенту, образовало оппозицію въ средѣ Совѣтовъ; но эта оппозиція дѣйствовала умѣренно, въ ожиданіи усиленія вновь избранною третью депутатовъ. Во главѣ оппозиціи стояли Барбе-Марбуа, Пасторе, Вобланъ, Дюма, Порталисъ, Симеонъ, Тронсонъ Дюкудре, Дюпонъ (изъ Немура). Большая часть изъ нихъ были членами правой стороны въ Законодательномъ Собраніи; нѣкоторые были отъявленные роялисты. Положеніе ихъ въ скоромъ времени сдѣлалось менѣе двусмысленнымъ и болѣе наступательнымъ, благодаря исходу выборовъ V года.

Роялисты образовали грозную, дѣятельную конфедерацію, имѣвшую своихъ предводителей, своихъ агентовъ, свои избирательные списки, свои журналы. Они отстранили отъ выборовъ республиканцевъ, покинувшихъ на время народныя дѣла и увлекли массу, всегда слѣдующую за болѣе энергическою партіею. Они не хотѣли допустить въ Совѣты даже патріотовъ первой революціонной эпохи и выбрали только явныхъ контръ-революціонеровъ или сомнительныхъ конституціоналистовъ. Республиканская партія сохранила господство въ правительствѣ и арміи, но роялисты пріобрѣли его въ избирательныхъ собраніяхъ и Совѣтахъ.

1-го преріаля V года (20-го мая) оба Совѣта открыли свои дѣйствія въ новомъ своемъ составѣ и не замедлили обнаружить духъ, ихъ воодушевлявшій. Пишегрю, котораго роялисты перенесли на новое поле сраженія контръ-революціи, былъ съ энтузіазмомъ выбранъ президентомъ Совѣта пятисотъ; Барбе-Марбуа съ такою же поспѣшностью былъ облеченъ званіемъ президента

старѣйшинъ. Законодательный корпусъ приступилъ къ выбору директора, на мѣсто Летурнера, выбывшаго по жребію (30-го флореаля) члена Директоріи. Выборъ Совѣтовъ палъ на Бартелеми, бывшаго посланникомъ въ Швейцаріи. Въ качествѣ человѣка умѣреннаго и защитника мира, онъ нравился Совѣтамъ и Европѣ; но отсутствіе его изъ Франціи въ продолженіе всей революціи дѣлало его малоспособнымъ къ управленію республикой.

За этими первыми враждебными дѣйствіями противъ Директоріи и партіи Конвента послѣдовали болѣе рѣшительныя нападенія. Началось безпощадное преслѣдованіе администраціи и политики Директоріи. Директорія сдѣлала все, что только могло совершить законное правительство при положеніи дѣлъ еще революціонномъ. Ей ставили въ вину продолженіе войны и неустройство финансовъ. Большинство Совѣтовъ искусно воспользовалось общественными потребностями: оно поддерживало безграничную свободу печати, позволявшую журналистамъ нападать на Директорію и подготовлять къ другому порядку вещей; мира, который велъ къ обезоруженію республики; наконецъ—бережливости въ государственныхъ расходахъ.

Эти требованія имѣли свою полезную и національную сторону. Утомленная Франція чувствовала нужду во всѣхъ этихъ благахъ, для того, чтобы довершить дѣло возстановленія общества; она раздѣляла поэтому желанія роялистовъ, хотя и по совершенно другимъ причинамъ. Съ нѣсколько большимъ безпокойствомъ она взирала на мѣры Совѣтовъ относительно священниковъ и эмигрантовъ. Она желала водворенія мира, но не хотѣла, чтобы побѣжденные революціею возвратились во Францію тріумфаторами. Въ изданіи законовъ о священникахъ и эмигрантахъ Совѣты поступили крайне поспѣшно. Они отмѣнили изгнаніе и заключеніе священниковъ за дѣло религіи или за отсутствіе патріотизма—и это было совершенно справедливо; но они хотѣли вмѣстѣ съ тѣмъ возстановить прежнія прерогативы богослуженія, придать возстановленному католицизму внѣшнюю форму, посредствомъ употребленія колоколовъ, и освободить священниковъ отъ присяги, обязательной для всѣхъ должностныхъ лицъ. Камиллъ Жорданъ, молодой ліонскій депутатъ, одаренный краснорѣчіемъ и мужествомъ, но державшійся несовременныхъ убѣжденій, былъ главнымъ панегиристомъ духовенства въ Совѣтѣ пятисотъ. Рѣчь, произнесенная имъ по этому поводу, возбудила большое удивленіе и сильныя возраженія. Энтузіазмъ, сохранившійся въ партіяхъ, былъ еще вполнѣ патріотическій, и всѣ были удивлены, видя возрожденіе другого энтузіазма—религіознаго; XVIII столѣтіе и революція совершенно отучили отъ него и лишили его пониманія. Это была минута, въ которую партія старины видоизмѣнила свои вѣрованія, свой языкъ и смѣшивала ихъ съ преобладавшими до тѣхъ поръ исключительно вѣрованіями и языкомъ преобразовательной партіи. Какъ и все неожиданное,

рія. Камилла Жордана послужила поводомъ къ насмѣшкамъ: его стали называть «Жорданъ-трезвонъ» и «Жорданъ-колоколъ» (Jordan-Carillon, Jordan-les-Cloches). Попытка покровителей духовенства не удалась: Совѣтъ пятисотъ не рѣшился ни допустить употребленія колоколовъ, ни сдѣлать священниковъ независимыми. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній умѣренная партія присоединилась къ партіи Директоріи, и гражданская присяга духовенства была удержана, при крикахъ: Да здравствуетъ республика!

Тѣмъ не менѣе враждебныя дѣйствія противъ Директоріи продолжались, особенно въ Совѣтѣ пятисотъ, болѣе горячемъ и нетерпѣливомъ, нежели Совѣтъ старѣйшинъ. Все это значительно увеличило смѣлость роялистской партіи внутри страны. Снова возобновилась месть контръ-революціонеровъ въ отношеніи къ патріотамъ и покупщикамъ національныхъ имѣній. Осужденные эмигранты и священники возвращались толпами и, не видя никакой революціонной силы, не скрывали своихъ плановъ ниспроверженія. Директоріальная власть, угрожаемая въ центрѣ, не признаваемая въ департаментахъ, сдѣлалась совершенно безсильною.

Но необходимость защиты и безпокойство людей, преданныхъ Директоріи и въ особенности революціи, возбудили бодрость въ правительствѣ и дали ему точку опоры. Наступательный образъ дѣйствій Совѣтовъ заставилъ подозрѣвать ихъ привязанность къ республикѣ; масса, сначала поддерживавшая ихъ, покинула ихъ дѣло. Конституціоналисты 1791 г. и партія Директоріи соединились. Сальмскій клубъ, основанный подъ покровительствомъ этого союза, былъ противопоставленъ клубу Клиши, который съ давнихъ поръ служилъ мѣстомъ сборища самыхъ вліятельныхъ членовъ Совѣтовъ. Прибѣгая къ убѣжденію, Директорія не пренебрегала и своею главною силою — поддержкою войска; она придвинула къ Парижу нѣсколько полковъ арміи Самбры и Мааса, предводительствуемой Гошемъ. Окружность въ шесть миріаметровъ (двѣнадцать лье), которой не могли переступать войска на основаніи конституціи, была нарушена. Совѣты упрекнули Директорію за это нарушеніе: она выставила извинительное невѣдѣніе и дала весьма неудовлетворительныя объясненія.

Обѣ партіи наблюдали другъ за другомъ: одна господствовала въ Директоріи, въ сальмскомъ клубѣ, въ арміи, другая — въ Совѣтахъ, въ клишійскомъ клубѣ, роялистскихъ салонахъ. Масса была зрительницею борьбы. Каждая изъ двухъ партій намѣрена была дѣйствовать революціоннымъ путемъ въ отношеніи къ другой. Средняя партія, конституціонная и умиротворяющая, пыталась предупредить борьбу и возстановить согласіе, совершенно невозможное. Карно стоялъ во главѣ ея; нѣкоторые члены Совѣта пятисотъ, руководимые Тибодо, и довольно большое число членовъ Совѣта старѣйшинъ содѣйствовали его примирительнымъ проектамъ. Карно, находившійся въ то время во главѣ Директоріи, составлялъ, вмѣстѣ

съ Бартелеми, находившимся въ сношеніяхъ съ законодательною властью, непріязненною къ Директоріи. Чрезвычайно строгій въ понятіяхъ и чрезвычайно упорный въ своихъ воззрѣніяхъ, Карно не могъ ужиться ни съ Баррасомъ, ни съ повелительнымъ Ребелемъ. Къ этой антипатіи въ характерахъ присоединилось различіе въ системѣ: Баррасъ и Ребель, поддерживаемые Ларевельеромъ, были непрочь отъ государственнаго переворота противъ Совѣтовъ, между тѣмъ какъ Карно хотѣлъ строго сообразоваться съ закономъ. Этотъ великій гражданинъ отлично понималъ, какой способъ правленія подходилъ къ каждой эпохѣ революціи, и убѣжденіе его тотчасъ же переходило въ господствующую мысль, которой онъ держался неуклонно. При комитетѣ общественнаго спасенія, господствующею его мыслью была диктатура, при Директоріи — законное правительство. Не принимая никакихъ оттѣнковъ, онъ очутился въ двусмысленномъ положеніи: онъ хотѣлъ мира въ минуту войны и законности — въ минуту государственныхъ переворотовъ.

Нѣсколько испуганные приготовленіями Директоріи, Совѣты, повидимому, готовы были успокоиться, лишь бы нѣкоторые министры, не пользовавшіеся ихъ довѣріемъ, были удалены изъ министерства. Это были министръ юстиціи Мерленъ (изъ Дуэ), министръ внѣшнихъ сношеній Лакруа и министръ финансовъ Рамель. Они желали, напротивъ, удержать въ военномъ министерствѣ — Петье, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ — Бенезеха, въ министерствѣ полиціи — Кошона-де-л'Аппарана. За невозможностью подчинить себѣ директоріальную власть, законодательный корпусъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, овладѣть министерствомъ. Не уступая этому желанію, которое ввело бы врага въ среду правительства, Ребель, Ларевельеръ и Баррасъ удалили министровъ, покровительствуемыхъ Совѣтами, и оставили другихъ на ихъ мѣстахъ. Бенезехъ былъ замѣненъ Франсуа-де-Нешато, Петье — Гошемъ, а вскорѣ затѣмъ Шереромъ, Кошонъ-де-л'Аппаранъ — нерѣшительнымъ Ленуаръ-Ларошемъ, а потомъ Сотеномъ. Талейранъ также получилъ мѣсто въ этомъ министерствѣ. Онъ былъ исключенъ изъ списка эмигрантовъ, какъ революціонеръ 1791 г., вслѣдъ за окончаніемъ дѣятельности Конвента; его громадная проницательность, ставившая его всегда въ ту партію, на сторонѣ которой было всего больше шансовъ побѣды, побудила его въ это время сдѣлаться директоріальнымъ республиканцемъ. Онъ получилъ портфель Лакруа и много способствовалъ своими совѣтами и рѣшительностью событіямъ фрюктидора.

Открытая борьба становилась все болѣе и болѣе неизбѣжною. Директорія не желала примиренія, которое только могло ускорить ея паденіе, равно какъ и паденіе республики, до выборовъ VI года. По ея распоряженію, изъ армій были присланы грозные адресы противъ Совѣтовъ. Бонапартъ слѣдилъ безпокойнымъ взоромъ за событіями, готовившимися въ Парижѣ. Несмотря на свои хорошія

отношенія къ Карно, съ которымъ онъ велъ непосредственную переписку, онъ послалъ своего адъютанта, Лавалетта, собрать свѣдѣнія о разногласіяхъ, существовавшихъ въ средѣ правительства, обо интригахъ и заговорахъ, окружавшихъ его. Бонапартъ обѣщалъ Директоріи поддержку своей арміи, въ случаѣ дѣйствительной опасности. Онъ послалъ Ожеро въ Парижъ съ адресами отъ своихъ войскъ. «Трепещите, роялисты!—говорили солдаты,—отъ Эча до Сены всего одинъ шагъ. Трепещите! Ваши беззаконія сочтены и возмездіе за нихъ на концѣ нашихъ штыковъ!»—«Мы съ негодованіемъ видимъ,—восклицали офицеры главнаго штаба,—что интриги роялистовъ угрожаютъ свободѣ. Мы поклялись прахомъ героевъ, умершихъ за отечество, что будемъ безпощадно бороться противъ королевской власти и роялистовъ. Таковы наши чувства,—таковы же и ваши, таковы чувства всѣхъ патріотовъ! Пусть покажутся роялисты—это будетъ послѣдней минутой ихъ жизни!» Совѣты возстали, но напрасно, противъ подобныхъ заявленій арміи. Генералъ Ришпансъ, командовавшій войсками, пришедшими съ Самбры и Мааса, размѣстилъ ихъ въ Версалѣ, Медонѣ и Венсенѣ.

Совѣты были сторонниками выжиданія въ прерiалѣ; но такъ какъ успѣхъ ихъ дѣла могъ быть отложенъ до VI года и достигнутъ иначе безъ борьбы и безъ риску, то, начиная съ термидора (іюля 1797 г.), они держались оборонительной системы. Тѣмъ не менѣе они приняли всѣ мѣры къ борьбѣ; они предписали закрытіе конституціонныхъ кружковъ, чтобы освободиться отъ салмскаго клуба; они увеличили также власть комиссіи инспекторовъ (залы собраній), сдѣлавшейся правительствомъ законодательнаго корпуса. Въ этой комиссіи принимали участіе два роялистскихъ заговорщика—Вилло и Пишегрю. Стража Совѣтовъ, подчиненная Директоріи, была поставлена подъ непосредственное начальство инспекторовъ залы. Наконецъ, 17-го фрюктидора законодательный корпусъ рѣшился пріобрѣсти помощь вандемьерской милиціи и декретировать, по предложенію Пишегрю, формированіе національной гвардіи. На слѣдующій день, 18-го, эта мѣра должна была быть приведена въ исполненіе, и Совѣты декретомъ должны были предписать удаленіе войскъ. При такомъ положеніи дѣлъ великая борьба революціи и стараго порядка опять должна была быть рѣшена войскомъ. Ярый генералъ Вилло хотѣлъ, чтобы совѣты приняли на себя иниціативу,—чтобы они издали обвинительный декретъ противъ трехъ директоровъ—Барраса, Ребеля и Ларевельера; чтобы остальные директора были призваны въ законодательный корпусъ; чтобы, въ случаѣ отказа правительства повиноваться, парижскіе округа, при звукахъ набата, двинулись противъ Директоріи; чтобы Пишегрю былъ поставленъ во главѣ этого

законнаго возстанія, и чтобы всѣ эти мѣры были приняты быстро, рѣшительно и открыто, въ виду всѣхъ. Говорятъ, что Пишегрю колебался: мнѣніе людей нерѣшительныхъ взяло верхъ, и Совѣты избрали медленный путь легальныхъ приготовленій.

Не такъ дѣйствовала Директорія. Баррасъ, Ребель, Ларевельеръ рѣшились немедленно поразить Карно, Бартелеми и большинство Совѣтовъ. Утро 18-го фруктидора было назначено для государственнаго переворота. Ночью войска, расположенныя вокругъ Парижа, вступили въ городъ подъ начальствомъ Ожеро. Проектъ директоріальнаго тріумвирата заключался въ томъ, чтобы занять войсками Тюльери еще до собранія законодательнаго корпуса, во избѣжаніе насильственнаго столкновенія; созвать Совѣты въ сосѣдствѣ Люксембурга, арестовать ихъ главнѣйшихъ руководителей, и довершить, посредствомъ законодательной мѣры, государственный переворотъ, начатый силою. Тріумвиратъ былъ заодно съ меньшинствомъ Совѣтовъ и разсчитывалъ на одобреніе массы. Въ часъ ночи войска прибыли въ городскую ратушу, растянулись по набережнымъ, мостамъ, по Елисейскимъ полямъ, и скоро двѣнадцать тысячъ человѣкъ и сорокъ пушекъ окружили Тюльери. Въ четыре часа раздался пушечный выстрѣлъ, и генералъ Ожеро показался у рѣшетки Pont-Tournant.

Стража законодательнаго корпуса была подъ ружьемъ. Предупрежденные съ вечера о готовившемся движеніи, инспекторы залы отправились въ національный дворецъ (въ Тюльери), для его защиты. Командиръ законодательной стражи, Рамель, былъ преданъ Совѣтамъ. Онъ размѣстилъ своихъ гренадеровъ (числомъ восемьсотъ) въ различныхъ аллеяхъ сада, огражденнаго рѣшетками. Но съ такими слабыми и ненадежными силами Пишегрю, Вилло и Рамель, очевидно, не могли сопротивляться Директоріи. Ожеро не понадобилось даже силою пробивать себѣ дорогу: явившись передъ гренадерами, онъ спросилъ ихъ: «Республиканцы ли вы?» Они, опустивъ оружіе, отвѣчали: «Да здравствуетъ Ожеро! да здравствуетъ Директорія!» и присоединились къ нему. Ожеро прошелъ черезъ садъ, вступилъ въ залу Совѣтовъ, арестовалъ Пишегрю, Вилло, Рамеля, инспекторовъ залы и велѣлъ отвести ихъ въ Тампль. Члены Совѣтовъ, наскоро созванныхъ инспекторами, толпами отправлялись въ мѣсто своихъ засѣданій, но были арестованы или удалены вооруженною силою. Ожеро возвѣстилъ имъ, что, вынужденная необходимостью защитить республику противъ заговорщиковъ, засѣдающихъ между ними, Директорія назначила мѣстомъ собранія для Совѣтовъ Одеонъ и Медицинскую школу. Большая часть присутствовавшихъ депутатовъ протестовали противъ военнаго насилія и своеволія Директоріи, но были принуждены уступить.

Въ шесть часовъ утра экспедиція была окончена. Парижане, проснувшись, нашли войска еще подъ ружьемъ; на стѣнахъ были

извѣщенія правительства, возвѣщавшія объ открытіи заговора и приглашавшія народъ къ порядку и довѣрію. Директорія велѣла напечатать письмо генерала Моро, въ которомъ онъ подробно раскрывалъ ей сношенія предшественника своего Пишегрю съ эмиграціею, и другое письмо — принца Конде къ Эмберъ-Коломесу, члену Совѣта старѣйшинъ. Населеніе Парижа сохранило спокойствіе. Оставаясь простымъ зрителемъ событій дня, совершившихся безъ участія партій и при помощи одной арміи, оно не выказало ни одобренія, ни сожалѣнія.

Директоріи необходимо было придать видъ законности всѣмъ этимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Какъ скоро члены Совѣтовъ собрались въ Одеонѣ и Медицинской школѣ и увидѣли себя въ числѣ достаточномъ для преній, они объявили свои засѣданія непрерывными. Посланіе отъ Директоріи возвѣстило имъ о мотивахъ, которыми она руководствовалась во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. «Граждане-законодатели, — было сказано въ посланіи, — если бы Директорія промедлила однимъ днемъ, республика была бы предана въ руки ея враговъ. Самое мѣсто вашихъ засѣданій было мѣстомъ сборища заговорщиковъ: оттуда они еще вчера раздавали деньги и приказы на выдачу оружія; оттуда они переписывались въ эту ночь со своими соучастниками; оттуда, наконецъ, они и теперь дѣлаютъ попытки тайныхъ и подозрительныхъ сходокъ, которыя въ настоящее время полиція старается разсѣять. Оставить ихъ вмѣстѣ съ врагами отечества въ вертепѣ заговоровъ — значило бы компрометировать общественную безопасность и безопасность вѣрныхъ представителей народа». Совѣтъ пятисотъ назначилъ комиссію, составленную изъ Сіейса, Пуллэнъ-Граншре, Вилле, Шазаля и Будэ (изъ департамента Мерты), и возложилъ на нее обязанность представить законъ общественнаго спасенія. Этотъ законъ былъ мѣрою остракизма; но въ этотъ второй періодъ революціи и диктатуры мѣсто эшафота заступила ссылка.

Приговоренные къ ссылкѣ члены Совѣта пятисотъ были: Обри, Ж. Ж. Эме, Байяръ, Блэнъ, Буасси-д'Англа, Борнъ, Бурдонъ (изъ департамента Уазы), Кадруа, Кушри, Делаэ, Деларю, Думеръ, Дюмоларъ, Дюплантье, Жиберъ Демольеръ, Генрихъ Ларивьеръ, Эмберъ-Коломесъ, Камиль Жорданъ, Журданъ (изъ департамента устьевъ Роны), Гау, Лакаррьеръ, Лемаршанъ-Гомикуръ, Лемере, Мерсанъ, Мадье, Майяръ, Ноайль, Андре, Макъ-Картэнъ, Пави, Пасторе, Пишегрю, Полиссаръ, Прэръ-Монто, Катрмеръ-Кинси, Саладэнъ, Симеонъ, Вовилье, Віэно-Вобланъ, Вилларе-Жуайэзъ, Вилло. Изъ Совѣта старѣйшинъ: Барбэ-Марбуа, Дюма, Ферро-Вальянъ, Лафонъ-Ладеба, Ломонъ, Мюреръ, Мюринэ, Парадисъ, Порталисъ, Роверъ, Трансонъ-Дюкудре. Члены Директоріи: Карно, Бартелеми. Кромѣ того, были приговорены къ тому же наказанію: аббатъ Бротье, Ла-Вилльернуа, Дюванъ, бывшій министръ полиціи Кошонъ, бывшій чиновникъ полиціи Дессонвиль, генералы

Миранда и Морганъ, журналистъ Сюаръ, бывшій членъ Конвента Маль и командиръ законодательной стражи Рамель. Нѣкоторымъ изгнанникамъ удалось избавиться отъ дѣйствія декрета; Карно былъ изъ ихъ числа. Большая часть осужденныхъ была отправлена въ Кайенну, но многіе остались на островѣ Ре.

Директорія значительно распространила этотъ актъ остракизма. Издатели тридцати пяти журналовъ были включены въ списокъ ссыльныхъ. Она хотѣла нанести пораженіе врагамъ республики и въ Совѣтахъ, и въ журналахъ, и въ избирательныхъ собраніяхъ, и въ департаментахъ,—однимъ словомъ, всюду, куда они проникли. Выборы сорока восьми департаментовъ были признаны недѣйствительными; законы въ пользу священниковъ и эмигрантовъ—отмѣнены. Паденіе всѣхъ тѣхъ, кто преобладалъ въ департаментахъ послѣ 9-го термидора, дало новую силу опустившейся республиканской партіи. Государственный переворотъ 18-го фрюктидора не былъ чисто центральнымъ фактомъ, какъ, напримѣръ, побѣда 13-го вандемьера: онъ разрушилъ роялистскую партію, которая была только отражена предшествовавшимъ пораженіемъ. Но, замѣнивъ законное правительство диктатурой, онъ сдѣлалъ необходимой другую революцію, о которой будетъ говорено впослѣдствіи.

18-го фрюктидора V года Директорія должна была восторжествовать надъ контръ-революціей, сокрушивъ власть Совѣтовъ, или Совѣты—восторжествовать надъ республикой, свергнувъ Директорію. При такой постановкѣ вопроса остается только опредѣлить: 1) могла ли Директорія побѣдить иначе, какъ при помощи государственнаго переворота; 2) не употребила ли она во зло свою побѣду.

Правительство не имѣло права распускать Совѣты. Непосредственно послѣ революціи, имѣвшей цѣлью водвореніе одного высшаго права, нельзя было предоставить второстепенной власти контроль надъ державностью народа—нельзя было подчинить, въ извѣстныхъ случаяхъ, законодательный корпусъ Директоріи. За отсутствіемъ этой уступки экспериментальной политики, какое средство оставалось Директоріи для изгнанія врага изъ сердца государства? Не будучи болѣе въ состояніи защищать революцію силою закона, Директорія по необходимости должна была прибѣгнуть къ диктатурѣ; но, прибѣгая къ этому средству, она нарушила условія своего существованія и, спасая революцію, вскорѣ погубила сама себя.

Что касается побѣды, то Директорія запятнала ее жестокостью, желая сдѣлать ее чересчуръ полной. Ссылка была распространена на слишкомъ большое число жертвъ; мелкія человѣческія страсти примѣшались къ защитѣ государственнаго дѣла, и Директорія не выказала той умѣренности въ произволѣ, которая составляетъ единственную возможную справедливость при государственномъ переворотѣ. Ей бы слѣдовало, для достиженія своей цѣли, сослать только главныхъ заговорщиковъ; но партіи рѣдко умѣютъ воздер-

шаться отъ злоупотребленія диктатурой. Когда онѣ располагали силой, снисходительность почти всегда являлась для нихъ опасностью. Пораженіе 18-го фрюктидора было четвертымъ пораженіемъ роялистской партіи: два пораженія были нанесены ей тогда, когда дѣло шло объ отнятіи у нея власти (14-го іюля и 10-го августа), два—когда она старалась вновь захватить ее (13-го вандемьера и 18-го фрюктидора). Опять рядъ безполезныхъ попытокъ и продолжительныхъ неудачъ немало способствовали покорности роялистовъ во время Консульства и Имперіи.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Съ 18-го фруктидора (4-го сентября 1797 г.) до 18-го брюмера (9-го ноября 1799 г.).

Директорія возвращается 18-го фруктидора къ революціонному правительству, нѣсколько смягченному. — Всеобщій миръ, въ которомъ не принимаетъ участія только Англія. — Возвращеніе Бонапарта въ Парижъ; экспедиція въ Египетъ. — Демократическіе выборы VI года. Директорія уничтожаетъ ихъ 22-го флореаля. — Вторая коалиція: Россія, Австрія, Англія нападаютъ на республику со стороны Италіи, Швейцаріи и Голландіи; повсемѣстныя пораженія. — Демократическіе выборы VII года; 30-го преріаля Совѣты мстятъ Директоріи насильственнымъ измѣненіемъ ея состава. — Двѣ партіи въ новой Директоріи и въ Совѣтахъ: умѣренная республиканская партія, подъ предводительствомъ Сіейса, Роже-Дюко, Совѣта старѣйшинъ; партія крайнихъ республиканцевъ, подъ предводительствомъ Мулена, Гойе, Совѣта пятисотъ и общества Манежа. — Различные проекты. — Побѣды Массены въ Швейцаріи, Брюна — въ Голландіи. — Возвращеніе Бонапарта изъ Египта; онъ вступаетъ въ соглашеніе съ Сіейсомъ и его партіей. — Дни 18-го и 19-го брюмера. — Конецъ директоріальнаго правленія.

Главнымъ послѣдствіемъ 18-го фруктидора было возвращеніе революціоннаго правительства, но уже нѣсколько смягченнаго. Оба прежніе привилегированные класса были вновь исключены изъ общества; непокорные священники были изгнаны во второй разъ. Шуаны и бѣжавшіе нѣкогда старые роялисты, занимавшіе поле битвы въ избирательныхъ собраніяхъ, уступили его старымъ республиканцамъ; всѣ входившіе въ составъ высшаго военнаго управленія Бурбоновъ, высшіе правительственные чиновники, члены парламентовъ, кавалеры Св. Духа и Св. Людовика, мальтійскіе кавалеры, всѣ протестовавшіе противъ уничтоженія дворянства и сохранившіе титулы, должны были покинуть территорію республики. Бывшіе дворяне и возведенные въ дворянское достоинство могли пользоваться правами гражданства не прежде, какъ по истеченіи семи лѣтъ, когда они, такъ сказать, докажутъ, что способны быть французами. Эта партія, желая возвратить себѣ господство, вызвала диктатуру.

Въ это время Директорія достигла высшей степени своего могущества; нѣкоторое время она не имѣла вооруженныхъ враговъ. Избавленная отъ важной внутренней опасности, она заключила континентальный миръ съ Австріей кампоформійскимъ трактатомъ, и вела в то же время переговоры съ Имперіей на раштадтскомъ конгрессѣ. Кампоформійскій трактатъ былъ болѣе выгоденъ для вѣнскаго кабинета, чѣмъ предварительныя условія въ Леобенѣ. Австрія была вознаграждена за ея бельгійско-ломбардскія провинціи частью Венеціанскихъ владѣній; эта древняя республика была раздѣлена: Франція удержала за собою Іонійскіе острова и дала Австріи городъ Венецію, провинціи Истрію и Далмацію. Директорія сдѣлала въ этомъ случаѣ большую ошибку и совершила настоящее преступленіе. Изъ фанатической приверженности къ теоріи можно желать освобожденія націи, но никогда не должно распоряжаться ею произвольно. Распредѣляя по произволу территорію маленькаго государства, Директорія подала дурной примѣръ торговли народами, который съ тѣхъ поръ нашелъ слишкомъ много послѣдователей. Сверхъ того, господство Австріи, вслѣдствіе безразсудной уступки Венеціи, должно было рано или поздно распространиться на Италію.

Коалиція 1792 и 1793 г. распалась, единственною державою оставалась только Англія. Лондонскій кабинетъ, нападавшій на Францію въ надеждѣ ее ослабить, вовсе не былъ расположенъ уступить ей Бельгію, Люксембургъ, лѣвую сторону Рейна, Порантрюи, Ниццу, Савойю, протекторатъ надъ Генуей, Миланомъ и Голландіей. Однако, ему нужно было успокоить англійскую оппозицію и приготовить новыя средства къ нападенію: онъ сдѣлалъ мирныя предложенія и послалъ, въ качествѣ полномочнаго посланника лорда Мальмсбери сперва въ Парижъ, потомъ въ Лилль. Но предложенія Питта не были искренни, и Директорія не позволила обмануть себя его дипломатическими хитростями. Переговоры два раза прерывались, и война между обѣими державами продолжалась. Ведя переговоры въ Лиллѣ, Англія приготовляла въ Петербургѣ *тройственный союзъ*, или вторую коалицію.

Директорія, со своей стороны, безъ средствъ, безъ внутренней поддержки, не имѣя другой опоры, кромѣ арміи и славы своихъ побѣдъ, не въ состояніи была согласиться на всеобщій миръ. Она усилила неудовольствіе учрежденіемъ нѣкоторыхъ налоговъ и уменьшеніемъ государственнаго долга до одной *консолидированной трети*, которая одна уплачивалась звонкою монетою; это разорило капиталистовъ. Для поддержки Директоріи нужна была война. Громадное количество солдатъ нельзя было распустить безъ опасности. Не говоря о томъ, что Директорія лишилась бы чрезъ это своихъ силъ и оставила бы Францію на произволъ Европы, — она совершила бы также дѣло, которое обходится безъ потрясеній только во время полнаго спокойствія и сильнаго развитія благо-

спокойствія и труда. Положеніе Директоріи побудило ее къ вторженію въ Швейцарію и экспедиціи въ Египетъ.

Въ то время Бонапартъ возвратился въ Парижъ. Побѣдитель Италіи и возстановитель тишины на континентѣ былъ встрѣченъ съ вынужденнымъ энтузіазмомъ со стороны Директоріи и самымъ искреннимъ—со стороны народа. Ему оказали такія почести, какихъ не оказывали еще ни одному генералу республики. Въ Люксембургѣ былъ воздвигнутъ алтарь отечества, и побѣдитель, пройдя подъ навѣсомъ знаменъ, завоеванныхъ въ Италіи, отправился на церемонію, устроенную для него. Онъ былъ привѣтствованъ Баррасомъ, президентомъ Директоріи, который, послѣ поздравленія съ побѣдами, побуждалъ его «увѣнчать столь прекрасную жизнь завоеваніемъ, которое удовлетворило бы оскорбленное достоинство великой націи». Это завоеваніе было—завоеваніе Англіи. Казалось, все было готово для высадки, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности имѣлось въ виду вторженіе въ Египетъ.

Подобное предпріятіе удовлетворяло и Директорію, и Бонапарта. Независимое поведеніе этого генерала въ Италіи, его самолюбіе, проявлявшееся нерѣдко сквозь искусственную простоту, дѣлали его присутствіе опаснымъ. Со своей стороны онъ боялся разрушить своимъ бездѣйствіемъ то чрезвычайно высокое мнѣніе, которое о немъ уже составилось: люди многаго требуютъ отъ того, кого они провозглашаютъ великимъ, и заставляютъ его поддерживать свою славу. Такимъ образомъ Директорія видѣла и въ египетской экспедиціи средство къ удаленію опаснаго генерала и надежду напасть на Англію черезъ Индію; Бонапартъ видѣлъ въ ней гигантскій замыселъ, подходящій къ своему вкусу, и новое средство удивить народы. Онъ вышелъ изъ Тулона 30-го флореаля VI г. (19-го мая 1798 г.) съ четырьмя стами судовъ и частью итальянской арміи; подойдя къ Мальтѣ, онъ овладѣлъ ею и оттуда отплылъ въ Египетъ.

Директорія, рѣшившаяся нарушить нейтралитетъ въ отношеніи къ Оттоманской Портѣ, чтобы добраться до англичанъ, уже нарушила его въ отношеніи къ Швейцаріи для того, чтобы выгнать съ ея территоріи эмигрантовъ. Французскія убѣжденія проникли уже въ Женеву и Валлисъ; но политика швейцарскаго союза, находившагося подъ вліяніемъ бернской аристократіи, была совершенно враждебна имъ. Изъ бернскаго кантона выгоняли всѣхъ швейцарцевъ, которые считались приверженцами французской республики. Бернъ служилъ средоточіемъ эмигрантовъ, и тамъ составлялись всѣ заговоры противъ революціи. Директорія жаловалась, но удовлетворенія не получила. Ваадтландцы, находившіеся по прежнимъ договорамъ, подъ покровительствомъ Франціи, призвали ее на помощь противъ тираніи Берна. Призывъ ваадтландцевъ, собственная обида, желаніе распространить директоріально-республиканскую систему въ Швейцаріи,—все это побудило Директо-

ри въ началѣ непримиримыхъ дѣйствій гораздо больше, чѣмъ желаніе захватить маленькое бернское казначейство, въ чемъ ее упрекали. Переговоры ни къ чему не привели, и война началась. Швейцарцы защищались очень храбро и упорно и думали возстановить времена своихъ предковъ; но они пали. Женева была присоединена къ Франціи, и Швейцарія промѣняла свою древнюю конституцію на конституцію III года. Съ этого времени въ швейцарскомъ союзѣ существовали двѣ партіи: одна—революціонная, стоявшая за Францію, а другая—контръ-революціонная, расположенная къ Австріи. Швейцарія перестала быть общей преградой и стала большой дорогой Европы.

За этой революціей послѣдовала римская. Генералъ Дюфо былъ убитъ въ Римѣ во время мятежа; въ наказаніе за это преступленіе, которому папское правительство не воспрепятствовало, въ Римѣ была введена республика. Все это усилило систему Директоріи и дало ей перевѣсъ въ Европѣ: она стояла во главѣ республикъ: гельветической, батавской, лигурійской, цизальпинской, римской, устроенныхъ по одному и тому же образцу. Но въ то время, какъ Директорія все болѣе и болѣе распространяла свое внѣшнее вліяніе, ей снова стали угрожать внутреннія партіи.

Выборы флореаля VI года (мая 1798 г.) были неблагопріятны для Директоріи; они были произведены совершенно въ противоположномъ духѣ, сравнительно съ выборами V года. Послѣ 18-го фрюктидора удаленіе противниковъ революціи возвратило все вліяніе крайней республиканской партіи, которая возстановила клубы подъ именемъ конституціонныхъ кружковъ. Эта партія господствовала въ избирательныхъ собраніяхъ, которымъ предстояло выбрать, вопреки обыкновенію, четыреста тридцать семь депутатовъ: двѣсти девяносто восемь—въ Совѣтъ пятисотъ, сто тридцать девять—въ Совѣтъ старѣйшинъ. Съ приближеніемъ выборовъ Директорія сильно возстала противъ анархистовъ. Но такъ какъ ея воззванія не были въ состояніи предупредить демократическихъ выборовъ, то она рѣшилась ихъ уничтожить въ силу частнаго закона, которымъ Совѣты, послѣ 18-го фрюктидора, дали ей право обсуждать дѣйствія избирательныхъ собраній. Она пригласила законодательный корпусъ назначить съ этою цѣлью комиссію изъ 5-ти человѣкъ. 22-го флореаля выборы были большею частью признаны недѣйствительными: партія Директоріи поразила въ это время крайнихъ республиканцевъ, подобно тому, какъ 9 мѣсяцевъ назадъ она поразила роялистовъ.

Директорія хотѣла поддержать политическое равновѣсіе, которое характеризовало первые два года ея существованія, но положеніе ея сильно измѣнилось. Со времени послѣдняго государственнаго переворота она не могла уже быть безпристрастнымъ правительствомъ, потому что не была уже правительствомъ конституціоннымъ. Своимъ стремленіемъ стать въ изолированное поло-

хотя она возбудила противъ себя особенное неудовольствіе, но продолжала еще существовать въ такомъ видѣ до выборовъ VII года. Она выказывала много дѣятельности, но дѣятельности узкой и безпокойной. Мерленъ (изъ Дуэ) и Трельяръ, которые замѣнили Карно и Бартелеми, были оба политическими адвокатами. Ребель обладалъ въ высшей степени рѣшительностью государственнаго человѣка, но не имѣлъ необходимой при этомъ ширины воззрѣній; Ларевельеръ-Лепо занимался слишкомъ много для главы правительства сектою теофилантроповъ. Баррасъ продолжалъ свою распущенную жизнь и директоріальное регентство: его дворецъ былъ мѣстомъ сборищъ для игроковъ, женщинъ всякаго поведенія и всевозможныхъ аферистовъ. Управленіе директоріи страдало и отъ ихъ личнаго характера, но болѣе всего отъ ихъ положенія, къ затрудненіямъ котораго присоединилась еще война со всею Европой.

Въ то время, когда республиканскіе уполномоченные переговаривались въ Раштатѣ о мирѣ съ Имперіею, вторая коалиція открыла военныя дѣйствія. Кампоформійскій договоръ для Австріи былъ только перемиріемъ. Англія безъ труда увлекла ее въ коалицію; исключая Пруссіи и Испаніи, большая часть европейскихъ государствъ приняла въ ней участіе. Субсидіи британскаго правительства и запальчивость Павла побудили къ тому Россію; Порта и Варварійскія государства приступили къ коалиціи вслѣдствіе вторженія въ Египетъ; Имперія—чтобы возвратить себѣ лѣвый берегъ Рейна; мелкіе итальянскіе владѣтели—чтобы разрушить новыя республики. Когда въ Раштатѣ обсуждали договоръ касательно уступки Имперіи лѣваго берега Рейна, навигаціи по этой рѣкѣ и разрушенія нѣкоторыхъ крѣпостей на правомъ берегу ея— русскіе вступили въ Германію, и австрійская армія двинулась въ походъ. Французскіе уполномоченные, застигнутые врасплохъ, получили приказаніе уѣхать въ двадцать четыре часа; они повиновались немедленно и отправились въ путь, получивъ охранныя грамоты отъ генераловъ непріятельскаго войска. На нѣкоторомъ разстояніи отъ Раштата ихъ остановили австрійскіе гусары и, увѣрившись въ ихъ именахъ и званіяхъ, умертвили ихъ. Бонье и Робержо были убиты; Жанъ де-Бри оставленъ замертво. Это неслыханное нарушеніе международнаго права, это предумышленное убійство трехъ человѣкъ, облеченныхъ священнымъ званіемъ уполномоченныхъ, произвело общее негодованіе, и законодательный корпусъ постановилъ объявить войну, мотивируя ее негодованіемъ къ правительствамъ, на отвѣтственность которыхъ падало это громадное преступленіе.

Непріятельскія дѣйствія начались въ Италіи и на Рейнѣ. Узнавъ о движеніи русскихъ войскъ и коварныя намѣренія Австріи, Директорія провела чрезъ Совѣты законъ о рекрутскомъ наборѣ. *Военная конскрипція* предоставила въ распоряженіе республики двѣсти тысячъ молодыхъ людей. Этимъ закономъ,

имѣвшій неисчислимыя послѣдствія, былъ результатомъ болѣе правильнаго порядка вещей. Поголовное ополченіе было революціонною службою отечеству; конскрипція сдѣлалась законною ему службою.

Державы болѣе нетерпѣливыя, составлявшія авангардъ коалиціи, открыли военныя дѣйствія. Неаполитанскій король двинулся на Римъ, а король сардинскій выставилъ войска и грозилъ лигурійской республикѣ. Но такъ какъ они не въ состояніи были выдержать напоръ французскихъ армій, то легко были побѣждены и лишены владѣній. Генералъ Шампіоне вступилъ въ Неаполь послѣ кровавой побѣды. Лаццарони защищались внутри города въ продолженіе трехъ дней, но они пали, и партенопейская республика была провозглашена. Генералъ Жуберъ занялъ Туринъ; цѣлая Италія находилась въ рукахъ Франціи, когда открылась новая кампанія.

Коалиція превосходила республику наличными силами и резервами. Союзники напали на французовъ съ трехъ сторонъ: въ Италіи, Швейцаріи и Голландіи. Сильная австрійская армія вторгнулась въ Мантуанскую область, въ двухъ сраженіяхъ на Адижѣ разбила Шерера и скоро соединилась съ побѣдоноснымъ до того времени Суворовымъ. Моро, отличавшійся большими военными способностями, занялъ мѣсто Шерера и отступилъ къ Генуѣ, чтобы охранять линію Апеннинъ и соединиться съ неаполитанскою арміею, находившеюся подъ начальствомъ Макдональда, который былъ разбитъ при Требіи. Тогда союзники передвинули свои главныя силы въ Швейцарію. Нѣсколько русскихъ корпусовъ соединились съ эрцгерцогомъ Карломъ, который разбилъ Журдана на верхнемъ Рейнѣ и намѣревался вступить въ предѣлы швейцарскаго союза. Въ это же самое время герцогъ Іоркскій высадился въ Голландіи съ 40,000 англичанъ и русскихъ. Маленькія республики, находившіяся подъ покровительствомъ Франціи, были заняты, и послѣ нѣсколькихъ побѣдъ союзники могли бы проникнуть въ самый центръ Франціи.

Во время этихъ пораженій и неудовольствія партій происходили выборы флореаля VII года (май 1799 г.); результатъ ихъ былъ тотъ же, какъ и въ предшествовавшемъ году. Директорія уже не чувствовала себя достаточно сильною, чтобы бороться съ общественными несчастіями и злобою партій. Очередной выходъ Ребеля, котораго замѣнилъ Сійесъ, лишилъ ее единственнаго человѣка, который бы могъ сопротивляться бурѣ. Сійесъ былъ самымъ явнымъ противникомъ этого компрометированнаго и изношеннаго правительства. Крайніе республиканцы и умѣренные соединились и потребовали у директоровъ отчета о внѣшнемъ и внутреннемъ состояніи республики. Совѣты объявили свои засѣданія постоянными. Баррасъ оставилъ своихъ товарищей. Ярость Совѣтовъ направилась единственно противъ Трельяра, Мерлена и Ларевельера, послѣдней опоры прежней Директоріи. Они смѣнили Трельяра на томъ основаніи, что не прошло еще года—какъ того требовалъ

конституціи—между тѣмъ временемъ, когда онъ занималъ законодательную должность, и тѣмъ, когда онъ занялъ мѣсто въ Директоріи. Бывшій министръ юстиціи Гойэ былъ тотчасъ же поставленъ на мѣсто Трельяра.

Ораторы Совѣтовъ сильно напали тогда на Мерлена и Ларевельера; смѣнить ихъ они не могли и потому хотѣли принудить ихъ, чтобы они сами подали въ отставку. Вслѣдствіе этихъ угрозъ директоры послали въ Совѣты оправдательныя письма и предложили имъ примиреніе. 30-го преріаля республиканецъ Бертранъ (изъ Кальвадоса) вышелъ на трибуну и, разсмотрѣвъ предложеніе директоровъ, воскликнулъ: «Вы предложили соединеніе,—а я вамъ совѣтую подумать о томъ, можете ли вы сами сохранить ваши должности. Вы не станете колебаться въ рѣшеніи, если вы любите республику. Вы не въ состояніи дѣлать добро; вы никогда не пріобрѣтете довѣрія ни вашихъ товарищей, ни народа, ни представителей страны,—а безъ этого вы не можете заставить исполнять законы. Уже, я знаю, благодаря конституціи въ Директоріи существуетъ большинство, пользующееся довѣріемъ народнаго правительства. Зачѣмъ же вы желаете ввести единодушіе желаній и принциповъ между двумя главнѣйшими властями республики? Вы потеряли довѣріе даже тѣхъ подлыхъ льстецовъ, которые вырыли вамъ политическую могилу. Положите конецъ вашему поприщу дѣломъ самоотверженія, которому сумѣетъ отдать справедливость только доброе сердце республиканцевъ!»

Мерленъ и Ларевельеръ, лишенные поддержки правительства вслѣдствіе выхода Ребеля, отставки Трельяра и измѣны Барраса, побуждаемые требованіемъ Совѣтовъ и патріотическими соображеніями, уступили обстоятельствамъ и отказались отъ директоріальной власти. Эта побѣда, одержанная сообща республиканцами и умѣренными, послужила въ пользу и тѣмъ, и другимъ. Первые ввели въ Директорію генерала Мулена, вторые—Роже-Дюко. День 30-го преріаля (18-го іюня), разстроившій старое правительство III года, былъ со стороны Совѣтовъ местью Директоріи за 18-ое фруктидора и 22-ое флореаля. Итакъ, обѣ могущественныя власти государства нарушили, каждая въ свою очередь, конституцію: Директорія—посягнувъ на неприкосновенность законодательнаго корпуса, законодательный корпусъ—вытѣснивъ нѣсколькихъ членовъ Директоріи. Существованіе формы правленія, на которую жаловались всѣ партіи, не могло быть продолжительно.

Послѣ успѣха 30-го преріаля Сіейесъ старался разрушить то, что осталось отъ правительства III года, чтобы возстановить законное правленіе на другихъ основаніяхъ. Человѣкъ капризный и систематикъ, онъ обладалъ, однако, способностью вѣрно угадывать положеніе дѣлъ. Онъ возвратился на поприще политической жизни въ странную эпоху, съ намѣреніемъ завершить революцію прочнымъ государственнымъ устройствомъ. Онъ способствовалъ великимъ

реформамъ 1789 г.; по его предложенію, 17-го іюня, генеральные штаты были преобразованы въ національное собраніе; имъ былъ составленъ проектъ внутренней организаціи, замѣнившій провинціи департаментами. Во время промежуточнаго періода онъ бездѣйствовалъ и ограничивался пассивною ролью. Онъ ожидалъ, чтобы эпоха національной обороны опять уступила мѣсто эпохѣ созиданія. Во время Директоріи онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Берлинъ, и ему приписывали сохраненіе прусскаго нейтралитета. По возвращеніи оттуда онъ принялъ должность директора, отъ которой до того времени отказывался, принялъ ее потому, во-первыхъ, что Ребель оставилъ правительство, и, во-вторыхъ, потому, что партіи были настолько утомлены, что окончательное умиротвореніе и утвержденіе свободы казалось ему возможнымъ. Питая это убѣжденіе, онъ опирался въ Директоріи на Роже-Дюко, въ законодательномъ корпусѣ — на Совѣтъ старѣйшинъ, внѣ правительственной сферы — на массу людей умѣренныхъ и средній классъ, который прежде желалъ законовъ, какъ новости, а теперь, также какъ новости, спокойствія. Эта партія желала правительства твердаго, которое могло бы водворить безопасность, которое не имѣло бы ни прошлаго, ни враговъ и которое могло бы наконецъ удовлетворить всѣ убѣжденія и всѣ интересы. Все, что было сдѣлано съ 14-го іюля до 9-го термидора, дѣлалось народомъ, вмѣстѣ съ частью правительства; съ 13-го вандемьера все стало дѣлаться посредствомъ войска, и потому Сіейесу необходимъ былъ генералъ. Онъ обратилъ вниманіе на Жубера, который и получилъ главное начальство надъ альпійской арміей, чтобы побѣдами и освобожденіемъ Италіи пріобрѣсти большое политическое значеніе.

Между тѣмъ конституція III года еще поддерживалась двумя директорами—Гойэ и Муленомъ, Совѣтомъ пятисотъ, и внѣ правительства—партіею Манежа. Крайніе республиканцы составили клубъ въ той самой залѣ, въ которой засѣдало первое изъ законодательныхъ собраній. Новый клубъ—составившійся изъ остатковъ клубовъ сальмскаго, существовавшаго до 18-го фруктидора, пантеонскаго, основаннаго въ началѣ Директоріи, и стараго общества якобинцевъ—проповѣдывалъ съ жаромъ республиканскіе принципы, а не демократическія мнѣнія низшаго класса. Каждая изъ двухъ партій имѣла своихъ представителей въ министерствѣ, которое было возобновлено въ одно время съ Директоріею. Камбасересъ былъ министромъ юстиціи, Кинеттъ—министромъ внутреннихъ дѣлъ, Рейнгардъ временно исправлялъ должность министра иностранныхъ дѣлъ, въ ожиданіи назначенія Талейрана, Робертъ Ленде былъ министромъ финансовъ, Бурдонъ (изъ Ватри)—морскимъ министромъ, Бернадоттъ—военнымъ, Бургиньонъ, вскорѣ замѣненный Фуше (изъ Нанта),—министромъ полиціи.

На этотъ разъ Баррасъ занялъ центральное положеніе между обѣими сторонами законодательнаго корпуса, Директоріи и мини-

стерегъ. Видя, что дѣло клонится къ перевороту, болѣе значительному, чѣмъ переворотъ 30-го преріаля, онъ, бывшій дворянинъ, думалъ, что погибель республики повлечетъ за собою реставрацію Бурбоновъ, и сталъ вести переговоры съ претендентомъ, Людовикомъ XVIII. Кажется, что, ведя переговоры о возстановленіи Бурбоновъ черезъ своего агента Давида Монье, Баррасъ не забылъ и самого себя. Онъ не имѣлъ твердыхъ убѣжденій и всегда становился на сторону той партіи, которая имѣла больше шансовъ успѣха. Перебывавъ монтаньяромъ-демократомъ 31-го мая, монтаньяромъ-реакціонеромъ—9-го термидора, революціоннымъ директоромъ и противникомъ роялистовъ—18-го фруктидора, умѣреннымъ республиканскимъ директоромъ, противникомъ своихъ прежнихъ товарищей 30-го преріаля, онъ теперь сдѣлался директоромъ-роялистомъ, противникомъ правительства III года.

Партія, павшая духомъ вслѣдствіе 18-го фруктидора и мира на континентѣ, тоже ободрилась. Военные успѣхи новой коалиціи, жестокій законъ о принудительномъ займѣ и насильственный законъ о заложникахъ, который обязывалъ каждое семейство эмигрантовъ давать гарантіи правительству, заставили роялистовъ запада и юга снова взяться за оружіе. Они снова стали появляться шайками, которыя становились день отъ дня страшнѣй и которыя возобновили мелкую, но опустошительную войну шуановъ. Они ждали прибытія русскихъ и вѣрили въ будущую реставрацію монархіи. Настало мгновеніе, благопріятное для новыхъ усилій всѣхъ партій. Каждая изъ нихъ имѣла виды на наслѣдство послѣ конституціи, находившейся въ агоніи, подобно тому, какъ это было въ концѣ сессіи Конвента. У французовъ есть особый родъ политическаго чутья, угадывающаго приближеніе смерти правительства: всѣ партіи готовятся тогда къ дѣлежу добычи.

Къ счастью для республики, война приняла другой оборотъ на двухъ главныхъ границахъ—на верхнемъ и нижнемъ Рейнѣ. Союзники, завладѣвъ Италией, захотѣли проникнуть во Францію чрезъ Швейцарію и Голландію; но генералы Массена и Брюнъ остановили ихъ побѣдоносное до того времени шествіе. Массена двинулся противъ Корсакова и Суворова. Въ продолженіе двѣнадцати дней искусныхъ соображеній и послѣдовательныхъ побѣдъ, Массена, переходя по очереди отъ Констанца къ Цюриху, отразилъ русскихъ, принудилъ ихъ къ отступленію и разстроилъ коалицію. Брюнъ также разбилъ герцога Іоркскаго въ Голландіи, принудилъ его возвратиться на суда и отказаться отъ попытки вторженія. Одна итальянская армія была менѣе счастлива. Она потеряла своего генерала Жубера, убитаго въ сраженіи при Нови, когда онъ нападалъ на австро-русскія войска. Но эта граница, отдаленная отъ центра событій, осталась неприкосновенной, несмотря на пораженіе при Нови: Шампіоне искусно защищалъ ее. Республиканскія войска скоро должны были оставить ее позади себя: они терпѣли

пораженія только въ началѣ кампаніи, а затѣмъ снова брали верхъ надъ непріятелемъ и возобновляли рядъ своихъ побѣдъ. Европа, возбуждая своими постоянными нападеніями дѣятельность французскихъ военныхъ силъ, съ каждымъ разомъ придавала послѣднимъ все болѣе и болѣе разрушительный характеръ.

Но внутри государства ничто не измѣнилось. Распри, недовольство и раздраженіе оставались тѣ же. Борьба между крайними республиканцами и умѣренными выказалась живѣе. Сіейесъ продолжалъ развивать свои проекты, направленные противъ крайнихъ. Въ годовщину 10-го августа, на Марсовомъ полѣ, онъ выступилъ противъ *якобинцевъ*. Луціанъ Бонапартъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ въ Совѣтѣ пятисотъ за свой характеръ, свои таланты и за военныя доблести завоевателя Египта и Италіи, изобразилъ въ этомъ собраніи страшную картину *террора* и сказалъ, что Франціи угрожаетъ его возвращеніе. Почти въ то же время Сіейесъ отрѣшилъ Бернадотта и Фуше; съ его согласія, закрылъ *клубъ Манежа*. Масса, которой достаточно представить призракъ прошлаго, чтобы внушить ужасъ къ нему, встала на сторону умѣренныхъ изъ боязни террора; крайніе республиканцы, хотѣвшіе объявить *отечество въ опасности*, какъ они сдѣлали это въ концѣ Законодательнаго Собранія, не имѣли на этотъ разъ успѣха. Но Сіейесъ, потерявъ Жубера, искалъ генерала, который бы могъ понять его планы и который бы защищалъ республику, не порабощая ее. Гошъ умеръ уже болѣе года тому назадъ; Моро навлекъ на себя подозрѣніе двусмысленнымъ поведеніемъ относительно Директоріи до 18-го фруктидора и внезапнымъ доносомъ на своего прежняго друга Пишегрю, измѣну котораго онъ скрывалъ болѣе года; Массена вовсе не былъ политикомъ; Бернадоттъ и Журданъ были приверженцы партіи Манежа; Сіейесъ, находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, отсрочивалъ государственный переворотъ за неимѣніемъ способнаго помощника.

Бонапартъ, бывшій на востокѣ, узналъ черезъ брата своего Луціана и нѣкоторыхъ другихъ изъ своихъ друзей о положеніи дѣлъ во Франціи и объ упадкѣ Директоріи. Экспедиція его была блистательна: онъ овладѣлъ верхнимъ и нижнимъ Египтомъ. Разбивъ мамелюковъ и вполнѣ уничтоживъ ихъ господство, онъ двинулся въ Сирію; но неудача при осадѣ С. Жанъ-д'Акра заставила его возвратиться въ Египетъ. Здѣсь, разсѣявъ оттоманскую армію близъ Абукира, на томъ мѣстѣ, которое за годъ передъ этимъ было такъ пагубно для французскаго флота, онъ рѣшился оставить эту страну ссылки и славы съ тѣмъ, чтобы воспользоваться для своего возвышенія новымъ кризисомъ, готовившимся во Франціи. Онъ оставилъ генерала Клебера начальникомъ восточной арміи и на фрегатѣ переѣхалъ Средиземное море, покрытое англійскими кораблями. Онъ высадился на Фрежюсѣ 17-го вандемьера VIII года (9-го октября 1799 г.), спустя 19 дней послѣ побѣды при Бергенѣ.

одержанной Массеною надъ англо-русскими войсками герцога Iоркскаго, и 14 дней послѣ побѣды при Цюрихѣ, одержанной Массеною надъ австро-русскими войсками, бывшими подъ начальствомъ Корсакова и Суворова. Бонапартъ проѣхалъ черезъ Францію, отъ береговъ Средиземнаго моря до Парижа, какъ тріумфаторъ. Его экспедиція, почти баснословная, удивляла и занимала умы и увеличила его славу, уже и безъ того огромную вслѣдствіе побѣдъ въ Италіи. Эти два предпріятія поставили его гораздо выше прочихъ генераловъ республики. Отдаленность мѣста его дѣйствій позволила ему начать свою карьеру въ качествѣ независимаго и вліятельнаго человѣка. Побѣдоносный генералъ, полномочный и полновластный дипломатъ, творецъ республикъ, онъ ловко умѣлъ удовлетворять всѣмъ интересамъ и умѣренно относиться ко всѣмъ убѣжденіямъ. Подготовляя издалека свою честолюбивую будущность, онъ не сдѣлался партизаномъ ни одной изъ партій; онъ щадилъ ихъ, чтобы возвыситься съ ихъ согласія. Еще со времени своихъ побѣдъ въ Италіи онъ помышлялъ объ узурпаціи. Еслибы 18-го фруктидора Директорія была побѣждена Совѣтами, онъ намѣревался идти противъ нихъ со своею арміею и захватить протекторатъ надъ республикой. Увидѣвъ послѣ 18-го фруктидора, что Директорія слишкомъ сильна и что бездѣйствіе въ Европѣ слишкомъ опасно для него, онъ согласился на египетскую экспедицію, чтобы не пасть и не подвергнуться забвенію. Услышавъ о пораженіи Директоріи 30-го преріаля, онъ поспѣшилъ на мѣсто событій.

Его прибытіе возбудило энтузіазмъ умѣренной части націи; онъ получалъ всеобщія поздравленія, и всѣ партіи желали овладѣть имъ. Генералы, директоры, депутаты, даже республиканцы Манежа имѣли съ нимъ свиданія и старались вывѣдать его образъ мыслей. Ему задавали праздники и обѣды; онъ держалъ себя просто, съ достоинствомъ, не заискивалъ ни въ комъ и наблюдалъ; въ его обращеніи уже были замѣтны и снисходительная фамильярность, и невольная привычка къ властвованію; несмотря на недостатокъ услужливости и прямоты, онъ держалъ себя самоувѣренно, и задняя мысль о заговорѣ проявлялась въ образѣ его дѣйствій. Не высказывая ея, онъ заставлялъ догадываться объ ея существованіи, такъ какъ для того, чтобы дѣло было сдѣлано, оно не должно было быть неожиданнымъ. Онъ не могъ опираться на республиканцевъ Манежа, не хотѣвшихъ ни государственнаго переворота, ни диктатора; а Сіейесъ справедливо опасался, что Бонапартъ слишкомъ честолюбивъ, чтобы принять къ сердцу его конституціонные планы. Поэтому Сіейесъ колебался вступить съ нимъ въ переговоры. Но наконецъ, вслѣдствіе настоянія общихъ друзей, они видѣлись и совѣщались. 15-го брюмера они начертали свой планъ нападенія на конституцію III года. Сіейесъ взялся приготовить Совѣты черезъ *комиссіи инспекторовъ*, которыя имѣли къ нему безграничное довѣріе. Бонапартъ долженъ былъ привлечь генераловъ и

различныя части войскъ, находившiяся въ Парижѣ и обнаруживавшiя энтузiазмъ и сильную привязанность къ его особѣ. Было рѣшено созвать чрезвычайное собранiе самыхъ увѣренныхъ изъ членовъ Совѣтовъ; изложить старѣйшинамъ опасность, угрожающую обществу; представить имъ неизбѣжность якобинства, требовать отъ нихъ перемѣщенiя законодательнаго корпуса въ Сенъ-Клу и назначенiя военачальникомъ генерала Бонапарта, какъ единственнаго человѣка, способнаго спасти отечество; достигнуть затѣмъ, при помощи новой военной власти, разрушенiя Директорiи и немедленнаго распущенiя законодательнаго корпуса. Исполненiе предпрiятiя назначено было на утро 18-го брюмера (9-го ноября).

Въ продолженiе этихъ трехъ дней тайна была тщательно сохранена. Баррасъ, Муленъ и Гойе, составлявшiе большинство Директорiи, президентомъ которой былъ въ то время Гойе, могли бы, предупредивъ заговорщиковъ, какъ 18-го фруктидора, предотвратить государственный переворотъ; но они предполагали въ противникахъ своихъ только надежды и не вѣрили въ организованные проекты. 18-го утромъ члены Совѣта старѣйшинъ были созваны въ чрезвычайное засѣданiе инспекторами; они отправились въ Тюльери и открыли засѣданiе около семи часовъ, подъ предсѣдательствомъ Лемерсье. Корнюде, Лебрёнъ и Фаргъ, трое изъ самыхъ влiятельныхъ заговорщиковъ, представили самую отчаянную картину общественнаго положенiя: они увѣряли, что якобинцы толпами приходятъ изъ всѣхъ департаментовъ, что они хотятъ возстановить революцiонное правительство и что терроръ будетъ вновь опустошать республику, если Совѣтъ не возымѣетъ мужества и мудрости предотвратить его возвращенiе. Другой заговорщикъ, Ренье (изъ департамента Мерты), потребовалъ у старѣйшинъ, уже поколебленныхъ, чтобы, во имя права, даннаго имъ конституцiею, они перенесли законодательный корпусъ въ Сенъ-Клу и чтобы Бонапарту, назначенному ими начальникомъ 17-ой военной дивизiи, было поручено исполнить это перенесенiе. Былъ ли весь Совѣтъ сообщникомъ этого маневра, или онъ дѣйствительно былъ пораженъ страхомъ послѣ столь быстраго созванiя и столь тревожныхъ рѣчей,—во всякомъ случаѣ, онъ согласился на все, чего требовали заговорщики. Бонапартъ съ нетерпѣнiемъ ожидалъ въ своемъ домѣ, въ улицѣ Шантренъ, результата этихъ пренiй; около него были генералы, начальникъ директорiальной гвардiи — Лефевръ — и нѣсколько полковъ кавалерiи, которымъ онъ долженъ былъ сдѣлать смотръ. Въ восемь съ половиною часовъ посланный отъ правительства принесъ ему декретъ Совѣта старѣйшинъ, состоявшiйся въ восемь часовъ. Онъ принялъ поздравленiя отъ всѣхъ, составлявшихъ его свиту; офицеры обнажали свои шпаги въ знакъ вѣрности. Наполеонъ сталъ во главѣ ихъ и отправился въ Тюльери; онъ явился въ Совѣтъ старѣйшинъ, принялъ присягу на вѣрность и назначилъ своимъ помощникомъ Лефевра, начальника директорiальной гвардiи.

Однако, это было только началомъ успѣха. Бонапартъ былъ только начальникомъ военныхъ силъ; но исполнительная власть Директоріи и законодательная власть Совѣтовъ еще существовали. Онъ не былъ увѣренъ въ томъ, что не будетъ побѣжденъ побѣдоносною до того силою революціи, борьба съ которою немедленно должна была начаться. Сійесъ и Роже-Дюко отправились изъ Люксамбурга въ законодательный и военный станъ въ Тюильери и подали въ отставку. Баррасъ, Мерленъ и Гойе, предувѣдомленные, хотя нѣсколько и поздно, о происходящемъ, со своей стороны хотѣли воспользоваться властью и полагались на свою стражу; но послѣдняя, получивъ отъ Бонапарта извѣщеніе о декретѣ старѣйшинъ, отказалась повиноваться. Смущенный Баррасъ подалъ въ отставку и отправился въ свое имѣніе Гробуа. Директорія была фактически уничтожена, и однимъ противникомъ въ борьбѣ стало менѣе. Совѣтъ пятисотъ и Бонапартъ остались одни лицомъ къ лицу.

Декретъ Совѣта старѣйшинъ и прокламація Бонапарта были прибиты на стѣнахъ Парижа. Въ этомъ большомъ городѣ замѣтно было движеніе, которое всегда сопровождаетъ необыкновенныя событія. Республиканцы не безъ основанія серьезно тревожились за свободу. Но когда они выражали опасенія насчетъ намѣреній Бонапарта, въ которомъ они видѣли *Цезаря* или *Кромвеля*, имъ отвѣчали слѣдующими словами самого генерала: *это дурныя, избитыя роли, недостойныя человѣка разумнаго, еслибы онѣ и не были недостойны человѣка благонамѣреннаго. Самая мысль покуситься на представительное правленіе, въ вѣкъ просвѣщенія и свободы,—святотатственна. Тотъ былъ бы безумецъ, кто легкомысленно пожертвовалъ бы роялизму дѣломъ республики, защищавъ ее сначала съ нѣкоторою славою и съ нѣкоторыми опасностями.* Однако-жъ, то значеніе, которое онъ придавалъ себѣ въ своихъ прокламаціяхъ, служило дурнымъ предзнаменованіемъ. Онъ укорялъ Директорію въ бѣдственномъ положеніи Франціи тономъ до тѣхъ поръ небывалымъ. «Что вы сдѣлали, — говорилъ онъ, — съ этою Франціею, которую я вамъ оставилъ столь блистательною? Я вамъ оставилъ миръ—и нашелъ войну; я вамъ оставилъ побѣды—и нашелъ пораженія; я вамъ оставилъ итальянскіе милліоны—и нашелъ повсюду нищету и хищническіе законы. Что вы сдѣлали со ста тысячами французовъ, которыхъ я зналъ, которые всѣ были моими товарищами по славѣ? Они погибли... Такое положеніе дѣлъ не можетъ продолжаться; ранѣе, чѣмъ черезъ три года, оно привело бы насъ къ деспотизму». Въ первый разъ еще въ продолженіе десяти лѣтъ одинъ человѣкъ приписывалъ все самому себѣ и требовалъ отчета въ дѣлахъ республики, какъ бы въ своихъ собственныхъ. Нельзя видѣть безъ огорченія, какъ младшій сынъ революціи одинъ завладѣваетъ наслѣдствомъ цѣлаго рода, пріобрѣтеннымъ съ такимъ трудомъ.

19-го брюмера члены Совѣтовъ отправились въ Сенъ-Клу. Сіейесъ и Роже-Дюко сопровождали Бонапарта на это новое поле сраженія: они поѣхали въ Сенъ-Клу съ намѣреніемъ поддержать планы заговорщиковъ. Сіейесъ, знавшій тактику революцій, для обезпеченія хода событій хотѣлъ, чтобы предводители партій были подвергнуты временному аресту и чтобы въ Совѣты были допущены только умѣренные, но Бонапартъ на это не согласился. Онъ не былъ человѣкомъ партіи; дѣйствуя и побѣждая до тѣхъ поръ только съ войсками, онъ думалъ увлечь законодательныя собранія, подобно арміи, своимъ повелительнымъ словомъ. Галлерея Марса была приготовлена для Старѣйшинъ, а оранжерея—для Пятисотъ. Значительная военная сила окружала мѣсто засѣданія, подобно тому, какъ 2-го іюня толпа окружала Конвентъ. Республиканцы, собравшись группами въ садахъ, ожидали открытія засѣданій; они кипѣли благороднымъ негодованіемъ противъ военнаго насилія, которымъ имъ угрожали, и сообщали другъ другу свои проекты сопротивленія. Молодой генералъ, сопровождаемый нѣсколькими гренадерами, ходилъ по дворамъ и комнатамъ; выказывая преждевременно свой характеръ, онъ говорилъ, какъ король издавна утвердившейся династіи: я не хочу больше заговоровъ; они должны прекратиться: я ихъ вовсе не желаю. Около двухъ часовъ пополудни Совѣты собрались въ залѣ засѣданій при звукахъ музыки, которая играла марсельезу.

Какъ только открылось засѣданіе, Эмиль Годенъ, одинъ изъ заговорщиковъ, взошелъ на трибуну Совѣта пятисотъ. Онъ предложилъ благодарить Совѣтъ старѣйшинъ за мѣры, которыя онъ принялъ, и предложить ему объяснить способы спасенія республики. Это предложеніе было знакомъ ко всеобщему безпорядку; изо всѣхъ угловъ залы поднялись крики противъ Годена. Республиканскіе депутаты осаждаютъ трибуну и бюро, президентомъ котораго былъ Луціанъ Бонапартъ. Заговорщики Кабанисъ, Буле (изъ департамента Верхн.), Шазаль, Годенъ и другіе блѣднѣютъ на своихъ скамьяхъ. Послѣ продолжительнаго волненія, во время котораго никто не могъ заставить другихъ слушать себя, спокойствіе возстановляется на мгновеніе, и Дельбре предлагаетъ возобновить присягу на вѣрность конституціи III года. Такъ какъ ни одинъ голосъ не поднялся противъ этого предложенія, которое въ подобныхъ обстоятельствахъ получало большую важность, то присяга была принесена съ единодушіемъ и выраженіемъ энтузіазма, смутившимъ заговорщиковъ.

Бонапартъ, извѣщенный о происходившемъ въ Совѣтѣ пятисотъ и поставленный въ крайнюю опасность быть оставленнымъ и потерпѣть пораженіе, является въ Совѣтѣ старѣйшинъ. Онъ погибъ бы, еслибы этотъ Совѣтъ, сочувствовавшій заговору, былъ увлеченъ порывомъ Совѣта пятисотъ. «Представители народа,— сказалъ онъ имъ,—вы находитесь не въ обыкновенныхъ обстоя-

тельствахъ: вы на вулканѣ. Вчера я былъ покоенъ, когда вы позвали меня, чтобы сообщить мнѣ декретъ о перенесеніи засѣданій и поручить мнѣ исполнить его. И что же! Сегодня меня осыпаютъ клеветами. Говорятъ о Цезарѣ, говорятъ о Кромвелѣ, говорятъ о военномъ правительствѣ! Еслибы я хотѣлъ стѣснять свободу моей страны, я не исполнялъ бы приказаній, которыя вы мнѣ дали: мнѣ бы не нужно было принимать эту власть изъ вашихъ рукъ. Клянусь вамъ, представители народа, отечество не имѣетъ болѣе ревностнаго защитника, чѣмъ я: на васъ однихъ основывается его спасеніе. Нѣтъ болѣе правительства: четверо изъ директоровъ подали въ отставку; пятый (Муленъ) находится подъ надзоромъ для своей безопасности; Совѣтъ пятисотъ раздѣленъ на партіи; остается только Совѣтъ старѣйшинъ. Пусть онъ принимаетъ мѣры; пусть онъ говоритъ,—я готовъ исполнять. Спасемъ свободу, спасемъ равенство!». Республиканскій членъ Ленгле всталъ тогда и сказалъ: «Генералъ, мы одобряемъ то, что вы говорите: поклянитесь же вмѣстѣ съ нами повиноваться конституціи III года, которая одна только можетъ поддержать республику». Все было потеряно для Бонапарта, еслибы это предложеніе было принято такъ же, какъ въ Совѣтѣ пятисотъ. Оно удивило Совѣтъ, и Бонапартъ былъ на мгновеніе смущенъ. Но онъ скоро возразилъ: «Конституціи III года—вы уже не имѣете ея болѣе. Вы ее нарушили 18-го фрюктидора; вы ее нарушили 22-го флореаля; вы ее нарушили 30-го преріаля. На эту конституцію опираются всѣ, но всѣ ее нарушали: она не можетъ быть для насъ средствомъ спасенія потому, что никто ея уже не уважаетъ: такъ какъ конституція нарушена, то нуженъ другой договоръ, новая гарантія». Совѣтъ встрѣтилъ рукоплесканіями упреки, которые ему дѣлалъ Бонапартъ, и всталъ въ знакъ одобренія.

Бонапартъ, обманутый легкимъ успѣхомъ своей выходки въ Совѣтѣ старѣйшинъ, думаетъ, что одно его присутствіе усмиритъ бурный Совѣтъ пятисотъ. Онъ отправляется туда во главѣ нѣсколькихъ гренадеровъ, которыхъ оставляетъ у дверей, но внутри залы, и идетъ впередъ одинъ, снявъ шляпу. При появленіи штыковъ всѣ члены Совѣта разомъ встаютъ со своихъ мѣстъ. Законодатели, думая, что появленіе Бонапарта есть знакъ военнаго насилія, восклицаютъ: «Это—беззаконіе! долой диктатора»! Нѣкоторые члены кидаются къ нему навстрѣчу; республиканецъ Бигоне схватываетъ его за руку и говоритъ ему: «Что вы дѣлаете, дерзкій! Удалитесь. Вы нарушаете святыню законовъ». Бонапартъ блѣднѣетъ, смущается, отступаетъ, и сопровождавшіе его гренадеры уносятъ его.

Удаленіе его не прекратило бурнаго волненія Совѣта. Всѣ члены говорятъ заразъ, всѣ предлагаютъ мѣры общественнаго спасенія и защиты. Луціана Бонапарта осыпаютъ упреками: онъ оправдываетъ своего брата, но съ робостью. Послѣ долгихъ усилій ему удается взойти на трибуну и пригласить Совѣтъ судить его брата

съ меньшею строгостью. Онъ увѣряетъ, что братъ его не имѣетъ никакихъ плановъ, враждебныхъ свободѣ, напоминаетъ его заслуги. Но тотчасъ поднимается нѣсколько голосовъ: «*Онъ уничтожилъ сейчасъ всю ихъ цѣну. Долой диктатора, долой тирановъ!*» Шумъ становится сильнѣе, чѣмъ когда-либо; предлагаютъ *объявить генерала Бонапарта внѣ покровительства законовъ*. «*Какъ!*—говоритъ Луціанъ,—*вы хотите, чтобы я объявилъ это о моемъ братѣ?!*»—«*Да, да, именно о немъ,—вотъ участь тирановъ!*» Среди смятенія сдѣлано и пущено на голоса предложеніе о томъ, чтобы засѣданія Совѣта были объявлены непрерывными; чтобы Совѣтъ тотчасъ же отправился въ свое помѣщеніе въ Парижѣ; чтобы войско, собранное въ Сенъ-Клу, участвовало въ охраненіи законодательнаго корпуса; чтобы начальство надъ нимъ ввѣрено было генералу Бернадотту. Луціанъ, ошеломленный всѣми этими предложеніями и объявленіемъ *внѣ закона*, которое онъ считалъ принятымъ наравнѣ съ другими, сошелъ съ трибуны на кресло и сказалъ въ величайшемъ волненіи: «Такъ какъ я не могъ заставить выслушать себя въ этомъ собраніи, то слагаю съ глубокимъ чувствомъ оскорбленнаго достоинства знаки народной магистратуры». Произнеся эти слова, онъ снялъ свой токъ, свой плащъ и свой шарфъ.

Бонапарту, по выходѣ изъ Совѣта пятисотъ, нужны были нѣкоторыя усилія, чтобы оправиться отъ своей тревоги. Малопривычный къ народнымъ сценамъ, онъ былъ сильно потрясенъ. Офицеры окружили его; Сіэсъ, болѣе привыкшій къ революціоннымъ сценамъ, совѣтовалъ, не теряя времени, употребить силу. Генералъ Лефевръ тотчасъ отдалъ приказаніе взять Луціана изъ Совѣта. Отрядъ вошелъ въ залу, отправился къ креслу, на которомъ вновь сидѣлъ Луціанъ, взялъ его въ свои ряды и вернулся съ нимъ къ войскамъ. Тотчасъ по выходѣ изъ собранія Луціанъ сѣлъ на лошадь и, стоя возлѣ своего брата, хотя уже лишенный оффиціальнаго значенія, обратился къ войскамъ съ рѣчью, какъ президентъ Совѣта. По соглашенію съ Бонапартомъ, онъ сказалъ тогда, что кинжалы были подняты на генерала въ Совѣтѣ пятисотъ, и воскликнулъ: «Граждане-солдаты, президентъ Совѣта пятисотъ объявляетъ вамъ, что огромное большинство этого Совѣта находится въ настоящую минуту подъ страхомъ нѣсколькихъ представителей, вооруженныхъ кинжалами, осаждающихъ трибуну, угрожающихъ смертью своимъ товарищамъ и поднимающихъ самыя ужасныя пренія!.. Генералъ, и вы, солдаты, и вы, всѣ граждане,—не признавайте законодателями Франціи только тѣхъ, которые соединятся вокругъ меня! Что касается тѣхъ, которые останутся въ оранжереѣ, то пусть ихъ силою выгонятъ оттуда. Эти разбойники болѣе не представители народа, а представители кинжаловъ». Послѣ этого яростнаго воззванія къ войскамъ, сказаннаго президентомъ собранія, который обращалъ власть, полученную отъ него, противъ него же,

началъ говорить Бонапартъ: «Солдаты,—сказалъ онъ,—я велъ васъ къ побѣдѣ,—могу ли разсчитывать на васъ?»—«Да! да! да здравствуетъ генералъ!»—«Солдаты, можно было думать, что Совѣтъ пятисотъ спасетъ отечество; онъ, напротивъ, предается междоусобіямъ; возмутители ищутъ случая вооружить его противъ меня! Солдаты, могу ли я на васъ разсчитывать?»—«Да! да! да здравствуетъ Бонапартъ!»—«Хорошо же, я ихъ проучу!» И тутъ же онъ даетъ нѣсколькимъ высшимъ офицерамъ, которые его окружали, приказаніе очистить залъ Совѣта пятисотъ.

«Совѣтъ, со времени ухода Люсіана, былъ жертвой крайняго безпокойства и величайшей нерѣшимости. Нѣкоторые члены предлагали выйти массой и идти въ Парижъ искать защиты среди народа; другіе хотѣли, чтобы національное представительство не покидало своего поста и относилось презрительно къ оскорбленіямъ силы. Между тѣмъ толпа гренадеровъ входитъ въ залъ, медленно проникаетъ въ его середину; офицеръ, командовавшій отрядомъ, объявляетъ Совѣту приказаніе разойтись. Депутатъ Прюдонъ напоминаетъ офицеру и его солдатамъ объ уваженіи къ избранникамъ народа; генералъ Журданъ представляетъ имъ всю громадность подобнаго преступленія. Нѣкоторое время отрядъ находится въ нерѣшимости; но входитъ, сомкнутою колонною, подкрѣпленіе. Генералъ Леклеркъ восклицаетъ: «Именемъ генерала Бонапарта законодательный корпусъ распущенъ: пусть добрые граждане удалятся. Гренадеры, впередъ!»... Крики негодованія поднимаются въ залѣ со всѣхъ скамеекъ, но шумъ барабановъ заглушаетъ ихъ. Гренадеры подвигаются впередъ во всю ширину оранжереи, медленно и выставивъ впередъ штыки. Такимъ образомъ они гонятъ передъ собою членовъ, которые, выходя, еще восклицаютъ: «Да здравствуетъ республика!» Въ пять съ половиной часовъ 19-го брюмера VIII года (10-го ноября 1799 г.) народнаго представительства уже не существовало.

Такъ было совершено это нарушеніе закона, этотъ государственный переворотъ противъ правительства собраній. Началось господство силы. 18-е брюмера было 31-мъ мая арміи противъ представительства, съ тѣмъ различіемъ, что оно было направлено не противъ партіи, а противъ народнаго могущества. Однако же справедливость требуетъ отличить 18-ое брюмера отъ его послѣдствій. Тогда можно было думать, что армія только помощница революціи, какъ 13-го вандемьера, какъ 18-го фрюктидора, и что эта необходимая перемѣна не обратится въ пользу только одного человѣка,—человѣка, который скоро превратитъ Францію въ одну организованную военную силу и наполнитъ міръ, потрясаемый до тѣхъ поръ великимъ нравственнымъ переворотомъ, исключительно шумомъ оружія и проявленіями своей воли.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Съ 10-го ноября 1799 г. по 2-ое декабря 1804 г.

Надежды различныхъ партій послѣ 18-го брюмера.—Временное правительство.—Конституція Сіеса; она искажена въ консульской конституціи VIII года.—Образованіе правительства; миролюбивые планы Бонапарта.—Итальянскій походъ; побѣда при Маренго.—Общій миръ: на материкѣ—въ силу люневильскаго договора; съ Англіею—въ силу аміенскаго договора.—Сліяніе партій; внутреннее благосостояніе Франціи.—Честолюбіе перваго консула; онъ возстановляетъ государственную церковь конкордатомъ 1801 г., создаетъ кавалерственный военный орденъ учрежденіемъ Почетнаго Легіона и дополняетъ этотъ порядокъ вещей установленіемъ пожизненнаго консульства.—Возобновленіе непріязненныхъ отношеній къ Англіи.—Заговоръ Жоржа и Пишегрю.—Война и покушенія роялистовъ служатъ поводомъ къ установленію Имперіи.—Наполеонъ Бонапартъ провозглашенъ наслѣдственнымъ императоромъ и помазанъ папою, 2-го декабря 1804 г., въ церкви Парижской Богоматери.—Постепенное отступленіе отъ революціонныхъ началъ.—Успѣхи самодержавія въ продолженіе четырехъ лѣтъ консульскаго управленія.

18-ое брюмера имѣло огромную популярность. Никто не видѣлъ, что это событіе поставило одну личность выше народныхъ Совѣтовъ; никто не видѣлъ, что оно было концомъ движенія 14-го іюля, положившаго начало самостоятельному бытію французскаго народа. Всѣ обращали вниманіе только на одну сторону переворота, обнадеживающую и возстановительную. Хотя народъ былъ уже утомленъ, очень мало способенъ занимать власть, пользованіе которой обратилось для него въ тягость и сдѣлалось даже предметомъ насмѣшекъ, съ тѣхъ поръ, какъ она пребывала въ рукахъ черни, однако онъ уже не вѣрилъ въ возможность деспотизма и никого не считалъ достаточно сильнымъ, чтобы поработить страну. Всѣ ощущали потребность возстановленія общества искусною рукою и привѣтствовали въ лицѣ Бонапарта великаго человѣка и побѣдоноснаго генерала.

Вотъ почему всѣ, за исключеніемъ республиканцевъ, державшихъ сторону Директоріи, высказались въ пользу 18-го брюмера. Нарушенія законовъ и насильственныя мѣры противъ представи-

тельныхъ собраній сдѣлались въ продолженіе революціи чѣмъ-то столь обыкновеннымъ, что о нихъ привыкли судить не по законности ихъ, а по результатамъ. Всѣ, начиная съ партіи Сійеса до роялистовъ 1788 г., радовались 18-му брюмера и разсчитывали извлечь политическія выгоды изъ этого переворота. Умѣренные конституціоналисты ожидали, что свобода упрочится окончательно; роялисты, ошибочно сравнивая эту эпоху французской революціи съ эпохою, наступившею для англійской революціи въ 1660 г., ласкали себя надеждою, что Бонапартъ послѣдуетъ примѣру Монка и вскорѣ возвратитъ престолъ Бурбонамъ; масса, мало просвѣщенная и желавшая только спокойствія, надѣялась, что порядокъ будетъ возстановленъ, благодаря могущественному покровителю; опасныя сословія и честолюбцы ожидали отъ него амнистіи или повышенія. Первые три мѣсяца послѣ 18-го брюмера прошли среди всеобщаго ожиданія и одобренія. Образовано было временное правительство изъ трехъ консуловъ: Бонапарта, Сійеса и Роже-Дюко, а также двѣ законодательныя комиссіи, на обязанность которыхъ было возложено приготовленіе конституціи и окончательнаго порядка вещей.

Консулы и обѣ комиссіи вступили въ отправленіе своихъ обязанностей 21-го брюмера. Это временное правительство отмѣнило законъ о заложникахъ и насильственный заемъ; разрѣшило священникамъ, изгнаннымъ послѣ 18-го фрюктидора, возвратиться во Францію; освободило изъ тюремъ и выслало изъ владѣній республики эмигрантовъ, выброшенныхъ бурею на берегъ близъ Кале и четыре года томившихся въ заключеніи во Франціи, ожидая такого же суроваго наказанія, какое полагалось за вооруженную эмиграцію. Всѣ эти мѣры произвели впечатлѣніе весьма благопріятное. Но общественное мнѣніе было возмущено гоненіемъ, которому подверглись крайніе республиканцы. Тридцать семь изъ ихъ числа были приговорены къ ссылкѣ въ Гвіану, а двадцать одинъ высланы на житье подъ надзоромъ полиціи въ департаментъ Нижней Шаранты, простымъ декретомъ консуловъ, по докладу министра полиціи Фуше. Люди, пораженные правительствомъ, не были любимы, но общественное мнѣніе возстало противъ столь произвольной мѣры. Консуламъ пришлось отступиться отъ своего дѣла: замѣнили ссылку полицейскимъ надзоромъ, а потомъ отмѣнили и послѣдній.

Между виновниками 18-го брюмера возникъ въ продолженіе ихъ временной власти разладъ, но разладъ негласный, такъ какъ онъ произошелъ въ средѣ законодательныхъ комиссій. Причиной его была новая конституція. Сійесъ и Бонапартъ не могли согласиться насчетъ ея: одинъ хотѣлъ создать цѣлую систему учрежденій, другой — управлять Франціей полновластно. Проектъ конституціи Сійеса, искаженный въ консульской конституціи VIII года, стоитъ того, чтобы съ нимъ ознакомиться, хотя бы ради одного

любомудрства *). Сіесъ различалъ три политическія ступени: общину, провинцію, или департаментъ, и государство. Каждая изъ нихъ имѣла свои административныя и судебныя власти, распредѣленныя въ іерархическомъ порядкѣ: первая — муниципалитеты, мировыхъ судей и суды первой инстанціи; вторая — народныя префектуры и апелляціонные суды; третья — центральное правительство и кассаціонный судъ. Для назначенія на различныя должности въ департаментахъ и государствѣ имѣлось три списка кандидатовъ (listes de notabilité), представляемыхъ народомъ.

Исполнительная власть сосредоточивалась въ *прокламаторѣ-избирателѣ* (proclamateur electeur), безсмѣнномъ и безотвѣтственномъ должностномъ лицѣ, представителѣ націи въ сношеніяхъ ея съ другими государствами, уполномоченномъ образовать правительство въ формѣ совѣщательнаго государственнаго совѣта и отвѣтственнаго министерства. Прокламаторъ-избиратель долженъ былъ избирать изъ списка кандидатовъ всѣхъ судей, начиная съ мировыхъ до членовъ кассаціоннаго суда, и всѣхъ административныхъ чиновниковъ, начиная съ мэровъ до министровъ. Но онъ не могъ управлять самъ, лично: правительственная власть принадлежала министерству, руководимому государственнымъ совѣтомъ. Законодательная власть учреждалась на другихъ основаніяхъ, чѣмъ прежде; она получала характеръ не столько совѣщательный, сколько судебный. Передъ лицомъ законодательнаго собранія должны были защищать свои проекты *государственный совѣтъ* — отъ имени правительства, *трибунатъ* — отъ имени народа; приговоръ собранія становился закономъ. Сіесъ намѣревался, повидимому, положить предѣлъ насильственнымъ присвоеніямъ власти со стороны партій; онъ хотѣлъ, предоставивъ верховную власть народу, найти для нея границы въ ней самой. Сложность его политическаго механизма свидѣтельствуетъ о существованіи такой идеи. Первоначальныя собранія, состоявшія изъ одной десятой части всего населенія, должны были составлять *общинный списокъ кандидатовъ*. Избирательныя коллегіи, также назначаемыя этими собраніями, составляли изъ *общиннаго списка* списокъ національныхъ кандидатовъ. Во всемъ, что касалось правительства, существовалъ взаимный контроль. Прокламаторъ-избиратель назначалъ своихъ чиновниковъ изъ числа кандидатовъ, представленныхъ народомъ; народъ могъ отрѣшать чиновниковъ, исключая ихъ изъ кандидатскихъ списковъ, возобновляемыхъ: первый — черезъ каждые два года, второй — черезъ каждыя пять лѣтъ, третій — черезъ каждыя десять лѣтъ. Но прокламаторъ-избиратель не вмѣшивался въ назначеніе трибу-

*) Проектъ Сіеса сообщенъ намъ членомъ Конвента Дону, которому нѣсколько разговоровъ съ Сіесомъ дали возможность вѣрно изобразить пружины этого еще малоизвѣстнаго политическаго механизма.

Прим. автора.

новъ и членовъ законодательнаго собранія, обязанности которыхъ были чисто народныя.

Чтобы упрочить равновѣсіе въ средѣ самой законодательной власти, Сіесъ отдѣлялъ предложеніе и обсужденіе законовъ, принадлежавшія трибунату, отъ утвержденія ихъ, предоставленнаго законодательному собранію. Кромѣ этого различія правъ, законодательный корпусъ и трибунатъ и избирались не одинаковымъ способомъ. Членами трибуната были по праву тѣ сто человѣкъ, которые получили наибольшее число голосовъ при составленіи *національнаго списка*, тогда какъ члены законодательнаго корпуса избирались непосредственно избирательными коллегіями. Трибуны, дѣятельность которыхъ должна была быть болѣе живою, шумною, народною, назначались пожизненно и крайне медленнымъ процессомъ, для того, чтобы они не могли попасть въ это званіе въ минуту раздраженія страстей и, какъ большею частію бывало до тѣхъ поръ, съ цѣлями вражды и ниспроверженія общественнаго порядка. Другое собраніе, призванное только къ спокойному и безпристрастному разсмотрѣнію законовъ, не представляло подобной опасности,—потому члены его избирались безъ промедленія, и полномочіе ихъ было срочное.

Наконецъ, дополненіемъ ко всѣмъ остальнымъ властямъ должно было служить консервативное учрежденіе, не имѣвшее права ни повелѣвать, ни дѣйствовать, и предназначенное единственно къ тому, чтобы способствовать правильному движенію государственнаго механизма. Этимъ учрежденіемъ долженъ былъ быть *конституціонный судъ присяжныхъ или охранительный сенатъ*, который долженъ былъ быть для политическихъ законовъ тѣмъ же самымъ, чѣмъ кассаціонный судъ—для законовъ гражданскихъ. Къ нему должны были апеллировать трибунатъ или государственный совѣтъ, когда приговоръ законодательнаго корпуса былъ несогласенъ съ конституціею. Сверхъ того, сенату предоставлялось право включать въ свою среду слишкомъ честолюбиваго главу правительства или слишкомъ популярнаго трибуна,—а съ должностью сенатора была несовмѣстна всякая другая. Такимъ образомъ сенатъ вдвойнѣ охранялъ республику, наблюдая за неприкосновенностью основного закона и ограждая свободу противъ честолюбцевъ.

Какъ ни смотрѣть на эту конституцію, можетъ быть, слишкомъ правильную для того, чтобы быть удобоисполнимой,—во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, что она свидѣтельствуетъ о необыкновенной силѣ ума и основана на самыхъ разумныхъ комбинаціяхъ. Сіесъ слишкомъ мало бралъ въ расчетъ людскія страсти; онъ считалъ людей слишкомъ разумными существами и слишкомъ послушными орудіями. Ему хотѣлось избѣжать искусными изобрѣтеніями всѣхъ злоупотребленій, возможныхъ въ конституціи, и закрыть всякій доступъ смерти, т. е. деспотизму, откуда бы онъ ни

ливался. Я плохо вѣрю въ дѣйствительность конституцій въ такія времена, когда страсти партій заглушаютъ уваженіе къ законамъ, когда стремленіе къ господству беретъ верхъ надъ любовью къ свободѣ. Но если когда-либо конституція соотвѣтствовала своей эпохѣ, такъ это именно конституція Сійеса — Франціи VIII года.

Послѣ десятилѣтняго опыта, обнаружившаго только стремленіе къ исключительному господству; послѣ перехода, постоянно насильственнаго, отъ конституціоналистовъ 1789 г. къ жирондистамъ, отъ жирондистовъ къ монтаньярамъ, отъ монтаньяровъ къ реакціонерамъ, отъ реакціонеровъ къ Директоріи, отъ Директоріи къ военному деспотизму,— спокойствіе и общественная жизнь могли быть упрочены только такимъ государственнымъ устройствомъ, какое предлагалъ Сійесъ. Прежнія конституціи уже надоѣли,— а конституція Сійеса была нова; преобладанія крайнихъ мнѣній общество не желало,—а конституція Сійеса препятствовала, своимъ избирательнымъ механизмомъ, внезапному вторженію контръ-революціонеровъ, какъ это было въ началѣ Директоріи, или пламенныхъ демократовъ, какъ это было въ послѣднее время ея правленія. Это была конституція людей умѣренныхъ, обѣщавшая окончаніе революціи и утвержденіе народной власти. Но именно потому, что это была конституція людей умѣренныхъ и что партіи слишкомъ остыли, чтобы искать для себя господства,—именно потому долженъ былъ явиться человѣкъ, болѣе сильный, чѣмъ сокрушенныя партіи и чѣмъ умѣренные законодатели, человѣкъ, который бы отказался признать эту конституцію или принялъ бы ее лишь для того, чтобы исказить ее. Такъ и случилось.

Бонапартъ присутствовалъ при совѣщаніяхъ законодательнаго комитета; онъ ухватился, со свойственнымъ ему инстинктомъ властолюбія, за все то въ идеяхъ Сійеса, что могло служить его цѣлямъ,—и отвергъ все остальное. Сійесъ предназначалъ ему мѣсто великаго избирателя, съ шестью милліонами дохода, съ гвардіею въ три тысячи человѣкъ, съ версальскимъ дворцомъ для резиденціи и съ правомъ представлять республику во внѣшнихъ сношеніяхъ ея. Но настоящая правительственная власть должна была принадлежать двумъ консуламъ,—одному для мирнаго, другому для военнаго времени,—о которыхъ Сійесъ и не думалъ въ III году республики, но которыхъ онъ принялъ въ VIII году, вѣроятно примѣняясь къ понятіямъ времени. Незначительное по вліянію значеніе великаго избирателя далеко не удовлетворило Бонапарта. «Какъ могли вы вообразить,—сказалъ онъ,—что человѣкъ сколько-нибудь свободный и честный согласится принять роль безсловеснаго животнаго, на откормъ котораго тратится нѣсколько милліоновъ?» Съ этой минуты о планѣ Сійеса не было и рѣчи. Роже-Дюко и большинство членовъ комитета приняли сторону Бонапарта, а Сійесъ, ненавидѣвшій споры, не сумѣлъ или не захотѣлъ отстаивать своихъ мнѣній. Онъ понялъ, что законы, лица, Франція

предоставлены на произволъ человѣку, возвышенію котораго онъ способствовалъ.

24-го декабря 1799 г. (въ нивозѣ VIII года), сорокъ пять дней спустя послѣ 18-го брюмера, была обнародована конституція VIII года: составленная изъ обрѣзковъ проекта Сійеса, она обратилась въ государственную хартію абсолютизма. Правительственная власть была предоставлена первому консулу, которому были даны въ помощники еще два консула, съ совѣщательнымъ голосомъ. Сенатъ, избранный консулами, назначалъ изъ списка національныхъ кандидатовъ—членовъ трибуната и законодательнаго корпуса. Иниціатива въ изданіи законовъ принадлежала одному правительству. Итакъ, исчезли избирательныя коллегіи, составлявшія кандидатскіе списки и назначающія членовъ трибуната и законодательнаго корпуса; исчезли независимые трибуны, отстаивавшіе по собственному побужденію дѣло народа предъ законодательнымъ собраніемъ; исчезло законодательное собраніе, вышедшее непосредственно изъ народа и только предъ нимъ отвѣтственное: исчезла, однимъ словомъ, нація, облеченная политическими правами. Вмѣсто всего этого явился всемогущій консулъ, распоряжающійся войскомъ и гражданскою властью, въ одно время полководецъ и диктаторъ; явился государственный совѣтъ, предназначенный стоять въ авангардѣ узурпаціи; наконецъ, явился сенатъ изъ 80-ти членовъ, съ единственною обязанностью отстранять народъ, избирать безсильныхъ консуловъ и безмолвныхъ законодателей. Жизнь перешла отъ націи къ правительству; конституція Сійеса послужила предлогомъ къ установленію новаго политическаго порядка вещей. Нельзя не замѣтить, что до VIII года источникомъ всѣхъ конституцій служила теорія Руссо объ общественномъ договорѣ, а съ тѣхъ поръ до 1814 г.—конституція Сійеса.

Новое правительство тотчасъ установилось. Бонапартъ сдѣлался первымъ консуломъ и назначилъ себѣ въ помощники, въ качествѣ второго и третьяго консуловъ, Камбасереса, юриста и бывшаго члена *равнины* въ Конвентѣ, и Лебрена, бывшаго помощника канцлера Мопу. Онъ надѣялся имѣть вліяніе, чрезъ нихъ, на революціонеровъ и на умѣренныхъ демократовъ. Съ этою же цѣлью бывшій аристократъ Талейранъ и бывшій монтаньяръ Фуше были назначены: первый—министромъ иностранныхъ дѣлъ, второй—министромъ полиціи. Сійесу не хотѣлось пользоваться услугами Фуше, но Бонапартъ настоялъ на этомъ. «*Мы образуемъ новую эпоху*,—сказалъ онъ:—*забудемъ все, что есть дурного въ прошломъ, и будемъ помнить все хорошее*». Ему было все равно, подъ какимъ бы знаменемъ ни стояли прежде люди, лишь бы теперь они встали подъ его знамя и въ особенности привлекли къ нему своихъ прежнихъ товарищей, роялистовъ или революціонеровъ.

Прежніе консулы и оба новые назначили, не справляясь съ

избирательными списками, 60 сенаторовъ; сенаторы назначили 100 трибуновъ и 300 членовъ законодательнаго корпуса; виновники 18-го брюмера раздѣлили между собою государственныя должности, какъ добычу послѣ побѣды. Слѣдуетъ, однако, сказать, что въ этомъ раздѣлѣ преобладала умѣренная либеральная партія, и пока она сохраняла свое вліяніе, Бонапартъ управлялъ кротко, въ духѣ возстановительномъ и республиканскомъ. Конституція VIII года, предложенная на утвержденіе народа, была утверждена 3-мя милліонами 11-ю тысячами гражданъ. За конституцію 1793 г. было подано 1.801.818 голосовъ, за конституцію III года—1.057.390 голосовъ. Новый законъ удовлетворялъ умѣренную массу населенія, болѣе дорожившую спокойствіемъ, чѣмъ гарантіями, тогда какъ уложеніе 93 г. нашло сторонниковъ только въ низшемъ сословіи, а уложеніе III года было отвергнуто какъ демократами, такъ и роялистами. Одна только конституція 1791 г. пріобрѣла всеобщее одобреніе; она не была подвергнута всеобщей подачѣ голосовъ, но была принята почти всею Франціею.

Чтобы удовлетворить желанію народа, первый консулъ предложилъ Англіи миръ, который она отвергла. Онъ благоразумно хотѣлъ казаться умѣреннымъ и въ то же время придать своему правительству, прежде чѣмъ вступать въ переговоры, блескъ новыхъ побѣдъ. Поэтому рѣшено было продолжать войну, и консулы издали прокламацію, замѣчательную въ томъ отношеніи, что они обращались къ чувствамъ, новымъ среди націи. До тѣхъ поръ ее призывали къ оружію для защиты свободы; теперь стали обращаться къ ней во имя чести. «Французы, вы желаете мира. Еще болѣе желаетъ его ваше правительство; оно постоянно стремится къ нему всѣми помыслами, всѣми усиліями. Англійское министерство отвергаетъ его, обнаруживая этимъ тайну своей возмутительной политики. Растерзать Францію, истребить ея флотъ и порты, стереть ее съ лица Европы или унизить до степени второстепенной державы, поддерживать раздоры между континентальными націями, чтобы овладѣть ихъ торговлей и обогатиться ихъ разореніемъ,—вотъ для какихъ ужасныхъ цѣлей расточаетъ Англія свое золото, свои обѣщанія и опутываетъ ихъ своими интригами. Вы должны предписать ей миръ; но чтобы предписать его, нужны деньги, желѣзо и солдаты. Пускай же всѣ поспѣшатъ принести свою дань дѣлу общей обороны! Пускай возстанутъ всѣ молодые граждане! Теперь имъ предстоитъ вооружиться не за партію, не за новыхъ деспотовъ, а для защиты того, что имъ всего дороже: за честь Франціи, за священные интересы человѣчества».

Во время предшествовавшаго похода Голландія была обезпечена отъ вторженія. Первый консулъ сосредоточилъ всѣ силы республики на Рейнѣ и у Альпъ. Онъ назначилъ Моро начальникомъ рейнской арміи, а самъ отправился въ Италію. Онъ выступилъ въ этотъ блистательный походъ, продолжавшійся всего

сорокъ дней, 16-го флореаля VIII года (6-го мая 1800 г.). Для него было важно не удаляться надолго отъ Парижа, при началѣ своей власти, и въ особенности не оставлять войну нерѣшенной. Подъ начальствомъ австрійскаго фельдмаршала Меласа состояла армія въ 130 тысячъ человѣкъ, которою онъ занялъ всю Италію. Выступившая противъ него республиканская армія не превышала 40 тысячъ солдатъ. Меласъ оставилъ фельдмаршала-лейтенанта Отта подъ Генуей, а самъ двинулся противъ корпуса генерала Сюше, вступилъ въ Ниццу и приготовился переправиться черезъ Варъ, чтобы вторгнуться въ Провансъ. Тогда Бонапартъ перешелъ черезъ Большой Сенъ-Бернаръ, во главѣ сорокатысячной арміи, спустился въ Италію въ тылъ Меласа, вступилъ въ Миланъ 16-го преріаля (2-го іюня) и поставилъ австрійцевъ между собою и Сюше. Меласъ, видя свою операціонную линію отрѣзанной, поспѣшно вернулся въ Ниццу, а оттуда въ Туринъ; онъ расположился главною квартирою въ Александріи и рѣшился дать сраженіе, чтобы возстановить свои сообщенія. 9-го іюня республиканскій авангардъ одержалъ блистательную побѣду при Монтебелло, главная честь которой принадлежала генералу Ланну. Но участь Италіи рѣшилась только 14-го іюня (25-го преріаля), въ долинѣ Маренго; австрійцы были разбиты наголову. Послѣ напрасной попытки проложить себѣ новый путь черезъ Бормиду, они остались замкнутыми между арміями Сюше и перваго консула. 15-го іюня они выговорили себѣ право отступить за Мантую, предоставивъ французамъ всѣ укрѣпленія Піемонта, Ломбардіи и легатствъ. Такимъ образомъ побѣда при Маренго отдала въ руки республиканцевъ всю Италію.

Восемнадцать дней спустя, Бонапартъ возвратился въ Парижъ, гдѣ его встрѣтили со всѣми выраженіями восторга, возбужденнаго такою поразительною дѣятельностью и такими рѣшительными побѣдами. Энтузіазмъ былъ всеобщій; повсюду была зажжена иллюминація, и толпа собралась передъ Тюльери, чтобы видѣть побѣдителя; народная радость увеличивалась надеждою на близкій миръ. 24-го мессидора первый консулъ присутствовалъ при празднествѣ по случаю годовщины 14-го іюля. Когда офицеры поднесли ему знамена, отбитыя у непріятеля, онъ сказалъ: «Скажите солдатамъ по возвращеніи въ лагерь, что къ 1-му вандемьера, когда мы будемъ праздновать годовщину республики, французскій народъ ожидаетъ или обнародованія мира, или, если непріятель противопоставитъ этому непреодолимыя препятствія, — новыхъ знаменъ, новыхъ побѣдъ». Надежда на миръ осуществилась, однако, не такъ скоро. Въ промежутокъ времени между побѣдой при Маренго и всеобщимъ миромъ, первый консулъ занялся въ особенности успокоеніемъ народа и уменьшеніемъ числа недовольныхъ; для чего онъ старался возвратить въ государство вытѣсненныя изъ него партіи. Онъ выказалъ большую снисходительность въ отношеніи къ партіямъ, отрекавшимся отъ своихъ системъ, и въ отношеніи

съ вождями, отказавшимися отъ своихъ партій. Успѣть въ дѣлѣ примиренія ему было не трудно, потому что настало время всеобщаго разслабленія и пробужденія личныхъ интересовъ. Изгнанники послѣ 18-го фруктидора были уже возвращены, за исключеніемъ нѣсколькихъ заговорщиковъ-роялистовъ, какъ-то: Пишегрю, Вилло и др. Бонапартъ не замедлилъ даже дать назначеніе нѣкоторымъ изъ изгнанниковъ, которые, какъ, напримѣръ, Порталисъ, Симеонъ, Барбе-Марбуа, были болѣе противниками Конвента, чѣмъ революціи. Онъ привлекъ на свою сторону противниковъ и изъ другихъ партій. Послѣдніе вандейскіе вожди—знаменитый Бернье, священникъ въ Сенъ-Ло (въ Анжерѣ), участвовавшій въ возстаніи съ самаго его начала, Шатильонъ, д'Отишанъ и Сюзанне—подчинились правительству, договоромъ 18-го января 1800 г. Бонапартъ обращался съ такими же предложеніями и къ бретонскимъ вождямъ — Жоржу Кадудалю, Фроте, Лапревелю и Бурмону. Но ему покорились добровольно только двое послѣднихъ. Фроте былъ застигнутъ врасплохъ и разстрѣлянъ, а Жоржъ Кадудаль, разбитый при Гранъ - Шанѣ генераломъ Брюномъ, сдался на капитуляцію. Междоусобная война на западѣ совершенно прекратилась.

Но шуаны, бѣжавшіе въ Англію и не видѣвшіе болѣе ни въ чемъ надежды, какъ только въ смерти того, кто сосредоточилъ въ себѣ всю силу революціи, задумали убійство. Нѣкоторые изъ нихъ высадились на французскій берегъ и тайно пробрались въ Парижъ. Но такъ какъ до перваго консула было не легко достигнуть, то они составили поистинѣ ужасный заговоръ. 3-го нивоза, въ 8 часовъ вечера, Бонапартъ долженъ былъ проѣхать въ оперу черезъ улицу Сенъ-Никэзъ. Заговорщики поставили бочку пороха на небольшую телѣжку, загородили ею дорогу, и одинъ изъ нихъ, Сенъ-Режанъ, долженъ былъ подложить подъ нее огонь, по данному сигналу о приближеніи перваго консула. Въ опредѣленный часъ Бонапартъ выѣхалъ изъ Тюльери и проѣхалъ по улицѣ Сенъ-Никэзъ. Кучеръ его ловко проѣхалъ между телѣжкою и стѣною, но огонь уже былъ приложенъ къ фитилю, и едва только карета успѣла достичь конца улицы, какъ адскую машину взорвало—и весь кварталъ Сенъ-Никэзъ покрылся развалинами. Въ каретѣ, отъ сильнаго потрясенія, разбились стекла.

Полиція, застигнутая врасплохъ, хотя ею и руководилъ такой начальникъ, какъ Фуше, приписала этотъ заговоръ демократамъ, къ которымъ Бонапартъ питалъ гораздо бо́льшую антипатію, чѣмъ къ шуанамъ. Многихъ изъ нихъ заключили въ тюрьму, а сто тридцать были сосланы на основаніи простого сенатскаго постановленія, испрошеннаго и состоявшагося въ ту же ночь. Наконецъ были открыты настоящіе виновники заговора, и нѣкоторые изъ нихъ были осуждены на смерть. Первый консулъ упрочилъ по

этому случаю специальные военные суды. Конституціонная партія удалилась отъ него больше прежняго и образовала оппозицію, энергическую, но безплодную. Ланжюинэ, Грегуаръ, смѣло противившійся крайней партіи въ Конвентѣ, Гара, Ламбрехтсъ, Ленуаръ-Ларошъ, Кабанисъ и другіе вооружились въ сенатѣ противъ незаконной ссылки ста тридцати демократовъ; трибуны Изнаръ, Дону, Шенье, Бенжаменъ Констанъ, Байель, Шазаль и другіе возстали противъ специальныхъ судовъ. Но славный миръ вскорѣ заставилъ забыть о новомъ, беззаконномъ расширеніи правительственной власти.

Австрійцы, побѣжденные при Маренго первымъ консуломъ и разбитые при Гогенлинденѣ генераломъ Моро, рѣшились положить оружіе. 8-го января 1801 г. между республикою, вѣнскимъ кабинетомъ и германскою имперіею былъ заключенъ люневильскій договоръ. Австрія подтвердила всѣ условія кампоформійскаго мира и сверхъ того уступила Тоскану пармской инфантѣ. Имперія признала независимость батавской, гельвецiйской, лигурійской и цизальпинской республикъ. Вскорѣ послѣ того миръ сдѣлался всеобщимъ, въ силу флорентійскаго договора (18-го февраля 1801 г.) съ неаполитанскимъ королемъ, уступившимъ островъ Эльбу и княжество Піомбино, мадридскаго договора (29-го сентября 1801 г.) съ португальскимъ королемъ, парижскаго договора (7-го октября 1801 г.) съ русскимъ императоромъ, и предварительныхъ мирныхъ условій съ Портою (9-го октября 1801 г.). Европейскій материкъ, положивъ оружіе, принудилъ и Англію къ временному миру. Питтъ, Дендасъ и лордъ Гренвилль, поддерживавшіе кровавую борьбу съ Франціею, вышли изъ министерства, когда нельзя было дольше слѣдовать ихъ системѣ. Ихъ мѣсто заступили члены оппозиціи, и 25-го марта 1802 г. амьенскій договоръ довершилъ всеобщее замиреніе. Англія признала всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя на материкѣ французскою республикою, признала второстепенныя республики и возвратила Франціи потерянныя ею колоніи.

Въ продолженіе морской войны съ Англіею французскій флотъ былъ почти совершенно уничтоженъ. Триста сорокъ кораблей были взяты или истреблены, и большая часть колоній досталась въ руки англичанамъ. Важнѣйшая изъ нихъ, Санъ-Доминго, свергнувъ съ себя иго бѣлыхъ, дѣйствовала въ духѣ той американской революціи, которая, начавшись съ англійскихъ колоній, должна была окончиться колоніями испанскими и обратить колоніи Новаго свѣта въ независимыя государства. Негры Санъ-Доминго продолжали отстаивать свою независимость отъ метрополіи,—независимость, которую они завоевали у колонистовъ и сумѣли отстоять противъ англичанъ. Во главѣ ихъ стоялъ одинъ изъ ихъ среды, знаменитый Туссенъ-Лувертюръ. Франціи слѣдовало бы признать эту революцію, и безъ того уже дорого стоившую человѣчеству. Власть метрополіи не могла быть возстановлена

на Санъ-Доминго; оставалось только скрѣпить торговую связь съ этою старинною колоніею, чтобы упрочить за собою единственныя дѣйствительныя выгоды, которыя Америка можетъ доставлять Европѣ въ настоящее время. Но, вмѣсто такой осторожной политики, Бонапартъ попытался снова покорить островъ. Сорокъ тысячъ человѣкъ было отправлено въ эту несчастную экспедицію. Вначалѣ негры не могли сопротивляться такой арміи, но послѣ первыхъ побѣдъ она стала страдать отъ климата, и новыя возстанія окончательно упрочили независимость колоніи. Франція понесла двойную потерю — лишилась арміи и выгодныхъ торговыхъ сношеній.

Бонапартъ, главною цѣлью котораго было до тѣхъ поръ сліяніе партій, обратилъ теперь все свое вниманіе на внутреннее благоденствіе республики и на организацію власти. Бывшіе привилегированные классы — дворянство и духовенство — возвратились въ государство, не образуя уже замкнутыхъ сословій. Непокорному духовенству предоставлено было, подъ условіемъ присяги на повиновеніе, отправлять богослуженіе и получать содержаніе отъ правительства. Эмигрантамъ была дарована амнистія; внѣ Франціи оставались только тѣ, кто былъ неизмѣнно преданъ бурбонскому дому и правамъ претендента. Дѣло замиренія было окончено; Бонапартъ, зная, что вѣрнѣйшій способъ господствовать надъ націей есть увеличеніе ея благосостоянія, поощрялъ развитіе промышленности и благопріятствовалъ такъ долго прерванной внѣшней торговлѣ. Къ его политическимъ побужденіямъ присоединялись и болѣе возвышенные взгляды: онъ полагалъ свою славу въ благоденствіи Франціи. Онъ объѣхалъ департаменты и искусно организовалъ въ нихъ администрацію, предписалъ прорыть каналы и устроить порты, соорудить мосты, исправить дороги, воздвигнуть памятники, умножить сообщенія. Онъ особенно старался выказаться покровителемъ и законодателемъ частныхъ интересовъ. Предпринятые подъ его руководствомъ, въ это время и впослѣдствіи, кодексы гражданскій, уголовный и торговый довершили, въ этомъ отношеніи, дѣло революціи и опредѣлили внутреннее бытіе націи почти сообразно съ ея дѣйствительнымъ положеніемъ. Не взирая не военный деспотизмъ, Франція при Бонапартѣ пользовалась гражданскимъ законодательствомъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ законы всѣхъ другихъ европейскихъ обществъ, которыя, при абсолютномъ правительствѣ, сохраняли большею частью и средневѣковое соціальное устройство. Всеобщій міръ, всеобщая терпимость, возстановленіе порядка и созданіе новой административной системы быстро измѣнили видъ республики. Цивилизація развивалась поразительнымъ образомъ, и въ этомъ отношеніи консульство дало результаты еще болѣе блестящіе, чѣмъ Директорія въ первый періодъ своего существованія (до 18-го фруктидора).

Основанія будущаго могущества Бонапарта были положены

преимущественно послѣ амьенскаго мира. Онъ самъ говоритъ въ изданныхъ отъ его имени «Запискахъ» *): «Идеи Наполеона были опредѣлены заранѣе; но для того, чтобы осуществить ихъ, нужна была помощь времени и обстоятельствъ. Организація консульства ни мало не противорѣчила имъ; она пріучила къ единству, а это было первымъ шагомъ къ главной цѣли. Сдѣлавъ его, Наполеонъ сталъ довольно равнодушенъ къ формамъ и названіямъ различныхъ государственныхъ учрежденій. Онъ былъ чуждъ революціи... Мудрость его состояла въ томъ, что онъ шелъ изо-дня-въ-день, не уклоняясь отъ опредѣленной точки, отъ полярной звѣзды, которою онъ будетъ руководиться, чтобы привести революцію въ желанную пристань».

Въ началѣ 1802 г. Бонапартъ разомъ приступилъ къ исполненію трехъ плановъ, которые вели къ одной и той же цѣли. Онъ хотѣлъ организовать вѣроисповѣданія и учредить духовенство, бытіе котораго было покамѣстъ еще только религіозное, а не государственное; онъ хотѣлъ создать учрежденіемъ ордена Почетнаго Легіона постоянный военный орденъ въ арміи; онъ хотѣлъ сдѣлать свою власть сначала пожизненною, а потомъ и наслѣдственною. Онъ поселился въ Тюльери и возстановилъ мало-по-малу обычаи и церемоніалъ старой монархіи. Онъ помышлялъ уже объ установленіи посредствующихъ учрежденій между нимъ и народомъ. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ находился въ сношеніяхъ съ папою Піемъ VII по дѣламъ церковнымъ. Знаменитый конкордатъ, учредившій девять архіепископствъ, сорокъ одно епископство съ капитулами, возстановившій отношенія церкви къ государству и къ чужеземному ея монарху — папѣ, былъ подписанъ въ Парижѣ 15-го іюля 1801 г., въ Римѣ—15-го августа 1801 г.

Бонапартъ, уничтожившій свободу печати, учредившій спеціальные суды и все болѣе и болѣе удалявшійся въ своей правительственной системѣ отъ принциповъ революціи, понялъ, что, прежде чѣмъ идти дальше, нужно было окончательно разорвать всякую связь съ либеральною партіею 18-го брюмера. Въ вантозѣ X года (мартѣ 1802 г.) наиболѣе энергичные изъ трибуновъ были исключены изъ трибуната простымъ сенатскимъ постановленіемъ; составъ трибуната былъ ограниченъ 70-ю членами. Такой же очисткѣ подвергся и законодательный корпусъ. Около мѣсяца спустя, 15-го жерминаля (апрѣля 1802 г.), Бонапартъ, не опасаясь болѣе оппозиціи, представилъ конкордатъ на утвержденіе законодательныхъ собраній, приготовленныхъ такимъ образомъ къ повиновенію. Они утвердили его значительнымъ большинствомъ голосовъ. Возстановлено было празднованіе воскресенья и четырехъ главныхъ годовыхъ праздниковъ; правительство съ этой минуты,

---

*) Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, составленныя на островѣ Св. Елены, т. I, стр. 218.

перестало держаться счета по декадамъ. Это было первымъ отступленіемъ отъ республиканскаго календаря. Бонапартъ надѣялся привлечь на свою сторону партію духовенства, наиболѣе склонную къ пассивному повиновенію, и отнять такимъ образомъ поддержку духовенства у роялистской оппозиціи, поддержку папы — у коалиціи.

Введеніе конкордата было отпраздновано съ большимъ торжествомъ въ церкви Парижской Богоматери; сенатъ, законодательный корпусъ, трибунатъ и высшіе сановники присутствовали при этой новой церемоніи. Первый консулъ прибылъ въ церковь въ экипажахъ прежняго двора, со всею обстановкою и этикетомъ старой монархіи; пушечные залпы возвѣстили это возвращеніе къ правильности, этотъ опытъ монархической власти. Кардиналъ-легатъ Капрара отслужилъ торжественную литургію, и къ народу была обращена прокламація, въ которой заговорили давно неслыханнымъ языкомъ. «Разсудокъ и примѣръ вѣковъ, — было сказано въ ней, — предписывали обратиться къ верховному главѣ церкви, чтобы достигнуть сближенія мнѣній и примиренія сердецъ. Мудрый первосвященникъ утвердилъ, въ интересахъ церкви, предложенія, внушенныя интересомъ государства». Вечеромъ была зажжена иллюминація и устроенъ концертъ въ Тюльерійскомъ саду. Военные неохотно явились на религіозную церемонію и громко заявляли свое неудовольствіе. Возвратясь во дворецъ, Бонапартъ обратился съ вопросомъ на этотъ счетъ къ генералу Дельмасу. «*Что вы скажете о церемоніи?*» — спросилъ онъ его. «*Церемонія отличная*, — отвѣтилъ Дельмасъ: — *недоставало только милліона человѣкъ, убитыхъ за уничтоженіе того, что вы теперь возстановляете*».

Мѣсяцъ спустя, 25-го флореаля X года (15-го мая 1802 г.), Бонапартъ велѣлъ представить законодательнымъ собраніямъ проектъ закона относительно учрежденія ордена *Почетнаго Легіона*. Этотъ легіонъ долженъ былъ состоять изъ 15-ти когортъ пожизненныхъ кавалеровъ, расположенныхъ въ іерархическомъ порядкѣ, съ общимъ центромъ, общею организаціею и съ опредѣленными доходами. Начальникомъ легіона былъ первый консулъ. Каждая когорта состояла изъ семи старшихъ офицеровъ (grands-officiers), двадцати командировъ (commandants), тридцати офицеровъ и трехсотъ пятидесяти легіонеровъ. Цѣлью Бонапарта было положить начало новому дворянству. Онъ обратился къ не совсѣмъ угасшему чувству неравенства и не побоялся высказать свои аристократическія стремленія при обсужденіи этого проекта въ государственномъ совѣтѣ. Государственный совѣтникъ Берлье возсталъ противъ учрежденія, столь противнаго духу республики, говоря, что «знаки отличія суть монархическія побрякушки». «Пусть покажутъ мнѣ какую-нибудь республику, древнюю или новѣй-

ную,—сказалъ консулъ *),—въ которой не было бы знаковъ отличія. Ихъ называютъ побрякушками. Такъ знайте же, что этими побрякушками водятъ людей. Я не сказалъ бы этого на трибунѣ; но въ совѣтѣ мудрыхъ государственныхъ людей слѣдуетъ говорить съ полною откровенностью. Я не думаю, чтобы французскій народъ любилъ свободу и равенство. Французы не измѣнились въ десятилѣтнюю эпоху революціи; у нихъ развито только одно чувство—чувство чести. Надобно удовлетворить это чувство; надобно имъ дать знаки отличія. Взгляните, какъ народъ преклоняется передъ звѣздами иностранцевъ: они удивляются этому и, разумѣется, щеголяютъ ими... У насъ все уничтожено,—надобно приняться за возстановленіе. У насъ есть правительство, власти; но между остальными членами націи также мало связи, какъ между отдѣльными песчинками. Среди насъ находятся бывшіе привилегированные классы, организованные въ силу единства принциповъ и интересовъ и очень хорошо знающіе, чего имъ нужно. Я могу перечислить нашихъ враговъ. А мы? Мы разсѣяны, безъ системы, безъ связи, безъ точекъ соприкосновенія. Пока я стою во главѣ власти, я отвѣчаю за республику; но надобно предвидѣть будущее. Неужели вы думаете, что республика установлена окончательно? Если такъ, то вы сильно ошибаетесь. Мы можемъ сдѣлать это; но мы этого еще не сдѣлали и не сдѣлаемъ, если не бросимъ на французскую почву нѣсколько глыбъ гранита». Бонапартъ возвѣщалъ такимъ образомъ правительственную систему, противную той, какую стремилась установить революція и какой требовало новое общество.

Несмотря на податливость государственнаго совѣта, несмотря на очищеніе трибуната и законодательнаго корпуса, всѣ эти три собранія горячо возстали противъ закона, возстановлявшаго неравенство. Въ пользу закона о Почетномъ Легіонѣ было подано въ государственномъ совѣтѣ всего 14 голосовъ противъ 10, въ трибунатѣ—38 противъ 56, а въ законодательномъ корпусѣ—166 противъ 110. Общественное мнѣніе отнеслось къ новому кавалерскому ордену еще менѣе благопріятно; первые его кавалеры казались почти пристыженными и приняли его нѣсколько насмѣшливо. Бонапартъ продолжалъ политическій путь, не заботясь о неудовольствіи, изъ котораго уже не могло возникнуть открытаго сопротивленія.

Онъ хотѣлъ обезпечить свою власть установленіемъ привилегій и обезпечить привилегіи прочностью своей власти. По предложенію Шабо (изъ департамента Алье), трибунатъ выразилъ

*) Эти слова заимствованы изъ записокъ Тибодо о консульствѣ. Въ этихъ весьма любопытныхъ запискахъ есть разговоры Бонапарта о политическихъ вопросахъ, подробности относительно его внутренняго управленія и главныхъ засѣданій государственнаго совѣта, проливающія яркій свѣтъ на всю эпоху.

желаніе, чтобы первому консулу, генералу Бонапарту, было дано блистательное ручательство національной благодарности. Сообразно съ этимъ, 6-го мая 1802 г. Бонапартъ былъ провозглашенъ, органическимъ постановленіемъ сената, консуломъ еще на десять лѣтъ.

Но продолженіе консульской власти не удовлетворило Бонапарта; два мѣсяца спустя, 2-го августа 1802 г., сенатъ, сообразно съ рѣшеніемъ трибуната и законодательнаго корпуса и съ согласія народа, спрошеннаго посредствомъ открытой подачи голосовъ, обнародовалъ слѣдующій декретъ:

1. Французскій народъ назначаетъ и сенатъ провозглашаетъ Наполеона Бонапарта пожизненнымъ первымъ консуломъ.

2. Статуя Мира, держащая въ одной рукѣ побѣдный лавръ, а въ другой — декретъ сената, будетъ свидѣтельствовать передъ потомствомъ о благодарности націи.

3. Сенатъ выразитъ первому консулу довѣріе, любовь и удивленіе французскаго народа.

Этотъ переворотъ былъ довершенъ приспособленіемъ, въ силу простого органическаго рѣшенія сената, конституціи перваго консульства, безъ того уже весьма деспотической, къ консульству пожизненному. «Сенаторы,— сказалъ Корнюде, представляя проектъ закона по этому предмету,—надобно навсегда закрыть Гракхамъ доступъ на площадь. Мнѣніе гражданъ о политическихъ законахъ, которымъ они подчиняются, выражается всеобщимъ благосостояніемъ. Для обезпеченія общественныхъ правъ догматъ народной державности, въ практическомъ значеніи своемъ, необходимо долженъ быть сосредоточенъ въ сенатѣ, служащемъ связью для націи. Вотъ единственное вѣрное соціальное ученіе». Сенатъ принялъ это новое ученіе. Онъ захватилъ верховную власть и взялъ ее на сохраненіе до тѣхъ поръ, пока не настала удобная минута для передачи ее Бонапарту.

Конституція 16-го термидора X года (4-го августа 1802 г.) удалила народъ изъ государства. Общественныя и административныя должности стали неподвижными, какъ и самое правительство. Избиратели сдѣлались пожизненными; первый консулъ могъ увеличивать ихъ число по своему усмотрѣнію; сенатъ могъ измѣнять учрежденія, пріостанавливать дѣйствіе суда присяжныхъ и даже конституціи въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ это окажется нужнымъ, отмѣнять приговоры судовъ, распускать законодательный корпусъ и трибунатъ. Государственный совѣтъ былъ усиленъ; трибунатъ, уже уменьшенный въ своемъ составѣ, все еще казался слишкомъ опаснымъ и былъ ограниченъ пятьюдесятью членами. Таковы были, въ теченіе двухъ лѣтъ, успѣхи привилегіи и абсолютной власти. Къ концу 1802 г. все находилось въ рукахъ пожизненнаго консула, который имѣлъ преданное себѣ сословіе — въ духовенствѣ, военный орденъ — въ Почетномъ Легіонѣ, административную кор-

порядко—въ государственномъ совѣтѣ, машину для изданія декретовъ—въ законодательномъ корпусѣ и машину для составленія конституціи—въ сенатѣ. Не рѣшаясь еще уничтожить трибунатъ, въ которомъ слышались по временамъ слова свободы и противорѣчія, первый консулъ лишилъ его самыхъ смѣлыхъ и краснорѣчивыхъ членовъ, для того, чтобы всѣ государственныя учрежденія служили послушнымъ отраженіемъ правительственной воли.

Эта внутренняя политика расширенія власти распространялась и на внѣшнія дѣла, въ формѣ расширенія территоріи. 26-го августа 1802 г. Бонапартъ присоединилъ къ французской республикѣ Эльбу, 11-го сентября—Піемонтъ, 9-го октября онъ занялъ Парму, престолъ которой былъ вакантенъ за смертью герцога, а 21-го октября послалъ въ Швейцарію тридцатитысячную армію для того, чтобы поддержать новый актъ союзнаго устройства, опредѣлявшій конституцію каждаго кантона и возбудившій безпорядки. Это послужило для Англіи поводомъ къ нарушенію мира, подписаннаго ею неохотно. Англійскому кабинету было нужно только перемиріе: вскорѣ послѣ амьенскаго мира онъ сталъ подготовлять третью коалицію, подобную той, которая была образована имъ послѣ договора въ Кампоформіо и во время раштадтскаго конгресса. Интересъ и положеніе Англіи уже сами по себѣ должны были привести къ разрыву, ускоренному присоединеніями, которыя сдѣлалъ Бонапартъ, и вліяніемъ его на сосѣднія республики, признанныя въ полной независимости въ силу послѣднихъ договоровъ. Со своей стороны и Бонапартъ, тщеславно мечтавшій о военной славѣ, о расширеніи Франціи завоеваніями и о довершеніи своей власти новыми побѣдами, не могъ обречь себя на покой; отвергнувъ свободу, онъ необходимо долженъ былъ желать войны.

Кабинеты французскій и англійскій обмѣнивались нѣкоторое время крайне рѣзкими дипломатическими нотами. Наконецъ, 25-го флореаля XI года (15-го мая 1803 г.), англійскій посланникъ лордъ Уитвортъ выѣхалъ изъ Парижа. Миръ былъ окончательно нарушенъ: съ той и съ другой стороны готовились къ войнѣ. 26-го мая французскія войска вступили въ курфюршество Ганноверское. Бывшая въ конецъ германская имперія не противилась этому. Партія шуановъ—эмигрантовъ, ничего не предпринимавшая со времени послѣдней кампаніи и континентальнаго мира, ободрилась съ приближеніемъ войны. Считая минуту благопріятною, она составила въ Лондонѣ, съ согласія британскаго правительства, заговоръ, во главѣ котораго стояли Пишегрю и Жоржъ Кадудаль. Заговорщики тайно высадились на французскій берегъ и тайно пріѣхали въ Парижъ. Они вступили въ сношенія съ генераломъ Моро, привлеченнымъ ранѣе на сторону роялистовъ. Но въ ту минуту, когда они готовились осуществить свой планъ, большинство заговорщиковъ было арестовано полиціею, раскрывшею заговоръ и слѣдившею за ними. Кадудаль былъ казненъ, Пишегрю найденъ былъ удавившимся въ

тюрьмѣ, а Моро осужденъ на двухлѣтнее заточеніе, которое было замѣнено изгнаніемъ.

Этотъ заговоръ, открытый въ половинѣ февраля 1804 г., сдѣлалъ еще дороже для массы народа угрожаемую личность перваго консула; онъ получилъ адресы отъ всѣхъ государственныхъ учрежденій и отъ всѣхъ департаментовъ республики. Около того же времени онъ поразилъ высокопоставленную жертву. 15-го марта эскадронъ кавалеріи похитилъ герцога Энгіенскаго, жившаго въ замкѣ Эттенгеймѣ, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, недалеко отъ Рейна. Первый консулъ показалъ, на основаніи доклада полиціи, что этотъ принцъ принималъ участіе въ послѣднемъ заговорѣ. Его поспѣшно привезли въ Венсенскій замокъ, окончили судъ надъ нимъ въ нѣсколько часовъ и разстрѣляли во рву замка. Это возмутительное убійство было дѣломъ не политики, не узурпаціи, а просто дѣломъ насилія и гнѣва.

18-го брюмера роялисты еще могли думать, что первый консулъ намѣренъ взять на себя роль Монка; но въ послѣдующіе четыре года онъ отнялъ у нихъ эту надежду. Ему незачѣмъ было разрывать съ ними, отталкивать ихъ отъ себя такимъ кровавымъ способомъ; незачѣмъ было также, какъ говорили нѣкоторые, успокоивать якобинцевъ, которые болѣе не существовали. Люди, оставшіеся вѣрными республикѣ, гораздо болѣе опасались въ это время деспотизма, чѣмъ контръ-революціи. Все даетъ поводъ думать, что Бонапартъ, не дорожившій ни жизнью, ни правами людей и уже привыкшій къ политикѣ безпощадной и неразборчивой, считалъ принца однимъ изъ заговорщиковъ и рѣшился покончить страшнымъ примѣромъ съ заговорами, единственною опасностью, какая предвидѣлась для его личности и власти въ эту эпоху.

Война съ Англіею и заговоръ Жоржа Кадудаля и Пишегрю послужили для Бонапарта ступенями отъ консульства къ имперіи. 6-го жерминаля XII года (27-го марта 1804 г.) сенатъ, получивъ сообщеніе о заговорѣ, послалъ депутацію къ первому консулу. Президентъ его, Франсуа де-Нёшато, выразился при этомъ случаѣ слѣдующимъ образомъ: «Гражданинъ первый консулъ, вы основываете новую эру; но вы должны увѣковѣчить ее: блескъ безъ прочности ничего не значитъ. Мы не сомнѣваемся, что эта великая мысль занимаетъ и васъ, такъ какъ вашъ творческій геній все обнимаетъ и ничего не забываетъ. Но вы не должны медлить: васъ понуждаетъ время, событія, заговорщики, честолюбцы; понуждаетъ, съ другой стороны, тревога, волнующая французовъ. Вы можете остановить время, обуздать событія, обезоружить честолюбцевъ, успокоить всю Францію, даровавъ ей такія учрежденія, которыя укрѣпили бы возведенное вами зданіе и упрочили бы для дѣтей то, что вы сдѣлали для отцовъ. Гражданинъ первый консулъ, вѣрьте, что сенатъ говоритъ вамъ это отъ имени всѣхъ гражданъ».

Бонапартъ отвѣчалъ сенату изъ Сенъ-Клу, 5-го флореаля XII

вала (25-го апрѣля 1804 г.): «Вашъ адресъ постоянно занимаетъ мои мысли; я его глубоко обдумываю. Вы считали наслѣдственность верховной магистратуры необходимою для огражденія народа отъ заговоровъ нашихъ враговъ и отъ волненій, которыя могутъ быть вызваны соперничествующими честолюбіями. Вы находите въ то же время, что многія изъ нашихъ учрежденій требуютъ усовершенствованія, что необходимо упрочить окончательное торжество равенства и общественной свободы, необходимо дать націи и правительству потребную для нихъ двойную гарантію. По мѣрѣ того, какъ я сосредоточивалъ свое вниманіе на этихъ важныхъ предметахъ, я все болѣе и болѣе сознавалъ, что въ столь новомъ и важномъ дѣлѣ мнѣ необходимы совѣты вашей мудрости и опытности для окончательнаго установленія моего взгляда. Поэтому я прошу васъ высказать мнѣ всю вашу мысль». Сенатъ отвѣчалъ на это 14-го флореаля (4-го мая): «Сенатъ считаетъ въ высшей степени важнымъ для интересовъ французскаго народа, чтобы управленіе республики было ввѣрено Наполеону Бонапарту, какъ наслѣдственному императору». Эта условленная сцена послужила прелюдіей къ учрежденію Имперіи.

Трибунъ Кюре открылъ пренія въ трибунатѣ: онъ выставилъ на видъ тѣ же причины, на которыя ссылались и сенаторы. Предложеніе его было принято съ готовностью. Одинъ Карно имѣлъ мужество возстать противъ Имперіи. «Я далекъ отъ того,—сказалъ онъ,—чтобы отрицать справедливость похвалъ, воздаваемыхъ первому консулу; но какъ бы ни были велики заслуги, оказанныя гражданиномъ своему отечеству, есть границы для національной благодарности, указываемыя какъ честью, такъ и разсудкомъ. Если этотъ гражданинъ возстановилъ общественную свободу, если онъ спасъ свое отечество, то предложеніе пожертвовать въ его пользу этою самою свободою можетъ ли служить приличной для него наградой? Сдѣлать страну его личнымъ достояніемъ—значило бы уничтожить его собственное дѣло. Съ той минуты, какъ французскому народу было предложено подавать голоса по вопросу о пожизненномъ консульствѣ, каждый могъ легко понять, что тутъ кроется задняя мысль; и дѣйствительно, за этимъ первымъ шагомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ очевидно монархическихъ учрежденій. Теперь обнаруживается, наконецъ, положительно цѣль этихъ предварительныхъ мѣръ: насъ приглашаютъ высказаться насчетъ формальнаго предложенія возстановить монархическую форму правленія и облечь перваго консула въ санъ наслѣдственнаго императора. Для того ли показывается человѣку свобода, чтобы онъ никогда не могъ пользоваться ею? Нѣтъ, я не могу считать этого блага, которое всѣ предпочитаютъ всякому другому и безъ котораго всѣ другія ничтожны,—одною иллюзіею. Сердце говоритъ мнѣ, что свобода возможна, что свободное правительство удобнѣе и прочнѣе всякаго абсолютнаго. Я подалъ голосъ, въ свое время, противъ

пожизненнаго консульства и его подаю теперь противъ возстановленія монархіи, въ томъ убѣжденіи, что я долженъ это сдѣлать въ качествѣ трибуна».

Но такъ думалъ одинъ Карно: товарищи его внимали, съ завистью и удивленіемъ, противъ образа мыслей этого единственнаго свободнаго человѣка. Любопытно видѣть въ рѣчахъ этой эпохи, какая изумительная перемѣна произошла и въ языкѣ, и въ идеяхъ. Революція обратилась вспять до политическихъ принциповъ стараго порядка; воодушевленіе и фанатизмъ не исчезли,—но это было теперь воодушевленіе лести, фанатизмъ раболѣпія. Французы бросились въ Имперію, какъ бросились въ революцію. Тогда они все относили къ освобожденію народовъ и къ вѣку равенства; теперь они говорили только о величіи одного человѣка и о вѣкѣ Бонапарта. Они стали сражаться за образованіе новыхъ королевствъ, какъ сражались недавно за образованіе республикъ.

Трибунатъ, законодательный корпусъ и сенатъ подали голосъ за учрежденіе Имперіи, которая и была провозглашена въ Сенъ-Клу, 28-го флореаля XII года (18-го мая 1804 г.). Въ тотъ же день конституція была измѣнена постановленіемъ сената и приспособлена къ новому порядку вещей. Имперія требовала соотвѣтственной обстановки: ей дали французскихъ принцевъ, высшихъ сановниковъ, маршаловъ, камергеровъ и пажей. Гласность была совершенно уничтожена. Печать уже была подчинена цензурѣ; оставалась еще трибуна,—но и та замолкла. Трибунатъ началъ собираться по отдѣленіямъ и засѣдать при закрытыхъ дверяхъ, подобно государственному совѣту; съ этого дня, въ продолженіе десяти лѣтъ, Франція была управляема въ глубокой тайнѣ. Іосифъ и Людовикъ Бонапарты были признаны французскими принцами; Бертье, Мюратъ, Монсей, Журданъ, Массена, Ожеро, Бернадоттъ, Сультъ, Брюнъ, Ланнъ, Мортье, Ней, Даву, Бессьеръ, Келлерманъ, Лефевръ, Периньонъ, Серрюрье сдѣлались маршалами Имперіи. Департаменты писали адресы; духовенство сравнивало Наполеона съ новымъ Моисеемъ, съ новымъ Матаѳіей, съ новымъ Киромъ. Оно видѣло въ его возвышеніи перстъ Божій и говорило, что ему всѣ обязаны повиновеніемъ, какъ владыкѣ всѣхъ, а его министрамъ, какъ посланнымъ его, ибо такова воля Провидѣнія. Папа Пій VII прибылъ въ Парижъ для помазанія главы новой династіи. Вѣнчаніе на царство совершилось въ воскресенье, 2-го декабря, въ церкви Парижской Богоматери.

Это торжество было подготовлено задолго передъ тѣмъ, и весь церемоніалъ его установленъ по старымъ обычаямъ. Императоръ прибылъ въ соборъ въ сопровожденіи своей гвардіи, вмѣстѣ съ императрицею Жозефиною, въ каретѣ, украшенной короною и запряженной восемью бѣлыми лошадьми. Въ соборѣ, великолѣпно украшенномъ для этой чрезвычайной церемоніи, его ожидали папа, кардиналы, архіепископы, епископы и члены всѣхъ высшихъ государственныхъ учрежденій. При входѣ его привѣтствовали рѣчью;

латѣнъ, облеченный въ императорскую мантію, съ короною на головѣ и со скипетромъ въ рукѣ, онъ взошелъ на тронъ, возвышавшійся въ глубинѣ церкви. Къ нему подошли великій раздаватель милостыни, одинъ изъ кардиналовъ и одинъ изъ епископовъ и повели его къ алтарю для помазанія. Папа трижды помазалъ ему голову и руки и произнесъ слѣдующую рѣчь: «Всемогущій Боже, поставившій Газаила на царство въ Сиріи и Іиуя на царство въ Израилѣ, заявивъ имъ Свою волю устами пророка Иліи; излившій святое помазаніе на главы Саула и Давида руками пророка Самуила,—излей моими руками сокровища Твоей благодати и Твоихъ благословеній на раба Твоего Наполеона, котораго мы, недостойные, посвящаемъ нынѣ въ императоры, во имя Твое».

Папа торжественно отвелъ Наполеона къ его трону, и когда императоръ принесъ на Евангеліи присягу, установленную новой конституціей, глава герольдовъ провозгласилъ: «Преславный и августѣйшій императоръ французовъ коронованъ и возведенъ на престолъ! Да здравствуетъ императоръ!» Вся церковь огласилась этимъ кликомъ; раздался залпъ артиллеріи, и папа подалъ знакъ къ молебствію. Празднества продолжались нѣсколько дней; но эти казенные праздники, праздники абсолютной власти, не имѣли того живого, искренняго, единодушнаго народною радостью, какимъ было запечатлѣно празднество 14-го іюля въ 1790 г. Какъ ни ослѣпилась нація, она не привѣтствовала, однако, деспотизма съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ она встрѣтила зарю свободы.

Консульство было послѣднимъ періодомъ республики. Революція начала воплощаться въ одномъ лицѣ. Въ первую эпоху консульства Бонапартъ привлекъ къ себѣ опальныя сословія, призвавъ ихъ обратно во Францію; онъ засталъ народъ еще въ полномъ волненіи страстей и успокоилъ его возвращеніемъ къ труду, къ благосостоянію возстановленіемъ порядка. Онъ принудилъ Европу, побѣжденную въ третій разъ, признать его возвышеніе. До амьенскаго мира Бонапартъ далъ республикѣ побѣду, согласіе, благоденствіе, не пожертвовавъ свободою. Онъ могъ бы тогда, если бы захотѣлъ, сдѣлаться представителемъ великаго вѣка, принципомъ котораго было развитіе благоразумнаго равенства, свободы, развитіе цивилизаціи,—однимъ словомъ, высокая система человѣческаго достоинства. Нація была въ рукахъ человѣка — или деспота; отъ него зависѣло сохранить свободу или поработить народъ. Онъ предпочелъ осуществленіе своихъ эгоистическихъ цѣлей; онъ предпочелъ себя одного—цѣлому человѣчеству. Воспитанный въ лагерѣ, поздно выступившій на сцену революціи, онъ понялъ только ея матеріальную, внѣшнюю сторону; онъ не понялъ ея нравственныхъ потребностей, которыя волновали народъ и которыя, рано или поздно, должны были появиться вновь на его погибель. Онъ видѣлъ въ революціи только мятежъ, приближавшійся къ концу, утомленный народъ, отдавшійся въ его руки, и лежавшую на землѣ корону, поднять которую было въ его власти.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Отъ учрежденія Имперіи въ 1804 г. до 1814 г.

Характеръ Имперіи. Обращеніе республикъ, созданныхъ Директоріею, въ королевства. Третья коалиція; взятіе Вѣны; побѣды при Ульмѣ и при Аустерлицѣ; пресбургскій миръ; учрежденіе королевствъ баварскаго и виртембергскаго, какъ оплотовъ противъ Австріи.—Рейнскій Союзъ. Іосифъ Наполеонъ сдѣланъ неаполитанскимъ королемъ, а Людовикъ Наполеонъ—королемъ голландскимъ.—Четвертая коалиція; битва при Іенѣ; взятіе Берлина; побѣды при Эйлау и при Фридландѣ; тильзитскій миръ; прусская монархія уменьшена наполовину; противъ нея учреждены саксонское и вестфальское королевства.—Вестфальское королевство отдано Іерониму Наполеону.—Великая Имперія Наполеона воздвигается со своими второстепенными королевствами, своимъ Рейнскимъ Союзомъ, своею посредническою властью надъ Швейцаріей, своими большими ленами, по образцу имперіи Карла Великаго. Континентальная блокада: Наполеонъ прибѣгаетъ къ прекращенію торговли, для укрощенія Англіи, какъ прибѣгнулъ къ оружію для подчиненія континента.—Вторженіе въ Португалію и Испанію; Іосифъ Наполеонъ сдѣланъ испанскимъ королемъ; Мюратъ замѣняетъ его на неаполитанскомъ тронѣ.—Новый оборотъ событій; національное возстаніе на Пиренейскомъ полуостровѣ; религіозная борьба папы; торговая оппозиція въ Голландіи.—Пятая коалиція; ваграмская побѣда; вѣнскій миръ; бракъ Наполеона съ эрцгерцогинею Маріею-Луизою.—Неудача первой попытки къ сопротивленію; папа низложенъ; Голландія присоединена къ Имперіи; испанская война энергически продолжается.—Россія отказывается отъ континентальной системы; походъ 1812 г.; взятіе Москвы; бѣдственное отступленіе.—Реакція противъ власти Наполеона; кампанія 1813 г.; Наполеонъ покинутъ всѣми.—Коалиція всей Европы; утомленіе Франціи; изумительная кампанія 1814 г.—Союзники въ Парижѣ; отреченіе въ Фонтенбло; характеръ Наполеона; его роль во французской революціи.—Заключеніе.

Со времени учрежденія Имперіи правительство сдѣлалось болѣе абсолютнымъ, а общество подверглось преобразованію въ аристократическомъ духѣ. Великое движеніе возстановленія, начавшееся 9-го термидора, шло, постоянно развиваясь. Конвентъ отмѣнилъ сословія; Директорія побѣдила партіи; консульство привлекло къ себѣ людей; Имперія подкупила ихъ отличіями и привилегіями. Этотъ второй періодъ былъ противоположностью перваго. Въ пер-

номъ мы видѣли правительство комитетовъ, составленное изъ людей, которые избирались только на три мѣсяца, не имѣли ни стражи, ни жалованья, ни внѣшняго представительства, тратили на себя по нѣскольку франковъ въ день, работали по 18 часовъ въ сутки за простыми орѣховыми столами; во второмъ мы видимъ правительство Имперіи, съ широкою административною обстановкою, съ камергерами, камеръ-юнкерами, преторіанскою гвардіею, съ наслѣдственностью, съ огромными личными доходами. Національная дѣятельность сосредоточилась вся въ трудѣ и въ войнѣ. Всѣ матеріальные интересы, всѣ честолюбивыя страсти распредѣлились іерархически подъ однимъ начальникомъ, который, пожертвовавъ свободою для учрежденія самодержавія, уничтожилъ равенство возстановленіемъ дворянства.

Директорія создала республики изъ всѣхъ сосѣднихъ государствъ,—Наполеонъ рѣшился организовать ихъ пообразцу Имперіи. Онъ началъ съ Италіи. Государственная консульта цизальпинской республики положила возстановить наслѣдственную монархію въ пользу Наполеона. Вице-президентъ ея, Мельци, прибылъ въ Парижъ сообщить объ этомъ рѣшеніи; 26-го вантоза XIII года (17-го марта 1805 г.) онъ имѣлъ торжественную аудіенцію въ Тюльери. Наполеонъ принялъ его на тронѣ, окруженный дворомъ и всѣмъ блескомъ верховной власти, къ которому онъ былъ очень привязанъ. Мельци предложилъ ему корону отъ имени своихъ согражданъ. «Государь,—сказалъ онъ въ заключеніе,—удостойте исполнить желаніе собранія, въ которомъ я имѣю честь предсѣдательствовать. Оно передаетъ вамъ чувства всѣхъ итальянскихъ гражданъ. Оно съ радостью сообщитъ имъ, что, принявъ выраженіе этихъ чувствъ, вы удвоили силу узъ, побуждающихъ васъ къ сохраненію, къ защитѣ, къ заботѣ о благоденствіи итальянской націи. Да, государь, вы пожелали, чтобы была итальянская республика—и она возникла. Пожелайте, чтобы итальянская монархія была счастлива—и она будетъ счастлива».

Императоръ отправился самъ вступить во владѣніе этимъ королевствомъ и 26-го мая 1805 г. принялъ въ Миланѣ лонгобардскую желѣзную корону. Онъ сдѣлалъ итальянскимъ вице-королемъ своего пріемнаго сына Евгенія Богарнэ и поѣхалъ въ Геную, которая также отреклась отъ своей самостоятельности. 4-го іюня 1805 г. Генуэзская область была присоединена къ Имперіи и образовала три департамента—генуэзскій, Монтенотте и апеннинскій. Маленькая республика Лукка также была включена въ кругъ этого монархическаго переворота. По ходатайству ея гонфалоньера, она была дана въ удѣлъ принцу и принцессѣ Піомбино, одной изъ сестеръ Наполеона. Совершивъ это царственное путешествіе, Наполеонъ переѣхалъ черезъ Альпы и возвратился въ столицу своей Имперіи; вскорѣ потомъ онъ уѣхалъ въ булонскій лагерь, гдѣ готовилась военная экспедиція противъ Англіи.

Проектъ высадки въ Англію, составленный Директоріей послѣ мира въ Кампоформіо, первымъ консуломъ—послѣ люневильскаго трактата, сталъ занимать умы болѣе чѣмъ когда-либо, какъ только произошелъ новый разрывъ съ Англіей. Въ началѣ 1805 г. въ Булони, Этаплѣ, Амблетезѣ и Калэ была собрана флотилія изъ двухъ тысячъ мелкихъ судовъ, съ экипажемъ въ 16.000 моряковъ. На этихъ судахъ могла помѣститься армія въ 160.000 человѣкъ, съ 9.000 лошадей и многочисленною артиллеріею. Императоръ ускорялъ своимъ присутствіемъ снаряженіе этой морской экспедиціи, когда пришло извѣстіе, что Англія, желая избавиться отъ угрожавшей ей высадки, снова убѣдила Австрію нарушить миръ съ Франціей, и что всѣ военныя силы Австріи приведены въ движеніе. 90.000 человѣкъ, подъ начальствомъ эрцгерцога Фердинанда и генерала Макка, переправились черезъ Иннъ, заняли Мюнхенъ и изгнали оттуда баварскаго курфюрста, союзника Франціи; тридцать тысячъ, подъ начальствомъ эрцгерцога Іоанна, заняли Тироль; а эрцгерцогъ Карлъ, со стотысячною арміею, приближался къ Адижу. Двѣ русскія арміи готовились присоединиться къ австрійцамъ. Питтъ употребилъ величайшія усилія, чтобы организовать эту коалицію. Учрежденіе итальянскаго королевства, присоединеніе къ Франціи Генуи и Піемонта, явное вліяніе императора на Голландію и Швейцарію снова подняли Европу, которая теперь столь же опасалась честолюбія Наполеона, сколько прежде принциповъ революціи. Союзный договоръ между британскимъ министерствомъ и русскимъ кабинетомъ былъ подписанъ 11-го апрѣля 1805, а 9-го августа къ нему примкнула Австрія.

Наполеонъ выѣхалъ изъ Булони, поспѣшно возвратился въ Парижъ, явился 23-го сентября въ сенатъ, потребовалъ призыва 80-ти тысячъ рекрутъ и на слѣдующій день уѣхалъ въ походъ. Онъ переправился черезъ Рейнъ 1-го октября, а 6-го вступилъ въ Баварію съ шестидесятитысячною арміею. Массена задерживалъ принца Карла въ Италіи, и императоръ быстро совершилъ германскую кампанію. Въ нѣсколько дней онъ перешелъ черезъ Дунай, вступилъ въ Мюнхенъ, одержалъ побѣду при Вертингенѣ и заставилъ генерала Макка, въ Ульмѣ, положить оружіе. Эта капитуляція разстроила австрійскую армію. Наполеонъ продолжалъ рядъ своихъ побѣдъ, занялъ 13-го ноября Вѣну и выступилъ въ Моравію противъ русскихъ, къ которымъ примкнули остатки разбитаго австрійскаго войска.

2-го декабря 1805 г., въ годовщину коронаціи, враждебныя арміи встрѣтились при Аустерлицѣ. У непріятеля было 95 тысячъ человѣкъ, у французовъ—80 тысячъ. Обѣ стороны имѣли огромную артиллерію. Сраженіе началось съ восходомъ солнца. Массы войскъ заколебались; русская пѣхота не устояла противъ бурнаго напора французскихъ войскъ и маневровъ ихъ начальника. Лѣвый флангъ союзниковъ былъ отрѣзанъ первый; русская гвардія пыта-

лась возстановить сообщеніе съ нимъ, но была смята. Центръ испыталъ подобную же участь, и въ часъ пополудни самая рѣшительная побѣда довершила эту удивительную кампанію. На другой день императоръ поздравилъ армію прокламаціей, составленной на самомъ полѣ сраженія. «Солдаты,—сказалъ онъ имъ,—я доволенъ вами; вы украсили ваши орлы безсмертною славою! Стотысячная армія, предводительствуемая императорами Россіи и Австріи, разбита или разсѣяна меньше чѣмъ въ четыре дня; тѣ, которые избѣжали вашихъ мечей, утонули въ озерахъ. Сорокъ знаменъ, штандарты императорской россійской гвардіи, сто двадцать пушекъ, двадцать генераловъ, болѣе тридцати тысячъ плѣнныхъ—вотъ результатъ этого навѣки памятнаго дня. Эта пѣхота, столь восхваляемая и превосходная числомъ, не могла устоять противъ вашего нападенія—и отнынѣ вамъ нечего страшиться соперниковъ. Такимъ образомъ въ два мѣсяца эта третья коалиція побѣждена и разрушена нами!» Съ Австріею было заключено перемиріе, а русскіе выговорили себѣ право выступить въ опредѣленный срокъ изъ предѣловъ Австріи. Пресбургскій миръ послѣдовалъ за побѣдами при Ульмѣ и Аустерлицѣ; онъ былъ подписанъ 26-го декабря. Австрійскій домъ, который утратилъ еще раньше свои внѣшнія владѣнія—Бельгію и Миланскую область, понесъ на этотъ разъ потери въ самой Германіи. Онъ уступилъ Венецію, Истрію, Далмацію и Венеціанскіе острова на Адріатическомъ морѣ—итальянскому королевству, а графство Тироль, городъ Аугсбургъ, Эйхштедтское княжество, часть территоріи Пассау, всѣ свои владѣнія въ Швабіи, Брейсгау и Ортенау—Баваріи и Виртембергу, возведеннымъ на степень королевствъ. Великое герцогство Баденское также было усилено на счетъ Австріи. Пресбургскій миръ завершилъ униженіе Австріи, начатое кампоформійскимъ договоромъ и подвинутое еще дальше договоромъ люневильскимъ. Императоръ, увѣнчанный такою славою, по возвращеніи въ Парижъ сдѣлался предметомъ обожанія, столь всеобщаго и ревностнаго, что энтузіазмъ публики ему самому вскружилъ голову, и онъ былъ въ упоеніи отъ своего счастья. Государственныя учрежденія соперничали между собою въ лести и повиновеніи. Онъ получилъ титулъ Великаго, и сенатъ рѣшилъ декретомъ воздвигнуть въ честь его тріумфальный монументъ.

Наполеонъ еще болѣе укрѣпился въ системѣ, которую онъ избралъ. Побѣда при Маренго и люневильскій миръ утвердили консульство; побѣда при Аустерлицѣ и пресбургскій миръ упрочили Имперію. Послѣдніе остатки революціи исчезли. 1-го января 1806 г. республиканскій календарь, послѣ четырнадцатилѣтняго существованія, былъ окончательно замѣненъ календаремъ григоріанскимъ. Пантеонъ былъ обращенъ въ церковь; вскорѣ послѣ того былъ вовсе уничтоженъ трибунатъ. Но главною заботою императора было распространеніе своего владычества на континентѣ. Король

неаполитанскій Фердинандъ, нарушившій во время послѣдней войны мирный трактатъ съ Франціей, былъ лишенъ своихъ владѣній, и 30-го марта Іосифъ Бонапартъ былъ провозглашенъ королемъ обѣихъ Сицилій. Немного позже, 5-го іюня 1806 г., Голландія была превращена въ королевство и получила въ короли другого брата императора, Людовика Бонапарта. Не существовало болѣе ни одной республики, изъ числа созданныхъ Конвентомъ или Директоріей. Назначая второстепенныхъ государей, Наполеонъ возстановилъ вмѣстѣ съ тѣмъ военно-іерархическое правленіе и титулы среднихъ вѣковъ. Онъ объявилъ Далмацію, Истрію, Фріуль, Кадоръ, Беллуну, Конельяно, Тревизу, Фельтръ, Бассано, Виченцу, Падую, Ровиго—герцогствами, великими ленами Имперіи. Маршалу Бертье было пожаловано княжество Невшательское, министру Талейрану—княжество Беневентское, князю Боргезе и его супругѣ—княжество Гвастальское, Мюрату—великія герцогства Клевское и Бергское. Не отваживаясь разрушить швейцарскую республику, Наполеонъ провозгласилъ себя ея *посредникомъ* и довершилъ организацію своей военной имперіи, поставивъ въ зависимость отъ себя большую часть древнихъ германскихъ государствъ. 12-го іюля 1806 г. четырнадцать государей южной и западной Германіи составили *Рейнскій Союзъ* и признали Наполеона своимъ протекторомъ. 1-го августа они объявили регенсбургскому сейму о своемъ отдѣленіи отъ Германскаго Союза; германская имперія болѣе не существовала, и Францъ II объявилъ въ прокламаціи о сложеніи съ себя императорскаго титула. Договоромъ, подписаннымъ въ Вѣнѣ 15-го декабря, Пруссія уступила Наполеону Аншпахъ, Клеве и Невшатель и получила взамѣнъ этихъ земель Ганноверское курфюршество.

Наполеонъ имѣлъ въ своихъ рукахъ весь западъ Европы. Неограниченный властелинъ Франціи и Италіи, какъ *императоръ* и *король*, онъ господствовалъ и надъ Испаніей, вслѣдствіе подчиненія мадридскаго двора его волѣ, надъ Неаполемъ и Голландіей—по причинѣ повиновенія обоихъ его братьевъ, надъ Швейцаріей—въ силу акта посредничества. Въ Германіи онъ располагалъ противъ Австріи и Пруссіи—королями баварскимъ и виртембергскимъ и Рейнскимъ Союзомъ. Поддерживая свободу, онъ могъ бы, послѣ амьенскаго мира, сдѣлаться протекторомъ Франціи и руководителемъ Европы. Но онъ искалъ себѣ славу—въ господствѣ, жизнь—въ побѣдахъ, и осудилъ себя такимъ образомъ на продолжительную борьбу, которая должна была окончиться или подчиненіемъ ему континента, или его собственнымъ паденіемъ.

Честолюбіе императора вызвало четвертую коалицію. Пруссія, сохранявшая нейтралитетъ съ самаго базельскаго мира, намѣревалась во время послѣдней кампаніи соединиться съ австро-русской коалиціей. Одна скорость побѣдъ императора помѣшала исполненію этого намѣренія; но устрашенная расширеніемъ Имперіи и обо-

ренная отличнымъ состояніемъ своего войска, она заключила союзъ съ Россіею, чтобы вытѣснить французовъ изъ Германіи. Берлинскій кабинетъ требовалъ, чтобы императорскія войска перешли за Рейнъ, угрожая въ противномъ случаѣ войною. Онъ хотѣлъ въ то же самое время составить на сѣверѣ Германіи новую силу противъ Рейнскаго Союза. Императоръ, бывшій тогда въ періодѣ благоденствія, въ расцвѣтѣ своего могущества и въ согласіи съ націей, двинулся противъ Пруссіи, не намѣреваясь подчиняться ея ультиматуму.

Кампанія открылась въ первыхъ числахъ октября. Наполеонъ, по своему обыкновенію, подавилъ коалицію быстротою своего похода и силою своихъ ударовъ. 14-го октября рѣшительною побѣдою при Іенѣ онъ разрушилъ военную прусскую монархію; 16-го — четырнадцать тысячъ пруссаковъ сложили оружіе въ Эрфуртѣ; 25-го — французская армія вошла въ Берлинъ. Конецъ 1806 г. былъ употребленъ на взятіе прусскихъ крѣпостей и на походъ въ Польшу противъ русской арміи. Походъ въ Польшу былъ менѣе быстръ, но столь же блистателенъ, какъ и прусскій. Россія уже въ третій разъ мѣрилась силами съ Франціей. Побѣжденная при Цюрихѣ, Аустерлицѣ, она была также побѣждена при Эйлау и Фридландѣ. Послѣ этихъ достопамятныхъ дней императоръ Александръ вступилъ въ переговоры съ Наполеономъ и заключилъ въ Тильзитѣ, 21-го іюня 1807 г., перемиріе, за которымъ послѣдовалъ и окончательный миръ.

Тильзитскій миръ распространилъ французское господство на континентѣ. Пруссія была уменьшена наполовину. На югѣ Германіи Наполеонъ основалъ противъ Австріи два королевства — баварское и виртембергское; на сѣверѣ онъ основалъ противъ Пруссіи также два королевства — саксонское и вестфальское. Саксонское королевство, образованное изъ курфюршества того же имени и прусской Польши, переименованной въ великое герцогство Варшавское, было отдано королю саксонскому; королевство вестфальское, заключавшее въ себѣ Гессенъ-Кассельскія владѣнія, Брауншвейгъ, Фульду, Мюнстеръ, бо̀льшую часть Ганновера, — было отдано Іерониму Наполеону. Императоръ Александръ, согласившійся на эти распоряженія, очистилъ Молдавію и Валахію. Россія всетаки осталась единственной неприкосновенной, хотя и побѣжденной державой. Наполеонъ слѣдовалъ все болѣе и болѣе примѣру Карла Великаго. Онъ заставилъ нести передъ собою, въ день своего коронованія, корону, шпагу и скипетръ франкскаго короля. Папа переѣхалъ черезъ Альпы, чтобы освятить его династію. Теперь онъ организовалъ свои владѣнія по образцу обширной имперіи этого завоевателя. Революція стремилась къ возстановленію древней свободы, — Наполеонъ возстановилъ военную іерархію среднихъ вѣковъ; она создала гражданъ, — онъ создалъ вассаловъ; она учредила республики, — онъ — лены. Полный величія и силы, Напо-

леонъ явился на сцену послѣ потрясеній, которыя утомили міръ, поколебавъ его; это дало возможность императору устроить Европу на время по своимъ идеямъ. *Великая Имперія* возвысилась внутри Франціи со своей административной системой, замѣнившей правленіе законодательныхъ собраній, со своими спеціальными судами, съ лицеями, гдѣ военное воспитаніе вытѣснило республиканское образованіе центральныхъ школъ, съ наслѣдственнымъ дворянствомъ, которое въ 1808 г. окончательно возстановило неравенство, со своей гражданской дисциплиной, которая сдѣлала Францію, подобно арміи, послушной всякому слову, идущему сверху; внѣ Франціи — со своими второстепенными королевствами, союзными государствами, большими ленами и верховнымъ главою всего цѣлаго. Не испытывая болѣе сопротивленія нигдѣ, Наполеонъ могъ, такъ сказать, переходить съ одного конца континента на другой и вездѣ раздавать свои повелѣнія. Въ эту эпоху все вниманіе императора было обращено на Англію, единственную державу, которая могла избѣгнуть его нападеній. Питтъ умеръ съ годъ тому назадъ; но британскій кабинетъ слѣдовалъ съ большимъ рвеніемъ и настойчивостью его планамъ относительно Франціи. Послѣ неудачныхъ коалицій — третьей и четвертой — онъ не сложилъ оружія. Война продолжалась на жизнь и на смерть. Великобританія объявила Францію въ *блокадномъ* состояніи и дала возможность императору употребить противъ нея мѣру такого же свойства, пресѣчь ей сношенія съ Европой. Континентальная *блокада*, начавшаяся въ 1807 г., была второю частью системы Бонапарта. Чтобы достигнуть неоспоримаго всемірнаго первенства, онъ употребилъ оружіе противъ континента, а противъ Англіи — остановку торговли. Но, запрещая континентальнымъ государствамъ всякое сообщеніе съ Великобританіею, онъ приготовилъ себѣ новыя затрудненія; къ враждебнымъ чувствамъ, которыя возбуждалъ его деспотизмъ, къ ненависти государствъ, которой онъ подвергался за свое завоевательное господство, присоединились озлобленіе частныхъ интересовъ и бѣдствія торговли, вызванныя блокадою.

Между тѣмъ всѣ державы, казалось, соединились съ одною цѣлью. Сношенія между Англіей и континентальной Европой были прекращены впредь до всеобщаго мира. Россія и Данія въ сѣверныхъ моряхъ, Франція, Испанія и Голландія на Средиземномъ морѣ и океанѣ объявили себя противъ нея. Этотъ моментъ былъ верхомъ могущества императора. Наполеонъ употребилъ всѣ свои старанія и весь свой геній, чтобы создать морскія средства, способныя поколебать силы Англіи, которая вооружила болѣе ста линейныхъ кораблей и безчисленное множество военныхъ судовъ меньшаго размѣра. Онъ велѣлъ рыть порты, укрѣплять морскіе берега, строить корабли и приготовилъ все, чтобы сразиться черезъ нѣсколько лѣтъ на новомъ полѣ битвы. Но въ ожиданіи этой минуты онъ хотѣлъ обезопасить себя со стороны Пиренейскаго

полуострова и водворить тамъ свою династію, а вмѣстѣ съ нею политику болѣе энергическую и твердую. Португальская экспедиція 1807 г. и испанское вторженіе 1808 г. послужили для него и для Европы началомъ новаго оборота событій.

Съ давняго времени Португалія была настоящей англійской колоніей. Императоръ, съ согласія мадридскихъ Бурбоновъ, рѣшилъ, фонтенблоскимъ трактатомъ 27-го октября 1807 г., что Брагансскій домъ пересталъ царствовать. Французская армія, подъ начальствомъ Жюно, вступила въ Португалію. Принцъ-регентъ, Іоаннъ VI, уплылъ въ Бразилію, и французы 30-го ноября заняли Лиссабонъ. Это вторженіе въ Португалію было не чѣмъ инымъ, какъ приготовленіемъ къ вторженію въ Испанію. Въ средѣ испанской королевской фамиліи господствовала сильнѣйшая анархія: фаворитъ Годои былъ ненавидимъ народомъ, и принцъ астурійскій Фердинандъ составилъ заговоръ противъ любимца своего отца. Несмотря на то, что императору нечего было бояться подобнаго правленія, онъ былъ встревоженъ безразсудными вооруженіями, предпринятыми Годои во время прусской войны.

Весьма вѣроятно, что онъ уже тогда вознамѣрился посадить на испанскій престолъ одного изъ своихъ братьевъ; онъ думалъ, что ему будетъ не трудно ниспровергнуть раздѣленную династію, умирающую монархію и достигнуть согласія народа, призвавъ его къ цивилизаціи. Подъ предлогомъ морской войны и блокады, французскія войска проникли на полуостровъ, заняли его берега, главные пункты и расположились около Мадрида. Королевскому дому было предложено удалиться въ Мексику, по примѣру Брагансскаго дома. Но народъ возсталъ противъ этого отъѣзда; жизнь Годои, предмета всеобщей ненависти, подверглась самой большой опасности; принцъ астурійскій былъ провозглашенъ королемъ подъ именемъ Фердинанда VII. Императоръ воспользовался этою придворною революціею, чтобы исполнить свое намѣреніе. Французы вошли въ Мадридъ, а онъ самъ отправился въ Байонну, куда призвалъ испанскихъ принцевъ. Фердинандъ возвратилъ корону своему отцу, который, въ свою очередь, отдалъ ее въ распоряженіе Наполеона; послѣдній передалъ ее своему брату Іосифу; по рѣшенію верховной юнты, кастильскаго совѣта и мадридскаго муниципалитета Фердинандъ былъ перевезенъ въ замокъ Валансе, а Карлъ IV поселился въ Компьенѣ. Наполеонъ возвелъ своего шурина Мюрата, великаго герцога бергскаго и клевскаго, на неаполитанскій престолъ вмѣсто Іосифа.

Въ это время началась первая оппозиція противъ господства императора и континентальной системы. Реакція обнаружилась въ трехъ странахъ, до тѣхъ поръ находившихся въ союзѣ съ Франціей, и вызвала пятую коалицію. Римскій дворъ былъ недоволенъ; національная гордость Испаніи была оскорблена возведеніемъ на престолъ иностраннаго короля; испанцы затронуты въ своихъ пра-

вычахъ уничтоженіемъ монастырей, инквизиціи и достоинства грандовъ; торговыя сношенія Голландіи страдали отъ континентальной блокады; Австрія переносила съ нетерпѣніемъ свои потери и свое подчиненное положеніе. Англія, не упускавшая ни одного случая, чтобы возбудить борьбу на континентѣ, вызвала сопротивленіе римскаго двора, испанскаго народа и вѣнскаго кабинета. Папа былъ въ холодныхъ отношеніяхъ съ Франціею уже съ 1805 г.: онъ надѣялся, что, взамѣнъ его услужливости при помазаніи Наполеона, послѣдній возвратитъ Церковной области тѣ земли, которыя Директорія присоединила къ цизальпинской республикѣ. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, онъ присоединился къ оппозиціи, и въ 1807—1808 гг. Церковная область сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ англійскихъ эмиссаровъ. Послѣ представленій, нѣсколько рѣзкихъ, императоръ приказалъ генералу Міоллису занять Римъ; папа грозилъ ему отлученіемъ отъ церкви; тогда Наполеонъ лишилъ его Анконы, Урбино, Масераты, Камерино и сдѣлалъ ихъ частью итальянскаго королевства. Легатъ оставилъ Парижъ 3-го апрѣля 1808 г.; началась религіозная борьба за свѣтскіе интересы съ главою церкви, котораго бы слѣдовало или не вызывать во Францію, или не тревожить въ Италіи.

Война на Пиренейскомъ полуостровѣ была еще серьезнѣе. Испанцы рѣшеніемъ провинціальной хунты, засѣдавшей въ Севильѣ 27-го мая 1808 г., признали королемъ Фердинанда VII и подняли оружіе во всѣхъ провинціяхъ, не занятыхъ французскими войсками. Португальцы поднялись также 16-го іюня въ Опорто. Оба эти возстанія имѣли сначала ходъ самый благопріятный и сдѣлали въ короткое время быстрые успѣхи. Генералъ Дюпонъ сложилъ оружіе при Байленѣ, близъ Кордовы, и эта первая неудача французской арміи возбудила энтузіазмъ и надежду испанцевъ. Іосифъ Наполеонъ оставилъ Мадридъ, гдѣ былъ провозглашенъ Фердинандъ VII. Около того же времени Жюно, не имѣя довольно войска, чтобы удержаться въ Португаліи, согласился очистить ее и отступить со всѣми военными почестями, о чемъ и была заключена конвенція въ Чинтрѣ. Англійскій генералъ Веллингтонъ занялъ Португалію съ арміей въ двадцать пять тысячъ человѣкъ. Пока папа объявлялъ себя противъ Наполеона, пока испанскіе инсургенты входили въ Мадридъ, пока англичане снова появлялись на континентѣ, король шведскій выказалъ себя непріятелемъ европейской императорской лиги, а Австрія сдѣлала значительныя вооруженія и приготовилась къ новой борьбѣ.

Къ счастью для Наполеона, Россія осталась вѣрна союзу съ Франціей и тильзитскимъ обязательствамъ. Императоръ Александръ былъ тогда исполненъ энтузіазма и расположенія къ этому могущественнѣйшему и самому необыкновенному изъ смертныхъ. Желая убѣдиться въ вѣрности сѣвера, прежде чѣмъ обратить свои силы на полуостровъ, Наполеонъ имѣлъ съ Александромъ свиданіе въ

Эрфуртѣ 27-го сентября 1808 г. Властители запада и сѣвера дали другъ другу ручательство въ покоѣ и повиновеніи Европы: Наполеонъ двинулся въ Испанію, а Александръ взялся смирить Швецію. Присутствіе императора скоро перемѣнило счастье войны на полуостровѣ; онъ привелъ съ собою восемьдесятъ тысячъ старыхъ солдатъ, вызванныхъ изъ Германіи. Множество побѣдъ подчинили его власти большую часть испанскихъ провинцій. Онъ вошелъ въ Мадридъ и явился жителямъ полуострова не какъ побѣдитель, а какъ освободитель. «Я уничтожилъ,— сказалъ онъ имъ,—инквизиціонный трибуналъ, противъ котораго протестовали и вѣкъ, и Европа. Духовенство должно руководить совѣстью, но не должно пользоваться внѣшней матеріальной властью надъ гражданами. Я отмѣнилъ феодальное право; всякій можетъ свободно основывать гостиницы, пекарни, мельницы, заводы, рыбную ловлю и выбирать себѣ промыселъ по своему желанію. Эгоизмъ, богатство и благосостояніе небольшого числа людей больше вредили вашему земледѣлію, нежели лѣтнія засухи. Такъ какъ существуетъ только одинъ Богъ, то въ государствѣ должно существовать только одно правосудіе. Всѣ частныя юрисдикціи были несправедливы и противны правамъ націи,—я ихъ уничтожилъ... Настоящее поколѣніе можетъ колебаться въ своихъ мнѣніяхъ, потому что страсти возбуждены слишкомъ сильно; но ваши потомки будутъ благословлять меня, какъ вашего преобразователя; они будутъ праздновать день, въ который я явился между вами, и съ этого дня будетъ считаться благоденствіе Испаніи».

Такова была на самомъ дѣлѣ роль Наполеона на полуостровѣ, для котораго возвращеніе къ благосостоянію и свободѣ было возможно только подъ условіемъ возвращенія къ цивилизаціи. Свобода, какъ и все другое, не можетъ быть установлена внезапно: въ странѣ невѣжественной, отсталой, бѣдной, покрытой монастырями и управляемой монахами, измѣненіе общественнаго устройства должно предшествовать политической свободѣ. Наполеонъ, принадлежавшій цивилизованной націи, былъ настоящимъ преобразователемъ для Пиренейскаго полуострова. Но обѣ партіи,—партія гражданской свободы и партія религіознаго рабства, приверженцы кортесовъ и приверженцы монаховъ,—хотя и совершенно противоположныя въ своихъ цѣляхъ, соединились для общей защиты. Первая изъ этихъ партій стояла во главѣ высшаго и средняго классовъ, вторая—во главѣ простого народа; каждая изъ нихъ наперерывъ передъ другою воспламеняла испанцевъ чувствомъ независимости или религіознымъ фанатизмомъ. Вотъ катехизисъ, который употребляло испанское духовенство:

«Скажи мнѣ, мое дитя, кто ты?—Испанецъ, благодаря Бога.—Кто врагъ нашего благоденствія?—Императоръ французовъ.—Во сколькихъ онъ естествахъ?—Въ двухъ—человѣческомъ и дьявольскомъ.—

Сколько французскихъ императоровъ?—Дѣйствительный одинъ, въ трехъ мнимыхъ лицахъ.—Какъ ты ихъ называешь?—Наполеонъ, Мюратъ и Мануэль Годои.—Который изъ нихъ самый злой?—Они всѣ три одинаково злы.—Отъ кого происходитъ Наполеонъ?—Отъ грѣха.—Мюратъ?—Отъ Наполеона.—Какой духъ управляетъ первымъ?—Гордость и деспотизмъ.—Вторымъ?—Хищность и жестокость.—Годои?—Алчность, предательство и невѣжество.—Что такое французы?—Нѣкогда они были христiане, позже сдѣлались еретиками.—Грѣхъ ли убить француза?—Нѣтъ, мой отецъ; убивая одну изъ этихъ еретическихъ собакъ, прiобрѣтаешь милость неба.—Какого наказанiя заслуживаетъ испанецъ, неисполняющiй своихъ обязанностей?—Смерти и названiя измѣнника.—Кто насъ освободитъ отъ нашихъ враговъ?—Взаимное довѣрiе и оружiе». Наполеонъ взялся за большое и опасное предпрiятiе, къ которымъ была безсильна вся его военная система. Побѣда обусловливалась здѣсь уже не пораженiемъ армiи и покоренiемъ столицы, а занятiемъ цѣлой территорiи и, что было еще труднѣе, подчиненiемъ умовъ. Между тѣмъ какъ Наполеонъ готовился усмирить этотъ народъ непреодолимою дѣятельностью и непоколебимымъ упорствомъ, пятая коалицiя отозвала его въ Германiю.

Австрiя воспользовалась удаленiемъ его войскъ и его самого. Она сдѣлала могучее усилiе, собрала пятьсотъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, считая въ томъ числѣ и ландверъ, и начала кампанiю весною 1809 г. Тироль поднялся; король Iеронимъ былъ изгнанъ вестфальцами изъ его столицы; Италiя колебалась, а Пруссiя ждала только дурного оборота дѣла для Наполеона, чтобы снова взяться за оружiе; но императоръ стоялъ еще на высокой степени своего могущества и счастiя. Онъ поспѣшилъ изъ Мадрида въ Парижъ и предувѣдомилъ въ началѣ февраля членовъ Рейнскаго Союза, чтобы они приготовили войска къ войнѣ. 12-го апрѣля онъ оставилъ Парижъ, перешелъ черезъ Рейнъ, углубился въ Германiю, выигралъ сраженiе при Экмюлѣ и Эслингенѣ, во второй разъ занялъ Вѣну, 13-го мая, и сраженiемъ при Ваграмѣ разрушилъ эту новую коалицiю, послѣ четырехмѣсячной кампанiи. Пока онъ преслѣдовалъ австрiйскiя армiи, англичане высадились на островѣ Вальхернѣ и явились подъ Антверпеномъ; но достаточно было нацiональной гвардiи, чтобы помѣшать успѣху ихъ безполезной экспедицiи. По вѣнскому миру, 14-го октября 1809 г., австрiйскiй домъ потерялъ еще нѣсколько провинцiй и принужденъ былъ приступить къ континентальной системѣ.

Этотъ перiодъ былъ замѣчателенъ новымъ характеромъ борьбы. Мы видимъ въ немъ начало реакцiи Европы противъ Имперiи, на-

чало союза династій и народовъ, духовенства и торговли. Всѣ недовольные интересы сдѣлали попытку сопротивленія; на первый разъ она не удалась имъ. Со времени нарушенія амьенскаго мира Наполеонъ вступилъ на поприще, въ концѣ котораго онъ долженъ былъ притти или къ обладанію всей Европой, или къ враждѣ ея. Увлеченный своимъ характеромъ и своимъ положеніемъ, онъ создалъ противъ народовъ административную систему, необыкновенно выгодную для власти; противъ Европы—систему второстепенныхъ монархій и великихъ леновъ, которые облегчали исполненіе его завоевательныхъ плановъ; наконецъ, противъ Англіи—блокаду, которая остановила торговлю ея и континента. Ничто не препятствовало приведенію въ исполненіе его громадныхъ, но безумныхъ намѣреній. Португалія не прекратила сношеній съ англичанами,—онъ занялъ ее насильно. Испанская королевская фамилія своими распрями и нерѣшительностью угрожала Имперіи съ тыла,—онъ принудилъ ее отречься отъ престола, чтобы подчинить полуостровъ болѣе отважной и менѣе колеблющейся политикѣ. Папа поддерживалъ сношенія съ непріятелемъ,—его владѣнія были уменьшены; онъ грозилъ отлученіемъ отъ церкви,—французы вошли въ Римъ. Онъ привелъ свою угрозу въ исполненіе буллою—и былъ въ 1809 г. лишенъ свѣтской власти и даже, какъ преступникъ, препровожденъ въ Савону. Наконецъ, послѣ побѣды при Ваграмѣ и вѣнскаго мира, Голландія сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ англійскихъ товаровъ, по причинѣ ея торговыхъ сношеній,—императоръ лишилъ своего брата Людовика этого королевства, которое 1-го іюля 1810 г. было присоединено къ Имперіи. Наполеонъ не отступалъ ни передъ какимъ насиліемъ, потому что не хотѣлъ переносить ни противорѣчій, ни даже колебаній. Все должно было покоряться ему: союзники—наравнѣ съ непріятелями, глава церкви—наравнѣ съ королями, его собственные братья—наравнѣ съ иностранцами. Но, хотя и побѣжденные на этотъ разъ, всѣ тѣ, которые участвовали въ новомъ противъ него союзѣ, ждали только случая, чтобы подняться вторично.

Между тѣмъ, послѣ вѣнскаго мира, Наполеонъ увеличилъ еще болѣе пространство и могущество Имперіи. Швеція которая испытала внутреннюю революцію и король которой, Густавъ IV, былъ принужденъ отречься отъ престола, приняла континентальную систему. Бернадоттъ, принцъ Понте-Корво, былъ избранъ генеральными штатами наслѣднымъ принцемъ Швеціи, и Карлъ XIII усыновилъ его. Блокада соблюдалась во всей Европѣ; Имперія, увеличенная римскими владѣніями, Иллирійскими провинціями, кантономъ Валлисомъ, Голландіею, Ганзейскими городами, имѣла сто тридцать департаментовъ и простиралась отъ Гамбурга и Данцига до Тріеста и Корфу. Наполеонъ, слѣдовавшій до тѣхъ поръ политикѣ смѣлой, но непреклонной, уклонился со своего пути, вступивъ во второй бракъ. Онъ развелся съ Жозефиной, чтобы дать наслѣдника престолу, и женился 1-го

апрѣля 1810 г. на Маріи-Луизѣ, эрцгерцогинѣ австрійской. Это была съ его стороны несомнѣнная ошибка. Онъ оставилъ свое положеніе и свою роль монарха-революціонера, обязаннаго своимъ возвышеніемъ только самому себѣ, монарха, который дѣйствовалъ въ Европѣ противъ старинныхъ дворовъ, подобно тому, какъ республика — противъ прежнихъ правительствъ; онъ поставилъ себя въ фальшивое положеніе относительно Австріи, которую слѣдовало или уничтожить послѣ побѣды при Ваграмѣ, или возстановить въ ея прежней силѣ послѣ брака съ эрцгерцогиней. Прочные союзы имѣютъ основаніемъ только дѣйствительные интересы, — а Наполеонъ не сумѣлъ отнять у вѣнскаго кабинета ни желанія, ни возможности вооружиться противъ Франціи. Второй бракъ Наполеона измѣнилъ также характеръ его Имперіи и еще болѣе отдалилъ его отъ народныхъ интересовъ. Онъ заискивалъ у древнихъ родовъ, чтобы украсить ими свой дворъ, и сдѣлалъ все, что только могъ, чтобы смѣшать въ одно цѣлое старое и новое дворянство, подобно тому, какъ онъ смѣшивалъ династіи. Аустерлицъ положилъ начало мѣщанской Имперіи; послѣ Ваграма была основана Имперія дворянская. Рожденіе сына (20-го марта 1811 г.), которому былъ данъ титулъ римскаго короля, укрѣпило, повидимому, могущество Наполеона, упрочивъ престолъ за его потомствомъ.

Испанская война продолжалась съ энергіей въ теченіе 1810 и 1811 гг. Территорія полуострова была занимаема шагъ за шагомъ; нужно было брать города приступомъ. Сюше, Сультъ, Мортье, Ней, Себастіани овладѣли нѣсколькими провинціями. Испанская хунта не могла удержаться въ Севильѣ и заперлась въ Кадиксѣ, который французская армія начала осаждать. Новая португальская экспедиція была менѣе счастлива. Массена, который предводительствовалъ ею, принудилъ сначала Веллингтона къ отступленію и взялъ Опорто и Оливенцо; но англійскій генералъ укрѣпился въ сильной позиціи при Торресъ-Ведрасѣ, откуда его не могъ вытѣснить Массена. Французы очистили Португалію.

Пока продолжалась война на полуостровѣ съ успѣхомъ, но не рѣшительнымъ, на сѣверѣ уже готовилась новая кампанія. Россія видѣла приближеніе къ себѣ Имперіи Наполеона. Замкнутая въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, она оставалась безъ вліянія и безъ пріобрѣтеній, страдая отъ блокады и не получая выгодъ отъ войны. Сверхъ того петербургскій кабинетъ переносилъ съ нетерпѣніемъ первенство, котораго онъ самъ добивался и къ которому медленно, но безостановочно стремился со временъ Петра I-го. Съ конца 1810 г. онъ увеличилъ свое войско, возобновилъ торговыя сношенія съ Великобританіею и, казалось, былъ близокъ къ разрыву. Весь 1811 г. прошелъ въ переговорахъ, которые не привели ни къ чему; съ обѣихъ сторонъ готовились къ войнѣ. Императоръ, арміи котораго были тогда при Кадиксѣ и который разсчитывалъ на содѣйствіе запада и сѣвера противъ Россіи, усердно приготов-

вляясь въ предпріятіе, которое должно было покорить единственную державу, еще не подчиненную ему, и внести въ Москву его побѣдоносныя знамена. Онъ добился помощи отъ Пруссіи и Австріи, которыя обязались трактатами 24-го февраля и 14-го марта 1812 г. снабдить его вспомогательными корпусами, одна—въ двадцать, другая—въ тридцать тысячъ человѣкъ. Всѣ силы Франціи, которыми только можно было располагать, были поставлены на ноги. Постановленіемъ сената, національная гвардія была раздѣлена на три призыва, для службы внутри государства: его когорты перваго призыва (около 100,000 человѣкъ) были назначены въ дѣйствительную военную службу. 9-го марта Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа для этой громадной экспедиціи; онъ провелъ со своимъ дворомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Дрезденѣ, гдѣ императоръ австрійскій, король прусскій и всѣ германскіе владѣтели преклонялись предъ его могуществомъ. 22-го іюня была объявлена война съ Россіей.

Наполеонъ руководствовался въ этой кампаніи тѣми правилами, которыя до тѣхъ поръ служили для него источникомъ успѣха. Онъ оканчивалъ всѣ войны, которыя предпринималъ, быстрымъ пораженіемъ непріятеля, занятіемъ его столицы и миромъ, раздробляющимъ его территорію. Онъ намѣревался унизить Россію созданіемъ польскаго королевства, подобно тому, какъ обуздалъ Австрію, образовавъ королевства баварское и виртембергское послѣ Аустерлица, Пруссію—образовавъ королевства саксонское и вестфальское послѣ Іены. Съ этою цѣлью онъ условился съ вѣнскимъ кабинетомъ, по трактату 14-го марта, объ обмѣнѣ Галиціи на Иллирійскія провинціи. Возстановленіе королевства польскаго было объявлено на варшавскомъ сеймѣ, но не въ окончательной формѣ. Намѣреваясь, по своей привычкѣ, окончить все дѣло одной кампаніей, Наполеонъ углубился въ центръ Россіи. Его армія простиралась до пятисотъ тысячъ человѣкъ. 24-го іюня онъ перешелъ черезъ Нѣманъ, овладѣлъ Вильною, Витебскомъ, разбилъ русскихъ при Островнѣ, Полоцкѣ, Могилевѣ, Смоленскѣ, Москвѣ-рѣкѣ и 17-го сентября вступилъ въ Москву.

Русскій кабинетъ видѣлъ средство обороны не только въ своихъ войскахъ, но и въ огромныхъ разстояніяхъ и въ климатѣ Россіи. По мѣрѣ того, какъ его побѣжденныя арміи отступали передъ французами, онѣ сожигали города, опустошали провинціи, приготовляя такимъ образомъ большія препятствія Наполеону, на случай пораженія или отступленія его. Согласно съ этой системой защиты, Москва была сожжена своимъ губернаторомъ Растопчинымъ, равно какъ и Смоленскъ, Дорогобужъ, Вязьма, Гжатскъ, Можайскъ и большое число другихъ городовъ и деревень. Императоръ могъ бы понять, что эта война не кончится такъ, какъ другія: но, побѣдивъ врага и овладѣвъ его столицей, онъ возымѣлъ надежду на миръ, и она была искусно поддерживаема со стороны русскихъ. Приближалась зима,—а между тѣмъ Наполеонъ прожилъ въ Москвѣ

около шести недѣль. Онъ отложилъ дальнѣйшее движеніе по случаю обманчивыхъ переговоровъ съ Россіей и рѣшился отступить только 19-го октября. Это отступленіе было бѣдственно и нанесло первый ударъ существованію Имперіи. Наполеонъ не могъ быть пораженъ рукою человѣка, потому что какой генералъ могъ восторжествовать надъ этимъ несравненнымъ полководцемъ? Какая армія могла побѣдить французскую армію? Несчастье ожидало его въ крайнихъ предѣлахъ Европы, въ предѣлахъ ледяныхъ, гдѣ должно было окончиться его побѣдоносное господство. Онъ потерялъ въ концѣ этой кампаніи, не черезъ пораженія, но отъ холода и голода, посреди русскихъ пустынь и снѣговъ, свою старую армію и обаяніе своего счастья *).

Отступленіе происходило съ нѣкоторымъ порядкомъ до Березины, гдѣ оно сдѣлалось бѣгствомъ въ огромныхъ размѣрахъ. Послѣ перехода черезъ эту рѣку Наполеонъ, который до сихъ поръ находился при арміи, уѣхалъ отъ нея въ саняхъ и со всевозможною поспѣшностью прибылъ въ Парижъ, гдѣ во время его отсутствія обнаружился заговоръ. Генералъ Малле вознамѣрился ниспровергнуть этого могущественнаго колосса. Его предпріятіе было очень дерзко, и такъ какъ оно основывалось на ложной вѣсти о смерти Наполеона, то для успѣха его нужно было бы обмануть слишкомъ многихъ. Къ тому же Имперія была еще крѣпка въ основаніяхъ своихъ, и не заговоръ, а только медленное и всеобщее отступничество могло его разрушить. Заговоръ не удался; Малле былъ казненъ вмѣстѣ съ тѣми, которые къ нему присоединились. По своемъ возвращеніи императоръ нашелъ націю удивленной бѣдствіемъ, столь непривычнымъ. Но государственныя сословія выказывали еще безграничное повиновеніе. Наполеонъ пріѣхалъ въ Парижъ 18-го декабря, объявилъ рекрутскій наборъ въ триста тысячъ человѣкъ, побудилъ къ всеобщимъ пожертвованіямъ, создалъ въ короткое время, благодаря своей удивительной дѣятельности, новую армію и отправился въ походъ 13-го апрѣля 1813 г.

Но со времени отступленія изъ Москвы для Наполеона начался новый рядъ событій. Въ 1812 г. начался упадокъ Имперіи. Господство его было тягостно для всѣхъ. Всѣ тѣ, съ согласія которыхъ онъ возвысился, были теперь противъ него. Духовенство втайнѣ составляло заговоры, со времени его разрыва съ папою, котораго онъ поработилъ. Восемь государственныхъ тюремъ были оффиціально открыты для недовольныхъ этого оттѣнка. Масса народа казалась такъ же утомленною завоеваніями, какъ прежде была утомлена борьбою партій. Она ждала отъ императора устрой-

*) Не считаемъ нужнымъ подробно опровергать невѣрность этого мнѣнія Минье, отъ котораго давно отступили даже французскіе писатели. Не холодъ и голодъ, не ледяныя пустыни остановили въ Россіи побѣдоносное шествіе Наполеона I, а патріотизмъ и единодушіе всѣхъ сословій русскаго народа. *Прим. изд.*

ства частныхъ интересовъ, развитія торговли, уваженія къ личности—и вмѣсто того была подавлена рекрутскими наборами, податями, блокадой, превотальными судами и косвенными налогами, неизбѣжными послѣдствіями его завоевательной системы. Онъ имѣлъ теперь противниками не только небольшое количество лицъ, оставшихся вѣрными политическимъ принципамъ революціи (онъ называлъ ихъ идеологами), но и всѣхъ тѣхъ, которые, не имѣя опредѣленныхъ убѣжденій, хотѣли пользоваться матеріальными выгодами болѣе развитой цивилизаціи. Внѣ Франціи народы стонали подъ военнымъ игомъ, а униженныя династіи желали подняться. Положеніе всей страны было крайне тягостное, и одна неудача должна была повести за собой всеобщее возстаніе. «Я торжествовалъ,—говоритъ самъ Наполеонъ о предшествовавшихъ кампаніяхъ,—среди постоянно возрождающихся опасностей. Мнѣ постоянно нужно было столько же ловкости, сколько и силы... Еслибы я не побѣдилъ при Аустерлицѣ, то имѣлъ бы противъ себя всю Пруссію; еслибы я не восторжествовалъ при Іенѣ, Австрія и Италія угрожали бы мнѣ съ тылу; еслибы я не одержалъ побѣду при Ваграмѣ,—а эта побѣда не была рѣшительная,—мнѣ слѣдовало опасаться, чтобы Россія меня не оставила, чтобы Пруссія не поднялась противъ меня; англичане уже стояли передъ Антверпеномъ» *). Таково было его положеніе, что чѣмъ дальше онъ шелъ впередъ на своемъ поприщѣ, тѣмъ болѣе необходимы были для него рѣшительныя побѣды. Какъ только онъ былъ пораженъ, короли, которыхъ онъ подчинилъ, короли, которыхъ онъ создалъ, союзники, которыхъ онъ возвысилъ, государства, которыя онъ присоединилъ къ Имперіи, сенаторы, которые ему такъ много льстили, и даже товарищи его по оружію измѣнили ему одни вслѣдъ за другими. Поле сраженія, перенесенное въ Москву въ 1812 г., отодвинулось къ Дрездену въ 1813 г., въ окрестности Парижа—въ 1814 г. Такъ быстро совершился этотъ поворотъ счастія!

Берлинскій кабинетъ первый подалъ примѣръ отступничества. 1-го марта 1813 г. онъ вступилъ въ союзъ съ Россіей и Англіей, и такимъ образомъ возникла шестая коалиція, къ которой вскорѣ присоединилась Швеція. Союзники полагали, что императоръ окончательно пораженъ послѣднимъ бѣдствіемъ; но онъ открылъ кампанію новыми побѣдами. Сраженіе при Люценѣ, выигранное 2-го мая съ войскомъ, составленнымъ изъ рекрутъ, занятіе Дрездена, побѣда при Бауценѣ и перенесеніе войны на Эльбу удивили коалицію. Австрія, съ 1810 г. державшая свои войска на мирномъ положеніи, вооружилась; она думала уже о новыхъ союзахъ и предложила свое посредничество между императоромъ и коалиціей. Ея посредничество было принято. Заключено было перемиріе въ Плесвицѣ 4-го іюня, и въ Прагѣ собрался конгрессъ, чтобы вести переговоры о мирѣ. Но успѣхъ ихъ былъ невозможенъ: Наполеонъ

*) Mémorial de S.-Hélène, т. III, p. 221.

не желѣвъ согласиться на уменьшеніе своей власти, и Европа рѣшилась оспаривать его владычество. Союзныя державы, по соглашенію съ Австріей, требовали значительныхъ уступокъ, оставляя, однако, за Наполеономъ Голландію и Италію. Переговоры прекратились безъ результата, Австрія вступила въ коалицію, и война, которая одна могла разрѣшить этотъ великій споръ, началась снова.

Императоръ имѣлъ только двѣсти восемьдесятъ тысячъ человѣкъ противъ пятисотъ двадцати тысячъ; онъ хотѣлъ отбросить непріятеля за Эльбу и раздробить, по своему обыкновенію, его новые коалиціи скоростью и силою своихъ ударовъ. Побѣда опять была на его сторонѣ. Онъ разбилъ при Дрезденѣ соединенныхъ союзниковъ; но пораженія его полководцевъ разстроили его планы. Макдональдъ былъ разбитъ въ Силезіи, Ней — при Берлинѣ, Вандамъ — при Кульмѣ. Не будучи болѣе въ силахъ удержать непріятеля, который окружалъ его со всѣхъ сторонъ, Наполеонъ далъ ему еще разъ большое сраженіе. Государи Рейнскаго Союза выбрали этотъ моментъ, чтобы оставить Имперію. Во время рѣшительнаго сраженія подъ Лейпцигомъ саксонцы и виртембергцы перешли къ непріятелю, на самомъ полѣ сраженія. Эта измѣна и несомнѣнное превосходство союзниковъ, которые начинали вести войну болѣе значительными массами и съ большимъ искусствомъ, заставили Наполеона отступить, послѣ трехдневной битвы. Армія въ большомъ разстройствѣ направилась къ Рейну; баварцы, которые также измѣнили Наполеону, хотѣли преградить ей дорогу. Но она разбила ихъ при Ганау и возвратилась въ предѣлы Имперіи 30-го октября 1813 г. Конецъ этой кампаніи былъ столь же несчастенъ, какъ и конецъ предыдущей. Франціи угрожали опасности въ ея собственныхъ предѣлахъ, какъ въ 1799 г., но она не была болѣе воодушевлена энтузіазмомъ свободы, и человѣкъ, который лишилъ ее правъ, нашелъ ее въ этотъ великій кризисъ неспособною поддержать и защищать его.

Наполеонъ возвратился въ Парижъ 9-го ноября 1813 г. Онъ получилъ отъ сената разрѣшеніе на рекрутскій наборъ въ триста тысячъ человѣкъ и готовился съ большимъ жаромъ къ новой кампаніи. Онъ созвалъ законодательный корпусъ, чтобы присоединить его къ дѣлу общей защиты; онъ сообщилъ ему документы относительно переговоровъ въ Прагѣ и просилъ у него новой и послѣдней поддержки, чтобы со славою утвердить миръ, который былъ предметомъ всеобщихъ желаній для Франціи. Но законодательный корпусъ, до сихъ поръ нѣмой и послушный, выбралъ этотъ моментъ, чтобы воспротивиться Наполеону.

Онъ былъ подавленъ всеобщимъ утомленіемъ и испытывалъ безсознательно вліяніе роялистской партіи, которая тайно дѣйствовала съ тѣхъ поръ, какъ упадокъ Имперіи опять возбудилъ ея надежды. Коммисія, составленная изъ Лене, Ренуара, Гальуа, Фло-

нерта и Мэнъ-де-Бирана, представила докладъ, неблагопріятный для дѣйствія правительственной системы и требовавшій прекращенія войны и возстановленія свободы. Это желаніе, вполнѣ законное во другое время, могло послужить тогда только къ облегченію непріятельскаго вторженія. Хотя союзники, казалось, готовы были заключить миръ подъ условіемъ очищенія Европы, но на самомъ дѣлѣ они хотѣли довести свою побѣду до конца. Наполеонъ, раздраженный оппозиціею законодательнаго корпуса, неудобною и несвоевременною, внезапно распустилъ собраніе. Это начало сопротивленія возвѣстило внутреннее отступничество. Отъ Россіи оно распространилось на всю Германію, отъ Германіи готовилось перейти въ Италію и Францію. Но все зависѣло на этотъ разъ, какъ и прежде, отъ хода войны, которую не остановила и зима. Наполеонъ сосредоточилъ на этомъ всѣ свои надежды; онъ выѣхалъ изъ Парижа 25-го января для того, чтобы начать знаменитую кампанію 1814 г.

Имперія была захвачена врагами со всѣхъ сторонъ. Австрійцы подвигались впередъ въ Италіи; англичане, [illegible] сдѣлавшіеся хозяевами всего Пиренейскаго полуострова, перешли черезъ Бидассоа подъ предводительствомъ генерала Веллингтона и появились на Пиренеяхъ. Три арміи наступали на Францію съ востока и сѣвера. Главная союзная армія, во сто пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, подъ предводительствомъ Шварценберга, вошла во Францію черезъ Швейцарію; силезская армія Блюхера, во сто тридцать тысячъ человѣкъ, вступила въ нее черезъ Франкфуртъ; сѣверная армія, во сто тысячъ человѣкъ, подъ предводительствомъ Бернадотта, завладѣла Голландіею и вошла въ Бельгію. Непріятели на этотъ разъ не обращали вниманія на укрѣпленныя мѣста и, слѣдуя примѣру своего противника, пошли на столицу. Когда Наполеонъ оставилъ Парижъ, обѣ арміи — Шварценберга и Блюхера — готовы были соединиться въ Шампаніи. Лишенный поддержки въ народѣ, который сохранялъ роль чисто наблюдательную, Наполеонъ остался одинъ противъ всего свѣта, съ горстью старыхъ солдатъ и съ своимъ геніемъ, который не потерялъ ни своей отваги, ни своей силы. Величественное зрѣлище представлялъ въ это время Наполеонъ, уже болѣе не притѣснитель, не завоеватель, а защищавшій шагъ за шагомъ, новыми побѣдами почву отечества и, вмѣстѣ съ нею, свою Имперію и свою славу.

Онъ двинулся въ Шампанію, противъ обѣихъ большихъ непріятельскихъ армій. Генералу Мезону поручено было задержать Бернадотта въ Бельгіи, Ожеро — австрійцевъ въ Ліонѣ, Сульту — англичанъ на южной границѣ. Принцъ Евгеній долженъ былъ защищать Италію. Хотя Имперія и была занята въ центрѣ непріятельскими войсками, но своими заграничными гарнизонами она простиралась еще до внутренности Германіи. Наполеонъ нисколько не отчаивался отбросить эту толпу враговъ за предѣлы Франціи, ко-

средствами сильной военной реакціи, и снова перенести свои знамена на непріятельскую территорію. Онъ быстро раздѣляется между Блюхеромъ, который слѣдовалъ по теченію Марны, и Шварценбергомъ, который шелъ по Сенѣ; онъ переходитъ отъ одной арміи къ другой и разбиваетъ ихъ поочередно. Блюхеръ былъ разбитъ при Шампоберѣ, Монмирайѣ, Шато-Тьерри и Вошанѣ; когда его армія была разсѣяна, Наполеонъ возвратился на Сену, опрокинулъ австрійцевъ при Монтеро и гналъ ихъ предъ собою. Его соображенія были такъ глубоки, его дѣйствія такъ точны, его удары такъ вѣрны, что, казалось, онъ въ состояніи [illegible] разстроить этихъ двухъ грозныхъ арміи и уничтожить вмѣстѣ съ ними всю коалицію.

Но если онъ былъ побѣдителемъ вездѣ, куда онъ являлся, непріятель съ своей стороны подвигался впередъ вездѣ, гдѣ его не было. Англичане вошли въ Бордо, гдѣ [illegible] объявилъ себя за фамилію Бурбоновъ; австрійцы приблизились къ Ліону; непріятельская армія, которая дѣйствовала въ Бельгіи, соединилась съ остатками арміи Блюхера и снова появилась въ тылу Наполеона. [illegible] Мюратъ въ Италіи послѣдовалъ примѣру Бернадотта, присоединившись къ коалиціи. [illegible] Имперіи [illegible] императору, но уже поздно. Онъ находитъ твердую и непоколебимую вѣрность только въ своихъ второстепенныхъ генералахъ и въ своихъ неутомимыхъ солдатахъ. Наполеонъ снова накинулся на Блюхера, который ускользнулъ отъ него три раза: на лѣвомъ берегу Марны, при помощи [illegible] мороза, [illegible] болота, куда попали пруссаки и гдѣ они должны были погибнуть; на Эснѣ, [illegible] при Суассонѣ, которая открыла союзникамъ проходъ въ ту минуту, когда имъ не оставалось никакого выхода; при Ланѣ — вслѣдствіе ошибки герцога Рагузскаго, который былъ застигнутъ врасплохъ въ ночное время и этимъ помѣшалъ рѣшительному сраженію. [illegible], разстраивавшихъ самые вѣрные его планы, Наполеонъ, [illegible] генералами, съ небольшимъ [illegible], [illegible] къ Сенъ-Дизье, чтобы вырвать непріятеля изъ Франціи. [illegible] потерпѣлъ бы [illegible], [illegible] прямо къ Парижу, не безпокоясь о томъ, что дѣлается у нихъ въ тылу.

На равнинахъ кругомъ Парижа — единственной столицы на континентѣ, которая еще не испытала [illegible] — появились войска всей Европы. Столица Франціи [illegible], которому подвергались всѣ другія. Парижъ былъ предоставленъ самому себѣ. Императрица, [illegible] регентшей, [illegible] и отправилась въ Блуа. Наполеонъ былъ далеко. Не было [illegible]

въ свободѣ, которые имѣли только побуждать народъ къ сопротивленію. Война велась не противъ націи, но противъ единовластія, такъ какъ императоръ сосредоточилъ всѣ общественные интересы — въ одномъ лицѣ, всѣ средства защиты — въ регулярномъ войскѣ. Утомленіе было всеобщее; только чувство гордости, личной и національной, глубоко оскорбленной приближеніемъ непріятеля, еще жило: кровью обливалось сердце француза при видѣ родной земли, попираемой войсками, надъ которыми Франція такъ долго господствовала. Но это чувство не было достаточно сильно, чтобы поднять всю массу народа противъ непріятеля; а происки роялистской партіи, во главѣ которой стоялъ принцъ Беневентскій, противились его къ союзникамъ. Между тѣмъ, 30-го марта, подъ стѣнами Парижа произошло сраженіе, а 31-го марта его отворили для союзниковъ, которые вступили въ силу капитуляціи. Сенатъ, покорный всякимъ желаніямъ императора, измѣнилъ своему бывшему господину; имъ руководилъ Талейранъ, съ нѣкоторыхъ поръ бывшій въ немилости у Наполеона. Этотъ необходимый участникъ всякаго правительственнаго переворота объявилъ себя противникомъ императора. Не принадлежа ни къ одной партіи, глубоко равнодушный къ политическимъ вопросамъ, онъ съ удивительною проницательностью предвидѣлъ паденіе всякаго правительства, во-время удалялся отъ него, — и когда рѣшительная минута пораженія наступала, онъ помогалъ этому пораженію своими средствами, своимъ вліяніемъ, своимъ именемъ и властью, которую онъ никогда не выпускалъ изъ своихъ рукъ совершенно. Онъ былъ за революцію во время Учредительнаго Собранія, за Директорію — 18-го фрюктидора, за Консульство — 18-го брюмера, за Имперію — въ 1804 г.; въ 1814 г. онъ стоялъ за реставрацію королевской фамиліи. Онъ былъ какъ бы великимъ оберъ-церемоніймейстеромъ власти и, какъ таковой, устанавливалъ и ниспровергалъ различныя правительства. Сенатъ, подъ его вліяніемъ, назначилъ временное правительство, объявилъ Наполеона низвергнутымъ съ престола, престолонаслѣдіе въ его фамиліи уничтоженнымъ, французскій народъ и армію освобожденными отъ присяги на вѣрность въ отношеніи къ Наполеону. Онъ объявилъ тираномъ того монарха, деспотизму котораго онъ самъ способствовалъ своею продолжительною лестью.

Между тѣмъ Наполеонъ, побуждаемый своими приближенными помочь столицѣ, оставилъ свой походъ на Сенъ-Дизье и сталъ во главѣ пятидесяти тысячъ человѣкъ, въ надеждѣ помѣшать занятію столицы. Но, приблизившись къ ней 1-го апрѣля, онъ узналъ о капитуляціи, заключенной наканунѣ, и удалился въ Фонтенбло, гдѣ его извѣстили объ измѣнѣ сената и его низверженіи. Всѣ оставляли его въ минуту несчастья — и народъ, и сенатъ, и генералы, и придворные; онъ рѣшился отречься отъ престола въ пользу своего сына. Онъ послалъ герцога Виченцскаго, князя Москов-

[illegible] Рагузскаго, который охранялъ Фонтенбло однимъ корпусомъ арміи.

Наполеонъ, со своими пятьюдесятью тысячами человѣкъ и своимъ твердымъ военнымъ положеніемъ, могъ еще заставить ко- [illegible] отказались отъ переговоровъ съ нимъ самимъ и соглашались вести [illegible]

Таково было паденіе этого человѣка, который одинъ напол- [illegible] лагалъ съ тѣхъ поръ, какъ въ его рукахъ сосредоточилась рево- [illegible]

другихъ условіяхъ онъ возбудилъ противъ себя и мнѣнія, и интересы экономическаго рода. Онъ вызывалъ всеобщее негодованіе, что, разжегши мировую вражду,— никогда не отступался отъ нея. Онъ долженъ былъ побѣждать, вооружать свои владѣнія во всѣхъ отношеніяхъ, непрерывно увеличивать свое могущество въ продолженіе десяти лѣтъ и въ каждомъ сраженіи выигрывать царство; но одна неудача должна была отнять у него все,— и онъ палъ. Несмотря на блестящіе результаты его системы, Наполеонъ оказалъ, однако, благотворное вліяніе на континентъ; его арміи несли съ собою обычаи, идеи и болѣе развитую цивилизацію Франціи. Европейскія общества были сдвинуты съ ихъ древнихъ основаній. Народы смѣшались между собою, благодаря безпрестаннымъ сношеніямъ; широкія мосты, переброшенные черезъ пограничныя рѣки, большія дороги, проложенныя черезъ Альпы, Апеннины, Пиренеи, установили болѣе тѣсную связь между отдѣльными территоріями. Для матеріальнаго благосостоянія государствъ Наполеонъ сдѣлалъ такъ же много, какъ революція — для умовъ. Блокада дополнила силу побѣды: она покровительствовала континентальной промышленности, чтобы изгнанія англійскихъ продуктовъ; она замѣнила колоніальные товары мануфактурными произведеніями. Такимъ образомъ Наполеонъ, волнуя народы, способствовалъ ихъ цивилизаціи. Онъ былъ контръ-революціонеромъ по своему деспотизму въ отношеніи къ Франціи; но его завоевательный геній сдѣлалъ его преобразователемъ въ Европѣ, въ которой множество народовъ, уничтоживъ до его прихода, будутъ жить только позднѣе, какъ пробужденію. И въ этомъ дѣлѣ Наполеонъ повиновался всегда своей натурѣ. Онъ былъ созданъ для войны, и война была его призваніемъ, его удовольствіемъ, его счастіемъ — его дѣломъ; ему нужно было господствовать надъ всѣми другими — и обстоятельства дали ему это господство, чтобы исполнить всю его жизнь. Наполеонъ установилъ во Франціи — подобно тому, какъ Кромвель сдѣлалъ это однажды въ Англіи — правленіе войска, образованіе котораго неизбѣжно, когда революція встрѣчаетъ сопротивленіе: характеръ ея измѣняется при этомъ мало-по-малу,— сначала гражданская, она становится военной. Въ Великобританіи, гдѣ междоусобная война не была усложнена внѣшнею войною, вслѣдствіе географическаго положенія страны, отдѣлявшаго ее отъ другихъ государствъ,— армія перешла къ нимъ только къ правленію, когда только были побѣждены враги реформы. Вмѣшательство ея началось также потому, что Кромвель, ея предводитель, вытѣснилъ свою партію во имя ея интересовъ и страстей, во имя фанатизма ея вѣрованія, и направилъ единственно противъ нихъ свою военную администрацію. Французская революція, совершаясь на континентѣ, должна была сражаться не только съ внутренними врагами, но и съ внѣшними, и въ то время, когда армія отражала Европу, партіи спорили и сталкивались въ законодательныхъ собраніяхъ. Военное вмѣша-

[illegible] усилія своего военнаго правительства противъ Европы.

Эта разница въ обстановкѣ имѣла значительное вліяніе на [illegible] болою, но не опирающейся на нее.

Въ 1814 г. Имперія была разрушена [illegible] Франціи предѣлами 1-го января 1792 г. [illegible] Бельгія, Савойя, Ницца, Женева перестали принадлежать Франціи [illegible] XVIII высадился на берегъ въ Калэ 24-го апрѣля [illegible] Парижъ 3-го мая 1814 г., [illegible] декларація, которая утверждала [illegible] послѣдовало обнародованіе хартіи.

[illegible]

вила въ Европѣ коалицію и ввела во Франціи представительное правленіе; таковъ долженъ былъ быть ея первый періодъ. [illegible] позже она породила въ Европѣ Священный Союзъ, во Франціи — управленіе одной партіи противъ хартіи. Это движеніе должно имѣть свой опредѣленный ходъ и свое окончаніе. Прежнее правительство во Франціи [illegible] только послѣ удовлетворенія общихъ потребностей, но [illegible] Въ правительственной системѣ [illegible] политическая свобода, въ обществѣ — матеріальное благосостояніе, порождаемое прогрессивнымъ развитіемъ цивилизаціи.

Приложеніе изъ „Революціи"

ЭДГАРА КИНЕ.

Заговоръ Мирабо. — Продалъ ли онъ революцію.

(Глава VII книги VI).

Всѣ инструкціи, полученныя депутатами генеральныхъ штатовъ отъ своихъ избирателей и принесенныя ими въ Учредительное Собраніе, могутъ быть резюмированы слѣдующимъ образомъ: примирить новую свободу съ католицизмомъ и старой монархіей. Такова была задача, которую ставила себѣ Франція 1789 г. Но неужели никто не разсмотрѣлъ предварительно, возможно ли разрѣшить такую загадку?

Напротивъ, всѣ находятъ, что она разрѣшается легко; всѣ смотрятъ на нее, какъ на игрушку. Со всѣхъ концовъ идутъ они, поднявъ голову, и несутъ сфинксу свою разгадку. А если загадка въ томъ видѣ, въ какомъ принимаетъ ее цѣлое поколѣніе, не имѣетъ возможнаго разрѣшенія, если благороднѣйшіе умы, трудившіеся надъ ней, работали напрасно? Какое разочарованіе, какой источникъ взаимныхъ обвиненій! Вѣдь, встрѣчая затрудненіе тамъ, гдѣ онъ надѣялся найти выходъ, каждый обвиняетъ другихъ въ томъ, въ чемъ виновата только сущность вещей.

Желаете ли вы видѣть, въ чемъ состояла вторая половина задачи, т. е. примиреніе старой династіи и свободы? Посмотримъ, какъ разрѣшали этотъ вопросъ величайшіе люди того времени, люди съ умомъ наиболѣе прямымъ, наиболѣе глубокимъ. — Мирабо, напримѣръ. Мирабо истощается, изнемогаетъ весь, безчеститъ себя въ поискахъ за этимъ примиреніемъ. Онъ оставляетъ на жертвѣ всесожженія репутацію свою. Когда такой человѣкъ разрѣшаетъ подобную задачу плачевно, смѣло говорите, что разрѣшеніе ея было невозможно.

Обнародованіе Тайныхъ замѣтокъ (Notes secrètes) *) Мирабо обнаружило въ немъ такую глубину, какой никто не подозрѣвалъ. Мы видимъ человѣка такъ же низко падающимъ въ бездну обмана и лжи, какъ высоко онъ виталъ прежде въ области славы и правды. Всѣ знали, что Мирабо продался; но не знали, какую смѣлость, какую дерзкую отвагу, какой геній хранилъ онъ въ этомъ мракѣ.

Декретъ, запрещавшій депутатамъ вступать въ министерство, изданный 7-го ноября 1789 г. Мирабо не безъ основанія считалъ его косвеннымъ нападеніемъ на себя и тогда же рѣшился погубить собраніе, которое давало ему славу и силу и отказывало въ номинальной власти. Его свиданіе съ королевой въ садахъ Сенъ-Клу 3 іюля 1790 г. окончательно подкупило бы его, еслибы это и не было сдѣлано раньше тайнымъ, корыстнымъ договоромъ его съ дворомъ. Уплата долговъ, шесть тысячъ франковъ помѣсячно, милліонъ франковъ, если имъ будутъ довольны послѣ закрытія сессіи, — вотъ за что продавалъ себя тогда прекраснѣйшій геній на землѣ!

Онъ вступаетъ въ проектъ возстановленія королевской власти, какъ въ флорентинскій заговоръ. Это глава, достойная того, чтобъ служить продолженіемъ главѣ о заговорѣ въ Il Principe Маккіавелли. Онъ хочетъ образовать тайное королевское общество, нити котораго будутъ въ рукахъ у него одного съ Монморэномъ; онъ разсчитываетъ завлечь въ это общество Казалеса, аббата Монтескье, вмѣстѣ съ Барнавомъ, Шапелье, Туре, но такъ, что никто изъ нихъ не узнаетъ цѣли, достиженію которой они будутъ содѣйствовать. Онъ одинъ по собственной своей волѣ будетъ ворочать этой машиной.

Столько хитрости, изворотовъ, такое знакомство съ низкими сторонами человѣческой природы, столько ослѣпительнаго блеску во мракѣ ночи, такое совершенное познаніе зла, такое законченное искусство растлѣнія, — вотъ чего, по всей вѣроятности, никто не подозрѣвалъ въ такой степени въ Мирабо, этомъ орлѣ, превратившемся въ змѣю, но въ змѣю, сохранившую орлиныя крылья. Умъ Мирабо достигаетъ тамъ объемовъ чудовищныхъ размѣровъ.

Если правда, что большая часть людей уважаетъ въ исторіи только силу и только силѣ поклоняется, то это открытіе ни на волосъ не умалитъ ихъ высокаго мнѣнія о Мирабо, потому что онъ явится имъ теперь существомъ, превосходящимъ всевозможные размѣры.

Первый апостолъ революціи есть въ то же время ея Іуда. Бѣдствіе его такъ же громадно, какъ громадна его слава. Этого достаточно, чтобы не уменьшить ихъ поклоненія ему.

Подъ маской торжествующихъ идей XVIII вѣка, подъ заученными фразами Эмиля, подъ откровенностью исповѣди Савойскаго викарія **) съ невыразимымъ изумленіемъ открываешь въ

*) Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck, 1851.

**) Эмиль и Савойскій викарій — дѣйствующія лица въ романѣ Руссо.

одномъ и томъ же человѣкѣ темныя стороны и Макіавелли. Связанъ ли былъ Мирабо — потомокъ флорентинскихъ Рикетти — таинственною связью съ преданіями великаго флорентинца, или же природа хотѣла создать при самомъ преддверіи французской революціи умъ, одинаково распоряжающій добромъ и зломъ, истиною и ложью, свѣтомъ и мракомъ?..

Заговоривъ о Макіавелли, я не думаю выставлять Мирабо подражателемъ его, — нѣтъ, онъ его соперникъ; онъ тотчасъ же самъ пускаетъ въ обращеніе живые уроки и преподаетъ ихъ другимъ.

„Спастись можно только посредствомъ такого плана, который соединяетъ въ себѣ соображенія государственнаго человѣка и пріемы интригъ, мужество великихъ гражданъ и дерзость злодѣевъ... Намъ нужно нѣчто вродѣ политической аптеки, хозяинъ которой, одинаково снабженный и простыми цѣлительными средствами, и ядовитыми растеніями, дѣлаетъ свои составы подъ руководствомъ своего генія и при слѣпомъ довѣріи больного“.

При вступленіи въ Западной Европѣ въ новую эпоху искусство, преподаваемое Макіавелли, состоитъ въ особенности въ томъ, чтобы запутывать, обманывать отдѣльныя личности, — и онъ широко пользуется насильственными мѣрами, къ которымъ привыкло его время. Къ этому искусству Мирабо прибавляетъ искусство обманывать массы, народъ, собраніе. Онъ не совѣтуетъ прибѣгать ни къ яду, ни къ желѣзу, но совѣтуетъ употреблять въ дѣло вѣроломство, постоянную ложь, циническій обманъ.

Хотите ли примѣра? Мирабо составляетъ для двора планъ двухъ мастерскихъ, въ которыхъ обѣщаетъ заковать собраніе и Францію. Первое изъ этихъ средствъ — обширная мастерская полиціи или шпіонства, которая должна покрыть все государство. Этимъ путемъ можно будетъ узнавать во всякомъ мѣстѣ, въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ вождей, которыхъ надо закупить въ свою пользу всѣми возможными средствами. Тайные агенты, которымъ онъ даетъ названіе „путешественниковъ“, отправятся изъ центра къ точкамъ окружности и станутъ все доводить до крайности, вносить смуту въ государство, приготовлять междоусобную войну, возбуждать омерзѣніе и ненависть къ Парижу, увеличивать анархію, — и такимъ образомъ приготовятъ кризисъ.

Второе средство — мастерская продажной прессы со всѣми наружными признаками независимости. Надо будетъ пріобрѣсти очень большое число писателей, не оставивъ внѣ этой сѣти „ни одного первостепеннаго таланта“. Въ данную минуту общественное мнѣніе будетъ залито волною купленныхъ рѣчей. Вездѣ раздастся одинъ и тотъ же лозунгъ и повторится многочисленными голосами, которые будутъ считаться свободными; и это обязательное согласіе, тайно настроенное на извѣстную тему, вскорѣ обезсилитъ людей и партіи, представленныя одною своею искренностью

Можно сказать, что Мирабо сразу достигъ въ искусствѣ растлѣнія прессы такого совершенства, котораго никто не превзойдетъ. Онъ упустилъ изъ виду только одно: онъ не подумалъ объ организаціи заговора молчанія противъ людей, мнѣній и репутацій, которыя онъ хотѣлъ задушить. Но вы извините ему это, если припомните, что Франція была въ то время наполнена такимъ шумомъ, при которомъ безумно было бы полагать, будто молчаніе можетъ задушить чью-нибудь совѣсть, какую-нибудь истину. Для всего остальнаго онъ начерталъ правила, во всемъ остальномъ онъ остается мастеромъ и изобрѣтателемъ. У него только о томъ рѣчь, чтобы лишить вліянія Учредительное Собраніе, поставить его въ безвыходное положеніе. „Я укажу,— говоритъ онъ,— нѣсколько средствъ, какъ ставить ему ловушки“,— и развиваетъ на этотъ счетъ цѣлую систему, которая состоитъ большею частью въ томъ, чтобы подстрекать людей на крайности, насилія, чтобы внушить народу отвращеніе къ новымъ правамъ и снова бросить его къ ногамъ короля.

По Маккіавелю — власть государя должна основываться на молчаніи, у Мирабо — на словѣ. Дѣло въ томъ, чтобы посредствомъ слова совратить съ настоящаго пути разумъ, волною краснорѣчія ослѣпить общественное мнѣніе. Не упустивъ изъ виду ничего, Мирабо набрасываетъ въ этомъ планѣ правила, которыя впослѣдствіи сдѣлались законами для всѣхъ реакцій. Эти правила превосходны для предположенной имъ цѣли и основаны на глубокомъ знаніи человѣческой природы вообще; они открываютъ путь, на который вступили преемники Мирабо. Какъ система, они имѣютъ неоспоримое достоинство; но имъ недостаетъ существеннаго качества — гармоніи съ эпохой, для которой они были предложены.

Правила Маккіавеля были отголоскомъ XVI вѣка въ Италіи, и потому-то они такъ легко были осуществлены. Правила Мирабо не согласовались съ XVIII вѣкомъ, никто еще не могъ понять ихъ. Этотъ блестящій, гуманный, просвѣщенный, даже наивный вѣкъ неспособенъ былъ на хладнокровіе, на унизительное притворство, на разсчитанный развратъ, которыхъ требовалъ отъ него Мирабо.

Можно ли было превратить Людовика XVI въ того злодѣя, котораго требовала система трибуна королевской власти? Можно ли было подчинить королеву этому двоедушію, этой холодной лжи, которыя такъ нужны были ему? Это было время, когда заговорили даже стѣны, когда люди менѣе всего умѣли скрывать свои чувства: еще слишкомъ много было упованій, слишкомъ много страстей въ сердцахъ, чтобы смыкать уста постоянною ложью.

Да и сверхъ того, какимъ образомъ осуществить всеобщее притворство среди начавшейся уже борьбы сословій? Возможна ли была такая игра, когда эмиграція подавала уже сигналъ къ войнѣ? Мирабо никого не вовлекъ въ свою теорію обмана. Онъ предлагалъ партіямъ еще юнымъ, еще ни въ чемъ не отчаявшимся, систему.

геніемъ для нынѣшнихъ политиковъ. Онъ опередилъ современниковъ. По степени дальновидности онъ былъ впереди своего вѣка больше чѣмъ на шестьдесятъ лѣтъ.

Во всякомъ случаѣ, значительность его идей доказывается тѣмъ, что впослѣдствіи онѣ пріобрѣли господство. Онѣ сдѣлались евангеліемъ или символомъ-хранителемъ всякой контръ-революціи, и я не думаю, чтобы можно было назвать какого-нибудь государя, которому бы онѣ не пригодились. Подобно Макіавелю, который въ концѣ среднихъ вѣковъ начерталъ путь государямъ, желавшимъ насильственно властвовать надъ народомъ, вовсе не привязывая его къ себѣ, Мирабо указалъ дорогу всѣмъ государямъ, которые, будучи угрожаемы народною революціей, освобождались отъ народныхъ узъ и, пожертвовавъ ненужными признаками прежней власти, возвращали себѣ остальное. Все это мы видѣли въ наши дни въ Австріи, въ Пруссіи, въ Германіи, въ Испаніи, гдѣ государи, полуниспроверженные, сохранившіе только тѣнь прошлаго, могли, слѣдуя совѣтамъ Мирабо, снова возвратить себѣ почти всю прежнюю власть, такъ что можно спросить себя не о томъ, насколько они ее уменьшили, а, пожалуй, о томъ, не увеличили ли они ее.

Всѣ государи, сообразовавшіеся съ теоріей Мирабо, находятся въ настоящее время въ безопасности и безъ большого труда обуздали народъ, поступавшіе иначе — пали. Изъ этого слѣдуетъ, что идеямъ Мирабо, предложеннымъ Людовику XVI, недоставало не силы генія, а просто сообразности съ временемъ. Если Учредительное Собраніе и Франція не пали подъ ударами этихъ военныхъ механизмовъ, полицейской интриги и мастерской хитрости, то причину этого слѣдуетъ искать въ характерѣ эпохи, и приходится повторить съ сотрудникомъ Мирабо, г. де-Ламаркомъ: „Система кажется начертанной для другого времени и для другихъ людей“. Въ самомъ дѣлѣ, преждевременныя для XVIII вѣка, идеи эти нашли примѣненіе въ наше время: наши утомленные умы, наши усталыя, ослабленныя души доставили системѣ растяжимый матеріалъ, въ которомъ отказали ей наши отцы.

Если Мирабо ошибался относительно государей и дворянства своего времени, требуя отъ нихъ двоедушія, то еще болѣе ошибался онъ насчетъ массы. Онъ приписывалъ тогдашнему поколѣнію инстинкты торгаша, которые должны были развиться только въ потомствѣ. Не къ людямъ 1789 и 1790 гг. можно было примѣнить эти слова: „Народъ станетъ судить о революціи только по тому, больше или меньше возьмутъ денегъ изъ его кармана, покойнѣе ли будетъ жить ему, будетъ ли у него больше работы, лучше ли станетъ оплачиваться трудъ“. Проницательный взглядъ Мирабо предупреждалъ будущее. Онъ обманывался собственнымъ своимъ предвидѣніемъ, какъ это часто случается съ величайшими геніями. Онъ считалъ уже наступившими тѣ дни, которые подозрѣвалъ въ

будущемъ. Въ простосердечномъ народѣ 1789 г. онъ угадывалъ народъ, преждевременно состарѣвшійся, и, вопреки людямъ обыкновеннымъ, судилъ о современникахъ по потомкамъ.

Прежде чѣмъ осуществилась бóльшая часть пророчествъ Мирабо, сколько опытовъ пришлось испытать! сколько пламенныхъ дней и годовъ должны были пройти! Прежде чѣмъ человѣкъ весь посвятилъ себя расчету, сколько надеждъ надо было растратить! Въ то время еще бодрствовала общественная совѣсть. Она стерегла, она проникала сквозь маски; она видѣла, она доносила на Мирабо сквозь стѣны; и та единственная сила, которой онъ не зналъ, которой никогда не довѣрялся, накрыла его въ ту минуту, когда онъ разставлялъ свои сѣти.

Я вовсе не хочу сказать, что Мирабо своей подземной работой измѣнилъ безвозвратно дѣлу свободы. Напротивъ, все, кажется, доказываетъ, что онъ надѣялся спасти съ помощью коварства не только королевскую власть, но и революцію; и только тутъ умъ его, кажется, уступаетъ уму Маккіавелли. На языкѣ Маккіавелли свобода и развращеніе — два термина, другъ друга исключающіе. Неизвращенный взглядъ его желѣзнаго ума давалъ ему возможность ясно видѣть, что, развращая, неизбѣжно поработишь народъ, и онъ отвергнулъ эту систему не какъ безнравственную, а какъ ложную. Въ силу какой же иллюзіи, вслѣдствіе какого паденія вообразилъ Мирабо, что порча народной нравственности можетъ проложить дорогу къ освобожденію народа? Обманъ, растлѣніе, развратъ — вотъ, по его мнѣнію, единственно возможный планъ, и этотъ планъ долженъ привести къ свободѣ!

Какъ могъ вообразить себѣ такой сильный геній, что, положивъ безнравственность и ложь въ основу революціи, можно вызвать возрожденіе народа? До сихъ поръ Мирабо сохранялъ полное равновѣсіе своихъ способностей, но тутъ мы видимъ великій умъ обезкрыленный, потерявшій путеводную нить, лишенный всякой совѣсти, всякой прямоты, всякаго чистосердечія и падающій въ бездну. Какое крушеніе! А если это крушеніе было вмѣстѣ съ тѣмъ крушеніемъ и для народа?

Маккіавелли сохранилъ среди безнравственности XVI вѣка ясность ума, при помощи которой все направлялъ: онъ зналъ, что есть двѣ дороги: развращеніе, ведущее къ рабству, и возрожденіе, ведущее къ свободѣ. Никогда не смѣшивалъ онъ этихъ двухъ путей: шелъ ли онъ по той или другой дорогѣ, онъ всегда зналъ, куда идетъ. Мирабо перепуталъ эти дороги, внесъ хаосъ туда, куда Маккіавелли вносилъ свѣтъ. Еслибы Мирабо своей системой развращенія, возведенной имъ въ кодексъ, хотѣлъ двинуть міръ къ рабству, умъ его поступалъ бы логически, разумъ его оставался бы невредимымъ и цѣлымъ. Но, склоняя націю къ рабству, онъ думалъ спасти свободу — и въ этомъ-то мы и видимъ паденіе разума.

Что было превосходно въ сочиненіи Маккіавеля, то не имѣетъ смысла, какъ скоро прилагается къ народу. Однимъ и тѣмъ же за-ѣзломъ отнимать и давать свободу — значитъ разрушать самую сущность вещей.

Такимъ людямъ, какъ Мирабо, всего труднѣе прощать подобныя ошибки. Злоупотребляя своими силами, они лишаютъ человѣчество части его справедливой гордости, не говоря уже о томъ, что паденіе ихъ дѣлается скоро предметомъ подражанія для многихъ.

Одно обстоятельство, впрочемъ, объясняетъ, почему умъ Мирабо оказался въ этомъ случаѣ ниже ума Маккіавеля; обстоятельство это — вѣчно возрождающійся предразсудокъ французовъ, что разъ пріобрѣтенная свобода не можетъ быть потеряна. Слѣдующими словами Мирабо говоритъ за французовъ всѣхъ временъ: „деспотизмъ навѣки окончился для французовъ; революція можетъ рушиться, конституція можетъ быть ниспровергнута, государство растерзано анархіею на части, но никогда уже мы не увидимъ возврата къ деспотизму". При такомъ убѣжденіи всякое оружіе годно; можно цѣлыми отрывками черпать доктрины изъ Маккіавеля и не бояться придти къ тому результату, для котораго онѣ написаны. Опытъ показалъ, что крайняя нравственная порча Мирабо соприкасается тутъ съ какою-то искренностью. Нельзя не удивляться, встрѣчая подъ этой маской лукавства и обмановъ какъ бы неспособность вѣрить въ возможность паденій, которыя будущее держало въ запасѣ.

Предположимъ, что планъ Мирабо удался бы совершенно; что голоса избирателей куплены по дешевой цѣнѣ или пустыми обѣщаніями; что другіе увлечены честолюбіемъ или болѣе существенными интересами; что, развративъ людей, удалось бы развратить и книги, примѣшивая въ нихъ въ достаточномъ количествѣ патріотизмъ; что дѣятельность собраній была бы парализована; что, запутанная въ сѣти темной интриги или искуснаго притворства, нація отравлена этими ядовитыми растеніями, секретъ которыхъ Мирабо сохранилъ за собою. Я вижу, что изъ всего этого вышла бы нація развращенная, истощенная, оскорбленная, продажная, именно такая нація, какая требовалась Маккіавелю для порабощенія ея; но я не вижу въ этой полуумной толпѣ, вышедшей изъ пространства, наполненнаго ядами, никакой нравственной точки опоры для благоразумной и умѣренной монархіи, основать которую желалъ Мирабо. Очевидно, выдвигаемая имъ система обманываетъ его самого. Послѣ употребленія его тонкихъ ядовъ умѣренной монархіи недоставало бы самого народа. Остался бы только трупъ, негодный даже для рабства.

Вся нація слѣдила за этими подземными махинаціями Мирабо; всякій видѣлъ его работу въ жилищѣ Локусты, и только онъ одинъ этого не зналъ. Какъ могъ онъ забыть, что все, происходящее въ

глубинѣ такого сильнаго ума, узнается и открывается! Самое величіе этихъ умовъ не даетъ имъ возможности скрыться даже подъ землею. Эхо повторяетъ ихъ рѣчи даже и тогда, когда не произносили они ихъ. У великаго человѣка нѣтъ тайны, которая бы тотчасъ не сдѣлалась тайною вселенной.

Махинаціи Мирабо имѣли два послѣдствія, выразившіяся въ дальнѣйшемъ ходѣ революціи. Его примѣръ сперва возбудилъ, потомъ умножилъ подозрѣніе. Каждый могъ думать, что онъ обманутъ. При этомъ открытіи нація въ одну минуту постарѣла на нѣсколько лѣтъ.

Кто же будетъ сохранять вѣрность, если тотъ, кому нація служила съ такимъ восторгомъ, продался въ первые же дни? Кому же довѣряться послѣ этого? Не кроются ли всюду измѣнники? Вотъ первый результатъ.

Второй результатъ—исканіе неподкупнаго человѣка. Гдѣ есть подлинный человѣкъ, котораго не закупитъ всѣмъ золотомъ міра! Существуетъ ли онъ гдѣ-нибудь? Пусть только покажется онъ съ чистымъ сердцемъ и честными руками: всѣ люди съ [illegible] пойдутъ къ нему навстрѣчу, заранѣе отдадутся ему. Почувствуется такая нужда въ неподкупности, что ради нея люди готовы будутъ всѣмъ жертвовать. Продавшійся Мирабо вызвалъ появленіе неподкупнаго Робеспьера.

Мирабо и Робеспьеръ.

(Глава VIII той же книги).

Гдѣ же искать настоящей мысли Мирабо, между публичною мыслью его и его мыслью тайною и продажною? Гдѣ истинный Мирабо? Вотъ въ чемъ великая нравственная загадка.

Какъ могъ одинъ и тотъ же человѣкъ жить, не говорю два года, а одинъ день съ двумя столь противоположными системами? Какъ могъ онъ носить въ себѣ этихъ двухъ людей, которые другъ друга взаимно уничтожали, и повсюду показывать это всѣми повелѣвающее бронзовое чело? Онъ предсѣдательствуетъ въ клубѣ якобинцевъ, въ теченіе цѣлыхъ часовъ выноситъ ихъ взгляды и не боится, что сорвутъ съ него маску. Онъ отнимаетъ слово у Робеспьера, который обнаруживалъ уже по крайней мѣрѣ свою ненависть. Публично онъ вооружаетъ революцію противъ государя, втайнѣ—государя вооружаетъ противъ революціи. Гдѣ была его мысль, его убѣжденіе, его симпатіи? Изъ этихъ двухъ Мирабо который же былъ настоящій?

Напрасно было бы искать Мирабо въ его мнѣніяхъ прямо противоположныхъ, которыя уничтожаютъ другъ друга, которыя одинаково сильны, хоть и являются въ разнообразныхъ формахъ,—то

пространные, блестящія, пылкія, внушительныя, когда онъ обращается къ народу при свѣтѣ дня; то краткія, сжатыя, точныя, когда онъ шепчетъ на ухо государю въ своихъ продажныхъ замѣткахъ, тайно отъ всѣхъ. Какъ могъ онъ носить эту тайну, никогда не тяготясь ею? Неужели эти два образа дѣйствія уничтожали другъ друга — и Мирабо носилъ въ себѣ совершенный скептицизмъ, настоящее ничто? Неужели вся сумма его идей, его намѣреній граничила съ нулемъ?

Нѣтъ, такой человѣкъ не могъ быть чистѣйшимъ нулемъ; и вопросы, возбуждаемые его дѣятельностью, останутся безъ отвѣта, если не предположить, что въ изгибахъ этой глубокой и направленной души, родственной Маккиавелю, таится третій Мирабо, который желалъ примирить двухъ первыхъ, никому не проговорился о самыхъ потаенныхъ своихъ замыслахъ, — ни народу, ни государю, — берегъ ихъ при себѣ и унесъ свою тайну въ могилу. Этотъ Мирабо, если бы онъ заглянулъ въ самые сокровенные изгибы души своей, признался бы себѣ самому, что онъ хотѣлъ обуздать революцію королемъ, короля — революціей, быть въ одно и то же время трибуномъ и министромъ, спасти народъ и государя, играя ими обоими: преступное мечтаніе, послѣднее убѣжище, куда удалился этотъ неподражаемый геній, воображая, что онъ успѣлъ примириться самъ съ собою. Изъ глубины такой-то крѣпости этотъ двуличный сфинксъ, заключившись въ своей совѣсти, презиралъ подозрѣнія современниковъ и судъ потомства.

Мирабо не могъ уничтожить громадныя заслуги, принесенныя имъ революціи; его подземная работа не убила его публичнаго дѣла: онъ измѣнилъ только самому себѣ.

При жизни своей онъ былъ регуляторомъ и разумомъ собранія. Его могучая голова была противовѣсомъ толпѣ. Послѣ него правительство ускользнуло изъ рукъ собранія и перешло на публичную площадь. Никто уже не осмѣливался обуздывать бури. Рядомъ съ этимъ громоноснымъ геніемъ Мирабо стоитъ человѣкъ, котораго едва замѣтили, — такъ мало онъ производитъ шуму: это Робеспьеръ. Но каждый день онъ дѣлаетъ шагъ впередъ, и всегда въ одномъ и томъ же направленіи. По мѣрѣ того, какъ отпадаетъ одинъ камень изъ стараго зданія, онъ потрясаетъ другой, когда и этотъ уступаетъ въ свою очередь, онъ спускается еще ниже, и такъ далѣе до самыхъ первыхъ основаній зданія. Въ противоположность извилистой дорогѣ Мирабо, Робеспьеръ представляетъ прямую, неуклонную, геометрическую линію, никогда не поворачивающую, вѣчно подвигающуюся съ упорнымъ постоянствомъ элементарной силы. Пока не представляется никакихъ препятствій, онъ идетъ къ пропасти съ какимъ-то спокойствіемъ и филантропическою кротостью. Онъ первый открываетъ бездны, заранѣе обозначаетъ пути,

по которому пойдетъ разрушеніе. Его рѣчи походятъ на геометрическія фигуры: въ нихъ та же холодность, та же сухость.

При каждомъ успѣхѣ Учредительнаго Собранія онъ словно говоритъ ему: „еще дальше!“ Но что останется отъ этого терпѣливаго смиренія, если встанетъ когда-нибудь препятствіе передъ этою слѣпою, математическою силою? Какая перемѣна произойдетъ въ этомъ ледяномъ характерѣ. Не вѣроятнѣе ли, что эта сберегаемая, накопляющаяся, вѣчно упругая сила, вѣчно неизмѣнная даже въ пораженіяхъ своихъ, станетъ подъ конецъ твердыми скалъ и сокрушитъ все на своей дорогѣ? Человѣкъ исчезнетъ,—останется только система.

Смерть Мирабо.

(Глава III книги VIII).

Болѣзнь Мирабо началась 29-го марта 1791 г., началась съ такою силой, что всѣ сначала подумали объ отравѣ. Подобный человѣкъ, какъ казалось всѣмъ, не могъ исчезнуть безъ того, чтобы въ смерти его не замѣшалось преступленіе. Какъ скоро вѣсть о болѣзни разнеслась, всѣ приняли ее, какъ общественное горе. Разрушеніе такой великой силы поражало даже противниковъ ея, какъ признакъ перемѣны, которой уже ничто не остановитъ. Мирабо былъ для нихъ узломъ революціи, и узелъ этотъ разрывался въ ихъ рукахъ.

Что касается народа, чуждаго подозрѣній, съ которыми еще не пріучилъ его опытъ, онъ плакалъ по своемъ трибунѣ. Не представлялъ ли собою этотъ человѣкъ, превосходившій цѣлой головой всѣхъ другихъ, изображеніе революціи, распростертой на своемъ передсмертномъ ложѣ? Народъ сторожилъ на улицѣ и удерживалъ дыханіе.

Въ чрезмѣрныхъ страданіяхъ своихъ Мирабо обнаруживалъ только властительныя мысли и спокойствіе государя. Его самонадѣянность казалась безграничною; владѣя собою даже въ бреду, онъ не проронилъ ни одной изъ своихъ ужасныхъ тайнъ. Казалось, жила только одна возвышенная часть его генія; если говорилъ онъ о себѣ, то говорилъ, какъ объ юномъ героѣ: „что, это уже похороны Ахилла?“ Желалъ ли онъ этой фразою заранѣе внушить будущимъ поколѣніямъ мнѣніе, которое они должны сохранить объ его памяти? Никогда умирающій не вѣрилъ такъ твердо въ свое будущее. Онъ чувствовалъ себя вступающимъ въ потомство еще при жизни и потому не обнаруживалъ ни любопытства, ни нетерпѣнія о другомъ безсмертіи—въ высшемъ мірѣ.

Онъ такъ хорошо обозначилъ свое мѣсто на этомъ мірѣ, что, казалось, не покидалъ его, а скорѣе уносилъ съ собою. „Я уношу съ собою трауръ монархіи. Мятежники раздѣлятъ между собою ея

скипетръ". Такъ эта душа была занята настоящимъ, такъ господствовала надъ нимъ! Далеко не теряя его изъ виду, она какъ бы управляла имъ съ большей высоты, чѣмъ прежде.

2-го апрѣля 1791 г., утромъ, изъ устъ въ уста на всѣхъ скамьяхъ Учредительнаго Собранія переходили слова: „Ахъ, онъ умеръ!" и испуганные взоры устремились на его незанятое мѣсто. Единодушное чувство поклоненія выразилось со всѣхъ сторонъ. Франція показалась въ своей прирожденной доблести, когда самые яростные противники Мирабо, которыхъ унижалъ онъ наиболѣе, — Барнавъ, Бюзо, Гупиль, — со всѣхъ сторонъ приходили чествовать его именемъ великаго человѣка, именемъ въ то время столь новымъ и еще только въ первый разъ заслуженнымъ.

Подобныя чувства кажутся намъ теперь непонятными. Сожалѣніе и оплакиваніе противника или только отданіе ему справедливости кажутся намъ историческимъ вымысломъ. Въ наши дни непремѣнно должна была возникнуть мысль, что это торжественное поклоненіе служило лишь къ тому, чтобы скрыть радость избавленія отъ противника или врага. Но эти низкія наклонности сердца тогда не существовали; кто желалъ излить свою радость, оскорбляя покойника, тотъ дѣлалъ это открыто. Въ собраніи поступили подобнымъ образомъ д'Епремениль, Монлозье, Рошфоръ; внѣ собранія — Камиллъ Демуленъ и Маратъ. Послѣдній началъ свою пѣснь радости такими словами: „Возрадуйся, народъ!" Въ тѣ дни не прибѣгали ко лжи ни въ слезахъ, ни въ апоѳеозахъ.

Собраніе и весь Парижъ проводили останки Мирабо въ Пантеонъ, но эта обитель святой Женевьевы должна была сдѣлаться пагубною для всѣхъ тѣхъ, кому она была отведена для покоя. Настанетъ день, когда эти знаменитыя могилы опустѣютъ, чтобы надгробные камни Сенъ Дени не имѣли причины завидовать ни въ чемъ надгробнымъ камнямъ Пантеона, а короли — трибунамъ. Останки Мирабо вскорѣ были брошены на [illegible]; почти той же участи подверглись останки Вольтера и Руссо. Надъ пустыми гробами, изъ которыхъ выкрадены кости, остается золотая надпись „Великимъ людямъ признательное Отечество!" Иронія ли это, или обѣтъ будущаго?

Смутный говоръ распространился о сношеніяхъ Мирабо съ дворомъ. Сначала не хотѣли вѣрить, чтобы тутъ таилась измѣна, словно невозможно было такому человѣку упасть въ общественномъ мнѣніи. Позже, когда сомнѣваться было уже нельзя, родилось негодованіе; ругались надъ прахомъ его, бросили его въ Кламаръ. Имя его произносилось въ дальнѣйшемъ ходѣ революціи только для проклятія; казалось, слава его исчезла тогда такъ, какъ и его останки.

Имперія молчала о Мирабо; но, [illegible], его все болѣе и болѣе [illegible], слава его только

росла. Тростникъ его популярности, какъ самъ онъ предсказалъ, разросся въ дубъ, покрывшій угасшія поколѣнія; его громадныя заслуги выступали все болѣе и болѣе на свѣтъ, а подземные подкопы терялись во мракѣ. Кто посмѣетъ отрицать такую славу?

Сентябрьскія убійства.

(Глава VIII книги X).

Новая городская дума, образовавшаяся въ ночь 10-го августа, распоряжалась боемъ; она приписывала себѣ побѣду, и не безъ основанія. Восемьдесятъ два незнакомца, овладѣвшіе городскою ратушею, чувствовали себя истинными, законными государями настоящей минуты; они рѣшились продлить эту минуту до тѣхъ поръ, пока останется у нихъ сила. Они думали уже въ свою очередь, что ихъ владычество — спасеніе для всѣхъ. Тальенъ занялъ мѣсто Ройе-Коллара.

Еслибы муниципальныя преданія Парижа походили на фландрскія или хотя итальянскія, то извѣстны были бы правила, границы; но сколько поводовъ къ самозабвенію и затѣмъ къ неистовствамъ у этой новой власти восьмидесяти двухъ, у власти безъ прошлаго, безъ преданій, возникшей, по ея словамъ, необходимостью, изумленной торжествомъ своимъ! Едва пала королевская власть, какъ занявшіе ея мѣсто на одинъ день наслѣдуютъ уже ея преданія абсолютнаго господства. Гюгененъ, Россиньоль, сапожникъ Симонъ не могутъ уже выносить контроля Національнаго Собранія; они относятся къ собранію съ такимъ же отвращеніемъ, съ какимъ относился къ нему Людовикъ XVI.

Въ Законодательномъ Собраніи проснулась, однако, на минуту гордость: оно отказалось совершенно сложить свою власть передъ инсуррекціоннымъ муниципалитетомъ и рѣшилось подвергнуть его новымъ выборамъ, которые назначило 30-го августа. Смѣлость эту выказали жирондисты; они должны были узнать, какъ дорого стоитъ подчинить побѣдителей общему закону.

Въ самомъ дѣлѣ, успѣхъ 10-го августа не удовлетворилъ побѣдителей. Число убитыхъ изъ народа было преувеличено; на другой день вопросъ шелъ о мщеніи. Этотъ крикъ раздается во всѣхъ клубахъ, и Робеспьеръ приноситъ его въ собраніе; Маратъ снова начинаетъ свою проповѣдь рѣзни. Заложникъ, котораго держатъ въ Тамплѣ, нисколько не уменьшаетъ ненависти. Затѣмъ приходитъ извѣстіе о взятіи Лонгви, объ осадѣ Вердена, о приближеніи пруссаковъ. Къ этому прибавляли уже заранѣе сдачу Вердена. Боязнь порабощенія, ненависть, ужасъ, подозрѣніе, жестокость, не укрощенная еще во многихъ сердцахъ, вдругъ разражаются. Произносится имя Варѳоломеевской ночи: повторить ее желаютъ многіе.

30-го августа 1792 г. весь Парижъ внезапно умолкаетъ, какъ мертвый городъ востока. Каждый домъ обшаренъ агентами думы. Изъ домовъ вырываются три тысячи подозрительныхъ людей, и переполняютъ ими тюрьмы. Это похищеніе людей продолжается и на другой день. Къ вечеру Парижъ возвращается къ жизни. Послѣ перваго испуга городъ вздыхаетъ свободно: гроза миновала. Производились ли эти аресты съ намѣреніемъ заранѣе обдуманнымъ и предвидѣнными послѣдствіями? Арестуя людей подозрительныхъ, знала ли дума уже тогда, куда ихъ поведетъ она? Ничто этого не доказываетъ. Только въ одномъ человѣкѣ созрѣлъ широкій замыселъ сентябрьскихъ событій. Одинъ человѣкъ видѣлъ его, одинъ объявилъ о немъ, и издалека приготовилъ его: это—Маратъ *). Когда онъ увидѣлъ въ своихъ рукахъ эту огромную добычу въ три, четыре тысячи плѣнныхъ,—священниковъ, отказавшихся отъ принесенія присяги, придворныхъ, всякаго рода подозрительныхъ людей,—онъ встрепеталъ отъ радости: это несомнѣнно. Планъ рѣзни, зрѣвшій въ головѣ его, обдумываемый имъ день и ночь, показался ему осуществленнымъ наполовину. Онъ простиралъ свой замыселъ далѣе: онъ хотѣлъ учрежденія должности военнаго трибуна, т. е. имперіи, но имперіи убійства. Его адскія соображенія окончательно опредѣлились: случай представился, и онъ сдѣлалъ все, чтобы забрать его въ свои руки. Не случайное, слѣпое варварство руководило имъ: это было варварство, медленно обдуманное, тщательно изученное кровавымъ умомъ. Оно не находило себѣ ничего похожаго въ исторіи. Въ сентябрѣ Маратъ пожиналъ то, что сѣялъ цѣлыхъ три года.

Какъ во всѣхъ великихъ государственныхъ преступленіяхъ, такъ и тутъ распространили слухъ, что преступники захвачены на мѣстѣ заговора и что необходимо поразить ихъ, чтобы не быть пораженными ими. Этой старой и вѣчно новой баснѣ повѣрили. Конечно, верхомъ безумія было воображать, что нѣсколько священниковъ и придворныхъ, заключенныхъ въ тюрьмы, могли въ назначенную минуту броситься на Парижъ, овладѣть имъ, истребить его жителей,—но чѣмъ нелѣпѣе слухъ, тѣмъ легче онъ распространяется. Это сдѣлалось общимъ мѣстомъ въ нашей исторіи, въ XVI, въ XVII, въ XIX вѣкѣ,—оно всегда найдетъ послушныя воображенія, если нѣсколько приготовить ихъ къ тому страхомъ.

Мысль о сентябрьскихъ убійствахъ принадлежитъ Марату; съ начала до конца эти дни носили на себѣ печать своего изобрѣтателя. Въ нихъ видна была смѣсь паническаго страха и ярости, недовѣрія и претензіи на государственные перевороты, жестокости и насмѣшки, софизма въ истребленіи, безопасности въ самовла-

*) У Марата даже на стѣнахъ комнаты было написано „Смерть", какъ панацея отъ всѣхъ бѣдъ.—Его лицо и фигура—см. стр. 395

ленія,—однимъ словомъ, весь Маратъ выражается въ этомъ призывѣ къ преступленію во имя права. Онъ находитъ исполнителей, вдохновляетъ ихъ своимъ умомъ. На лицѣ и рукахъ Марата осталась навсегда кровь сентябрьскихъ жертвъ.

Не всякимъ образомъ эти идеи одного человѣка могли осуществиться. Повѣтріемъ безумія члены думы дѣлались подражателями Марата; они боялись не послѣдовать за нимъ, они боялись не быть великими политиками въ такой важный моментъ. Этотъ страхъ губитъ почти всѣхъ тѣхъ, которые живутъ популярностью, которые всегда готовы скорѣе увлекаться до самоослѣпленія, чѣмъ показаться ниже соперника своего. Долгое время Маратъ оставался одинокимъ, недоступнымъ. Теперь цѣлая толпа людей стремилась за его славой: достигнувъ власти въ одну ночь, они сгорали желаніемъ доказать, что заслужили ее, не отступая ни передъ какою жестокостью. Они не устояли противъ вызова, который вѣчно бросалъ имъ въ лицо Маратъ: не устояли противъ упрековъ въ слабости, умѣренности, въ неспособности къ государственному перевороту. Разъ вступивъ въ водоворотъ, ставъ учениками, орудіями учителя, одержимые его духомъ, не принадлежа болѣе самимъ себѣ, они надѣялись пойти далѣе его и въ два или три дня убійствъ достигнуть его славы или превзойти ее. Бильо-Вареннъ принадлежалъ къ числу такихъ людей. У другихъ закружилась голова отъ неограниченной власти, столь быстро пріобрѣтенной. Жестокость они приняли за признакъ силы.

Дантонъ также подчинился Марату: сколько бы ни утверждали, что вліяніе Дантона было видно повсюду въ сентябрьскіе дни, истина заставляетъ сказать, что ему не принадлежало никакой иниціативы въ составленіи плана. Онъ слушается, служитъ, позорно закрываетъ глаза, даетъ крови литься и поникнуть. На рукахъ его остается кровавое пятно; но мысль его не повелѣваетъ событіями. Онъ также страшится, что перестанетъ быть великимъ трибуномъ, атлантомъ революціи, если кто-нибудь хотя на одну минуту превзойдетъ его въ дерзкой смѣлости. Онъ позорно слѣдитъ за событіями издали. Онъ не господинъ ихъ, а просто рабъ; не онъ, а другой царствуетъ и наслаждается въ этомъ адѣ.

Когда поданъ былъ сигналъ къ убійствамъ пушечными выстрѣлами и набатомъ, Дантонъ показывается на Марсовомъ полѣ среди волонтеровъ, хватающихся за оружіе. Онъ прячется подъ ихъ знамена. Онъ убѣгаетъ отъ убійствъ, совершаемыхъ отъ его имени и во имя его власти. Напрасно: присутствуя или отсутствуя, ему не скрыться отъ потомства.

На другомъ человѣкѣ, Сержанѣ, членѣ наблюдательнаго комитета, еще лучше видно это [illegible] въ потокѣ ея жестокостей. Имя его встрѣчается повсюду во время этихъ дней, а его образъ останется самый живой, [illegible]. Мнѣ разсказывали

ливавшіе его, что онъ не могъ слышать объ этихъ убійствахъ, не поблѣднѣвъ и не задрожавъ. Онъ также былъ рабомъ Марата и проклиналъ его тѣмъ больше, чѣмъ усерднѣе слушался его.

Убійства, такимъ образомъ подготовленныя, были приведены въ исполненіе административнымъ порядкомъ. Порядокъ рѣзни былъ вездѣ одинъ и тотъ же. 2-го сентября четыре кареты, наполненныя священниками, — ихъ перевозили изъ одной тюрьмы въ другую, — послужили началомъ рѣзни и приманкою убійцамъ. Когда пролита была эта первая кровь, возгорѣлась жажда крови. Двери тюремъ открываются сами собою. Отпирать ихъ силою не было никакой надобности. Предупрежденные заранѣе, тюремные сторожа готовы къ услугамъ, они зажигаютъ факелы, проводятъ сами часть убійцъ, убійцы бросаются на первыхъ заключенныхъ, попадающихся имъ навстрѣчу. Такъ было при началѣ убійствъ въ тюрьмахъ Аббатства и Карма. Но почти тотчасъ же образуется нѣчто подобное суду въ стѣнахъ тюремъ: приносятъ тюремные регистры. Человѣкъ въ шарфѣ предсѣдательствуетъ; около него нѣсколько неизвѣстныхъ выдаютъ себя за судей. Майяръ, предводитель версальскихъ мятежниковъ, является президентомъ въ Аббатствѣ. Заключенныхъ приводятъ подъ стражею одного послѣ другого. Въ минуту они стоятъ передъ судьями; убійцы съ засученными руками ждутъ возлѣ судей, торопятъ произнесеніе приговора. По знаку президента, сопровождаемому словами „Въ тюрьму Лафорсъ или въ Аббатство", заключенный предается убійцамъ, толпящимся у дверей. Онъ думаетъ, что спасенъ, — и падаетъ подъ ихъ ударами.

Сначала они убивали однимъ ударомъ сабли, ножа, пики или полѣна; потомъ имъ захотѣлось вкусить наслажденіе отъ убійства, — и вотъ между палачами и жертвами происходитъ какое-то соревнованіе. Первые изыскиваютъ средства для того, чтобы умерщвлять медленнѣе и заставить почувствовать весь ужасъ смерти; послѣдніе стараются найти самую скорую смерть.

Между тѣмъ приносятъ скамьи для зрителей, присутствующихъ при рѣзнѣ. Убійцы отдыхали, когда чувствовали усталость; спокойно ѣли, когда чувствовали голодъ. Они доставали себѣ вина и пили его трезво, боясь, чрезмѣрнымъ употребленіемъ его сдѣлаться неспособными продолжать свою работу. Они называли себя работниками и считали число убитыхъ ими жертвъ. Ярость не мѣшала имъ думать о платѣ, которая ожидала ихъ по окончаніи работы.

Время отъ времени, когда надоѣдала имъ ихъ излишняя босоногость, они спрашивали у власти позволенія воспользоваться башмаками убитыхъ; власть соизволила на это, какъ на совершенно справедливое дѣло. Надо знать, что въ двухъ шагахъ отъ убійцъ, среди паровъ крови, засѣдали всегда администраторы, невозмутимо продолжая заниматься гражданскими дѣлами въ этихъ фортахъ убійства.

Дѣло подвигалось впередъ; но дворы были переполнены кровью

которая мѣшала работникамъ. Набрали соломы и сдѣлали изъ нея подстилку для другого ряда труповъ. Среди этой бойни человѣческаго мяса убійцы доставляли себѣ удовольствіе милосердія. Получившаго помилованіе уносили съ шумными рукоплесканіями. Двѣ молодыя дѣвушки, дѣвица Сомбрёль и дѣвица Казоттъ, обезоружили палачей и спасли своихъ отцовъ: первая тѣмъ, что выпила стаканъ крови. Но мгновенія жалости проходили, и ярость появлялась снова: убійцы, послѣ дарованнаго ими прощенія, получали еще бо́льшую жажду къ убійствамъ.

Таковы были убійства въ Аббатствѣ, Кармахъ, въ Лафорсѣ, Консьержери, Бисетрѣ, въ восьми парижскихъ тюрьмахъ. На другой день убійства возобновились еще съ большею правильностью, то же самое на третій, на четвертый день. Вѣрнѣе сказать, промежутковъ никакихъ не было: единственная разница между днемъ и ночью состояла въ томъ, что ночью, для того, чтобы хорошо видѣть въ бойняхъ, дворы освѣщались. Убійцы вовсе не прятались во мракѣ. Напротивъ, они зажигали плошки возлѣ труповъ, чтобы всѣ могли видѣть и работу, и работника.

Ужасно то, что въ теченіе этихъ четырехъ дней и четырехъ ночей не состоялось ни одного рѣшенія Законодательнаго Собранія, ни одного распоряженія, ни одного декрета.

Такимъ образомъ убійства прекратились только потому, что утомились убійцы, опустѣли тюрьмы, или потому, что дума удовлетворилась мѣрою страха, ею возбужденнаго. Она дала сигналъ къ убійствамъ, — положивъ имъ конецъ, она еще лучше показала свою силу.

Число убитыхъ одни считаютъ въ тысячу, другіе — въ тысячу триста человѣкъ.

Почему Парижъ бездѣйствовалъ?

(Глава IX книги X).

Не говорите, что Парижъ былъ сообщникомъ думы: довольно уже того, что онъ оставался въ бездѣйствіи. Надо показать причину апатіи восьмисотъ тысячъ человѣкъ во время этихъ убійствъ. Найти ее можно, только углубившись въ событія.

Достаточно было придать убійствамъ только видъ государственнаго акта, чтобы сдержать выраженіе народнаго чувства. Распорядители убійствъ, спокойно сидящіе у дверей тюремныхъ канцелярій и играющіе роли судей, муниципальные чиновники, наблюдающіе за работой, виднѣющіеся въ бойнѣ шарфы, убійцы, работающіе на барщинѣ рѣзни за поденную плату, самое пролитіе крови, совершаемое съ такою самоувѣренностью, — все это придавало рѣзнѣ видъ административной мѣры, приводившейся въ исполненіе по приказанію

власти. Ничего большаго и не нужно было для того, чтобы отнять у лучшихъ людей мысль о сопротивленіи оффиціальной рѣзнѣ. Убійцъ была только горсть,—все остальное трепетало.

Все это связано съ причиной, часто проявлявшейся во время революціи. Когда страхъ проникалъ въ души, въ новой Франціи тотчасъ же всплывалъ наверхъ характеръ старой Франціи, глухій къ воплямъ жертвъ, пассивно относящейся къ мнимымъ жестокостямъ, такъ какъ онѣ производились по приказанію власти, рѣшительность и силу которой всѣ знали по собственному опыту. При старомъ порядкѣ французы терпѣливо выносили несправедливости, происходившія передъ ихъ глазами: „Да совершится королевское правосудіе!“ При этихъ словахъ головы склонялись; наилучшіе люди хранили молчаніе, или, можетъ быть, одобряли: это продолжалось цѣлые вѣка.

Когда 2-го сентября, при церковномъ набатѣ, при громѣ пушекъ, страхъ завладѣлъ сердцами, Франція прониклась равнодушіемъ къ чужому горю. Она имѣла дѣло уже не съ королемъ, но всетаки съ властью — съ новою властью думы, показавшей свою силу 10-го августа и еще ужаснѣе обнаружившей ее въ административной расправѣ 2-го сентября. При одной мысли о томъ, что убійства идутъ отъ власти, они уже назывались не убійствами. Убійцы были только исполнителями приказаній, шедшихъ сверху; въ виду этого факта самое гордое мужество становилось безгласнымъ. Старый человѣкъ появлялся снова, со старымъ страхомъ передъ оффиціальностью. Правда, до одобренія съ перваго раза дѣло не доходило, но сердца нѣмѣли, и никто не смѣлъ выражать своего мнѣнія. Купцы, работники, народъ спокойно сидѣли въ домахъ своихъ, ожидая, подобно праотцамъ своимъ, чтобы правосудіе думы совершилось.

Еслибы вы могли войти въ эти дома, вы нашли бы людей печальныхъ, угрюмыхъ, потерявшихся между противоположными причинами страха. Самые смѣлые шопотомъ передавали другъ другу то, что видѣли они въ своемъ оцѣпенѣніи. Видѣли генеральнаго синдика, Манюэля, и члена общаго совѣта, Бильо-Варенна, которые распоряжались у воротъ тюрьмы Аббатства; на обоихъ надѣтъ былъ муниципальный шарфъ. „Такъ это дума, значитъ, взяла верхъ. Безъ сомнѣнія, для такого образа дѣйствій у нея есть свои причины. Манюэль, Бильо-Вареннъ — почетные люди! Это администраторы образованные, честные, достойные всякаго довѣрія; вѣрнѣе всего положиться на ихъ мнѣніе. Да и зачѣмъ же существуютъ власти, если не затѣмъ, чтобы подчиняться имъ въ важнѣйшихъ случаяхъ. Кто знаетъ, какой опасности подверглись бы мы, не будь бдительности этихъ чиновниковъ? Надо только быть смирными. Смирнымъ людямъ нечего бояться. Съ какой стати мѣшаться намъ въ то, что до насъ не касается? Пусть страшатся честолюбцы и злые люди. Тюрьмы переполнены ими. Они готовились броситься на Парижъ

и предать все огню и мечу, но въ эту минуту замыселъ ихъ былъ открытъ властями. Надо же спасать націю; нельзя же, не принявъ никакихъ мѣръ, дать погибнуть народу".

Вотъ что говорили парижане (въ другихъ выраженіяхъ, конечно, если только они осмѣливались говорить), 2, 3, 4 и 5-го сентября 1792 г. Именно эти слова слышались во всѣ эпохи нашей исторіи, когда сила или хитрость заступали мѣсто правосудія. И если въ комъ-нибудь чувство человѣколюбія возрастало до того, что онъ убѣждалъ офицеровъ національной гвардіи помочь убиваемымъ, отвѣтъ всегда былъ одинъ и тотъ же: „Мы не имѣемъ на то приказанія". Они не имѣли приказанія остановить руку убійцъ; вѣрные приказу, они оставались неподвижными съ ружьемъ у ноги, при видѣ проливавшейся рѣками крови, и заключали свои рапорты такими словами: „Ничего новаго".

Вотъ какимъ образомъ оставался Парижъ въ теченіе пяти дней глухъ къ смертнымъ крикамъ жертвъ, къ воплю убійцъ. Восемьсотъ тысячъ людей заткнули себѣ уши, чтобъ ничего не слышать. Душа Марата пять дней носилась надъ Парижемъ, и Парижъ показывалъ видъ, что не замѣчаетъ ее. Я сказалъ уже, что страхъ вызвалъ снова старое рабство; рабство, какъ всегда, задушило состраданіе.

Въ слѣдующіе дни дума, черезъ посредство своего наблюдательнаго комитета, приглашаетъ провинціи послѣдовать примѣру Парижа и повторить спасительный актъ. Дантонъ отправляетъ приглашеніе къ рѣзнѣ за печатью министра юстиціи. Убійства повторяются изъ подражанія въ провинціи, въ Реймсѣ, въ Мо. Въ Версалѣ арестанты, привезенные изъ Орлеана, зарѣзаны всѣ до одного. Но такъ какъ провинціальные муниципалитеты не присутствовали при этихъ убійствахъ, то послѣднія походятъ на парижскія только по жестокости. Не было подобія суда, не было требованія платы, не было самоувѣренности въ рѣзнѣ; среди неистовства равнаго рода можно было видѣть ярость, нетерпѣливость, торопливость со стороны убійцъ, а также кое-гдѣ состраданіе и безсильное мужество со стороны властей.

Только свобода, завоеванная навсегда, могла бы искупить сентябрьскія жертвы. Теперь, напротивъ того, эти страшныя раны еще не закрыты, и еще не скоро настанетъ время, когда воспоминаніе о нихъ не будетъ больше загораживать дорогу къ лучшему будущему.

Почти столько же, сколько и самыя убійства, пугаетъ то снисхожденіе, которое находили они себѣ въ общественной совѣсти пока имъ покровительствовала сила. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ прежде чѣмъ кто-либо осмѣлился дать настоящее имя этимъ убійствамъ: всѣ ихъ сперва называли или сентябрьскими событіями или сентябрьскими экспедиціями. Когда перестали одобрять ихъ, ихъ покрывали молчаніемъ и забвеніемъ. Наконецъ стали [illegible]

ихъ несомнѣнно, робко, — и долгое время это казалось первымъ дѣйствіемъ. Человѣческая совѣсть хрупче, чѣмъ думаютъ; пока входишь въ нее, она негодуетъ и притворяется мертвой.

Эти убійства положили между жирондистами и монтаньярами рѣку крови; первые постоянно обвиняли въ нихъ послѣднихъ, отчего примиреніе сдѣлалось невозможнымъ. Рѣзкая судьба постигла и тѣхъ, и другихъ, — и участниковъ преступленія, и допустившихъ ему совершиться. Это была кровавая рубашка Несса на тѣлѣ народа — Геркулеса.

Узурпаторской власти трудно добиться было того, чтобы не прикрыть себя какимъ-нибудь священнымъ дѣломъ; сентябрьскія убійства [illegible] на восемнадцать мѣсяцевъ [illegible] душъ.

Дантонъ, какъ его понимала его партія.

(Глава IV книги IX, т. I).

Друзья Дантона находили его прекраснымъ, потому что онъ казался имъ неустрашимымъ. Имъ нравился его морщинистый лобъ, его толстыя губы, его лицо императора. Давидъ, написавъ его портретъ съ надвинутыми бровями, сказалъ: „Вотъ Юпитеръ-громовержецъ“.

Съ этой точки зрѣнія, Дантонъ былъ для своихъ приверженцевъ, даже по наружности своей, законнымъ государемъ революціи; бѣлорукій же, сухопарый Робеспьеръ былъ только ее узурпаторомъ.

Дантонисты были довольны своимъ вождемъ за то, что онъ не стремился измѣнить основныя формы человѣческаго общества. По ихъ мнѣнію, это признакъ мудрости въ человѣкѣ, который по самой природѣ своей былъ надѣленъ въ высшей степени [illegible]. Какого требовать еще доказательства геніальности, если человѣкъ умѣетъ обуздать свой [illegible] темпераментъ? Одинъ онъ стоялъ на твердой почвѣ, всѣ другіе носились въ облакахъ. Трудность заключалась не въ томъ, чтобы изобрѣтать, по примѣру Робеспьера, невозможныя мечтанія, а въ томъ, чтобы отличать приложимое на практикѣ отъ неприложимаго. Въ этомъ заключается отличительная черта государственнаго человѣка.

Относительно [illegible] Дантона, друзья его снисходительно напоминали, что Юпитеръ, при всѣхъ своихъ [illegible], всетаки былъ [illegible], а [illegible] — [illegible]. Да они и не думали [illegible] древнюю спартанскую [illegible], потому что имъ не предстояло образовать республику спартанцевъ или [illegible]. Еслибъ такова была цѣль революціи, то они содрогнулись бы и отвратились отъ нея. Развѣ дѣло шло объ основаніи монастыря, подъ управленіемъ какого-нибудь политическаго трапписта изъ школы Сенъ-

Жюста? Развѣ къ этому склоняется общественное мнѣніе? Развѣ оно намѣрено возвращаться ко временамъ Адама и Евы? Нѣтъ,— напротивъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы согласовать свои дѣйствія съ извѣстною эпохою и разслабленнымъ народомъ, котораго нельзя исправить въ одинъ день. Потому-то Дантонъ былъ правъ, повторяя ежеминутно: „Кто ненавидитъ пороки, тотъ ненавидитъ людей". Это правило Фразеаса, послѣдняго изъ мудрецовъ древности.

Вольному воля упрекать нашего вождя въ мнимомъ грабительствѣ: что такое оно въ самомъ дѣлѣ? Ровно ничто въ сравненіи съ грабительствомъ военныхъ людей. Если у Робеспьера и чисты руки, тѣмъ не менѣе онъ всетаки большой хищникъ власти; а въ этой добычѣ прежде всего слѣдуетъ отдать отчетъ. Все остальное — пустяки, не имѣющіе политическаго значенія.

Наконецъ,— къ чему скрывать это?— Дантонъ и Робеспьеръ во всемъ несходны между собою: одинъ — фанфаронъ порока, другой — фанфаронъ добродѣтели. Дантонъ мало уважалъ печатное или писанное слово: въ изреченіи его, что во время революціи надо „во что бы то ни стало дѣйствовать, рѣшать вопросы, а не заниматься регламентаціей", — заключалось осужденіе его противника. Онъ привился своимъ приверженцамъ способностью запечатлѣвать въ ихъ памяти простыя импровизованныя правила, которыя никогда уже не забывались. Напротивъ, онъ презиралъ заученныя рѣчи Робеспьера, которыя онъ называлъ „робеспьеровской селятиной". И кто знаетъ, быть можетъ, одно это выраженіе навлекло на него впослѣдствіи ненависть Робеспьера.

Однимъ словомъ, Дантонъ былъ — дѣйствительность, Робеспьеръ — утопія; вотъ между чѣмъ придется выбирать.

Въ этой борьбѣ большинство, конечно, было за Дантона. Онъ выражалъ идеи, мнѣнія людей революціи о соціальномъ порядкѣ. Однако-жъ они выдали его, какъ скоро противная сторона этого потребовала. Почему же? Потому, что слишкомъ опасно открыто тщеславиться своими пороками. Соединившіеся люди всегда пристаютъ публично къ той сторонѣ, которая выставляетъ напоказъ добродѣтель.

Приверженцы Дантона не осмѣлились защищать его, но они за него отомстили. Много лѣтъ спустя послѣ его казни они еще наслаждались мыслью о томъ, что всѣ тѣ, которые прежде другихъ начали его преслѣдовать, погибли насильственною смертью. Они не уставали пересматривать съ торжествомъ эти похоронные списки.

Ихъ вѣрность памяти Дантона, какъ и дружба ихъ къ нему, оставляла ихъ раздѣленными почти во всемъ, исключая удивленія къ ихъ герою.

„О великій человѣкъ, ты это предвидѣлъ, — писалъ тридцать

пять лѣтъ спустя одинъ изъ его приверженцевъ.—Пантеонъ исторіи раздвинулся, чтобы дать тебѣ мѣсто".

Въ самомъ дѣлѣ, ни время, ни изгнаніе, ни другія знаменитости нисколько не изгладили память о немъ. И послѣ революціи, и послѣ Имперіи Дантонъ оставался для своихъ друзей единственнымъ человѣкомъ, который понялъ духъ своего времени. Спустя полвѣка, ихъ волновало еще эхо его голоса. Голосъ этотъ проникалъ въ душу, потому что, говорили дантонисты, „у Дантона была душа". Когда они сами познакомились съ страданіемъ, они стали хвалить въ немъ то, что прежде порицали,—его чрезмѣрную склонность къ жалости,—„чувству, безъ котораго человѣкъ ничто для человѣка".

Маратъ.

(Глава VIII книги XII, т. I).

Въ эпоху крайностей и увлеченій Маратъ превзошелъ крайностью озлобленія рѣшительно всѣхъ: у него надежда не отличалась отъ ярости. Когда всѣ думали, что достигли наконецъ предѣла революціи, онъ шелъ еще дальше со своими угрозами и своимъ чернымъ знаменемъ. Онъ входилъ какъ бы въ неизвѣстную землю, населенную убійствами, онъ называлъ ее справедливостью и увлекалъ за собою въ эту пустыню ужаса всѣхъ тѣхъ, которые шли по его стопамъ. Эта невозможность догнать его, „вмѣститься на его высоту", образовала изъ него чудовищную, апокалиптическую фигуру, властвовавшую надъ толпой. Онъ казался въ этой недосягаемой области сфинксомъ, раздирающимъ человѣческія кости. „Лобъ, закрытый космами волосъ, лицо мѣднаго цвѣта, широко раскрытые глаза, пронзительно смотрящіе изъ-подъ густыхъ, нахмуренныхъ бровей, раздувающіяся ноздри, челюсти, выдвинутыя впередъ, словно ждущія добычи,—такова была наружность Марата". Оскаливъ зубы, какъ дикій звѣрь, онъ вылъ отъ радости и безумства и сожалѣлъ о Дантонѣ и Робеспьерѣ, какъ о ничтожныхъ пигмеяхъ. Въ неукротимомъ восторгѣ своемъ онъ смѣялся надъ ихъ кротостью.

Не ищите въ характерѣ Марата ни пробѣловъ, ни развитія. Какимъ является онъ въ 1789 г., такимъ же будетъ онъ и въ 1793 г. Онъ одинъ только избѣгаетъ условій развитія, которымъ подчиняется всякое живое существо. Какъ только показался онъ въ исторіи, онъ сейчасъ же потребовалъ убійствъ, эшафота, истребленія: онъ родился вооруженнымъ топоромъ. Въ первые дни, 14-го іюля, ему нужно пять тысячъ головъ, вслѣдъ за тѣмъ — уже пятьсотъ тысячъ. На стѣнѣ комнаты, гдѣ проводитъ онъ жизнь свою, написано большими литерами: СМЕРТЬ—вотъ отвѣтъ на всѣ вопросы, лѣкарство отъ всѣхъ бѣдъ. Это голосъ, вырывающійся изъ подземелья, раз-

дирающій крикъ цѣлаго міра жертвъ. Онъ выходитъ изъ груди прошлаго, тысячелѣтняго рабства; онъ—произведеніе этого прошлаго, безобразное созданіе его, его чудовище, ожившее сновидѣніе. Прежде чѣмъ выпустить его на свѣтъ Божій, его въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ раздражали, приготовляли къ ярости, какъ раздражаютъ быковъ въ извилистой, тѣсной галереи, прежде чѣмъ выпустить ихъ, пылающихъ бѣшенствомъ, на арену цирка. Какъ только Маратъ появился, онъ закричалъ о мщеніи.

Откуда происходила сила этого „друга народа"? Онъ не былъ терроромъ, но онъ возвѣщалъ его; онъ его предчувствовалъ, онъ былъ его предтечей.

Еслибъ ему дали „военнаго трибуна", „диктатора", котораго призывалъ онъ съ криками ярости, то этотъ диктаторъ непремѣнно сдѣлался бы Цезаремъ-санкюлотомъ. Идеалъ Марата снова приводилъ міръ къ имперіализму Калигулы. Всѣ остатки древняго плебса должны были пойти на эту приманку. Апоѳеозъ Марата снова оживитъ древній крикъ: „Ave Caesar, morituri te salutant!"

Кому будетъ принадлежать царство террора?

(Глава VIII книги XII, т. 1).

Подобно тому, какъ монтаньяры смѣшивали жирондистовъ съ фельянами (конституціонными монархистами), жирондисты смѣшивали всѣхъ монтаньяровъ съ Маратомъ. Съ этихъ поръ примиреніе дѣлается невозможнымъ; и тѣ, и другіе съ удовольствіемъ ослѣпляютъ самихъ себя, чтобы перерѣзать другъ друга во мракѣ.

Заставить якобинцевъ взять Марата на свою шею—было очень искусною тактикой; но Верньо, Барбару, Иснаръ, Гюаде никогда не умѣли держаться въ надлежащихъ границахъ, ни во время пораженія, ни во время побѣды; южный характеръ постоянно увлекалъ ихъ. Они слишкомъ увлеклись желаніемъ наказать Парижъ въ лицѣ „друга народа". Уничтоживъ Марата, они безъ сомнѣнія захотѣли бы отдѣлаться отъ другихъ народныхъ вождей, а гдѣ же остановиться на этой дорогѣ? Даже благоразумный Петіонъ говоритъ о томъ, чтобы послать на эшафотъ Робеспьера и его приверженцевъ; тотъ, кто первый падетъ въ этой борьбѣ, откроетъ пропасть, которая уже не закроется. Какъ бы ни была омерзительна голова Марата,—сколько другихъ повлечетъ она за собою? Кому будетъ принадлежать это царство ужаса, приближеніе котораго всѣ видятъ? Кто выиграетъ эту первую ставку, предметъ которой—Маратъ? Съ обѣихъ сторонъ видна одинаковая горячность погубить или спасти его. Она противна большей части защитниковъ его, и многіе монтаньяры „воздерживаются отъ участія въ борьбѣ, не осмѣливаясь ни при-

знать, ни отвергнуть его публично. Наконецъ жирондисты выиграли: Маратъ преданъ суду революціоннаго трибунала.

Радость ихъ была коротка. Маратъ скрывается отъ преслѣдованія въ темныхъ привычныхъ подземельяхъ. 24-го апрѣля онъ выходитъ оттуда и является передъ революціоннымъ трибуналомъ, трибуналъ оправдываетъ его. Онъ возвращается въ тріумфѣ, увѣнчанный лаврами, наполовину придушенный въ толкотнѣ, и вносится въ Конвентъ на рукахъ народа.

Говорятъ, что Робеспьеръ завидовалъ ему въ этотъ день. Какая минута для жирондистовъ! Маратъ всходитъ на трибуну, какъ въ Капитолій. Онъ выказываетъ нѣжность, милосердіе, покровительство врагамъ своимъ; онъ улыбается. Что предвѣщаетъ улыбка Марата?

Жребій брошенъ, царство террора не будетъ принадлежать жирондистамъ. Что бы они сдѣлали, еслибы оно имъ досталось?

Верньо, Гюаде были твердо убѣждены, что жестокости сдѣлаютъ свободу невозможной. Въ этомъ отношеніи у нихъ былъ вѣрный инстинктъ будущаго. Даже имѣя въ своихъ рукахъ революціонный трибуналъ, они не воспользовались имъ, и я нахожу у новѣйшихъ историковъ упрекъ жирондистамъ за то, что они не пролили крови. Они остаются до конца съ чистыми руками; и это происходитъ не отъ одного только естественнаго чувства гуманности, но и отъ разумной, подтвержденной опытомъ, мысли, что терроръ ведетъ къ рабству. „Хотятъ довершить революцію терроромъ,—говорилъ Верньо.—Я желалъ бы довершить ее любовью“.

У якобинцевъ, наоборотъ, было неодолимое стремленіе къ казнямъ. Они подстрекивали къ нимъ, ускоряли ихъ своими рѣчами, своими адресами, своими упреками. Это была не одна только жажда мщенія. Они вѣрили, что въ пролитіи крови враговъ есть какая-то добродѣтель, и что новыя идеи возрастятся на эшафотахъ. Многіе изъ нихъ считали смерть тысячерукимъ молотомъ, который имѣетъ силу все преобразовывать. Обѣ партіи въ естественномъ слѣдствіи своего характера основали политическую систему, которая у однихъ называлась умѣренностью, у другихъ—непоколебимостью.

Такъ разрѣшается часть заданнаго вопроса: былъ ли бы терроръ такимъ же орудіемъ въ рукахъ жирондистовъ, какимъ сдѣлался онъ въ рукахъ якобинцевъ? Первые никогда не сдѣлали бы изъ него системы; эта концепція никогда бы не вышла изъ ихъ головы. Что они мечтали объ очищеніи лѣвой стороны—на это есть ясныя указанія. Не сомнѣваюсь, что такое насиліе было бы для нихъ невозможно; они тотчасъ же раздавили бы его сами. Если арестъ Гебера и процессъ слѣдствія о сентябрьскихъ вызвали противъ жирондистовъ уничтожившее ихъ восстаніе, то что бы было, еслибы они осмѣлились поднять руку на уважаемыхъ главъ Горы?

Они не могли удержаться, имѣя законность и право на своей сторонѣ. Что же было бы съ ними, еслибы они вышли изъ гра-

ныхъ законности и права? Весь городъ воспрянулъ бы противъ нихъ, и они бы исчезли.

Несмотря на серьезныя неудачи, жиронда разсчитываетъ еще на силу отвлеченнаго права; она учреждаетъ комиссію двѣнадцати для производства слѣдствія надъ виновниками смутъ. Она прибѣгаетъ къ формамъ судопроизводства; она приказываетъ арестовать Варле, Гебера, какъ будто бы она еще засѣдаетъ въ Бордоскомъ судѣ. На кого опирается она, чтобы привести въ исполненіе эти приказы? Гдѣ ея армія? гдѣ ея защитники? Въ національномъ саду за нее только дѣвица Теруань де-Мерикуръ. Изъ оконъ дворца правая сторона могла видѣть, какъ народъ сѣкъ ея амазонку, лишившуюся ума отъ гнѣва и стыда. Печальнымъ предвѣстіемъ показался бы этотъ фактъ, еслибъ было время раздумать о немъ.

Надо признаться также, что роковымъ заблужденіемъ для жирондистовъ было требованіе ими новыхъ выборовъ. Какъ! Предлагать голосованіе, созывъ избирателей, предоставленіе всего случаю, когда австрійцы въ Кондэ или Валансьеннѣ! Удалиться въ Буржъ, какъ этого хотѣлъ Гюаде! Этого достаточно, чтобы показать, что жирондисты не были способны повелѣвать во время общаго волненія. Когда опасность возрастаетъ, власть переходитъ къ тѣмъ, кто всего смѣлѣе.

Дантонъ долго отдѣлывался отъ жирондистовъ только добродушными насмѣшками, выставляя ихъ неспособными даже на зло. „Это,—повторялъ онъ своимъ *), —прекрасные говоруны и люди съ хорошими манерами; но они никогда не дѣйствовали ничѣмъ, кромѣ пера и жезла судебнаго пристава". Такимъ образомъ онъ покровительствовалъ имъ своимъ пренебреженіемъ; но они не воспользовались этимъ шансомъ спасенія! Они рѣшились угрожать единственному человѣку, который могъ или хотѣлъ ихъ защищать. „Зашъ, Дантонъ!"—восклицаетъ Гюаде. Дантонъ отвѣчаетъ: „А, ты меня обвиняешь, меня? Ты не знаешь моей силы". Одинъ онъ удерживалъ еще скопившійся противъ нихъ гнѣвъ,—а они пытаются обезчестить его обвиненіемъ, взводимымъ на него Ласурсомъ. Въ отвѣтѣ Дантона слышится ревъ льва въ его пещерѣ. При этихъ звукахъ Парижъ чувствуетъ себя свободнымъ въ своей ярости и разражается революціей противъ жиронды.

Въ этотъ день жирондисты собственными своими руками разрушили укрѣпленіе, защищавшее ихъ отъ толпы. Каждая партія дѣлаетъ рано или поздно непростительную ошибку, которая увлекаетъ ее въ бездну и объясняетъ ея паденіе.

*) Mémoires inédits du conventionnel Baudot.

Процессъ и смерть жирондистовъ.

(Глава I книги XIV, т. II).

Людовика XVI болѣе нѣтъ; жирондисты или заключены въ тюрьму, или находятся въ бѣгствѣ, а между тѣмъ до народнаго счастья дальше, чѣмъ когда-либо. Народъ голоденъ,—ему недостаетъ хлѣба. Что же это за заговоръ, исходящій отовсюду? Голова начинаетъ кружиться у революціонеровъ. Ройе, Геберъ, Шометтъ первые охвачены этимъ головокруженіемъ. Аристократами считаются теперь уже не Монморанси и Ноайль, а купеческіе приказчики, писцы нотаріальныхъ конторъ. Противъ этого новаго патриціата нужна новая революція.

Ночью жители толпятся у дверей булочныхъ; какія мысли наполняютъ умы во время этихъ безконечныхъ бдѣній? Легко вообразить себѣ, сколько подозрѣній, сколько ненависти могъ внести въ эти голодныя толпы такой человѣкъ, какъ Робеспьеръ.

Передъ ними нѣтъ болѣе враговъ; но воображеніе становится оттого еще разнузданнѣе. Невидимый врагъ является имъ повсюду. Масса охвачена маніей робеспьеровскихъ подозрѣній.

5-го сентября 1793 г. было Dies irae народа,—днемъ, въ который иниціатива движенія самымъ непосредственнымъ образомъ проистекала отъ толпы. Подстрекатели неизвѣстны; это было вдохновеніемъ голода. Наканунѣ толпа направляется къ думѣ, потому что дума царствуетъ. Она требуетъ хлѣба. Шометтъ бѣжитъ въ Конвентъ и приноситъ оттуда декретъ объ обязательной таксѣ на хлѣбъ. Съ торжествомъ возвращается онъ въ думу. „Хлѣба! хлѣба! и тотчасъ!"—реветъ толпа. Геберъ совѣтуетъ народу массами направиться къ собранію и окружить его, какъ это было 10-го августа, 2-го сентября, 31-го мая. 5-го сентября народъ слѣдуетъ за Шометтомъ и Геберомъ въ Конвентъ. Просьбы ихъ, поддержанныя нѣсколькими ораторами, къ которымъ возвращается въ эту минуту даръ слова, превращены въ декретъ; толпа дефилируетъ передъ собраніемъ. Этотъ день породилъ революціонную армію, за которою послѣдовали революціонный трибуналъ и гильотина.

До сихъ поръ терроръ былъ государственной тайной нѣсколькихъ человѣкъ,—въ этотъ день онъ перенесенъ на мостовую кликомъ отчаянія. Отъ него получаетъ онъ свое освященіе,—онъ популяренъ, онъ царствуетъ.

Нетерпѣніе народа не позволяло болѣе медлить съ казнью Маріи-Антуанетты. Процессъ ея, начатый 14-го октября, былъ оконченъ черезъ два дня. Марія-Антуанетта не скрывала презрѣнія къ своимъ судьямъ. Отправляясь на казнь, она знала, что увлекаетъ за собою жирондистовъ, уже обреченныхъ на ту же участь. Это

могла показаться ей началомъ справедливаго возмездія. Обернувшись назадъ, она могла бы видѣть всѣхъ вождей революціи всходившими вслѣдъ за ней по тѣмъ же окровавленнымъ ступенямъ того же эшафота. Ей нечего было желать мщенія, потому что эту заботу взяли на себя сами враги ея.

Отчего революція была такъ безжалостна къ женщинамъ? Въ такомъ числѣ ихъ не видѣли на ступеняхъ эшафота со временъ римскаго міра. Не говоря уже о справедливости, ничто не могло быть болѣе лишено политическаго смысла. Но революція вводила равенство; несчастіе или невѣжество было причиною того, что она заявила себя прежде всего равенствомъ казней.

По установившемуся уже обычаю, якобинскія депутаціи являются съ требованіемъ казни жирондистовъ. При этомъ повторяется то же, что говорилось противъ Людовика XVI. Водворенію обѣщаннаго благополучія замедляютъ только обвиненные. Какъ только они умрутъ, сейчасъ же настанетъ золотой вѣкъ,—таково заключеніе всѣхъ рѣчей.

Комитеты рѣшили, что никто изъ заключенныхъ не будетъ преданъ суду *).

Робеспьеръ и Шабо сперва желали смерти только Бриссо и Жансоне. Послѣ этихъ двухъ казней они думали остановиться,— такъ плохо разсчили они сами тотъ путь, на который вступали. Но хладнокровно разсмотрѣвъ вопросъ, они нашли весьма естественнымъ продолжить въ томъ же духѣ. Эта первая капля пролитой крови открыла большую артерію. Громадность жертвы перестала страшить Робеспьера.

Какая разница между нимъ и Дантономъ, заболѣвшимъ отъ горести и повторявшимъ съ отчаяніемъ: „Я не могу ихъ спасти!“ Это слезы Титана о врагахъ своихъ. Среди систематиковъ, его окружавшихъ, Дантонъ оставался человѣкомъ.

Процессъ жирондистовъ обнаружилъ совершенное отсутствіе заговора, въ которомъ ихъ обвиняли. Ихъ погубило возстаніе Вандеи, Ліона, Тулона, и въ особенности простое желаніе думы отомстить жирондистамъ за ихъ презрѣніе къ ней. Показанія Шометта, Гебера, Шабо были безконечными филиппиками. Жирондистовъ упрекали въ томъ, что они пробовали защищаться. Почему же имъ было не попробовать? Вѣдь еще не было признано, что судъ только комедія, и что всякій великій обвиненный долженъ идти на казнь безмолвно. Попытаться стоило. Верньо, Жансоне собирались съ силами для послѣдняго боя. Но величайшее преступленіе ихъ заключалось въ томъ, что они краснорѣчивы. Послѣ трехъ дней, прошедшихъ въ допросахъ, пренія поспѣшно были закрыты.

Отнять слово у жиронды—значило какъ бы отрѣзать языкъ

*) „Я узналъ это отъ Камбона“. Неизданныя записки Бодо.

Цицерону, прежде чѣмъ лишить его жизни. Пока жирондисты не были еще осуждены на молчаніе, они питали тайную надежду: они разсчитывали на какой-нибудь быстрый оборотъ общественнаго мнѣнія, чудесно совершенный Верньо, — такъ полны были они вѣрой въ силу слова! Закрывъ уста жирондистамъ, трибуналъ отнялъ у нихъ больше, чѣмъ жизнь: онъ отнялъ у нихъ возможность апеллировать къ потомству. Имъ, трибунамъ безъ народа, ораторамъ безъ слова, оставалось только одно — иронія; они были самые безоружные изъ людей. Не ихъ судьба рѣшила судьбу ихъ враговъ. Безмолвныя казни, безъ завѣщаній, безъ защиты, стали участью всѣхъ революціонеровъ.

Когда смертный приговоръ былъ объявленъ, Валазе поразилъ себя кинжаломъ. Остальные осужденные не могли долѣе сдерживать своего презрѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ бросили народу деньги и возбудили этимъ только гнѣвъ его. Они возвѣстили свою участь пѣніемъ, которое должно было окончиться только вмѣстѣ съ ихъ жизнью. Въ этомъ насмѣшливомъ пѣніи не слышалось никакой надежды. Они торопились умереть; они нетерпѣливо желали выйти изъ жизни, какъ изъ ловушки. Иронія и отчаяніе — вотъ отличительныя черты смерти жирондистовъ.

По тщеславію ли, какъ утверждаютъ нѣкоторые, или по возвышенности сердца, жирондисты необыкновенно ясно предчувствовали будущее рабство. Проницательнымъ взоромъ они видѣли порабощенное потомство деспота, господствующаго надъ всѣмъ: они торжествовали, что избѣгаютъ казнью тѣла казни души. Это отражается во всемъ ихъ процессѣ, — въ насмѣшкахъ Дюко, въ размышленіяхъ Верньо, въ задумчивомъ молчаніи Бриссо.

Наконецъ изъ тюремнаго двора выѣхали пять телѣгъ, на которыхъ везли на эшафотъ двадцать одного жирондиста: Бриссо, Верньо, Жансонне, Дюперре, Карра, Гардіэна, Дюпра, Силлери, Фоше, Дюко, Фонфреда, Ласурса, Бове, Дюшателя, Менвьеля, Лаказа, Легарди, Буало, Антибуля, Вижe. Окоченѣлый трупъ Валазе находился между ними. Онъ былъ подвезенъ къ гильотинѣ и, не будучи обезглавленъ, получилъ отъ палача позволеніе на похороны. Послѣ этой рѣзни взоры толпы въ одинъ день привыкли къ гекатомбамъ. Что бы ни случилось, уже ничто не могло болѣе ни изумить толпу, ни привести ее въ негодованіе. Терроръ растворилъ свои тріумфальныя ворота: для смерти открылись широкій путь и неограниченное раздолье.

Послѣ жирондистовъ, въ свою очередь, стремится въ пропасть смерти г-жа Роланъ. Вотъ она, въ бѣломъ платьѣ, въ голубомъ поясѣ, съ повеселѣвшимъ лицомъ, бѣжитъ навстрѣчу узникамъ въ Консьержери и возвѣщаетъ имъ насмѣшливымъ движеніемъ, что для нея настаетъ конецъ трагикомедіи. Она смѣется, подобно жирондистамъ, смѣхомъ отчаянія. Она рада покончить съ напрасными

мечтаніями, рада не видѣть болѣе торжества того, что ей ненавистно или презрѣнно. Что бы ни говорили, но это не одна только радость влюбленнаго сердца, стремящагося соединиться съ умершимъ другомъ. Г-жа Роланъ любила меланхолическаго и смѣлаго Бюзо. Но это ничего не доказываетъ: она любила его небесною любовью, подобно героинямъ Корнеля. Какъ хорошо было бы скрыть эту тайну отъ всѣхъ и умереть, не обнаруживъ ее ни передъ кѣмъ! Святая женщина такъ бы и поступила; но въ Роланъ было больше героизма, чѣмъ святости. Строгая въ дѣйствіяхъ, она считала себя въ правѣ свободно располагать своими мыслями. Тайна ея обнаружилась сквозь тюремныя рѣшетки Аббатства и Сенъ-Пелажи. Письма ея къ Бюзо найдены и лежатъ передъ глазами потомства. Г-жа Роланъ, какъ атлетъ, задалась задачею побѣдить свою страсть, не переставая питать ее. Она вовсе не думала уничтожить ее. Ей казалось достаточнымъ побѣдить себя, не прибѣгая къ самоуничтоженію.

Въ этомъ отношеніи г-жа Роланъ апеллируетъ къ будущему: она заставляетъ потомство присутствовать при борьбѣ своего израненнаго сердца, изъ котораго струится кровь, какъ на аренѣ цирка. Кто будетъ ея судьею?

Безпристрастная критика должна по крайней мѣрѣ принять въ разсчетъ уединеніе, тюремную экзальтацію, воздвигнутый эшафотъ, отчаяніе, всюду присутствующую смерть, и, можетъ быть, также заразительное краснорѣчіе Новой Элоизы, отъ подражанія которой не всегда избавляются самыя правдивыя души. Возможно ли допустить, что г-жа Роланъ говоритъ сознательно, когда воображаетъ себя созданною для наслажденій и романическихъ страстей? Не она ли первая ошибается въ самой себѣ?..

Для Бюзо ли одѣвается г-жа Роланъ въ свое бѣлое платье? Для него ли улыбается она на своей телѣгѣ? Нѣтъ, въ этой улыбкѣ всего больше выражалась радость избавиться посредствомъ эшафота отъ низости и угнетенія.

Говорятъ, что, подступивъ къ подножію гильотины, она спросила перо и чернила, чтобъ писать. Пришла ли ей въ голову какая-нибудь внезапная мысль? Открыла ли ей смерть, на порогѣ которой она стояла, будущее? Желала ли она оставить потомству слово? Кто осмѣлится поставить свою догадку на мѣсто этого вѣчнаго молчанія? Она привѣтствовала гипсовую статую свободы словами: „О свобода, какъ насмѣялись надъ тобой!" Быть можетъ, она хотѣла сказать слово прощенія; но нѣтъ: она должна была умереть съ негодованіемъ, какъ и жила.

Роланъ, узнавъ о смерти своей жены, пронзилъ себя шпагой.

Смерть Бальи была наиболѣе безропотна и возбуждала наибольшее сожалѣніе. Онъ принялъ клятву въ Jeu de Paume, память объ этомъ должна бы, казалось, укрыть его отъ всякой ненависти. Но

[illegible] помнили только о рѣзнѣ на Марсовомъ полѣ, и эшафотъ воздвигался для него два раза: сначала на площади Братства, потомъ (когда народъ сталъ говорить, что кровь Бальи осквернитъ это мѣсто) — во рвахъ около Сены. Бальи, со связанными назадъ руками, среди криковъ толпы, присутствовалъ при долгихъ приготовленіяхъ къ своей казни. Ясное спокойствіе ни на минуту не оставляло этого мудреца. „Ты дрожишь, Бальи?" — „Да, мой другъ, отъ холода". Наконецъ приходитъ палачъ; послѣ такой продолжительной агоніи казнь могла показаться милосердіемъ.

Между тѣмъ жирондисты, покинувшіе Парижъ, прочли на дверяхъ гостиницы, въ которой они жили въ Канѣ, приказаніе арестовать ихъ; надо бѣжать. Куда? Какимъ образомъ? Вся Франція враждебно смотрѣла на нихъ. Одно мѣсто, быть можетъ, остается имъ вѣрнымъ, — это Жиронда. Какъ пройти эти сто пятьдесятъ миль, на протяженіи которыхъ на каждомъ шагу всѣ взоры будутъ обращены на нихъ? По неожиданному счастью, батальонъ бретонскихъ волонтеровъ возвращается въ Бретань. Одиннадцать жирондистовъ, переодѣвшись волонтерами, идутъ въ рядахъ батальона. Но достаточно ихъ конвою сказать одно слово — и они пропали. Они остаются одни. Бродя по деревнямъ, всюду встрѣчая угрозы, они слышатъ за собою крики: „Вотъ они!" Чудомъ приходятъ они въ Кемперъ и прячутся въ окрестномъ лѣсу. Купеческій корабль принимаетъ ихъ. Претерпѣвъ тысячи опасностей, они высаживаются, наконецъ, на берегъ этой милой Жиронды, гдѣ друзья примутъ ихъ съ распростертыми объятіями.

Напрасная надежда! Родная земля отвергаетъ ихъ. Болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, здѣсь отворачиваются отъ нихъ. Ихъ гонятъ изъ одного убѣжища въ другое; чаще всего остаются они безъ крова, зарываются живые въ пещеры, умираютъ съ голода — и женщины показываютъ себя въ отношеніи ихъ безчеловѣчнѣе, чѣмъ мужчины; хуже этого ничего еще не было со временъ императоровъ. Казалось, родъ человѣческій палъ еще ниже, чѣмъ во времена Тацита. Впрочемъ, встрѣчались также и великодушные люди, какъ, напримѣръ, г-жа Буке, открывшая свой домъ изгнанникамъ, и отецъ Гюаде, осмѣлившійся принять своего сына.

Талльенъ и комиссары монтаньяровъ преслѣдуютъ ихъ, какъ дикихъ звѣрей. Направляютъ пушки на тѣ убѣжища, въ которыхъ разсчитываютъ найти ихъ. Они достигаютъ пещеръ Сентъ-Эмиліона, — голодъ гонитъ ихъ отсюда. Они разлучаются другъ съ другомъ, но всѣ дороги, ими избранныя, ведутъ къ смерти. Гюаде, Салль, Валади взяты и гильотинированы. Барбару стрѣляетъ въ себя изъ пистолета и, раненый, приносится на эшафотъ. Бюзо долго боролся для жизни. Любовь его къ г-жѣ Роланъ, въ особенности надежда мщенія поддерживали его. Но смерть его была еще ужаснѣе. Тѣло его и тѣло Петіона были найдены наполовину растерзанными вол-

ками и собаками. Письма г-жи Роланъ, которыя Бюзо имѣлъ при себѣ, остались цѣлы.

Только одинъ Луве, поддерживаемый любовью, сдѣлалъ чудеса. То пѣшкомъ, то въ телѣгѣ, то въ дилижансѣ, спрятавшись подъ ноги путешественниковъ, онъ проникъ черезъ всю Францію въ Парижъ, во время самаго разгара террора, провелъ тамъ цѣлыхъ мѣсяцъ у своей Лодоиски, снова рискнулъ пробраться чрезъ департаменты, достигъ Юры и мирно жилъ тамъ съ Лодоиской. Въ виду скалъ Мельери чудо страсти, которое показалось бы невозможнымъ даже пламенному воображенію Жанъ Жака.

Кондорсе, укрывшись въ Парижѣ, написалъ свою книгу „Progrès de l'esprit humain“, подъ ножомъ террора, какъ Цицеронъ написалъ свои „Officia“ подъ ножомъ Антонія.

Написавъ послѣднюю страницу своей книги, онъ, конечно, подумалъ, что жизнь его прошла не даромъ, и что не стоитъ болѣе защищать ее: покинувъ убѣжище свое на улицѣ Сервандони, онъ отправился въ окрестности Парижа. Его арестовали и заключили въ тюрьму; но наутро нашли только трупъ его. Онъ умеръ, какъ умирали древніе, одинъ, безъ свидѣтелей, съ равнодушіемъ человѣка, который не отстаиваетъ свою жизнь, не предаетъ ее, но сохраняетъ за собою право предупредить центуріона.

Гражданскій кодексъ Конвента.

(Глава II книги XV, т. II).

Еслибы меня спросили, какой день былъ самый необыкновенный, самый непредвидѣнный во время засѣданій Конвента, я сказалъ бы, что день этотъ былъ 9-ое августа 1793 г. Въ этотъ день вы могли бы подумать, что входите въ другое собраніе, отдѣленное отъ прежняго долгимъ промежуткомъ глубокаго мира. Страхъ, угрозы, гнѣвъ, подозрѣніе, даже чувство раздраженія разомъ исчезли. На мѣсто всего этого снизошли въ сердца и укротили бурю безпристрастный разумъ, высшая справедливость, — такая справедливость, которая и въ самыя счастливыя эпохи рѣдко встрѣчается между людьми. Вмѣсто молчанія страха явилось открытое молчаніе одобренія, сочувствія, не только въ одной партіи собранія, но на всѣхъ скамьяхъ его. Установилось согласіе, котораго еще наканунѣ никто не ожидалъ и о нарушеніи котораго теперь никто не думалъ. Тутъ не было уже ни монтаньяровъ, ни жирондистовъ, ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, ни долины, ни болота. Какъ же совершилось это чудо? Человѣкъ, мало замѣшанный въ политическую борьбу, казавшійся чуждымъ всего его окружающаго, вступилъ на трибуну и положилъ на нее гражданскій кодексъ. Это былъ Камбасересъ. Конвентъ назначилъ три мѣсяца для приготовленія кодекса; но трудъ былъ за-

вершенъ за два мѣсяца до срока. Героизмъ явился въ это время и у юристовъ.

Какою слѣпотою надо быть пораженнымъ, чтобы не признавать удивительнаго величія этой минуты! Всѣ французы потребованы въ армію. Валансьенъ, Конде, Майнцъ возвѣщаютъ приближеніе непріятеля. Онъ перешелъ уже границу, и присутствіе его чувствуется всѣми. Можно подумать, что этому народу осталось жить всего одно мгновеніе. Вдругъ все успокаивается словно волшебствомъ. Всѣ останавливаются. Самые бѣшеные забыли свое наступленіе. И на что же употреблена эта минута успокоенія? На то, чтобы воздвигнуть памятникъ гражданскихъ законовъ.

Собраніе, въ которомъ еще вчера раздавались крики, проклятія, мольбы, отвергнутыя рыданія,—сегодня только безстрастное эхо права, подобно сѣдалищу претора. Народъ, повидимому погибающій, даетъ себѣ законы, которые теперь управляютъ міромъ. Скрижали закона, поистинѣ начертанныя среди молній и грома,— если это не самое величественное въ исторіи, то гдѣ же искать его?

Чтобы довершить контрастъ, хотите ли вы знать, кто предсѣдательствуетъ въ Конвентѣ въ то время, когда образецъ гражданскаго свода дается Франціи и Европѣ? Смотрите! Это Максимиліанъ Робеспьеръ! Онъ стоитъ во главѣ Конвента, онъ — его органъ, его представитель въ то время, когда разсматривается третья глава свода—условія брачныхъ договоровъ, отношенія между родителями и дѣтьми, т. е. важнѣйшія основанія, управляющія французскимъ обществомъ. Максимиліанъ Робеспьеръ отбираетъ голоса объ ихъ формулахъ, которыми гарантированы у насъ навсегда собственность и семейство. Замѣтьте, какъ величаво Робеспьеръ ставитъ вопросы, какъ быстро они разрѣшаются, какъ всѣ встаютъ въ знакъ одобренія, какъ Робеспьеръ провозглашаетъ единогласіе Конвента по каждой изъ этихъ основъ, на которыхъ зиждутся до сихъ поръ всѣ наши имущественныя и общественныя отношенія. Камбасересъ дѣлаетъ предложенія; гора утверждаетъ; Робеспьеръ провозглашаетъ. Нашъ гражданскій сводъ получаетъ жизнь безъ борьбы, безъ оппозиціи, какъ что-то зиждущееся необходимостью, подъ вліяніемъ которой преклоняются всѣ умы и всѣ страсти.

Какимъ же образомъ случилось, что впослѣдствіи гору, Робеспьера, весь Конвентъ прославили разрушителями того гражданскаго порядка, который, напротивъ, былъ ими основанъ? Ихъ дѣло подверглось забвенію. Основанія, положенныя ими, приписаны были другимъ. Этимъ систематическимъ забвеніемъ хотѣли удержать націю въ невѣдѣніи, кому обязана она соціальнымъ своимъ устройствомъ. Исторія Конвента, лишенная самыхъ важныхъ фактовъ (а что можетъ быть важнѣе гражданскаго свода?), обратилась только въ исторію страстей и битвъ, его волновавшихъ.

Ничто не дѣлаетъ столько чести французамъ, какъ то, что

были способны холодно и безстрастно дать себѣ сводъ гражданскихъ законовъ среди самаго безумнаго пожара 1793 г. Это лучше всего показываетъ непобѣдимую энергію французской расы. Нѣтъ ни одного народа, который бы проявилъ такое могущество гражданскаго разума среди крайней опасности смерти. Я не вижу, чтобы римляне сдѣлали что-нибудь подобное. До сихъ поръ говорятъ о томъ полѣ, которое они купили во время занятія его Аннибаломъ. Но что значитъ, въ сравненіи съ этимъ, поле гражданскихъ законовъ, пріобрѣтенное французами въ то время, когда цѣлый міръ почти держалъ ихъ подъ своею пятою?

Такимъ образомъ для нихъ чрезвычайно важно дать себѣ ясный отчетъ въ той минутѣ, когда они положили первую основу своихъ гражданскихъ законовъ. Къ несчастію, нація, столь щекотливая относительно своей чести, позволила отнять у себя свою главную славу, чтобъ облечь этой славой, въ страшный ущербъ самой себѣ, другія времена, другихъ вождей, или, лучше сказать, одного человѣка, который сумѣлъ поставить себя на мѣсто всѣхъ.

Самое существенное въ гражданскомъ сводѣ это основные принципы, общія формулы, отъ которыхъ зависитъ его характеръ. Въ этомъ собственно и заключается творчество. Когда эти великія линіи начертаны, то самые посредственные люди и времена могутъ пополнить пропуски, довершить начатое, окончательно отдѣлать фигуру, вырѣзанную на мраморѣ.

Сравните съ этой точки зрѣнія гражданскій сводъ 1793 г. съ такимъ же сводомъ 1803 г. Вы увидите, что всѣ великія формулы, дающія характеръ законодательству, почти буквально перешли изъ свода Конвента въ сводъ XII года. Сущность того и другого — та же самая. Да и могло ли быть иначе, когда бывшіе юрисконсульты Конвента — Камбасересъ, Трельяръ, Берлье и Мерленъ (изъ Дуэ), Тибодо — воспроизводили свое же дѣло подъ маскою перваго консула? О прежней дѣятельности имъ было велѣно забыть. Перечитайте рѣчи государственныхъ совѣтниковъ и трибуновъ, которые, при первомъ консулѣ, излагаютъ основанія гражданскаго свода. Никогда, или почти никогда, не упоминаютъ они о сводѣ 1793 г., изъ котораго заимствуютъ они всю сущность и душу. Кто бы осмѣлился въ 1803 г. упоминать объ авторитетѣ, знаніи, мудрости законодателей 1793 г.?

Отсюда происходитъ тотъ пробѣлъ, который поражаетъ въ особенности иностранныхъ юрисконсультовъ. Гражданскій сводъ 1803 г. является безъ традицій, безъ прошлаго, безъ всякаго историческаго основанія; онъ кажется чистымъ умозрѣніемъ, вышедшимъ изъ земли по военному приказу великаго полководца. Коллективныя работы учредительнаго и законодательнаго собраній, въ особенности работы Конвента, безъ сомнѣнія, видоизмѣненныя, дополненныя въ подробностяхъ, принесены въ жертву славѣ перваго консула. Въ настоящее

время мы должны найти и воспроизвести первый сводъ, безъ котораго кодексъ 1803 г. кажется статуей безъ пьедестала.

Не слѣдуетъ допускать, чтобы французская нація потеряла свою прекраснѣйшую заслугу; пускай возвратятъ ей то, что было у нея отнято. Никакъ не дозволительно простирать забвеніе до самозабвенія.

Въ Юстиніановскомъ сводѣ лежитъ душа великихъ законовѣдовъ предшествовавшаго времени; тогда не думали стирать ихъ дѣло и ихъ память. Наука самовластія пошла гораздо дальше во время консульства. Въ сводѣ 1803 г. Наполеонъ систематически уничтожилъ слѣды дѣятельности Конвента.

Гражданскіе законы постоянно разрабатывались въ одномъ и томъ же духѣ, во всѣ самыя разнохарактерныя эпохи революціи. Тянулась одна и та же нить, которую ничто не могло порвать; она позволяетъ найти дорогу въ лабиринтѣ. Партіи измѣняются, наслѣдуютъ другъ другу и передаютъ другъ другу эту Аріаднину нить, постоянно одну и ту же, начиная съ фельяновъ и кончая термидорцами.

Положеніе объ актахъ состоянія обязано своимъ существованіемъ Законодательному Собранію (20-го сентября 1792 г.); основанія законовъ о наслѣдствѣ — Учредительному Собранію. Но только въ предсѣдательство Кутона Конвентъ декретировалъ невозвратно равенство въ раздѣлѣ наслѣдства; усыновленіе, принятое въ принципѣ 18-го января 1791 г., было возведено на степень закона въ августѣ 1793 и 16-го фримера III года. Законы о родствѣ, опекѣ, контрактахъ, обязательствахъ обнародованы 23-го фруктидора, 5-го брюмера, 17-го нивоза II года. Такимъ образомъ борьба партій ни въ чемъ не измѣняетъ плана, идеи, духа вновь созидаемаго гражданскаго права. Дѣло подвигалось впередъ тихо, но непрерывно, и уцѣлѣло даже тогда, когда все рушилось кругомъ него. Конвентъ посвятилъ ему шестьдесятъ засѣданій, съ промежутками болѣе или менѣе значительными. Къ предшествующимъ главамъ присоединялись одна за другой послѣдующія, и мирный памятникъ воздвигался среди усиленной на минуту злобы. Подобно тому, какъ бурное море отлагаетъ на дно своего ложа спокойные слои мрамора, такъ и французская революція, въ самыя грозныя свои эпохи, отлагала на дно своего ложа параллельные, симметрическіе, гармоничные пласты гражданскихъ законовъ.

О томъ, что свобода должна быть человѣколюбивою.

(Глава III книги XVII, т. II).

Кто употребляетъ мѣры устрашенія, тотъ осужденъ или употреблять ихъ постоянно, или погибнуть, какъ скоро онъ отъ нихъ откажется. На жестокостяхъ нельзя основать общественной свободы, и вотъ почему: если вы предадитесь жестокостямъ, то должны бу-

дете продолжать ихъ всегда и держать для этого въ своихъ рукахъ неограниченную власть: жестокостью вы возбудите противъ себя и своей системы непримиримую ненависть, чувство мести, скрытую, затаенную злобу, и все это только будетъ ждать случая, чтобъ разразиться. Если вы, постоянно употребляя топоръ или изгнаніе, хоть на одинъ день останетесь безоружными, накопившіяся злоба и чувство мщенія опрокинутся на васъ и уничтожатъ, смѣнивъ вашу тиранію своею. Такимъ образомъ вы принуждены постоянно быть во всеоружіи открытаго или замаскированнаго деспотизма и не можете отступить отъ него иначе, какъ предоставивъ вашимъ врагамъ возможность захватить его въ свои руки. Со своей стороны, враги ваши не могутъ обойтись безъ него изъ боязни, чтобы онъ снова не перешелъ къ вамъ, если вы остались живы, или къ вашимъ единомышленникамъ, если они есть у васъ.

Когда люди привыкли къ системѣ управленія посредствомъ страха, отъ нихъ уже ничего не получишь инымъ путемъ. Оттого-то Директорія и была обречена на безсиліе. Каждый ставилъ ни во что власть, освободившую его отъ террора.

Такимъ образомъ государство осуждено переходить отъ одного террора къ другому до тѣхъ поръ, пока не явится вождь, который, соединивъ въ себѣ всѣ роды власти и тираніи, разобьетъ надежды и понравится обѣимъ партіямъ, подавивъ и ту, и другую. Такова исторія революціи до нашихъ дней.

Говорятъ, что террористы ждали благопріятнаго случая для того, чтобъ покинуть систему террора. Мечта! Эта благопріятная минута никогда бы не наступила. Отказаться отъ своего оружія значило бы для нихъ идти на вѣрную гибель.

Какъ могли террористы обезоружиться и снова появиться на площадяхъ въ качествѣ простыхъ гражданъ? Ихъ непремѣнно въ тотъ же день задушили бы тѣ, которымъ они оставили жизнь. Подъ гнетомъ собственныхъ своихъ дѣйствій они должны были постоянно отдалять минуту милосердія, на которую разсчитывали. Что сказать о системѣ, которая не можетъ ни продолжаться безъ того, чтобъ не износиться, ни прекратиться безъ того, чтобы не погубить своихъ приверженцевъ?!

Одно изъ величайшихъ затрудненій, съ которыми сопряжена свобода, заключается именно въ томъ, что она должна быть гуманной. Она не можетъ пользоваться всѣми средствами, подобно тираніи. Вотъ почему она такъ рѣдко встрѣчается въ мірѣ, вотъ почему такъ мало народовъ достигаютъ ея. Деспотизмъ можетъ располагать двадцатью средствами тамъ, гдѣ свобода располагаетъ только однимъ.

Причина этому та же, по которой добрые люди почти неизбѣжно подчиняются злымъ. Первые пользуются только честными сред-

ствами; тогда какъ вторые могутъ пользоваться и правомъ, и неправдою, смотря по собственной выгодѣ.

Французы должны же, наконецъ, познать самихъ себя. Что они могутъ увидать въ своемъ прошедшемъ? Варѳоломеевскую ночь, отмѣну нантскаго эдикта, сентябрьскія убійства, государственные перевороты, проскрипціи. Все это идетъ изъ одного источника и приводитъ къ одной и той же неизбѣжной развязкѣ — рабству.

Этого-то періодическаго возвращенія однѣхъ и тѣхъ же перипетій надо избѣгать. Но кто отважится сдѣлать первый шагъ? Кто осмѣлится порвать связь съ прошедшимъ? Можемъ ли мы сказать, что вышли изъ стараго порядка, пока нашъ темпераментъ остается прежній? Кто рѣшится отказаться отъ радости мщенія, отъ наслажденія воздѣйствовать тираніею противъ тираніи? Какая партія не побоится стать на эту неизвѣстную для насъ, слывущую у насъ невозможною, почву права и свободы?

Нельзя стремиться къ ней, — говорятъ намъ. Кто пожелаетъ быть только справедливымъ, тотъ сейчасъ же погибаетъ подъ рукою несправедливости. Никто еще не возвратился невредимымъ изъ этой страны чистаго права. Она пожираетъ тѣхъ, которые ввѣряются ей. Это — берегъ, отталкивающій тѣхъ, которые хотятъ пристать къ нему. Это — море, наполненное подводными камнями и чудовищами. Но вѣдь то же самое говорили и объ океанѣ, прежде чѣмъ Христофоръ Колумбъ провелъ по его волнамъ свои корабли. Есть ли между нами Колумбъ, который дерзнетъ проникнуть въ этотъ неизвѣстный міръ права, справедливости, гуманности?

Приготовленія къ 9-му термидора.

(Книга XIX, т. II).

Поразивъ главнѣйшихъ вождей революціи, Робеспьеру, Сенъ-Жюсту и Кутону оставалось только поразить самихъ себя. Они и сдѣлали это 9-го термидора. По мѣрѣ приближенія неизбѣжной катастрофы черная меланхолія овладѣваетъ двумя первыми. Незамѣтно ни малѣйшаго слѣда горделиваго спокойствія, знаменующаго успѣхъ; во всѣхъ ихъ рѣчахъ и самыхъ тайныхъ сочиненіяхъ звучитъ вѣчными отголосками зловѣщее предчувствіе — смерть, могила, кладбище. Мысль о смерти до такой степени сдѣлалась у нихъ обычною, что трудно сказать, кто изъ нихъ заимствовалъ ее у другого.

Они жили уже въ области смерти; они носили ее въ себѣ, дышали ею, распространяли ее повсюду. Какъ они ее торопили для другихъ, такъ предчувствовали ее наконецъ для самихъ себя. Смерть была ихъ совѣтницей и вдохновительницей ихъ успѣховъ. Никогда еще люди не предвидѣли своей гибели такъ ясно; они сгруппировали противъ себя общественное мнѣніе. Они вызывали уныніе даже у самыхъ близкихъ къ себѣ людей.

Положеніе ихъ было отчаянное. Чѣмъ болѣе система Робеспьера обращалась противъ его цѣли, тѣмъ болѣе онъ упорствовалъ въ своей системѣ. Не замѣчая, что система никуда не годится, онъ воображалъ, что надо усилить терроръ закономъ 22-го преріаля и умертвить террористовъ; онъ далъ себѣ слово исполнить это. Онъ не зналъ, что дѣлать, а упорство не позволяло ему перемѣнить систему даже тогда, когда онъ видѣлъ, что заблуждается. Играть въ одно и то же время роль Марія и Суллы — значитъ не быть ни тѣмъ, ни другимъ.

Противъ ежедневныхъ неудовольствій и возраставшаго террора Робеспьеръ искалъ убѣжища въ идеѣ *добродѣтели*, заимствованной у стоиковъ и у Руссо. Ему удалось увѣрить себя, что все препятствующее ему есть произведеніе порока, и что война, которую онъ поддерживаетъ эшафотомъ, есть война добродѣтели противъ преступленій. Если мы желаемъ быть справедливыми, то должны признать, что съ помощью софизмовъ и гордости Робеспьеръ не только успокоилъ свою совѣсть, но даже окружилъ ее ореоломъ крови, сквозь который никогда не проникало сомнѣніе. Чѣмъ болѣе приближался онъ къ развязкѣ, тѣмъ болѣе превращался для него политическій вопросъ въ вопросъ нравственный. Уединившись въ область того, что называлъ онъ добродѣтелью, онъ считалъ за ничто человѣческія жертвы, которыя должны были, по его мнѣнію, приготовить царство добродѣтели. Потерявъ голову въ этомъ кровавомъ туманѣ, онъ думалъ уже не объ освобожденіи народа, но о томъ, чтобы сдѣлать то, что несовмѣстно съ природой человѣка.

Въ этотъ послѣдній періодъ старыя названія партій измѣнились для Робеспьера: въ его глазахъ существовало только одно различіе между людьми *нравственными* и *безнравственными*. Послѣдніе должны исчезнуть съ лица земли. Таковы были взгляды его, укрѣпившіеся по мѣрѣ приближенія смерти.

Онъ требовалъ истребленія безнравственныхъ людей съ удивительнымъ спокойствіемъ, думая уничтожить въ нѣсколько лѣтъ вѣковые пороки посредствомъ чародѣйства террора. Друзья Дантона, пережившіе его, повторяли, что „если дать волю Робеспьеру и Сенъ-Жюсту, то отъ Франціи скоро останется только Ѳиваида человѣкъ въ двадцать политическихъ траппистовъ“.

Всѣ признаютъ, что Робеспьеръ слишкомъ уже довѣрилъ эшафоту заботу бороться за него; въ эти послѣдніе, предсмертные дни онъ скрывался даже отъ своихъ въ уединенныхъ прогулкахъ, о которыхъ знали только самые приближенные къ нему люди. Онъ упражнялся въ стрѣльбѣ изъ пистолета въ отдаленномъ саду и, говорятъ, пріобрѣлъ довольно большой навыкъ обращаться съ этимъ оружіемъ, какъ будто дѣло шло о дуэли съ однимъ человѣкомъ, а не съ цѣлымъ міромъ! Часто слышали, какъ сожалѣлъ онъ о томъ.

что не вступилъ въ армію по окончаніи сессіи Учредительнаго Собранія и не научился военному искусству.

Многіе предполагаютъ, что онъ начиналъ предвидѣть господство военнаго деспотизма и потому сожалѣлъ, что не могъ однимъ ударомъ разрубить гордіевъ узелъ, въ который запутался. Я думаю, что честолюбіе его стремилось не въ эту сторону. Во всякомъ случаѣ, слишкомъ уже поздно было думать объ этомъ.

Утверждаютъ также, что онъ тратилъ цѣлые часы на любовь къ дочери своего хозяина. Дюпле, и нѣкоторые писатели рисуютъ блестящія романическія картины этихъ домашнихъ сценъ.

На самомъ же дѣлѣ, эта молодая дѣвушка преклонялась предъ нимъ, и онъ позволялъ ей боготворить себя; не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы любовь могла заставить его забыть хотя на одну минуту объ его ненависти и подозрѣніяхъ.

Едва ли можно предполагать, что этой молодой Леонорѣ удавалось порой расправить морщины на судорожномъ лицѣ Робеспьера. Увѣряютъ, что онъ хотѣлъ жениться на ней, но этотъ неопредѣленный планъ не смягчилъ бы ни на часъ его сердца; счастье не входило ни на минуту въ его душу, цѣликомъ преданную политическимъ тревогамъ.

Впрочемъ, кто знаетъ, какъ далеко увлекало его воспоминаніе объ Эмилѣ Руссо въ лавкѣ столяра Дюпле? Эта лавка была убѣжищемъ политическихъ страстей. Честный Дюпле отецъ очень рано оставилъ свои инструменты и пошелъ отправлять ужасныя обязанности присяжнаго въ революціонномъ трибуналѣ. Племянникъ его, Симонъ Дюпле, отправился въ армію въ 1792 г. Первымъ пушечнымъ выстрѣломъ ему оторвало ногу, онъ вернулся на деревяшкѣ и служилъ секретаремъ у Робеспьера. Жена Дюпле и его двѣ дочери охраняли безопасность Робеспьера; онѣ допрашивали подозрительныхъ посѣтителей, и бдительность ихъ никогда не была обманута. Такая преданность достаточно доказываетъ, какъ искрененъ и заразителенъ былъ фанатизмъ Робеспьера. Среди этихъ простодушныхъ людей онъ воображалъ, что тутъ обитель добродѣтели, и что онъ осуществляетъ въ частной жизни тѣ начала, которыя хотѣлъ предписать Франціи. Это маленькое честное общество не только не могло смягчить его,—напротивъ, оно утверждало его въ мысли объ истребленіи людей порочныхъ. Видя, какъ улыбались простодушныя женщины Дюпле среди струговъ, пилъ и другихъ инструментовъ Эмиля, онъ увѣрялъ себя болѣе и болѣе, что онъ выполняетъ завѣщаніе Руссо. Могъ ли онъ считать себя виновнымъ въ злодѣйствахъ, могъ ли замѣтить каплю крови на своихъ рукахъ, когда дочь столяра, тихое, невинное, непорочное созданіе принимаетъ его на порогѣ и называетъ спасителемъ? Она для него была гласомъ народа, гласомъ хижинъ. Еслибъ какъ-нибудь и за-

кралиеь въ его душу сомнѣнія, достаточно было ея одной, чтобы возвратить ему полную самоувѣренность.

Такимъ образомъ то, что смягчило бы сердце другого человѣка, для Робеспьера служило только поводомъ къ большему упорству въ его первоначальныхъ рѣшеніяхъ.

Женщины Дюплэ своею невинностью и даже своею нѣжностью доставляли ему убѣжище противъ угрызеній совѣсти. Еще нѣсколько мѣръ строгости—казалось ему—и народъ осуществитъ типъ Эмиля и Юліи Руссо.

II.

Канунъ 9-го термидора.

Развязка приближалась. Какъ всегда случается во время роковыхъ кризисовъ, всѣ принимали мѣры предосторожности, исключая того, кто долженъ былъ погибнуть. Заговоръ составился только между врагами Робеспьера. Они дѣятельно готовились къ послѣдней борьбѣ: одни разсчитывали на помощь кинжала, другіе—на возстаніе въ Конвентѣ. Тѣхъ, кого страхъ удалялъ изъ собранія, Колло д'Эрбуа убѣждалъ явиться туда. Онъ смягчалъ свой голосъ; этотъ страшный комедіантъ показывалъ, что онъ также умѣетъ улыбаться. Съ помощью нѣкоторыхъ другихъ онъ собиралъ большое стадо трусовъ и гналъ его въ засѣданія, предоставленныя почти однимъ оффиціальнымъ чтецамъ военныхъ извѣстій. Всѣ считали себя счастливыми, что могутъ наполнить подробностями и торжествомъ побѣдъ мрачные часы, въ которые было опасно не только говорить, но даже молчать. Никто не зналъ вполнѣ, что приготовлялось.

Въ это время Робеспьеръ не оставался безъ предупрежденій. Даже изъ Вандеи генералъ Дюфрессъ присылалъ ему для этой цѣли своего адъютанта. Безпокойство начало проникать и въ семейство Дюплэ. Но ничто не извлекаетъ Робеспьера изъ его бездѣятельности. Между тѣмъ какъ враги его волнуются, сосредоточиваются во мракѣ, онъ хвалитъ себя за то, что не принимаетъ никакихъ предосторожностей. Кромѣ жалобъ въ клубѣ якобинцевъ, произносимыхъ какъ будто бы съ тѣмъ, чтобы заранѣе оледенить его приверженцевъ, онъ ничего не предпринимаетъ, все оставляетъ на волю случая. Не сообщено никакого приказа агентамъ его въ кварталахъ, не дано никакой инструкціи думѣ, которая такъ слѣпо была предана ему и готова была броситься въ бой по первому его слову. На случай первой неудачи, не было условлено мѣсто собранія. Смертный плачъ, какъ на погребальномъ кострѣ, наполняетъ эти послѣдніе дни и замѣняетъ собою и приготовленія, и энергію. Что это—

сомнѣніе, безпечность, слабость? Все вмѣстѣ взятое. Или скорѣе, кто повѣритъ этому? — Робеспьеръ занятъ былъ въ это время, какъ никогда. Онъ воздвигалъ укрѣпленіе; за стѣнами этого укрѣпленія онъ думалъ укрыть свое дѣло, своихъ друзей, свою память и свое счастье. Онъ работалъ надъ нимъ безостановочно. Этимъ неприступнымъ укрѣпленіемъ былъ... проектъ рѣчи! Говорятъ, что, вынашивая и выглаживая его, онъ безпрестанно уходилъ въ самыя уединенныя мѣста, иногда въ лѣсъ Монморанси, и взывалъ къ тѣни Ж.-Ж. Руссо подъ густыми деревьями, вдохновлявшими учителя.

...8-ое термидора наступило. Робеспьеръ, въ платьѣ такого же небесно-голубого цвѣта, какъ и на праздникѣ Верховнаго Существа, отправляется къ собранію. Его сателлиты были разсѣяны по дорогѣ такимъ образомъ, чтобы никто этого не могъ замѣтить. Онъ садится возлѣ Майля, на свое обыкновенное мѣсто, на скамьѣ непосредственно ниже горы. Неизвѣстно, принятъ ли былъ онъ съ обыкновеннымъ почетомъ; я охотно вѣрю, что нѣтъ.

...Барреръ возвѣщаетъ взятіе Антверпена. Робеспьеръ показывается на трибунѣ; среди общаго смущенія онъ развертываетъ огромную рукопись.

Робеспьеру шелъ тогда тридцать пятый годъ, но казалось — онъ никогда не былъ молодъ. Голову онъ закидывалъ назадъ, словно удавъ, поднимающійся изъ-подъ ноги, которая на него наступила. Голова эта привлекала сперва вниманіе только своей неподвижностью: первымъ впечатлѣніемъ, производимымъ ею, была сухая строгость законника. За очками, которыя онъ носилъ, не видно было его взора. Усталые глаза его бросали только мигающій полулучъ и то лишь тогда, когда въ нихъ загорался гнѣвъ. Сжатые виски и лобъ, не дававшіе простора великимъ мыслямъ, приподнятый носъ, слишкомъ большой ротъ, маленькія сжатыя губы, невыносимо притворная улыбка, когда онъ хотѣлъ ею прикрыть свои замыслы, мертвенный цвѣтъ лица, судорожныя щеки — весь видъ его изобличалъ постоянное усиліе, недовѣріе, волю, логику, но вовсе не кровожадность дикаго звѣря, какъ говорили. Характеръ этой физіономіи заключается въ отсутствіи преобладающей черты. Только внутренняя воля, систематичность освѣщали отраженнымъ свѣтомъ эту геометрическую фигуру, въ которую не проникали ни страсть, ни темпераментъ. Надо имѣть слишкомъ послушное воображеніе, чтобъ прочесть на этомъ лицѣ мракъ террора, который его окружаетъ.

Рѣшившись на этотъ разъ скрыть гордость и выказать только горесть общественнаго дѣятеля, Робеспьеръ успѣлъ въ этомъ въ началѣ своей рѣчи. Онъ выставляетъ себя не просителемъ (надо признаться, что до этой роли онъ никогда не спускался), но человѣкомъ, несправедливо гонимымъ; онъ укрывается въ Конвентѣ, чтобы найти тутъ скорѣе утѣшеніе, чѣмъ пристанище противъ за-

ся. Если онъ его боится, такъ это — внушаетъ страхъ. Съ этой минуты видно, что онъ не изъ великаго поколѣнія Маріевъ: онъ совершенно отстраняетъ себя отъ отвѣтственности за терроръ, который онъ производитъ; онъ жалуется на то, что его отождествляютъ съ революціоннымъ трибуналомъ, словно не въ этомъ послѣднемъ его сила въ глазахъ его приближенныхъ. Защита ловкая, но лишенная величія и умаляющая его, отнимающая у него то страшное могущество, которымъ онъ окруженъ. Гдѣ же надѣется онъ скрыться, если перестанутъ его бояться? Онъ выражаетъ это ясно; онъ показываетъ, гдѣ его надежды, льстя партіи долины, напоминая, что онъ спасъ 73 жирондистовъ, и взывая въ особенности къ честности, которую, казалось, онъ отождествлялъ съ ними. Для нихъ находитъ онъ слова мира, улыбки и даже ласки; онъ, очевидно, обманутъ этимъ долгимъ молчаніемъ, этимъ нѣмымъ усердіемъ и этой услужливостью, готовой слѣдовать за нимъ съ поникшей головой во всѣхъ его ужасахъ. Довѣріе къ долинѣ обличаетъ въ немъ недостаточное знаніе человѣческой природы; такая ошибка непоправима. Онъ думалъ, что оскорбленія прощаются съ теченіемъ времени, что партіи забывчивы, — и этимъ самымъ отдался въ руки наиболѣе закоренѣлыхъ враговъ своихъ, вообразилъ, что нелюбовь ихъ должна быть меньше, потому что она старѣе.

Высказавъ такимъ образомъ въ первый разъ мягкость и нѣжность, онъ скоро утомляется такимъ притворствомъ. Онъ думаетъ, что достаточно обезпечилъ себя со стороны тѣхъ, которыхъ удостоилъ ласки, — и снова показывается въ обыкновенномъ своемъ видѣ. Онъ обращается противъ революціонеровъ и на нихъ вымещаетъ свою ненависть. „Преступный союзъ интригуетъ въ средѣ самаго Національнаго Конвента; надо наказать измѣнниковъ". Разъ попавъ на эту тему, онъ уже болѣе не принадлежитъ себѣ, онъ развиваетъ ее, по своему обыкновенію, черезъ мѣру. Онъ обвиняетъ комитетъ общественнаго спасенія, комитетъ общественной безопасности и, въ темныхъ выраженіяхъ, Барера, Карно, Колло, Бильо-Варенна. Затѣмъ гнѣвъ и темпераментъ увлекаютъ его за предѣлы всякой осторожности, — и онъ называетъ плутами Камбона, Малармэ, Рамеля. Такимъ образомъ полуобѣщанія, высказанныя имъ въ началѣ рѣчи, были только ораторскою уловкою. Можно ли не опасаться человѣка, который такъ плохо владѣетъ своею ненавистью, что не можетъ воздержать ее даже на минуту, даже въ рѣчи, каждое слово которой онъ такъ долго взвѣшивалъ и разсчитывалъ?

Тогда тѣ, которыхъ онъ успокоивалъ, содрогнулись такъ же, какъ и тѣ, которымъ онъ угрожалъ. Всѣ одинаково чувствовали себя подъ сѣкирой. Неопредѣленная надежда на прекращеніе террора, которую нѣкоторые продолжали еще хранить, тотчасъ исчезла. „Назовите тѣхъ, которыхъ вы обвиняете!" — раздается одинъ голосъ. Робеспьеръ, чтобы не ограничивать своихъ угрозъ, отказывается

называть кого бы то ни было. Обвиненіе виситъ надъ всѣми, омрачая долины.

Могильный тонъ, предчувствіе смерти, примѣшивающіеся къ каждому слову Робеспьера, могутъ предвѣщать только новыя трагедіи. Развѣ такъ приносится миръ? Это - завѣщаніе, запечатанное кровью жертвъ, каковы бы онѣ ни были. Вотъ что думалъ каждый во время рѣчи Робеспьера. (Далѣе Кинэ излагаетъ тѣ же подробности, какія находятся у Минье. Конвентъ сначала соглашается напечатать рѣчь, но потомъ Камбонъ бросаетъ въ лицо Робеспьеру обвиненія, - это ободряетъ Конвентъ. Робеспьеръ находитъ нужнымъ оправдаться,—Конвентъ снова вотируетъ вопросъ о напечатаніи рѣчи. Во время голосованія Робеспьеръ стоитъ на своемъ мѣстѣ, гордый еще; онъ ищетъ глазами тѣхъ, кто осмѣлился сопротивляться ему прямо. Собраніе постановляетъ декретъ о ненапечатаніи рѣчи; это первое сопротивленіе такъ потрясаетъ Робеспьера, что онъ падаетъ на свою скамью и съ подавленнымъ вздохомъ произноситъ: „Я погибъ!" Фразу эту слышатъ его сосѣди и торопятся передать другъ другу).

VI.

Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ, по смерти Дантона, постоянно оскорбляли его память, какъ будто бы онъ еще стоялъ передъ ними и могъ отвѣчать имъ.

Великое посмертное преступленіе, которое они взводили на него, заключалось въ томъ, что никто не осмѣлился защищать его. Имъ было суждено испытать ту же участь. Никто изъ столькихъ людей, превозносившихъ ихъ до небесъ, не поднялся за нихъ; прошло сорокъ лѣтъ, прежде чѣмъ кто-нибудь принялъ на себя трудъ пересмотрѣть ихъ процессъ передъ судомъ исторіи.

Послѣ этого долгаго промежутка времени явились защитники Робеспьера и Сенъ-Жюста. Впадая въ другую крайность, они пожертвовали всѣми людьми революціи *якобинскому тріумвирату*. Не нашлось ни одного чистаго и безупречнаго человѣка въ сравненіи съ тремя героями якобинской легенды; я ошибаюсь, говоря: *легенды*, потому что этотъ предразсудокъ не поддерживался народною памятью. Народная память оставалась ему чуждою; онъ появился спустя сорокъ лѣтъ послѣ событій, какъ результатъ науки, системы, т. е. всего того, что наиболѣе противно народному творчеству.

Замѣчая, что французская революція не осуществила міровыхъ надеждъ, ею возбужденныхъ, нѣкоторые умы пришли къ мысли, что все зло произошло отъ паденія Робеспьера; они стали думать, что Робеспьеръ приближался къ цѣли въ то самое время, когда его

свергли. Сдѣлай онъ еще нѣсколько шаговъ на этомъ пути—и справедливость, по ихъ словамъ, воцарилась бы на землѣ.

Правда, Робеспьеръ никогда столько не говорилъ о добродѣтели, нравственности, справедливости, о всемірномъ благополучіи, какъ въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, — потому ли, что политика все болѣе и болѣе ускользала отъ него, или потому, что предчувствіе смерти придало его словамъ и его мысли непривычную возвышенность.

Это чисто нравственное завѣщаніе ослѣпило его учениковъ, явившихся въ другомъ вѣкѣ; они приходили въ отчаяніе при мысли о томъ, что это видѣніе всемірной справедливости и блаженства не осуществилось на землѣ только благодаря капризу обстоятельствъ.

Взвѣсьте поодиночкѣ всѣ ошибки Робеспьера, не говоря уже о казняхъ, —и вы, напротивъ, увидите, что едва ли когда-нибудь катастрофа была болѣе неизбѣжна. Робеспьеръ и приверженцы его зашли такъ далеко, что было одинаково невозможно спасти ихъ систему и ихъ самихъ. Они шли къ безднѣ съ закрытыми глазами; потерянные заранѣе, они погибли безъ защиты.

Система, вслѣдствіе которой въ послѣдніе мѣсяцы отрублено было тысяча четыреста головъ въ одномъ Парижѣ, — такая безумная система не могла найти себѣ поддержки. Она шла совершенно наперекоръ принципамъ террористическихъ правительствъ, которыя обыкновенно стараются поразить своихъ враговъ однимъ сильнымъ ударомъ и поразить въ самомъ началѣ. Тутъ же, напротивъ, варварство увеличивалось съ каждымъ днемъ, и государственная мудрость была оскорблена точно такъ же, какъ и человѣколюбіе.

Утромъ 8-го термидора Робеспьеръ находился еще подъ вліяніемъ иллюзіи, присущей всѣмъ политическимъ ораторамъ, которые управляютъ народомъ посредствомъ собранія и собраніемъ посредствомъ слова. Эти люди видятъ, наблюдаютъ, боятся только людей, которые говорятъ. Это единственные противники, которые не даютъ имъ спать. Что касается молчаливыхъ заговорщиковъ, —они смотрятъ на нихъ, какъ на своихъ союзниковъ или людей нейтральныхъ. Робеспьеру слѣдовало бы знать, что тотъ, кто возбуждаетъ трепетъ, долженъ возбуждать его постоянно.

По отношенію къ Робеспьеру люди были связаны исключительно страхомъ; эта связь нарушается, какъ только онъ апеллируетъ къ ихъ сочувствію. Это законъ вѣчной логики. Тутъ нечему удивляться, не о чемъ и горевать.

Послѣ пораженія своего утромъ 8-го термидора Робеспьеръ, будь онъ человѣкомъ дѣйствія, могъ бы въ ночь съ 8-го на 9-ое термидора окружить залу Конвента, арестовать на скамьяхъ главнѣйшихъ народныхъ представителей, бросить имъ въ глаза обвиненіе въ заговорѣ, объявить въ Парижѣ, что надо спасти республику отъ плановъ заговорщиковъ, составить постановленіе, вслѣдствіе котораго

онъ былъ бы провозглашенъ диктаторомъ. Онъ могъ бы, принявъ эти мѣры, увлечь за собою большинство Конвента. Планы подобнаго рода, серьезно обдуманные, часто увѣнчиваются успѣхомъ. Но для этого нужно было вечеромъ 8-го числа не убѣждать якобинцевъ, а вооружить ихъ, арестовать комитетъ общественнаго спасенія, окружить себя воспитанниками Марсовской школы, собрать преданные кварталы, обезоружить и парализовать остальные, заключать въ тюрьмы, убивать, изгонять, удивлять,—и все это разомъ, внезапно. 9-го термидора обезсиленный и укрощенный Конвентъ провозгласилъ бы Робеспьера непорочнымъ, мудрымъ, спасителемъ и узаконилъ бы противъ воли его диктатуру.

Вотъ слабый, правда, шансъ успѣха, открывавшійся вмѣсто эшафота, отчего Робеспьеръ не попробовалъ воспользоваться имъ? Потому что предпріятія подобнаго рода приготовляются издали, а Робеспьеру никогда не приходило въ голову употребить военную силу для своего возвышенія. Послѣ столькихъ попытокъ достигнуть неограниченной власти—оставалось только овладѣть ею или погибнуть.

Робеспьеръ поставилъ себя въ самое ужасное положеніе: оно не давало ему иной возможности спастись, какъ посредствомъ принциповъ, противоположныхъ его собственнымъ, и посредствомъ способностей и пороковъ, которыхъ ему недоставало. Въ концѣ концовъ обнаружилось, что Робеспьеръ не былъ тѣмъ человѣкомъ, какимъ его воображали. Его, неспособнаго къ дѣйствію, хотѣли заставить дѣйствовать, т. е. поступать вопреки своей природѣ. Тогда сдѣлалось яснымъ, что онъ не изъ тѣхъ людей, которые овладѣваютъ имперіями.

Между смертью Дантона и Робеспьера есть слѣдующая разница: казнь Дантона непонятна со стороны революціонеровъ; Робеспьеръ сдѣлалъ смерть свою неизбѣжною тѣмъ, что казнилъ революціонеровъ, и въ особенности тѣмъ, что угрожалъ имъ.

Нечего спорить противъ того, что очевидно. Послѣдствія 9-го термидора должны показать самымъ ослѣпленнымъ, что Франція не испытала ничего подобнаго отчаянію, какое испытываютъ теперь защитники Робеспьера; что Робеспьеръ не создалъ ничего прочнаго; что, за исключеніемъ небольшой кучки приверженцевъ его, всѣ были къ нему или равнодушны, или непріязненны; что онъ не только не приближался къ цѣли, но съ каждымъ днемъ удалялся отъ нея; что число враговъ его увеличилось со дня на день; что, желая поражать съ двухъ сторонъ, онъ поразилъ только самого себя; что Марій разрушилъ въ немъ Суллу, а Сулла—Марія. Вмѣсто того, чтобы быть въ состояніи умѣрить терроръ, онъ принужденъ былъ увеличивать его съ каждымъ днемъ; въ мессидорѣ агенты его требовали трехъ тысячъ головъ въ одномъ только департаментѣ Воклюзы. Онъ не могъ ни поддержать террора, ни выйти изъ него;

ложь его системы обнаруживалась со всѣхъ сторонъ и обращалась противъ него.

Дайте Робеспьеру эти нѣсколько мѣсяцевъ, которыхъ требуютъ для него въ настоящее время, — что бы вышло изъ этого? Онъ послалъ бы на эшафотъ Колло д'Эрбуа, Бильо Варенна, Бурдона, Карно, часть монтаньяровъ. Онъ остался бы еще болѣе одинокимъ, еще болѣе поставилъ бы себя въ зависимость отъ своихъ враговъ, которые ненавидѣли не только лично его, но и его дѣло. Что можно возразить на это? Онъ уничтожилъ самъ себя.

По крайней мѣрѣ одна мысль никогда не приходила въ голову современникамъ Робеспьера—мысль, что онъ былъ чуждъ террору. Что сдѣлалъ бы этотъ человѣкъ безъ топора? Кто можетъ его вообразить себѣ иначе? Оставьте за нимъ, по крайней мѣрѣ, его дикое величіе; оно можетъ еще устрашать потомство. Не будемъ адвокатами подобныхъ людей. Они должны нести всю тяжесть своей системы, — иначе они ниже исторіи. Не защищайте ихъ, какъ обыкновенныхъ смертныхъ.

Робеспьеръ не показывался въ теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ въ комитетахъ; но за него дѣйствовалъ его жестокій законъ 22-го преріаля, освобождавшій обвинителя отъ представленія всякихъ доказательствъ и уничтожавшій защиту. Смерть спѣшила и безъ того; присутствіе Робеспьера не было необходимо для большаго еще ускоренія ея ударовъ.

Хотя память Робеспьера и Сенъ-Жюста была стерта въ теченіе многихъ поколѣній, но она оставила по себѣ пагубное наслѣдство, которымъ воспользовались многіе, не зная его источника. Наслѣдство это—идея о необходимости диктатуры для основанія свободнаго государства. Идея эта случилась ночью въ нѣдрахъ комитета общественнаго спасенія и, отвергнутая имъ, распространилась, неизвѣстно какими путями, въ одномъ отдѣлѣ французской демократіи. Проповѣдуемая то открыто, то подъ чужимъ покровомъ, она не потеряла до сихъ поръ своего господства надъ умами. Отчаяніе внушило ее Робеспьеру и Сенъ-Жюсту; къ чему она привела ихъ — это показываетъ ихъ участь.

Чему учатъ насъ люди всѣхъ партій во время революціи? Умирать. Въ этомъ искусствѣ они дошли до совершенства. Но кто желаетъ жить свободнымъ, тотъ долженъ смотрѣть на другую сторону. Свободы никогда не было въ нашемъ прошедшемъ. Не станемъ же искать ее позади себя.

Утопіи.

(Глава XI книги XXIV, т. II).

Употреблять въ дѣло высшую философію тамъ, гдѣ ей нечего дѣлать, — не всегда признакъ ума. Есть вещи, на которыя слѣдуетъ

смотрѣть просто невооруженнымъ глазомъ; если вы посмотрите на нихъ въ телескопъ, то произведете только туманъ, который не имѣетъ даже достоинства реальнаго существованія.

Наше несчастіе заключается въ томъ, что почти всѣ наши утопіи родились среди рабства: онѣ сохранили духъ его. Отсюда происходитъ то, что онѣ такъ склонны видѣть союзника во всякомъ рождающемся деспотизмѣ. Наши творцы системъ посвящаютъ свои мечтанія абсолютизму. Такъ какъ идеи ихъ часто противорѣчатъ человѣческой природѣ, то они охотно довѣряютъ деспотизму заботу осуществленія этихъ идей. Жизнь не поддается имъ,—они хотятъ принудить ее произволомъ. Отсюда рѣшительная склонность ихъ къ сильнѣйшему, и чѣмъ онъ сильнѣе, тѣмъ для нихъ лучше.

Враждебно относясь къ развитію личности, т. е. къ жизни современнаго человѣка, они разбиваются о движеніе другихъ національностей, которыя поднимаются и устраиваются, не заботясь объ этихъ призракахъ. Вотъ причина, препятствующая распространенію нашихъ системъ внѣ Франціи. Онѣ не переступаютъ нашихъ границъ; за границей ихъ считаютъ выродками заблуждающейся революціи.

Сенъ-Симонъ, Фурье и другіе наши утописты образовались въ умственномъ одиночествѣ Имперіи. Они считаютъ своимъ открытіемъ многое изъ того, что уже давно извѣстно Европѣ. Умственная континентальная блокада наложила на нихъ свою печать.

Нѣкоторыми сторонами они соприкасаются съ безуміемъ. Но именно это дало прелесть неизвѣстнаго идеямъ, которыя не всегда были новы. Быть можетъ, безъ этого зерна безумія онѣ прошли бы незамѣченными и не сдѣлались бы для многихъ чудомъ и религіей. Такая игра опасна: разумъ среди нея уменьшается или погибаетъ. Сколько людей видѣлъ я, которые оставляли въ ней лучшую часть себя! Остатокъ дней своихъ они употребляли на исканіе безвозвратно потеряннаго ими равновѣсія. Другіе, для своего искупленія, переходили въ другую крайность—робости и слѣпого преданія. Но подобныя болѣзни надо лѣчить осторожно. Онѣ слишкомъ еще новы, чтобы о нихъ можно было говорить безъ предубѣжденія.

Всѣ утопіи имѣютъ двѣ общія черты, диктатора и папу, которые чаще всего соединены въ одномъ лицѣ.

Онѣ не могли освободиться отъ вліянія среднихъ вѣковъ: онѣ возвращаются къ нимъ путемъ химеры.

Послѣ нѣкоторыхъ поворотовъ онѣ всѣ примыкаютъ къ папству, къ святому престолу, на который онѣ возводятъ самихъ себя. Онѣ приковываютъ себя къ этому новому трону, чтобъ приковать къ нему и другихъ. Построивъ свою религію, онѣ требуютъ, чтобъ умъ склонился передъ нею, и оспариваютъ у него права анализа. Это бумажные змѣи, проникающіе за облака, но невидимая пере-

вочка ихъ удерживаетъ; съ воздушной высоты, въ одно мгновение ока, они падаютъ въ прежнюю бездну и остаются въ ней со спутанными ногами.

Вотъ исторія столькихъ утопій, которыя стремятся возстановить древній деспотизмъ. Оставьте, оставьте эти химеры: онѣ заслоняютъ намъ путь къ свѣту.

XII.

Въ заговорѣ Бабефа вы узнали то страшилище, которое, подъ именемъ коммунизма, испугало Европу шестьдесятъ лѣтъ спустя: подойдемъ къ этому страшилищу и дерзнемъ къ нему прикоснуться. Общая черта всѣхъ этихъ ученій—почти совершенное отрицаніе личности, которая есть главное колесо великой общественной машины. Какъ ни смотрѣть на эти идеи,—какъ на результатъ революціи, или какъ на болѣзненное уклоненіе отъ нея и плодъ отчаянія,—несомнѣнно то, что первая причина ихъ заключается въ остаткѣ привычекъ, заимствованныхъ изъ воспитанія среднихъ вѣковъ.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ индивидуальное сознаніе не было сильно пробуждено религіозной реформой, теоретики привыкають считать за ничто индивидуальныя силы. Они уничтожаютъ человѣческое «я» и затѣмъ не находятъ уже никакого препятствія въ области возможнаго.

Самое сильное препятствіе для всѣхъ этихъ системъ—личность. Но если вы найдете средство уничтожить нравственную личность, образовавшуюся въ теченіе многихъ вѣковъ, передъ вами останется равнодушная матерія, которую всегда можно организовать по вашей фантазіи, безъ протеста со стороны живой силы въ глубинѣ души. Уничтожьте результатъ цѣлой исторіи, освобожденіе личности—вы тотчасъ же сдѣлаетесь, по духу, современникомъ самыхъ древнихъ обществъ, и вамъ останется только выбрать то или другое время, какое придется вамъ болѣе по вкусу. Не выходя изъ дому, вы можете перенестись въ самое отдаленное прошлое—въ Спарту, Ѳивы или Персеполь; Буонаротти не сомнѣвался же въ 1797 г., что можно ввести спартанскій соціальный порядокъ „не позже, какъ черезъ шесть мѣсяцевъ".

Отнимите у меня живое чувство моего собственнаго сознанія, моей прирожденной оригинальности, всего того, что составляетъ сущность моего бытія,—и я безъ затрудненія послѣдую за вами назадъ, сдѣлаюсь вмѣстѣ съ вами подданнымъ Ликурга, или кліентомъ Гракха, или обитателемъ Салента. Если я что-нибудь значу въ мірѣ, то только потому, что во мнѣ живетъ духъ свободы. Ему обязанъ я тѣмъ, что не нравлюсь столь многимъ въ этомъ мірѣ.

Заглушите во мнѣ этотъ духъ, которымъ я живу и страдаю, — я сдѣлаюсь легкою вещью. На мнѣ не будетъ уже отпечатка никакого времени; я буду скользить по поверхности человѣческой жизни, лишенной своей сущности — надежды и горя.

Съ этого времени вы можете располагать мною, какъ хотите, какъ однимъ изъ призраковъ вашихъ видѣній. Въ одну минуту вы можете перенести меня въ самое отдаленное время, въ ту страну, которую вамъ угодно будетъ вызвать въ вашемъ сновидѣніи. Я буду вѣрнымъ подданнымъ всѣхъ исчезнувшихъ обществъ и всѣхъ государствъ ничтожества, которыя вамъ угодно будетъ предложить мнѣ. Какъ можетъ придти мнѣ мысль о сопротивленіи вашей власти, когда я въ сущности буду только рабомъ вашихъ мечтаній?

Такъ какъ столь явныя иллюзіи очень часты, то я считаю возможнымъ заключить изъ этого, что онѣ указываютъ на недостатокъ въ воспитаніи народовъ — на преобладаніе въ немъ элементовъ, отжившихъ свое время. Отсюда смѣшеніе воспоминаній съ надеждами, отсюда попытки построить новое общество на основаніяхъ, заимствованныхъ изъ эпохи давно прошедшей. Бабефъ, Сенъ-Симонъ и Фурье не въ состояніи выйти изъ монастыря Кампанеллы.

XIII.

Для желающаго воспользоваться опытомъ міръ представляетъ уже въ теченіе шестидесяти лѣтъ прекрасный случай для сравненія теоріи съ дѣйствительностью; если это сравненіе не было еще до сихъ поръ сдѣлано, то это доказываетъ только отвращеніе людей поучаться практикою жизни.

Со времени появленія системы Бабефа другія утопіи не переставали рождаться, образовываясь болѣе или менѣе на тѣхъ же основаніяхъ: отрицаніи личной собственности и отрицаніи личныхъ правъ. Въ то же время, словно для того, чтобы представить громадное поле для опыта, толпы или, лучше сказать, цѣлые народы эмигрировали изъ Европы въ Сѣверную Америку. Эмиграція эта часто доходила до трехсотъ тысячъ человѣкъ въ годъ; иногда число это возвышалось до семисотъ тысячъ. Вторженіе варваровъ, которымъ окончился древній міръ и начался новый, происходило не въ такихъ огромныхъ размѣрахъ.

Вотъ какое поученіе предлагается тѣмъ, которые ищутъ истины безъ предвзятой мысли. Въ теченіе полувѣка въ Европѣ теоретики начертываютъ съ полной свободой законы и формы новаго общества. Сидя на этомъ берегу океана, они воздвигаютъ, строятъ обширный идеалъ, которому должно подчиниться грядущее поколѣніе.

зданіе свое они совершенствуютъ, завершаютъ его въ малѣйшихъ подробностяхъ. Случая только недоставало до сихъ поръ, чтобы этотъ прекрасный сонъ обратился въ дѣйствительность при нашемъ пробужденіи.

Съ другой стороны, вотъ что происходитъ на другомъ берегу океана. Въ то время, какъ теоретики устраиваютъ здѣсь, въ идеѣ, будущее общество, толпы людей распространяются въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ; новыя области родятся тамъ на глазахъ у всѣхъ. Никакое физическое препятствіе, никакое преданіе не мѣшаетъ устроить имъ свои отношенія по своему усмотрѣнію. Они приходятъ со всѣхъ странъ горизонта, не связанные никакими внѣшними обязательствами, никакими узами. Точно такъ же, какъ теоретики наши имѣютъ полную возможность воображать все то, что считаютъ они наилучшимъ и наиболѣе необходимымъ, эти новые пришельцы въ своемъ дикомъ Эдемѣ свободны осуществить все то, что первые воображаютъ.

Какой прекрасный случай доказать, что наши системы входятъ въ великій планъ будущихъ обществъ! Невозможно, чтобы такія огромныя массы людей, вышедшія изъ нашей среды и брошенныя въ первобытную свободу, не заявили хоть что-нибудь изъ тѣхъ инстинктовъ, которые заявляемъ мы здѣсь среди нашихъ книгъ. Наскучивъ старымъ міромъ, эти піонеры Америки, отказавшіеся отъ возврата назадъ, олицетворяютъ духъ нововведеній; отъ нихъ можно ожидать осуществленія нашихъ утопій. Ничего, если онѣ не могутъ тотчасъ же достигнуть того практическаго совершенства, которое мы имъ приписываемъ; довольно и того, если онѣ покажутся. Мы увидимъ человѣческое племя, предоставленное самому себѣ и идущее навстрѣчу нашимъ помышленіямъ.

Безъ сомнѣнія, въ этихъ обширныхъ пустыняхъ, гдѣ физическая природа только ждетъ господина, чтобы слушаться его приказаній и получить отпечатокъ нашихъ умовъ, появится свой Гракхъ Бабефъ, свой Сенъ-Симонъ, свой Фурье или свой Огюстъ Контъ? Несмотря на все разнообразіе этихъ первыхъ соціальныхъ эскизовъ и этихъ колыбелей будущаго, конечно, та же мысль, тѣ же формы, тѣ же принципы будутъ встрѣчаться всюду, въ дѣйствительности, какъ и въ нашихъ системахъ? Личность будетъ стерта,— явится одно только государство? Въ этихъ зародышахъ новыхъ государствъ никто не осмѣлится сказать: „это мое“?

Вотъ область предположеній; посмотрите теперь на дѣйствительность. Бросьте взглядъ на то, что происходитъ въ этихъ рождающихся обществахъ. Идите въ глубину этого новаго міра вслѣдъ за эмиграціей людей, которыхъ природа бросаетъ туда пригоршнями, и которые организуются подъ гнетомъ нужды, какъ кристаллъ образуется въ горнѣ. Что за неожиданность! Какое разочарованіе! Нигдѣ

не встрѣчается не только эскиза, но даже тѣни того соціальнаго порядка, о которомъ мы мечтаемъ въ Европѣ.

Въ то время, когда такъ легко этимъ эмигрантамъ, прибывшимъ изо всѣхъ концовъ вселенной, оставить безъ раздѣла дѣвственную землю, я вижу, напротивъ, что съ перваго шага каждый отдѣляетъ себѣ участокъ земли и ставитъ загородь, въ которой Ж. Ж. Руссо видѣлъ первое начало зла. На моихъ глазахъ повсюду возникаютъ собственность и человѣческая личность. Въ этихъ столь новыхъ странахъ, въ этихъ первобытныхъ пустыняхъ, гдѣ человѣкъ водворился только вчера, мы уже слишкомъ поздно приходимъ со своими системами; мѣсто занято инстинктами, и эти инстинкты противорѣчатъ всему тому, о чемъ мы мечтали.

Не говорите, что это—исключительное явленіе: оно происходитъ въ слишкомъ широкой рамкѣ. Въ это громадное горнило поистинѣ приливаетъ человѣческая природа, и невозможно закрывать глаза въ виду опыта, производимаго цѣлой вселенной. Природа, въ этихъ новыхъ гражданскихъ обществахъ, идетъ въ одномъ направленіи, наши системы—въ другомъ. Мы присутствуемъ при самозарожденіи новыхъ государствъ,—и они низвергаютъ наши теоріи. Мы предписываемъ законы будущему,—а будущее въ это время образуется и растетъ на нашихъ глазахъ. Оно противорѣчитъ тѣмъ законамъ, которые мы для него начертали.

Признаюсь, еслибы я когда-нибудь пришелъ къ идеямъ, составляющимъ сущность нашихъ утопій, меня бы затруднило противорѣчіе, представляемое не только древнимъ міромъ (къ этому я приготовленъ), но и этими новыми мірами, растущими словно для того, чтобы убѣдить насъ въ тщетѣ нашихъ иллюзій. Мнѣ пришло бы на мысль, что мои видѣнія будущаго суть только отраженіе давно погребенной жизни,—и я отказался бы отъ моихъ плановъ, еслибы не могъ найти ихъ слѣда въ обществахъ, рождающихся и растущихъ передъ моими глазами.

СОДЕРЖАНІЕ.

Національный Конвентъ.

100-00